

Эльдар Рязанов

ЭЛЬДАР

или Моя портретная галерея

Эльдар-

*Русские
музы*

Страница

21

*Звезды
французского
кино*

Страница

121

*На родной
земле*

Страница

285

*Русские
космополиты*

Страница

453

TV,

или

*Моя портретная
галерея*

Москва
Вагриус
2002

Мария **К**удашева

Страница
21

Страница
25

Анна **А**хматова

Русские музы

Надя Леже

Ольга Пикассо

Страница

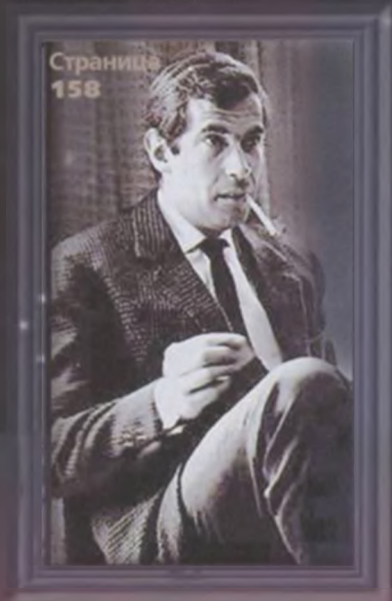
87

Страница
96

Звезды французского кино

Роже Вадим

Клод Лелуш

Шарль Азнавур

Жан Марэ

**Страница
141**

Роман Полански

Звезды французского кино

Страница
208

Анни **Ж**ирардо

Страница
265

Марина **В**лади

Страница
242

Анук Эме

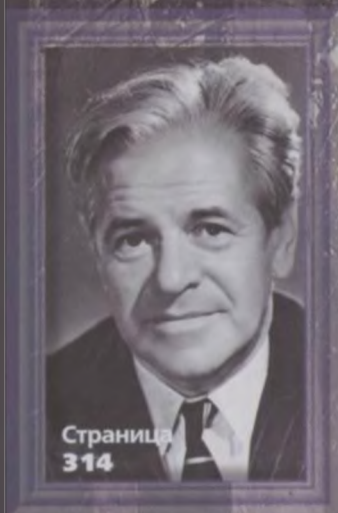
Страница
225

Филипп Нуаре

Пьер Ришар

Страница
251

Страница
314

Алексей Каплер

Борис Чичибабин

Страница
37

Лиля Брик

Страница
286

Зиновий Гердт

Страница
352

Марк Галлай

Страница
412

Русские космополиты

Роман Гари

Страница
625

Страница
513

Михаил Шемакин

The image features a dark background with a complex abstract composition. At the top, a portion of a colorful map is visible, showing landmasses in red, orange, and blue. Below the map, there are intricate, overlapping lines in shades of blue, purple, and red, resembling a stylized, multi-layered figure or a complex geometric pattern. The lower half of the image is dominated by a dense network of thin, intersecting lines in various colors (red, yellow, green, blue) against a black background. In the bottom right corner, a framed inset shows a close-up of a hand holding a white, textured object, possibly a scroll or a piece of fabric, with a dark, textured surface visible in the background.

Александр Вертинский

Страница
454

Страница
561

ЗИНОВИЙ ПЕШКОВ

Я заметил, что мне присуще некое чувство, мешающее спокойно жить. Попытаюсь определить его. Если мне что-то нравится, если я получаю удовольствие от человека, музыки, стихов, живописи, книги, фильма, мне обязательно хочется поделиться своей радостью с другими. Не только с близкими, но и с посторонними. Мне жаль их; ведь я знаю что-то такое замечательное, а они живут в незнании, в неведении, не получают радости от удивительного произведения, от уникальной человеческой судьбы, проявления доброты или таланта. И это толкает меня на поступки, которые можно было бы и не совершать. В результате именно этим свойством моей природы можно объяснить, почему я, имеющий профессию кинорежиссера и относительно приличную репутацию, пустился во все тяжкие, а именно — стал делать телевизионные программы.

Желание рассказать о том интересном, что довелось мне узнать, о невероятных людях, с которыми меня столкнула судьба, побудило меня приняться и за написание этой книги. В каждом случае меня что-то восхищало в моем герое или героине. И это «что-то» рождало желание поведать об этой персоне. Либо сногшибательная биография, либо прекрасные человеческие качества, либо исключительный творчес-

кий потенциал. Либо все вместе. Я осознал, что во мне живет просветительский дух, заставляющий меня действовать. Понимая при этом, что сейчас заставить молодежь читать классику невозможно даже под угрозой автомата, что интерес к истории нулевой, что многие юноши и девушки убеждены, что все наше прошлое — фуфло, я стараюсь сделать свое просветительство по мере сил занимательным. Не знаю, в какой степени мои неразумные потуги принесут пользу. Надеюсь, что все-таки найдутся люди, которым будет интересно то, что интересно мне, и что они взволнуются тем, что волнует меня. Книжка, как вы понимаете, дорогой читатель, создавалась постепенно. Причем, сначала не на бумаге, а в жизни. Вернее, на видеопленке.

Я начал трудиться на «голубом экране» в январе 1979 года. Семь лет вел «Кинопанорамы», потом делал самые разные передачи. И был в них автором и ведущим. За двадцать два года я осуществил более двухсот, как говорят нынче, «проектов», а попросту телепрограмм. Может, и больше, я не считал. Среди тех, о ком я рассказывал, с кем беседовал, кого интервьюировал, мне встречались поразительно интересные, незабываемые люди. И вот однажды, когда перед моим взором прошла эта шеренга уникальных личностей, я вдруг осознал:

— Да ведь это книга! Написав ее, я создам галерею портретов выдающихся людей двадцатого столетия, с которыми сводила меня милостивая судьба.

Было еще одно соображение. В силу природы телевидения, программы его — однодневки. Они умирают на следующий день. Повторяют их редко, неохотно. И те, кто не увидел мою передачу в день эфира, так никогда и не узнают о чем-то примечательном, о чем я очень хотел поведать. Мне стало обидно за телезрителей, которым не довелось увидеть такие программы, как, скажем, о Зиновии Пешкове или Романе Гари.

Некоторые теленовеллы мне были дороги, я придавал им немаловажное значение и потратил на созда-

ние их не меньше времени и сил, чем на создание кинофильмов.

В этой книге и мои изыскания, и размышления о подлинных персонажах. Здесь немало и диалогов-бесед с героями программ, диалогов, воспроизведенных с видеоленты. Когда я сидел над рукописью, у меня частенько возникало ощущение, что я — Александр Дюма, с той разницей (помимо, конечно, сопоставимости талантов), что Дюма лихо выдумывал, а я добросовестно описываю то, что было на самом деле. Биографии некоторых моих героев весьма причудливы, а действительность двадцатого столетия оказывалась иной раз похлеще любого вымысла.

Должен заметить, что разговорная речь отличается от литературной. Она, как правило, более корява, встречаются повторы слов, некая нескладница в выражениях, необычные построения фраз. В чистом виде прямая речь, перенесенная на бумагу, порой производит впечатление не совсем грамотной, косноязычной (конечно, не у всех).

В диалогах я пытался сохранить эту живую интонацию, жертвуя иногда гладкостью и правильностью речи. Только в тех случаях, когда вопиющие «нескладушки» мешали пониманию смысла, я осторожно редактировал устные «перлы», приводя их хоть в какое-то соответствие с нормами языка.

И еще вот что: в телепрограммы из-за нехватки эфирного времени частенько не попадало многое, что представлялось интересным, забавным, занимательным. Мне было жаль, что зритель в результате не познакомился с ситуациями, историями, которые того заслуживали. В этой книге я опубликую и то, что порою оставалось за кадром. Каждая новелла здесь будет полнее, подробнее, нежели была на телеэкране.

Я назвал эту книгу просто и скромно: «Эльдар ТВ, или Моя портретная галерея», хотя, как вы понимаете, дорогой читатель, телеканала «Эльдар ТВ» не было и нет. А жаль...

Эльдар Рязанов

Р.С. За пределами книги остались такие яркие собеседники, как писатели Артур Миллер, Василий Аксенов, Евгений Евтушенко, Борис Васильев, Юрий Левитанский, Владимир Кунин. Не вошли сюда портреты таких кинорежиссеров, как Федерико Феллини, Ежи Гофман, Франческо Рози, Петр Тодоровский, Григорий Чухрай, Евгений Матвеев, Станислав Росточский, Рене Клер. Не нашлось места для рассказов о многих французских и итальянских актерах и актрисах — тут и Джульета Мазина, и Ханна Шигула, Ив Монтан и Симона Синьоре, Патрисия Каас и Альберто Сорди, Мишель Морган и Моника Витти, Лино Вентура и Ирен Жакоб. Я мог бы с удовольствием поведать и о наших кинозвездах — Людмиле Гурченко и Алисе Фрейндлих, Марине Нееловой и Лие Ахеджаковой, Татьяне Шмыге и Ларисе Голубкиной, Светлане Немоляевой и Светлане Крючковой, Любви Полищук и Наталье Гундаревой, Игоре Ильинском и Валентине Гафте.

Я встречался перед телекамерами со сценаристами Родольфо Сонего и Тонино Гуэрра, с композиторами Андреем Петровым и Сергеем Никитиным, с телевизионными ведущими Владиславом Листьевым, Константином Эрнстом, Кирой Прошутинской, Евгением Киселевым, Леонидом Якубовичем и еще с уймой интереснейших людей. Телевизионщик — это стало еще одной моей профессией. Ведь я сделал также немало «Кинопанорам» и специальных передач. Но обо всех рассказать в книжке оказалось невозможно. Она и так получилась весьма объемной. Может, в будущем кто-то из перечисленных замечательных творческих личностей попадет во второй том «Эльдар ТВ», если найдется время, если хватит сил.

Э.Р.

Эльдар-TV, или *Моя портретная галерея*

Русские музы

Идея сделать телевизионный цикл о русских женщинах, ставших музами, женами, спутницами, возлюбленными, моделями великих французов, — художников и писателей, — возникла у меня летом 1994 года. И уже в октябре REN-TV — молодая «нахальная» телекомпания — организовала экспедицию во Францию. Мы поехали в таком составе: Алена Красникова — руководитель, редактор, очаровательная женщина; Юрий Афиногенов — режиссер, носильщик аппаратуры, попутно звукооператор; Игорь Болотников — оператор, ас, снайпер, суперпрофессионал, тоже носильщик аппаратуры; и я в качестве автора и ведущего будущих телепередач. В Париже к нам присоединился Игорь Бортников, исполнительный продюсер, организатор, носильщик аппаратуры, переводчик, водитель, гид, совмещавший в своей персоне еще множество других профессий...

Анна — королева Франции

Начали мы от «печки», то есть от дочки князя Ярослава Мудрого Анны, которая волею судеб стала в XI веке королевой Франции. Как видите, женская русская экспансия началась тысячу лет назад. Хотя в случае с Анной Ярославной слово «экспансия», пожалуй, не подходит. Она поехала за рубеж не по своей воле.

Отправление Анны во Францию. Последние объятия. Князь Ярослав провожает дочь на чужбину.

Король Франции Генрих I овдовел. Ему нужна была новая жена, разумеется, молодая, нужны были наследники. Король не хотел брать в жены принцессу из ближнего, как бы сказали сейчас, к Франции зарубежья, опасался интриг, заговоров, войн за наследство. Генрих слышал от купцов, что у князя Ярослава Мудрого в Киеве растут прекрасные дочери. И он послал в далекий Киев представительное посольство, куда входили и духовные лица, и дипломаты, и военные. Язык до Киева доведет, говорит русская поговорка. Почти год добирались подданные Генриха до невесты, а жених, тем временем, воевал с братьями и другими близкими родственниками, расширяя свои владения. Наконец доверенные люди прибыли в Киев и увидели Анну. Они пришли в восхищение, и судьба девушки была решена. Ей собрали богатое приданое, в том числе знаменитое Остромирово Евангелие. На этой святыне впоследствии присягали последующие французские короли при возведении на престол. Караван двинулся через Европу. Везли

Так выглядел повелитель франков — Генрих I.

Дивной, скромной и величественной изваял Аннушку неведомый нам французский скульптор

много сундуков с добром и подарками. Ярослав снарядил для сопровождения дочери отряд отважных дружинников. Дороги были опасны, — в Польше и в Германии разбойничали.

Анну привезли в город Мелун, где в то время квартировал королевский двор. Генрих был очарован невестой. В 1054 году в Реймсе состоялось венчание. Анна Французская родила трех сыновей, один из которых стал впоследствии королем Филиппом. Но счастье королевской четы было недолгим. Через семь лет Генрих I скончался, он был старше жены на двадцать лет. Принцы были маленькие, и так случилось, что русская княжна стала королевой Франции и восемь лет правила страной.

Обо всем этом я рассказывал телезрителям, находясь в старинном городе Мелуне, на фоне замка, в котором тысячу лет назад жила

наша славная соотечественница. Замок был перестроен в XVIII веке, но сохранились старые подземные переходы с тех древних времен. А может, даже с еще более давних, когда в Мелуне хозяйничали римляне. Владелец замка нашел в этих подвалах уникальный документ. Подлинник сдал в архив Франции, а у меня в руках копия. Оператор крупным планом снял свиток. А я с документом в руках пробирался по прохладному подземелью и продолжал рассказ.

Сам текст этой бумаги не представляет особого интереса, тут какие-то хозяйственные записи. Однако... Вот видите этот крест? (Я показал телезрителям свиток.) Это подпись короля Генриха I. Почему крест? Потому что он был неграмотный, не умел ни писать, ни читать. А вот подпись королевы Анны. Видите, подписано:

Французская корона
была Анне к лицу,
не правда ли?

королева Анна. И рядом с подписью здесь два креста. Естественно, ведь Анна знала два языка: славянский и французский. А если говорить серьезно, она действительно была очень образованна, и почему здесь стоят эти кресты, непонятно.

Горе молодой вдовы было не очень продолжительным. Одержимый любовью сосед маркиз дю Кресси похитил Анну. И они стали жить, предаваясь блуду. Это вызвало огромное неудовольствие Папы Римского. Он отлучил маркиза дю Кресси от церкви. И попытался сделать то же самое с Анной, но что-то ему помешало.

Говорят, Анна прожила долгую счастливую жизнь. А вообще, кто знает? Это было так давно. Я говорю в подобных случаях: «История — это сказка, слегка приукрашенная правдой...»

Может быть, легенда об Анне, пройдя через века, каким-то образом повлияла на поведение и поступки наших последующих героинь. Но нельзя забывать и того, что российское общество всегда тяготело к Франции, высший свет говорил на французском языке лучше, чем на родном, а прекрасный Париж, как магнит, притягивал славянскую душу...

«Пропавшие» рисунки Модильяни

Мы в Париже. На Монпарнасе, издавна дававшем приют художникам, расположен знаменитый дом. Он называется «Улей» и состоит только из мастерских. Он и строился именно с этой целью. Это шестнадцатигранник, где каждая грань — огромное окно, ибо живописцам надобно много света. Название «Улей» произошло оттого, что конструкция дома напоминает пчелиные соты, где в каждой соте трудится пчела. Мы побывали в нескольких мастерских, — они все одинаковы и по площади, и по планировке. Здесь в первой четверти XX века жили, рисовали, писали замечательные художники Архипенко, Кикоэн, Сутин, Цадкин, Леже, Шагал, Модильяни. Мас-

С 1907 по 1910 годы Николай Гумилев несколько раз сватался к Анне. Лишь в 1910 году она ответила согласием

Впервые Ахматова встретилась с Амедео всего через полтора месяца после собственной свадьбы

терские двух последних мы, разумеется, посетили. Собственно говоря, ради Модильяни мы сюда и пришли. Поговорим об Амедео Модильяни и об Анне Ахматовой. Вспоминаю ее стихи:

*На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.
И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.
И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета
И бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
А на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.*

В 1910-м году Анна Андреевна приезжала в Париж. Это была молодая 20-летняя барышня, сочинявшая необыкновенные стихи. Она познакомилась с бедным, вернее нищим, художником Амедео Модильяни.

Ахматова писала спустя полвека: «Божественное в Модильяни только искрилось сквозь какой-то мрак. Он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его как-то навсегда остался в моей памяти...»

И дальше, по мере моего рассказа, мы с телевизионной камерой кочевали по прекрасному городу — то в Люксембургский сад, то на Монмартр, то в Латинский квартал. Мы показывали телезрителям изысканные портреты, сделанные изумительным Модильяни, и фотографии с орлиным незабываемым профилем Анны Ахматовой. Нам очень хотелось передать людям свою грусть и нежность, сделать их соучастниками светлой и, в конечном итоге, печальной истории, случившейся на заре XX столетия. Модильяни писал Ахматовой в Россию после их встречи, что она в нем, как наваждение, он поражался ее особенности угады-

вать мысли, распознавать чужие сны.

На следующий год Ахматова приехала в Париж опять. Поводом послужили триумфальные выступления Дягилевского балета, но, может быть, подлинной причиной стало желание еще раз увидеть волшебного художника.

Ахматова написала воспоминания об этой дружбе, об этой любви, — трепетные, трогательные, чистые и благородные. Я хочу процитировать вам несколько строчек. Вот что она пишет о них двоих:

«Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь. Все, что происходило, было для нас обоих предысторией нашей жизни, его — очень короткой, моей — очень длинной.

Дыханье искусства еще не обуглило, еще не преобразило эти два существования. Это должен был быть светлый, легкий предрассветный час. Но будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пресекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который прятался где-то рядом. И все божественное в Модильяни только искрилось сквозь какой-то мрак. Он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его навсегда остался в моей памяти. Я знала его нищим. И было непонятно, чем он

Показать кому-либо эти рисунки, компрометирующие молодую жену, было невозможно

живет. Как художник он не имел и тени признания».

Анна Андреевна вспоминает, что Модильяни был окружен плотной завесой одиночества. Он никогда не здоровался ни с кем. Хотя жил в квартале, где обитали художники. Он не упоминал имен друзей. Он был очень, очень одинок. И кроме того, невероятно беден. Когда они сидели в Люксембургском саду, у него не было даже нескольких сантиметров для того, чтобы взять стулья и сесть туда, куда им хотелось. Они садились на общественные скамейки, но все равно это было прекрасно, потому что они взахлеб читали друг другу любимые строки Бодлера или Верлена. И радовались

тому, что им нравятся одни и те же стихи. Однажды, пишет Ахматова, она, видно, не точно сговорившись с Модильяни о встрече, пришла к нему в мастерскую, но мастерская была заперта. У Анны Андреевны была с собой охапка роз, которые она купила для художника. Она заметила открытое окно — мастерская находилась в бельэтаже — и решила, что будет бросать туда по одному цветку. Модильяни на следующий день недоумевал: «Как ты смогла попасть в мастерскую, она же была закрыта?» И когда Анна Андреевна рассказала, что бросала цветы через окно, он не поверил: цветы были так красиво уложены, как будто это было сделано специально. Модильяни рисовал Ахматову у себя в мастерской, он сделал шестнадцать рисунков. И просил, чтобы по возвращении в Россию она их окантовала и повесила у себя. Но все рисунки, кроме одного, исчезли в годы революции и долгое время считались пропавшими. И лишь несколько лет назад они нашлись. Из уст самой Анны Андреевны неоднократно звучала

версия об уничтожении рисунков в революционное время. Она рассказывала, что они погибли в ее царскосельском доме. Вспоминала, как красногвардейцы сворачивали из рисунков Модильяни козьи ножки, засыпали махорку и курили. Все верили в эту историю. И вдруг в 1993 году на выставке в Венеции появилось десять неизвестных рисунков великого художника, на которых была изображена одна и та же обнаженная модель с характерным горбоносым профилем. Славистка из Генуи Августа Докукина-Бобель опознала в модели Ахматову. Началась раскрутка: что? как? почему? Выяснилось, что некий доктор Поль Александер, сам человек небогатый, покупал иногда у Модильяни его работы, буквально за гроши. Свыше восьмидесяти лет пролежали эти рисунки в архиве доктора, в какой-то папке, прежде чем его наследники показали их на венецианской выставке. Далее существуют разные варианты. Может быть, рисунков было больше, чем указывала Анна Андреевна, и действительно часть из них погибла, а часть была продана художником доктору. Есть и другая версия. Поскольку Ахматова позировала обнаженной, она, может быть, хотела скрыть эти эскизы. Может, на самом деле она их оставила в Париже, а дальше рисунки каким-то образом попали к вышеупомянутому доктору. Роман между художником и поэтессой начался в 1910 году, а совсем незадолго до этого (в апреле того же года) Анна Андреевна вышла замуж за поэта Николая Гумилева. Вряд ли она рассказывала Модильяни о своем свежем замужестве. Тем более, в этой ситуации показать кому-либо эти рисунки, в общем-то компрометирующие молодую жену, было невозможно.

В поздние свои годы Анна Андреевна не скрывала своих отношений с художником, наоборот, гордилась ими.

После своего отъезда из Парижа в 1911 году Ахматова долгое время ничего не знала и не слышала о Модильяни. Она была уверена, что он должен проблистать, просиять, должен быть всемирно из-

вестен. Но никаких сведений до нее не доходило много лет.

В 1918 году они с Николаем Гумилевым ехали в Бежецк, чтобы навестить сына. Во время поездки Ахматова произнесла фамилию Модильяни. Гумилев ей сказал, что они встречались в какой-то компании в Париже, и Модильяни был вдрабадан пьяный. Он устроил скандал, почему, мол, Гумилев при всех говорит по-русски. «Пьяное чудовище» — так его обозвал Гумилев... Что это? Он что-то знал? Или же это была интуитивная ревность?

Ахматова писала, что в годы их романа Модильяни совершенно ничего не пил и от него никогда не пахло вином. Хотя какие-то фразы о наркотиках иногда проскальзывали в разговоре.

Когда начался нэп, в начале 20-х, Ахматова была членом какой-то комиссии в издательстве «Всемирная литература». Ей в руки попал французский иллюстрированный журнал о художниках. В нем она прочитала некролог, где сообщалось, что Модильяни умер...

*Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я неволью
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.*

Как печально! По сути дела эта романтическая история не кончилась ничем. История взаимоотношений между двумя гениями — Франции и России. Между великим художником и великим поэтом.

«Очарованная душа» — Мария Кудашева

Четвертый том «Очарованной души» Романа Роллана предваряет такое посвящение: «Марии! Тебе, жена и друг, в дар приношу свои раны. Они лучшее, что дала мне жизнь, ими, как вехами, был отмечен каж-

дый мой шаг вперед. Ромен Роллан, сентябрь, 1933-его года».

Пришла пора поговорить о спутнице Романа Роллана, о его жене, его музе, верной подруге, которая прожила с ним последние годы жизни.

Вот что писал он сам в письме своему другу, известному искусствоведа Луи Желе: «Мы с женой будем очень рады вам. У меня теперь есть славная спутница в жизни, она разделяет мою участь, защищает меня от всех напастей».

Молоденькие барышни – Марина Цветаева и Мария Кудашева

На бульваре Монпарнас, в доме 89, близ церкви Нотр-Дам де Шан находится парижская квартира писателя. Отсюда я и веду свой рассказ.

Будущая жена великого французского романиста, автора «Кола Брюньона», «Жана Кристофа», «Очарованной души», Маша родилась в 1895 году. Ее мать была француженка, гувернантка, по фамилии Кувилье. Служила она в семье русского полковника, и так случилось, что отцом Марии Павловны стал этот самый полковник. Семья полковника – жена и дети – почему-то (я даже не могу понять, почему!) не обрадовалась новоявленной родственнице.

И как-то стали быстренько выживать из своей семьи как гувернантку, так и ребеночка. Полковнику пришлось отправить незаконнорожденную девочку во Францию к сестре матери. Поэтому Мария с самого раннего детства прекрасно знала два языка – французский и русский. Но ее тянуло домой, на родину. Юной девушкой Маша вернулась в Россию. Она росла очень образованной, много читала. Дружила с сестрами Цветаевыми, Мариной и Анастасией, вошла в поэтический круг. Стала сама писать стихи. Переводила французские книги на рус-

ский язык, русские на французский, — словом, была чрезвычайно одаренным человеком.

Маша (впрочем, родные и друзья чаще называли ее Майей) вышла замуж за офицера, потомка князя Кудашева, и в 1917 году у них родился сын Сергей. Однако Гражданская война была безжалостной, и сыпной тиф унес белого офицера Кудашева. Мария Павловна осталась молодой вдовой с маленьким сыном на руках. Ей помогла семья Максимилиана Волошина.

Мария Павловна около двух лет прожила в Крыму в доме Волошиных. Потом она вернулась в Петербург и стала работать секретарем в Академии наук. Знакомство Марии Павловны с Роменом Ролланом произошло таким образом. Она прочитала «Жана Кристофа» и послала автору восторженное письмо на французском языке. Тот был польщен трогательным откликом из России и ответил. Через некоторое время она написала снова. Возникла регулярная переписка между читательницей и сочинителем. И мало-помалу ее влюбленность в героя книги, восхищение произведениями писателя

перенеслись на самого автора. Мария Павловна писала ему откровенные письма, рассказывала обо всем, в том числе и о своих романах... Очевидно, ее письма содержали в себе большой страстный любовный заряд. Писатель постепенно поддавался очаро-

Мария Павловна и Ромен Роллан в Кремле. 1935 г.

ванию эпистолярного дара своей корреспондентки. В конце концов Ромен Роллан пригласил ее познакомиться. Были проблемы с семьей, поэтому они встретились в Швейцарии. Через некоторое время Кудашева вернулась в Россию. Потом они еще раз недолго пожили вместе и снова расстались. И только в конце 20-х годов писатель решился. И Мария Павловна приехала во Францию насовсем. Конечно, она завоевала его. Но не сомневаюсь, что с ее стороны была подлинная любовь. Уверен, что Роллан почувствовал бы фальшь, неискренность. Да и всей своей последующей жизнью Мария Павловна доказала, что классик сделал правильный выбор.

Но еще несколько лет Ромен Роллан не мог жениться на Маше. Его сестра была категорически против этого брака. И только в 34-м году Мария Павловна Кудашева стала Марией Павловной Ромен Роллан.

По этому поводу было много пересудов и сплетен, — как же так, 70-летний великий французский писатель женился на 40-летней русской авантюристке, разница в возрасте в тридцать лет и т.д. и т.п. Но Ромен Роллан решительно давал отпор всем нападкам на его личную жизнь.

Ромен Роллан очень полюбил своего пасынка Сережу Кудашева. Когда же началась война, то связь с Россией оборвалась. Мария Павловна и Ромен Роллан ничего не знали о том, что произошло с сыном.

А младший лейтенант артиллерии Сергей Кудашев пал под Москвой смертью храбрых в 41-м...

Маша и Ромен Роллан жили в маленьком городке недалеко от Парижа. Когда в 40-м году немцы вошли во Францию, они оказались в оккупированной зоне. Было тревожно — ведь Мария Павловна русская, а Ромен Роллан известен своими прогрессивными левыми взглядами. Однако немцы отнеслись к писателю довольно нейтрально. Во-первых, они знали, что в «Жане Кристофе» и в «Бетховене» он с большой симпатией описывал немцев. И кроме того, было известно, что он выступал против Версальского мира, считая его позорным.

Конечно, в период оккупации Ромен Роллан был угнетен, — было тяжело, унизительно, что родина находится под немецким сапогом. Вот что он писал в Москву Жану Ришару Блоку незадолго до своей кончины. Это было одно из последних писем великого писателя:

«Мы тревожимся о судьбе нашего сына Сергея Кудашева, о котором мы ничего не знаем с 40-го года. В настоящее время мы предпринимаем некоторые шаги... Я по-братски вас обнимаю, вас и вашу дорогую жену. Моя жена тоже вас обнимает. Если вы меня любите, любите и ее. Лишь благодаря ей я живу. Без ее неустанной помощи, без ее нежности я не смог бы перенести эти тяготы, нескончаемые долгие мрачные годы духовной угнетенности и болезни».

В 1944-м году Ромена Роллана не стало. А Мария Павловна прожила еще сорок один год. Она умерла в 1985-м. Она издавала его собрания сочинений, открыла два музея, сохранила творческое наследие, собрала все письма Ромена Роллана и опубликовала его переписку. Мария Павловна оказалась верной и преданной спутницей великого французского писателя-гуманиста.

Лидия — добрый ангел Матисса

Муза Анри Матисса, Лидия Николаевна Делекторская, вела затворнический образ жизни. Мы надеялись, что нам удастся повидаться с ней, но она решительно отказывалась от каких бы то ни было интервью. Единственное, что нам удалось, это поговорить с ней по телефону.

Мы просили о встрече, однако получили очень вежливый, очень доброжелательный, но бесповоротный отказ. И тем не менее, мне бы хотелось, чтобы вы узнали об этой женщине, потому что она того заслуживает.

Судьба Лидии Делекторской в общих чертах похожа на судьбы других русских женщин, волею обстоятельств выброшенных за пределы Отчизны.

В Сибири в конце Гражданской войны погибает ее

Поскольку Лидия всегда была у него под рукой, Матисс написал великое множество ее портретов.

отец, а вскоре умирает мать. Девочку подбирает тетка, и она оказывается в Харбине. Харбин был спасительным островком русской эмиграции в Китае. Здесь Лида училась в русском лицее, окончила его. Затем судьба забрасывает ее в Париж, и там в девят-

Лидия Николаевна — редкой души человек, скромный, деликатный, застенчивый

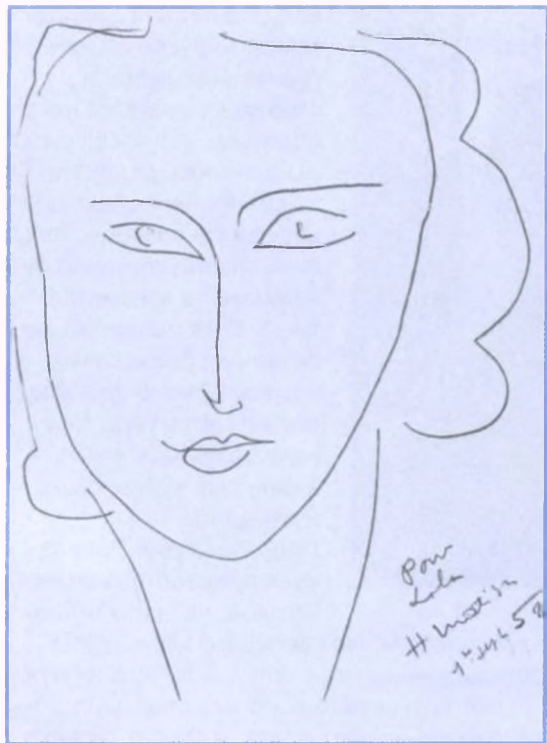
надцать лет она выходит замуж за русского эмигранта. Однако брак, очевидно, оказался неудачным, ибо когда ей исполнилось двадцать, Лидия Делекторская одна уезжает в Ниццу. Там совершенно случайно ее нанимают в ателье Матисса. Он в это время работал над большим полотном «Танец» для американского музея. Для многофигурной композиции ему нужны были натурщицы.

Полгода Лидия Николаевна проработала в мастерской, познакомилась

с великим художником. Но после того как картина «Танец» была закончена, в ее услугах больше не нуждались. И Делекторская оказалась без работы.

Мадам Матисс в это время болела, и старая сиделка, которая ухаживала за ней, стала раздражать супругов. И они вспомнили о молчаливой русской, милой спокойной блондинке, которая плохо знала французский язык. Чета Матиссов пригласила ее. Так Лидия Делекторская поселилась в этой семье. И прожила там последние 22 года жизни Матисса.

Она прилежно ухаживала за мадам Матисс, и та очень благоволила к ней, относилась сердечно и по-доброму. Что же касается Матисса, то сперва он Лиду почти не замечал. Она была для художника, ну, как вещь в доме, которая делает свое дело. Однако со временем он все больше и больше к ней присматривался и начал приглашать позировать в качестве модели. Стал ее рисовать, портрет за портретом. Постепенно Лидия Делекторская стала незаменимым человеком в этой семье. Была и сиделкой,

Не у каждого художника такая очаровательная служанка, подруга и муза

и она их, естественно, принимала.

Лидия Делекторская, хотя была вывезена из России в раннем возрасте, очень тосковала по Родине.

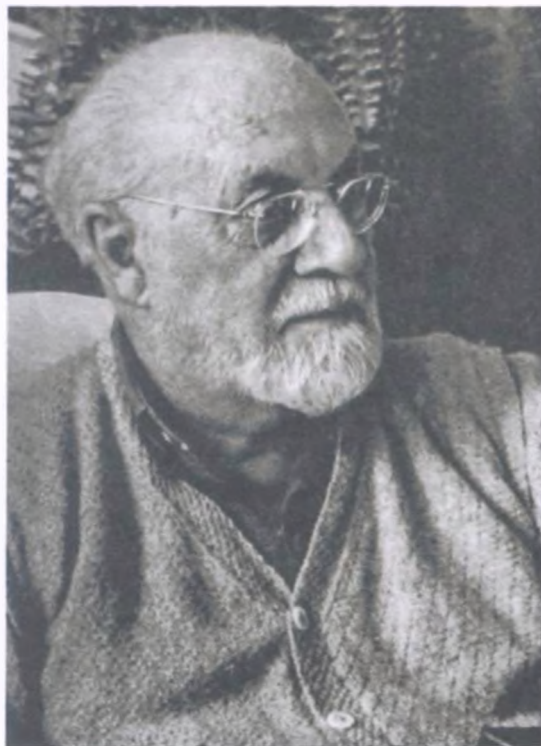
В особенности она переживала в военные годы.

В 45-м, когда кончилась война, она купила у Матисса шесть картин, чтобы передать их в дар советскому народу. Матисс за эти же деньги, как бы у нас сказали, «дал с походом» еще одну, седьмую, картину. Все семь картин Лидия отправила в Советский Союз. Они являются собственностью страны и висят в наших лучших музеях.

Лидия Николаевна абсолютная бессребреница, бескорыстная женщина. Многие ей говорили: «Ты сошла с ума, если бы ты продавала эти картины, жила бы безбедно». А она вела и ведет очень скромный образ

и помощницей, и служанкой, и моделью, и другом, и секретарем. Вскоре она уже вела все дела. Лидия оказалась очень щепетильным человеком. Она покупала у Матисса его картины. Причем покупала на те деньги, которые зарабатывала у него. Других средств у нее не было. И когда художник хотел ей сделать скидку, продать дешевле, Делекторская отказывалась и покупала именно за ту цену, которую Матисс смог бы получить от картинной галереи.

Два раза в год хозяин дарил ей свои рисунки. Один раз ко дню рождения, другой — на Новый год. Это были подарки,

Просто гений —
Анри Матисс

Эльдар Рязанов

Ирина Антонова

жизни. Ездит на автобусе, в электричках, у нее нет машины, маленькая квартира. О Лидии Делекторской мы слышали от самых разных людей только одно: это редкой души человек, скромный, деликатный, застенчивый. Мне очень жаль, что нам не удалось с ней познакомиться и представить вам еще одну прекрасную русскую женщину. Верную спутницу и модель Матисса... Уже в Москве я узнал, что директор Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина Ирина Александровна Антонова — старинный друг Делекторской. По возвращении сразу же устре-

мился в музей, чтобы разузнать об этой странной и удивительной женщине.

Ирина Александровна, скажите, пожалуйста... Матисс был уже стар, а Лидия Николаевна была молодой женщиной. Были ли там какие-то личные, любовные отношения? Я не имею в виду постель, но все-таки испытывал ли Матисс к этой женщине какие-то чувства? Короче, как вам кажется, любил ли он ее?

Думаю, что любил. Но я не берусь объяснить чувства Матисса. Понимаете, ведь в начале своей жизни она была простой женщиной. По своему положению, по образованию, по своим знаниям, конечно, не соответствовала великому живописцу. Но она росла рядом с Матиссом — и человечески, и житейски,

и в понимании искусства тоже. Лидия Николаевна обладала и обладает удивительными человеческими ценностями. Помимо ее души и духа, ее разумной головы, работоспособность у нее всегда была невероятной. Кроме того, ей были свойственны удивительное изящество, особая красота, пластичность, которые понятны художнику. Он сначала, может быть, не заметил этого, потом прозрел. Он вдруг увидел линию ее плеч, красоту ног, овал лица, ее профиль, ее фас, ее волосы, дивные белокурые волосы. Кстати, художник просил ее каждый день заново мыть голову, с тем чтобы волосы сверкали и струились. Вот все это он увидел внезапно и осознал, что это то, в чем он нуждался, что это его тип.

Эльдар Рязанов: Скажите, а была ли она влюблена в Матисса?

Ирина Антонова: Трудный вопрос, Эльдар Александрович. Я с ней как-то провела отпуск в Крыму, в Доме творчества художников. Просто пригласила ее. И у нас было много свободного времени, когда мы гуляли по берегу и в окрестностях. Она никогда об этом не говорит. При этом она так не говорит, что даже не дает повода ее спросить. Понимаете, это такой человек, с которым я точно знаю, о чем нельзя разговаривать.

Эльдар Рязанов: Но не из-за жалованья же она прожила с ним двадцать два года?

Ирина Антонова: Нет, конечно, нет. И знаете, так же уверенно, как говорю о чувствах Матисса по отношению к ней, могу вам сказать: убеждена — она его любила.

Эльдар Рязанов: А в завещании он что-нибудь ей оставил?

Ирина Антонова: Ей ничего не было оставлено в завещании.

Эльдар Рязанов: Только родным?

Ирина Антонова: Только родным. Мы ведь знаем, что когда Матисс умер в Ницце, Лидия Николаевна в тот же день покинула дом. Ее долго никто не мог найти.

Дети и внуки Матисса очень ее любят. Она мудрая женщина, все понимала. И с самого начала заняла именно такую жизненную позицию. Это и спасло ее отношения с семьей Матисса на все последующие годы.

Эльдар Рязанов: Это невероятная деликатность, которая мало кому присуща...

Ирина Антонова: Она никогда не извлекала выгоды из своих взаимоотношений с Матиссом.

Эльдар Рязанов: Вы с ней дружите?

Ирина Антонова: Да, я ее люблю. Просто счастье, что я встретила такого человека, таких людей очень мало...

P.S. Лидия Николаевна Делекторская умерла в 1998 году.

Одержимая живописью

У Нади Ходасевич, девочки из белорусского местечка, была неудержимая страсть к живописи. Она любила рисовать. Шла Первая мировая война, и семью Ходасевичей бросало из Белоруссии в Россию и снова в Белоруссию. Вдруг Надя прослышала, что в Смоленске открылись государственные мастерские живописи. Она самовольно, бросив семью, уезжает в Смоленск и начинает учиться в этих художественных мастерских. Преподавали там современные яркие самобытные художники. В том числе супрематист Казимир Малевич, который в 1915 году прославился своим «Черным квадратом». Супрематизм в переводе с французского — «наивысшее, наилучшее».

Случайно в одной из библиотек города Смоленска Надя наткнулась на журнал, где было интервью Фернана Леже. Он утверждал, что живопись — это искусство будущего. Для Нади высказывания художника, живущего в Париже, стали откровением.

Девушка запомнила имя: Фернан Леже. И решила: в Париж, в Париж. Она несколько раз пыталась самовольно поехать в Париж, но ее снимали с поезда, возвращали домой. И тут выяснилось, что одна польская семья едет в Варшаву. Посмотрев в географическую карту, Надя поняла: Варшава — это город на полпути к Парижу. Она, воспользовавшись этой оказией, приезжает в Варшаву и устраивается служанкой. Так случилось, что в нее влюбился сын ее

Фернан Леже и его жена Надя

богатых хозяев Станислав, и они поженились. К сожалению, молодые скоро начали ссориться, и потянулись однообразные и печальные будни.

Но одержимая Надя тем не менее сумела подбить Станислава на переезд в Париж, она и его сумела заразить идеями Леже. Короче, Надя и Станислав приезжают в Париж, поселяются в семейном пансионе и направляются на улицу Нотр-Дам де Шан, 86, где помещалась Академия Фернана Леже.

Это, конечно, невероятно, но это случилось. Они оба были приняты в Академию. В то время у Фернана Леже было много учеников из разных стран. Первое время он не обращал на Надю никакого внимания. Но однажды схватил ее рисунки. Леже изумился дарованию ученицы и пригласил Надю к себе. Он показал ей свои работы. Она была ошеломлена: это было буйство красок и буйство геометрии. Новаторство Леже поражало и ослепляло.

Прошло несколько лет. Жизнь Нади со Станиславом была сложной. Родилась дочь Ванда, а скандалы

Портреты Нади Леже
более элегантны, чем
сама модель

нем этаже пансиона. Началась страшная жизнь. Надо было вставать в пять утра, бежать за продуктами, готовить, мыть посуду, нянчить дочь, потом мчаться на занятия в Академию Леже. Так продолжалось несколько лет. Польский свекор волновался за внучку. Он знал, что у Нади плохое здоровье, — предрасположенность к туберкулезу. Свекор посылал ей деньги, но она их отсылала обратно. Однажды он все-таки настоял на своем: «Я хочу, чтобы ты взяла деньги. Ванда — моя внучка, а единственный ее кормилец —

с мужем продолжались. Ситуация разрешилась тем, что Станислав должен был вернуться в Польшу, чтобы служить в армии. Надя осталась одна с дочкой, без каких бы то ни было средств к существованию. И тогда она пришла к госпоже Вальморан, хозяйке семейного пансиона, и спросила: «Госпожа Вальморан, вам не нужна служанка?» Надя занимала одну из лучших комнат в этом пансионе. Хозяйка долго не могла понять замужнюю богатую даму. Надя объяснила, что мужа у нее больше нет, они расстались, и он уехал в Польшу, где служит в армии. А ей надо воспитывать дочь и учиться живописи. И поэтому она просит взять ее служанкой. Надя с дочкой перебралась в каморку на верх-

Я познакомился с Надеждой Петровной, когда она была уже вдовой Фернана Леже

это ты. Чтобы ты не заболела, тебе нужно купить шубу». Тогда Надежда Петровна поступила так: купила самую дешевую шубейку, а на оставшиеся деньги — будучи служанкой в семейном пансионе и студенткой — надумала самостоятельно издавать журнал современного искусства. Издавала она его на двух языках, на французском и на польском, наняла редактора. Даже вышло два номера этого журнала. Это говорит о ее совершенно неудержимой страсти к живописи, доходящей до сумасшествия. Во всяком случае, вряд ли история искусства знает еще подобные примеры, чтобы служанка издавала журнал о живописном авангарде...

Однажды Надя ехала в электричке из деревни и везла очень много корзин с продуктами для семейного пан-

сиона мадам Вальморан. И какой-то элегантный высокий красивый француз вызвался помочь ей. Так они познакомились, и так возникла взаимная симпатия. Элегантного француза звали Жорж Бокье. Он служил в Министерстве почты и телеграфа. Жорж увлекался рисованием, и Надя предложила: «Хотите учиться живописи?» Так Жорж Бокье попал в Академию Фернана Леже. Вскоре он стал одним из самых первых учеников. Его очень полюбил мэтр и вскоре сделал старостой Академии.

Надя втащила Жоржа Бокье не только в постель и живопись, но еще и в Коммунистическую партию. Они записались в коммунистическую ячейку, ходили вместе на собрания. Казалось бы, все хорошо. Но... началась Вторая мировая война, и в первый же день войны Жорж Бокье ушел на фронт.

Надя активно участвовала в движении Сопротивления. Она удочерила беженку, английскую девочку, и вместе с Вандой и английской дочкой они ходили по ночному Парижу. Девочки расклеивали листовки, так чтобы не заметила полиция, а Надя стояла «на шухере».

Жизнь ее все время подвергалась опасности, за ней следили. Спасаясь от шпиков, приходилось скрываться. Однажды Надя спряталась в парикмахерской. Но шпик продолжал дежурить у дверей. И тогда она ушла оттуда... с обрезанной косой и вдобавок блондинкой. Приходилось и приобретать документы на другое имя и фамилию.

Когда кончилась война, Надя хотела помочь советским военнопленным. Она решила организовать аукцион. Упросила Леже, и он дал свою картину. Обратилась к Пикассо. Тот для этой цели дал три полотна. Следующим был Жорж Брак, и от него Надя не ушла с пустыми руками. Она обошла много художников, собрала целую коллекцию. Аукцион прошел успешно, деньги были собраны. И сумма оказалась весьма внушительной...

С войны вернулся Бокье, роман возобновился. Надя продолжала работать в Академии с Фернаном Ле-

Портрет Сергея
Эйзенштейна работы
Нади Леже
(из собрания
Э.Рязанова)

же, стала его правой рукой. Она помогала ему, разрабатывала его эскизы. И сама занималась живописью, — портретами, пейзажами.

В 1951 году в семью Леже пришла беда, умерла его жена. 70-летнему старику было одиноко, он стал часто приходиться к Наде по вечерам.

Жалость к учителю, многолетнее сотрудничество и дружба — все это привело к тому, что Надя стала женой Фернана Леже.

Надо же было случиться тому, что интервью Леже, прочитанное в юности в Смоленске, оказалось — придется высказаться высокопарно — путеводной звездой ее жизни...

Надя старалась облегчить жизнь старому художнику, купила дом за городом, чтобы Леже мог выезжать туда для отдыха после тяжелого трудового дня. Она стремилась создать как можно больше уюта и тепла. Три с половиной года она была женой и другом великого мастера. В 1955 году Фернан Леже умер, оставив все наследство жене. Надя вернулась к Жоржу Бокье, и они вдвоем, два ученика и одновременно муж и жена, стали думать о том, как увековечить память своего учителя.

За месяц до смерти Леже купил в Бьоте — маленьком городишке на юге Франции в нескольких километрах от берега Средиземного моря — небольшой дом. Надя решила, что именно здесь будет воздвигнут музей Фернана Леже. Художник оставил после себя огромное количество бесценных работ: картин, скульптур, барельефов, эскизов. Кое-что продали за немалые деньги и принялись за строительство здания.

В мае 1960-го состоялось торжественное открытие музея Фернана Леже под почетным председателем-

В Париже.
Министр культуры
СССР Екатерина
Фурцева и Надя

Бокье передали музей со всеми работами и землю, на которой находится здание, в дар французскому народу...

ством Жоржа Брака, Пабло Пикассо и Марка Шагала.

В этом светлом огромном здании монументальные работы Леже выглядят нарядно и празднично. Они могут кому-то нравиться, кому-то не нравиться, но то, что они оптимистичны, излучают радость, — несомненно. Музей стал пользоваться популярностью. В 1967 году Надя Леже и Жорж

Ольга — первая жена Пикассо

Начало следующей нашей истории относится к 1917 году, когда в Париже гастролеровал с огромным триумфом Дягилевский балет, «русские сезоны в Париже».

Молодой художник Пабло Пикассо, будучи человеком невероятно одаренным, быстро и легко сходилась с талантливыми людьми любых профессий, любых национальностей. Так он подружился, в частности, с Дягилевым и со Стравинским. Но надо сказать, что помимо чисто творческого, здесь у Пабло Пикассо был еще и личный интерес. Ему очень нравилась молоденькая красивая танцовщица Ольга Хохлова. Она была, пожалуй, самая юная солистка, и ее очарование сразило художника наповал.

Балет отправился на гастроли в Италию. И Пабло отправился вместе с балетом. Предлогом послужило то, что ему надо было писать декорации для следующей постановки Дягилева под названием «Парад». Пикассо следовал за труппой в Неаполь, во Флоренцию. Кстати, в письмах из Италии он ни разу себя не

выдал, ни разу не проговорился, что у него еще есть и любовная тайна. Он писал о том, как идет работа над балетом, о том, что здесь 60 русских балерин, и все они очаровательные.

Потом балет вернулся в Париж, состоялась премьера «Парада». Дягилевская труппа вместе с Пикассо отправилась в Испанию. Там «Парад» провалился, но для Пабло это уже не имело значения — он добился взаимности. Ольга тоже полюбила Пикассо, и было решено, что они поженятся.

Русская православная церковь в Париже на улице Дарю за 134 года своего существования повидала многое. Кого здесь только не крестили, кого не венчали, кого не отпевали! В этой церкви 12 июля

Ольга Хохлова
на сцене

Русский балет всегда
пленял французов.
Пикассо влюбился
в Ольгу

1918 года состоялся обряд бракосочетания Ольги Хохловой и Пабло Пикассо. Служба была православная, хотя Пабло Пикассо — испанец и, следовательно, католик. Известно, что король Наварры Генрих IV был протестантом. Но в свое время, ради короны короля Франции, поменял религию, сказав свое знаменитое мо: «Париж стоит мессы». Очевидно, и Пикассо для себя решил, что Ольга стоит того, чтобы венчаться с ней не по католическому, а по православному обряду. Свидетелями со стороны жениха были Жан Кокто, Марк Жакоб и Вильгельм Аполлинарий Костровицкий, известный более как Гийом Аполлинер, великий поэт Франции и Польши.

Свадьба была пышная, роскошная, и после нее молодые уехали в свадебное путешествие.

Потом супруги Пикассо возвращаются в Париж и снимают двухэтажную квартиру на шестом и седьмом этажах шикарного дома. На одном этаже располагается мастерская художника, а другой этаж отдается молодой русской жене Ольге. Но сразу же в двух квартирах намечаются два разных стиля жизни, «две разные планеты», как сказал об этом Марк Шагал.

Ольга — дочь царского полковника. Она хочет жить

красиво, для нее это естественно. Ее квартира заполнена изящной мебелью, безделушками, приходят элегантные гости. Ольга хотела создать своего рода «башню из слоновой кости». В России, на родине, начался красный террор.

Расстреляли царскую семью, разгорелась Гражданская война. Белые и красные уничтожают друг друга. Возврат на родину исключен. Желание Ольги окружить себя мещанско-буржуазным красивым бытом вполне понятно.

А у Пикассо идет совсем другая жизнь, он работает, старается упрочить свое положение.

При этом художник гордится красотой жены, любит появляться с ней на приемах. Ему нравится, что после годов бедности он обрел наконец материальное благополучие. Его творчество постепенно тоже меняется, он начинает работать в более классической манере, о чем говорят портреты Ольги.

В 1921 году рождается сын Поль. Пикассо обожал сына. Родители ревновали друг друга к ребенку и ссорились из-за этого.

Любимой темой художника в тот период стало материнство. Моделями служат Ольга и Поль.

Ольга была счастлива. Она мечтала, чтобы Пабло стал модным художником, принимал заказы и был любим министрами, правителями, торговцами живописью.

Но художнику-новатору такое существование было противопоказано. Оно быстро ему приелось. Постепенно возникла трещина, которая становилась все больше и больше. Однако главной причиной охлаждения художника к своей русской жене послужило

Ольга Пикассо в мастерской своего мужа на фоне портретов работы великого Пабло

то, что Пикассо встретил новую музу, новую любовь, Мари Терез Вольтер. Ольга почувствовала: Пикассо стал менять художественный стиль. Кстати, это было присуще ему и потом: всякий раз, когда у него появ-

Показательно, что каждый из супругов Пикассо снят с сыном отдельно

лялась новая женщина, Пабло менял свою творческую манеру. Вот и теперь он перестал рисовать балерин, стал тяготиться знакомствами, которые навязала ему жена, сторониться русских эмигрантов. Ольга была в отчаянии. Она не знала, как предотвратить надвигающийся разрыв...

Когда Пикассо понимал, что любовь кончилась, он становился очень жестоким и непримиримым ко всему, что было связано с предыдущей любовью.

Ольга бросилась в религию, приходила в православную церковь, молилась. А Пикассо, подружившись с Элюаром и сблизившись с Арагоном, увлекся коммунистическим учением. Противоположные идейные пристрастия усугубили плохие отношения между супругами. Окончательный разрыв случился в 1935 году.

Они разъехались и стали жить отдельно. Пикассо мучился, так как скучал по сыну. Он хотел развода. А Ольга развода не давала. Может, это было связано с наследственными делами, может, имели

Любимые модели
Пабло Пикассо:
жена Ольга
и сын Поль

значение религиозные или идейные мотивы. Сейчас трудно разобраться в этом... Последние годы жизни Ольги были очень печальными. Из всеми уважаемой женщины, о которой писала светская хроника, она стала никем и ничем. Она ходила по набережной Ниццы, несчастная, одинокая. И нашла свое упокоение на кладбище в Каннах... Казалось бы, все об Ольге Хохловой-Пикассо, но у этой истории есть продолжение. Что-то вроде эпилога. Нам было известно, что в Каннах

живет Марина Пикассо, внучка Пабло и Ольги. Наша съемочная группа — ребята не ленивые — отправилась на юг Франции. И вот мы в Каннах перед виллой «Калифорния», где великий маэстро работал около десяти лет. Со мной беседовала хозяйка виллы — приветливая, славная женщина с умными глазами, доброй улыбкой и дивной фигурой. Лет ей было около сорока. Очень привлекательная и с чувством собственного достоинства. Одета элегантно, но скромно. Это и была Марина Пикассо. В соседней комнате играли пятеро детей разного возраста и национальностей. Замечательные картины, вазы, скульптуры украшали жилье.

У Марины, дочка Поля, детство было трудное. Родители разошлись, причем, видно, расходились нехо-

рошо. Марина была так травмирована этим разводом, что, несмотря на прекрасные внешние данные, не захотела выходить замуж. У нее двое детей, как она сказала сама, «вне брака» и еще трое приемных ребятишек из Вьетнама. Они все носят ее фамилию, называют Марину мамой, и наследство всем пятерым детям, родным и приемным, разделено в равных долях. Надо сказать, что детство у Марины было нелегким не только из-за родителей. Дедушка — великий и совсем, совсем не бедный художник — отказался оплачивать ее школьную учебу. На дальнейшее образование он средств тоже не дал, и она стала работать сиделкой при неизлечимых, тяжело больных детях-инвалидах.

Дальше следуют несколько фрагментов из интервью с Мариной Пикассо.

Эльдар Рязанов:
Марина Пикассо:

Вы помните свою бабушку, балерину Ольгу Хохлову? Я часто вспоминаю о бабушке, хотя, когда она умерла, мне было шесть лет. Я очень ее любила и до сих пор постоянно думаю о ней. Она была прекрасной танцовщицей, но, к сожалению, не смогла полностью выразить себя. Потому что была вынуждена жить в тени гения. Она была без сомнения замечательной женщиной, и я души в ней не чаяла. Дед обожал ее и восхищался ею, но отношения быстро испортились, потому что мой дед не был верным мужем. А бабушка очень от этого страдала, и все кончилось разрывом.

Надо сказать, она вдохновила его на прекрасные картины, в частности, на ее портреты, один из которых находится в этой вилле. Я помню, как бабушка приходила сюда нас навещать. Потом она заболела, и дальше уже идут грустные воспоминания. Мы с братом ходили к ней в больницу. Бабушку разбил паралич, и она очень страдала оттого, что больше не будет танцевать. Она утратила свою былую красоту и не хотела никому показываться в таком виде. Мой отец под влиянием своего отца сделал выбор. Он, по сути, отказался от своей мамы. И вообще ото-

Вилла «Калифорния»
в Каннах.
Внучка художника
и Ольги
Марина Пикассо
с детьми

шел от всего русского, чтобы угодить, доставить удовольствие отцу. И даже когда бабушка заболела, продолжал игнорировать ее и никогда не навещал, очевидно, боясь гнева Пикассо. Она умерла очень одинокой.

В последние годы ее навещали только мы с братом. Каждый раз она нам была так рада...

Эльдар Рязанов

Ваша бабушка похоронена здесь, в Каннах. Бываете ли вы на ее могиле, ухаживаете ли за ней?

Марина Пикассо:

Да, это единственная возможность общаться с ней, да и мой брат похоронен рядом, он очень любил ее в детстве.

Эльдар Рязанов:

Я читал, что после смерти Пикассо последовала целая серия трагических событий. Чем это можно объяснить? Это случайное совпадение или над семьей висит какой-то рок?

Марина Пикассо:

К сожалению, это не случайность. Смерть моего деда повлекла за собой цепь роковых происшествий для нашей семьи. Мой брат покончил с собой сразу после его смерти. Он хотел проститься с умершим де-

дом, но вдова Жаклин не пустила его. И брат покончил самоубийством. Мой отец умер потому, что очень тяжело пережил смерть своего отца и гибель сына. Потом повесилась Мари Терез Вольтер, бывшая возлюбленная Пикассо. Застрелилась Жаклин, вдова. И вся эта цепь катастроф доказывает, что, хотя гений вызывает восхищение многих людей, восторг публики, быть близким к нему опасно.

Эльдар Рязанов: А почему умер ваш отец? Это было следствием тяжелой болезни или случилось внезапно, произошел психологический надлом?

Марина Пикассо: Я думаю, он был несчастен с самого детства, поскольку никогда не был Полем Пикассо — он всегда был сыном Пикассо.

Эльдар Рязанов: Что вы испытали, когда на вас свалилось такое огромное наследство?

Марина Пикассо: Когда я была ребенком, моя семья была небогата. После кончины деда я сразу стала миллиардершей. Получив наследство, я решила посвятить себя двум задачам. Первая — сохранить наследие моего деда и достойно представлять то, что он создал. Вторая — это гуманитарная деятельность, которая мне кажется главной. Я усыновила троих вьетнамских детей. Двое из них умирали от истощения. А у третьего ребенка порок сердца. Мои усилия направлены на Вьетнам. Я основала там деревню, в которой живут примерно триста двадцать детей. Мы попытались создать для них семейную обстановку. В каждом доме живут несколько детей и «мама», чтобы возник семейный уют, чтобы у ребят не было чувства сиротства. Кроме того, мы построили начальную школу и медицинский центр.

Некоторые из наших воспитанников учатся в университете, другие, менее интеллектуальные, обучаются ремеслу. Мы не бросаем наших воспитанников. Когда они уходят из деревни, мы платим им стипендию, чтобы они могли устроиться в жизни.

Эльдар Рязанов: Марина, в вас четверть русской крови. Про русских говорят, что они более меланхоличны, чем другие, что им свойственно чувство ностальгии, они глубоко-

Марина Пикассо:

кие натуры. Ощущаете ли вы в своем характере, в себе русские национальные черты?

Вы знаете, я говорю это не для того, чтобы доставить вам удовольствие, но я себя чувствую во многом русской. И хотя я не склонна к самолюбованию, мне очень нравится эта сторона моей натуры. Я часто мысленно обращаюсь к моей бабушке, всегда помню о ней. Я в жизни очень сентиментальна и, как мне кажется, я славянка значительно больше, чем на четверть.

Русские музы были очень разными. Многих из них объединяло то, что позади них была опаленная огнем войны Европа, русская революция, голодная Россия, красный террор, переходящий в сталинский. У них не было пути к отступлению, не было возможности вернуться. В следующих очерках я расскажу еще о двух женщинах, прибитых судьбой к берегам Франции, — об Эльзе Триоле и Гала Дали. Каждая из них заслуживает отдельной главы. Некоторым из моих героинь присущи черты авантюризма, и не надо их за это осуждать. У некоторых несколько размыты моральные, нравственные критерии. Но мы ведь не пуритане и не будем слишком строги к нашим соотечественницам. Они часто бывали поставлены жизнью в безвыходные ситуации. Они все такие, какие есть. Могу сказать только одно — они были Личностями, Персонами, богатыми и сильными натурами. Большинство из них сделало все для того, чтобы память об их избранниках осталась навечно. Душа у наших российских женщин великая, и французские гении не ошиблись в выборе любимых. Итак, следующая новелла — о Гала Дали.

Грешная муза двух гениев

Я помню, когда впервые увидел картины Сальвадора Дали. Вернее, не картины, а большие цветные репродукции в книге. Это было в 1947 году. Меня пригласил к себе один из моих учителей — Сергей Михайлович Эйзенштейн. Мне

было двадцать лет, я учился на четвертом курсе ВГИКа. Эйзенштейн сам был превосходным рисовальщиком, обожал искусство живописи и приобщал меня. Не к занятиям изобразительным искусством, а к знакомству с ним, к познанию. Бывало, я подолгу листал роскошные монографии из его богатейшей уникальной библиотеки. В тот день он добыл у букинистов, которые все его превосходно знали, новинку: альбом живописи Сальвадора Дали. Меня настолько потрясли фантасмагорические произведения художника, его кошмарные видения, противоестественные ситуации и причудливые сочетания, напоминающие бред, что я запомнил его имя на всю жизнь. Для моих неокрепших студенческих мозгов, воспитанных на русской живописи, для которых верхом новаторства

были импрессионисты, Дали стал настоящим шоком. Мне казалось, что все это создал сумасшедший. Сергей Михайлович, в отличие от меня, восторгался художником и называл его гением. Попробую описать

одну из картин, увиденную мною тогда...

На берегу не то озера, не то моря сидел мужчина, спиной к зрителю. В его туловище было вырезано большое квадратное отверстие, через которое, как через окно, виднелась часть пейзажа. Сзади из тела человека тянулся длинный мужской половой орган, конец которого покоился в выемке рогадины, вколотенной в землю...

Думал ли я тогда, что спустя почти полвека буду делать телевизионную передачу, где по сути главным героем станет художник Сальвадор Дали...

Привела меня к нему милая русская девушка Галя (по некоторым сведениям — Елена) Дьяконова.

Галя Дьяконова
в юности

1910 год. Пока еще моя героиня живет в Москве, увлекается поэзией, дружит с сестрами Мариной и Анастасией Цветаевыми, изучает в гимназии иностранные языки, к которым имеет исключительные способности. Потом, будучи известной парижской дамой, она станет рассказывать о себе множество небывлиц, затрудняя работу будущих биографов. Даже дату ее рождения установить точно довольно сложно. Будем придерживаться версии, что она родилась в 1895 году. Живя во Франции, Галя распространяла о себе фантастические сведения: якобы она была дочерью управляющего бескрайними поместьями, принадлежащими какому-то русскому князю, что сам Лев Толстой качал ее в детстве на коленях... На самом деле было не совсем так, скорее, совсем не так. Но как? Здесь тоже сведения расплывчаты, нечетки. Отец был адвокатом. Но был ли это родной отец или отчим, существуют разночтения. Где-то я читал, что Марина Цветаева посвятила своей подруге Гале одно из юношеских стихотворений. Я не нашел

такого стихотворения, где стояло бы посвящение. Но одно из ранних стихов, учитывая характер и дальнейшие судьбы молодых женщин, приведу:

*Быть в аду нам, сестры пылкие,
Пить нам адскую смолу, —
Нам, что каждую-то жилкою
Пели Господу хвалу!*

*Нам, над люлькой да над прялкой
Не клонившимся в ночи,
Уносимым лодкой валкою
Под полою епанчи.*

*В тонкие шелка китайские
Разнаряженным с утра,
Заводившим песни райские
У разбойного костра,*

*Нерадивым рукодельницам
(Шей не шей, а все по швам!),
Плясовницам и свирельницам,
Всему миру — господам!*

*То едва прикрытым рубищем,
То в созвездиях коса.*

*По острогам да по гульбищам
Прогулявшим небеса.*

*Прогулявшим в ночи звездные
В райском яблочном саду...
— Быть нам, девицы любезные,
Сестры милые — в аду!*

Поразительное стихотворение, предсказавшее долю и той, и другой. В особенности, судьбу Гали. Девушка в детстве довольно часто болела. В 1912 году — ей 17 лет — возникло подозрение, что у нее туберкулез. Болезнь была весьма модная, но тем не менее смертельно опасная, ибо лекарства против чахотки еще не существовало. Лечили этот недуг швейцарским горным климатом. Родители Гали, поднатужившись с деньгами, отправили ее в Давос, в туберкулезный санаторий «Клавадель». Обстановка в такого рода заведениях замечательно описана Ремарком в «Трех товарищах». Галя провела там несколько месяцев. Она

привезла с собой книги любимых русских писателей, поэтов — среди них Пушкин, Блок, Достоевский. А также и учебники, ибо школа еще не была закончена. И конечно же несколько православных икон. Ба-

К этому молодому французу Полю Гренделю Галя прорвалась через воюющую пылающую Европу в 1916 году

рышня была верующая и романтически настроенная. Вокруг дивная природа: заснеженные шапки гор, лесистые склоны, альпийские луга, очаровательные шале, органично вписывающиеся в горный пейзаж. И тишина. В санатории покой, полубольничный режим, ежедневно меряют температуру. В одной из палат оказался ровесник Гали, французский юноша с хорошими манерами, приятной внешностью, длинноволосый и весьма элегантно одетый. Звали его Эжен Эмиль Поль Грендель. Позднее он станет известен миру как Поль Элюар, ве-

личайший поэт Франции, а сейчас он просто юноша из обеспеченной семьи, который, как и многие в его возрасте, балуется стихами. У него туберкулез. Что же касается Гали, то ли русские доктора ошиблись с диагнозом, то ли удалось загасить болезнь в ранней стадии, но, одним словом, наша пациентка оказалась вне опасности. Зато она заразилась другой болезнью, имя которой — любовь.

Помимо молодости и очарования у Поля есть еще одно грозное оружие — его стихи. Галя с семи лет знает французский, а кроме того, у нее поэтическая натура. Она сразу оценила, что Поль, который влюбился в нее с ходу, пылко и, как потом выяснится, на всю жизнь, очень талантлив, что его стихи незаурядны и оригинальны. По ее совету он отправляет цикл своих стихов под названием «Говорит безумец» в поэтический журнал «Огонь», издающийся в Марселе. Он подписывает их Поль Элюар, это фамилия его бабушки. И вскоре в Давос приходит экземпляр журнала с его подборкой.

В любви Галя оказывается доминирующим началом — она сильная, волевая и знает, чего хочет. Она сразу стала советчицей Поля по всем вопросам творчества, ибо умна, тактична, сдержанна и обладает врожденным чувством слова.

Не удивительно, что такой красавец для еще и поэт — Поль Элюар — пользовался у женщин сокрушительным успехом

Не только русского, но и, как оказалось, французского. Достаточно сказать, что предисловие к первой книге Элюара написала русская невеста поэта. Но это случилось несколько позже. А пока подступает 1913 год, год разлуки. Они расстаются, влюбленные по уши, и оба клянутся, что не изменят своим чувствам. Они намерены пожениться. Галя очень похожа на мать Поля — Жанну Грендель. Поль поражен этим сходством. А Галя чувствует в ней соперницу, ибо намерена владеть Полем единолично и безраздельно. Вообще, довольно часто случается, что юноши влюбляются в женщин, внешне напоминающих мать, — я знаю много примеров этому.

Никто, кроме них, не может сказать, случилась ли в Давосе между ними физическая близость, но то, что произошло огромное духовное взаимопроникновение, несомненно. Сестра Гали бросила загадочную фразу: «Не познав мужчину, она уже знала, что такое любовь». Они разъехались по своим странам, околдованные друг другом.

Письма между Москвой и Парижем идут нескончаемым потоком. Влюбленные пишут друг другу ежедневно, обмениваются фотографиями. Галя заканчивает гимназию, блестяще сдает экзамены в университет. Элюар много печатается, становится известным в литературных кругах. Галя ждет своего совершеннолетия, чтобы уехать в Париж к любимому. Ее письма продолжают любовную экспансию. Она пишет и по-русски,

и по-французски, и на смеси двух языков: «Mon cher et dorogoi maltchik». Или: «Единственный мой мальчик — только мой и только навсегда».

1914 год «подарил» им войну и, казалось, вечную разлуку. На западе Франция, на востоке Россия воюют против Германии. Польша и Галиция разделены линиями фронтов, смертями, пожарами. Не работают железные дороги. Вскоре становится ясно, что эта война — надолго. Угроза поражения Франции сменяется угрозой поражения России. Тяжелые бои идут с переменным успехом.

В ноябре Польша мобилизована, его признают годным для службы в санитарном батальоне. Галиция трепещет за жизнь жениха, в ее письмах множество рекомендаций как уцелеть, выжить.

У Элюара слабые легкие, он заболевает бронхитом, попадает в госпиталь, потом снова уезжает на фронт. В 1916 году Галиция не выдерживает и совершает поступок, на который далеко не каждая девушка могла бы решиться. Преодолевая сопротивление семьи, не страшась военных действий, она уезжает в Париж. Как она смогла добраться до столицы Франции, когда полыхала Европа, горели вокзалы, смерть собирала чудовищную жатву, — остается загадкой. Однако девушка совершила невозможное — добралась до назначенной цели. Прибыв в Париж летом 1916 года, она остановилась на квартире родителей жениха. Когда Галиция покидала Россию, она еще не знала, что уезжает навсегда, что больше никогда не увидит родителей, сестру, братьев. Не знала, что ее нога больше никогда не ступит на родную землю... Но барышня была предусмотрительна: с собой из России она захватила свадебное платье.

Поэт находился на фронте, воевал. Его родители радушно приняли Галицию. Семья Гренделей жила зажиточно. Отец был агентом по продаже недвижимости и сумел разбогатеть. Мать не работала, посвятив себя воспитанию сына и домашнему хозяйству.

В письме к родителям Польша писал: «Хочу, чтобы она жила как королева!» Галиция так и жила. Она все время

писала обожаемому жениху письма, обволакивая его своей любовью:

«Люблю. Люблю только тебя. У меня не осталось других чувств, кроме любви к тебе. Я ни на что не способна, кроме любви к тебе. У меня не осталось воли, рассудка, ничего, ничего, ничего. Только любовь к тебе. Это ужасно. Если я потеряю тебя, я потеряю себя. Мне безразлично, буду ли я католичкой или православной, главное — что я верю в Бога. Я верю искренне, глубоко. Потому я непременно хочу венчания в церкви. Мы только начинаем нашу совместную жизнь, и это очень важно для меня, чтобы Господь благословил нашу любовь».

Свадьба состоялась 21 февраля 1917 года. Солдата Поля Гренделя отпустили в трехдневный отпуск для того, чтобы он мог обвенчаться со своей невестой. Вот что писал, кстати, поэт Элюар о своей жене, о своей возлюбленной в поэме «Твои глаза»:

В звуках Вселенной мне слышится твой голос...

А за два года до разрыва, до того, как Галя променяла поэта Поля Элюара на молодого, еще практически никому не известного художника Сальвадора Дали, Элюар написал провидческие стихи:

*Я закрыл глаза, чтобы не видеть,
Я закрыл глаза, чтобы дать волю слезам,
Ведь больше тебя я не увижу...*

Все это я рассказывал около дома, где была в свое время квартира родителей Элюара. Сюда молодые приехали после венчания и прожили здесь несколько лет. Оператор И. Болотников показал дом, окна квартиры. Но напрасно мы пытались найти мемориальную доску, как это принято у нас. Мы ее не нашли. Я не мог себе представить, чтобы у нас на доме, где, скажем, жили Есенин или Маяковский, не было бы памятной доски. Я даже подумал, что мы ошиблись. Но одна примета, довольно любопытная, убедила меня в обратном. На первом этаже находится магазин, где продают чемоданы, кожаные сумки. Он называется очень редким для французов именем — «Галюша». Это не

случайно. Хозяева магазина знали, что именно здесь жила Галя вместе с Полем Элюаром. Сама Галя не собиралась играть роль романтической жены при муже-поэте. Она писала о своих намерени-

Слева направо:
Тристан Туара,
Поль Элюар,
Андре Брежон,
Ганс Ари,
Дали,
Ив Таичи,
Макс Эрнст,
Рене Кревель
и Мэн Рэй.
Ок. 1930 г.

ях: «Я никогда не буду просто домохозяйкой. Я буду много читать, очень много, я буду делать все, но при этом сохранять привлекательность женщины, которая себя не перетруждает. Я буду, как кокетка, сидеть, пахнуть духами и всегда иметь ухоженные руки с наманикюренными ногтями».

Однако действительность превзошла тогдашние робкие мечты молодой женщины. Ее судьба сложилась намного интересней и намного сложнее, чем представлялось ей в ту пору.

Вскоре у молодой пары родилась дочь, которую называли Сесиль. Но, честно говоря, Галя была неважной матерью. Ей было гораздо интереснее находиться в центре кружка сюрреалистов, быть музой всей этой компании. Ее окружали молодые люди, которые, пройдя ужасы войны, решили создать новое искусство, превосходящее реализм. Дословный перевод слова «сюрреализм» — это сверхреализм.

Художников, поэтов, писателей этого направления не интересовало видимое течение жизни, ее реаль-

ное воспроизведение. Материалом для их творений стало подсознание человека — сновидения, галлюцинации, игра воображения. Они брали обычные, реальные, знакомые вещи, но в таких пропорциях и сочетаниях, что все приобретало фантастический вид, некую ненормальность, гипертрофированность, становилось похоже на кошмар. Причем эти приемы использовали как в живописи, так и в литературе. Произведения сюрреалистов пугали обывателей, отталкивали людей, привыкших к привычному.

Надо сказать, что и мораль у сюрреалистов была довольно свободная. Элюар, обожая жену, очень часто ей изменял. Больше того, он показывал фотографию обнаженной Гали своим друзьям, приятелям, хвастался тем, какое красивое тело у его жены. Галя начала платить ему тем же. Нет, она не показывала подругам фотокарточки голого Элюара. Она просто ему изменяла. И вскоре превзошла мужа. Во всяком случае, если у кого-то из сюрреалистов случалась творческая удача, то непременно говорили: «Наверное, у него произошло кое-что с Галей».

В 1922 году супруги Элюар поехали в Альпы. Там в горах обрела приют колония художников. В этой колонии Галя познакомилась с немецким художником Максом Эрнстом. Жена Эрнста почему-то сразу невзлюбила Галя и, как вскоре выяснилось, не без оснований. Как было написано в одной из статей, Макс Эрнст променял супружеское ложе на ложе Гали Элюар. Они стали жить втроем. Это было тогда в их компании весьма принято. Как ни парадоксально, но Элюар был доволен этой ситуацией. Когда взбешенная жена Макса Эрнста пожаловалась ему, он ответил: «Я должен тебе сказать, что Макс мне дороже, чем Галя».

Галя стала действительно центром притяжения сюрреалистического кружка. Две знаменитые модельеры того времени, Эльза Скиапарелли и Коко Шанель, соперничали, кто из них будет одевать музу сюрреалистов. Галя умело использовала это соперничество и одевалась и у той, и у другой бесплат-

но, — носила самые изысканные, самые экстравагантные туалеты. В этой компании вообще одевались довольно своеобразно. Андре Бретон, идейный вождь сюрреалистов, ходил, к примеру, весь в зеленом, курил зеленую трубку. Галя являлась на их сборища в длинных шарфах и напоминала колдунью...

Какой знойный парень!

К середине 20-х годов романтическая девушка, отправлявшая любовные письма на фронт своему поэту-жениху, исчезла. Вместо нее появилась жесткая, уверенная в себе, шикарно одетая, сластолюбивая матрона. Элюар, который в мазохистской ситуации любви втроем искал для себя новые поэтические темы, в 1924 году наконец не выдержал. Он взял у родителей приличную сумму денег и бежал с поля боя. Уехал путешествовать по миру, оставив Галю и Макса Эрнста вдвоем. Он посетил Венесуэлу, Таити, Австралию, еще бог весть какие страны.

Но писем не писал. Родители Поля устроили Гале и ее любовнику скандал, лишили денежной помощи. Галя всполошилась и бросилась на поиски мужа. Где-то во Вьетнаме, в Сайгоне, она его нагнала. Участь Макса Эрнста была решена, он получил отставку. Элюар одержал победу. Но брак был основательно подпорчен. И по-прежнему в их жизни возникали треугольники, то третья появлялась со стороны Элюара, то третий возникал со стороны Гали.

Элюар снова уверен, что после кратких любовных приключений он всегда может возвратиться домой к жене и она его примет. Галя же постепенно приходит к выводу, что подобная жизнь ей не годится. Элюар отпрашивается у жены в Берлин пороманиться с красоткой-немкой, с которой он познакомился

в поезде. Галя не возражает. По дороге в Берлин «на блядки» Элюар посылает ей письмо:

«Я слишком тебя люблю! Посмотри на себя в зеркало, на свои глаза, на свою грудь, которую я так люблю, твои руки, на твою влажную розу, послушай самое себя, и ты меня поймешь, единственная моя подруга, поймешь, почему я знаю только твой язык, как наслаждаюсь я твоей свободой, почему я хочу, чтобы ты была дерзкой и сильной, послушной только своей воле, которая есть и моя воля, выросшая тоже из нашей любви!..»

Приехав в Берлин и остановившись в отеле, где был с Галей прежде, он вспоминает эротические сцены с собственной женой:

«Я хочу, чтобы ты, обнаженная, опять сомкнула свои ноги за моей спиной и прижалась губами к моей груди, а потом качала бы, качала бы меня. Я и впрямь не люблю никого, кроме тебя, люблю безумно...»

И однако, несмотря на подобные любовные вспышки, брак их продолжал разрушаться. Мало кто знал, что к моменту возникновения на Галином горизонте Сальвадора Дали супруги Элюар решили расстаться и для Гали уже была снята отдельная маленькая квартирка в Париже. Элюар к этому времени стал широко известен, о нем пишут, его читают, он становится мэтром французской поэзии, без пяти минут классиком.

...На севере Испании, недалеко от французской границы, раскинулось рыбацье село Кадакес, где и проживал вместе с родителями и сестрой красавец-художник Сальвадор Дали. Он дружил с такими же молодыми кинорежиссером Луисом Бунюэлем и поэтом Федерико Гарсиа Лоркой. Все они прославятся позже. А пока Сальвадор не уверен в себе не только как художник, но и как человек. Он не знает еще, к кому его влечет: к женщинам или к мужчинам. Лорка, как бы сказали нынче, «гей», испытывал влечение к красавцу-художнику, однако Сальвадор так и не пошел

до конца навстречу сексуальным призывам поэта. Но и ни с одной женщиной у него тоже пока еще не было романа. Он пытается разобраться в себе: с одной стороны, он обожает всякие наряды, как женщи-

Ученик
и учительница
проходят
школу любви

на, любит раздеться и лицедействовать.

Но с другой — он неистовый художник, а это, в общем-то, мужская профессия. Кстати. Лорку, ставшего в 1937 году известнейшим поэтом Испании, автором многих стихотворных пьес, поэм, песни которого знала вся страна, франкисты обрекли на смерть отнюдь не из-за его демократических воззрений, он не был коммуни-

стом, — а именно из-за его нетрадиционной сексуальной ориентации. После захвата Гранады какой-то невежественный франкистский полковник отдал приказ очистить город от коммунистов и извращенцев. Федерико Гарсиа Лорка попал под вторую категорию. Он до последней минуты не верил, что его расстреляют. Но тупые жандармы сделали свое дело. Кстати, фашистский и коммунистический режимы и в этом вопросе оказались родными братьями. В нашей стране «голубых» (правда, тогда еще их так не называли) сажали в тюрьмы, ссылали в лагеря, — тому много примеров. Николай Асеев написал пронзительное стихотворение, которое мало кто знает.

Песнь о Гарсиа Лорке

*Почему ж ты, Испания, в небо смотрела,
когда Гарсиа Лорку увели для расстрела?
Андалузия ж знала и Валенсия знала, —
что ж земля под ногами убийц не стонала?!*

Федерико Гарсиа Лорка (слева) влюбился в молодого художника Сальвадора Дали, но тот не ответил взаимностью, оставшись на позиции дружбы

*Что ж вы руки скрестили и губы вы сжали,
когда песню родную на смерть провожали?!
Увели не к стене его, не на площадь —
увели, обманув, к апельсиновой роще.
Шел он гордо, срывая в пути апельсины
и бросая с размаху в пруды и трясины;
те плоды под луною в воде золотели
и на дно не спускались, и тонуть не хотели.
Будто с неба срывал и кидал он планеты, —
так всегда поступают перед смертью поэты.
Но пруды высыхали, и плоды увядали,
и следы от походки его пропадали.
А жандармы сидели, лимонад попивая
и слова его песен про себя напевая...*

Но это случится позже, в 1936 году, когда Дали будет жить во Франции. А мы вернемся в Кадакес, в сентябрь 1929 года, когда в рыбацью деревеньку въехала машина с парижским номером. За рулем сидел ко-

рифей сюрреализма поэт Поль Элюар, рядом с ним красовалась его русская жена Галя, а на заднем сиденье глазела по сторонам их 11-летняя дочка Сесиль. Они прибыли сюда, чтобы познакомиться с творчеством молодого, но уже набирающего силу и становящегося известным художника Сальвадора Дали. Вот первое парижское стихотворное впечатление Элюара о молодом Дали и его творчестве:

*Взяв в руки любой инструмент, даже ржавый,
Провозгласив добродушно, что металл чистосердечен,
Он лепит руками очарование,
Очарование всего, что зеленеет вокруг...*

Во время их встречи в Париже двадцатипятилетний провинциал из Каталонии и пригласил Элюара к себе в деревню. И вот, прихватив семью, признанный поэт приехал в гости к художнику.

Дали увидел впервые Галю через окно своего дома, расположенного на берегу моря, и был поражен ее красотой, ее ладной фигурой. Он стал наряжаться,

Париж. 1937
Сальвадор
станвится модным,
дорогим
худсжником
Началась шикарная
жизнь...

нервничать, делать всякие нелепости. Его психическое состояние в тот момент было не очень-то уравновешенным, он был не совсем здоров. Но красота Гали так его пронзила, что он вышел без шутовского наряда, в котором предполагал встретить гостей. Впечатление, которое она на него произвела, польстило Гале. Он целовал ей руки, бормотал что-то восторженное. Когда она говорила ему комплименты, отвечал странным хохотом. Это не было проявлением развязности, наоборот, скорее смущением и нервным возбуждением.

Художник позднее писал о встрече с Галей следующее: «Она обладала свойствами медиума. И сразу поняла, что означал мой смех, который другим казался совершенно необъяснимым. Мой смех не был выражением веселья, он не означал скептицизма. Он воплощал в себе мой фанатизм. Мой смех не был фривольностью. Он представлял собой конец света, ад, ужас».

Утверждают, что тогда Галя произнесла фразу: «Мой маленький мальчик, мы никогда с тобой не расстанемся». Я не знаю, кто это слышал, но все может быть. В жизни бывает и не такое! Вообще, сплетен, небылиц, рассказов, слухов, росказней про эту пару существует невероятное количество. Очень трудно отсеять, что происходило на самом деле, а что им приписывали досужие сплетники.

Ему было 25 лет, Гале 36. Она была очень опытная, зрелая женщина, он еще ни разу не познал женской любви. Чувство, страсть, любовь вспыхнули сразу, с первого взгляда, и обоюдно. Вот что вспоминал позже Сальвадор Дали: «Гала, — так он стал ее называть, потому что Гала — это праздник, это гала-представление (ударение делалось по-французски на последнем слове), — Гала пронзила меня, словно меч, направленный рукой провидения. Это был луч Юпитера, знак свыше, указавший, что мы никогда не должны расставаться».

Делая телепередачу о Гала Дали и о ее гениальных мужьях, я взял интервью у двух людей, которые бы-

ли близко знакомы с художником и его женой. Один из них Пьер Аржиле, старинный друг и издатель многих книг, где Дали выступал иллюстратором. Чтобы встретиться с ним, наша съемочная группа побы-

роскошные отели, приемы, банкеты, яхты...

вала в городе Мелуне — древней столице Франции. Аржиле принимал нас в своем шикарном замке Вольпениль, где находится принадлежащая ему огромная коллекция сюрреалистической живописи, в том числе немалое количество картин Сальвадора Дали. Этот замок Аржиле и Дали собирались приобрести на пару, чтобы устроить в нем озорные шоу, шутовские мисте-

рии, сюрреалистические праздники, но в последнюю минуту Сальвадор уклонился от выплаты своей доли, и Пьер купил дворец единолично.

Второй друг — это знаменитая певица, художница, манекенщица, звезда телевидения Аманда Лир. Мы навестили ее в городке Сан-Реми, в Провансе, недалеко от города Арля, где находится вилла этой очаровательной женщины. Она подарила нам весь свой выходной день. Так что в дальнейшем я буду просто выбирать нужные мне места из тех интервью, которые провел с ними...

...А Гала и Дали бродили по оливковым рощам, влюбляясь все больше и больше. Вот что об этом писал сам Дали: «В начале нашей любви с Гала я был очень нездоров душевно. Припадки хохота, судороги, прочие симптомы истерии. И все сильнее меня мучил комплекс высоты. Мне хотелось столкнуть кого-нибудь вниз или броситься самому с обрыва. Однажды я нарочно завел Гала на одну из самых высоких скал. И когда мы забрались на самый верх,

Гала в шляпе-туфле, созданной Эльзой Скиапарелли по эскизу Дали в 1937 г.

Эльдар Рязанов:

Элюар был, конечно, встревожен. С одной стороны, он привык к изменам и сам изменял, но здесь что-то его беспокоило. Дело кончилось тем, что он вынужден был, забрав дочь, уехать в Париж.

Элюар уехал без жены, но со своим портретом работы Дали. То есть произошел как бы обмен, что ли. Элюар ему жену, а Дали ему портрет. Я нарочно так огрубляю.

Пьер Аржиле:

Да, он увез портрет. Элюар хорошо знал свою жену. Ему уже приходилось сталкиваться с такой же проблемой в истории с Максом Эрнстом. Он привык, что когда какой-либо мужчина привлекал Гала, она тут же начинала добиваться его взаимности. Гала мгновенно поняла, что Дали — человек исклю-

во мне явственно шевельнулось преступное желание. И там я предложил Гала игру. Мы откалывали большие куски гранита, оттаскивали их к самому краю и скидывали вниз. Смотрели, как бесконечно далеко внизу они низвергаются в море или разлетаются вдребезги, ударяясь о камни. Я мог часами ворочать гранит ради этого зрелища. И только опасение, что когда-нибудь я столкну в бездну не камень, а Гала, удерживало меня. Я перестал водить ее на скалу, где меня охватывал неопиcуемый трепет из-за близкой опасности и восторга, сладостного и губительного».

Гала и Сальвадор ищут позу натурщицы, которую художник намерен запечатлеть на холсте

чительный, и не замедлила его соблазнить. Дали тогда плохо разбирался в женщинах, он был еще совсем юнцом, — у него совершенно не имелось опыта. Эта женщина ослепила его, научив приемам любви, испытанным ею в многочисленных любовных связях.

Эльдар Рязанов.

Сальвадора даже не остановил гнев отца, который лишил его наследства, не оставив ни одного песо. Отец говорил: «Как ты мог уйти к этой русской шлюхе, к наркоманке?» Семья и сестра Дали не приняли Гала ни в какую. А как перенес все это поборник любви без ревности Элюар?

Пьер Аржиле.

Он через некоторое время нашел себе другую жену, которая, как я полагаю, его устраивала, ибо они прекрасно и долго жили вместе. Нюш была красивой женщиной, на мой взгляд, красивей, чем Гала. Он не много потерял при обмене. Но тем не менее сохранил фатальное чувство к Гала. Ведь мужчины всегда больше любят неприятных женщин, нежели приятных. На приятную женщину не обращают внимания, зато неприятные, поскольку мы все немного мазохисты, как говорил Дали, вызывают любовь. Таково мужское сердце.

Гала поддерживала переписку с Элюаром. Огромное количество писем. Оказывается, они несколько раз встречались, у них бывали любовные свидания. Элюар писал бывшей жене до самой своей смерти. Интересные, а иногда очень эротичные письма, в которых он вспоминает их великолепные ночи.

Эльдар Рязанов

Он писал ей не только письма. Немало стихотворений последних лет посвящены Гала.

*Никого не любил я, кроме Гала,
Я готов отрицать всех женщин.
Не знал я других женщин, за исключением Гала.
Это давало мне желание жить.
И еще больше желание с этой жизнью покончить...*

Пьер Аржиле

Эта женщина обладала необычайной притягательностью. Сальвадор без конца писал ее. Честно говоря, она была не так уж молода для натурщицы, но это его не останавливало.

Гала вошла в его жизнь. Не только в семейную жизнь, но и в его творчество. «Образ Гала, — сказал

Скоро она уйдет
от него навсегда...

как-то Дали, — не просто изображение женщины. Этот образ один из центральных в моем творчестве. В нем обаяние и некая женская непостижимость, загадочность русской души. Образ многозначительный, на все века».

Вскоре после того, как Эльяр ретировался с поля боя, то есть из Кадакеса, Гала увезла Сальвадора на юг Франции. Там в небольшом местечке она провела с ним два месяца в гостинице, откуда, как писал сам Дали, они не показывали и носа. Не выходили из номера. Знакомые злословили, что там художник проходил любовную стажировку. Вот что писал о начале романа Гала и Дали близкий друг Сальвадора, знаменитый режиссер Луис Бунюэль: «Практически Дали никогда не интересовался женщинами. Как человек,

склонный к воображению с некоторыми садистскими тенденциями, он даже в молодости не был женолюбом, насмехался над друзьями, увлекавшимися женщинами. Невинности его лишила Гала. После чего он написал мне на шести страницах великолепное письмо с описанием радостей плотской любви. Гала — единственная женщина, которую он действительно любил».

Любовники переехали в Париж. Денег не было. Элюар, который мог бы помочь им, сам сидел без гроша. Надежда на заработок была только одна — продавать картины Сальвадора. Но Париж был завален картинами художников, которые съезжались в этот город со всего мира, чтобы покорить его. В жизни Гала наступил этап борьбы за существование. Каждое утро она брала с собой картины или фотографии с картин Дали и пешком обходила художественные галереи Парижа, предлагая работы возлюбленного на продажу. Галерейщики — народ тертый, бывалый. Но при виде разнузданной живописи неведомого испанца их брала оторопь. Они видели мастерскую уверенную руку художника, но необычные, раскованные, да к тому же еще с некоей сумасшедшинкой сюжеты полотен ставили галерейщиков в тупик и заставляли их отказывать. Сколько сил и красноречия потратила Гала, убеждая каждого из них в гениальности художника.

Она ищет меценатов среди богатой и титулованной аристократии. Ей удалось уговорить Андре Бретона, лидера сюрреалистов, принять Сальвадора в их группу. Так что он перестал быть одиночкой. Правда, позже, когда Дали взобрался на вершину успеха и немало поехал умом, начав восхвалять фашистских лидеров, — Гитлера, Франко и Муссолини, — сюрреалисты дружно изгнали его из своей среды, но Дали это уже было все равно...

Мало-помалу усилия Гала увенчиваются успехом. Через четыре года Париж, сначала повернувшийся спиной к художнику, вдруг раскрыл ему свои объятия. Имя Сальвадора Дали у всех на устах. Его полотна

растут в цене, и вскоре он самый дорогой, самый высокооплачиваемый художник. Начинается шикарная жизнь — выставки, вернисажи, путешествия, роскошные отели. Куда девались робость, провинциальная застенчивость, растерянность, возрастная меланхолия молодого испанца? Гала много сил отдала не только тому, чтобы к Дали пришел успех, но и шрифтовке самого художника. Учила его поведению в обществе, манерам, умению поддерживать беседу. Она руководила всем: от того, какой костюм надеть Сальвадору, до цен на картины и выбора маршрутов путешествий.

Пьер Аржиле:

Она была его возлюбленной, а затем стала его женой. Они очень долго жили вместе, много путешествовали, переезжали из страны в страну. У обоих были любовные связи, но для Дали было необходимо, чтобы Гала находилась рядом с ним. Она занималась его делами, поскольку сам он никогда этого не делал, она управляла их домом, она давала ему советы. Дали не умел водить машину, даже не пытался сесть за руль. Когда Гала подавала машину к подъезду, он садился на заднее сиденье, складывал руки на трости и ждал, чтобы машина поехала. Дали был нужен практичный человек. И именно Гала, вне зависимости от их отношений, занималась всем жизнеобеспечением.

Аманда Лир:

Когда Дали впервые представил меня своей жене Гала, я была ужасно испугана. Женщина вызывала ужас. Я знала, что она русская, и не удивилась ее довольно сильному акценту. Но я не была готова увидеть маленькую, изящную женщину с острым пронзительным взглядом. Дали говорил, что взгляд Гала пронзает стены. Она внимательно меня осматривала с головы до ног, а на мне была коротенькая мини-юбка, и я подумала: о, эта ужасная женщина станет меня сейчас критиковать. Первая встреча была просто чудовищной. Потом Дали предложил: «Давайте пообедаем все вместе». И тогда я заметила — перед своей женой он робел, как ребенок, как ма-

ленький мальчик. Боялся вызвать ее неудовольствие, боялся ее критики, боялся, что может не понравиться ее друзьям. Тогда я поняла, какое огромное место занимает Гала в жизни Дали. Она была женой, любов-

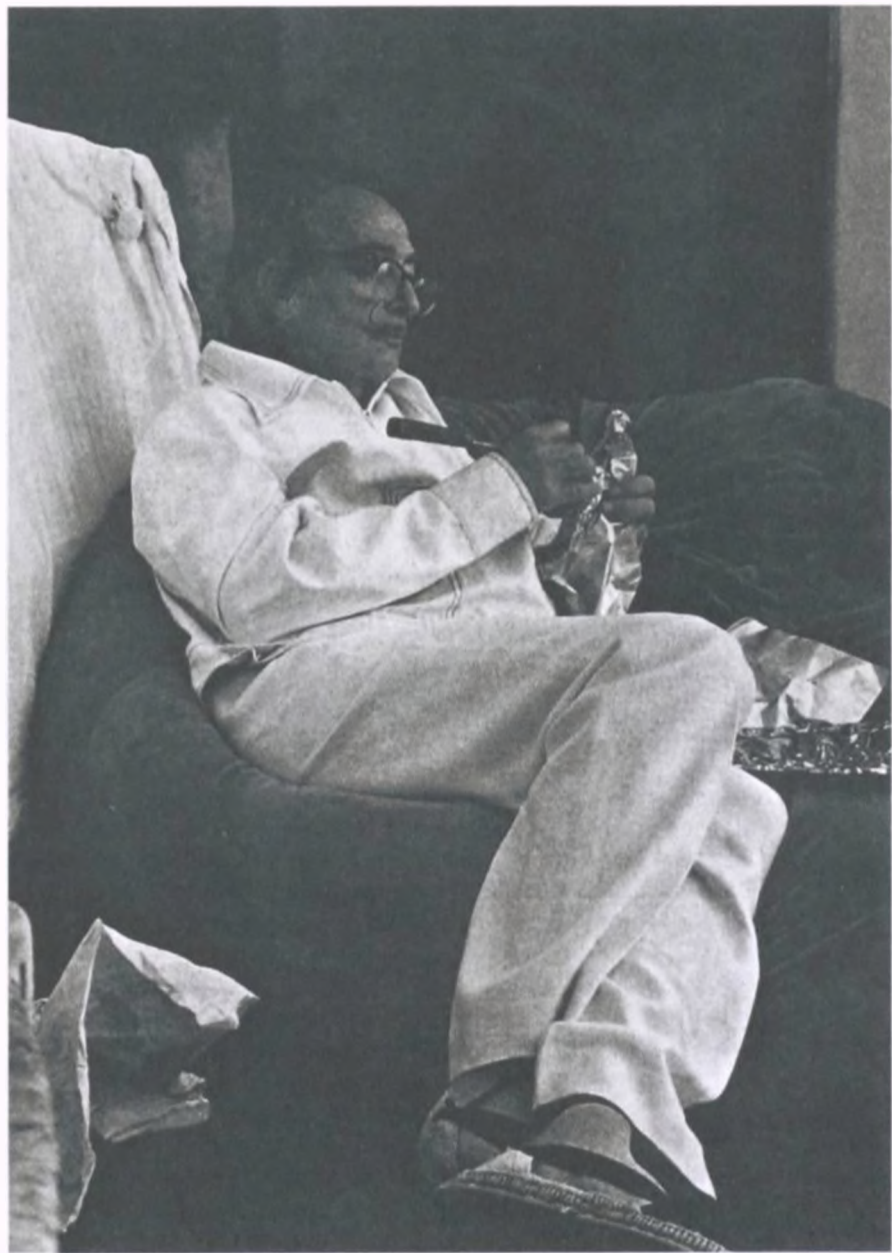
Про Аманду Лир в прессе писали, что она трансвестит, что прежде она была мужчиной

ницей, майором, полковником, шефом. Она принимала все решения.

Для нашей телепрограммы Алена Красникова — режиссер передачи — нашла уникальные кадры кинохроники, где Дали рисует позирующую Гала и по-актерски изрекает некоторые сентенции. Конечно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, но... попробую описать один из кадров...

Дали сидит за мольбертом с палитрой и кистью в руках. На голове у него ночной колпак. Перед ним высоко на фоне облаков на пьедестале, задрапированном и почти невидимом, находится Гала в каком-то светлом костюме. Ощущение, будто она парит в воздухе. В руке у нее трость. Дали многозначительно,

как дурной актер, обращается к ней: «Гала, посмотри на меня так, будто ты статуя правосудия». Гала поворачивает голову к нему. «Я вижу, ты мне улыбаешься! — напыщенно продолжает Сальвадор. — Так же, как и каждый вечер. О моя драгоценная награда!..» ...Но постепенно у каждого из них появилась своя интимная жизнь. По мере того, как старела Гала, ее любовники становились все моложе и моложе. Она платила им за удовольствие большие деньги. А Дали развлекался совершенно другим образом. Он любил устраивать мистификации, розыгрыши, обожал эпатировать людей, поддерживал слухи, что он сумасшедший. О его выходках ходили самые невероятные легенды.

Аманда Лир:

Дали был совершенно заморожен рассказом о том, что Ленин хотел иметь золотые писсуары. Он собирался купить писсуары у ресторана «Максим», чтобы их позолотить. А еще он нарочно подвергал себя опасности. Например, как-то спустился в зоопарке в клетку к носорогу. Гала сказала ему тогда: «Ты убьешь себя из любви к саморекламе». Она этого не любила, попрекала его. Как только Дали видел камеру или фотографа, он начинал играть роль сумасшедшего: выкатывал глаза, размахивал тростью — считал, что люди ждут от него именно этого. А в кругу близких людей он совершенно не был сумасшедшим. Он был чрезвычайно образованный, умный, тонкий, очень нежный человек. Но перед публикой не мог не разыгрывать психа. И до самого конца продолжал этот спектакль. Ему необходимо было лицедействовать. Дали был величайшим шоуменом, величайшим из всех, кого я когда-нибудь видела. Даже Элвис Пресли не сравнился бы с ним.

Дали, вырезающий птичку.
Порт-Лигате. 1973

Я читал у Михаила Веллера такую историю. Наш великий композитор Арам Хачатурян мечтал познакомиться с Дали. Наконец удалось устроить их встречу. Хачатурян приехал в замок Пуболь. Встреча была назначена на два часа. Без трех минут два его провели

в роскошную залу, усадили на золотую банкетку и объявили, что синьор Дали сейчас выйдет. По зале гулял павлин, а на столике красовались дорогие вина, коньяки, фрукты в вазах, кубинские сигары. Хачатурян стал ждать. Чет-
верть часа, полчаса, час.

«Образ Гала, — говорил Дали, — один из центральных в моем творчестве. В нем обаяние и загадочность русской души».

Он выпил коньячку, покурил сигару, съел грушу. Наливаясь злостью, продолжал ждать. Потом решил уйти, но не смог. Двери были заперты. На стук никто не отзывался. Потом музыканту захотелось по-маленькому. Он начал колошматить в двери. Никакого результата. Тут он заприметил мавританскую вазу и решил ждать до четы-

рех, а уж потом... Но дожждаться не смог. Без нескольких минут четыре композитор пристроился к вазе... И тут, одновременно с боем часов, ровно в четыре из динамиков во всю мощь многих децибел грянула музыка «Танца с саблями». Распахнулась дверь, и в залу влетел совершенно голый Дали верхом на швабре, а в руке у него была сабля, которой он, танцую под музыку, размахивал. Сделав по зале круг, голый художник скрылся за дверью. Вошел церемониймейстер и объявил, что аудиенция окончена. В вечерних испанских газетах появилось подробное изложение произошедшего. Дали с великодушием отзывался об обыкновении гостя из дикой России использовать в качестве ночных горшков коллекционные вазы стоимостью в сто тысяч долларов и возрастом в шестьсот лет. Так встретились два великих человека — композитор и художник...

...И снова документальный кадр, где говорит сам Дали. Художник стоит на фоне моря. Он одет в средневековый камзол, на груди изображение солнца из

стекляшек, на голову нахлобучен картонный рыцарский шлем, а на столе перед ним лежит бутфорский меч.

Дали: То, что вы говорите, совершенно верно. Меня все время упрекают в том, что я постоянно изображаю из себя клоуна. Для меня это не упрек, а похвала. Чарли Чаплин известен как великий клоун, у него огромный престиж. Но Чаплин, кроме всего прочего, рисовал, как Сальвадор Дали, чем заслуживает еще большее уважение.

Аманда Лир: Гала этого терпеть не могла. Она не выносила, когда Дали выставлял себя на посмешище, строил из себя клоуна или подвергал себя опасности. Гала любила своего Дали, классического, корректного, элегантно-го. Она была очень сдержанная женщина, и ее раздражали все эти его выкрутасы. Гала говорила: «Если ты хочешь изображать из себя шута, делай это с Аmandой, со своими «придворными». Я предпочитаю, чтобы ты оставался корректным».

Когда Гала была с ним, наступала пора того, что он называл семейным счастьем, — очень размеренная жизнь, они только вдвоем, вместе ходят в кино. Ну, в общем, как у всех нормальных людей.

Эльдар Рязанов: Аманда, вспомните свое первое впечатление от знакомства с художником.

Аманда Лир: Ужасное. Мне Сальвадор Дали показался очень антипатичным. В то время я была манекенщицей в Париже, работала у модельера Пако Рабана. Я была высокой, эффектной девушкой. Однажды вечером после очередного показа моделей в каком-то ресторане мне представили Сальвадора Дали. Я увидела господина с огромными усами (показывает), с тростью. К тому же одет он был, мягко говоря, несимпатично. Этот господин походил на клоуна, а не на серьезного человека. Он изображал из себя короля, которого окружала «свита». Юные блондинки с косицами, выдающие себя за непорочных дев, молодые люди с сильно накрашенными глазами, которые оказывались парикмахерами, хиппующие музыканты. И все

Аманда Лир.
Актриса, певица,
писательница,
художница,
манекенщица

Дали.
Годы идут

говорили: «О, Дали! Дали! Вы великолепны! О, Дали!» Это показалось мне идиотизмом. На следующий день он позвонил мне, пригласил пообедать. И я открыла для себя совершенно другого человека. Мы встретились с Дали в полдень в ресторане. Он не был окружен своими «придворными» и вдруг оказался интересной и симпатичной личностью. Мы стали говорить о живописи, о сюрреализме, о моде. Потом он проводил меня домой. Уходя, сильно сжал мою руку и сказал: «Мы никогда больше не расстанемся». И действительно, я была его подругой целых восемнадцать лет.

Эльдар Рязанов:

А как Гала, законная и любимая жена великого художника, отнеслась к вашему появлению в этом тесном кругу? И вообще к вашей дружбе с Сальвадором?

Аманда Лир: Гала понимала, что ей отведена не очень приятная роль — роль женщины, которую окружающие не любят. Дали был знаменит, все женщины Голливуда, Нью-Йорка, Мадрида, Рима хотели быть знакомыми с ним. На всех торжественных обедах рядом с Дали всегда сажали самых красивых женщин. Ей же всегда выпадала малоприятная роль жены, которая следит за происходящим. Она невольно играла роль жандарма. И когда видела разных Аманд Лир, милых, красивых блондинок, которым ее муж целовал ручки, говорил комплименты, она думала: «Ну вот, еще одна». Хорошие отношения с Гала у меня сложились позже, когда я приехала к ним в гости в Испанию.

Пьер Аржиле: Дали прекрасно знал, что у Гала были любовники. Все это знали. Она, совершенно не скрываясь, делала авансы двадцатилетним юношам, когда ей было во семьдесят. Я это видел, все это видели. Она имела мужество поступать по-своему, что редкость для старой женщины. Старая женщина всегда изображает чистоту, не правда ли? Благородную бабушку. Все женщины поступали так, но не Гала.

Она была смела в своих действиях. Она штурмовала молодых людей, альфонсов, хиппи, кого угодно. Дали это прекрасно знал. Он был умным человеком. У них был договор — каждый делает что хочет. Это было лучшее решение. Не было глупой ревности, каждый жил по-своему. Дали со своей стороны тоже был свободен. Он пользовался большим успехом у женского пола. Ему несложно было найти себе партнершу. Но есть еще один нюанс. Дали утверждал, что по отношению к Гала он мазохист. Однажды я предложил ему иллюстрировать книгу Леопольда Захер-Мазоха, которая вышла в тысяча восемьсот семидесятом году, «Венера в мехах». Эта книга была очень знаменита в то время. От имени Захер-Мазоха и произошло понятие «мазохизм». Как в свое время «садизм» от имени маркиза де Сада.

Садизм и мазохизм — два интереснейших аспекта человеческой личности. Антитезы, часто становящиеся единством. Недаром говорят — «каждый мазохист

найдет своего садиста». Дали очень любил получать приказы от Гала. Он прямо извивался перед ней. Она все время его пилила, но ему это не мешало. Он принимал это, как мазохист. Итак, он сделал иллюстрации для книги «Венера в мехах». Там он изобразил себя. Видите: женщина, похожая на Гала, стегает мужчину, распластанного перед ней. И этот мужчина — Дали. Это очень важно для понимания их отношений.

Что думала ночами в старости бывшая романтическая русская девушка Галя Дьяконова, привыкшая к красивым стихам и поклонению? Последние двадцать лет своей жизни эта «пиковая дама» пользовалась наемной любовью всяческих «жиголо» и других юных наглецов, жадных до денег, которых у нее было навалом. А сколько вежливых и от этого еще более унижительных отказов получала она, когда пыталась «клеить» молодых людей из приличного общества. «Она мне в матери годится», — с негодованием говорил один из них.

Блуждая по коридорам и подвалам дворца Вольпегниль, принадлежащего Пьеру Аржиле, я наткнулся на рабочий кабинет Сальвадора Дали. В центре стояла двухметровая восковая фигура художника, наряженная в восточный халат рубинового цвета. Лицо было, как живое. Казалось, он вот-вот заговорит. Меня не покидало ощущение легкой жути. Рассказывая о жизни художника, я хотел было положить руку ему на плечо, но какое-то боязливое чувство не позволило мне сделать этого. В центре кабинета стоял рояль, но не простой рояль. На самом деле в его внутренность была налита вода, а из боковой стенки торчал кран. При желании можно было помыть руки. На стенах висели подлинники картин Дали. Тусклое освещение, пыль, паутина, заброшенность — и в центре фигура величайшего мистификатора двадцатого столетия. Смахивало на классный триллер. В общем, впечатление незабываемое.

Кстати, когда Гала спросили, почему она предпочла

известному поэту Полю Элюару неведомого Сальвадора Дали, она ответила: «Я сразу поняла, что передо мной гений». Думаю, в том, что Дали стал гением XX века, есть немалая заслуга его музы, его жены. И опять документальный кинокадр. Дали делает вид, что рисует, сидя за мольбертом. Перед ним обнаженная Галя, спиной к художнику, в позе, очень знакомой по знаменитой картине Сальвадора. Само полотно установлено на мольберте. Дали в нарукавниках, на голове парик.

Дали

(обращаясь в объектив камеры) Картина, на которую вы любуетесь, — плод четырех месяцев работы, не прерываемой ничем, кроме шести минут ежедневной сиесты и двадцатиминутного купания в море каждое воскресенье.

Лицо и тело Галя можно распознать на многих картинах и книжных иллюстрациях Дали. Так, Леда на картине «Леда и Лебедь» — обнаженная Галя. Даже в некоторых изображениях Христа угадываются черты ее лица. Она стала музой художника во всех смыслах.

Аманда Лир:

Дали часто говорил, что он импотент. Каковым ни в коей мере не был. На мой взгляд, это хитрость, которую он применял, чтобы соблазнять девушек. Поэтому что когда мужчина говорит: «Не беспокойтесь, я импотент», женщина уверена — он не станет к ней приставать. Новый метод: мнимая импотенция. Слава Дали была тесно связана не только с его творчеством, но и с его оригинальной личностью. Он и соблазнял не так, как какой-нибудь каменщик. У Дали этому процессу предшествовало множество приготовлений. Важно было создать обстановку. Кроме того, он уважал дворянские титулы, любил аристократок. Сам-то он происходил из провинции, из мелкой буржуазии. Героинями его эротических мечтаний были королевы, принцессы, герцогини.

Редкий документальный кинокадр. Очень крупный план лица Сальвадора Дали. Видно даже не все лицо, а лишь роскошные своеобразные усы. Дали дергает их, разглаживает, опускает кончики усов вниз, снова поднимает и закручивает. Одним словом, балуется, играет, демонстрирует свою неповторимую усатость.

Эльдар Рязанов:

Аманда Лир:

Теперь поговорим о его диковинных огромных усах... Его усы меня интриговали. Всегда было очень любопытно на них смотреть. Я заметила, что Дали никогда не показывался утром до тех пор, пока его усы не были готовы. Он разговаривал со мной через дверь. Не хотел, чтобы я его увидела, прятался. Он должен был покрыть свои усы воском, потом подкрасить их черным карандашом. Усы становились сине-черными, загибались вверх. Как-то, когда он меня целовал, он очень сильно прижал меня к себе, и у меня на лице остался отпечаток краски с его черных усов.

Пьер Аржиле:

Один из друзей Дали сделал модель его головы, чуть больше натуральной величины, и выставил ее в Нью-Йорке. И у Дали появилась идея. В задней части модели проделали отверстия, так, чтобы они достигали уголков рта. И запихнули туда двух здоровенных крыс из нью-йоркской канализации. Получилось, что вместо усов у этой головы болтались крысиные хвосты. Это было неплохое представление для телевидения. Но нью-йоркские старые девы из Общества защиты животных стали протестовать против издевательства над крысами. Появились публикации в прессе, и Дали бросил это дело.

И снова кинокадр, запечатлевший живого Дали. Он в длинноволосом парике и в ночной пижаме. Художник обращается в объектив камеры, причем говорит о себе в третьем лице:

— С самого нежного отрочества Дали носил самые длинные волосы во всей Европе, а позднее, и до сего времени — самые длинные усы. Это мой знак!

Старенький Дали перед своей последней картиной «Ласточкин хвост». Замок Пуболь. Май 1983 г.

Сальвадор эффектным жестом сдернул с головы парик и усмехнулся.

Эльдар Рязанов:

Ваша книга о художнике выглядит так: фамилия автора – «Аманда Лир», а название – «Аман Дали». Это сознательная игра слов?

Аманда Лир:

Да, это так, игра слов. Аманда Лир мое имя, «Аман Дали» обозначает – любовник Дали. И я специально прибегла к этому. Люди часто не понимали, каковы были на самом деле мои отношения с Дали. Был ли

он моим любовником, или духовным отцом, или он просто учил меня рисовать, или он был моим гуру, или другом. Да и у меня самой не было полной ясности. Чтобы разобраться в себе, я решила написать книгу. Это как побывать у психоаналитика. В процессе создания книги я осознала, за что люблю Дали.

Эльдар Рязанов:

Месье Аржиле, а как Дали относился к другим женщинам? Например, что за история у него с Аmandой Лир?

Пьер Аржиле:

То, как он их рисовал, великолепные рисунки женских тел говорят сами за себя. Он любил женщин. Как сам говорил, и с лица, и со спины. Дали очень тонко самовыражался. Но у него были и такие женщины, как Аманда, которые сближались с Дали для саморекламы. Аманда даже утверждала, что он собирался на ней жениться. Но это неправда. Дали очень нравилось ее присутствие. Я часто видел, как она читала ему, когда Гала не было. Но не думаю, что у них были сексуальные отношения... И большая часть того, что она о нем написала, не соответствует истине.

По книге Аманды получается, что Дали говорил невесте что, чепуху, но это не так. Он был очень глубокой, думающей личностью, человеком огромной художественной культуры.

Когда он учился живописи в Мадриде, будучи мальчиком, то работал больше всех, часами. Это был человек, любивший свое дело, в нем кипела страсть к живописи, к рисунку. Он не просто так достиг своего положения. Дали обладал огромным талантом, но при этом непрестанно трудился, чтобы развить его.

Эльдар Рязанов:

Я не раз читал, что Гала и Сальвадора связывали только деловые отношения. Что о любви не могло быть и речи.

Аманда Лир:

Этих двух людей объединяла очень сильная и очень глубокая любовь. Когда Гала вернулась из путешествия, Дали сказал ей: «Аманда действительно исключительная женщина, она мне очень нравится». Я подумала, что Гала будет ревновать, это естественно.

Но она любила своего мужа и хотела, чтобы он был счастлив. И если для этого счастья нужна была Аманда, ну что ж, Гала могла принять Аманду. Эта женщина готова была терпеть другую, чтобы доставить мужу удовольствие.

Ну, она, конечно, тоже не оставалась внакладе, ведь Дали предоставлял ей свободу. Она много путешествовала, с ней всегда ездил какой-нибудь молодой человек. И в итоге ее это тоже устраивало. Но говорить, что их объединяли только дела, неправильно. Они очень любили друг друга. Когда Гала возвращалась из путешествий, Дали неподдельно радовался: «О, Галюшка, Галюшка!»

Эльдар Рязанов

А чем занимался Сальвадор Дали помимо мистификаций, когда Гала развлекалась с молодежью?

Пьер Аржиле:

Он работал. Его это не беспокоило. Он совершенно справедливо полагал, что если она хорошо проводит время, то тем лучше и для нее, и для него. Я считаю, это самая разумная политика.

Эльдар Рязанов:

Многие журналисты называли Гала хищницей, чудовищем, чумой. Якобы в раздражении она могла плюнуть человеку в лицо, загасить об него окурок. Так ли это?

Уклончивость ответа сделала бы честь любому дипломату.

Пьер Аржиле:

Ну, все же иногда она бывала очень мила. Кроме того, она всегда защищала Дали от забот обыденной жизни. В бытовых вопросах Сальвадор был как ребенок. Он не мог расплатиться с таксистом, оплатить счет в гостинице. Он становился беспомощным, растерянным. Когда они возвращались в Париж после летнего сезона, они везли с собой картины и все остальное. Именно Гала занималась упаковкой и транспортировкой багажа. Да и вообще всеми домашними делами. Дали не прикасался ни к чему. Все было обеспечено. Ему не о чем было беспокоиться. Только рисовать, принимать журналистов и обдумывать свои будущие картины, рисунки. Дали очень

много над ними размышлял. Однажды он вместе с издателем Фуре готовил большой книжный проект. И вот Фуре, услышав от Сальвадора, что у него все готово, попросил показать эскизы. Дали ответил: «Нет, все вот здесь, в голове». Для него, если идея была готова, воплощение ничего не стоило.

Это мне напомнило фразу великого Рене Клера, которую он произнес, закончив киносценарий: «Фильм готов, его осталось только снять».

Эльдар Рязанов:

Вы ведь не только дружили с Дали, но и издавали много книг с его иллюстрациями...

Пьер Аржиле:

Мы начали сотрудничать в тридцать третьем году. Идея пригласить Дали, тогда еще неизвестного художника, принадлежала мне. Первая книга, которую мы издали вместе, называлась «Волхвы». Для нее он сделал целую серию гравюр. Затем мы выпустили стихи Мао Цзедуна. Далее обратились к творчеству Гийома Аполлинера, — это тоже поэзия. А после Аполлинера издали «Фауста». На мой взгляд, это одна из лучших иллюстративных работ Дали. Мы издали его на французском и немецком. Вот немецкое издание. *(Показывает.)* Портрет Маргариты. Эта гравюра весьма знаменита в Германии. Дали был одним из самых высокооплачиваемых художников двадцатого столетия. И при этом, говорят, он всегда ходил без копейки денег, не имел даже карманной мелочи. Деньги забирала себе Гала. Так ли это?

Эльдар Рязанов:

Дали был одним из самых высокооплачиваемых художников двадцатого столетия. И при этом, говорят, он всегда ходил без копейки денег, не имел даже карманной мелочи. Деньги забирала себе Гала. Так ли это?

Пьер Аржиле:

Я сам, как и многие другие, могу подтвердить, что Дали никогда не имел при себе ни гроша. Гала забирала все, что он зарабатывал. Все расплачивались только с ней. Причем она хотела, чтобы как можно больше денег платили наличными и как можно меньше чеками. Костюмы Дали были всегда потертыми на локтях и воротнике. Ему нечего было надеть. Представляете, человек, который зарабатывал так много, не имел даже приличного нового костюма!

Аманда Лир:

Дали вообще не умел обращаться с деньгами. Ведь

все долларовые банкноты одинаковы по размеру и по цвету — один доллар, десять, сто... А Дали из тщеславия никогда не носил очки, и когда надо было платить, отдавал доллары без разбора. И Галя сказа-

В подвале замка Вольпениль, где находится восковая фигура великого художника и мистификатора, я хотел, во время телевизионного рассказа, положить руку на плечо Сальвадора, но не решился... оробел...

ла: «Все, я больше тебе не дам ни цента. Все деньги впредь будут у меня. Твое дело только подписывать чеки». Она была кассиром в семье. Когда мне нужно было оплатить гостиницу или авиабилет, именно Галя давала мне наличность. Не знаю, все ли русские женщины таковы, но она была действительно исключительной женщиной.

Кадр кинохроники. Дали, одетый в белый морской китель, на фоне медвежьего чучела, вещает о себе в третьем лице:

— Деньги! Сальвадор Дали уважает их больше всего на свете.

Их последние годы перед смертью были ужасно дра-

Аманда Лир:

матичны. У Гала были больные легкие, а Сальвадора Дали поразила болезнь Паркинсона, и он не мог рисовать — у него тряслись руки. Незадолго до смерти Гала мне позвонила и сказала: «Боже, как я несчастна, как я страдаю, как печальна наша жизнь на закате. Как жаль так грустно окончить свои дни». Она скончалась раньше Дали. С того момента он никого не хотел больше видеть. В день смерти Гала он уединился там, где она жила, в замке Пуболь, и отказался принимать всех своих друзей. Добровольно заточил себя до конца своих дней.

Эльдар Рязанов:
Аманда Лир.

Вам так и не удалось больше увидеть его? Я видела его за два года до его кончины. По пути в Барселону я заехала в замок Пуболь и сказала Артуру, преданному слуге Дали, что хотела бы познакомиться с маэстро. Художник согласился меня принять, но только так, чтобы я его не видела. Он гордился своей внешностью, считал себя очень привлекательным и соблазнительным. И не хотел показываться мне больным, похудевшим, ослабевшим. Он сказал: «Я приму Аманду в темноте». Мы встретились в темной комнате, где можно было различить только силуэт и угадать, что Дали сильно похудел, стал совсем маленьким. Последний раз мы увиделись воочию. Это было очень грустно. Дали смотрел на меня и говорил: «Вы подстриглись. Как жаль. Мне нравились длинные волосы. Чем вы занимаетесь? Вы все еще поете?» Это была прощальная встреча. Я знала, что все кончено, что никогда больше его не увижу. И когда уезжала, я была очень сильно взволнована.

Но как ни таился Дали от посторонних глаз, пронырливые папарацци сумели снять его, когда больного художника везли в больницу. В огромном лимузине рядом с медицинской сестрой полулежал маленький сморщенный старичок, кожа обтягивала его похудевшее лицо, у него были печальные бессмысленные глаза. А потом репортеры сняли его в коридоре больницы и в палате, где у него из носа торчала какая-то медицинская трубка. Было ощущение, что он

уже ничего не понимает. Ни того, где он, ни того, что с ним происходит. От былого величия, бравады, сознания собственной значительности не осталось ничего. При мысли о том, что может жизнь сделать с великолепным человеческим экземпляром, возникло чувство горечи, бессилия и жалости... Вот и закончился мой рассказ о грешной, очень грешной музе двух гениев, великого француза Поля Элюара и великого испанца Сальвадора Дали. Но кто из вас не грешен, дорогие мои читатели, бросьте в нее камень. Если сможете добросить. Эти люди окружали себя легендами, мифами, недосказанностью, слухами, розыгрышами, вымыслами. Я думаю, именно поэтому их близкие противоречат друг другу, говорят порой совершенно разные вещи. Но подобное, вероятно, входило в задачу наших героев. И пусть они остаются в странном мире тайн, загадок, мистификаций, сплетен, домыслов, ибо когда все известно, становится скучно. Как хорошо, что мы чего-то не знаем...

Эльза Триоле:

«Наши книги придут к нам
на помощь...»

«Родная моя Лиличка, дом куплен!!!!!!!!!!!!!! Последнее время мы ничем другим не занимались, рыскали по окрестностям Парижа, не вылезали из машины, изнервничались до последней степени. Отрицательная сторона дела: мы влезли в долги по горло. Положительная: Арагоша ожил, счастлив безмерно, горд, с утра до вечера мечтает и молит меня, чтобы я раз в жизни без экономии покупала для моего «кабинета» все, что мне нравится. Надеется, что красота письменного стола заставит меня снова писать...»

Это мельница... В полном порядке, с необходимой мебелью. Четыре с половиной гектара земли, леса. Речка уходит под мельницу. Колесо снято, под галереей-комнатой стена с круглым окном, за которым льется водопадом вода — фантастика! Вечером освещается, а когда надоедает, можно остановить, открыв шлюзы и отведя воду в сторону наружного водопада. Жилые комнаты на втором этаже... Место редкостное по невероятности, красоте. Парк — просто лесной участок...»

Это отрывок из письма Эльзы Триоле в Москву сестре Лиле Брик от 25 июля 1951 года. Осенью 1994 года здесь, на мельнице в Сент-Арну-ан-Ивелин, состоялось торжественное открытие музея и литературного центра Луи Арагона и Эльзы Триоле. Такова была их воля, изложенная в завещании. Это случилось через двадцать четыре года после смерти Эльзы и двенадцать лет спустя после кончины Арагона, случилось,

несмотря на смены правительств с разными идеологическими установками, несмотря на отсутствие средств, несмотря на отсутствие детей, которые могли бы быть «толкачами» в этом деле. На открытие

Костюм пажа очень шел маленькой Эле

приехало около тысячи парижан — как говорится, цвет интеллигенции: писатели, журналисты, члены правительства, художники, композиторы, кинематографисты, политические деятели. На лужайках поставили палатки со столами для угощения. Ухоженный парк, с мостиками через маленькую речку или большой ручей и с клумбами ярких осенних цветов, был полон людьми. Многие были знакомы друг с другом. Наша съемочная группа — мы оказались единственными представителями России — работала в тот период над телевизионной передачей об Эльзе Триоле. Почти все интервью были взяты именно здесь и именно в этот день. Я вел свой рассказ, снуя в толпе, бродя по парку и обраща-

ясь иногда с вопросами к кому-либо из присутствующих на празднике...

Эля Каган, дочка адвоката, специалиста по еврейским делам и авторским правам, родная младшая сестра Лили Юрьевны Брик, родилась в 1896 году. Семья была интеллигентная; дома музицировали, обсуждали новые книги, посещали театры. Мать прекрасно играла на рояле. Дом гостеприимный, открытый. Девочки росли в нежной, тепличной атмосфере. Старшая сестра была очаровательна, за ней ухаживали, ей поклонялись, ее как-то сразу заприметили мужчины. Все это происходило на глазах Эли, которая была еще девчонкой. В таких случаях на детей не очень-то обращают внимание, а они все замечают и впитывают.

Кстати, имя Эльза появилось позже, она сама стала себя так называть после отъезда за границу. Вероятно, пример старшей сестры был заразителен. И младшая тоже не осталась равнодушной к мужско-

Сестры —
Лиля и Эльза —
примеряют наряды
от Ламановой

му полу. Несмотря на возникавшее иногда чувство соперничества, сестры нежно и горячо любили друг друга. Всю жизнь они переписывались, когда были в разлуке, поддерживали одна другую не только морально, но и материально: в трудные послевоенные годы в Париж отправлялись продукты, а в Москву — разные шмотки. Собранная В. В. Катаняном и изданная только что переписка сестер необыкновенно интересна и поучительна. Она в первую очередь рассказывает о сестринской любви и нежности. То, что Лиля стала спутницей, музой, советчицей великого русского поэта Владимира Маяковского, сильно повлияло на Эльзу. Надо сказать, что Маяковского ввела в родной дом именно Эльза. Она была влюблена в него по уши, у них был роман. Думается, от этой юношеской любви она не могла избавиться до самой смерти. Но когда Маяковский увидел впервые Лилю, то забыл о младшей сестренке, обо всем. Началась ураганная любовь. Он, как писала потом Лиля Юрьевна, «напал на нее»... Так случилось, что старшая сестра стала счастливой соперницей младшей. Что испытывала в это время Эль-

возникавшее иногда чувство соперничества, сестры нежно и горячо любили друг друга. Всю жизнь они переписывались, когда были в разлуке, поддерживали одна другую не только морально, но и материально:

в трудные послевоенные годы в Париж отправлялись продукты, а в Москву — разные шмотки. Собранная В. В. Катаняном и изданная только что переписка сестер необыкновенно интересна и поучительна. Она в первую очередь рассказывает о сестринской любви и нежности.

То, что Лиля стала спутницей, музой, советчицей великого русского поэта Владимира Мая-

за? По ее автобиографической повести «Земляничка» можно восстановить настроение шестнадцатилетней девушки. Рефрен книги: «Никто меня не любит»... «Я очень повзрослела за это лето. Ушел мой шест-

Эльза на Таити с первым мужем Андре Триоле — богатым, элегантным, любителем женщин и лошадей

надцатый год — говорят, самый лучший. Смотрю я, у всех есть пара, только у меня ее нет. Я никому не нужна и даже в большой компании всегда бываю одна!!» На самом деле это не так. Ухажеров немало, но они не заинтересовывают девушку. Когда на одном из вечеров у Бриков в 1916 году Василий Каменский, молодой поэт, сделал предложение Эльзе, она отка-

зала, заявив: «Кто же в двадцать лет выходит замуж?»

Не стану пересказывать события революционного 1917 года. Пал царизм, к власти пришли «крутые». Темная муть поднялась из глубин народа. Начинался хаос, террор, расправы. В студеную зиму 1918 года Эльза знакомится с сотрудником Французской миссии Андре Триоле. Аполитичный, богатый, элегантно одетый, любитель женщин и лошадей, он быстро понял, что комфортно жить в охваченной ненавистью и огнем стране не удастся. И здесь ему подворачивается молодая хорошенькая барышня. Он делает ей предложение — выйти за него замуж и уехать. Эльза отвечает согласием. Молодожены уехали из России, но не в Европу, а на далекий экзотический остров Таити, где некоторые старые люди еще помнили Поля Гогена.

Оттуда Эльза пишет в Россию и, в частности, одному из своих бывших ухажеров-отказников Виктору Шкловскому. Эти письма живо рисуют пейзажи, нра-

вы и жизнь тропического острова. Одно из ее писем Шкловский показал Алексею Максимовичу Горькому. Тот отметил, что автор обладает литературным стилем и наблюдательностью. И посоветовал, чтобы Эльза написала книгу.

Она еще раз прислала Шкловскому какие-то свои наброски, и Горький еще раз передал ей свои советы, как следует писать. В общем, Алексей Максимович в какой-то степени стал ее заочным учителем.

Ее первая книга-роман «На Таити» была издана в России в 20-х годах.

Однако семейная жизнь не заладилась. Муж не интересуется ничем, кроме скачек и лошадей. Он заводит романы налево и направо. И после года жизни с ним Эльза разрывает этот брак. Андре Триоле, сын богатых родителей, оказывается добрым человеком и отваливает бывшей жене приличную сумму, чтобы ей было некоторое время на что жить. В Советскую Россию, где полыхает Гражданская война, Эльза Триоле возвращаться не намерена. Она перебирается в Лондон, под мамино крылышко — Елена Юрьевна Каган работала тогда в советской торговой фирме «Аркас». Потом Эльза оседает в Париже. Она поселилась в маленькой гостинице «Истрия», которая сохранилась до сих пор и мимо которой наша телевизионная группа не прошла. Кое-что из жизни Триоле я рассказывал около этого отеля, расположенного на улице Кампань-Премьер и увешанного множеством мемориальных досок, напоминающих о великих постояльцах. Среди них, разумеется, был упомянут и Маяковский. Здесь же всегда останавливалась и Лиля Брик, когда навещалась в Париж. Эльза Триоле в Париже была всегда для Маяковского своеобразной «палочкой-выручалочкой». Когда он приезжал, то не уходил от нее. Она была и гидом, и переводчицей, и другом, и помощником. И Эльза тоже при нем как-то расцветала.

Париж 20-х годов был наводнен русскими. В кино, живописи, в литературе, балете мелькало множество русских имен. Выходцы из России вели богемный об-

раз жизни, ютились в мансардах, без денег. Роль монпарнасских кафе в судьбе русской эмиграции огромна. Здесь встречались писатели, художники, поэты, обсуждали новости, ждали падения большевистского режима, работали. Возникали жаркие дискуссии, споры. Кстати, Илье Эренбургу направляли письма, скажем, с таким адресом: «Кафе «Куполь», самому непричесанному господину». И письма, как ни парадоксально, доходили. Несколько кафе были расположены близко друг от друга: кафе «Ротонда», кафе «Селект», кафе «Куполь» и кафе «Клозери де Лила».

Здесь проводили много, очень много времени. Процитирую Илью Эренбурга, который, сидя в кафе, писал свои книги: «Внешне «Ротонда» выглядела достаточно живописно: и смесь племен, и голод, и споры, и отверженность (признание современников пришло, как всегда, с опозданием)... Поражала прежде всего пестрота типов, языков — не то павильон международной выставки, не то черновая репетиция предстоящих в будущем конгрессов мира»... Вот только несколько фамилий из длиннющего списка, который приводит Эренбург: Аполлинер, Кокто, Леже, Вламинк, Пикассо, Модильяни, Диего Ривера, Шагал, Сутин, Ларионов, Гончарова, Архипенко, Цадкин...

Эльза влилась в этот мир, но она не удовлетворена той жизнью, которую ведет. В «Незванных гостях» она пишет о «...несчастьи людей, которые живут не там, где они родились... не иметь корней... быть срезанным растением... это всегда заведомо подозрительно, как татуировка на теле человека, у которого неприятности с полицией».

Случайные любовные связи, которые, вероятно, были у нее, как у любой молодой женщины, не удовлетворяли ее честолюбия. Книжки ее, изданные в Москве, большого успеха не имели. И тут наконец происходит событие, которое предопределило всю ее дальнейшую жизнь: в кафе «Куполь» она увидела Луи Арагона, молодого, красивого, элегантного. Арагон в это время был опален неудачной любовью.

У него был роман с Нанси Кюнар, дочь­рю богатей­шего человека. Арагон ездил за ней по всему свету. Нанси сорила деньгами, прожигала жизнь, кутила. И в конечном итоге предпочла Арагону какого-то не­гритянского джазиста.

Именно в этот момент он встречается с Эльзой. Вскоре начнется новая жизнь, как для нее, так и для него. Эльза навела о нем справки и узнала, что он — незаконный сын французского аристократа и уже довольно извест­ный поэт-сюрреалист. В следующий раз она увидела его в кафе «Кло­зери де Ли­ла». И здесь произошло знакомство. Добросовестность нашей съемочной группы не имеет границ. Разумеет­ся, рассказ об их знаком­стве ведется из кафе «Клозери де Ли­ла». За каким из этих столиков произошло судьбоносное событие, к сожалению, мы сейчас не знаем. Но вот как лихо описы­вает эту встречу француз­ский журналист и писа­тель Гонзаго де Сен-Бри, один из авторов книги о русских музах художни­ков и писателей Франции:

«Эльза Триоле в Париже. В ее жизни нет мужчины. У нее нет денег, у нее нет друзей. Она одинока и живет в маленькой комнатке в гостинице «Истрия» на улице Кампань-Премьер. Она в отчаянии, она

Портрет Эльзы
работы
Анри Матисса

только что развелась с французом Триоле (на самом деле семь лет назад. — Э.Р.), она хочет покончить с собой. Однажды она идет в «Куполь». И там видит великолепного мужчину: шляпа заломлена назад, трость с драгоценным набалдашником, плащ, накинутый на плечи. Она спрашивает: «Кто это такой?» Ей говорят: «Это Арагон — поэт». Два дня спустя она снова встречается его в «Клозери де Лила». Тогда она решает спросить: «С кем он?» Ей отвечают: «Вон с той хорошенькой длинноволосой брюнеткой». (Очевидно, брюнетка сидит в стороне, не рядом с Арагоном. — Э.Р.) Она садится напротив этой девушки и говорит: «Ну что? Ты спишь с Арагоном?» Несколько удивленная (еще бы! — Э.Р.) девушка отвечает: «Да, он хороший любовник. (О, откровенность француженок! — Э.Р.) Но главное, с ним я узнаю много нового. Он интереснейший человек». Эльза спрашивает ее: «У тебя есть другие мужчины в Париже?» Та отвечает: «Париж — прекрасный город, тут полно мужчин». Тогда Эльза пристально смотрит своими пронзительными глазами на девушку и говорит: «Для тебя он ничего не значит. Для меня он все! Уходи!» (Здорово, знай наших! — Э.Р.) Она подходит к Арагону и крепко целует его в губы. Это поцелуй навеки!»

Сия крутая версия была рассказана с убежденностью и пафосом очевидца.

Перенесемся снова на мельницу в Сент-Арну-ан-Ивелин и побеседуем с писательницей Лили Марку, которая посвятила три года жизни изучению биографии Эльзы Триоле и только что выпустила о ней книгу. Мы уединились в кабинете Эльзы, ибо на лужайке шумела большая толпа гостей. Праздник открытия музея продолжается.

Лили Марку:

Конечно, она не стала сразу его целовать. Вы знаете, они сами всегда рассказывали об этой встрече с волнением. И даже сами создали некую легенду о том, как это случилось. Не думаю, что тогда они воспринимали эту встречу как нечто важное и окончательное.

Я не считаю Эльзу авантюристкой. Эта женщина оторвалась от родины и еще не прижилась во Франции. У нее был неудачный первый брак. Она всегда чувствовала себя несчастной, бедной и одинокой. Хотя очень много мужчин были в нее влюблены и просили ее руки. Роман Яacobсон, Виктор Шкловский, может быть, и другие. Я знала от дочери лучшей подруги Эльзы, которая живет в Москве, что Эльза всегда говорила: «Я хочу выйти замуж за француза, поэта и красавца». Таковы были ее девичьи мечты.

Арагон был поэтом, правда, он не был еще знаменит, но уже написал несколько значительных произведений. Он был очень красив и был французом. Конечно, человеком, которого она любила больше всех, был Маяковский. И, потеряв его, она эмигрировала. Я уверена, что она покинула родину, которую так любила, не из-за революции, а потому, что ее сестра отняла у нее Маяковского.

Она любила его до самой смерти. Что не мешало ей любить и Арагона. Но поскольку она потеряла Маяковского, ей никто не был нужен, кроме французского поэта-красавца. Такого же красивого, как Маяковский. Хотя Арагон и не был на него похож. Но был по-своему очень красив.

В вечер знакомства 6 ноября 1928 года, после ужина, галантный Арагон проводил Эльзу в отель «Истрия»... А наутро влюбленные Эльза и Луи, спускаясь к завтраку, столкнулись лицом к лицу с Маяковским. Он только приехал и остановился, как обычно, в знакомой гостинице. Так произошла первая встреча двух великих поэтов России и Франции. Я уже упомянул о мемориальных досках около входа в «Истрию». На одной из них выбиты строчки из поэмы Арагона: «Все изменилось для меня, когда ты появилась в гостинице «Истрия» на улице Кампань-Премьер. Это было в 28-м году в полуденный час. С тех пор для меня не существует Париж без Эльзы...»

Лили Марку:

Я думаю, что присутствие Маяковского в Париже

и то, что он был «зятем» Эльзы, сильно повлияло на начало их любви. Это завораживало Арагона. Сейчас забыли, что представлял из себя Маяковский для поэтов-сюрреалистов во Франции.

Кроме того, Арагон в молодости вел довольно беспорядочную жизнь: богема, вино, много женщин. А Эльза прекрасно представляла, что такое работа и дисциплина. Она ввела эти понятия в жизнь их семьи. Это оказалось очень трудно, особенно вначале. Они часто были на грани развода.

Я всегда акцентирую внимание на огромной роли Эльзы, которая смогла упорядочить жизнь этого гения. И в интеллектуальном, и в духовном плане. Эльза просто спасла его. Их друзья говорили мне, что без нее он бы покончил жизнь самоубийством. Как и многие другие сюрреалисты.

Эльдар Рязанов:

Арагон не сразу начал писать любовную лирику, посвященную жене. Роман начался в двадцать восьмом году, а писать любовные стихи, посвященные Эльзе, он начал в сороковом. Во время войны родилась поэма «Глаза Эльзы». Это нетипично для поэта. Обычно стихи возникают в начале, на старте любви.

«Ты в ноябре пришла и вдруг исчезла боль», — писал влюбленный стихотворец.

А в поэме «Неоконченный роман», которая написана, кстати, в пятьдесят шестом году, то есть они уже прожили двадцать восемь лет вместе и Эльзе уже шестьдесят, вдруг пишутся такие строчки:

*Ты подняла меня, как камешек на пляже,
Бессмысленный предмет, к чему — никто не скажет.
Как водоросль на морском прибое,
Что изломав, земле вернуло море,
Как за окном туман, что просит о приюте,
Как беспорядок в утренней каюте,
Объедки после пира в час рассвета,
С подножки пассажир, что без билета.
Ручей, что с поля зря увел плохой хозяин,
Как звери в свете фар, ударившем в глаза им,
Как сторожа ночные утром хмурым,
Как бесконечный сон в тяжелом мраке тюрем,*

Эльза награждена престижнейшей Гонкуровской премией в области литературы за книгу «За порчу сукна — штраф двести франков»

*Смятение птицы, бьющейся о стены,
След от кольца на пальце в день измены...*

Лили Марку:

Эльза и Арагон жили очень бедно в первые годы своей жизни. Те несколько произведений Арагона, которые были опубликованы, не могли принести много денег. Чтобы несколько облегчить положение семьи, Эльза изготавливала свои знаменитые бусы. Теперь их можно увидеть в некоторых музеях. Эти бусы пользовались успехом. Архитектор по образованию, Эльза прекрасно рисовала и обладала тонким вкусом.

Самое забавное, что продавать бусы ходил Арагон, к тому времени уже довольно известный писатель. Рано утром он выходил из дома и нес эти бусы оптовикам в бутики высокой моды, где все его презирали и называли «Триоле».

Эльдар Рязанов:

Лили, а как вы оцениваете упреки и обвинения, что именно Эльза втянула Арагона в коммунистическое движение, втащила его в компартию, что благодаря ей он стал признанным поэтом французских коммунистов? А сама при этом оставалась в тени и в компартию не вступила...

Лили Марку:

Арагон стал коммунистом в двадцать седьмом, то есть за год до знакомства с Эльзой. Но тогда это еще не стало его окончательным выбором. Он целиком посвящает себя партии с тридцать второго года, когда выходит из группы сюрреалистов и уезжает на год в Москву, чтобы работать в Коминтерне. Арагон впервые приехал в Россию уже после самоубийства Маяковского и стремился поддержать Лилю в ее горе. Он был незаконнорожденным, а тут попал в русскую семью. Вы представляете, что это для него значило? В этом кругу была особая атмосфера. Для друзей Лили и ее тогдашнего мужа Виталия Примакова революция являлась смыслом жизни. Ведь и сам Маяковский говорил: «Это моя революция!» Революционная атмосфера захватила Арагона, и он окончательно примкнул к коммунистам.

Эльдар Рязанов:

А как Арагон относился к Эльзе как к французской писательнице? Высоко ли он ставил ее произведе-

Лили Марку:

ния? Помогал ли ей, правил ли рукописи, подсказывал ли темы? Или она была совершенно самостоятельна?

Эльза посвятила совершенствованию своего французского литературного языка десять лет. Арагон даже не знал, что его жена пытается писать по-французски. Она сохранила полную тайну. Когда Эльза показала ему рукопись своей первой книги на французском, Арагон был восхищен.

Книга ему действительно очень понравилась. Известно, какую ревность испытывают друг к другу супруги-писатели. Вечные споры о том, кто и когда будет творить. Ведь невозможно писать одновременно. Арагон всегда был выше этого, наоборот, он всячески поощрял Эльзу, всегда внимательно читал ее рукописи, иногда даже правил их. Он всегда держал руку на пульсе ее творчества.

Первая ее книга на французском, «Добрый вечер, Тереза», — сборник рассказов. Сначала Эльза не решалась взяться за роман. Затем она написала свои воспоминания о Маяковском. Ее отношение к этому произведению было очень трогательным, она неоднократно подчеркивала, что это не просто очередная книга. Публикация воспоминаний имела для нее огромное значение. И личное в том числе...

В 1939 году началась война. Немецкие войска вторглись во Францию. Арагона на следующий же день призвали в армию. Он сразу попросился на фронт и попал в танковую дивизию. За Эльзой следили шпики, в их квартире проводились обыски. Арагон отступал вместе с дивизией, через Дюнкерк попал в Англию, потом через Брест вернулся на французский берег.

В конце июня 1940 года Эльза и Арагон буквально чудом нашли друг друга в так называемой Zone libre (свободной зоне). То есть в той части Франции, которая не была оккупирована фашистами.

Эльза в письме Лиле Брик пишет (уже после войны): «Жили мы тогда еще легально, Арагошу было нелов-

Эльза Триоле,
Луи Арагон
и Надя Леже

ко сажать, т.к. с фронта он вернулся героем, весь в орденах, а героев тогда было мало...»
На нелегальное положение они перешли в ноябре 42-го, когда итальянские фашистские войска оккупировали Ниццу. Арагонов переправили через демаркационную линию. Тут их схватили немцы и посадили. Конечно, им очень повезло — немцы их не опознали: ведь Эльза — еврейка, а Арагон — коммунист. Смерть была рядом. Но Эльзу и Арагона продержали десять дней как бы для острастки. Потом выпустили. Движение Сопротивления подыскало им домик в деревне, откуда они два—три раза в месяц выезжали в Париж, Лион, в другие города. Арагон выпускал нелегальную газету «Les Etoiles» и основал подпольное издательство «Французская библиотека». Эльза

помогала Арагону и написала несколько книг. Военное время стало для нее мощной писательской школой. Она выпустила сборник рассказов «Тысяча сожалений», роман «Конь белый» и повесть «Авиньонские любовники». В самом конце войны вышел еще один сборник новелл, озаглавленный: «За порчу сукна — штраф двести франков». Эта фраза, взятая из объявлений, висевших во французских бильярдных, служила паролем для соратников де Голля. Произнесенная по радио, она означала, что высадка союзников началась и голлисты должны переходить к активным выступлениям. Вот что Эльза сообщала в письме сестре:

«Если б не писанье, я бы, кажется, руки на себя наложила, так временами бывало трудно и тяжело. Я очень пристрастилась к этому делу, оно заменяет мне друзей, молодость и много чего другого, чего не хватает в жизни... Арагоша стал совсем знаменитым, за эти годы вышло два романа и несколько томов стихов (легально и нелегально) Партизаны его чтут и любят, только его стихи и читают, публика своя и чужая принимает, как принимали Володю. Пишет он все лучше и лучше...»

Жили голодно, вылазки из деревни были опасными, но больше Арагоны в руки фашистам не попадались. Они вернулись в освобожденный Париж 25 сентября 1944 года. За годы, что их не было, несколько обысков провели гестаповцы, да и французская полиция тоже наведывалась регулярно. Дом был разгромлен, но они были счастливы, что кончается война, что они снова дома.

А 3 июля 1945 года Эльза получила Гонкуровскую премию за книгу «За порчу сукна — штраф двести франков». Это было полное безоговорочное признание ее как французской писательницы.

«Сегодня во всех без исключения газетах моя физиономия на первой странице и столько цветов, что ни встать, ни сесть...» — тоже из письма Лиле Юрьевне. Началась мирная жизнь. Случались и поездки в Москву. Сестры наконец получили возможность ви-

деться. Эльза живет активной литературной жизнью. Сочиняет прозу на французском, переводит с русского, участвует в написании сценария для постановки совместного фильма «Нормандия — Неман». Ее соавторами стали Константин Симонов и Шарль Спаак, режиссером фильма был Жан Древилль. Это сценарий о дружбе французских и советских летчиков во время войны, о французской эскадрилье, которая воевала против немцев на советской территории.

Лили Марку:

На протяжении всей своей жизни Эльза стремилась как можно глубже познакомиться Францию с Маяковским. Рассказать еще и еще раз о своей молодости, о своей дружбе с великим поэтом.

Эльдар Рязанов:

Эльза очень много сделала как переводчик. Она переводила пьесы Чехова, составила антологию русской поэзии от Пушкина до Вознесенского. Это был титанический труд, ведь она очень многих поэтов привлекала к переводам.

Лили Марку:

Да, она занималась переводами до самой смерти. Она стремилась донести до французов великую русскую культуру.

Эльдар Рязанов:

А как они переживали разочарования в коммунистических идеях? После пятьдесят шестого года, когда были опубликованы материалы о злодеяниях Сталина? После вторжения советских войск в Чехословакию? Я знаю, что Эльза писала сестре: «...мы не были фальшивомонетчиками, но мы, сами того не подозревая, распространяли фальшивые монеты...»

Лили Марку:

В пятьдесят втором году они в Москве. И там испытывают шок. Это дело врачей, антисемитизм. Тогда у Арагона случается первый сердечный приступ. Думаю, не из-за большого сердца, а потому что он понимает, что всю жизнь поддерживал страшный и лицемерный режим.

Тогда, с зимы пятьдесят второго — пятьдесят третьего года, он начинает критиковать советские порядки, еще до смерти Сталина. И все-таки до своей последней минуты Арагон остается коммунистом, членом Центрального Комитета Французской Ком-

Два трудоголика отдыхают в своем саду, окружающем мельницу в Сент-Арну-ан-Ивелин

партии. В то же время, насколько позволяли силы, — ведь он был уже и стар, и болен, — он протестует против преследований Шостаковича, Солженицына, способствует освобождению кинорежиссера Параджанова, делает все, что в его силах.

Но ничто не отвратило его от выбора, сделанного в двадцать седьмом году. В то время как Эльза полностью отреклась от коммунизма. Впрочем, она никогда и не была членом компартии, ни советской, ни французской.

Когда Арагон резко осудил советское вторжение в Чехословакию, он понимал, что в Советском Союзе у него заложники — Лиля Брик и ее муж Василий Абгарович Катанян. Но Лиля Брик написала Арагону, развязывая тем самым ему руки:

«Арагошенька! Прошу тебя совсем не думать о нас (мы уже старые), о том, что твои высказывания могут отразиться на нас. Делай ВСЕ так, как ты считаешь нужным. Мы этому будем только рады. Все мы достаточно долго были идиотами. Хватит!..»

(письмо от 7 ноября 1968 года)

В 60-х годах в Советском Союзе началась по распоряжению главного идеолога страны Сулова травля Лили Брик. Маяковского «очищали» от еврейского окружения Бриков. В прессе появлялись лживые статьи, фальсифицированные фотографии, из сочинений Маяковского убиралось посвящение Лиле Брик. Все напоминало известный исторический анекдот про Сталина и Крупскую. Сталин был недоволен самостоятельными высказываниями Надежды Констан-

тиновны Крупской и, встретив ее в коридоре, сказал: «Если вы и впредь будете вести себя так же, мы подыщем Ленину другую вдову!» И Крупская больше не открывала рта. Так и Маяковскому подыскали другую «музу» — Татьяну Яковлеву... Арагоны тяжело переживали гонения на близких, лишний раз убеждаясь в чудовищной сути советского строя...

Лили Марку:

Эльзу и Арагона очень огорчало то, как поступали с памятью Лили. Вырезали ее из фотографий, убирали посвящения ей. Арагон говорил: «Я не хочу, чтобы такое произошло во Франции с Эльзой». Он всегда думал, что умрет первым. Именно поэтому они создали совместное сорокадвухтомное (!) собрание сочинений. Во многом из-за того, что произошло в России с Лилей и Маяковским...

На празднике открытия музея присутствовала и Эдмонда Шарль Ру — легендарная женщина. (О ней я подробно рассказываю в новелле «Зиновий Пешков. Легионер», опубликованной в этой книге.)

Эдмонда Шарль Ру

Необычное желание соединить в одном собрании сочинений произведения двух разных писателей лучше всего можно объяснить словами самой Эльзы, начертанными на ее могиле: «Наши книги не позволят разлучить нас после смерти».

Эльдар Рязанов:

Я знаю, что вы были другом Эльзы и Арагона и сделали немало, чтобы открылся этот музей, этот литературный центр. Я поздравляю вас и всех почитателей литературы и поэзии с радостным событием, которое происходит сегодня.

Эдмонда Шарль Ру

Благодарю. В честь открытия этого музея во Франции провозглашены дни поэзии. Но я была не одинока во время осуществления этого проекта. Целая группа друзей Арагона начала работать над ним сразу после смерти поэта. Надо сказать, что мы встретили понимание со стороны правительства, будь то правые или левые, которые сменяли друг друга в течение всего этого времени.

Эльдар Рязанов:

Арагон и Триоле не принадлежат какой-либо партии, они принадлежат Франции.

Эдмонда Шарль Ру

А Эльза в первую очередь принадлежит России. Она была русской и никогда об этом не забывала. Достаточно посмотреть на ее комнату, где на стенах

развешаны русские гравюры, на огромное количество русских книг. Она была русской до глубины души.

Эльдар Рязанов

И при этом смогла стать французской писательницей?

Эдмонда Шарль Ру

Да, да, и это чудо! Она была совершенно самостоятельным писателем, Арагон ее не вытягивал. У нее была своя огромная аудитория. Я присутствовала при том, как Эльза подписывала свои книги многочисленным почитателям. Она входила в число наиболее издаваемых и продаваемых французских писателей.

Эльдар Рязанов

Скажите, на творчество Арагона Эльза как-то влияла своими сочинениями, своими мыслями, идеями?

Эдмонда Шарль Ру

Арагон всегда подчеркивал, что Эльза больше влияла на него, чем он на Эльзу. Мне кажется, их совместное сорокадвухтомное собрание сочинений говорит об их огромной творческой близости.

Арагон еще до войны выучил трудный русский язык из ревности. Ему не нравилось, когда с его женой, его возлюбленной, говорили о чем-то, а он этого не понимал. Он выучил язык в два месяца. Это говорит и о силе его любви, и о ревнивом характере.

Эльза Триоле и Арагон были, конечно, уникальным явлением как супружеская пара. Они прошли рука об руку всю свою жизнь. Они были товарищами, друзьями, единомышленниками, литературными соратниками, просто любовниками, мужем и женой. Подобное сочетание встречается крайне редко. Всемирно известной стала поэма Арагона, написанная в 1942 году во время Сопротивления, которая называется «Глаза Эльзы». Здесь любовная лирика сплелась с патриотизмом, с борьбой против фашизма. Популярность этой поэмы была такова, что появились даже духи «Глаза Эльзы».

Если мир сметет кровавая гроза

И люди вновь зажгут костры в потемках синих,

Мне будет маяком сиять в морских пустынях

Твой, Эльза, дивный взор, твои, мой друг, глаза...

Почти полвека
вместе

Лили Марку:

Доказательством огромной роли Эльзы в жизни Арагона является то, что произошло после ее смерти в семидесятом году. Арагон вернулся к тому образу жизни, который он вел во времена своего увлечения сюрреализмом. Хотя, конечно, он никогда не забывал ни Эльзу, ни Лилию, ни Маяковского, ни Москву. Просто он был очень несчастлив после смерти жены и, чтобы отвлечься от этого горя, чтобы не покончить с собой, вернулся к образу жизни своей молодости.

И действительно, Арагон, если можно так выразиться, пустился во все тяжкие. Сдерживающего его бурную натуру человека не стало. Он устраивал загулы, в его жизни появились мальчики, он к концу жизни сменил сексуальную ориентацию. Лишенный опоры в лице Эльзы, ужаснувшийся тому, что всю жизнь поддерживал «империю зла», он записал грустные признания в «Вальсе прощания» в 1972 году: «Конец конца моей жизни. И пусть не напевают мне, как была она великолепна, пусть не полощут меня в лохани моей легенды. Моя жизнь — страшная игра, в которой я проиграл. Я испортил ее с начала до конца».

Один из его «мальчиков» — Жан Риста, ставший его литературным секретарем, получил после смерти Арагона в наследство все: и квартиру на улице Варрен в Париже, и мельницу, и бесценные живописные полотна, и семейные драгоценности Эльзы, которые ей дарил Лилия, и авторские права на все произведения Триоле и Арагона. Я разыскал его на празднике в толпе и взял у него небольшое интервью.

Эльдар Рязанов:

Жан, я вас поздравляю с сегодняшним праздником. Понимаю, что в том, что он состоялся, немалая доля вашего труда.

Жан Риста:

Я познакомился с Эльзой и Арагоном в шестьдесят пятом году. И тесно общался с этой семьей в течение пяти-шести лет. Именно мне довелось присутствовать при последних минутах поэта в восемьдесят вто-

ром году. По сути, моя заслуга, которую вы так любезно отметили, состоит в том, что я исполнил последнюю волю покойного поэта. В своем завещании он оставил мне некоторые поручения, которые мне и удалось благополучно выполнить.

Эльдар Рязанов:

А в наши дни Арагон и Триоле по-прежнему популярны писатели? Их во Франции читают так же, как раньше? Или все-таки есть спад?

Жан Риста:

Отнюдь. Их читают как никогда. В последние годы интерес к творчеству обоих значительно повысился. Никогда во французской прессе, да и в европейской, не появлялось такое количество статей, посвященных Арагону и Эльзе. Мне это кажется совершенно естественным. Потому что они работали на будущее.

Эльдар Рязанов:

Как вы относитесь к тому феномену, что женщина из России стала французской писательницей?

Жан Риста:

Это действительно феномен. Я думаю, она стала французской писательницей из-за любви... Вы знаете, почему мы находимся сейчас на мельнице Сент-Арну-ан-Ивелин? Мне как наследнику Эльзы и Арагона нужно было выбрать, что сохранить — их квартиру в Париже на улице Варрен или мельницу. И я выбрал это место. Не только потому, что здесь находятся могилы обоих, но и потому, что Арагон купил это место специально, чтобы Эльза владела кусочком французской земли. И сегодня мы должны помнить, что собрались на земле Эльзы...

Эльза Триоле завещала похоронить себя в нескольких десятках метров от любимой мельницы, на холме, откуда открывается дивный вид. С холма видны далекие поля. Дом — бывшая мельница, речка, текущая по участку и проходящая через жилые апартаменты, мостики через речку и цветочные клумбы. Арагон выполнил просьбу жены. На похороны он пригласил опального тогда в Советском Союзе Мстислава Ростроповича, который играл печальные, страстные, траурные мелодии. Вскоре Арагон воздвиг над могилой Эльзы памятник, на котором были начертаны ее имя и даты рождения и смерти:

«1896–1970». А рядом, на том же камне, было выбито: «Луи Арагон. 1897–...» После смерти его должны были положить рядом с Эльзой. Он приготовил место и для себя. В 1982 году супруги вновь соединились...

Вечерело. Гости разъехались с праздника. Рабочие складывали палатки, где угощалась интеллигенция. Столы и стулья грузились в фургоны. Мусорщики подбирали с газонов бумажные стаканчики, бутылки, обрывки бумаги. Темнота надвигалась. Лишь в одном из окон мельницы горел свет. Мы молча стояли над могилой Эльзы и «Арагоши». Откуда-то издалика, будто по заказу, доносился еле слышный колокольный звон. Почему-то было очень грустно. Приходили мысли о тщете жизни, о бессмысленности суеты. А на могильной плите были высечены слова Эльзы:

«Мертвые беззащитны. Но если нас попытаются разлучить после смерти, наши книги придут к нам на помощь».

Звезды французского кино

При рассказах об актерах и режиссерах здесь, в книге, по сравнению с телевидением происходят наибольшие потери. Артисты ведь не просто рассказывают, они часто проигрывают в лицах какие-то сценки, копируют человека, которого вспоминают. При этом каждая рассказанная ими история еще и иллюстрируется фрагментом из фильма. Эмоциональное воздействие на зрителя в этом случае несопоставимо с эффектом читательского впечатления. И все-таки я решил опубликовать мои беседы. Хотелось дать представление о некоторых талантливых личностях, хотелось познакомить читателя с их взглядами на искусство и на жизнь. Не говоря уже о целостности и полноте книги, где мои парижские встречи составляют важную часть. К сожалению, кое-кто, с кем довелось встречаться, остался, что называется, за бортом. Ибо книга, как и трамвай — не резиновая. Не попали сюда такие неслабые персонажи, как Питер Устинов, Патрисия Каас, Брижит Бардо, Изабель Юппер, Клаудиа Кардинале, Робер Оссейн, Жан-Поль Бельмондо и другие.

Жан Маре:

«Я считаю себя человеком,
несправедливо одаренным судьбой»

День, посвященный
у Жана Маре, — один
из самых ярких дней
моей жизни

В городке Валорисе, что раскинулся на берегу Средиземного моря на юге Франции, мы заглянули в магазинчик, который принадлежит Жану Маре. Там торгуют авторскими работами хозяина: картинами, скульптурами, керамикой. Тут

понимаешь, что великий актер к тому же еще и замечательный художник и скульптор. Восхищает керамика: вазы, подсвечники, лампы, барельефы, посуда, расписные тарелки. Все изысканно, полно фантазии, формы гармоничны, цвета элегантны. На каждой вещи выдвлен автограф создателя: «Jean Marais». Еще десять-пятнадцать минут езды, и мы на маленькой, скромной вилле, спрятанной в зелени. Нас встречает красивый, седой старик, легенда мирового и французского кино. Встречает радушно, с сердечной улыбкой, с неподдельной радостью. С первых же минут возникает необыкновенно теплый дружеский контакт, — будто мы знакомы уйму лет и давно любим друг друга. Впрочем, с нашей стороны — это безусловно. Мы восхищены Жаном. Должен

Очаровательный гупс – Жан – со своей очаровательной мамой

Из толстого карапуза выросло такое чудс. совершенный образец человека

сказать, я, пожалуй, за всю жизнь не встречал такого потрясающе обаятельного, искреннего, доброго человека. Мы думали, заедем к звезде максимум на два часа, а потом уедем, чтобы не утомлять старикана. Мы пробыли с Жаном весь день, часов, пожалуй, семь. И признаюсь, не мы его ухайдакали, а скорее, он нас. Он был все время энергичен, носился по дому, охотно рассказывал обо всем, с радостью показывал свои картины и керамику, подарил мне бесценную монографию своих живописных творений: эскизов декораций и театральных костюмов, портретов, пейзажей, керамических работ. И сопроводил подарок трогательной надписью: «Эльдару А. Рязанову – мое удовольствие и моя дружба. Жан Маре». День, проведенный у Жана Маре, – один из самых замечательных дней моей жизни. Опущу слова любви, благодарности и нежности, которые мы обрушили на потрясающего человека, и перейду прямо к бе-седе.

Эльдар Рязанов: Дорогой Жан, на какие две категории вы делите человечество?

Жан Маре: Я думаю, человечество можно разделить на две части: на тех, кто остается детьми, и на тех, кто вырастает.

Эльдар Рязанов: А сами вы к какой части относитесь?

Жан Маре Я — актер, а актером может быть только человек, до самой своей смерти остающийся ребенком.

Эльдар Рязанов: Раз мы заговорили о детстве, вспомните свои детские годы. И расскажите о своей матери.

Жан Маре: О моей матери? Ну, может, это и нескромно так говорить, но она меня прекрасно воспитала. Моя мать была очень красива и элегантна. Каждый день с ней превращался в праздник. Мы с братом, который был на четыре года старше меня, каждый день получали подарки. И я очень гордился моей матерью. Но меня всегда удивляли некоторые вещи. Думаю, что в глубине души я просто не хотел знать, чем она на самом деле занимается, ведь у нас в семье происходили достаточно удивительные вещи. Например, когда в детстве меня спрашивали, что бы я хотел получить в подарок на Рождество, то я обычно просил или электрический поезд, или большую игрушечную крепость. А мать почему-то возмущалась: «Он всегда хочет получить самые большие игрушки!» Я не понимал, какая ей разница, большая игрушка или маленькая. Моя мать периодически уезжала в длительные путешествия, иногда на полгода, а иногда и на год и на два, и я был очень несчастен, что ее так долго нет дома. Позже, работая учеником фотографа, я однажды сопровождал его в тюрьму Сен-Лазар, как обычно, нес кофры с аппаратурой. При входе в тюрьму необходимо было предъявить документы, что я и сделал, поскольку был заранее предупрежден об этом. Когда мы фотографировали, ко мне подошел работник тюрьмы и сказал, что я должен уйти. Я спросил: «Почему?» «Дело в том, — ответили мне, — что это женская тюрьма, и вы, молодой человек, можете смутить покой заключенных». «Но ведь фотограф, — возразил я, — тоже молодой мужчина, он всего на три или

четыре года старше меня». «Послушайте, — сказали мне, — не спорьте, а просто уходите». Я ушел. На следующий день хозяин фотоателье объявил, что увольняет меня. Огорченный, я пошел к себе домой,

Не знаю точно, что это, но ясно одно — это театр!

в Везинэ. Когда бабушка и тетя увидели меня дома после полудня, они удивились и стали спрашивать, что случилось. Я ответил просто: «Я был в Сен-Лазаре». Они поняли, что я был в тюрьме. И тогда бабушка сказала: «Да, мой бедный малыш, твоя мать — клептоманка». Вот так я об этом узнал. Я уже давно что-то подозревал, но не хотел признаваться себе в этом. Я совершенно не стыдился своей матери. Наоборот, она стала для меня героиней. Я думал только о том, как она, должно быть, несчастна. И хотел од-

ного — заработать много денег, чтобы ей не нужно было больше воровать. Мне говорили, что kleптомания — это болезнь, но я этого не понимал. Ведь моя мать воровством добывала средства к существованию.

Она уходила из дому в восемь утра и возвращалась в семь вечера, как будто работала в какой-нибудь конторе. И воровала целыми днями: и у ювелира Картье, и у кутюрье Ланвена, и в домах моделей и так далее. Она занималась только этим. Конечно, потому она и могла дарить нам с братом каждый день подарки, которые где-то крали. Не знаю почему, но мне это не показалось позорным, я ее просто очень жалел. В тот момент, когда я побывал в тюрьме Сен-Лазар, она отбывала четырехлетний срок, четыре года — это очень и очень долго. Так объяснились многие странности. Например, то, что,

«Жан, я люблю тебя». Этими словами, обращенными к умершему Кокто, кончается книга Маре «История моей жизни». Они прожили вместе двадцать шесть лет

получая письма от мамы, я никогда не видел конвертов, а те письма, которые писал сам, должен был отдавать бабушке, чтобы она отсылала их. От меня скрывали, где была моя мама, мне говорили, что она путешествует. Все это было очень тяжело для меня. Мне не удалось сразу заработать достаточно денег. Как начинающий актер, я зарабатывал десять франков в день, столько же стоило проехать на такси от Восточного вокзала до моего театра. Конечно, я не мог помочь матери. Когда же я стал прилично зара-

батывать, у нее, разумеется, отпала необходимость красть, но она тем не менее продолжала. Все это очень странно. Потом я взял ее к себе, и она прекратила это занятие. Ее руки стали деформироваться. Когда я смотрел на них, то думал, что Небо искалечило ее руки за то, что она использовала их во зло. Я всегда любил свою мать, хотя на определенном этапе она стала злоупотреблять своей материнской властью, стала ненавидеть всех тех людей, которых я любил. Боже, какая грустная история.

Эльдар Рязанов:

Может быть, матери не нравились мужчины, которых любил Жан. Ведь его сексуальная направленность не была традиционной. И, вероятно, мать от этого страдала, отсюда и этот конфликт. «Она ненавидела тех людей, которых я любил». Но, конечно, это всего лишь предположение.

Эльдар Рязанов:

Жан Мар:

Как вы пришли к актерской профессии?

Мне захотелось стать актером в четыре года. Родители отвели меня на немой фильм «Тайны Нью-Йорка», в котором играла Перл Уайт. И я захотел быть актером, чтобы когда-нибудь познакомиться с ней. Позже мне посчастливилось встретиться с моим учителем Клодом Дюлленом, который и привил мне любовь, даже страсть к театру. На курсах Дюллена преподавал великолепный русский актер Соколов, который был в свое время учеником Станиславского. Таким образом, я в некотором роде являюсь внуком Станиславского. К тому же я обожаю русскую литературу, в особенности Достоевского.

Эльдар Рязанов:

В вашей книге «История моей жизни», которая недавно издана и у нас, самые теплые, самые проникновенные, самые душевные страницы посвящены Жану Кокто, вашей дружбе с ним. Вы считаете его своим учителем. Расскажите, пожалуйста, о встрече с этим замечательным поэтом, писателем, художником, режиссером, эссеистом, человеком невероятной одаренности. Расскажите о том, какое влияние он оказал на вас, как он вас сформировал.

Жан Маре: Я познакомился с Жаном Кокто в тридцать седьмом году и считаю, это было моим вторым рождением. Знакомство произошло на прослушивании пьесы для его постановки «Царь Эдип». Надо сказать, что его видение этой пьесы было чрезвычайно неординарным, а костюмы и жесты актеров — совершенно необычными. Например, я стоял на пьедестале посреди зала, обмотанный бинтами, как тяжело раненный, и играл роль античного хора, был гласом народа. Я изображал говорящую статую, неподвижно стоя на своем возвышении прямо посреди публики. Перед началом спектакля в зале и на сцене гас свет, я поднимался на пьедестал, принимал надлежащую позу, свет зажигался, актеры начинали играть, а я стоял. Как я уже говорил, постановка была столь удивительной, что некоторые зрители были шокированы и протестовали. Например, каждый жест актеров изображал цифру. Они внезапно рисовали в воздухе тройки, четверки, семерки. Публика не очень хорошо это принимала. И я резко поворачивался к кому-нибудь, кто громко разговаривал в зале, и смотрел ему в глаза до тех пор, пока он не умолкал, затем я так же резко оборачивался на другого болтуна, одновременно играя свою роль и произнося текст. Так я заставлял умолкнуть всех. И мне кажется, что Кокто понравилось, как молодой начинающий актер заставляет замолчать целый зал. Он проникся ко мне теплыми чувствами и предложил роль рыцаря Галахада в спектакле «Рыцари Круглого стола». Эта роль была очень важна для начала моей актерской карьеры. Чуть позже, в тридцать восьмом году, Кокто написал специально для меня пьесу «Ужасные родители», которая стала самым крупным успехом в моей творческой жизни. Это было что-то невероятное; в то время было принято аплодировать актерам после каждой сцены, а не только после каждого акта. Так вот, во втором акте я завершал играть еще до его окончания. На премьере после моей сцены публика поаплодировала мне, и я ушел в гримерную весь потный, чтобы снять костюм и умыться.

Потом я услышал аплодисменты в конце акта, и вдруг прибежали партнеры и сказали, что публика требует меня на сцену. Когда я вышел к рампе, весь зал поднялся, зрители аплодировали и кричали

«Браво!», и тут я расплакался. Вы только представьте себе, что значит такой прием для начинающего актера. Это был самый волнующий момент в моей жизни. Позднее мне начали предлагать много ролей, но Жан Кокто был в ярости, видя, какие это роли. Он говорил: «Пойми, ты — типичный герой-любовник, и ты должен играть такие роли. Со времен рождения литературы появились две великие истории о любви: «Тристан и Изольда» и «Ромео и Джульетта», поэтому я напишу для тебя роль современного Тристана». Так он написал «Вечное возвращение». И если пьеса «Ужасные родители» стала моим первым театральным успехом, то «Вечное возвращение», которое было по сути

Жанр плаща и шпаги.
В роли Юю Блаза...

Эльдар Рязанов:

«Тристаном и Изольдой», послужило трамплином для всех моих будущих достижений.

В одном из интервью я читал, что вы говорили, буд-то, снимаясь у крупных, очень талантливых режиссеров, вы не блеснули там как артист. А снимаясь у второстепенных режиссеров, выходили на крупный план, и огромная популярность пришла к вам именно после этих ваших работ...

Жан Маре:

Нет, нет, я так не говорил. Мне кажется, что я наилучшим образом себя проявлял в фильмах Кокто, а он отнюдь не второстепенный режиссер, а напротив, великий.

Эльдар Рязанов:

В вашей гостиной, дорогой Жан, висит замечательный портрет Жана Кокто. Скажите, пожалуйста, а кто автор этой работы?

В мастерской
живописца Жана
Маре

Жан Маре посмотрел на меня и улыбнулся моей наивности. Ясно, что портрет принадлежал его кисти. Потом он тем не менее вернулся к разговору о режиссерах.

Жан Маре:

Дело в том, что, снимаясь в молодости у Жана Ренуара, который тоже был великим режиссером, я был несколько разочарован. Я ожидал многое почерпнуть, работая под его руководством. Однако его режиссерские указания были крайне скупы, то есть практически отсутствовали. А вот работая с великим Лукино Висконти, как в кинематографе, так и в театре, я пребывал в восхищении и воспринял очень многое из его указаний по актерскому мастерству.

Эльдар Рязанов:

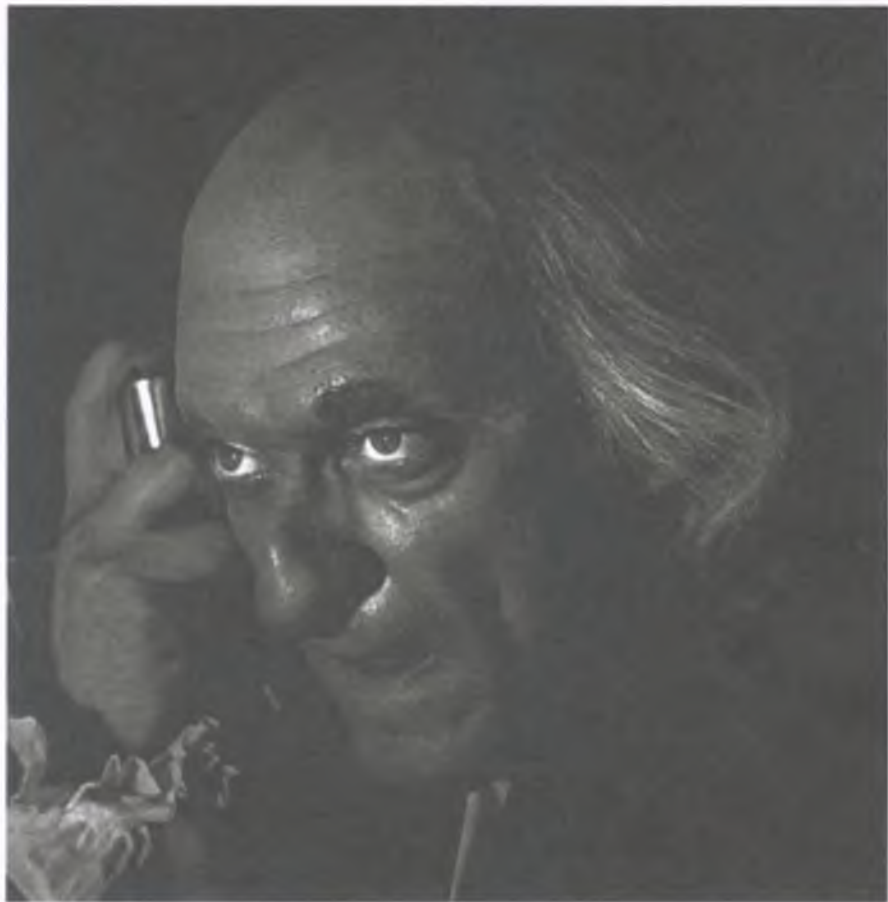
Расскажите, пожалуйста, о ваших ранних театральных работах.

Жан Маре:

После премьеры «Ужасных родителей», когда весь парижский свет пришел ко мне в гримерную, чтобы меня поздравить, одна великая актриса сказала мне: «Вы, без сомнения, неплохо сыграли эту роль, но не сможете сыграть ничего другого». Поэтому я всегда самостоятельно работал над ролями, которые мне не предназначались, например, над ролью Нерона в пьесе «Британик». Но, отработав роль дома, захотел сыграть ее на сцене. Однако я знал, что ни один режиссер не возьмет меня на эту роль, и мне пришлось самому стать и режиссером и художником-постановщиком. Спектакль имел огромный успех, но это происходило во время оккупации, и все коллорабационисты были против меня. Один молодой журналист пытался напечатать в газете хвалебный отзыв о моей постановке, однако ему вернули статью, перечеркнутую красным карандашом, со словами: «Вы можете публиковать любые материалы, но лишь при условии суровой критики Маре».

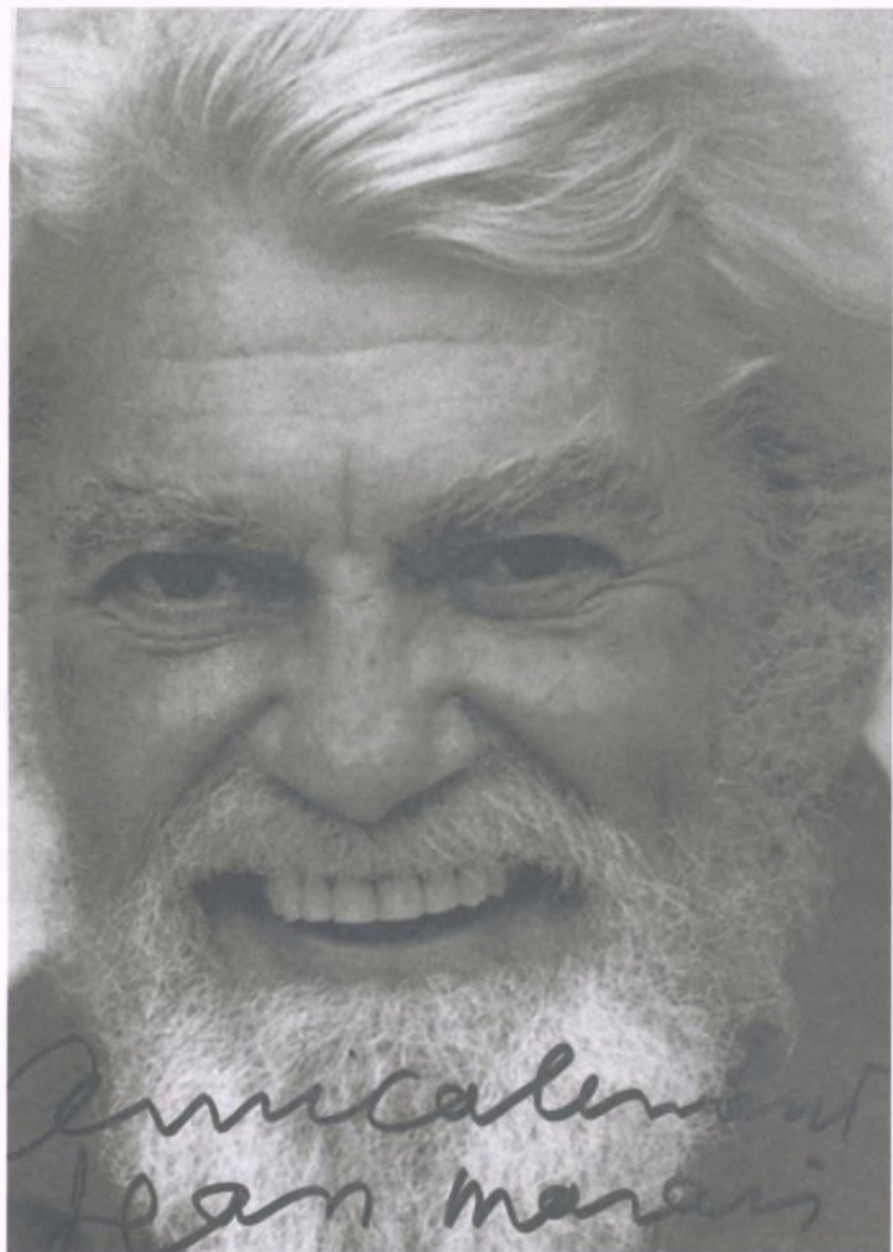
Театр никогда не утомлял меня, за исключением двух ролей: первая — Сирано де Бержерак, а вторая — король Лир. Эти две работы вымотали меня настолько, что мне пришлось полгода приходить в себя. Театр стал моей настоящей страстью, почти пороком. Я счастлив на сцене, когда исполняю роль, которая мне нравится.

Потом меня призвало кино, я много снимался, мне предлагали много ролей. Самое любопытное, что ме-

Обладая роскошной внешностью, можно сыграть и уродца.
Жан Маре – горбун

ня считали очень спортивным, хотя я вовсе не занимался спортом. И, когда я стал старше, Господь, должно быть, сказал себе: «Старина Маре не хочет заниматься спортом, pošлю-ка я ему трюковые фильмы, коль скоро для него в жизни имеет значение лишь кино и театр». И я очень много снимался в фильмах, требовавших спортивной подготовки. Мои товарищи, каскадеры, считали меня за своего, поскольку у каждого каскадера своя специализация, а я мог делать практически все, что угодно. Начало

моим съемкам в трюковых фильмах положил цирковой номер. Дело в том, что каждый год происходил гала-концерт Союза артистов, и там актеры показывали цирковые номера. Я исполнял номер под названием «Газовый рожок»: выходил на арену, играя пьяного, и просил у служителя прикурить. Тот отвечал, что у него нет спичек, и показывал мне газовый рожок на вершине гибкого восемнадцатиметрового шеста (то есть на высоте пятиэтажного дома). Я с пьяным упорством несколько раз пытался туда забраться и вдруг подымался на самый верх с ловкостью обезьяны. Оказавшись там, я опускал рычажок, и шест начал качаться из стороны в сторону. Я изображал, что падаю, балансировал на руках, ногах и голове. Наконец прикуривал, стоя на голове, и спускался. Вот, собственно, и все. На следующий день мне позвонил режиссер Анри Юбель и предложил сыграть роль горбуна в фильме, который он собирался снимать. Я согласился, но при одном условии — у меня не будет дублеров. Анри Юбель ответил, что был накануне на нашем представлении и понял, что я актер, не нуждающийся в каскадерах. Так я и начал сниматься во всех этих фильмах: «Горбун», «Капитан Фракасс», «Парижские тайны» и так далее.

Эльдар Рязанов

Фильмы романтического направления, которые вы только что назвали, и «Рюи Блаз», и еще фильмы по Александру Дюма «Граф Монте-Кристо» и «Железная маска» принесли вам во всем мире бешеную популярность.

Жан Марс

Да, я просто обожаю Дюма. В детстве моей любимой актрисой была Перл Уайт, а любимым актером — Дуглас Фэрбенкс, потому что он много снимался в трюковых фильмах, в фильмах «плаща и шпаги». И мечтой моего детства было участие в подобных кинолентах. Эту мечту мне удалось реализовать благодаря режиссерам.

Эльдар Рязанов:

Вы всегда, во всех фильмах делаете трюки сами, без дублера?

Жан Марс:

Да, конечно. Я всегда сам себе каскадер. Меня это забавляет. Я начал делать трюки еще на сцене. На-

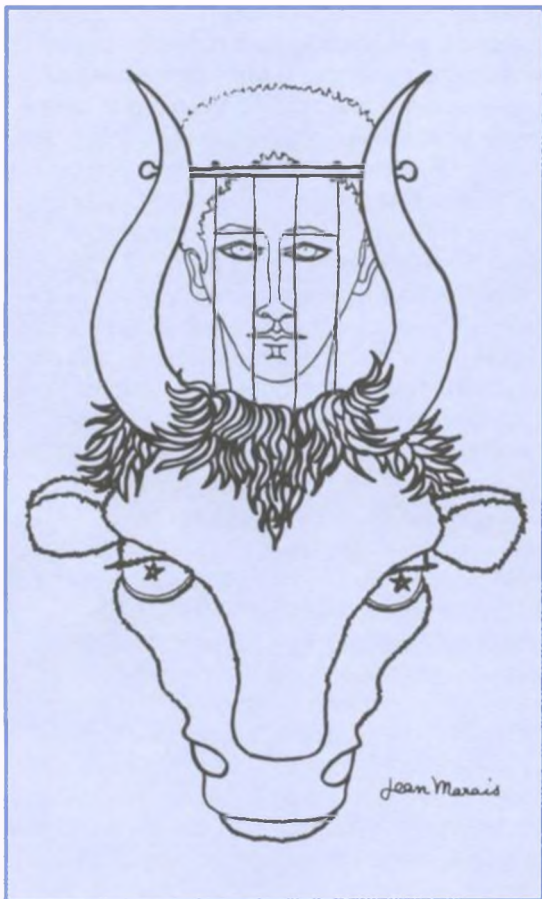

Рисунок Жана Марэ

времени его по-настоящему освоить.

Зато у меня существует взаимопонимание с лошадью. Я всегда мог заставить ее делать то, что я хочу. Но без сомнения, я не был большим специалистом по лошадям.

Я люблю всех животных, без исключения. Всех. Хотя, конечно же, для человеческого существа значительно проще держать собаку и кошку. У меня бывало до восьми собак. Но та, которая у меня сейчас, она последняя.

пример, в спектакле «Двуглавый орел» я в течение года каждый вечер падал с лестницы, не касаясь перил, не касаясь вообще чего бы то ни было. И ни разу не сделал себе больно. Но теперь я за это плачу. Теперь у меня проблемы с позвоночником. Когда делаешь сложные трюки, позвоночник получает серьезные удары.

Но я обожал делать каскады. Например, я научился ездить на лошади, чтобы сниматься в фильме «Кармен» — не знаю, видели ли вы «Кармен» в России, я играю там роль Хозе. Потом мне уже много приходилось скакать на лошадях в разных фильмах. И считалось, что я хороший наездник, но на самом деле это не так. Тут требуется особое искусство тела.

А мне никогда не хватало

Мне восемьдесят два года. И я говорю себе: если я возьму еще собаку, то умру раньше собаки, и ей будет очень грустно...

Эльдар Рязанов: До встречи с вами я читал о том, что вы прекрасный художник. Сейчас по дороге к вам мы заехали в небольшой магазин, где продаются ваши авторские работы. И я был просто потрясен тем, какие они прекрасные.

Я теперь понимаю: Пикассо не шутил, когда говорил, что с таким мастерством художника, рисовальщика, как у вас, незачем заниматься пустяками, вроде киносьемок.

Жан Маре: Пикассо никогда не утверждал, что я очень талантлив в живописи. Он просто сказал, увидев одну из моих картин, что охотно купил бы ее, если бы увидел где-нибудь в продаже. Но он никогда не говорил, что я талантливый художник.

Эльдар Рязанов: Как вы пришли к занятиям керамикой, а потом к скульптуре?

Жан Маре: И Пикассо, и Кокто занимались керамикой забавы ради. Вот и я, переехав на юг Франции, решил попробовать это занятие. Я поехал в Валорис к торговцу глиной. Тогда я не представлял себе вес глины и заказал ему двести килограммов. Он посмотрел на меня с некоторым удивлением и сказал: «Я не знал, что вы профессионально занимаетесь керамикой!» Я ответил ему, что еще не занимаюсь, но начинаю завтра. Он посоветовал мне взять несколько уроков, чтобы овладеть техникой этого дела.

«Но я купил книги, где все объяснено!» — ответил я. Торговец глиной все же сказал, что лучше, если кто-нибудь покажет, как работать именно с глиной, и предложил познакомить меня с одним человеком. Так я встретился с Джо Паскали и договорился, что он придет ко мне на следующий день, но он не появился. То, что я актер, смутило его. Ему понадобилось десять дней, чтобы преодолеть свою робость. Но коль скоро я сказал, что начинаю работать завтра — а я всегда считаю себя обязанным делать то, что говорю, — я начал на следующий день. Однако не так

Эта лампа, сделанная по эскизу Жана Марэ и купленная в Валорисе, всегда напоминает мне замечательного артиста и человека

просто положить кусок глины на гончарный круг и что-то из него сделать, если у тебя нет опыта. У меня получалось нечто бесформенное. Но поскольку я очень старался, делая эти бесформенные вещи, мне было жаль их ломать. И тогда я стал думать, что же можно сделать с этими бесформенными кусками глины? И решил заняться лепкой, чего, впрочем, тоже никогда не делал. Так я стал лепить. Но я не считаю себя скульптором. Я — горшечник. Если бы я был скульптором, то был бы более требовательным к своим произведениям, нежели сейчас. Тем не менее слово «скульптор» стали

передавать из уст в уста. Таким образом, в мэрии Восемнадцатого округа Парижа узнали, что Жан Марэ — скульптор. И заказали мне статую Марселя Эме. Я изобразил его выходящим из стены, поскольку был уверен, что не смогу сделать настоящую статую. А так мне было значительно проще. Ведь моя скульптура состоит как бы из трех частей. Я лепил отдельно голову с рукой, отдельно ногу, отдельно другую руку. В общем, мне повезло, что на этой площади была стена. Потом мне начали заказывать другие скульптуры. Вот так в семьдесят пять лет я стал скульптором. Но я не считаю себя и художником. Я — типичный представитель той категории людей, которые остаются детьми до самой своей смерти. А что делает ребенок? — он развлекается. И я развлекаюсь. Я развлека-

юсь, играя в театре и кино, развлекаюсь, рисуя, и развлекаюсь, занимаясь керамикой и живописью, развлекаюсь, ставя спектакли и создавая декорации, — я просто развлекаюсь!

Эльдар Рязанов: Дорогой Жан! Господь Бог и природа наградили вас: очень щедро. Они дали вам прекрасную внешность, здоровье, они дали вам море энергии, обаяния и множество талантов: и писателя, и актера, и поэта, и скульптора, и художника. Вы прожили в искусстве большую и плодотворную жизнь.

Жан Маре: Я считаю себя человеком, несправедливо одаренным судьбой. Мне так везло в жизни, как мало еще кому. Уже когда я учился на актера, со мной рядом были ученики, которых я считал значительно талантливее меня, но они ничего не добились. И это несправедливо. А мне, за что бы я ни брался, все удавалось, не знаю, по праву или нет.

И когда теперь, в моем возрасте, я иногда страдаю от болезней, я считаю, что это естественно, это своего рода расплата. Я мало платил в жизни за свое везение. И если начинаю расплачиваться в восемьдесят два года, это более чем справедливо.

Эльдар Рязанов: Жан, вы ощущаете себя счастливым человеком?

Жан Маре: Счастье... Детей еще в школе надо было бы учить быть счастливыми. Счастье — быть в согласии с самим собой. Счастье порой бывает очень странным. Например, иметь недостатки — это счастье, потому что исправлять их — интересно. Это вопрос человеческой природы, с которой рождаешься, и ее уже не изменить. К примеру, я всегда умел быть счастливым, какие бы драмы ни происходили вокруг меня.

Но мне кажется, что для этого нужно быть в определенной степени эгоистом. И теперь я упрекаю себя в том, что, как страус, прятал голову в песок. Я поступал так, чтобы не видеть то плохое, что происходит вокруг меня. Наверное, это не очень хорошо, но я умел быть счастливым. Счастье — быть окруженным любимыми людьми и уметь наслаждаться прекрасным, а это особый дар. И вместе с тем, как ни горько, но, по-моему, счастье — это несправедливость по от-

ношению ко столь многим несчастным людям. Говорят, что я очень милый, приятный человек, а на самом деле я просто пытаюсь извиниться за то счастье и везение, которые у меня были.

Эльдар Рязанов:

Жан Маре:

Как вы себя сейчас чувствуете? Как ваше здоровье? Здоровье? Я принимаю здоровье таким, какое оно есть, потому что это мой метод расплаты. В течение всей моей жизни у меня было прекрасное здоровье. Но это тоже ведь несправедливость. Я же говорю вам, что я — это воплощенная несправедливость.

Эльдар Рязанов:

Дорогой Жан! Что бы вы хотели сказать русским зрителям? В нашей стране вас очень любят, помнят, верны вам.

Жан Маре:

Я в первую очередь хочу поблагодарить моих зрителей в России, потому что без них, без публики, я бы не сидел сегодня здесь перед вами. И я вас благодарю за это от всего сердца! Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спасибо!

На обратном пути мы снова заехали в магазинчик, который торгует авторскими работами Жана Маре. И уехали оттуда не с пустыми руками. Мы накупили себе множество очаровательных изделий. И теперь частица души Жана Маре всегда с нами.

P.S. Через два года после нашей встречи этого светлого человека не стало.

Роман Полански:

*«Я не несчастен,
это уже большое достижение...»*

В нашем толстенном «Кинословаре», изданном в 1986 году, нет упоминания о герое этой передачи. Советское киноведение считало, что такого артиста и режиссера не существует. А он, между прочим, интереснейшая и противоречивая личность. Сегодня он улетает из Парижа в Испанию для подготовки съемок нового фильма, но по дороге в аэропорт обещал захватить в посольскую резиденцию на улице Гренель и дать нам интервью. Жду его с любопытством. Вот он и появился на красном автомобиле. Мы знакомимся. И вскоре я соображаю, что он знает русский язык. Он понимает мои вопросы еще до перевода и часто не дает мне закончить мысль, ибо хватает, что называется, с полуслова. Ясно, их же в социалистической Польше в обязательном порядке учили русскому языку. Первые минуты уходят на притирку. Это его первое интервью русским. Наши журналисты не «досаждали» ему. Знали, что о нем у нас ничего не напечатается. Ибо это — режиссер и актер Роман Полански.

Эльдар Рязанов:

Роман, я много читал о вас. И всюду о вас пишут как о фигуре демонической. Космополит, плейбой, герой судебных хроник, всяческих сплетен и домыслов.

Роман Полански:

Это все правда.

- Эльдар Рязанов:** Все правда? Пишут о том, что вы употребляли наркотики, занимались групповым сексом. Это тоже правда?
- Роман Полански:** Нет. Здесь не все правда. Групповой секс, например, меня не интересует совершенно. Хотя, конечно, зависит от того, с какого числа участников вы называете секс групповым. Трое — это не групповой секс.
- Эльдар Рязанов** (озадаченно): Перейдем к творчеству. Я знаю, что первый ваш блестящий успех был в роли Вани Солнцева в инсценировке повести Валентина Катаева «Сын полка». Спектакль возили даже в другие города, вы были тогда мальчишкой.
- Роман Полански:** Да. Мне было примерно тринадцать лет. И это был мой первый успех. Действительно. Благодаря этому я сейчас здесь с вами, в Париже. Без этого спектакля моя жизнь могла бы пойти по совершенно другой дороге. Спасибо Валентину Катаеву.
- Эльдар Рязанов:** Скажите, вы еще в юности понимали, что не останетесь в Польше? Когда еще учились в Лодзи в киношколе?
- Роман Полански:** И даже раньше. В то время, во время коммунизма, сталинизма, в Польше единственной мечтой всех молодых людей было выехать из страны и остаться в стороне от всего этого...
- Эльдар Рязанов:** Роман, ваш первый фильм вы сняли в Англии. Он назывался, по-моему, «Отвращение», с молодой Катрин Денев в главной роли. Фильм имел большой успех?
- Роман Полански:** Он имел достаточный успех для того, чтобы дать мне возможность снять и другие фильмы.
- Эльдар Рязанов:** А что побудило вас сделать такую страшную картину?
- Роман Полански:** Мне было тяжело найти продюсеров, чтобы снять кино. Однако представилась возможность снять фильм ужасов. Я предложил проект триллера. Продюсеры рискнули, так как этот сценарий подавал коммерческие надежды. Я же попытался поднять качество фильма, придав ему некоторые психологические аспекты.
- Эльдар Рязанов:** Но потом вы вошли во вкус этого жанра?
- Роман Полански:** Дело в том, что у людей есть тенденция наклеить на вас определенный ярлык. И меня тут же отнесли

к категории постановщиков, снимающих фильмы ужасов.

Поскольку наши зрители наверняка не видели ленту

Полански «Отвращение», я попытаюсь сказать о ней несколько слов. Дебют Полански на Западе состоялся в 1965 году, в Лондоне. Это фильм-страшилка, в котором рассказывается о мучениях и страданиях лондонской косметички Кароль (Катрин Денев). Квартира Кароль, куда она забивается в одиночестве, превращается в своего рода комнату страхов, ужасов, задавленных комплексов. Надо сказать, что Полански добивается этого интересными приемами режиссуры.

Каждая вещь, каждый предмет начинает становиться зловещим, мистическим, страшным. Любое отражение в чайнике, детали мебели или туалета приобретают значительность,

самодовлеющее значение.

Для этого используется широкоугольная оптика, которая очень увеличивает пространство. Декорации строятся в два, три раза больше, чем они были на самом деле, по жизни. Так создается ощущение, что маленькая фигурка Кароль загнана в центр огромного Лондона. Она переживает ужасы, доходит до такого состояния, что убивает парня, который, скорее всего, пытается за ней ухаживать. Но запуганная девушка не верит и наносит молодому человеку смертельный удар.

Картина может служить, с одной стороны, пособием по режиссуре. Она сделана очень изысканно, умело, с выдумкой. А, с другой стороны, может служить и учебником по патологической психологии.

Эльдар Рязанов: Роман, вы сами верите в те таинственные, мистические страшные силы, которые овладевают душой человека?

Роман Полански: Я вас остановлю сразу. Я не мистик совсем, я реалист и материалист. Я был воспитан на социалистическом реализме. Мои родители не были верующими. У меня нет никакой тенденции к мистицизму. Ни в моей философии, ни в том, что я делаю. Может быть, некоторые мои фантастические фильмы могут заставить публику подумать, что я немного мистик. Но это совершенно не так.

После фильма «Отвращение» Роман Полански создает картину под названием «Тупик», кстати, тоже мистический ужастик, где снимается в главной роли Франсуаза Дорлеак, старшая сестра Катрин Денев. Эта лента получает «Золотого медведя» на Берлинском фестивале. И Полански отправляется искать счастья в Америку.

В Америке судьба к нему оказалась милостива. И он один из немногих европейцев, кто смог локтями растолкать очень сплоченную американскую гильдию кинорежиссеров. И получить постановку, что выходцам из Восточной Европы, как правило, не удавалось.

Эльдар Рязанов: Вы хотели завоевать Голливуд, утвердиться там? Это было трудно?

Роман Полански: Американцы предложили мне снимать фильм в Голливуде. И поэтому мне было легко. В то время я вообще не мечтал о Голливуде. Скорее, я хотел снимать в Европе. Но мне предложили фильм в Голливуде — это был «Ребенок Розмари». И я принял это предложение. Так я начал работать в США.

Эльдар Рязанов: «Розмари», пожалуй, ваш самый знаменитый фильм?

Роман Полански: Этот фильм имел огромный успех в то время. Он позволил мне выбирать, он дал мне свободу. Знаете, в Голливуде говорят: «Ты настолько хорош, насколько хороша твоя последняя картина».

Один из самых нашумевших фильмов Полански — «Ребенок Розмари». Режиссер с Миа Ферроу

■ Попробую рассказать о содержании этого известного у нас, фильма. Картина начинается бытово, как бы обыденно. Мистика входит в нее исподволь, постепенно. А потом поглощает всю ткань картины.

Молодожены поселяются в Бруклине, одном из районов Нью-Йорка, в многоквартирном доме. Постепенно завязываются какие-то знакомства. И вдруг Розмари, героиня ленты, выясняет, что сосед Роман Каставет, добродушный старый джентльмен, на самом деле колдун и сын колдуна. И как бы глава большой секты дьяволопоклонников.

И все, кто живет здесь в округе, жена Романа старуха Минни и прочие мерзопакостные субъек-

ты, оказывается, поклоняются сатане. А Розмари как нормальная женщина хочет ребенка.

И вот однажды несчастная доверчиво выпила снадобье, которое ей предложила зловещая старушка Минни. И ушла в этакий полусознательный транс. В это самое время шустрый сатана ею овладевает. Розмари зачала ребенка от сатаны. Но она про это не знает. Про это знают только зрители. Ну и, разумеется, соседи. Героиня-то думает, что в ней растет нормальный человеческий плод. Но постепенно начина-

ет догадываться, что на ее будущего ребенка все эти мерзкие колдуны имеют некие виды. Беременную, понятно, это очень беспокоит.

Наконец Розмари рождает это сатанинское отродье. Ее

Роман Полански с Катрин Денев, исполнительницей главной роли в фильме «Отвращение»

ребенка немедленно уносят. А ей говорят, что ребенок умер. У колдунов на радостях происходит свой шабаш. Ведьмачи кричат, что наступило царство дьявола. Но Розмари слышит за стеной плач ребенка и понимает, что на самом деле он жив. Кстати, в картине так и не показано, кого же она родила. «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а не-

ведому зверушку...» Так сказать, тот самый случай... Но когда Розмари склоняется над колыбелью, появляется надежда, что материнские чувства, очевидно, победят. И царство сатаны не наступит. В роли Розмари снялась Миа Ферроу, которая после этой ленты стала популярной...

Все это рассказано с абсолютным серьезом, в стиле немецких экспрессионистских фильмов 20-х годов XX века. Картина имела оглушительный успех. Это кажется странным в наш век спутников, невероятного торжества техники.

И тем не менее человечество все время испытывает какую-то потребность в этой самой чертовщине, в таинственности, в нечистой силе. Вспомним успех другой американской ленты, «Изгоняющий дьявола», появившейся примерно в это же время.

Затем Роман снимает мистический «Бал вампиров» с Шарон Тейт, своей новой женой, в главной роли. Невольно вспоминаются слова Романа, что он реалист, что мистицизм ему чужд. Однако он продолжа-

ет эксплуатировать однажды найденную удачную жилу. Хотя в «Бале вампиров» уже немало смешного. В ней просматриваются элементы пародии на жанр ужастика, присутствует определенная насмешка над легендой о Дракуле.

Настасья Кински
в роли Тэсс в фильме
«Тэсс из рода
д'Эрбервиллей»

Кстати, сам Полански играет нормального затурканного человека, вусмерть напуганного вампирами, которые хотят попить его кровушки. После успеха «Ребенка Розмари» к Полански приходит широкая известность. Он начинает жить в Америке на широкую ногу, покупает дом. Вместе с женой Шарон Тейт устраивает вечеринки, не хочется го-

ворить оргии, это скорее всего преувеличение.

Во всяком случае там покуривают травку, выпивают, веселятся, гуляют. Идет красивая, роскошная, сладкая жизнь.

Отец Романа часто говорил сыну: «Зачем ты так много тратишь денег черт-те на что?»

На это Роман отвечал: «Я не хочу быть самым богатым человеком на кладбище».

Образ жизни Полански довольно широко освещался в американской прессе.

И вот наступило 9 августа 1969 года.

Наступила ночь, самая страшная, черная в биографии этого режиссера. Его жена Шарон Тейт, которая находилась на девятом месяце беременности, и еще четверо друзей, бывшие в эту ночь гостями на вилле Полански, были зверски убиты, зарезаны.

На теле Шарон Тейт было найдено 26 ножевых ран.

Пресса, сразу же почуяв сенсацию, стала подозревать в причастности к этому убийству Полански.

Но вскоре нашли убийц. Ими оказались члены секты

Трагически погибшая Шарон Тейт была самой сильной любовью Романа

Чарльза Мэнсона. Была такая религиозная банда, где главарь, Чарльз Мэнсон, провозгласил себя Христом, Мессией. Эти фанатики и совершили страшное, зверское убийство.

После этого с Романа были сняты какие бы то ни было подозрения.

Эльдар Рязанов:

Скажите, как вы узнали про это жуткое злодеяние? Где вы в это время были?

Роман Полански:

Я узнал об этом в Лондоне, заканчивал сценарий. А Шарон поехала в США, потому что мы хотели, чтобы ребенок родился именно в США. А поскольку ее беременность подходила к концу, она плыла на корабле. Лететь на самолете ей не рекомендовали. А я должен был прилететь к ней на самолете. Я в Лондо-

не работал с писателем, сценаристом. Вдруг телефон зазвонил. Мой агент звонил из США. Он первым оказался там, на месте убийства. Увидел тела, позвонил мне и сказал, что произошла трагедия.

Эльдар Рязанов:

Вы любили ее? Это был счастливый брак?

Роман Полански:

Это были лучшие моменты моей жизни, когда мы жили вместе. Я тогда понимал, что действительно счастлив. Вспоминаю, что иногда говорил себе: обычно счастье видят в прошлом и будущем, но никогда в настоящем. А я тогда все время чувствовал себя счастливым.

Эльдар Рязанов:

Нескромный вопрос, вы простите меня. Кто должен был родиться у Шарон Тейт, мальчик или девочка?

Роман Полански:

Мальчик.

Эльдар Рязанов:

До рождения ребенка оставалось буквально две недели?

Роман Полански:

Да, это так.

Эльдар Рязанов:

Как вы пережили это несчастье? Ушли в работу?

Роман Полански:

Вы меня спросили, работал ли я после этого? Все говорят, что самое лучшее лекарство в такие моменты — это работа. Люди, которые так говорят, не отдадут себе отчета. Откровенно говоря, невозможно работать в это время. Может быть, труд и хорошее лекарство. Но его невозможно применять...

В то время я готовил съемки нового фильма. Изображал, что продолжаю работать. Но через месяц или два понял, что это сплошная иллюзия. Я отказался от съемок фильма, вернулся в Европу и поехал в горы. И там катался на лыжах четыре месяца...

Эльдар Рязанов:

Знаете, Роман, я читал много статей, где утверждалось, будто страшная история, которая случилась с Шарон Тейт на вашей вилле, — это следствие того, что вы в своих произведениях задевали какие-то силы зла, что это своего рода возмездие...

Роман Полански:

К сожалению, трагедия случилась как раз в тот момент, когда «Ребенок Розмари» имел огромный успех. И поскольку темой фильма является история мистическая, более-менее связанная с колдовством, у людей возникла идиотская ассоциация. Многие, и даже пресса, воображают, что все, показанное

Свадьба
Романа Полански
и Шарон Тейт.
Какие они здесь
счастливые

в фильме, обязательно соответствует мировоззрению режиссера. Это глупая, поверхностная ассоциация...

Эльдар Рязанов: Когда началась война, вам было восемь лет?

Роман Полански: Шесть. В Польше она началась раньше.

Эльдар Рязанов: Как погибла ваша мать? Вы помните, как ее забрали? Где вы были после этого?

Роман Полански: Я находился в том самом гетто, которое воспроизведено в фильме Спилберга «Список Шиндлера», то есть в Краковском гетто. Надо сказать, что фильм

«Список Шиндлера» очень точен. Я когда смотрел его, мне было страшно, потому что я вспомнил все. Там все показано так, как это было. Я не прошел через ликвидацию потому, что каждый раз, когда возникал слух об очередной депортации, я убежал. Я был маленький и мог убежать через заграждение. Я проводил ночь или две у друзей своего отца. Именно поэтому я остался жив. Однажды я убежал из гетто, а они схватили мою мать. Я не видел, как это происходило. И только когда я вернулся, отец сказал, что они забрали мать. И начал плакать.

Во время окончательной ликвидации я снова убежал. А отец остался и оказался в концлагере Маутхаузен, где провел приблизительно четыре года. А мою мать увезли в Освенцим. И тут же отправили в газовую камеру.

Эльдар Рязанов: После войны вас воспитывал отец?

Роман Полански: Да. Мой отец вернулся после войны.

Эльдар Рязанов: Он женился снова?

Роман Полански: Да. Он снова женился.

Эльдар Рязанов: Скажите, а тяга к кинематографу появилась случайно или это было с самого детства? Что вас привело в киношколу в Лодзи?

Роман Полански: Меня кинематограф с самого детства завораживал. Даже во время пребывания в гетто я смотрел через колючую проволоку пропагандистские немецкие фильмы, которые немцы показывали на Рыночной площади. Это меня поглощало целиком...

Эльдар Рязанов: Вернемся в Америку. Расскажите о своем нашумевшем фильме «Китайский квартал», где главную роль сыграл ваш закадычный друг и восхитительный актер Джек Николсон.

Роман Полански: У меня были друзья — это Роберт Таун, сценарист, Джек Николсон — актер и Бобанс — продюсер и директор студии «Парамаунт». Я хотел работать с ними. Однажды они предложили мне сценарий Боба Тауна. Сценарий был чрезвычайно сложным. У него были определенные положительные качества, но он требовал доработки. Я очень долго сидел с Робертом Тауном, чтобы придать сценарию форму более компакт-

ную, более пригодную для использования. Именно тогда в первый раз я снимал фильм не по своему собственному сценарию. Это принесло довольно неплохие результаты. «Китайский квартал» считается в Западном полушарии моим лучшим фильмом и самым популярным. Он включен в фонд Национальной библиотеки США, куда входит всего семьдесят один фильм...

Эльдар Рязанов: Расскажите историю, которая случилась с вами в доме Джека Николсона. Из-за которой вы вынуждены были уехать из Америки. Расскажите сами, потому что читал я про это много.

Роман Полански: Мне бы не очень хотелось говорить об этом...

Судьба продолжает преследовать Романа Полански. Он снова становится героем скандальных хроник. Случилось событие, которое переполошило всю Америку. Все газеты были заполнены этим.

Романа обвинили в том, что он, находясь в доме Джека Николсона с 13-летней манекенщицей Самантой, которую снимал для журнала «Вог», одурманил ее наркотиками и изнасиловал.

Обвинение это было очень серьезным, очень тяжелым. И Полански сразу же отправили в тюрьму. Друзья бросились на защиту. Они стали говорить о том, что посадили человека, недавно перенесшего жуткий удар судьбы, напоминали, что его мать погибла в Освенциме... Друзья вовсю хлопотали, чтобы Полански отпустили.

Тем не менее ему пришлось пробыть в тюрьме 42 дня. По отзыву тюремщиков, он вел себя очень дисциплинированно, быстро адаптировался к этой среде, ладил с заключенными: Много читал и даже добровольно вызывался чистить места общего пользования. Короче говоря, тюремщики дали ему очень хорошую характеристику.

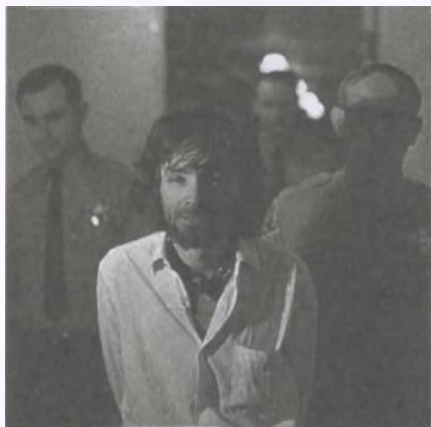
Тут судья сжалился над Полански и выпустил его из тюрьмы, чтобы тот закончил свой фильм «Ураган». Но Полански повел себя несколько странно. Вместо того, чтобы отправиться на Таити, где должны были

Шарон Тейт
приводит в порядок
шевею мужа

идти съемки, он занял тысячу долларов у Дино де Лаурентиса, своего друга, продюсера, и улетел в Европу... Вскоре Полански объявился в Мюнхене на пивном празднике и был снят там с какими-то молодыми барышнями. Эти фотографии попали в газеты и вызвали невероятное негодование судьи Ротенбанда, который потребовал, чтобы Полански немедленно вернулся. Он жаждал объявить ему приговор. В общем, отныне путь в Америку для Полански стал закрыт.

Сейчас газеты пишут, что Полански ведет переговоры с Самантой и обещает ей 225 тысяч долларов, если она откажется от обвинения. Этой женщине уже 34 года.

Чарльз Мэнсон,
убийца Шарон Тейт.
Фотография из зала
суда

Саманта вроде бы согласна, но при одном условии — если Полански уберет из своей книги «Роман о Романе» рассказ об этом случае. А он там пишет, что на самом деле Саманта не была невинна. И в постели проявила много сексуальной изощренности. Честно говоря, в данную минуту я себя чувствую каким-то желтым ничтожным писакой, смакующим нечто постыдное. Но фигура моего героя настолько неординарна и настолько любопытна, что просто нельзя не рассказать о том, о чем знает любой западный читатель.

Пресса относится к Полански очень недоброжелательно. О нем пишут: Роман — монстр, Роман — чудовище. И без конца вспоминают старую историю его любви втроем, вместе с пятнадцатилетней Настасьей Кински и ее семнадцатилетней подругой.

Эльдар Рязанов:

Роман Полански:

Вы и сейчас не можете вернуться в Америку?

Если я вернусь в Америку, надо будет снова заниматься расследованием того случая. А у меня нет намерения тратить на это время.

Эльдар Рязанов:

Роман Полански:

Но вы огорчены, что разлучены с Америкой, с наиболее сильной кинематографией в наше время?

Я продолжаю делать американские фильмы здесь. Американское кинопроизводство интернационально. Большая часть американских фильмов снимается не в США. Но, конечно, если бы я в течение всего этого времени жил в Америке, мой контакт с американским кино был бы более тесным. И я имел бы больше свободы в выборе сюжетов.

Эльдар Рязанов: Расскажите о своем втором европейском периоде. К примеру, о фильме «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» по роману Томаса Харди.

Роман Полански: На этот фильм меня вдохновила Шарон Тейт — однажды она рассказала мне о книге Харди. И именно ей посвящен этот фильм. (В главной роли — Настасья Кински. — Э.Р.)

Я снимал его с большими трудностями. Это очень сложный фильм. Съемки заняли у нас девятнадцать месяцев. Во Франции фильм был встречен весьма холодно. А в США и других странах был принят великолепно.

Он получил три «Оскара» в США. И открыл передо мной массу возможностей потом.

Эльдар Рязанов: Я знаю, вы играли спектакль по роману Франца Кафки «Метаморфоза» или «Превращение». Вы были весь вечер на сцене один. Все газеты писали о том, как вы мастерски перевоплощались из человека в паука или в какую-то сколопендру. У вас, кстати, не снято это на видео? Чтобы мы могли показать. Нужно было иметь большую отвагу, чтобы решиться на такой спектакль.

Роман Полански: Я думаю, самое ценное в театре — что он живой. И не надо записывать это на пленку. Театр — это экстаз, который возникает, когда вживую видишь прекрасный спектакль. Это уникальное мгновение.

Эльдар Рязанов: А вы не можете сейчас показать хотя бы два-три движения? Как вы двигались на сцене?

Честно говоря, я не рассчитывал на успех своей просьбы. Но в мгновение ока шестидесятипятилетний Роман выскочил из кресла и опустился на пол. Он лег и начал показывать, как двигалось это членистоногое нечто. Показывал с удовольствием и очень здорово. Мало того, он еще и комментировал этот мини-спектакль.

Роман Полански: Были две принципиальные позиции в пьесе. Одна была вот такая. Вот так (показывает). И была другая, где я держался так. И двигался вот эдак (показывает). Голо-

ву надо было держать высоко, чтобы люди видели. Теперь я менее ловкий и не такой гибкий. А тогда через несколько месяцев репетиций и тренировок я показывал значительно более интересные результаты. А за шесть месяцев исполнения этого в театре, учитывая, что я давал по семь спектаклей в неделю, я уже прекрасно двигался, как паук.

Было много разных моментов, например, когда я висел наверху, как бы на потолке. Этот спектакль требовал больших физических затрат.

Эльдар Рязанов: Долго шел спектакль?

Роман Полански: Уже не помню. Я бы мог, конечно, играть и дольше. Но, честно говоря, после ста пятидесяти представлений мне стало скучно. Возбуждение спадает со временем. Представлений двести сыграл.

Эльдар Рязанов: Вы сейчас женаты? Я слышал, у вас есть дочь? Сейчас есть покой, тишина, счастье на душе?

Роман Полански: Я не несчастен, это уже большое достижение. Конечно же, ребенок доставляет мне больше всего радости в этой жизни.

Эльдар Рязанов: Кем вы себя ощущаете? Французом, американцем, англичанином или поляком?

Роман Полански: Во времена сталинской эпохи, когда я был ребенком, меня всегда считали космополитом. Что было ужасным непростительным грехом. Сегодня можно сказать, что это скорее достоинство.

Откровенно говоря, я не знаю, кем себя чувствую. Конечно, я поляк. Правда, я родился в Париже, но был совсем маленьким, мне было три года, когда родители увезли меня обратно в Польшу. Разумеется, мои корни в Польше, но я так долго жил во Франции, что уже проникся определенными привычками, которые делают меня французом. В любом случае, я не чувствую себя англичанином и я не американец. Несмотря даже на то, что многое, очень важное для моего художественного развития случилось именно в этих странах.

Эльдар Рязанов: Где бы вы хотели быть похороненным? Во Франции или в Польше?

Роман Полански: Откровенно говоря, у меня есть более существенные

заботы. Туда не надо торопиться... Если честно, мне все равно.

Эльдар Рязанов

Вы прожили жизнь, в которой было много и страданий, и горя, и несчастья. Но были и радости, и счастье, и какие-то прекрасные минуты. Как вам кажется, чего вам Бог дал больше — страданий или счастья?

Роман Полански

(после долгой паузы): Пятьдесят на пятьдесят. Fifty-fifty.

Эльдар Рязанов:

Это справедливо или нет?

Роман Полански:

Думаю, это в порядке вещей. Да, я пережил много трагедий. Но когда я вижу, что происходит вокруг меня, сколько горя и страданий на этой земле, то говорю себе: я очень счастливый человек.

Роже Вадим:

*«Со съемочной площадки в больницу
меня везли четыре жены.
Из них три — бывшие»*

Прежде чем рассказывать о кинорежиссере Роже Вадиме, я хочу поведать вам, дорогой читатель, о Брижит Бардо. Эти два имени вошли на кинематографическом горизонте Франции одновременно. И так, наша съемочная группа направлялась в офис Брижит Бардо, чтобы взять у нее интервью. Вообще-то она не общается с журналистами, но почему-то вдруг согласилась на встречу с нами. Наш микроавтобус ехал по набережной вдоль Сены. И тут мы увидели корабль — по-французски «бато-муш» — большой прогулочный туристский катер, который носит имя Брижит Бардо. Мы затормозили и вылезли из автомобиля. Рядом был пришвартован «Ив Монтан». Чуть дальше мы увидели корабли, названные именами Жанны Моро, Жана Габена и Жана Маре, нашего любимца, с которым у нас уже была сердечная беседа. Я решил, что это подходящее место, где можно рассказать об актерском, сексуальном, национальном, и не знаю еще каком, символе Франции 60-х и 70-х. Традиция называть корабли именами не только умерших, но и живых артистов замечательна. Она говорит о том, что французы действительно любят свой кинематограф, считают его неотъемлемой частью культуры. Мне показалось, что нашим чиновникам было бы недурно последовать этому умному примеру.

Итак, немножко биографии. Брижит Бардо родилась в благополучной буржуазной семье в Нейи — это предместье Парижа. Как было тогда принято, родители отдали молодую барышню учиться балету.

Не для того, чтобы наследница стала танцовщицей, а для того, чтобы хорошо двигалась. Брижит оказалась чрезвычайно талантливой. Она прошла по конкурсу одна из очень немногих. И попала в класс Бориса Князева, русского педагога, который славился и своей суровостью, и тем, что был замечательным учителем балета. Борис Князев приходил на занятия в училище с хлыстом. Иной раз он стегал нердивых девушек-танцовщиц. Балетные барышни называли его «русский тиран». Тем не менее именно он заложил в Брижит Бардо ту пластику, по которой ее потом узнавали. Когда она была уже очень извест-

ной актрисой, ей приходилось прятаться от репортеров, надевая темные очки, парики, шляпки. Но paparazzi «раскрывали» ее по походке, по неповторимой пластике.

Своим появлением в кино она была обязана другому русскому, которого звали Вадим Племянников. Так случилось, что фото Брижит попало на обложку журнала «Эль», и Вадим Племянников, который ныне известен всем любителям кино под именем Роже Вадима, обратил внимание на ее портрет. Как он сам по-

том писал: «Когда я ее увидел, я просто понял, что это инопланетянка». И он начал преследовать девушку. Приезжал за ней к балетному училищу, ездил за ней на машине, провожал издали до дома... Вадим

Молодой Вадим Племянников — еще не Роже Вадим — ухаживает за очаровательной барышней — Брижит Бардо

был тогда репортером и работал ассистентом режиссера у некоторых известных французских мастеров. Он пригласил Брижит на кинопробы. Но ее родители дали гневный отпор: мол, шуты, комедианты, киношники — это люди второго сорта для богатой буржуазной семьи Бардо. Однако перспектива попасть в кино привлекла девушку. Она стала встречаться с Роже Вади-

мом. Впервые она снялась в 1952 году (ей было 18 лет) в кинокартине режиссера Буайе «Нормандская дыра». Потом мелькнула в крошечной роли, в эпизодике, в знаменитой ленте Рене Клера «Большие маневры», где блистательно играли Жерар Филип и Мишель Морган.

Роже Вадим не отставал от девушки, опекал, помогал, протезировал. Началась любовь. Через несколько лет молодые люди уломали родителей. И Брижит стала мадам Племянниковой.

Вместе с мужем она приехала на Каннский фестиваль в 1953 году. Ей было 19 лет, ее еще никто практически не знал. И тем не менее была в ней какая-то магия.

Когда она входила в кафе или в отель, то и мужчины, и женщины невольно оборачивались на нее. Помимо того, что она была очень красива, в ней еще чувствовалась внутренняя независимость и сила.

На Каннский фестиваль чета Племянниковых приехала без приглашения. Они были незваными гостями.

А в это время на рейде Канн стоял американский

авианосец, куда и явились на экскурсию Брижит и Роже. Там, как вы понимаете, огромное количество мужчин-моряков. Вдруг на палубе появляется молодая очаровательная блондинка с идеальной, безупречной фигурой. И тут произошло нечто такое, из-за чего Соединенные Штаты чуть не лишились своего авианосца! Вся команда корабля перебежала на тот борт, где находилась Брижит Бардо. Авианосец едва не затонул. Пришлось командирам срочно устанавливать равновесие на палубе.

В 1956 году Роже Вадим снял свою первую ленту «И Бог создал женщину», где Брижит сыграла свободную, раскованную, без сексуальных тормозов, молодую, прелестную женщину.

Говорят, что когда этот фильм шел в Техасе, то полиция не пускала в кинотеатры черных — боялась, что они слишком возбуждятся и разнесут все вокруг.

А в Нью-Йорке священник, бедный, несчастный священник, купил на один сеанс все билеты, чтобы никто из его паствы не увидел обнаженную Брижит. После ленты «И Бог создал женщину» к Брижит Бардо пришла неслыханная слава. Она стала легендой.

Надо честно сказать, что тут в роли бога выступил Роже Вадим. Именно он научил Брижит самым тонким нюансам поведения на экране: как надо говорить, как надо двигаться. Короче говоря, в результате Бог и Роже Вадим создали секс-символ эпохи. Брижит Бардо сразу же заняла важное место в жизни миллионов молоденьких барышень. Они стали ей подражать. Земная женщина, в каких-то свитерках, которые надевались прямо на обнаженную грудь, в затрепанных джинсах, она была понятна и похожа на своих сверстниц. Нельзя было стремиться стать такими, как персонажи Даниэль Дарье или Мишель Морган. Это были недостижимые красавицы, графини, принцессы французского кинематографа. А Бардо сразу стала своей для молодого поколения многих стран.

На наши экраны Брижит Бардо ворвалась картиной «Бабетта идет на войну» и мгновенно покорила сердца наших зрителей и зрительниц.

Фильм был поставлен Кристианом Жаком, замечательным мастером комедии, которому присуще истинно французское чувство юмора. Фильмы его шли у нас и были очень популярны («Фанфан-Тюльпан», «Закон есть закон», «Если парни всего мира»).

Кадр из первого фильма Роже Вадима «И Бог создал женщину». Родилась звезда французского кино — Брижит Бардо

В некоторых фильмах Брижит Бардо снималась иной раз довольно элегантно раздетой или недостаточно одетой. Это вызывало большую волну возмущения у пуритански настроенных французов. Оказывается, во Франции есть и такие. Был, например, случай. Брижит навещала свою подругу в больнице, и в лифте с ней ехала

медсестра. При виде актрисы лицо медсестры перекопилось от злости, и она вилкой, которую почему-то держала в руке, стала ее колоть. Кричала, что Брижит развратила ее сына своими фильмами, своими ролями. И та в испуге выскочила из лифта. Это был шок! А следы от вилки до сих пор остались у Брижит на руке. И подобного случалось немало. Ей плевали в лицо, угрожали по телефону, ее преследовали.

Ее работа в кинематографе постоянно сопровождалась какими-то сплетнями, репортерской грязью. Это внушило ей отвращение к своей профессии. Когда Брижит исполнилось 34 года, она начала серьезно подумывать о том, что надо уйти из кино. Но осуществила свое желание только в 1972 году, когда ей было 38 лет. После малоудачного фильма Роже Вадима, с которым она уже давным-давно развелась, «Дон Жуан-73, или Если бы Дон Жуан был женщиной», Брижит Бардо поставила на кинематографе крест.

Внешняя сторона ее жизни была прекрасна. Мировая слава, нежно-ласково-фамильярное отношение к ней соотечественников, все ее называют инициалами «Б.Б.». Фестивали, поездки, преклонение мужчин,

Следующая жена
Роже Вадима —
датчанка
Аннет Штройберг

В фильме «Умереть
от удовольствия»
Аннет уже выступала
под фамилией
мужа — Вадим.
Кстати, она родила
режиссеру дочь
Натали, которую тот
и воспитывал

богатые мужья — все замечательно. Во всех мэриях всех французских городов стоят бюсты или статуи Марианны — женщины, олицетворяющей Францию. Ее лепили с Брижит Бардо. В 60-х — 70-х она была символом Франции. И лишь в 80-х годах ее сменила Катрин Денев.

Но в душе актрисы была страшная пустота. Брижит Бардо — трагическая фигура французского кинематографа. Она не любила свою работу, но все время снималась. Душевный разлад угнетал ее. Недаром у нее было шесть попыток самоубийства. Шесть! Она принимала снотворные таблетки, и резала себе вены, и совала голову в духовку, чтобы задохнуться от угарного газа. Каждый раз ее как-то удавалось вытащить. Упорное желание умереть не было маниакальной идеей. Просто каждый раз ее допекали и доводили до такого состояния, что она была готова расстаться с самым главным сокровищем — жизнью.

Расскажу, почему Бардо приняла нашу съемочную

Это не свадьба Катрин Денев с Роже Вадимом. Они так и не повенчались. Свадебный наряд на Катрин, очевидно, по роли в кино

ем месте, утопить политического соперника, расправиться с конкурентом и недругом — были для них ближе, нежели донкихотские призывы стареющей звезды...

Однако глава у нас все-таки не о Брижит Бардо, а о ее первом муже Роже Вадиме. Ибо его брак с молодой барышней, из которой он сделал кинематографическую диву, был только стартом в его режиссерской и брачной карьере. После развода они сохранили добрые дружеские отношения. Роже Вадим говорил, что у него всегда было ощущение, что они с Брижит как бы близнецы. И он всегда чувствовал, когда с ней происходит что-то неблагоприятное.

Однажды был такой случай: Вадим ехал в поезде

группу. Последние тридцать лет своей жизни она посвятила защите животных. Занимается этим неистово, фанатично, с полной отдачей. И телевизионное интервью для России показалось ей замечательной попыткой обратиться к Российскому Президенту и Правительству нашей страны с призывом прекратить промышленную охоту на котиков, моржей, песцов и прочих представителей фауны. «Я понимаю, — говорила Брижит Бардо, — что в России холодно, что носить меха — русская традиция». Но она умоляла хотя бы прекратить убивать зверей, чтобы посылать их шкуры на экспорт. Весь свой темперамент, искренность, убежденность вложила она в свое прошение. Ее слова прозвучали в телевизионном эфире, но, боюсь, нашим правителям было не до того. Куда более важные проблемы — усидеть на сво-

и вдруг почувствовал, что с Брижит неладно. Он позвонил домой, подошел отец, Племянников-старший. Роже сказал, что с Брижит сейчас что-то случилось. Отец ответил: «Да нет, она у нас совсем недавно была. Мы с ней ужинали». Роже попросил: «Поезжай к ней, узнай, в чем дело». И отец поехал. Оказалось, что Брижит пыталась покончить с собой, и бывший свекор спас ее от неминуемой смерти. И подобные ситуации возникали не один раз.

Итак, пора нашей съемочной группе отправляться домой к господину Племянникову, в самый центр Парижа, на улицу Риволи, между Лувром и площадью Согласия. Центрее не бывает.

Эльдар Рязанов:

Дорогой Роже! Я хочу вас поблагодарить за то, что вы нас приняли и уделили нам время. Честно говоря, в нашей стране вас знают мало. И это, по-моему, несправедливо. Мы хотим исправить эту ошибку. Тем более ваш отец родился в России. Давайте с него и начнем!

Роже Вадим:

Давайте начнем с моего отца. История проста. У моей семьи было имение недалеко от Киева. Как многие русские, которые воевали на стороне белых, родители должны были покинуть страну после революции. Мой отец приехал во Францию, стал французским гражданином и французским дипломатом, консулом Франции.

Когда отец был ребенком, у них в доме жила гувернантка-француженка. Она полгода работала в России, где занималась с моим отцом, полгода трудилась в Париже, в другой семье. Гувернантка часто говорила отцу: «Ты совершенно невыносим. А вот во Франции я преподаю одной маленькой девочке, просто замечательной». И мой отец был совершенно убежден, что он — чудовище, в отличие от какой-то милой русской девочки, живущей в Париже. А девочке, как выяснилось потом, она говорила: «Вот ты здесь плохо учишься, а в Киеве у меня есть мальчик, очень послушный, очень вежливый, который пре-красно занимается».

Лет через десять–двенадцать этот мальчик и эта девочка познакомились в Школе восточных языков в Париже. Когда они заговорили о детстве, то поняли, что у них была одна и та же гувернантка. Наверное, это их сблизило еще больше. Таким образом родился я.

Эльдар Рязанов:

Это правда, что ваш отец происходил из княжеского рода, начало которого идет от Чингисхана?

Роже Вадим:

Семейные архивы, которые находятся сейчас в Венеции, так утверждают. История такова. Когда Чингисхан разделил свою империю между девятью сыновьями и племянниками, та часть, где сейчас находятся Венгрия и Польша, отошла к одному из племянников. Отсюда и происходит наша фамилия «Племянников». То есть мой отец на самом деле происходил от какого-то племянника Чингисхана.

Эльдар Рязанов:

В вашем лице монголы добрались все-таки и до Парижа. Правда, более цивилизованным путем, чем в эпоху Чингисхана. Скажите, пожалуйста, как вам пришла вообще в голову мысль стать кинорежиссером?

Роже Вадим:

Обычно матери не посылают ребенка учиться на актера, а скорее желают, чтобы дети стали докторами, дантистами, юристами. А мне мама сказала: «Ты создан для искусства. Попробуй поучиться на актера». Я поступил в школу драматического искусства Шарля Делона, замечательную школу. Это было сразу после войны. Мне очень понравилась театральная среда. Но хотя обо мне и говорили, что я хороший актер, я думал, что это не то, чем мне следует заниматься. Мне хотелось быть по другую сторону сцены или камеры. При этом я много писал. Не публиковался, но писал повести, драмы, сценарии. И стал из актера сценаристом. Я продал свой первый сценарий, когда мне было восемнадцать лет, — самый молодой сценарист Франции. И приблизительно в это же время я встретил потрясающую девушку, которой должно было исполниться пятнадцать лет. Это была Брижит Бардо. Она совсем не думала, что станет актрисой. Ее родители, буржуа, не хотели, чтобы мы были вместе.

Они сказали: «Вадим, если вы хотите в будущем жениться на нашей дочери, вы должны составить себе какое-то положение».

Для начала я стал журналистом в «Пари-Матч». Там у меня была масса друзей журналистов, совершенно замечательных, не то что сейчас. Потом я начал работать театральным режиссером. Это был случайный ход вещей. Мысль отважиться стать кинорежиссером пришла ко мне постепенно.

Эльдар Рязанов:

Это правда, что вы увидели портрет Брижит Бардо на обложке журнала «Эль», она вам очень понравилась, и вы решили познакомиться с ней?

Роже Вадим:

Это правда. Часто легенды выдумывают, но это правда. Она не была фотомodelью, но редактор журнала «Эль» была подругой матери Брижит и сказала ей:

«Мне нужна девушка, которая не фотомodelь, не актриса. Обычная французская девушка». Таким образом Брижит попала на обложку журнала. А я в то время писал сценарий о молодежи, и нам нужна была героиня семнадцати-восемнадцати лет. Я показал режиссеру обложку и сказал, что такая барышня нам и нужна. Режиссер написал родителям, но те слышать не хотели о кино. А Брижит это было интересно: сняться в кино, посмотреть на режиссера, увидеть всю киношную атмосферу. Она пилила родителей до тех пор, пока ей не позволили встретиться с режиссером. И именно когда она приехала к режиссеру, я с ней и познакомился.

Эльдар Рязанов:

Роже Вадим

Значит, именно вы увлекли ее кинематографом?

Да, это так. Если бы я не увидел Брижит на обложке журнала, думаю, она никогда не стала бы сниматься в кино. Она всегда считала, что ее предназначение — танцы. Брижит была прекрасной балериной, очень одаренной. Танцевать — это была ее страсть. Думаю, она решила стать актрисой, чтобы выйти за меня замуж. Ибо поняла: мое призвание — кино. Наверно, поэтому Брижит никогда по-настоящему не любила профессию актрисы. Она была роскошная звезда, с прекрасными внешними данными. Но не хотела углубляться, вникать по-настоящему в ремесло акт-

рисы. Когда в ответ на вопросы, любит ли она кино, репортеры слышали: «Нет, меня оно раздражает», — они считали, что актриса ломается. Но на самом деле Брижит говорила правду. Конечно, у нее были прекрасные моменты в ее киножизни, интересные роли. Но кино ее не завораживало.

Эльдар Рязанов:

Сценарий фильма «И Бог создал женщину» вы писали специально для Брижит, чтобы проявить ее особые уникальные качества?

Роже Вадим:

Это не совсем верно. Когда я встретил Брижит, я уже написал много новелл, сценариев. Но поскольку я хорошо ее знал, я смог адаптировать мой сценарий к ее манере игры. Надо было спрятать ее недостатки и выделить достоинства. Мне было очень приятно работать с ней, но я не писал сценарий специально для нее.

Эльдар Рязанов:

В своей книге «От звезды к звезде» вы писали, что Брижит не требовался учитель, ей скорее требовался садовник, который должен был ее «поливать». Обламывать ее, уничтожать манеры, привычки — было бы бессмысленно и варварски.

Роже Вадим:

Образ садовника совершенно справедлив. Ей надо было помогать, хвалить ее. Брижит не тот человек, которого можно было заставить делать что-то, чего она инстинктивно не хотела...

Но я хотел бы вернуться ненадолго в контекст той эпохи. В то время кино менялось. Это было еще до «новой волны», но чувствовалось — что-то произойдет. Классическое кино довоенной поры, которое создало массу шедевров, должно было измениться, эволюционировать. Тогда не было принято допускать к режиссуре молодых. Средний возраст постановщиков был такой, какой у меня сейчас — около шестидесяти. А мне было всего двадцать семь лет. Для того времени мой фильм стал новым, необычным. В первых, диалоги были более естественными, ближе к жизни. Кроме того, в ленте присутствовал определенный вызов традиционной буржуазной морали. И он дал толчок движению сексуального освобождения женщины.

Следующей женой Роже Вадима стала дочь знаменитого американца Генри Фонда — Джейн. Джейн Фонда в роли Барбареллы в одноименном фильме мужа

Эльдар Рязанов:

Роже Вадим:

Фильм имел огромный отклик во Франции. Критики сильно его ругали, уничтожали Брижит Бардо. Говорили, что у нее нет будущего в кино. С картиной случилось то, что называется «эффект эхо». Она стала в первую очередь очень известна за рубежом, и только тогда во Франции поняли, что прошли мимо важного явления в кинематографе, не заметили рождения настоящей кинозвезды.

Поговорим о следующей жене, об Аннет Штройберг. Она — датчанка, живущая в Париже. Вы из нее тоже сделали актрису?

Поначалу она не думала об актерской карьере. У нас родилась дочь Натали. А потом я стал снимать фильм «Опасные связи» по роману Шодерло де Лакло. Главные роли играли Жанна Моро и Жерар Филип. Аннет иногда приезжала на съемки и постепенно заразилась этим вирусом. Она сыграла в этой ленте маленькую роль женщины, которая разрывается между необходимостью остаться верной мужу и страстью к другому мужчине. На эту роль требова-

Если в предыдущих случаях Роже Вадим создавал актрис, то в случае с Джейн Фонда он помог молодой американке усовершенствовать свое мастерство

лась артистка с чистым невинным лицом. Я рискнул, дал эту роль жене. Она сыграла очень хорошо. Потом сыграла еще в одной моей картине, в фильме ужасов. Играла роль женщины-вампира. Здесь она снималась уже под именем Аннет Вадим. После того как мы расстались, она снялась в двух-трех средних фильмах в Италии. Но карьеры артистки так и не сделала.

Эльдар Рязанов:

Итак, Аннет родила дочку Натали. Оставила ее вам. Как я знаю, вы ее и воспитывали. А потом Катрин Де-

нев была некоторое время замечательной мамой для Натали. Вы сами пишете об этом в своей книге... Когда вы встретились с Катрин Денев, вам было тридцать два года, а ей семнадцать?

Роже Вадим: Думаю, да. Приблизительно может быть год туда-сюда. Она тогда не была актрисой. Прекрасной актрисой была ее сестра, Франсуаза Дорлеак, которая как раз начала завоевывать популярность. А Катрин в то время говорила, что не хочет сниматься в кино.

Эльдар Рязанов: По-моему, Катрин Денев впервые снималась в фильме «Порок и добродетель», где в главных ролях были заняты Анни Жирардо и Робер Оссейн?

Роже Вадим: Да, я дал ей там маленькую роль. И потом немного помогал режиссеру, который работал с ней над другим фильмом. Но первая роль, которая у нее была, это действительно в фильме «Порок и добродетель».

Эльдар Рязанов: Сюжет этой картины был взят из книги маркиза де Сада и перенесен во времена оккупации Франции нацистами?

Роже Вадим: Да. Это на самом деле свободное изложение книги маркиза де Сада «Жюстина». Я перенес действие в период немецкой оккупации. Но де Сада, конечно же, нельзя привязать к какой-то одной эпохе. Он не является типичным продуктом только восемнадцатого века, он может существовать в любое время. Перенести сюжет в период оккупации, в совершенно сумасшедший ужасный мир, было довольно сюрреалистично. Мне показалось, что это хорошая мысль.

Эльдар Рязанов: Почему вы были законным мужем Брижит Бардо, но не женились на Катрин Денев? Она ведь тоже потом стала символом Франции?

Роже Вадим: Первый раз я женился потому, что родители Брижит не хотели, чтобы мы жили вместе без брака. Во второй раз — потому, что отдавал себе отчет, что Аннет Штройберг, маленькая датчанка, затерянная в Париже, будучи только любовницей, страдает от этого. Я женился на ней, чтобы доставить ей удовольствие. А что касается Катрин Денев... Несмотря на рождение Кристиана, мы не были убеждены, что будем всегда жить вместе. Мы чуть было не поженились на Таити

однажды, но все-таки этого не произошло. Мы оба предчувствовали, что некоторое время спустя разойдемся.

Эльдар Рязанов: Вы писали в одной из своих книг, что из Нью-Йорка вам позвонила Аннет Штройберг и сказала: если вы женитесь на Катрин Денев, то она заберет дочку Натали. Вы боялись, что она может выполнить свою угрозу, и предложили Катрин Денев отложить брак на потом. Катрин согласилась. И вы тогда подумали, что для себя она решила: этот брак отложится навсегда. Так ли это?

Роже Вадим: Кто знает... Может быть...

Эльдар Рязанов: Я читал в вашей книге забавную историю. Когда вы уже были женаты на Джейн Фонда, она куда-то уехала. А вы загуляли с друзьями до утра...

Роже Вадим: Я всегда был очень рассеян. Но тут случился некий перебор. Хотя объяснить можно. Когда я встретился с Джейн Фонда и мы с Катрин расстались, я уехал жить в другие апартаменты. Это было в начале наших взаимоотношений с Джейн. Она уехала на два дня в Швейцарию. А я где-то провел вечер, видимо, весело. А потом вернулся к себе, на старую квартиру, где полтора года прожил с Катрин. Машинально. Ключи у меня были, я открыл дверь вошел, начал раздеваться, чтобы лечь в кровать... И услышал голос Катрин: «Что ты делаешь?» Эту ночь я завершил на диванчике в столовой.

Эльдар Рязанов: Что вы чувствуете в связи с тем, что две женщины, скульптуры которых при их жизни стояли в каждой мэрии Франции, принадлежали вам?

Роже Вадим: Думаю, я должен был баллотироваться в мэры. А может, и в президенты.

Эльдар Рязанов: Отдав дань французскому патриотизму, давайте перейдем к вашей американской странице, вернее, к вашей американской жене Джейн Фонда.

Роже Вадим: У нее уже была определенная известность. Ее главной проблемой было то, что она еще не стала Джейн Фонда, а оставалась дочкой Генри Фонда, одного из самых знаменитых актеров. В Голливуде она снялась в паре фильмов в милых, симпатичных ролях. Ее на-

зывали маленькая Брижит Бардо из Голливуда. Она была старлеткой, которую принимали за сексуальную кошечку и дочку своего папы. Ей только предстояло создать себе собственное имя. Джейн — удивительная женщина, с большим мужеством. Обычно актрисы начинают в Европе, а потом едут завоевывать Голливуд. А Джейн поступила наоборот: покинула Голливуд и поехала во Францию, чтобы завоевывать известность.

Когда я встретился с ней, мне не пришлось уговаривать ее стать актрисой, мне нужно было помочь ей найти свое место в искусстве. И я думаю, что в этом ей сильно помог. Я снял с ней четыре фильма. Один из них получился очень занятным. Он намного опередил свое время. Это была «Барбарелла». Фильм содержал в себе много условных, фантастических, странных вещей, которые потом взяли на вооружение американские режиссеры. Там была потрясающая сцена, где ее пытаются птицы...

Эльдар Рязанов:

Это было до фильма Хичкока «Птицы»?

Роже Вадим:

По правде говоря, это было взято из французских комиксов. Тогда я не думал о фильме Хичкока. Но, конечно, есть аналогия.

В Париже Джейн удалось преуспеть. Когда она покинула Францию, чтобы вернуться в США, то въехала в Голливуд уже как Джейн Фонда. Мои фильмы с ее участием сделали ее звездой.

Был и другой аспект, о котором люди не знают. Я еще занимался и ее политическим воспитанием. Она приехала из Америки с примитивными стереотипами и предубеждениями в политике. Благодаря встречам с людьми, с которыми я ее знакомил, например, с Андре Мальро и другими моими друзьями, Джейн узнала, что пропагандистский обман в ее стране был таким же явным, как и в коммунистических государствах. Она смогла более критически оценить политику своей страны. А поскольку Джейн никогда ничего не делает наполовину, то стала заниматься политической чересчур активно. Ее пришлось даже тормозить. Расскажите, как случилось, что, когда вы повредили

Эльдар Рязанов:

на съемке плечо, вас везли в больницу ваши четыре жены. В том числе три бывшие. Думаю, не ко всякому мужчине была бы проявлена такая солидарность. Это о вас очень хорошо говорит...

Роже Вадим: Моя последняя жена Мари-Кристин Барро (кстати, племянница великого французского актера, мима и режиссера Жана-Луи Барро. — Э.Р.), с которой я счастливо живу, и я дружим со всеми моими бывшими женами. Например, три дня назад мы обедали у Брижит Бардо. Мы встречаемся и с другими моими бывшими супругами. Отношения между ними — прекрасные. Так вот в тот день, когда я разбил плечо, получилось смешно, потому что произошло совпадение: Аннет Штройберг приехала ко мне, Катрин Денев снималась на соседней съемочной площадке, а Брижит заехала к какому-то своему другу. А у меня в павильоне находилась Джейн Фонда, которая тогда была моей женой. И когда они узнали, что я разбил плечо, все дружно сели в машину «Скорой помощи» и отвезли меня в госпиталь.

Эльдар Пязанов: Теперь деликатный вопрос. Вернее, неделикатный. Роже, наверное, для вас не секрет, что немало людей, среди них и обыватели, журналисты, считают вас, как бы сказать, луной, которая, как известно, сама не светит, а отражает чужой свет. Что, мол, вы как художник самостоятельной ценности не представляете. Вам наверняка известна подобная точка зрения?

Роже Вадим: Ну, если мы будем говорить только о моих женах, которых я сделал знаменитыми, так можно вообще забыть о том, что я в первую очередь режиссер, сценарист и писатель. И еще, наверно, все задают вопрос: а чем он привлек таких замечательных женщин? Но это лучше у них спросить. Я прекрасно понимаю средства массовой информации, сам был журналистом. Гениев было много, великих режиссеров было много. Режиссеров, которые женились на известных актрисах, было много. Но я довольно уникальный случай в области кино. Я не женился на звездах. Я встречал девчонок, которые были совершенно неизвестны никому. У них даже не было особо яркой внешности. Когда я встре-

тил Катрин Денев, никто не считал, что мне повезло. Все говорили: «Ее сестра значительно лучше». Когда я встречался с Брижит Бардо, никто мне не говорил: «Ах, какая чудная невеста».

Роже Вадим
с Жанной Моро
и Жераром Филипом
на съемках фильма
«Опасные связи»

Но эти две женщины стали звездами. А потом я помог Джейн Фонда. С одной стороны, мне это приятно, ведь часть моего ремесла — создавать актрис. И уметь их найти. С другой стороны, это несколько затеняет мой талант режиссера. Но и льстит мне. Знает, у меня хороший вкус. И я умею делать женщину свободной, а не закрепощать ее.

Но рецензенты и некоторые средние журналисты просто ненавидят меня.

Практически вся критика моих фильмов очень субъективна. Кинокритики мне завидуют. Они ждут выхода картины, чтобы оскорблять меня. Разумеется, есть и такие, кто меня защищает. Они пишут, что я остаюсь самим собой, что мои фильмы идут по всему миру. Но целая свора критиканов постоянно меня обхаивает. С этим ничего не поделаешь.

Расскажите, пожалуйста, о ваших детях.

Тут, пусть простит меня читатель, я немного запутался. Роже начал сыпать именами. Потом выяснилось,

Эльдар Рязанов:

что в 78–79-м годах, когда он работал в США, у него была еще одна жена – Катрин Шнайдер (слава Богу, не актриса), которая родила сына Ваню. Поэтому я просто процитирую, что говорил этот симпатичный

Мне кажется, что секрет любви замечательных, красивых женщин-актрис к Роже в том, что он прекрасный, сердечный и бесконечно добрый парень

жизнелюб, женовед и многодетный отец. А читатель пусть сам разберется, если сможет.

Эльдар Рязаня

(уточняя): Четыре из ваших пяти жен подарили вам детей. Итак: Аннет – дочку Натали, Катрин Денев – сына Кристиана, Джейн Фонда – дочку Ванессу и Катрин Шнайдер – сына Ваню. Скажите, как они между собой? Встречаются, дружат ли, приезжают ли к вам на ваш день рождения, чтобы поздравить вас? Как этот «колхоз» существует, очень интересно?

Роже Вадим: У моих детей и жен друг с другом прекрасные отношения. Это даже стало сюжетом моего последнего фильма. Ваня, мой младший сын, и его мама Катрин Шнайдер живут на третьем этаже нашего дома.

Мари-Кристин Барро — последняя любовь неумного Роже Вадима

У Мари-Кристин, моей нынешней замечательной жены, с Катрин полная симпатия. Мари-Кристин и Джейн Фонда дружат. Джейн и Брижит — тоже. Они все вместе в лучшем смысле слова прекрасная семья.

Все мои четверо детей, а также дети моих жен не от меня, — их сейчас более десяти — все они считают себя братьями и сестрами. Это очень приятно. Думаю, это произошло благодаря двум вещам. Я никогда не создавал драм в моменты расставания с жен-

щинами. И я всегда занимался с детьми. Мамы доверяли мне детей, и наших общих, и от других мужей. Они знали, что мне можно доверить самое дорогое. И поэтому у нас у всех дивные взаимоотношения. В день моего рождения все, кто может приехать, всегда присутствуют. В последний раз была Ванесса, которая закончила университет в Америке, приехала Джейн Фонда, были Катрин Денев, Катрин Шнайдер, Аннет Штройберг и, естественно, Мари-Кристин Барро. И новый муж Джейн Фонда — Тед Тернер, и бывший муж Джейн Фонда — Том Хейден, и все дети. Было человек тридцать. А готовили еду для всех я и Тед Тернер.

По-моему, пришла пора заканчивать эту симпатичную рождественскую сказку...

Во время создания этой книги пришло известие, что Роже Вадим скончался. Это был действительно добрый, простодушный и славный человек. Разговаривая с ним, я понял, почему его любили такие разные и такие блестящие женщины. Его глаза излучали тепло и доброту. А это встречается очень редко...

Шарль Азнавур:

*«Я иду так быстро,
что возраст не может меня догнать»*

Шарль Азнавур принял нас в своем офисе, в центре Парижа. На стенах — афиши концертов и огромное количество золотых дисков.

— Это только половина моих золотых дисков, — сказал Шарль.

— Остальные находятся дома? — спросил я.

Шарль Азнавур:

В моем доме нет ничего, что напоминало бы мне о профессии.

Эльдар Рязанов:

Неужели вы ее так не любите?

Шарль Азнавур:

Я не могу заниматься своей профессией двадцать четыре часа в сутки. В жизни есть другие важные вещи, кроме профессии.

Эльдар Рязанов:

Спасибо вам, что согласились на интервью.

Шарль Азнавур:

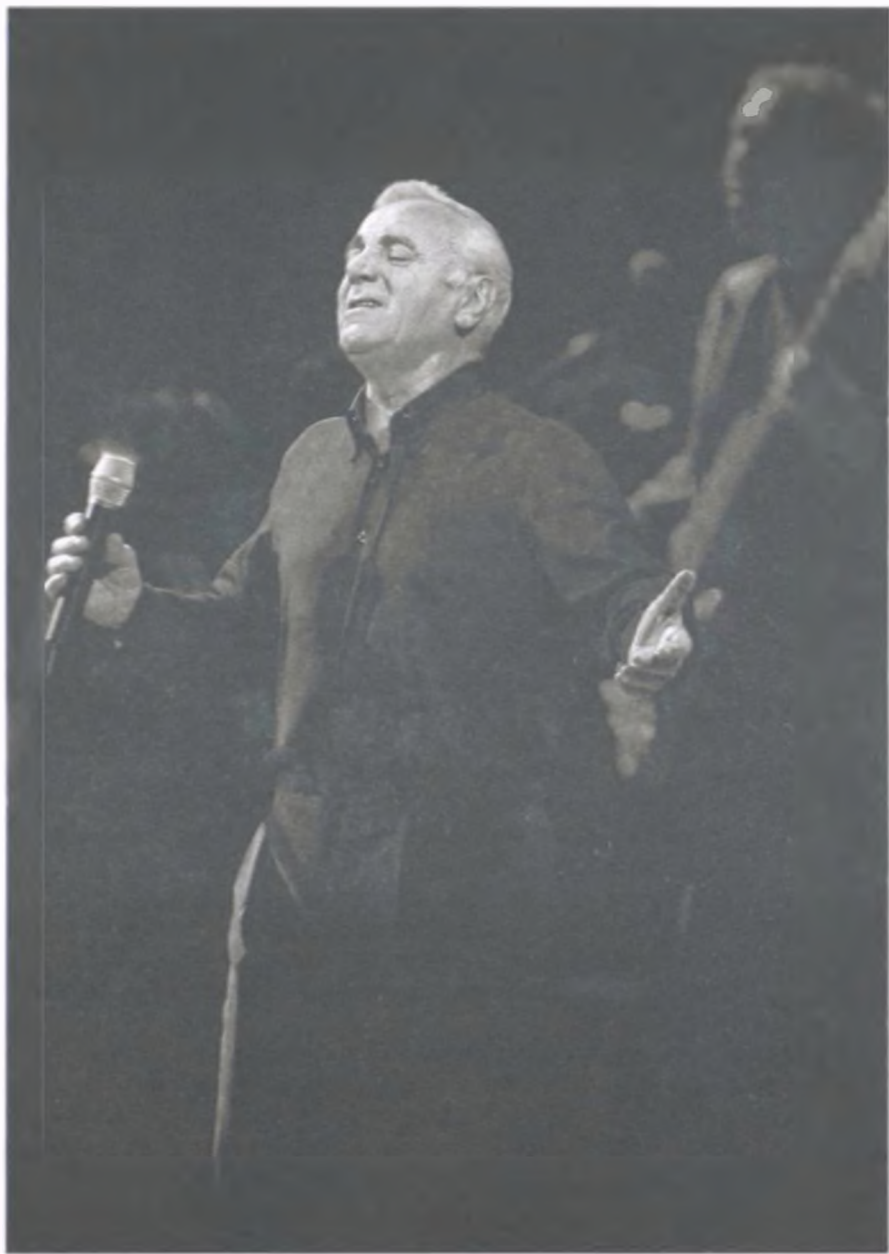
Россия — это страна, которую я очень люблю. Я не умею говорить по-русски, но для меня русский не иностранный язык, во мне есть немножко славянской крови.

Эльдар Рязанов:

Шарль, расскажите, как вы приобщились к пению?

Шарль Азнавур:

Я начал петь в девять лет. Вначале я пел в русских ресторанах. Мой дедушка был поваром, готовил русские блюда. И у моего отца в Париже тоже был русский ресторан, он назывался «Кавказ». Я начинал там. Мой отец был еще и певцом. А мать была актрисой. И я чисто автоматически стал певцом. Если бы

мой отец был банкиром, я бы стал банкиром. А так мне ничего не оставалось делать, как запеть. Когда случилась депрессия, в тридцатые годы, мой отец обанкротился. И стал держать небольшое кафе. Напротив этого кафе находилась маленькая театральная школа, куда дети ходили учиться: не только читать и писать, но и декламировать. Когда режиссеру нужен был ребенок, чтобы играть в пьесе или в кино, его обычно находили в этой школе. В первый же день, когда я поступил в школу, туда пришел режиссер. Он спросил меня: что я умею делать? Я скромно ответил, что умею делать все. Он поверил и взял меня. Именно тогда, в тридцать третьем году, и началась моя карьера, я стал заниматься своим ремеслом. Совершенно случайно, как видите. Но думаю, что моя сестра и я, — мы в любом случае пришли бы в искусство. Мы всегда хотели стать именно артистами.

Эльдар Рязанов:

Расскажите, пожалуйста, о своем дуэте с композитором Пьером Роше.

Шарль Азнавур:

Во время войны в Париже был клуб, который назывался «Клуб Песня». Туда однажды привела меня моя сестра. И мы с ней танцевали русские танцы, то, что называется «чечетка».

Пьер Роше играл там на пианино. Однажды конференсье ошибся, и меня объявили вместе с Роше. Мы с ним спели, это имело большой успех. И мы решили продолжать таким же образом. Роше сочинял музыку, а я тогда песен не писал. Репертуара не хватало. И я начал думать о том, что же нам исполнять. И нашел выход. Первая песня, которую я сочинил, имела огромный успех, получила приз как лучшая песня года. Потом мы вместе гастролировали и в Канаде, и в США. Пьер в Канаде женился, а я вернулся во Францию. Я хотел стать актером, я не хотел петь. Но драматические роли у меня не пошли. И я продолжал сочинять песни. Их пели другие артисты, песни имели успех, я стал известным во Франции. Потом начал карьеру певца. А уж затем песня привела меня в кино. И вот так всегда в жизни происходит. Одно связано с другим, и я проложил себе дорогу.

- Эльдар Рязанов:** Как вы встретились с Эдит Пиаф?
- Шарль Азнавур:** Я написал для нее одну вещицу и хотел петь с ней дуэтом, но она сказала мне, что лучше все-таки петь поодиночке. Дуэтом мы никогда не пели. Я несколько лет жил у Эдит Пиаф, до тех пор, пока не встал на ноги. Где-то в пятьдесят шестом — пятьдесят седьмом году я впервые выступил в зале «Альгамбра». Очень тяжело было в первый вечер. Но следующее выступление прошло прекрасно. Я не очень привык говорить о себе. Я часто говорю о других и редко о себе.
- Эльдар Рязанов:** У вас было много провалов? Я читал, что публике нравились ваши песни, но не ваше пение. Вам предлагали даже выступать в роли мима. Расскажите о своих неудачах.
- Шарль Азнавур:** Я был единственным человеком, который верил в меня. У меня была масса трудностей с публикой. Во-первых, я пел необычные вещи. Тогда это было ново для Франции. А публика с трудом принимает непривычное. С другой стороны, моя внешность не соответствует представлениям о звезде. Я маленький, с грустными глазами. У меня сложное в произношении имя. Моя карьера развивалась медленно и тяжело. Но, может, трудные обстоятельства и обеспечивают надежность, прочность карьеры. Чем больше ты преодолеваешь трудностей, чем больше вкладываешь сил, тем добротнее результат. Я никогда не хотел идти навстречу публике, я хотел перетянуть публику на свою сторону. Не хотел опускаться до низких вкусов. Я был не один такой. Жорж Брассанс, например, имел те же проблемы. И Жак Брель тоже. Все-таки публику надо воспитывать, а это очень тяжело.
- Эльдар Рязанов:** Вы во многих своих песнях одновременно и автор стихов, и композитор, и певец. Как рождается песня? Что является первым толчком — строчка или мелодия? Или желание спеть?
- Шарль Азнавур:** (после большой паузы): Я сначала пишу текст. В первую очередь я автор стихов. Для меня музыка — это только нечто поддерживающее стихи. Я считаю, что нет

французской эстрадной музыки. Когда я так говорю, французы расстраиваются, но это правда. Мы пользуемся басановой, славянской, еврейской музыкой, танго, джазом, рок-н-роллом. Французской эстрад-

С Эдит Пиаф молодого Шарля связывала нежная дружба. Он не только сочинял стихи для ее песен, но и был ее учеником, учился петь

Эльдар Рязанов:

Шарль Азнавур:

ной музыки нет, еще не изобрели. Не французы изобрели басанову, не французы изобрели танго, и так далее. И я пользуюсь музыкой всего мира как поддержкой. Но стихи французские, и все лучшие тексты всегда были французскими.

У французского шансона великие достижения. Он лучше остальных именно с точки зрения текста. У нас великие поэты-песенники. И я стараюсь быть частью этой группы, которая, кстати, не такая уж большая.

Когда песня готова, долго вы ее репетируете, прежде чем выносите на публику?

Я начинаю петь сразу, не репетирую. Я ненавижу репетиции. Они создают какую-то механистичность, от которой я отказываюсь. После шести-семи месяцев исполнения подряд я перестаю петь песню. Чув-

ствую, что начинаю делать те же жесты, повторять те же интонации. А я люблю спонтанность, чтобы каждый раз эмоции были новыми. Поэтому, как только я написал песню, сразу начинаю исполнять. Иной раз не помню слов. Потому что пишу сразу много. А потом я останавливаюсь и не пишу целый год. Иногда в первые дни исполнения новой песни пользуюсь шпалгалками.

Эльдар Рязанов: Вы в центре зрительского и слушательского интереса уже сорок лет. Как вы этого добиваетесь?

Шарль Азнавур: Есть только одна вещь — качество искусства. Коммерция и реклама, конечно, важны. Но есть великие артисты, которые не продали ни одной пластинки. Неважно, что эти артисты выступали только на сцене. В мире есть великие клоуны, например, Крок или Карандаш. Их видели только те, кто ходил в цирк. Но все равно они остались великими клоунами на всю жизнь. Или русский певец, который пел любовные песни. Он обогнал свое время. Мой отец мне рассказывал о нем. Потом я наконец нашел его альбом. Не очень технически хороший. Его очень любил Ростропович. Он не смог найти его пластинку, я ему ее pošлю.

Эльдар Рязанов: Как же звали этого певца?

Шарль Азнавур: Вертинский. Качество его пения пережило годы. Только качество исполнения может сделать артисту подлинную карьеру. Никаких компромиссов! Я писал песни для молодых исполнителей. Например, для Джонни Холлидея и других. Но я их не пел. Если бы я пел рок-н-рольные песни, то предал бы себя и предал свою публику. Автор — это одно, а являющийся персонаж — другое.

Эльдар Рязанов: Вы не только великий певец, но еще и глава фирмы, которая выпускает огромное количество пластинок, в том числе диски Эдит Пиаф, Шарля Трене и еще многих замечательных французских шансонье. Расскажите о работе издателя дисков.

Шарль Азнавур: Диски — это другое дело, совсем другой бизнес. Я купил эту фирму потому, что ее намеревались купить иностранцы. А она является национальным до-

стоянием Франции. А национальное достояние нужно хранить. Новые хозяева не смогли бы понять творчество наших певцов. Если в России продадут музыкальные компании англо-американским, япон-

В фильме Франсуа Трюффо «Стреляйте в пианиста» Азнавур сыграл главную роль. И сыграл блестяще

ским или немецким фирмам, то русская музыка перестанет исполняться. Кто может защитить русскую музыку? Только русский. Никто другой. Иностранцы будут тиражировать свои песни, и это опасно для национальной культуры. Я не хочу, чтобы с подобной опасностью столкнулись мои дети. Мои дети должны жить в той культурной среде, которую я защищал всю жизнь.

Я зарабатываю достаточно денег, чтобы тратить их ради страны, которая дала мне все, что я имею. Я — сын эмигрантов. Но родился здесь, во Франции. Эта страна приняла моих родителей, кормила их, дала им достойную жизнь, позволила воспитать детей. Я очень многим обязан Франции. И сделаю все, чтобы культура этой страны продолжала жить.

Эльдар Рязанов:
Шарль Азнавур:

Теперь поговорим о кино...

Я единственный актер, который снимается в кино только тогда, когда у него есть время. Я вынужден от многих предложений отказываться, ибо моя первая профессия — песня. А она отнимает много времени.

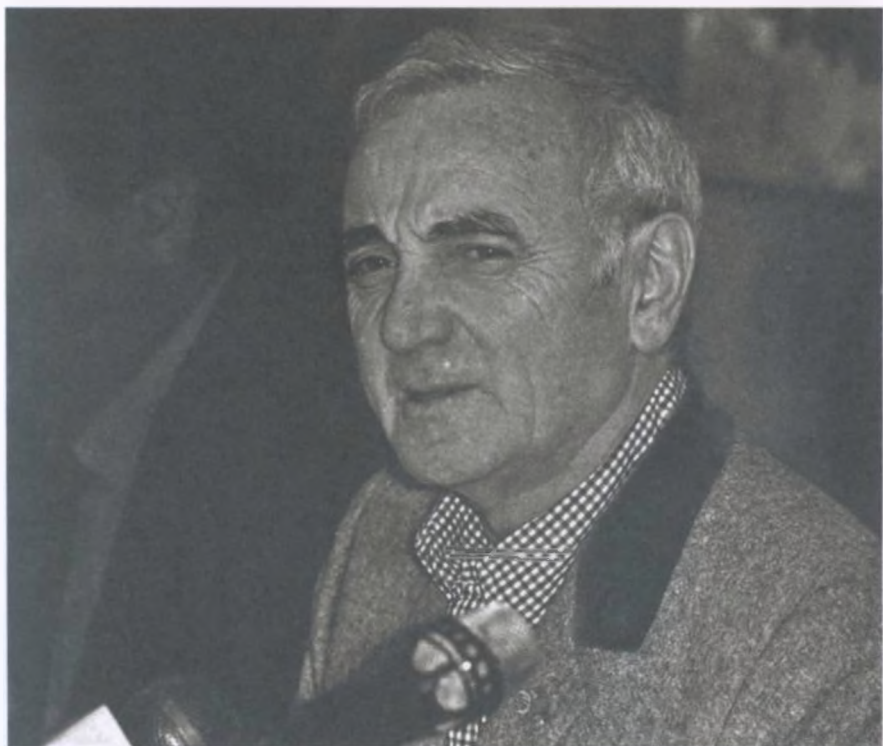
Правда, без песни я бы никогда не снимался в кинематографе, мне очень повезло. Но работаю в кино я только во время отпуска. По сравнению со знаменитыми актерами у меня очень мало фильмов.

Вереница ролей в кино: фильм «Переход через Рейн». Режиссер Андре Кайат
...фильм «Дьявол и 10 заповедей». Режиссер Жюльен Дювивье
...фильм «Завещание Орфея». Режиссер не кто-то, а сам Жан Кокто

Эльдар Рязанов:

Например, я соглашаюсь играть роль вне зависимости от того, большая она или маленькая. Но в зависимости от того, что она дает мне. Иной раз я играю роль, которая длится две с половиной минуты. Но мне кажется, что она более важна, чем если бы я сыграл двухчасовую роль в другом фильме. Надо играть все, не обязательно быть в фильме звездой. Это принцип репертуарного театра. Там иногда играешь маленькую роль, а иногда большую. Я поступаю так же в кино. Вначале меня за это критиковали. Но я считаю, что нужно выбирать роль вне зависимости от денег и размера. Нужно в первую очередь быть артистом. А уж потом — коммерсантом. Я вижу, вы пользуетесь каждой секундой для того, чтобы посмотреть какие-то бумаги, позвонить по те-

лефону. Для вас, очевидно, самый главный дефицит — это дефицит времени.

Шарль Азнавур:

Да, моя жизнь слишком коротка. Не знаю, успею ли я завершить свои дела до смерти. Всегда к концу дня выясняется, что я забыл что-то сделать. Письма, запросы, нужно всем ответить. Конечно, есть секретарь издательства. Но у меня нет своего личного секретаря. Я отвечаю на все письма сам. Пусть всего две строчки, но отвечаю. Многие артисты так не делают, но я отвечаю всем. Меня поздравляют с днем рождения, я отвечаю. Поздравляют с Новым годом, я отвечаю. Это очень важно, но для этого нужно время. Поэтому как только у меня есть свободная минутка, я открываю конверт или звоню по телефону.

Эльдар Рязанов:

Но тем не менее вернемся в кино. Расскажите

о фильме Трюффо «Стреляйте в пианиста», где вы играли музыканта.

Шарль Азнавур:

Фильм Трюффо был снят случайно. Трюффо хотел снять документальный фильм обо мне. Он очень любил мои песни и пришел ко мне спросить моего согласия на съемку документального фильма. Я согласился. Он мне показал свой короткометражный фильм. До этого он еще почти ничего не снимал. А через несколько дней принес книгу и предложил вместо документальной киноленты снять художественную.

Я прочел книгу и согласился на игровую картину. К тому же я не хотел петь в фильме. Я всегда отказывался петь в кино. Певца обязательно просят петь на экране. Это глупо, на мой взгляд, и смешно, Кино для меня, как бы это сказать, второе в жизни. Например, у режиссера Верне я снялся в очень короткой сцене. Мишель Морган окликает меня: «Шарль!» Я оборачиваюсь, говорю: «Здравствуй!» И все. У Шаброля я снимался в крошечной роли. Шаброль — мой друг, и я для него это сделал. Иногда я предпочитаю сниматься бесплатно. Например, если фильм получился плохой. Или же потому, что помню: я значительно богаче режиссера и могу оказать ему такую любезность.

Эльдар Рязанов:

В своем будущем фильме я это обязательно учту... Чем вы объясните ваш успех в кинематографе?

Шарль Азнавур:

Я часто играл роли, близкие к пониманию простых людей. Какой-нибудь пекарь или фермер... Эти персонажи похожи на всех и на каждого. Я такой народный персонаж во Франции.

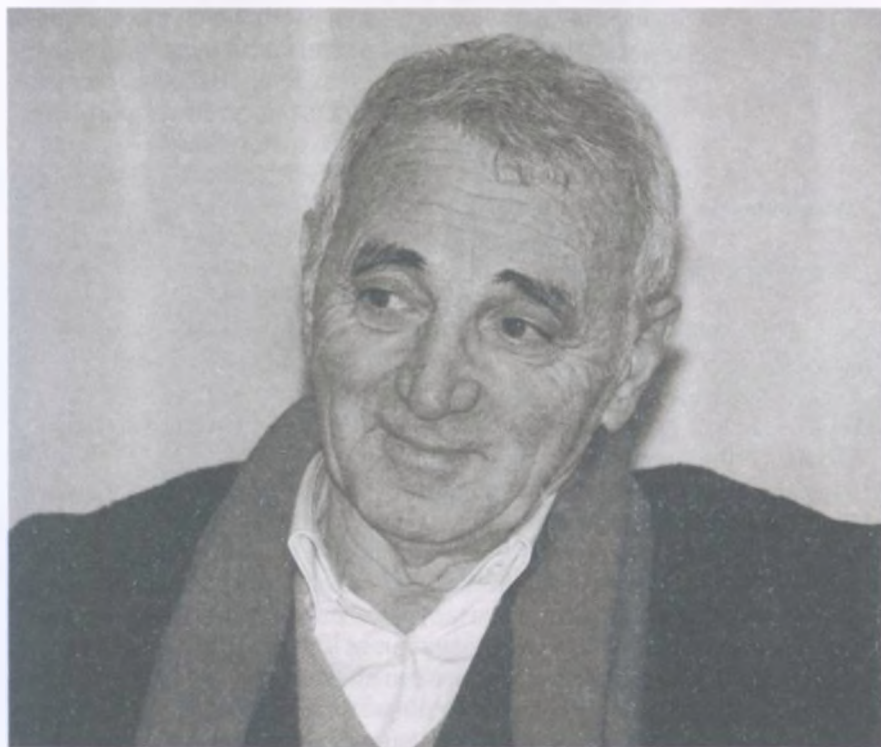
Эльдар Рязанов:

Я знаю, вы посол Армении во Франции. Вы почетный посол или действующий?

Шарль Азнавур:

Я — посол не во Франции, а, как бы сказать, во всем мире. Я — посол при ЮНЕСКО, представляющий Армению. Этот титул позволяет мне легче открывать какие-то двери, когда речь идет о помощи Армении, выполнять просьбы, которые были бы не под силу простому певцу. Вообще прежде армянский вопрос меня не волновал. Но после землетрясения я сказал

себе: «Мои родители оттуда. Что я могу сделать, чтобы им было приятно? Что я должен сделать для страны моих родителей?» И сейчас я стал больше армянином, чем был раньше. Хотя никогда не отрицал то-

го, что я армянин. Но раньше я был армянином второй категории, а теперь стал армянином первой категории.

Эльдар Рязанов

Я читал, что благодаря вам Армения смогла встретить Новый год с электричеством. Расскажите, как вы осуществили эту акцию.

Шарль Азнавур:

Я очень многими вещами в Армении занимаюсь: и детскими домами, и аптеками, и так далее. Я каждый раз пытался выяснить, чего больше всего не хватает жителям. И понял, что больше всего люди нуж-

даются в электроэнергию. Энергию заводам, конечно, я не могу обеспечить, но для людей в их быту электричество — это очень важно. У них электричество часто отключают.

Я ездил в Брюссель, просил помощи в бюджете на электричество, хотя бы два часа в день, в конкретные часы. Чтобы женщины знали, когда будет электричество и могли вести свое хозяйство. Не знаю, сколько времени мы сможем продержаться. Это дорого. Все время нужно много денег. А деньги найти — самое тяжелое...

Эльдар Рязанов: Скажите, вот вы себя считаете счастливым человеком?

Шарль Азнавур: Да. Я, конечно, счастливый человек. Единственное, что меня сильно ранит, это когда люди, которых я люблю, несчастливы. Но сам я очень счастлив. Я получил в жизни больше, чем желал. Я не люблю людей, которые все время жалуются на бедность. Мне хотелось бы давать людям — а я обращаюсь к миллионам — уроки надежды...

Сейчас издается около тридцати моих дисков. Будут опубликованы все мои песни, и то, что я пел на испанском, итальянском, немецком. Это была не моя идея, но люди хотят получить все мои произведения. Я не смотрю назад, я всегда смотрю вперед. А позади — мои воспоминания, моя дружба с теми, кого я потерял по дороге. Но я не вспоминаю работу. Работа сделана, и все! Я сейчас в том возрасте, когда начинают получать награды. Я смотрю на это с улыбкой. В молодые годы хотелось все это иметь. Тогда бы и награждали. А теперь...

Эльдар Рязанов: Как вам удалось так сохраниться? Я ваш давний почитатель, слежу за вами много лет. Вы все такой же, вот только волосы побелели... Поделитесь секретом.

Шарль Азнавур: Я иду так быстро, что возраст не может меня догнать.

Эльдар Рязанов: Замечательный ответ.

Клод Лелуш:

«Кино в прямом смысле спасло
мне жизнь»

Подписи
к фотографиям
в этой главе сделаны
ее героем Клодом
Лелушем

Студия «Фильм 13» принадлежит французскому кинорежиссеру Клоду Лелушу. Фильм «Мужчина и женщина», снятый в 1966 году двадцатилетним постановщиком, сделал его имя знаменитым во всем мире. Очень помогли ему в этом пре-

красные артисты Анука Эме и Жан-Луи Трентиньян, а также волшебная музыка композитора Фрэнсиса Лея. Не стану скрывать, этот режиссер меня очень интересовал, мне казалось, у нас с ним есть нечто общее в подходе к кино и к жизни. Что именно — весьма скоро выяснилось в нашей беседе.

Клод Лелуш:

...Женщины мне значительно интересней мужчин. Когда я снимаю фильмы, то это только для женщин. Все мои фильмы посвящены женщинам, мужская публика меня интересует значительно меньше. Если мужчинам нравятся мои фильмы, тем лучше. Но женские эмоции мне интересней. Я предпочитаю мир женщин, я предпочитаю женскую страсть. На мой взгляд, мужчины несколько глупы и претенциозны.

Если бы не было женщин, для меня жизнь не имела бы никакого смысла и интереса. Именно они делают жизнь приятной, жестокой, великолепной, именно у них есть страсть к приключениям. Не у нас, мужчин.

«В три года меня звали «Петушок». На снимке мужчина и женщина моей жизни: Симон и Евгения, мои родители...»

Я живу в мире женщин, и хотя именно они заставили меня страдать больше всего, я благодарю их за эти страдания, потому что они всему меня научили...

Мне было приятно, что многие мои ощущения были сформулированы Лелушем столь четко и категорично.

Эльдар Рязанов:

Клод, всем известно, что вы начинали как кинолюбитель и в профессиональное кино пришли из дилетантов. Как это случилось? Когда?

Клод Лелуш

Начинать придется с тридцать седьмого года, еще до моего рождения. Незадолго до этой исторической даты мой отец купил маленькую восьмимиллиметровую камеру, чтобы снимать меня с самого первого дня мой жизни.

С самого рождения я видел эту любительскую камеру в руках моего отца, который снимал меня все время — и в год, и в два, и в три. Мои первые шаги, лепет и тому подобное. Меня буквально гипнотизировала камера, через которую на меня глядел отец.

Я даже заметил, что на самом деле отцу было интересней разглядывать меня через видеоискатель, чем невооруженным глазом.

Во время оккупации Франции фашистской Германией нас как евреев разыскивало гестапо.

И моя мать, которая заметила, что я очень люблю кино, прятала меня в кинотеатрах. Так что кино в прямом смысле спасло мне жизнь.

Мама приводила меня в кинотеатр к двум часам дня и забирала в шесть-семь вечера. Я смотрел один и тот же фильм по четыре-пять раз в день.

Я вел себя в кинотеатре значительно лучше, чем дома или в детском саду. Таким образом, у меня очень рано сложились особые взаимоотношения с миром кино. Мне больше нравилось общаться с киногероями, чем с живыми людьми. Меня завораживал этот мир, он пытался походить на жизнь, но был

значительно более совершенным.

Поэтому естественно мне очень хотелось самому взять в руки восьмимиллиметровую камеру моего отца. И когда он мне ее подарил на день рождения, это стало для меня огромным событием. Я был счастлив.

В восемь лет я почувствовал себя Наблюдателем с большой буквы, человеком, приобщенным к таинствам киносъемки. Так я начал заниматься любительским кино.

Я ведь настоящий самоучка, нигде и никогда не учился киноискусству. Я научился всему сам с помощью маленькой любительской камеры.

Кроме того, еще перед войной мой отец, мелкий парижский торговец, купил один из первых во Франции телевизоров. Кажется, то был седьмой по счету из выпущенных в стране телеприемников. Тогда это было очень заметным событием. Так что вдобавок я один из первых детей в мире, которые выросли у телевизора.

«Мой первый автомобиль...»

В школе я учился довольно плохо — все время думал только о том, как бы сбежать с уроков в кино. Меня это занимало больше всего. Так я дождался до восемнадцати лет и в этом возрасте стал оператором, ки-

«Именно благодаря «Мужчине и женщине» я стал независимым кинорежиссером. Это самый важный фильм в моей жизни...» Каннский кинофестиваль. «Золотая пальмовая ветвь». 1966 г.

«Я очень, очень люблю этот фильм...» Кадр из фильма «Мужчина и женщина»

норепортером «Новостей».

Я ездил с небольшой камерой практически по всему миру и снимал различные события. Именно так я и познакомился с Россией в пятьдесят седьмом году. Это стало важным событием в моей жизни. Я снимал документальный фильм о Москве. Это был один из моих первых опытов в кино.

Тогда я попал на съемки фильма «Летят журавли» Михаила Калатозова. И был просто потрясен. Когда я был на съемочной площадке, Калатозов снимал сцену с Татьяной Самойловой на высокой винтовой лестнице, которую соорудили в студии. В центре лестницы находился специальный подъемник для оператора, и камера по спирали следовала за персонажами. Я был просто загипнотизирован этим зрелищем.

«1967. На съемках фильма «Жить, чтобы жить». Ив Монтан на пике своей карьеры заставляет меня и Анни Жирардо плакать от смеха»

Именно тогда я решил, что стану режиссером. Вернувшись во Францию, сразу позвонил в Оргкомитет Каннского фестиваля и рассказал им о фильме Калатозова. Ну а потом, это вы, конечно, знаете, «Летят журавли» получили «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах. А для меня, для меня лично эта картина до сих пор остается одной из культовых. Ведь это она помогла мне окончательно определить свою профессию.

Я все это говорю не потому, что вы — русский, я не раз повторял это во многих интервью, в разных странах мира.

Эльдар Рязанов:

Клод, а теперь расскажите, пожалуйста, ледящую душу историю о том, как вы в пятьдесят седьмом году тайно проникли в Мавзолей Ленина.

Клод Лелуш:

Да, мне в ту поездку удалось поснимать внутри Мавзолея. Буквально несколько кадров, совсем немного, но тем не менее эти кадры стали сенсацией. До этого момента ни одна камера не могла проникнуть в Мавзолей. Парадоксально, но это так.

В то время в СССР было полно мест, где снимать запрещалось. Иностранцы находились под постоянным наблюдением, поэтому я повесил камеру на грудь под пальто, наружу выглядывал только объек-

Евелин Буа и Марсель Сердан-младший воскресили блестящую легендарную пару Эдит Пиаф и Марселя Сердана». Фильм «Эдит и Марсель». 1982 г.

«Мой Жан Вальжан — это он! После других гигантов экрана настала очередь Жана-Поля Бельмондо взвалить на свои плечи эту гигантскую роль»

тив, а сам ходил согнувшись, как горбун. Так я снимал во многих местах, где было запрещено. Единственной проблемой было то, что камера шумела. И поэтому мне приходилось все время кашлять, так что в Мавзолее я был основательно «простужен»! Еще раз повторю, что за иностранными туристами постоянно следили, чтобы мы не наделали недозволенного. Поэтому я два-три раза менялся одеждой с москвичами, которые были тогда рады получить взамен парижские вещи. Я был одет как русский, а они как туристы-иностранцы.

Благодаря этому маскараду удавалось раствориться в толпе. Ну, вы, наверное, все это и без меня прекрасно понимаете. В итоге у меня получился уникальный сорокапятиминутный фильм о Москве, которым я до сих пор горжусь.

Этот фильм я продал крупнейшим телекомпаниям мира. Ведь в то время таких материалов о России практически не было.

А на заработанные деньги организовал фирму «Фильм Тринадцать», где мы сейчас и находимся и которая продюсировала в дальнейшем все мои ленты.

Эльдар Рязанов:

Клод, мне просто совестно спрашивать вас о фильме «Мужчина и женщина». О нем столько сказано и на-

писано. У вас, наверно, мозоль на языке. Спрошу только одно: как вы его оцениваете сейчас?

Разумеется, в телепередаче каждый раз, когда речь заходила о какой-либо киноленте, мы показывали сцены и фрагменты из нее. Читателям же хуже. Им остается только надеяться на свою память.

Клод Лелуш:

Я очень, очень люблю этот фильм. Эта картина — символ моей свободы. Именно благодаря «Мужчине и женщине» я стал независимым кинорежиссером. Это самый важный фильм в моей жизни. В том смысле, что он позволил мне добиться всех моих успехов, а также совершить все те глупости, которые совершил. А потом я не удержался и снял продолжение этого фильма — «Мужчина и женщина. Двадцать лет спустя».

Я промолчал, ибо продолжение было во много раз слабее. Думаю, что мой собеседник и сам это прекрасно понимал.

Эльдар Рязанов:

Самым трудным всегда оказывается следующий фильм, который снимается после огромного оглушительного успеха предыдущего. Поэтому я спрашиваю вас о ленте «Жить, чтобы жить», которую вы ставили сразу вслед за «Мужчиной и женщиной».

Клод Лелуш:

Думаю, что если бы я снимал этот фильм после неудачи, то он был бы значительно лучше.

Я не знал, было ли известно Лелушу, что фильм «Жить, чтобы жить», снятый в 1967 году и вышедший на экраны в 1968-м, не шел в нашей стране. Не шел из-за того, что в этой картине играл Ив Монтан. После вторжения в Чехословакию Ив Монтан резко осудил советскую агрессию и, естественно, был подвергнут у нас остракизму. Упомянуть о нем стало запрещено, фильмы с его участием были изъяты из кинопроката. Огромная держава вычеркнула замечательного певца и артиста из списка существующих.

В фильме «Жить, чтобы жить» блистательно сыграла Анни Жирардо, которая для меня остается самой великой актрисой Франции и одной из величайших актрис мира.

Мне повезло, я много работал с ней на протяжении всей жизни. (Мечтательно): Кроме того, в то время я был влюблен в Анни Жирардо. И этот фильм — прекрасная история нашей любви. Теперь уже можно говорить об этом, ведь прошло тридцать лет.

На самом деле фильм рассказывает о нас, о том, что мы с Анни переживали в то время.

Сначала сценарий был совершенно другим, но то, что мы оба испытывали тогда, было так прекрасно... В результате я совершенно поменял сюжет...

И перед телезрителем прошли финальные кадры этой картины. Сцена в кафе. В ней нет никаких диалогов, слов. Только нежная и грустная мелодия того же Фрэнсиса Лея. Персонажи Ива Монтана и Анни Жирардо среди посетителей, своих друзей и знакомых. Они не разговаривают друг с другом. Ясно, что они расстаются. Монтан сидит за столиком, а Жирардо танцует с одним мужчиной, потом с другим. Монтан исподволь наблюдает за ней, так, чтобы она не заметила. Она собирается уходить. Прощается с партнером по танцу. Уходя из кафе, дружески целует другого приятеля. Монтана она как бы не замечает. Тот в одиночестве по-прежнему сидит за столиком кафе, не поворачивая головы.

Вечер. Из кафе, которое расположилось высоко среди снежных гор, выходит Ив Монтан, запахивая дубленку. Он подходит к заснеженной машине и рукой стряхивает снег с ветрового стекла перед шоферским местом. Потом он обходит автомобиль и принимает голую ладонью счищать снеговую целину со стекла, открывая место пассажира. Внутри машины сквозь полужансенное стекло мы видим прекрасное женское лицо. Это Анни Жирардо. Ив Монтан смотрит на нее. Она смотрит на него. Описать, как они играют, трудно. Но мы, благодарные, понимаем, что

эти люди останутся вместе. В этом нас еще убеждает и изумительная музыка композитора...

Эльдар Рязанов:

...Поговорим сейчас о других актрисах, о ваших героинях, которые одновременно являлись и вашими женами — Анук Эме, Эвелин Буа, Мари-Софи Эл. Они очень похожи друг на друга. Вы просто склонны к такому типу женщин, или, может быть, они напоминали вам вашу мать? В чем дело?

Дальше последовал тот монолог о женщинах, который я привел в начале.

Клод Лелуш принял как само собой разумеющееся, что Анук Эме была не только его актрисой, но и женой. А вот как прореагировала Анук Эме (кстати, более подробно о «Мужчине и женщине» — в беседе с ней) на то, что она стала женой Лелуша.

Анук Эме:

Мы никогда не были женаты! Вообще не было никакой любовной истории между Клодом и мной...

Но вернемся к разговору с Лелушем.

Эльдар Рязанов:

В восемьдесят втором году вы, Клод, поставили фильм о великой любви. Героями стали подлинные персонажи — Эдит Пиаф, грандиозная французская певица, и Марсель Сердан, знаменитый боксер, кумир Франции. Вернее, они стали прототипами, их роли исполняли артисты...

Клод Лелуш:

В детстве меня увлекали три вещи — кино, боксер Марсель Сердан и Эдит Пиаф. И в этом фильме я соединил эти три мои страсти. Кинолента «Эдит и Марсель» наиболее полно отражает меня. В этом фильме есть бокс, который играет важную роль в моей жизни. Я считаю, что каждый бой в боксе, — квинтэссенция всего, что происходит с нами в жизни. Это самый жестокий спорт, но и более всего похожий на жизнь. В фильме есть Эдит Пиаф — народная песня, музыка, доступная всем, даже самым простым людям. И наконец — это кино, а кино — это моя память...

«Мужчина и женщина... взгляд, которым она смотрит на меня одновременно нежен, критичен и страстен... Алекс становится звездой моей жизни».

Далее в телепрограмме шел эпизод из фильма, от которого по коже бегали мурашки. Оккупированный немцами Париж. В центре огромного зала на десять тысяч зрителей боксерский ринг. Среди публики большая часть французов. Но немало и немцев в эсэсовских кителях. Развешены нацистские флаги. Вооруженные германские солдаты охраняют зал. А на ринге готовятся к схватке два боксера — француз Марсель Сердан и окруженный парнями со свастикой на рукавах немецкий спортсмен. В зале мертвая тишина, ибо сражение предстоит

не между двумя соперниками в спорте, а между представителями двух наций — победителей и побежденных. И вдруг в зале раздается мычание, мычание множества людей. Постепенно в этих странных звуках начинает явственно слышаться мелодия «Марсельезы» — гимна Франции. В огромном зале ни один человек не раскрывает рта, все сидят с плотно сомкнутыми губами, но при этом все поют. Немцы озираются, но ни одного зрителя невозможно обвинить, схватить, арестовать. Зал как бы безмолвствует, но звуки «Марсельезы», нарастая, звучат все более гневно и страстно. Замерли перед схваткой боксеры. Лицо Марселя Сердана выражает отвагу и решимость...

Клод Лелуш

Этим вечером Марсель Сердан и десять тысяч его болельщиков доказали под аккомпанемент «Марсельезы», что победоносная германская армия тоже может терпеть поражения.

Фильм «Эдит и Марсель» совершенно не имел успеха, это был полный провал сразу же после выхода на

экран. Но теперь, со временем, он стал практически классикой, и каждый раз, когда его показывают по телевидению, он имеет большой успех. (Улыбнулся.) С некоторыми фильмами надо быть терпеливым.

В 1995 году Лелуш работает над «Отверженными» по роману Виктора Гюго. Кто только не экранизировал этот прекрасный классический роман! И американский режиссер Фрэнк Ллойд в 1918 г., и немецкий постановщик Герхард Лампрехт в 1925 г., и египетский режиссер Камаль Селим в 1944 г., и итальянец Р. Фреза в 1947 г., и американец Льюис Майлстоун в 1952 г., и элегантный француз Жан-Поль Ле Шануа в 1958 г., и популярнейший Робер Оссейн в 1985 г. Среди тех, кто играл Жана Вальжана, и Чарльз Лоутон, и Жан Габен, и Лино Вентура. Клод Лелуш придумал собственное решение для постановки «Отверженных». Действие фильма происходит в двух временных пластах: в том времени, как это написано у Гюго, и в двадцатом столетии. Лелуш предположил, как бы написал эту историю великий французский классик, если бы он родился в самом конце девятнадцатого столетия и стал бы современником многих событий двадцатого века. В частности, такого, как Вторая мировая война. Я не сторонник буквалистских экранизаций, и идея Лелуша показалась мне интересной и плодотворной, о чем я ему и сказал.

Клод Лелуш: «Отверженные» — это своего рода универсальная история, история всех людей. Роман Виктора Гюго — самое точное отражение мира, в котором мы живем.

Эльдар Рязанов: Тема «Отверженных» в вашей картине нашла свое воплощение в истории еврейской семьи, которую переправляют за границу, чтобы спасти их от немцев. В какой степени жизнь ваших родителей во время оккупации послужила основой для этой линии?

Клод Лелуш: Да, действительно, судьба моей матери во время немецкой оккупации легла в основу истории семьи Земан... Мадам Земан немного напоминает мою мать. Однако мы, конечно же, не испытали всего того, что

пережили герои фильма. Я обобщил в «Отверженных» судьбы разных людей во время войны. Что же касается нашей семьи, однажды во время оккупации, когда мне было шесть лет, мы с мамой ехали в поезде. Когда мы пересекали демаркационную линию, разделявшую вишистскую Францию и оккупированную немцами зону, полицейский заметил, что у моей матери поддельные документы, и собрался ее арестовать. И тогда она сняла с руки часы и отдала ему. И он оставил нас в покое. А мама сказала: «Настоящий Тенардье». Конечно, в шесть лет я не знал, кто такой «Тенардье», и именно в тот вечер мать впервые рассказала мне историю «Отверженных».

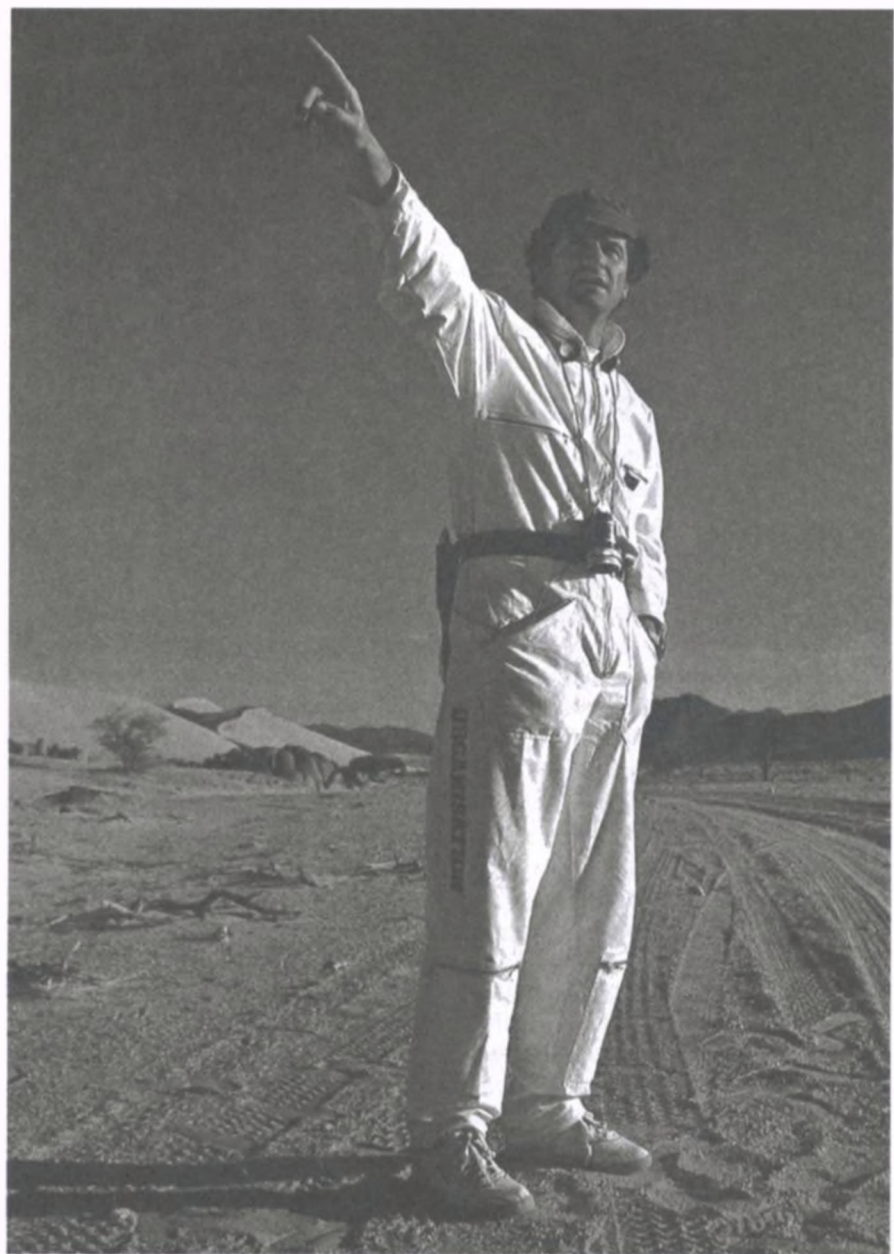
В фильме Лелуша каторжника Жана Вальжана играет любимец Франции Жан-Поль Бельмондо. В современных сценах кинокартины он — шофер, который переправляет за границу семьи еврейских беженцев, спасая их от фашистов.

В последний раз я увидел на экране блистательного, очаровательного Жана Маре, у которого, как я уже упоминал, мы провели восхитительный день в его доме в Валорисе, когда делали про него телепередачу. Он очаровал всех нас тогда своей живостью, умом, легкостью, остроумием и гостеприимством. У Лелуша он играет небольшую роль доброго старого епископа, который оказывает гостеприимство каторжнику. Знаменитая хрестоматийная сцена сыграна Жаном Маре столь органично и безупречно, наверное, и потому, что доброта, сердечность, нежность к ближнему — естественные качества самого актера. В моем сердце он останется навсегда как человек, который сочетал в себе красоту как внешнюю, так и внутреннюю. Природа была щедра к нему, наделив не только даром актера и художника, но и замечательным человеческим талантом.

Эльдао Рязанов:

Теперь перейдем к вашей последней ленте: «Мужчина и женщина. Способ употребления». Почему вы на главную роль в этом фильме пригласи-

ли не актера, а известного политического деятеля, финансиста Бернара Тапи? Этот бизнесмен — фигура очень скандальная. Человек, который находится, так сказать, на грани пребывания на свободе. Над ним все время висит угроза тюрьмы. Чем это было вызвано? Требовалась какая-то дополнительная реклама, или вы просто верили в то, что Тапи замечательно сыграет?

Клод Лелуш

Я хотел выйти на новый для себя уровень, под иным углом отразить жизнь. Поэтому я пригласил на главную роль не профессионального актера. Но в жизни он, пожалуй, еще больший актер, чем любой лицедей-профессионал. Тапи построил всю свою политическую и спортивную карьеру на умении играть, обаять толпу. Этот человек зачаровывал Францию в течение десятилетий своими эскападами и актерским талантом.

Я всегда думал, что Бернар Тапи великий актер, который мог бы играть в художественных фильмах. С другой стороны, я считал, что, войдя в фильм, он привнесет с собой все то, что о нем изначально знает зритель.

Мне кажется, что во всех фильмах можно снимать как профессионалов, так и непрофессионалов. И я мог бы, например, снять в своем фильме Сталина, если бы у него, конечно, был актерский талант. Но он им не обладал. Я видел его на экране. Вот Муссолини, тот был прекрасным актером. Если, к примеру, снимать Муссолини, то, кроме сюжета, «бесплатным» дополнением к фильму будет все, что он на творил.

В истории есть персонажи, которые добились чего-то только благодаря своему актерскому таланту. Саша Гитри говорил: «Все люди лицедеи, кроме некоторых актеров». Что я и попробовал доказать.

Эта лента разделила Францию на два лагеря. И ее критиковали больше, чем любую другую мою картину. Дело в том, что у Тапи ужасная репутация во Франции. Люди не хотели, чтобы он заработал большие деньги. Когда стало известно, что он получает

процент с прибыли от фильма, то начались пикеты кинотеатров. В залы подбрасывали бомбы, чтобы публика не ходила на этот фильм. Так что зрители приняли его плохо. На мой взгляд, Тапи своей персональной полностью затмил само произведение. Его репутация подмяла фильм под себя. И очень жаль, так как, по-моему, это одно из лучших моих созданий...

Я в двух словах расскажу о сюжете картины. Бернар Тапи играет делового человека, бизнесмена. Играет как бы самого себя. А персонаж актера Лукьяни — человек, который прежде был артистом, но не состоялся. Сейчас он работает в полиции, его внедряют в разные структуры, в том числе и преступные. Персонаж Лукьяни очень мнителен. Он считает, что у него рак. По сюжету случается, что Бернар Тапи и Лукьяни встречаются у доктора, а доктор — женщина. Эту женщину в свое время когда-то соблазнил Бернар Тапи и как-то нехорошо бросил. Докторша, сделав своим больным анализы, решает отомстить персонажу Бернара Тапи, — она меняет анализы. На самом деле у персонажа Тапи нет никакого рака, а Лукьяни интуиция не обманула. Но врача нехороший анализ отдает Бернару Тапи, а тот, где все в порядке, — Лукьяни. И в результате человек, которому дали анализ больного, то есть Бернар Тапи, умирает. А тот, который был на самом деле поражен смертельным недугом, получив анализ здорового человека, остается жив. Вот такой перевертыш...

Эльдар Рязанов:

Ваши фильмы, дорогой Клод, всегда находятся в центре внимания и публики и прессы. О них разные мнения, иногда дело доходит даже до каких-то скандалов. И это замечательно. Потому что самое страшное — это забвение.

В этом году вам шестьдесят лет. Что вы готовите? Какие сюрпризы? Какие грандиозные проекты нас ждут?

Клод Лелуш:

Да, мне исполняется шестьдесят лет. И я собираюсь сделать в своей жизни еще три фильма. Но не буду

с этим торопиться. Я, конечно, постараюсь, чтобы эти три фильма получились как можно лучше, но на этом и остановлюсь, потому что нужно уметь вовремя остановиться.

Эльдар Рязанов:

Я читал, в свое время ваш отец учил вас: все, что ты делаешь, нужно делать так, как будто в последний раз. Кстати, очень напоминает то, что говорил Сергей Михайлович Эйзенштейн — один из моих учителей.

Клод Лелуш:

Все, что делаю в жизни, я делаю согласно этим словам. Но, тем не менее, предпочитаю делать все так, как в первый раз, а не в последний. Я снял тридцать пять фильмов, и все с одинаковым энтузиазмом. И удачные, и неудачные. Но я думаю, что больше обязан своим неудачам, чем успехам. Неудачи научили меня многому, они заставляли меня совершенствоваться. А успех? Успех не учит ничему. А если учит, так только плохому. Но, конечно, и он тоже очень важен. Мне повезло. Вся жизнь у меня чередовались успехи и неудачи, что позволило мне учиться непрерывно. Я до сих пор считаю себя учеником в кино. Все мои фильмы основаны на личном опыте.

Например, моя личная жизнь — настоящая катастрофа, но с другой стороны — это мой оборотный капитал, основа моих фильмов. Это многих раздражает. Но другие именно за это любят мое кино. И я считаю, людям надо говорить, что в жизни все очень сложно. Это мой девиз. Но добиться можно всего. Абсолютно всего...

Я не мог бы снять фильм с плохим финалом. Именно поэтому меня и называют «Режиссер-Надежда».

Анни Жирардо:

*«Может быть, я кого-нибудь еще
встречу в жизни.*

Моя дверь открыта...»

Телевизионный рассказ об Анни Жирардо начался с площади Вогезов в центре Парижа. Одна из самых старинных площадей города представляет собой прямоугольник из трехэтажных особняков шестнадцатого-семнадцатого веков. В центре сквер, где высятся статуя Людовика XIII, известного всем в нашей стране по роману Дюма «Три мушкетера». Да и площадь эта неоднократно являлась в романе местом действия для д'Артаньяна и его дружков — Атоса, Портоса и Арамиса. Только в те времена она называлась «Королевская площадь». В годы Великой Французской революции короля казнили, и площадь, разумеется, переименовали. В это время департамент «Вогезы» не то аккуратно заплатил налоги революционному правительству, не то оказал какую-то другую услугу якобинцам. Короче, «Вогезы» поощрили тем, что присвоили имя департамента площади. Узнаете родные установки? После реставрации монархии название почему-то сохранилось. Может, было не до этого? На площади жил Виктор Гюго, и в одном из особняков его музей. И сегодня здесь живут многие современные деятели культуры. Люди искусства любят селиться в старинных кварталах, но при условии, что внутри все соответствует комфорту двадцатого столетия.

Пока я рассказывал что-то этнографическое, подбежал парижский полицейский и стал за-прещать съемку. Здесь с этим строго. Нам, оказывается, надо было получить разрешение районной мэрии. Пока часть съемочной группы вешала полицейскому на уши лапшу, мы с оператором успели снять мое вступление и, сделав вид, что уходим получать разрешение на съемку, направились в квартиру замечательной актрисы Анни Жирардо... В 1983 году я возвращался через Париж с Каннского кинофестиваля. Фильм «Вокзал для двоих» ничего там не получил.

Хазанов на моем вечере по этому поводу продекларировал:

*Нам на фестивале в Каннах
Приз не дали ни один.
Пусть они в Москву приедут —
Мы им тоже хрен дадим.*

Во время трехдневной остановки в Париже я тогда не удержался и снял два сюжета для своей любимой «Кинопанорамы», где был ведущим. Один рассказывал о «королеве французского кино» Мишель Морган, а второй сюжет был посвящен «самой французской актрисе» Анни Жирардо. С первой я беседовал по-английски, со второй на итальянском языке, который ныне ввиду отсутствия практики совершенно забыл...

И вот новая встреча. Мы в квартире Анни Жирардо. Мы не виделись пятнадцать лет, и меня горько поразило то, как она постарела. Но грустное впечатление сразу же исчезло, когда актриса начала говорить. Я уже упоминал о потерях читателя по сравнению с восприятием зрителя. В случае с Жирардо это особенно ощутимо. Анни очень артистична и выразительна. Она сопровождает рассказ балетом рук, танцами жестов, непрерывной мимикой, богатством интонаций.

Эльдар Рязанов:

Анни, ваша человеческая натуральность, естественность, чистота, правдивость в сочетании с невероятным талантом — большая редкость в двадцатом веке.

Анни Жирардо

Спасибо за прекрасный комплимент. Он меня очень тронул. И в театре, и в кино, и в жизни я всегда остаюсь сама собой. Иногда я совершаю глупости, но не жалею о них, потому что делаю все от чистого сердца.

Эльдар Рязанов

У меня к вам просьба. Вспомните тот светлый период вашей жизни, когда вы встретились с Лукино Висконти, великим итальянским режиссером кино и театра.

Анни Жирардо

Начну с начала. Я поступила в театральный институт при «Комеди Франсез». Надо сказать, что после двух лет учебы я не сыграла еще ни одной роли. Именно тогда Жан Кокто предложил мне сыграть в своей пьесе «Пишущая машинка».

В «Комеди Франсез» у меня было амплуа субретки, травести, хохотушки. Узнав об этом предложении, многие говорили: «Жирардо — субретка. Глупо давать ей драматическую роль». Некоторые так и до сих пор считают. Для меня же работа над этой пьесой стала настоящим событием. Сыграв эту роль, я начала получать массу предложений — в театре и кино.

Стала много сниматься. Это было своего рода открытие. Я снималась с Жаном Габеном. Моя карьера пошла стремительно вверх. И в этот момент администрация «Комеди Франсез» захотела, чтобы я подписала с ними контракт. По этому контракту я двадцать пять лет обязана была работать в этом театре. Вне

Великий фильм
Лукино Висконти
«Рокко и его братья».
Рокко — Ален Делон,
Надя — Анни
Жирардо. 1960 г.

Эльдар Рязанов

Анни Жирардо

стен «Комеди Франсез» я должна была бы делать все под псевдонимом. То есть находиться в полном подчинении у художественного совета, который решает, что ты должна играть. Это был самый знаменитый театр, но я отказалась. Вообще-то жизнь артиста такова, что он не знает, что с ним будет на следующий день. Я риско-

вала. Но тем не менее решила, что только сама буду отвечать за свои успехи и неудачи.

На мой взгляд, я поступила правильно, отказавшись от кабального контракта. Если бы я подписала его, то никогда бы не познакомилась с Лукино Висконти. Как раз после всей этой истории, после моего дебюта у Кокто, мне предложили сыграть в пьесе Уильяма Гибсона «Двое на качелях». В пьесе всего два действующих лица. Моим партнером был Жан Маре, а режиссером — Лукино Висконти. Не правда ли, это великолепное предложение. Это было просто здорово! А потом Висконти пригласил вас в свою, ставшую очень известной, картину «Рокко и его братья», где вы замечательно сыграли Надю. После этой ленты вы стали всемирно известной актрисой. И, насколько я помню, вы тогда познакомились с Ренато Сальватори...

Знакомство с Висконти стало для меня настоящим откровением. Он делал в театре сверхъестественные вещи. В то время он уже в течение нескольких лет готовил съемку фильма «Рокко и его братья», подбирал актеров и так далее.

После пьесы «Двое на качелях» я около года была занята в других спектаклях. Однажды Лукино позвонил мне и сказал: «Приезжай в Рим, я тебя жду». Я всю жизнь об этом мечтала — поехать в Италию. Помню, как мама провожала меня в аэропорт. Тогда я открыла для себя Рим. Когда я туда прилетела, то сразу поехала к Лукино Висконти. И меня встретил великолепный мужчина, настоящий сказочный принц, это

«Рокко и его братья».
В роли Симоне
Ренато Сальватори,
ставший мужем Анни
Жирардо

проблему — миграцию нищих крестьян с юга в промышленные и, следовательно, богатые северные районы. Страшная сцена, где на глазах у братьев старший брат Симоне (Ренато Сальватори) насилует любимую девушку Рокко (Ален Делон), стоит у меня до сих пор перед глазами. Трагически сыграла Анни Жирардо и ту сцену, когда Рокко отказывается от любимой и любящей его Нади ради старшего брата Симоне. «Рокко и его братья» — многоплановый семейный роман-фильм, запечатлевший развал патриархального крестьянского рода. Потом эти мотивы мы встречали довольно часто в разных итальянских лентах.

Эльдар Рязанов:

Ваши персонажи в фильмах очень разные, они отличаются и характером, и внешностью, и пластикой. Вы

был Ренато Сальватори. На следующий день я должна была возвращаться в Париж. Я играла в театре, у меня был свободен только один вечер. Целый месяц — никаких известий от Висконти. Но наконец он позвонил и сказал: «Приезжай, ты снимаешься в «Рокко»».

Это был настоящий переворот в моей жизни. Начало всего...

Ренато Сальватори стал моим мужем. Отцом моей дочери, моей судьбой...

Поставленный по роману Дж. Тестори «Мост Гизольфы» фильм Висконти открыл для итальянцев острейшую социальную

наблюдаете за женщинами, их походкой, их манерой говорить, их повадками и потом это претворяете в своих ролях или это происходит интуитивно?

Анни Жирардо:

Нет, я никогда никого не копировала. Когда я работаю с талантливыми актерами, происходит какое-то обогащение роли, но я всегда остаюсь сама собой.

Эльдар Рязанов:

В одном из своих интервью вы говорили, что фильм «Доктор Франсуаза Гайян» был снят по вашему предложению. Я знаю, вы сами из медицинской семьи, ваша мать — акушерка, и вы в молодости тоже работали медицинской сестрой. Медицинская тема близка вам?

Анни Жирардо:

Этот фильм поставлен по роману писателя Нейла Лорито (или Ларье. — Э Р.) «Крик». Агент, с которым я работала, прочел книгу и предложил снять по ней фильм. В то время на тему рака в кино было наложено своего рода табу. То же самое, что сейчас со СПИДом. Я считаю, нельзя снимать фильмы о СПИДе, ведь ты не можешь помочь людям вылечиться.

Я встретила женщину, которая была прототипом, и она рассказала мне о том, что ей пришлось перенести, о всех ужасных методах лечения. Оказалось, что роман описывает это все совершенно точно, а сценарий, который предложил мне режиссер под названием «Доктор Франсуаза Гайян», не имел ничего общего с действительностью.

Одна из кульминационных сцен книги — момент, когда героиня (врач-онколог) случайно узнает, что у нее самой рак. Это как гром среди ясного неба. Но ей удается справиться с силами, и она вылечивает себя, так же, как вылечивала других людей. Ведь она знает, как надо реагировать на удары судьбы. Поэтому я считала, что очень важно снять такой фильм. Но сценарий был ужасный, безвкусный. И я отказалась подписывать контракт на съемки этого фильма, и автор книги тоже. Он хотел бросить эту затею. Но я сказала ему: «Для меня очень важно снять фильм по твоему роману, давай возьмем все на себя».

Надо сказать, что режиссер Бертунелли нам нисколь-

ко не помогал, он оказался довольно вредным человеком. Мы, — автор романа и я, — подписали контракт, переделали сценарий и сняли фильм. Самое трогательное то, что после выхода фильма мы стали

В фильме «Мужчина моей мечты» партнером Анни был Жан-Поль Бельмондо

Эльдар Рязанов:

получать много писем и от тех, чьи родственники умерли от рака, и от тех, кому мы дали надежду. Я сам — комедиограф и меня интересует ваше отношение к комедии. В чем для вас отличие и особенность комедийной роли?

Анни Жирардо:

Комедия — моя специальность. В комедии надо всегда попадать в яблоčko и ни на миллиметр в сторону. Комедия — это прежде всего жесткая дисциплина. И нужно играть совершенно естественно и искренне. Чем смешнее отрывок, тем больше требуется дисциплины и уважения к тексту. Кроме того, важно чувствовать ритм персонажа, иначе будет полный провал. Чем правдивее сыграна сцена, тем она смешнее. Если ты этого не понимаешь, все кончено. Вообще сниматься в комедиях очень сложно. Например,

Фильм
«Доктор Франсуаза
Гайян»

на съемках «Старой девы» у режиссера Блана мне все время хотелось рассмеяться. Филипп Нуаре один из любимейших моих партнеров. Я не вижу с ним годами, но при встрече кажется, что мы никогда не расставались. У нас с Нуаре был прекрасный дуэт. И полное взаимопонимание на съемочной площадке.

Эльдар Рязанов: А как вы репетируете? В полную силу или в полноги? Как происходит переход от репетиции к съемке?

Анни Жирардо: Когда речь идет об эмоциях во время репетиции, то я ничего не показываю. Я очень скупа на это. Просто смотрю на площадку. А потом, когда начинаешь сниматься, вдруг тебя осеняет. И ты испытываешь какое-то счастье, чувствуешь какую-то неведомую силу, могущество. Ты расслабляешься. И поехало. И происходит чудо.

Кадр из фильма
«Жить, чтобы жить».
Анни Жирардо
и Ив Монтан. 1967 г.

Эльдар Рязанов

Анни Жирардо:

Вы знаете, нет никаких расчетов в голове. Ничего. Это только нюх. Это нечто, как у животного. Инстинкт.

А, черт! Может, я услышала что-то, что не слышат другие. В этот момент я хочу доставить удовольствие себе. Но и зрителям тоже. Тут важно попасть в нужный момент в нужный тон.

Какие отношения складываются у вас с режиссером во время съемок?

Настоящий диалог с режиссером происходит на съемочной площадке. Ты чувствуешь этого режиссера, видишь его, понимаешь его, вы переглядываетесь. Возникает взаимопонимание. Что-то детское в этом есть. Все мы дети в конце концов. Думаю, здесь много любви, иногда скрытой любви. Когда кто-то меня снимает, то в этот момент он — мужчина моей жизни. Потом все кончено. Потом я говорю: «Конечно, да, это мужчина моей жизни, но у меня есть и своя жизнь. К сожалению, у меня нет времени... И становишься другом со всей съемочной групп-

пой. В киноэкспедициях дружба особенно важна. А однажды ты возвращаешься домой, съемки окончены, и делается грустно...

Эльдар Рязанов

Не очень приятный вопрос. Режиссеры «новой волны», авангардисты, очень известные и талантливые, такие, как Жан Люк Годар, Ален Рене, Луи Маль, Франсуа Трюффо вас не снимали. Они прошли мимо вас. Почему? Как вы думаете?

Анни Жирардо:

Я очень жалею об этом. Не могу этого объяснить. Я не стала частью их мира. Они нашли своих муз. Конечно, мне было обидно. Но я не испытывала чувства ревности. Режиссер свободен в выборе своих героев и героинь. Моей «новой волной» стал Клод Лелуш.

Эльдар Рязанов:

Я делал программу о Клоде. Он там с такой нежностью рассказывал о вас, признался в том, что у вас был роман во время съемок фильма «Жить, чтобы жить».

Анни Жирардо:

Для меня Лелуш — это волшебный принц, который разбудил спящую красавицу. У меня была пауза в кино, я играла в театре, в Париже. И в этот момент он предложил мне главную роль в «Жить, чтобы жить» с дивным партнером — Ивом Монтаном.

Эльдар Рязанов

Я видел эту картину лет тридцать назад, но до сих пор помню ваш длинный крупный план в поезде, как будто смотрел вчера. Сыграно было потрясающе. Такой крупный план могла сыграть только актриса, которая переживала в это время большую любовь...

Анни Жирардо:

Да, конечно. Это очевидно. Принц же не станет просто так будить спящую красавицу, если нет ничего больше. Для меня Клод был как детонатор. Он меня заставил стать такой, какая я есть на самом деле. Что касается эпизода в поезде, то снималось это таким образом: Монтана в купе не было, на верхней полке стоял магнитофон с записью его монолога. Мне не надо было учить текст, я все сыграла молча. По сценарию, герой Ива Монтана мне изменил, он в этой сцене становится для меня чужим. А я это прекрасно чувствовала, ибо то же самое переживала в жизни со своим мужем. Мужчины уходят, он ушел, и я очень страдала...

Нет ничего лучше лица, по которому текут слезы. Это своего рода электрический удар. Сцена получилась действительно замечательная, несмотря на то, что моим партнером был магнитофон... Лелуш любит пускать актеров в настоящую толпу и снимать тайно, без криков «мотор» и «стоп». Он любит неожиданно-сти. В том же фильме, в сцене, где мы с Монтаном завтракаем, Лелуш попросил меня неожиданно для Ива задать ему вопрос, которого не было в тексте сцены: «Скажи, ты обманывал меня уже?» Я спросила. Монтан обалдел. Он не понял: фильм это или жизнь? Речь идет о Симоне Синьоре? Он испугался, не знал, что сказать. В таких подходах весь Лелуш...
Анни, любите ли вы экспромт, импровизацию? В кино это труднее, чем в театре. По-моему, это высшая форма раскованности исполнителя. (Ответ был для меня неожиданным. — Э.Р.)

Эльдар Рязанов:

Анни Жирардо:

Актер не имеет права импровизировать, иначе все бы стали нести черт-те что. Если ты играешь в пьесе или в фильме, у тебя есть текст диалога. Надо уважать автора и публику. Если ты импровизируешь, значит, упиваешься собой. Это ошибка, недостаток элегантности. Текст вещи питает меня, как актрису, я должна передать его людям. Импровизировать не надо!

Эльдар Рязанов:

Анни Жирардо:

Скажите, а какую роль играет музыка в вашей жизни, в вашей работе, в ваших ролях?

Огромную. Я люблю самую разнообразную музыку, и классическую, и оперу. В особенности люблю авторскую песню. Музыка необходима мне все время. Я настолько люблю музыку, что в шестьдесят шестом или шестьдесят седьмом году даже приняла предложение сыграть в театре Ла Скала в Милане. Это была «Персефона», музыка Стравинского, а либретто Андре Жида. Мне казалось, что это будет прекрасно. Я не пела, я была чтицей. Нужно отметить одну особенность Ла Скала. На дирижера там всем наплевать, абсолютно всем. Как будто он на Мадагаскаре, а вы в Милане.

Однако существует некий господин суфлер, который

сидит в своей будке, так вот он — настоящий фашист! Он сидит и приказывает тебе, и ты должен его слушаться. До такой степени, что даже танцовщики постоянно смотрят на суфлерскую дыру. Всем заправляет этот неприятный господин. (Все это сопровождалось жестами, декламацией, мимикой, показом всех действующих лиц, пением, дирижированием. Эмоции были бурными — Э.Р.)

Роман между режиссером и актрисой во время съемок не редкость Анни Жирардо и Клод Лелуш. 1967 г

Мой конфликт с ним начался из-за того, что я очень быстро говорю. Я не могу читать так медленно, как принято в такого рода спектаклях. Это сложно, а музыку я знала лучше хористов. Впрочем, они ее совершенно не знали, им все время подсказывали.

Кроме того, на сцене была зеленая лампочка, которая отсчитывала, как метроном, — это ужасно, это отупляет. И раз, и два, и три, и четыре. Старички на фисгармониях все время фальшивили и постоянно пробовали ноты. Просто тупицы. И вот я на сцене, начинаем репетировать, и суфлер мне говорит: «Нет, вы должны начать с такой-то ноты». Я ответила: «Месье, я знаю, что говорю очень быстро. Я, конечно, попытаюсь говорить помедленнее. Но я прекрасно знаю музыку. Кроме того, я люблю танец и замечательно чувствую ритм. И в театре и в кино необходимо чувство ритма». Но, тем не менее, он прошипел, чтобы я начинала в определенный момент, чего я, конечно, не делала.

Он злобно ругался в своей дыре. На каком-то этапе я даже сказала ему: «Месье, вы меня бесите. Музыка я знаю прекрасно, мне не надо ее суфлировать, я ее слышу. Я сама знаю, когда мне удобнее начинать, чтобы закончить вовремя. Лучше будет, если я начну

чуть-чуть позже и закончу вместе с музыкой». Ну, он ничего не хотел знать! Это было ужасно. Так мы и бо-ролись!

Тенора и другие певцы смотрели только в эту дыру суфлера. Певицы — толстые коровы, просто дикий ужас. Потом появились танцоры. Я надеялась, что хотя бы они не станут меня беспокоить. Но нет! У них в Ла Скала танцоры как будто исполняют таблицу умножения. Когда они появились, я вообще перестала слышать музыку. Отовсюду несло: «И раз, и два, и три, и четыре...»

Режиссером спектакля была какая-то знаменитая не то певица, не то танцовщица. Так вот, эта милая дама хромала. Почему же? Оказывается, она упала в будку суфлера. И на репетиции я поняла, как это произошло. Если бы она глядела по сторонам, а не была прикована взглядом к суфлеру, то заметила бы эту чертову дыру и не упала бы туда, и не сломала бы себе ногу, и не хромала бы. А вообще хористам и всем остальным было на все наплевать, они хотели только поесть спагетти.

Наконец я полностью погрузилась в музыку, но какой-то шум вернул меня к реальности. И я заметила, что все, даже оркестранты, куда-то ушли, потому что начался обеденный перерыв...

Когда я после этого полетела в Рим, рядом со мной в самолете сидела Мария Каллас. Конечно, я была знакома с ней и раньше, благодаря Лукино Висконти, и неоднократно видела ее на сцене. Она сказала мне: «Я видела вас вчера в «Персефоне». Не расстраивайтесь, Анни, так происходит не только в Ла Скала, но и во всех театрах мира. Но надо идти своей дорогой даже если тебя окружают хромые танцовщицы и глухие певицы, которым необходим метроном...»

Эльдар Рязанов: Анни, я с наслаждением наблюдал ваш рассказ. Вы больше чем актриса, вы — женщина-театр.

Анни Жирардо: Вы очень добры ко мне.

Эльдар Рязанов: Критика часто писала о ваших ролях, что Анни Жирардо самая французская из французских актрис. Как вы сами думаете, почему?

Анни Жирардо: Я как-то не задумывалась об этом. Мне кажется, что я просто становлюсь членом семьи каждого человека, неважно, во Франции, в Албании, в России или в Чехословакии. Для кого-то я мать, для кого-то невестка, для кого-то дочь. Это большая, большая семья, и это прекрасно.

В фильме Валерия Ахадова «Руфь» Анни Жирардо сыграла французскую пианистку, которая полюбила русского, вышла замуж и стала жить в Советском Союзе. Но начались сталинские репрессии, муж погиб, и ее, несмотря на то, что она была французская подданная, тоже отправили в лагеря. Она вышла на свободу только спустя 20 лет и решила остаться в этой стране, где познала и счастье, и беду.

Анни Жирардо: Когда в восемьдесят девятом году я приехала в Россию, чтобы сниматься у Ахадова, мама уже не очень себя хорошо чувствовала. Вспоминаю, как я каждый день ей звонила (плачет), а в то время нужно было очень долго дозваниваться, и потом нас соединяли, она брала трубку, и я говорила себе: «Господи, сделай так, чтобы я всегда могла дозвониться до мамы!». Мама умерла позже. Ахадов приехал в Париж, чтобы доснять кое-какие сцены, и мама скончалась сразу же после его отъезда в Москву...

Вся моя жизнь перевернулась. Потом, через год, я снова приехала в Россию на премьеру фильма. Приехала вместе с дочерью, и она была просто поражена тем приемом, который мне оказывали здесь. Она не могла себе представить ничего подобного, ведь я никогда не рассказывала ей об этом.

Эльдар Рязанов: Анни, если бы у вас была возможность прожить жизнь еще раз, вы бы выбрали другую дорогу или согласились бы с той жизнью, которую уже прожили?

Анни Жирардо: Кто знает. Я родилась такой, какая я есть. Жизнь прожила такую, какой она была. Я, конечно, хотела бы прожить еще одну жизнь. Очень надеюсь, что мы потом все-таки возвращаемся на эту землю. Если бы я вернулась, то была бы совсем другой, может, была

Анни Жирардо
и Алексей Петренко
в фильме Валерия
Ахадова «Руфь»

бы женщиной, не знаю. Не знаю, где стала бы жить. Но то, что прожито, переделать нельзя. И это прекрасно. Это как прямой эфир. Или как в театре, например. В театре я принадлежу каждому конкретному вечеру. Назавтра я еще я, но уже другая.

Эльдар Рязанов: Что такое, по-вашему, счастье? Счастливы ли вы?

Анни Жирардо: Да. Но счастье так хрупко. Надо стараться быть счастливым. Если ты несчастлив, тогда надо уметь радоваться маленьким вещам, цветочкам, взгляду, улыбке. Я счастлива, когда просыпаюсь утром и думаю: «Я еще жива». Для меня это как отсрочка приговора. Как будто я в тюрьме, как будто мне сейчас скажут: «Ну, пора»... Я обожаю луну. Конечно, я несколько одинока сейчас...

Нужно быть легким человеком и уходить надо налег-

ке. Моя мать говорила мне: к смерти нужно готовиться довольно долгое время. Нужно привыкнуть к этой мысли. Самое тяжелое в смерти — это переход. Надо помогать этому переходу, чтобы он был более приятным. Есть боль, но надо иметь прозрачную душу, отбросить всяческое зло, чтобы не было низости в душе. Не стоит заниматься бесполезными вещами. На самом деле наша профессия — это не ремесло, это боль...

Каждому дана Богом часть благодати. Кто-то превращает этот дар в кино или металлургию, в живопись или в самолеты, в открытия или в полеты на Луну. И тогда сам начинаешь подниматься...

Может, я кого-нибудь встречу в жизни, а может быть, нет. Кто знает? Моя дверь открыта. Если никто не войдет — неважно... Можно быть счастливой и по-другому...

Эльдар Рязанов

Дорогая Анни! Вы даже не представляете, какое вы чудо!

Анни Жирардо

Тем лучше. Это меня радует. Но вы сами тоже чудо. С такими людьми, как вы, нужно быть на высоте...

Эльдар Рязанов

Я вам очень, очень, очень благодарен.

Анни Жирардо

На днях я уеду в Италию, буду сниматься в Риме. Я вернусь туда как домой. После того, как Ренато умер, я продала дом. В Риме у меня есть друзья. Мне не хватает Рима, я прожила тридцать пять лет своей жизни между Римом и Парижем. Я создала для себя столицу, которая называется «Рим-Париж» или «Париж-Рим». Я привыкла к этому дуализму. Постоянным для меня были путешествия. Я очень много летала. Больше, чем любой профессиональный пилот. У меня столько часов полетов, просто ужас... Хочу поехать в Рим к дочери и ко внукам, которые живут в Риме, мне их так не хватает...

P.S. А года через полтора Анни Жирардо прибыла в Москву. На этот раз со спектаклем «Водопады Замбези» по пьесе молодого писателя и актера Д. Сулье. Спектакль с большим успехом был показан в помещении Вахтанговского театра. Мы опять встретились,

и во французском посольстве в Москве я взял у нее еще одно интервью. Приведу из него только то, что относится к ее впечатлениям о нашей столице, о москвичах.

Эльдар Рязанов

(старый дамский угодник) Анни, вам удалось то, что не удалось Наполеону. Наполеон вошел в Россию с оружием и был изгнан отсюда. А вы покорили огромную страну, огромное количество людей без единого выстрела, только благодаря вашему таланту.

Анни Жирардо

Это настоящая радость. Ваш народ замечателен. Снимаясь в фильмах, я всегда думала о женщинах. И во Франции, и в Европе много работала, адресуя свой труд им. И сказала себе: «Господи, у них так мало хорошего в России. Пусть хотя бы мои фильмы принесут им радость». Мои фильмы как бы любовные письма, которые я посылала в Россию. И я поняла, когда приехала сюда, что мои письма дошли до адресата. У вас в России, где народ так много страдал, особенно хочется дарить удовольствие публике со сцены и с экрана...

Москва полностью изменилась, вы сейчас можете смотреть любое телевидение. Это очень важно. Когда я приезжала в Россию много лет назад, все было ужасно. А теперь вы живете совсем по-другому, и я счастлива. Теперь у вас в России есть все то же, что у меня во Франции. И это справедливо. Вы пережили ужасные годы. Даже в простой жизни вы все были ограничены. А теперь у вас есть свобода, вы живете, как мы, можете выезжать за границу, не нужно больше никаких для этого разрешений. На улицах люди стали свободней. Все говорят: «Эй, привет!» Это замечательно!

Филипп Нуаре:

«Я всегда готов начать приключение»

Встреча с одним из крупнейших артистов Франции Филиппом Нуаре происходила в киностудии «Булонь» в одноименном предместье Парижа. Там шли съемки фильма «Пальмовая ветвь для месье Шутца», где одну из главных ролей, а именно месье Шутца, исполнял Филипп Нуаре. В перерывах между кадрами или же во время съемок эпизодов,

где не был занят прославленный актер, и состоялась наша беседа. Признаюсь, и в жизни Филипп оказался обаятельным, славным, дружелюбным человеком, о чем я ему и сказал прямо в середине нашего разговора.

Эльдар Рязанов:

Филипп, догадываетесь ли вы сами, что вы очень симпатичный парень?

Филипп Нуаре:

Кто, я? Нет, не знаю.

Эльдар Рязанов:

Вам про ваше обаяние никто не говорил?

Филипп Нуаре

Может, я достаточно симпатичен для тех, кто меня не знает. Но если меня узнать получше, это чувство пропадает.

Эльдар Рязанов

Человек, который с иронией относится к самому се-

Блестящий актерский дуэт Филиппа Нуаре и Анни Жирардо в комедии «Знакомство по брачному объявлению». (Французское название «Беги за мной, чтобы я тебя поймала»)

Филипп Нуаре:

бе, не только приятен, но и умен. Говорят, французы — остроумный народ. Но я-то живу здесь. И не уверен, что это так. Однако для иностранцев будем стараться сохранять этот образ.

Эльдар Рязанов

А я как иностранец буду находиться в заблуждении. Филипп, с вашим участием снято более ста десяти фильмов. Есть ли в вашей биографии фильм, который вы сами не видели?

Филипп Нуаре:

Фильмов с моим участием, которые я не видел, немало. Некоторые я даже не хотел смотреть. Снимаясь, я иногда отдаю себе отчет, что фильм не будет таким, как я надеялся. И поэтому не хочу видеть результат. Но это происходит достаточно редко. И кроме того, не страдаю нарциссизмом. Поэтому в отличие от многих актеров не люблю смотреть на себя.

- Эльдар Рязанов:** Но иногда все-таки вы получали от себя удовольствие на экране, бывали такие случаи?
- Филипп Нуаре:** Нет, никогда, никогда. К счастью, бывает так, что фильмы, в которых я снимался, мне нравятся. Но я никогда не получаю удовольствия от того, что вижу себя. Наоборот, это своего рода страдания. Первый фильм, в котором я снялся в пятьдесят четвертом году, был фильм Аньес Варда. Когда я впервые стал просматривать, что мы сняли накануне, мне пришлось выйти из комнаты. Мне физически стало плохо. Меня затошнило. И не удалось сохранить свой завтрак. Но сам процесс съемок, актерская работа, чувство, что ты являешься частью команды, — все это мне нравится.
- Эльдар Рязанов:** Известно, что все мы формируемся в детстве. В какой степени ваше детство, в том числе и оккупация немецкой армией Тулузы, сформировало ваши человеческие взгляды?
- Филипп Нуаре:** Нашей семье повезло, она напрямую не пострадала от немецкой оккупации, то есть никто не погиб и никто не мучился физически. Но, конечно же, жизнь в оккупированной стране невозможно забыть. Когда пришли оккупанты, мне исполнилось десять лет, а когда они ушли — стукнуло четырнадцать. Одно из самых ярких воспоминаний моего детства — это вход немецких войск в Тулузу. Это произошло в восемь утра, в то время, когда я шел в школу. Я помню, как в город въехали автомобили, танки, появились солдаты в черной форме. И флаг со свастикой. Это воспоминание остается навсегда вписанным в память. С тех пор я не могу даже позволить себе купить немецкую машину.
- Эльдар Рязанов:** Вы играли в фильмах, которые рассказывали об истории войны. С явной антифашистской направленностью. К примеру, «Старое ружье». Очень крепкая лента. Какие-то детские впечатления подстегивали вас, определяли ваш выбор?
- Филипп Нуаре:** Я не могу так сказать. Там была мощная драматическая тема. Думаю, что «Старое ружье» — это прекрасная мелодрама. И я всегда очень жалел о том, как

были выведены немецкие войска в этом фильме. Они были окарикатурены. Я не испытываю уважения к фашистской армии, но на мой вкус для живого фильма немцы были слишком гротесковыми. Думаю, самое ужасное в войне — это не то, что плохие, извращенные люди занимаются убийствами с удовольствием. Самое страшное то, что она превращает обыкновенных людей в жестоких и лишенных всякой человечности существ.

Эльдар Рязанов: Скажите, Филипп, как отнеслись родители к тому, что вы решили стать артистом?

Филипп Нуаре: Они были несколько удивлены. Но у меня была беседа с отцом, который был достаточно краток: «Если это то, что ты хочешь попробовать в жизни, то попробуй. У тебя будет всегда что есть и пить. И ты всегда можешь жить с нами в доме, в нашем общем доме так долго, как захочешь».

Отец был готов к нашему разговору. Дело в том, что один из моих учителей, священник, написал моим родителям письмо. В нем говорилось, что я явно хочу быть актером, что это прекрасная профессия. Что священнику кажется — у меня есть талант к этому. И было бы хорошо, если бы родители по крайней мере позволили мне попробовать стать актером.

Эльдар Рязанов: Это был какой-то особенный лицей?

Филипп Нуаре: Нет. Это был обыкновенный пансион, правда, самый старый во Франции. Он был создан католическими священниками в тысяча пятьсот каком-то году рядом с Парижем. Там до меня учились очень знаменитые люди, такие, как Монтескье, Жером Бонапарт и даже, говорят, д'Артаньян. И я. Компания хорошая, а главное разнообразная.

Эльдар Рязанов: А потом вы попали в Народный театр Жана Вилара, одного из великих реформаторов театра, где проработали около десяти лет...

Филипп Нуаре: Для меня это очень важный период моего профессионального образования и человеческого формирования, период, который повлиял на всю мою дальнейшую жизнь.

Эльдар Рязанов: Это была хорошая школа?

Филипп Нуаре: Очень хорошая. Жан Вилар был исключительный человек. Я думаю, он один из самых великих режиссеров Европы послевоенного времени. Кроме того, у него было представление о театре как об искусстве

Фильм «Сиреневое такси», режиссер Ив Буассе (1977 г.).
Филипп Нуаре
и Шарлотта
Рамплинг

национальном, народном и популярном. Он искал, пытался искать такие формы, которые позволяли бы не просто поставить пьесу, но и обязательно достучаться до публики. Кроме того, он первым стал начинать спектакли в восемь часов вечера, в отличие от остальных театров, которые начинали в половине десятого. Для того, чтобы люди могли прийти в театр сразу после работы. И потом у зрителей была возможность поужинать в театре. С музыкой, с оркестром, который играл в зале. А еще был бесплатный гардероб, не надо было давать чаевые работникам театра. Это маленькие детали, конечно, но они очень важны для всей атмосферы. Наконец, проводилась огромная работа на предприятиях, на заводах, в организациях с тем, чтобы распространять там билеты. Репертуар был одновременно и современным, и классическим.

Мы играли великие французские и зарубежные пьесы. Мы первые во Франции поставили Брехта и Клоделя, мы ставили и Мольера, и Чехова, и Расина,

и Мериме. Каждый год было примерно три-четыре месяца гастролей за рубежами Франции. Мы были, в частности, и у вас в России, играли в Москве, в Малом театре, и в Санкт-Петербурге.

В фильме Клода Шаброля «Маски». (1987 г.)

В течение месяца. Я прекрасно об этом помню.

Эльдар Рязанов: Я читал, что все эти годы вы попросту жили в театре: репетиции, премьеры, гастроли...

Филипп Нуаре: Да, это правда. Мы очень много работали. Труппа была небольшой, нас было около двадцати актеров и актрис. Мы ставили как минимум четыре-пять новых пьес в год. Поэтому мы работали одиннадцать месяцев в году, с полудня и до полуночи. Каждый день. Но это была очень веселая жизнь.

Эльдар Рязанов: Филипп, у вас внешность, фактура эдакого сибарита, барина. Вы по природе своей лодырь или же трудяга?

Филипп Нуаре: Я был совершенным лентяем в течение всей моей учебы. Но когда я начал заниматься актерским ремеслом, делал это с невероятным удовольствием. Я очень много работал. И с огромной радостью.

Есть два места, где мне хорошо, уютно. Я хорошо себя чувствую на съемочной площадке или у себя в деревне с моими собаками и другими животными.

Эльдар Рязанов:

Скажите, в те молодые годы вы были честолюбивы, мечтали своим актерским мастерством покорить весь мир?

Филипп Нуаре:

Нет, нет. Я даже не думал, что буду когда-нибудь сниматься в кино. Я думал, что останусь театральным актером. Я начал сниматься в кино достаточно поздно, первый фильм в пятьдесят четвертом году, но по-настоящему стал заниматься кино где-то года с шестидесятого. Мне было уже тридцать лет.

Поначалу я не находил, что это интересно. Было забавно, не больше. А затем мало-помалу, когда роли становились все более важными, объемными, я начал получать подлинное удовлетворение. И до сих пор не устал от этой работы.

Эльдар Рязанов:

К вам популярность пришла поздно, в тридцать семь лет. А ваш партнер по Народному театру Жерар Филипп в тридцать семь уже умер, будучи неслыханно популярным во всем мире. Расскажите о нем, о ваших общих театральных годах.

Филипп Нуаре:

Мне повезло, я его прекрасно знал. Мы играли вместе с ним приблизительно в десятке спектаклей. Он тоже входил в труппу Народного театра. И, кроме того, он мной руководил. Потому что Жерар поставил несколько пьес в театре как режиссер.

Вспоминаю о нем, как о друге, о прекрасном товарище и гениальном актере. Известно, что Жерар великолепно играл в кино. Но его актерский гений в большей степени проявился в театре.

Мне кажется, что люди, которые не видели игру Жерара Филиппа в театре, не имеют полного представления о его таланте.

Эльдар Рязанов:

Думали ли вы, что кинематограф станет делом вашей жизни?

Филипп Нуаре:

Сперва я снялся для разнообразия, скорей даже для развлечения. Но мало-помалу вошел во вкус ремесла киноактера. И настолько, что практически уже тридцать лет не играю в театре.

Я стал звездой кино без всякой активности с моей стороны, без большого желания. По случайности. И не думал, что сделаю хорошую кинематографическую карьеру.

В фильме «Старое ружье» режиссера Р.Энрико (1975 г.). Филипп Нуаре и незабвенная Роми Шнайдер

Эльдар Рязанов

Вопрос, который вам задавали, наверное, множество раз. В вашем кинорепертуаре драматические роли чередуются с комедийными. Это у вас такая репертуарная политика или здесь много элементов случайности?

Филипп Нуаре

Я всегда стремился играть в разных жанрах. Это происходило из-за того, что я как актер формировался в театре. А там я играл и комедии, и трагедии. Уже потом, когда я получил возможность выбирать роли, то пытался перемежать серьезные роли с комедийными. Просто чтобы мне не было скучно.

Эльдар Рязанов

В ваших персонажах зритель узнает себя со всеми своими дурными и добрыми чертами. Это умение сделаться общедоступным в хорошем смысле слова обеспечивает ваш успех, мне так кажется...

Филипп Нуаре

Я думаю, что можно стать популярным актером только при условии, что сыграл серию ролей, в которых люди узнают себя. Как в комедиях, так и в трагедиях или драмах.

Две роли сделали меня очень популярным во Фран-

ции. Это робкий недотепа Габриэль в фильме Энрико «Старое ружье», который, видя зверства фашистов, берется за оружие, и туповатый герой в комедии Робера «Александр Блаженный». И публика приняла меня потому, что смогла увидеть себя во мне. Но и многие другие роли тоже, как мне кажется, помогли.

Эльдар Рязанов: Я видел с вами довольно много картин. Произвела впечатление «Война Мэрфи», картина как бы не очень известная, где главные роли играют Питер О'Тул и вы. Помните эту ленту?

Филипп Нуаре Да, конечно. Этот фильм провалился во всем мире, но имел огромный успех в Ирландии благодаря Питеру О'Тулу.

Эльдар Рязанов А мне очень понравилась эта картина.

Филипп Нуаре И мне тоже понравилась.

Эльдар Рязанов А еще помню совершенно оглушительный успех вашей картины «Старая дева». И ваш блестящий дуэт с Анни Жирардо.

Филипп Нуаре Это был прекрасный фильм. Помню один случай. Когда мы закончили картину, продюсер представил ее прокатчику. Тот сказал: «Я не буду показывать «Старую деву», это очень плохо». И не купил. Продюсер остался с фильмом. Все пленки лежали у него в офисе. Через месяц у прокатчика был важный просмотр для какой-то киноангличанки. Что-то там сорвалось. И тогда он позвонил продюсеру «Старой девы» и попросил срочно подослать какой угодно фильм. Надо было заткнуть дыру. И тогда ему опять дали «Старую деву». После просмотра эта лента стала одним из самых больших успехов французского кино.

Эльдар Рязанов Расскажите о своей работе в Голливуде. По-моему, вы там снялись в трех лентах — «Жюстина», «Война Мэрфи» и «Топаз». Последний фильм поставил знаменитый Альфред Хичкок?

Филипп Нуаре И еще был фильм «Ночь генералов». У Хичкока в «Топазе» я снимался вместе с французским актером Мишелем Пикколи. Я играл бюрократа. Французского чиновника, работающего в НАТО, который сотрудничал с русскими секретными службами.

- Эльдар Рязанов:** Теперь я понял, что меня привлекло к вам. Просто вы наш человек... Это была интересная роль?
- Филипп Нуаре:** Вы знаете, есть такие роли в кино, которые всегда очень заманчивы для актеров. Роли шпионов, полицейских, гангстеров — это всегда хочется играть. В подобных ролях всегда есть большая свобода в трактовке. Именно эти персонажи могут быть самыми разнообразными. Они всегда неоднозначны. Для исполнителя интереснее играть многогранный персонаж, чем роль, в которой звучит только одна нота, присутствует одна краска.
- Эльдар Рязанов:** У Клода Зизи в фильме «Продажные» вы сыграли совершенно отпетого легавого.
- Филипп Нуаре:** «Продажные» тоже имели огромный успех. Это фильм, на мой взгляд, очень французский, в нем есть определенная аморальность. Персонажи не имеют никакой нравственности либо имеют свой, особенный кодекс. Но все это очень симпатично, это все понравилось французам. Французы, с одной стороны, уважают правила и законы. Но, с другой стороны, они всегда в восторге, когда эти законы обходят. А вот американцы купили права на римейк фильма «Продажные», но так его и не сняли, ибо сам дух фильма совершенно противоположен американскому менталитету.
- Эльдар Рязанов:** Когда вы начинаете создавать отрицательный персонаж, вы стараетесь найти в нем что-то доброе, симпатичное и обаятельное?
- Филипп Нуаре:** Я думаю, да. Только за редким исключением, если бы я играл, допустим, какого-то фашиста-нациста, я бы, конечно, не пытался представить его симпатичным. Для такого нечеловеческого поведения нет никакого оправдания. Но для всех остальных, даже антипатичных, персонажей актер должен всегда становиться в какой-то степени адвокатом. Надо стараться заставить зрителей понять многосторонность и неоднозначность практически каждого человека. Я думаю, на свете очень мало людей, которые целиком хорошие или же целиком плохие...

Эльдао Рязанов

Давайте поговорим о вашей работе в Италии. Вы себя считаете больше французским или итальянским актером?

Филипп Нуаре

Я считаю себя немного и итальянским актером тоже. Я очень много снимался в Италии, снимался в прекрасных фильмах. Должен похвастаться, меня полнотью приняла итальянская публика и итальянские кинематографисты.

Я играл там самые разнообразные роли. И комедии, и драмы, и трагедии. Я чувствую себя дома в Италии. Очень люблю ездить туда, работать. Люблю Италию и итальянское кино. А еще в Италии мне нравится, что когда доживаешь до моего возраста, достаточно большого, итальянцы начинают называть тебя «Маэстро» (улыбается). Мне это доставляет огромное удовольствие, я становлюсь как-то значительнее.

Эльдао Рязанов:

Расскажите, пожалуйста, о создателях фильма Франческо Рози «Три брата» по сценарию Тонино Гуэрры.

Филипп Нуаре:

Франческо Рози — один из самых крупных режиссеров нашего века. По крайней мере, второй его половины. Он всегда брал важные, злободневные темы и воплощал их художественно. Он и гуманист, и тонкий художник. А Тонино Гуэрра — великий поэт нашей эпохи. И великий сценарист. Это человек, которого я очень люблю. Он одновременно и поэт, и интеллигент, и человек простой, близкий к духу своего времени, близкий к людям. Мне это нравится.

В 1981 году я выпустил «Кинопанораму», целиком посвященную итальянскому кино. В ней были сюжеты о Феллини, Франческо Рози, Монике Витти, Альберто Сорди, Каstellано и Пиполо, Родольфо Сонего и, конечно же, о Тонино Гуэрра. Так что Тонино мой давний приятель. Он был одним из авторов сценариев знаменитых фильмов Микеланджело Антониони — «Приключение», «Ночь», «Затмение», «Красная пустыня», «Блоу-ап». Написал несколько сценариев для Франческо Рози, вместе с Федерико Феллини сочинил повесть «Амаркорд», по которой великий режиссер снял свой замечательный фильм. Вообще его

«Я живу в деревне на юге Франции, рядом с Тулузой. Там у меня ферма, где обитают собаки и лошади. Люблю читать, люблю живопись...»

влияние на развитие итальянского кино переоценить невозможно. Кроме того, он автор сценария «Ностальгия», специально написанного для Андрея Тарковского.

Фильм «Три брата» я смотрел в кинотеатре в Риме. Переводила мне жена Тонино Гуэрры, Лора Яблочкина. Когда мы вышли из кинотеатра, на улицах Рима было какое-то странное возбуждение: гудки машин, ненормальные автомобильные пробки, встревоженные люди. Лора позвонила домой и узнала, что несколько минут назад стреляли в Папу Римского... Следующий фильм, о котором мы заговорили, назывался «Кинотеатр "Парадизо"». И здесь у нас с Нуаре оказался общий добрый знакомый. Им был французский продюсер русского происхождения Александр

Мнушкин, личность легендарная. О продюсерах в нашей стране стали говорить лишь недавно. А в западном кинематографе эта профессия всегда считалась одной из самых главных. По полномочиям, по значительности она превышала порою роль режиссера. Эмигрировавший в Париж в 20-х годах Александр Мнушкин прошел кинематографическую школу от мальчика на побегушках до продюсера. Когда я познакомился с ним, он был старейшиной продюсерского «цеха». Уважаем и любим коллегами. За плечами больше сотни фильмов. В его творческой коллекции почти все ленты с Бельмондо, включая знаменитые «Человек из Рио» и «Профессионал». Он стал продюсером и моего фильма «Предсказание». Сания — так все его звали до конца жизни — был легкий, добрый, славный человек, знающий о нашем кинематографическом деле буквально все. Мне бесконечно жаль, что он не дожил всего двух недель до того дня, когда была готова копия нашей картины, и что он не увидел ее...

Филипп Нуаре:

Продюсером ленты «Кинотеатр “Парадизо”» был Сания Мнушкин. Там я впервые встретился с режиссером Джузеппе Торнаторе. «Кинотеатр “Парадизо”» был его второй фильм. Сценарий меня взволновал. Когда я закончил его читать, у меня были слезы на глазах. Думаю, это прекрасная мелодрама. А мелодрама, когда ее хорошо делают, очень любима зрителями. И я этот жанр очень люблю.

Мне было интересно, как я, французский актер, все-таки с эдаким буржуазным французским образом, с северным типом лица, смогу сыграть сицилийского крестьянина. И я с удовольствием согласился. Когда фильм был закончен, он оказался на сорок пять минут длиннее, чем обычно. И в Италии не имел особого успеха. Потом, по совету Сани Мнушкина, фильм сократили. Он стал на сорок пять минут короче. И когда его показали в Каннах, имел огромный успех, мировой. «Золотая пальмовая ветвь», премия «Оскар» за лучшую иностранную ленту.

Эльдар Рязанов: Теперь настала очередь «Великой жратвы» режиссера Марко Феррери. Фильм озорной, я бы даже сказал, местами хулиганский.

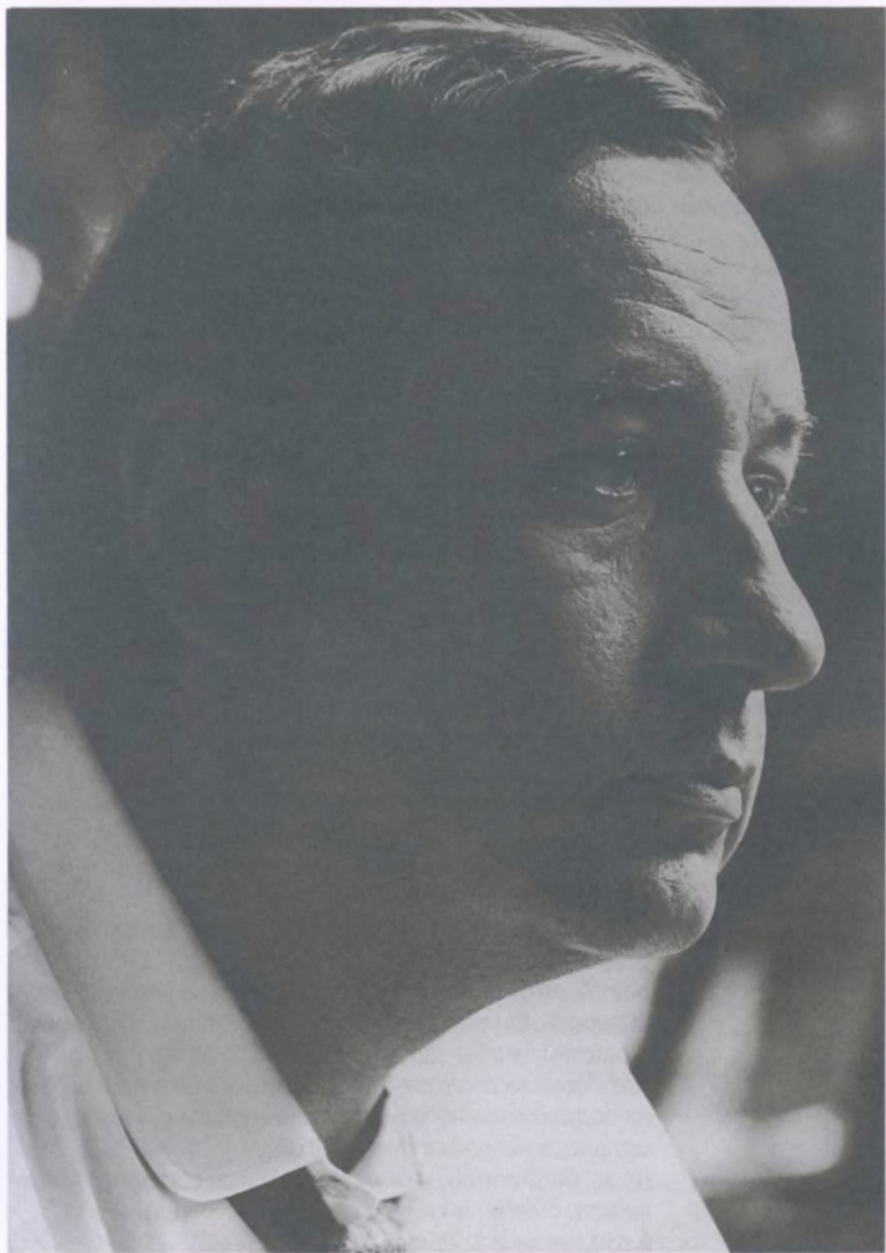
Филипп Нуаре: Благодаря этой картине меня узнала итальянская публика. Это был франко-итальянский фильм. Он имел огромный успех и во Франции, и в Италии, — поскольку играли два французских актера и два итальянских. (Нельзя не упомянуть, что одним из партнеров Нуаре был великий итальянский артист Уго Тоньяцци. — Э.Р.). Именно тогда итальянская публика приняла и полюбила меня. Это был очень смешной фильм не только на экране, но и в производстве. Режиссер Марко Феррери сам очень забавный персонаж: симпатичный, но сумасшедший. Работать было интересно еще и потому, что мы все время импровизировали. У нас был отвратительный сценарий. Но роли были выписаны очень хорошо, судьба каждого из основных персонажей была подробно прослежена вплоть до его смерти.

И мы снимали в хронологическом порядке, что обычно в кино невозможно. Это хронологическое развитие позволило нам импровизировать, и мы очень забавлялись до самого конца съемок...

Хочу рассказать вам о потрясающем впечатлении, которое я получил во время съемок фильма «Африканец».

Эльдар Рязанов Фильм режиссера Филиппа де Брока, а партнерша ваша Катрин Денев?

Филипп Нуаре Да. С Филиппом де Брока я работал много. Он снял меня в шести или семи своих фильмах. «Африканец» — очень милый и приятный фильм. Мы работали в Кении среди прекрасных пейзажей. Я испытал тогда одно из самых острых эмоциональных переживаний. Однажды мы снимали неподалеку от стада в четыреста слонов. Это было одно из самых волнующих зрелищ в моей жизни. Глядя на этих великих животных, вся наша съемочная группа, шесть или семь человек, просто плакала от волнения. Мы любовались этой потрясающей картиной, наверное, часа два...

А еще я много снимался у Бертрана Тавернье. Он дал мне возможность сыграть очень разных персонажей с точки зрения социальной принадлежности, эпох, характеров. Я играл в его фильмах и царствующего принца, и ремесленника, и судью, и мелкого буржуа.

Эльдар Рязанов

А кто из режиссеров, кроме Бертрана Тавернье и Филиппа де Брока, близок вам по творческому поиску, с кем вам наиболее приятно работать?

Филипп Нуаре

Меня интересует то, что режиссер меня выбирает. Я даю возможность действовать случаю и обстоятельствам. Именно режиссеры строят мою карьеру. У меня нет четкой мысли, что именно я хочу играть. Я люблю сюрпризы, люблю неожиданные предложения. Читаю все сценарии, которые мне присылают. Я снимался во многих дебютных фильмах, потому что всегда готов начать приключение. У меня нет никаких конкретных идей, я слишком ленив для этого. Люблю, чтобы творческие приключения сами приходили ко мне.

Эльдар Рязанов

А что привлекло вас в фильме «Пальма для месье Шутца», на съемках которого мы находимся?

Филипп Нуаре

Этот сценарий очень мил и оригинален. Персонаж, которого я играю, весьма своеобразен. Действие картины происходит на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Шутц — это директор школы химии и физики, в которой работали Пьер и Мария Кюри, в будущем великие ученые. А мой персонаж, который все время надзирает за ними, — такой чиновник и цензор — он просит у них счета, проверяет результаты и так далее. Но мало-помалу дает себя обаять этой талантливой паре ученых. Начинает им доверять. Он рискует, вступая в конфликт с администрацией, чтобы защитить их и позволить продолжать свои исследования. Эволюция этого персонажа из подозрительного педанта, чинуши и сухаря в нормального человека очень забавна.

Эльдар Рязанов

Дорогой Филипп, у меня просьба: расскажите, пожалуйста, о себе, о своей семье, о своих привычках, в том числе и вредных...

Филипп Нуаре:

Я живу в деревне. Очень люблю Париж, но, на мой взгляд, жизнь в Париже утомляет. Она слишком сложная. Я чувствую себя лучше, когда мои ноги стоят на земле, а не на асфальте. Поэтому я живу на юге Франции, рядом с Тулузой. Там у меня есть ферма, где обитают собаки и лошади. Я много катаюсь верхом по утрам. Люблю читать, люблю живопись. И больше не курю. Я долго курил сигары, но бросил. У меня много друзей-художников, скульпторов, писателей и, конечно, простых людей.

Я живу в своей семье, с моей женой, с которой я вместе уже тридцать девять лет, она тоже актриса. Работала вместе со мной еще в театре Жана Вилара. У меня есть дочь. Она писательница. Раньше была ассистентом режиссера. Внучке двенадцать лет. Я ее обожаю. Они и есть моя жизнь.

Эльдар Рязанов:

Сейчас у вас есть возможность обратиться к ста пятидесяти миллионам русских. Что бы вы сказали нашим зрителям, которые вас любят и помнят?

Филипп Нуаре:

Это очень редкая возможность. Я хотел бы сказать им простые слова. Они имеют некоторый религиозный оттенок, хотя я не религиозный человек.

Но я скажу: мир да пребудет с вами.

Эльдар Рязанов:

Вы не устали от кино? Не надоело оно вам?

Филипп Нуаре:

Нет! Нет! Нет и все!

Эльдар Рязанов:

И каждый раз вы работаете с удовольствием?

Филипп Нуаре:

Да! Да! Да! Да!

Анук Эме:

*«Феллини научил меня
любить кино...»*

Никто из французских артистов и режиссеров не просил у нашей съемочной группы денег за съемки. Кроме Алена Делона. Поэтому с ним не было телепередачи. Анук Эме не требовала никакой оплаты за интервью. Но попросила, чтобы съемка происходила в отеле «Крийон» и чтобы мы наняли гримера. Отель «Крийон» — один из самых престижных, самых дорогих в Париже. Он расположен в центре города на площади Согласия. Как правило, в нем останавливаются главы государств, миллионеры, кинозвезды. Мы отправились разговаривать с менеджерами знаменитого отеля. Апартаменты, которые нам были нужны для съемки интервью, стоили пять тысяч долларов в день. Кроме того, требовался еще один номер, где актриса могла бы загримироваться и переодеться. Любая конура в этом здании стоила не дешевле трех тысяч. Разумеется, денег таких у нас не было. Игорь Бортников, наш продюсер, очень талантливо вешал лапшу на уши доверчивым французам, рассказывая, что наша съемка с Анук Эме будет потрясающей рекламой для их отеля в России. А поскольку в России сейчас полно богатых олигархов, то эта акция будет выгодна в первую очередь отелю. Ему удалось убедить управляющего. Тем более в «Крийоне» в это время действительно два номера

были заняты российскими бизнесменами. Что касается гримерши, то, поднатужившись, мы наняли ба-рышню из какой-то кинокомпании. Наша беседа с Ануk началась как бы с шулки.

Эльдар Рязанов

Дорогая Ануk! Вы, в отличие от многих других актрис, никогда, по-моему, не были в центре каких-то скандалов, сплетен. Как вы при этом умудрились сделать карьеру, не понимаю? Неужели только из-за таланта?

Ануk Эме

Не знаю, есть ли у меня талант. Мне повезло, что я работала с великолепными режиссерами и у меня были прекрасные роли, а в жизни я всегда пыталась защитить себя, что, может быть, объясняет, почему я никогда не была замешана в скандалах и сплетнях.

Эльдар Рязанов:
Анук Эме:

Как вы оказались в кинематографе?
Совершенно случайно. Мне было тринадцать лет. Меня остановили на улице, когда я гуляла с матерью, и предложили сняться в фильме. Мать спросила: «Ты

Фильм
«Монпарнас, 19»,
режиссер
Жак Беккер. 1957 г.
О Жераре Филипе
Анук говорила
с придыханием:
«У нас были
прекрасные
отношения. Это
великая встреча
в моей жизни».

хотела бы это сделать?» Я сказала: «Да, конечно». Так все и получилось.

Эльдар Рязанов:
Анук Эме:

И что это был за фильм?
«Дом под морем». Конечно, это была второстепенная роль, ведь я была ребенком. А потом я снялась в фильме «Остров потерянных детей» по сценарию Жака Превера. Моего персонажа звали Анук. И меня все стали так называть. А потом Превер как-то сказал: «У тебя не может быть только имя Анук, без фамилии. Когда ты вырастешь, это будет смешно». И он придумал мне фамилию «Эме». Если тебя «окрестил» такой человек, как Жак Превер, то сохраняешь это на всю жизнь. (Настоящее имя и фамилия моей собеседницы Франсуаза Сория. — Э.Р.)

Эльдар Рязанов:
Анук Эме:

В фильм «Веронские любовники» вас тоже пригласил Жак Превер? Это было в сорок девятом году?
Я в то время училась в обычной школе и начала ходить на курсы дикции. Жак Превер написал вариацию шекспировской пьесы «Ромео и Джульетта». Действие он перенес в наши дни.

Эльдар Рязанов

Вы помните свои первые ощущения от встречи с кинематографом?

Анук Эме:

Меня это не особенно впечатлило. Там была приятная атмосфера, милые люди. В общем не я выбрала

Фильм «Мужчина и женщина» имел обвалный успех во всем мире. Жан-Луи Трентиньян и Анук Эме

кино, жизнь это сделала за меня. У меня не было страсти к кино. Я, скорее, хотела стать балериной. Короче, я тогда ничего не решала сама, плыла по течению.

Эльдар Рязанов

Вы учились в какой-нибудь актерской школе? У вас есть актерское образование?

Анук Эме

Я никогда не училась этой специальности.

Эльдар Рязанов:

Анук, расскажите о легенде французского кино Жераре Филипе. Вы снимались вместе с ним в фильме по роману Эмиля Золя «Накись». А потом он рекомендовал вас Жаку Беккеру в «Монпарнас, девятнадцать», где Жерар играл Модильяни, а вы — его подругу. Но, как я понимаю, только в кино.

Анук Эме:

Я вижу, вы все обо мне знаете. (Говорит со значением.) У нас были прекрасные взаимоотношения. Это великая встреча в моей жизни. (Должен сказать, что я далеко не все о ней знал. В частности, это. — Э.Р.) О нем говорить очень тяжело. Он обладал поразительным шармом, был редким актером.

Эльдар Рязанов

Может быть, благодаря Жерару Филипу эта ваша

роль более всех предыдущих наиболее окрашена внутренним человеческим теплом?

Анук Эме

Не знаю... Вообще мне трудно говорить о себе, я не очень много о себе знаю, о том, как я играю, и о том, как я живу. И не хочу знать. Если бы я все о себе знала, мне было бы скучно. А я хочу, чтобы жизнь была приключением, сюрпризом. Часто я не знаю, как объяснить, почему делаю то или другое.

Эльдар Рязанов

Анук, давайте вспомним фильм «Сладкая жизнь», где вы играли Магдалену. Вы чувствовали себя в этой роли удобно, комфортно? Это соответствовало каким-то вашим внутренним качествам или вы преодолевали себя, когда создавали роль пресыщенной миллионерши?

Анук Эме:

В первую очередь вы хотите узнать, наверное, как я встретила с Феллини?

Эльдар Рязанов

Обязательно.

Анук Эме:

Итак, Феллини приехал в Париж. Он встречался с многими актерами, претендентами на роли. И меня он тоже захотел увидеть вместе с другими актрисами. Я приехала на встречу. Вошла в комнату, сказав себе: «Это, должно быть, «крутой» итальянец...» Поэтому пришла в своего рода защитной скорлупе.

Когда я увидела Феллини, его глаза, я поняла, — это совершенно другой человек, чем я себе нафантазировала. Он смотрел на меня особенным образом, смотрел внутрь, как Пикассо. Его глаза видели все.

Он рассказал мне немножко о персонаже и спросил: «Хотите ли вы сыграть эту роль?» Я сказала: «Да».

Хотя, честно говоря, думала, что мне роль не доверят. Слишком много актрис-претенденток. Он мне сказал: «Вы будете сниматься». Я ответила: «Хорошо, я согласна», хотя в это не верила. Прошло время, у меня не было никаких новостей. И вдруг однажды приходит телеграмма: «Приезжайте в Рим. Вы играете Магдалену в «Сладкой жизни»».

Я приехала в Рим, пришла на съемочную площадку. Я ничего не знала, не читала сценарий. Никто мне не дал его прочитать. Толпа народу. Феллини не до меня. Я была в ужасе, говорила: «Я уеду, не по-

Кадр из фильма
«Сладкая жизнь».
Режиссер Федерико
Феллини. 1959 г.

нимаю ни этого человека, ни этот фильм». На третий день, когда я снова пришла на съемочную площадку, поняла, что Феллини настоящий волшебник. Он научил меня двигаться так, как двигалась бы Магдалена. Она все делает медленно, она курит вот так (показывает). Она перемещается, ходит таким образом (показывает). В отличие от фильма «Восемь с половиной», где Луиза курит вот так (показывает), у нее жесты резкие, совершенно другие движения. Именно Феллини меня научил пластике персонажа. С того момента, когда у вас есть движения и жесты той, кого вы играете, вам остается только говорить ваш текст. Остальное все уже есть, будто вы полностью влезли в шкуру вашего персонажа.

Феллини научил меня тому, что такое кино, научил меня любить кино. От Феллини у меня было ощущение, что я встретила с человеком, которого знаю очень давно. После фильма «Сладкая жизнь», который имел огромный успех, он решил снимать «Восемь с половиной». И не хотел брать в эту картину ни Мastroяни, ни меня. Хо-

тел поискать кого-то еще. Я его спросила по телефону: «Ты будешь меня снимать?» Он говорит: «Не знаю». Но я-то знала, что он не хотел меня снимать. И сказала ему: «Давай я приеду на пробы». А он отказывается: «Нет, не надо». Но я все-таки приехала. Пришла на съемочную площадку в коротком парике, без макияжа.

Федерико говорит: «Нет, не хочу снимать с тобой пробу». А я настояла: «Нет, ты все-таки сними». Когда Федерико увидел мою пробу на экране, он сказал: «Хорошо, ты будешь играть Луизу». Я подстригла волосы, и ресницы он тоже заставил меня подстричь. Он говорил, что длинные ресницы — это слишком красиво, они отбрасывают тень на глаза. А Федерико не хотел, чтобы моя героиня была кра-

Фильм Феллини
«Восемь
с половиной». 1963 г.
Гвидо Ансельми —
Марчелло
Мастроянни,
Луиза — Анук Эме

Эльдар Рязанов:

Анук Эме:

сивой. В общем, я сыграла эту роль, преодолев какое-то, пусть пассивное, но сопротивление Феллини. Федерико и Марчелло — это те люди, которые навсегда останутся со мной. Они, во-первых, не принимали себя всерьез. Были очень простыми, с прекрасным чувством юмора. А это редко в наши дни, нынче люди относятся к себе слишком серьезно. А вы себя как воспринимаете — всерьез или научились у них относиться к себе иронично? Главное — не принимать себя всерьез.

Эльдар Рязанов

Перейдем к фильму «Мужчина и женщина» Клода Лелуша. Про этот фильм я слышал, что все работали бесплатно. Собралась такая группа энтузиастов. Напоминало как бы не профессиональную команду, а скорее дилетантов — любителей. Это правда?

Анук Эме

Я не была раньше знакома с Лелушем, я встретила с ним ради съемок. Он был не только режиссером, но и продюсером. Мы сняли эту картину в три недели, очень быстро.

Мы делали этот фильм с очень маленьким бюджетом, денег не хватало ни на что. У меня не было гримера. Я накладывала грим сама, парикмахерша работала одна на всех. Вообще нас трудилось всего тринадцать человек. Очень маленькая команда. Мы даже сами иногда держали осветительные приборы. И вдруг фильм пригласили в Канны. Мы были аутсайдеры. Нас поселили в плохоньком отеле, не в «Карлтоне», где селят всех звезд. Но у ленты был такой успех, я никогда такого не видела. Я никогда не видела, чтобы на Каннском фестивале люди вставали. Весь зал встал, люди аплодировали, кричали. А потом вдруг мы утром узнали — нам присудили главный приз, «Золотую пальмовую ветвь». Сейчас нельзя узнать утром, а тогда это объявляли с утра. Нас тут же переселили в роскошный отель, а вечером на церемонии нам вручили приз. С этого мгновения началось настоящее безумие. Мне кажется, что фильм «Мужчина и женщина» появился именно в тот момент, когда должен был появиться в жизни людей. Во всех странах мы получали призы, были «Оскары». Фильм получил три «Оскара». Я, правда, «Оскара» не получила. Я получила приз «Голден глоб». Это было как мечта. Во всех странах мира фильм имел бешеный успех.

Эльдар Рязанов

И после этого фильма вы вышли замуж за Клода Лелуша?

Анук Эме

Мы никогда не были женаты. Я вообще никогда не говорю о своей частной жизни. Не было никакой любовной истории между Клодом и мной. Да, конечно, всегда есть определенная интеллектуальная близость

между режиссером и актрисой. Есть какие-то очень близкие взаимоотношения, даже своего рода любовь. Я уверена, режиссер должен быть влюблен в своих актеров, даже если эти актеры — мужчины. В определенном смысле должен быть влюблен.

Эльдар Рязанов:

Анук, вам действительно повезло. Вы работали со многими значительными режиссерами: Жаком Деми, Бернардо Бертолуччи, Сиднеем Люметом, Марком Беллоккио. Ваши героини — это умные, серьезные женщины со сложным внутренним духовным миром. От ваших ролей веет загадочностью, какой-то бездонной глубиной. Что это — ваша индивидуальность или вас вела интуиция?

Анук Эме:

В каждом персонаже всегда есть смесь драматургического материала, то есть роли, режиссерской трактовки и, конечно, мой личный вклад. Я не знаю, чего больше. Это зависит и от глубины роли, и от оригинальности постановщика, и от моей внутренней жизни. Я всего лишь соавтор, один из соавторов.

Эльдар Рязанов:

Вы счастливый человек?

Анук Эме:

Невозможно быть все время счастливым. Если у тебя есть глотки счастья, это уже замечательно. У меня эти глотки есть. Я бы сказала, что хорошо лажу сама с собой. Один психиатр говорил — если ты хорошо ладишь с самой собой, значит, можешь поладить и с другими.

Эльдар Рязанов:

Что бы вы хотели сказать в конце нашей беседы?

Анук Эме:

Моя бабушка говорила мне: чтобы мужчина и женщина могли жить вместе всю жизнь, нужно немного любви, но много снисходительности. Думаю, что это нужно и вообще всем людям: немного любви и много снисходительности. Тогда появляется возможность добиться полного взаимопонимания.

Эльдар Рязанов:

Согласен с вами. И могу добавить: я считаю, что счастье — это отсутствие несчастья.

Пьер Ришар:

«Я достаточно глубок, чтобы понять, что мне не хватает глубины...»

У Пьера Ришара в Париже нет квартиры. Однако живет он в самом центре города. У богатых и знаменитых свои причуды, и Пьер живет на самоходной барже, пришвартованной к набережной Сены у площади Согласия. Мы, съемочная группа, подъехали к самому судну. Знаменитый «высокий блондин в черном ботинке» встречал нас на палубе. Конечно, беседа началась с рассказа о своеобразном жилье Ришара.

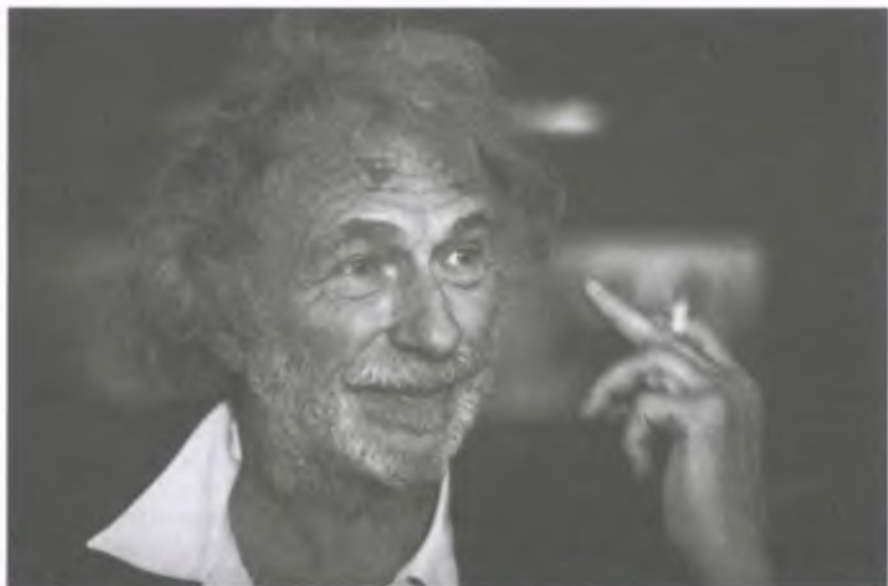

Пьер Ришар: Вот это мой корабль. Я здесь живу. На том берегу Национальная ассамблея. Там, видите, Эйфелева башня, за мостом Кэ д'Орсе — министерство иностранных дел... Слева Лувр и Нотр-Дам...

Эльдар Рязанов (вопрос провинциала) А удобства у вас есть? Телефон, электричество?

Пьер Ришар: Видите, провода. Это электричество, газ, телефон, горячая вода, отопление... На соседних кораблях тоже живут. У меня внизу два больших салона. А моя комната небольшая... Я знаю людей, которые живут вон на той барже, и на той тоже. Мы приветствуем друг друга, когда по утрам пьем кофе. В Париже обычно люди не знают соседей, а мы здесь знаем. Жан Марэ здесь жил раньше, но очень давно.

Эльдар Рязанов: А эта ваша баржа сама может плыть? Или ее надо тащить на буксире?

Пьер Ришар (показывает) У меня есть рулевое колесо. Я могу доплыть хоть до Нотр-Дам де Пари (это метров восемьсот от стонка — Э.Р.). Но я сам не вожу баржу. Однако можно нанять шкипера. Мне нравится здесь жить. Я и в центре города, и вне его. Здесь на палубе летом я завтракаю, обедаю. Зимой я ем внизу. А летом приходят гости.

Эльдар Рязанов А зимой в каютах не холодно?

Пьер Ришар: Что вы, там же есть отопление.

Эльдар Рязанов: Вид очень красивый. Причем во все стороны. Вы рыбак?

Пьер Ришар: Здесь много рыбы, но она плохая. Уже пятьдесят лет в Сене не купаются, слишком грязная вода.

Эльдар Рязанов: Почему вам нравится жить на барже, а не в квартире?

Пьер Ришар: Во-первых, я люблю воду. Хочу, чтобы рядом была вода. Тут мне кажется, что я живу не в Париже, а в каком-то маленьком городке рыбаков. Я хожу по барже босиком, но вижу перед собой Эйфелеву башню.

Эльдар Рязанов: Жить на барже в центре Парижа — это дороже, чем иметь квартиру в центре Парижа?

Сейчас уже практически невозможно жить на реке. Не осталось больше мест, где можно поставить ко- раблик, яхту, баржу на прикол. Это не вопрос денег, просто нет больше мест. Но, наверно, баржа все-таки

Фильм Ф.Ребера
«Игрушка» (1976 г.)
закрепил
популярность
Ришара у советских
зрителей

дешевле, чем апартаменты.

В это время мимо ришаровской баржи проплыл туристский прогулочный пароход. Очевидно, гид сказал пассажирам, что они проплывают мимо баржи, где живет прославленный актер. Туристы приветственно закричали, замахали шарфами. В ответ популярная звезда поступила немного экстравагантно. Ришар повернулся спиной к пароходу, наклонился, выпятил свое мягкое место по направлению к туристам и озорно похлопал рукой по нему. Это привело пассажиров в состояние восторга, и они радостно завопили... Беседа продолжалась в тепле. Хозяин сидел за стойкой маленького домашнего бара, а я, как заправский выпивоха, расположился по другую сторону.

Эльдар Рязанов.

Комедия — самый демократический вид искусства. Думаю, вы на себе испытали, что такое любовь зрителя. Публика ведь считает вас своим, ибо вы совсем не супермен и внешность у вас, простите, неказистая.

Пьер Ришар

Именно поэтому Ив Робер, у которого я снялся в своем первом фильме, сказал мне: «Тебе везет. Ты не самый хороший актер, но ты такой персонаж, с которым каждый человек себя идентифицирует».

«У нас прекрасное взаимопонимание. Для меня огромное удовольствие играть в комедии с Депардье»

Я ответил ему: «Спасибо за то, что я плохой актер». И он сказал: «Мастерство придет в будущем». А что такое любовь зрителя, я испытал и в России. Мы с моим переводчиком пришли на Красную площадь, было два часа ночи. Зима и очень холодно. И почти никого не было на площади. И вдруг к нам подбежали три женщины. Они меня узнали. Они говорили, что очень меня любят, говорили, что их семьи влюблены в меня. Обнимали, просили автографы. Женщины были очень эмоциональные, возбужденные. Звали к себе в гости...

Эльдар Рязанов

А теперь, традиционно, начнем с рассказа о детстве и семье.

Пьер Ришар.

У меня было два дедушки. Один был аристократом. Был очень и очень богат. Он окончил Высшую поли-

техническую школу, был на верхушке социальной лестницы во Франции. А другой мой дедушка был итальянским эмигрантом, едва говорил по-французски, но был очень умен. Он пришел во Францию пешком, чтобы найти работу. Добрался до севера страны и там носил рельсы, — был настоящим колоссом. Так вышло, что один дедушка у меня был интеллектуал, а другой — чернорабочий. Мне повезло. Я провел юность между двумя своими дедами. С одним я жил в замке, ходил на охоту, на бега, а второй тоже водил меня на охоту, только на браконьерскую.

Один дедушка рассказывал мне о благоденствии охоты, о породах охотничьих собак, а другой учил ставить силки на кроликов. Наверное, именно поэтому у меня такое свойство адаптироваться к любой среде. А какую роль сыграли родители в вашей жизни? Как отразился на вас их развод?

Эльдар Рязанов

Пьер Ришар:

Мои родители расстались еще до того, как я родился. Я даже еще не родился. Если бы они расстались до того, как зачали меня, конечно, все было бы по-другому. Я даже не знаю, с кем бы вы сейчас беседовали...

Эльдар Рязанов

Пьер, надо оправдать мизансцену. Вы сидите за стойкой как бармен, а я в позе жаждущего. А между тем я знаю, что у вас есть замок, который называется Шато Венивек. Там есть виноградники. Я даже знаю, что вы там делаете свое вино. Может, не будем сидеть всухую? У вас случайно не найдется бутылочки вина вашего производства?

Пьер Ришар:

О да, конечно. Я никогда в таких вещах не отказываю. Это розовое вино.

Эльдар Рязанов

Пока я буду открывать, вы можете рассказывать про свои виноградники.

Пьер Ришар:

Мой отец обожал хорошие вина. И каждый раз за обедом я пил очень хорошее вино. А мне было всего-навсего четырнадцать или пятнадцать лет. И когда я в два часа возвращался в класс, я засыпал за партой. И преподаватель знал, что меня бесполезно трогать, и давал поспать полчаса. Потом он будил меня и говорил: «Ну, теперь приступим к занятиям».

Я смолоду научился разбираться в винах. Правда, у меня не всегда была возможность покупать дорогое вино. Когда я был молодым актером, у меня не хватало на это денег. Но когда я стал зарабатывать много, я всегда покупал себе хорошее вино.

Мое вино прекрасно утоляет жажду. Оно достаточно простое, розовое. Его на юге много пьют.

Эльдар Рязанов

Когда у вас нет съемок, вы живете у себя в имении?

Пьер Ришар

Когда нет съемок, да. У меня на юге дом, а вокруг пруды. А за прудами море. Я окружен водой. А земля там ужасно сухая, ведь там никогда не идет дождь. И поэтому растет один только виноград. Я выращиваю виноград и делаю вино — красное и розовое.

Эльдар Рязанов

Вы это вино и продаете или делаете только для себя и друзей?

Пьер Ришар

(после паузы) Я его продаю, ведь я делаю шестьдесят тысяч бутылок в год. Я бы никогда в жизни не смог столько выпить. Если я с друзьями выпиваю десять тысяч — это уже неплохо.

Эльдар Рязанов

Как восприняли ваши родители решение стать артистом?

Пьер Ришар

Они были резко против. И в течение многих лет я не видел мою семью со стороны отца. Не было никакого общения. Они были крайне недовольны моим выбором. Я учился у Жана Вилара, у одного из великих режиссеров французского театра. У него играл Жерар Филип — один из самых грандиозных актеров театра и кино. И я учился на курсе Жерара Филипа.

Поскольку у Вилара был свой театр, то всех учеников брали в массовку. Я изображал то монаха, то солдата, бегал, переодевался, ничего не говорил, конечно, но мы все были рады, потому что видели, как играют великие актеры. Мы видели и Жерара Филипа, и Жана Вилара, который сам был потрясающим актером...

(После паузы) Меня выгнали из театра и даже из массовки в тот день, когда я заснул на сцене.

Я изображал солдата в «Макбете». Леди Макбет играла Мария Казарес, величайшая актриса того вре-

мени. На сцене была битва, и мой солдат умирал. Я оставался мертвым, лежал, лежал — и заснул. Сменили декорацию, но я ничего не услышал. И когда снова свет зажегся, я лежал в королевской опочи-

Такой разный,
но узнаваемый
Ришар

Эльдар Рязанов

Пьер Ришар

вальне, около королевского ложа. Леди Макбет была на постели, а я внизу. Я не знал, что мне надо делать: оставаться там или же тихо ползти к выходу. Я по-полз. Меня тут же выгнали... (После паузы.) У меня всегда была тенденция спать тогда, когда этого не нужно делать.

Расскажите о том, как вас одновременно взяли и в балет Мориса Бежара, и в представление Жоржа Брассанса.

Я оказался на улице. Но я хорошо танцевал. Специально этому не учился, не было техники. Но мог поднять ногу выше любого танцора, у меня была прекрасная растяжка. В это время Морис Бежар искал актеров, которые умеют танцевать. И я сказал себе: «Это я». На просмотре я танцевал, делал черт-

те что. И Бежар сказал: «Я вас беру. Вас единственного. Все остальные, которые утверждают, что умеют танцевать, на самом деле делать этого не умеют». Я, радостный, вернулся к себе. А дома ждала телеграмма, что меня и моего друга Ану, нас обоих взяли в программу Жоржа Брассанса. Что же мне делать? Брассанс или Бежар? Я не хотел бросать своего друга и пошел вместе с ним к Брассансу. Мог бы стать танцором, а стал артистом. Иногда я об этом жалею.

Эльдар Рязанов: Почему ваши сыновья не пошли по вашим стопам, стали музыкантами, а не артистами?

Пьер Ришар: Они никогда не хотели быть актерами. Но они очень артистичны и стали музыкантами. Один играет на контрабасе, а другой на саксофоне. Когда они вместе репетируют, иногда я сажусь за пианино. Для них это катастрофа. Им все-таки трудно отказать мне, но порой они говорят: «Папа, уходи».

Эльдар Рязанов: Пьер, но можно же где-то играть плохо. Достаточно того, что вы хорошо играете в кино.

Пьер Ришар: Да, действительно, этого достаточно. Не могу же я всюду быть хорош.

Эльдар Рязанов: Вы ходите на концерты, где выступают ваши сыновья? Для вас это событие?

Пьер Ришар: Да, конечно. Они играют джаз. Играют в ночных клубах в Париже, в джазовых клубах. И я всегда рад пойти их послушать. Я горд — хорошие музыканты.

Эльдар Рязанов: А они ходят смотреть ваши фильмы? Приходят на ваши премьеры?

Пьер Ришар: Сыновья с самого детства смотрят все мои фильмы. Но иногда их это, как ни странно, смущало. Я ведь всегда играл роли, где меня осмеивали, давали пощечины, я падал, люди смеялись надо мной. И когда сыновьям было семь-восемь лет, их это оскорбляло. Я спрашивал: «Вам понравилось?», они мрачно отвечали: «Да». Ребята в школе им говорили: «А, твой отец, он полный идиот». Ведь дети часто приравнивают комиков к идиотам. Я в детстве тоже говорил: «Чаплин такой дурак». И мои мальчишки, конечно,

от этого страдали. Они бы предпочли, чтобы я играл драматические роли, или чтобы их отцом был Сильвестр Сталлоне или Шварценеггер. Но мой внук, — он видел все мои фильмы на кассетах, — он визжит от смеха и удовольствия.

Эльдар Рязанов

Пьер Ришар

Значит, внук умнее сына?

Да, я так ему и говорю: «Твой глупый отец никогда этого не понимал».

Эльдар Рязанов

Пьер Ришар

Значит, вы дважды отец и единожды дед? А сколько раз вы муж?

Один раз. Но я расстался со своей женой и не женился во второй раз.

Эльдар Рязанов

Пьер Ришар:

А сейчас вы один или у вас есть подруга?

Да, конечно, есть.

Эльдар Рязанов

Пьер Ришар

Как вы начали сниматься в кино? И сразу ли вы нашли свой персонаж, такого рассеянного, неуклюжего, но очень милого человека, или это выкристаллизовывалось постепенно?

Почти сразу же. Первый фильм мой с режиссером Ивом Робером, у меня была маленькая роль, но эту роль он написал специально для меня. Он использовал как раз мою внешность и некоторую наивность, которая была у меня в глазах. Я играл Александра Блаженного, фильм так и назывался: «Александр Блаженный». Мне очень повезло, что я работал с Ивом Робером. Он мне тогда сказал: «Ты не актер. Ты персонаж. Тебе нечего делать во французском кино, ничего для тебя нет. Создай свой персонаж, свой мир, основанный на твоих качествах и недостатках». Я это и сделал. Сам написал первый сценарий «Рассеянный».

Эльдар Рязанов

Пьер Ришар:

И вы там выступали и как сценарист, и как режиссер, и как исполнитель главной роли?

Да. Я написал сценарий, сам сыграл и поставил как режиссер. Это был полностью мой мир, мой образ жизни, образ мыслей, манера реагировать. Это авторский фильм во всех смыслах этого слова.

Потом Ив Робер написал для меня вместе с Франсисом Вебером сценарий «Высокий блондин в черном ботинке». Они тоже пользовались этой самой наив-

Кадр из грузинского фильма «101 рецепт влюбленного кулинара». Режиссер Нана Динортадзе

Эльдар Рязанов.

ностью персонажа. Это качество у меня от рождения. «Блондин» стал одним из самых крупных успехов французского кино в то время. Тогда и стала развиваться моя кинокарьера, как французская, так и международная.

Пьер Ришар:

Скажите, как вы относитесь к славе? Какие ощущения рождаются, когда вас узнают, просят автограф, обнимают, целуют?

Мне кажется, те, кто говорят, что им наплевать на популярность — лицемеры. Это огромная привилегия — быть любимым людьми. Я счастлив этим. Иногда происходит что-нибудь смешное. Как-то раз я вышел из машины, и ко мне приблизилась немецкая пара: «Можно с вами сфотографироваться?» Я пытался отказать, но мой друг сказал: «Ну будь приятным,

сделай им такое одолжение». Я ответил: «Хорошо». И тогда немец дал мне камеру, они с женой встали и объявили, что они готовы. Оказывается, они хотели, чтобы я сфотографировал их. Недавно меня оставили полицейские за превышение скорости. У меня с собой не было документов. Мне пришлось возиться целый час, чтобы заполнить все штрафные бумаги. Когда через час полицейские возвратили мне их, то сказали: «Езжайте. Вы знаете, вы менее смешны, чем в своих фильмах». Я взорвался: «Вы целый час меня достаете и еще хотите, чтобы я вам здесь танцевал!»

Эльдар Рязанов: В какой степени вы в личной жизни соответствуете своим персонажам?

Пьер Ришар: Я думаю, что близок к ним. Я не жестокий, не хладнокровный, не страшный. Я во многом растяпа.

Эльдар Рязанов: Кто из партнеров оставил наибольший след в вашей биографии? Наверное, Жерар Депардьё? Он ведь во всех фильмах лупил вас изо всех сил.

Пьер Ришар: Да, от партнерства с Жераром следов на моем теле достаточно. У нас всегда прекрасное взаимопонимание. Мы настолько разные и настолько дополняем друг друга! Для меня было огромным удовольствием играть комедии с ним, — видеть его глаза, его реакцию. Что примечательно в нашей паре? Жерар обладает огромной физической силой, но при этом у него хрупкая душа, почти женская. А я, хотя физически хрупок, обладаю огромной духовной силой. И было очень интересно, как мы менялись нашей силой или слабостью друг с другом.

Эльдар Рязанов: Это один из ваших любимых партнеров?

Пьер Ришар: Да. К тому же мы много смеялись и развлекались на съемочной площадке, приятно проводили время и до съемок, и после них.

Эльдар Рязанов: Все-таки вы испытывали неприязнь к Депардьё, когда он вас усердно колошматил в кадре?

Пьер Ришар: Это такой сценарий был. Партнер не виноват. Но я вспоминаю, как мы снимали одну сцену. Он брал меня за грудки и тряс, а я бился головой об стену. А потом режиссер кричал: «Стоп!» Я выдыхал,

а перед глазами плыли белые круги. А Франсис Вебер — режиссер — говорил Жерару: «Тряси сильнее, потому что такое впечатление, что это понарошку». Жерар трясет меня еще сильнее. Крик: «Стоп!» Я задыхаюсь. Вебер подходит, говорит: «Хорошо, но еще недостаточно хорошо». И так много раз. Под конец я был просто убит. Минут пятнадцать приходил в себя, еле дышал. Жерару, конечно, было неудобно, неприятно. Он все время просил прощения.

Эльдар Рязанов

Здесь у вас на стене большой портрет Че Гевары.

Я знаю, что вы сделали о нем документальный фильм. Это что — любовь юности? Откуда такая потребность души, — сделать о нем фильм?

Пьер Ришар

Тридцать лет назад молодежь всего мира восхищалась Че Геварой. Поскольку у меня была возможность поехать на Кубу, я снял фильм о нем. Я встречался со многими людьми: с его отцом, с его женой, с его дочкой, с его друзьями детства. И с его бойцами. И сделал о нем документальный фильм.

Гевара — один из самых мифических персонажей двадцатого века. Мне повезло, я встретил людей, которые прекрасно его знали и любили. И говорили о нем такие великолепные слова. Эта историческая фигура вызывает у меня огромный интерес.

Эльдар Рязанов:

У фильма была хорошая прокатная судьба?

Пьер Ришар

Я его снял не для того, чтобы его показывали. Сделал для собственного удовольствия. И когда он был готов, я продал его телекомпания «ТФ-один». Они показали его один раз в десять часов вечера по телевизору.

Любопытно то, что и сейчас двадцатилетние иногда пожимают мне руку на улице и говорят: «Спасибо за то, что вы сняли фильм о Че Геваре».

Эльдар Рязанов:

Я знаю, что вы сейчас выступаете и в театре.

Пьер Ришар:

После двадцатилетнего перерыва мне очень захотелось вернуться в театр, захотелось увидеть публику перед собой, почувствовать немедленную реакцию людей. Когда выходишь на сцену, то боишься значительно больше, чем в кино. На подмостках ты не можешь сделать второго дубля. В зале сидят люди

и смотрят на тебя. Они смеются. Происходит какой-то обмен энергией. Этого нет в кино. Мне захотелось все это испытать снова. И всю зиму я гастролировал в семидесяти семи городах Франции, в семидесяти

«Я знаю, русский народ меня любит, и хочу сказать: я тоже очень люблю русских! Очень хотел бы к вам приехать и сняться в российском фильме»

Эльдар Рязанов
Пьер Ришар

семи театрах. Совершенно разная публика. Это было великолепно.

В кино, если вы хорошо сыграли, удовлетворение приходит позже, если плохо сыграли, наказание приходит тоже позже. А в театре, хороши вы были или плохи, удовлетворение или наказание — это приходит сразу. И мне вот хотелось ощутить именно это.

А что вы играли? Кого?

Это пьеса Фейдо. Фейдо — французский автор конца девятнадцатого — начала двадцатого века, очень известный. Он писал очень смешные пьесы. Порой водевили. Но то, что я играл на этот раз, — это не водевиль. Это были семейные сцены, но тоже очень смешные.

На самом деле комическое — это трагические вещи, рассмотренные с другой точки зрения. И тогда они становятся смешными. Фейдо умеет ужасно трагические вещи поставить перед кривым зеркалом и сделать их забавными. Вот в такой пьесе я и играл...

Эльдар Рязанов:

Прекрасно то, что в вас нет ничего актерского. Вы искренний, нормальный, милый человек. Вы довольны своей жизнью? Счастливы?

Пьер Ришар:

Я очень рад многим вещам в моей жизни. Но, разумеется, далеко не всему. У меня есть определенный дар и вкус к счастью. Счастье надо растить. Надо уметь быть счастливым. Я не всегда счастлив, но я всегда его ищу и в себе и в других. Иногда я упрекаю себя в том, что мне не хватает глубины. Но я достаточно глубок, чтобы понять, что мне не хватает глубины.

Эльдар Рязанов:

Вы любите людей?

Пьер Ришар:

Да, конечно. Но все-таки достаточно выборочно к ним отношусь. Я люблю тех людей, которые являются Людьми. Есть категория людей, которых я не люблю. Не люблю политиков, не люблю тех, кто рвется к власти. Мне симпатичны люди такие, как вы, как я, обычные нормальные люди.

Эльдар Рязанов:

Что бы вы хотели сказать русским зрителям, которые вас знают, любят и помнят?

Пьер Ришар:

Как это трогательно для актера, который живет за три тысячи километров, как это трогательно, когда тебя так сердечно принимают люди в другой стране на улице, в кафе, в магазине. Актеру нравится, когда его любят. И когда ему об этом говорят, он тоже хочет сказать в ответ о своей любви.

Я знаю, русский народ меня любит, и хочу сказать: я тоже очень люблю русских! Очень хотел бы к вам приехать и сняться в российском фильме.

Марина Влади:

*«Я хотела написать,
почему Володя умер
в сорок два года...»*

Наша съемочная группа приехала в небольшой городок Мезон-Лафит, что в тридцати минутах езды от Парижска. Так Владимир Высоцкий любил называть прекрасную столицу Франции. Я не случайно заговорил о Владимире Семеновиче. Ибо позади меня находится дом Марины Влади.

Старшее поколение наших зрителей помнит Марину Влади как замечательную «Колдунью» из франко-шведского фильма, поставленного по повести Куприна «Олеся». Тогда Марина Влади буквально ворвалась в нашу жизнь.

В те годы многие наши девушки стали копировать ее прически и ее пластику. Загадочная, с таинственным прищуром глаз блондинка действительно сводила с ума очень многих. А для людей среднего поколения Марина Влади — жена нашего великого поэта, певца, актера — Владимира Семеновича Высоцкого.

Сейчас у нее третий период, я бы его назвал «поствысоцкий». Об этом мы знаем значительно меньше.

Я хочу, чтобы вы получили представление о Марине Влади не только как о жене Высоцкого, не только как о русской, живущей во Франции, а как о крупной актрисе французского кино. Вы, верно, знаете, что она русского происхождения. Что «Влади» — ее псевдо-

ним, — сокращенное от Владимировны. Вообще-то она Марина Владимировна Полякова. Мы звоним в калитку. Открывает сама Марина. Мы входим на лужайку перед красивым двухэтажным домом. Прыгают, гавкая, три дружелюбных пса. Здравуемся с хозяйкой, обмениваемся приветствиями. Я дарю Марине Владимировне видеокассеты с моей четырехсерийной телепередачей о Высоцком, которая вышла еще в январе 1988 года, свою книгу о нем, пластинки. Разговор начинается сразу же, мы пере-

скакиваем с темы на тему, не закончив одно, переходим к другому.

Эльдар Рязанов: (показывая на дом): Вы давно в этом доме живете?

Марина Влади: Да. Это мой дом. Я имела возможность купить его, когда мне было пятнадцать лет.

Эльдар Рязанов: Откуда в таком возрасте столь огромные деньги?

Марина Влади: Гонорар за двенадцать картин в Италии. Мы там работали по пятнадцать часов в день. Я начала сниматься с одиннадцати лет.

Все заработанные деньги ушли на дом. Я совершенно ни на что не тратила, экономила: не одевалась, не ела в ресторанах и так далее. Но зато вся семья получила возможность здесь жить.

Эльдар Рязанов: И ваши родители?

Марина Влади: Папа, к сожалению, умер до моего успеха. Но мама моя, мои сестры, все наши дети, — а у нас их четырнадцать, — жили в этом доме.

Родилась я в маленькой трехкомнатной квартирке, где жили всемером. Отец все время пел, мать танцевала. Детство было чудесное. Но очень, очень бедное. И Володя тут жил и любил этот дом. Он очень много писал тут... А вот видите три березки? Мы их посадили, когда мы — три сестры — играли «Трех сестер» в театре. Это было еще до встречи с Володией. Березам уже тридцать лет.

Эльдар Рязанов: Вас было три сестры?

Марина Влади: Четыре.

Эльдар Рязанов: Вместе с вами?

Марина Влади: Со мной четыре. У меня было три сестры.

Эльдар Рязанов: И две из них стали артистками?

Марина Влади: Мы все были артистками. Ольга начала в театре первая. В Гранд-опера. Потом в театр поступила Татьяна. И Милица. Они работали десять лет балеринами. Потом я тоже пошла в танцовщицы, когда мне исполнилось девять лет. Но через какое-то время Ольга — моя старшая сестра — стала режиссером телевидения. Она сменила профессию. Но мы, три сестры, остались актрисами. И были очень знаменитыми. Мы играли чеховских трех сестер. Это был высший пик

1954 год.
Шестнадцатилетняя
Марина Влади
играет в комедии
«Дни любви»
знаменитого
неореалиста
Джузеппе де Сантиса
роль своенравной
Анджелы

нашей жизни. Мы имели счастье работать вместе.
Целый год!

Эльдар Рязанов: Был большой успех?

Марина Влади: Очень большой. И на парижской сцене! В чудесном театре. Спектакль поставил Барсак, известный режиссер, тоже русского происхождения. Мы играли целый сезон, то есть более трехсот представлений.

Эльдар Рязанов: Каждый день?

Марина Влади: Каждый день. А в субботу и в воскресенье — два раза.

Эльдар Рязанов: А мама успела посмотреть спектакль?

Марина Влади: Конечно. Практически каждый вечер.

Эльдар Рязанов: Счастлива была?

Марина Влади: Конечно. Она всегда сидела во втором ряду.

Эльдар Рязанов: Расскажите о родителях, о папе и маме. Они познакомились в Белграде?

Марина Влади:

Да.

Эльдар Рязанов:

Как папа попал во Францию?

Марина Влади:

Попал в тысяча девятьсот пятнадцатом году как летчик. Он пошел добровольцем во французскую армию. Стал одним из первых французских летчиков. Потом в бою его самолет подбили, папа был очень серьезно ранен. И остался во Франции. Он любил пение, был певцом.

Эльдар Рязанов:

Он был профессиональным певцом? Где-то учился или выступал как любитель?

Марина Влади:

Он окончил Московскую консерваторию.

Эльдар Рязанов:

И будучи профессиональным певцом, пошел воевать?

Марина Влади:

Он был единственный сын вдовы. Поэтому его не взяли в армию. Но папа пошел добровольцем. После войны поступил в оперу, стал известным солистом. И когда выступал с французской оперой в Белграде, то там встретил маму. А мама уехала из России в девятнадцатом году. Она была дочь генерала белой армии, окончила Смольный институт. В семнадцатом году. Это был последний выпуск Института благородных девиц. Мама была не профессиональная танцовщица, но выступала в театре. Отец увидел ее на сцене и сразу влюбился. Очень быстро родилась моя старшая сестра Ольга. Они в двадцать восьмом году переехали в Париж. А в тридцать восьмом году появилась на этом свете я. Семья была дружная?

Эльдар Рязанов:

Марина Влади:

Замечательная. Но богема. Люди приходили, уходили, открытый дом. Артисты пели, художники показывали картины, все говорили о политике. Мы жили в пригороде Парижа, в Клиши. Потихоньку становились беднее и беднее. Ведь я родилась, когда отцу было пятьдесят, а матери более сорока. Они уже не выступали в театре, не зарабатывали.

Эльдар Рязанов:

Я знаю, что вам пришлось содержать семью в весьма молодом возрасте.

Марина Влади:

Да. Я стала зарабатывать довольно много денег, можно сказать, с детства. Я умела хорошо дублировать фильмы и озвучивала все детские роли. В восемь лет я зарабатывала больше, чем отец. Он стал к тому времени рабочим. Уже не пел. Мне

После роли лесной дикарки в фильме режиссера Андре Мишеля «Колдунья», созданном по мотивам повести А.Н.Куприна «Олеся», о Марине узнали в нашей стране. 1956 г.

Эльдар Рязанов:
Марина Влади:

было восемь, а ему под шестьдесят. Он был простым рабочим на фабрике? Да. А мама не работала, занималась домом. Много детей. А потом и возраст. И не надо забывать, шла война. Тяжелое, трудное время для всех.

Эльдар Рязанов: Где жила семья во время войны, там же в Клиши? В оккупированной зоне Франции?

Марина Влади: Да, там же. Под немцами.

Эльдар Рязанов: А немцев живых помните? Вам было лет пять-шесть...

Марина Влади: Конечно, помню. Помню прекрасно. Для них мы были никто, нас не тронули. Но я была очень травмирована войной. Вспоминаю ее с ужасом. Мы жили около большого вокзала, который бомбили все время. И американцы потом бомбили. И голод. Мы же голодали. Моя мать похудела на тридцать килограммов в те годы. Она ничего не ела, все отдавала детям. И были очень суровые зимы. У нас не было отопления, спали одетыми, в пальто. Я помню, у отца был полушубок, нас им накрывали. Когда отец уходил на работу, он давал мне кусочек мяса. Он единственный в семье ел мясо, потому что работал. Он мне давал маленький кусочек мяса, и я его весь день сосала. Отец был совсем не коммунист. Он был анархистом, но родители очень переживали за Россию.

Эльдар Рязанов: Дома говорили по-русски или по-французски?

Марина Влади: Только по-русски. Первый язык был русский. Тем более я была воспитана бабушкой, матерью моего отца, которая приехала в Париж в тридцать шестом году. Она была очень старая, жила у нас. Именно она воспитывала меня до шести лет. Я до шести говорила только по-русски. А уж потом стала учиться французскому...

В это время с улицы на лужайку вошел невысокий пожилой человек с портфелем в руках. Проходя мимо нас, он поклонился. Марина остановила его и стала нас знакомить. Мы поняли, что это ее муж, знаменитый доктор, онколог, бывший министр здравоохранения, отважный общественный деятель. Нам как обывателям, конечно, было интересно поглазеть, кого выбрала Марина Влади после Высоцкого. Она, верно, тоже это почувствовала и отрекомендовала его весьма странно.

Марина Влади: Это мой компаньон жизни Леон Шварценберг...

Мы: Очень приятно.

Марина Влади: Знаменитый онколог, с которым я живу уже несколько лет...

Мы: Очень приятно.

Леон Шварценберг: Мне очень приятно с вами познакомиться...

Мы: И нам очень приятно...

После обмена несколькими любезными фразами хирург-онколог удалился в дом, а хозяйка пригласила нас попить чайку. Дальше беседа продолжалась за самоваром, купленным в Ницце, который служил реквизитом в «Трех сестрах», а теперь в него наливают кипяток и ставят на стол во время чаепития.

Эльдар Рязанов: Марина, ситуация у нас с вами не простая. Вы снялись более чем в сотне фильмов. Говорить о фильмах — не хватит ни времени, ни места...

Марина Влади: ...ни памяти...

Эльдар Рязанов: Итак, вы начали сниматься в одиннадцать лет, и первый ваш значительный фильм — это «Дни любви» режиссера Джузеппе де Сантиса, одного из отцов неореализма...

Кстати, вы играли в каком-либо фильме вместе с Высоцким?

Марина Влади: «Очаровательная врунья». Комедия Марты Мессарош. В Венгрии. Марта — очень хороший режиссер. Это была единственная картина, где я снималась вместе с Володей. У нас там прелестная сцена была, где мы под снегом, флирт такой... И в конце концов он меня целует. Он там очаровательный просто, и сцена получилась очень красивая. Это был единственный раз, когда мы снимались вместе. Я не хочу снова рассказывать, как нам не дали жить в Советском Союзе. Но, к сожалению, нам не дали и сниматься вместе. Это ужасно. Мы могли бы больше жить вместе.

Эльдар Рязанов: А в «Пугачеве» вы должны были играть Екатерину Вторую?

- Марина Влади:** Екатерину, конечно.
- Эльдар Рязанов:** А он — Пугачева?
- Марина Влади:** Конечно. Пробы у него были чудесные.
- Эльдар Рязанов:** Я видел эти пробы. Очень сильные.
- Марина Влади:** Я делала только пробы костюмов. Но самое смешное, что все-таки снялась в роли Екатерины, только у японцев.
- Эльдар Рязанов:** А что это за фильм был?
- Марина Влади:** Название вроде «Сны России» или «Сны о России». Снимался три года назад.
- Эльдар Рязанов:** Вы все-таки сыграли Екатерину, а он Пугачева в кино так и не сыграл.
- Марина Влади:** Нет, к сожалению. Это большая потеря. Он был бы гениальным Пугачевым. Но пробы существуют, вы должны их найти. Это удивительно, как он там играл.
- Эльдар Рязанов:** Марина, а в Россию как актриса вы попали, когда вас пригласил Сергей Юткевич в фильм «Сюжет для небольшого рассказа»?
- Марина Влади:** Да, это очень смешно. Я с Юткевичем познакомилась в свои пятнадцать лет, когда получала первый раз в Каннах премию за фильм «Перед потопом».
- Эльдар Рязанов:** Режиссер Андре Кайатт?
- Марина Влади:** Кайатт. Мы получили премию критики, это очень хорошая премия. И меня не пускали в зал, потому что мне не было шестнадцати лет и я не имела права видеть этот фильм по возрасту. И меня провел Серж Юткевич.
- Эльдар Рязанов:** А он был членом жюри, наверное, как всегда?
- Марина Влади:** Как всегда. Так мы познакомились. Потом иногда делились на фестивалях. И однажды он мне предложил роль Лики Мизиновой. А я обожаю Чехова. Это мой любимый писатель и драматург. Я часто играла Чехова в театре и в кино тоже. Я сразу сказала: «Да». Я не знала тогда, что после этого буду двенадцать лет жить в России. Я снималась год, и за это время Володя Высоцкий стал моим любимым человеком, стал моим мужем.
- Эльдар Рязанов:** Когда начинали играть в этом фильме, вы, наверное, изучали и Чехова, и его дневники и письма?
- Марина Влади:** Конечно.

Эльдар Рязанов

Тогда объясните мне, почему Антон Павлович не женился на Лике Мизиновой? Как вы думаете?

Марина Влади

Я думаю, он не был влюблен сексуально. Он не был любовником. Это мое мнение. Он был очень одино-

Впервые в русской картине Марина играла в фильме «Сюжет для небольшого рассказа» режиссера Сергея Юткевича в 1970 г.

В роли Лики Мизиновой — Марина Влади, в роли Чехова — Николай Гринько. Мария Чехова — Ия Саввина

кий человек. Думаю, у него были какие-то проблемы с женщинами.

Лика была девчонка. Он так описал все ее страдания в «Чайке», что можно не рассказывать. Он просто не сумел ее любить, я думаю. А может быть, она не сумела его любить, как надо. Он был, вероятно, довольно трудный человек в жизни. То есть он был очаровательный, добрый, тонкий, интеллигентный, гуманист и так далее. Чистый гений. Я его ставлю на одном уровне с Шекспиром. Но...

Эльдар Рязанов:

Но вернемся к Высоцкому. Расскажите, как он вас атаковал!

Марина Влади:

Я была в Театре на Таганке, смотрела спектакль «Пугачев».

Эльдар Рязанов:

Там Володя Хлопушу играл.

Марина Влади:

Я обалдела. Это был гениальный актер, замечательный, очень сильный!

Эльдар Рязанов

А про его песни вы ничего не знали тогда?

Марина Влади

Нет, знала только, что в этом знаменитом Театре на Таганке есть прекрасный актер. Вечером мы пошли

в ресторан ВТО, в актерский ресторан. И Володя пришел после спектакля. И стал на меня в упор смотреть. Я к этому привыкла. На меня часто смотрели. Конечно, была тронута, что нравлюсь такому актеру. На сцене он меня потряс. А тут я увидела мальчика. Он был совсем никакой. Худенький. Не очень высокий... Но, конечно, на сцене он был гигант. А в жизни — совсем незаметный, на улице на такого не обратишь внимания.

Эльдар Пязанов: А когда услышали его пение?

Марина Влади

В тот же вечер у Макса Леона — корреспондента «Юманите». Там Володя стал петь. Специально для меня. А потом сказал: «Ты будешь моей женой».

Эльдар Пязанов.

Марина Влади

В первый вечер?

Да. Я только похихикала. Решила, что мальчик видел меня на экране, и, по всей вероятности, я ему понравилась. Но он мне не понравился вначале.

А потом мы встречались долго, почти год, до того как стали... в общем вместе...

Эльдар Пязанов

Я видел, у вас на стене в рамке под стеклом висит его последнее предсмертное стихотворение. Это жуткая традиция наших поэтов. И Есенин оставил перед смертью, и Маяковский, и Высоцкий...

Марина Влади

Я его только после смерти нашла. Оно у него было в бумагах, где все было зарыто, разрыто. Очень повезло, что я его нашла.

Эльдар Пязанов

Мы приехали, чтобы сделать передачу о вас, но все время разговор переходит на Володю. Впрочем, Высоцкий — большая глава вашей жизни.

Марина Влади

Это самая главная глава. И так останется. Володя со мной все время. Все случилось как будто вчера. Для меня ничего не отошло, ничего не стерто, ничего. И переживания, и то, что его не хватает. Когда открывали памятник, я не могла поехать и послала слова, которые хотела бы произнести. Написала о том, как его не хватает сейчас России. Не хватает, чтобы описать трагедию народа. Он мог и что-то дельное предложить. Володя был удивительный ясновидец. Его стихи, написанные двадцать—тридцать лет назад, — это же о сегодняшних страданиях народа,

«Володя пел специально для меня. А потом сказал: «Ты будешь моей женой»».

Эльдар Рязанов
Марина Влади

о сегодняшних его бедах. А ведь при жизни не было ни одного афишного концерта. Но произошло главное — он стал частью нашей культуры, нашей жизни. Так же, как Есенин или Маяковский...

Так вот, о страданиях людей. Я недавно была в Одессе, снималась там...

Вы бывали там раньше с Высоцким?

Да. Он там много снимался. Мы очень часто жили в Одессе. Оттуда улетали, уезжали поездом, уплывали пароходом. Между прочим, и в свадебное путе-

шествие на теплоходе «Грузия». Но в последний раз Одесса меня просто потрясла... Я жила в России двенадцать лет, но никогда не видела детей, которые роются в помойках. А сейчас я это видела. И для меня это такой ужас, такой стыд! Не могу этого простить.

Эльдар Рязанов: Раз у нас не получается беседа о кино, давайте поговорим о мужьях. Начнем по порядку. Робер Оссейн, отец ваших двоих сыновей, ваш партнер по многим фильмам и ваш режиссер.

Марина Влади: Мы встретились, когда мне было пятнадцать лет, а ему двадцать пять. Я его знала, потому что он дружил с моими сестрами. Он ведь тоже выходец из России, его настоящая фамилия Хусейн. Отец его из Узбекистана, а мать из Киева. Когда я была уже звезда, уже существовала «Колдунья», он предложил мне роль в своем первом фильме «Мерзавцы спускаются в ад».

Эльдар Рязанов: «Мерзавцы...» — это первая режиссерская работа Оссейна?

Марина Влади: Да. Мы оба снимались в этом фильме. Хорошая картина, кстати, имела большой успех.

Эльдар Рязанов: А о чем она?

Марина Влади: Что-то эдакое... полицейское...

А потом мы поженились. Через год родился старший сын, Игорь, потом Пьер. Я снималась с Робером в пяти или шести картинах. И только в его фильмах. Но когда мы развелись, я фактически осталась без работы. Ведь от предложений других постановщиков я до этого отказывалась.

Эльдар Рязанов: А разошлись из-за чего?

Марина Влади: Сложная, длинная история. Долго рассказывать. Когда выходишь замуж в семнадцать лет... У меня были надежды иметь шестерых детей, организовать свой театр. А он стремился только делать кино. Детей иметь не хотел... Просто мы были очень молодые... и после пяти лет совместной жизни разошлись... Ну, потом мне повезло. Я — «Принцесса Клевская» — это мой самый большой успех в жизни, это ведь французская классика. Режиссер Жан Деланнуа.

- Эльдар Рязанов:** Подождите, Марина. Насколько я знаю, у вас три сына. Откуда взялся третий?
- Марина Влади:** Я вышла замуж за летчика. У него в Африке была своя авиакомпания. Настоящий такой мужик. Авантюрьер.
- Эльдар Рязанов:** Супермен, что ли?
- Марина Влади:** Да, да. Супермен. Я встретила его, когда снималась в Африке. Его зовут Жан Клод Бруйе.
- Эльдар Рязанов:** Он был действительно летчик? Или хозяин авиакомпании?
- Марина Влади:** Он был герой-летчик. Построил много аэродромов в Африке. Он сотни людей спас на своем маленьком самолете.
- Эльдар Рязанов:** От чего спас? От землетрясения, от голода?
- Марина Влади:** Он перевозил больных людей. Доставлял их в больницы. Потом основал авиакомпанию. Очень богатый человек. Гасконец к тому же...
- Эльдар Рязанов:** (Тут я блеснул эрудицией, прочитав наизусть монолог Сирано де Бержерака из пьесы Э.Ростана.)
- Дорогу гвардейцам-гасконцам!
Мы дети одной страны.
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены.*
- Марина Влади:** Вот-вот... Он мне понравился. Мы поженились. Я всегда хотела иметь большую семью. Хотела еще иметь детей.
- Эльдар Рязанов:** Наверное, потому, что выросли в такой семье, где было много ребятишек.
- Марина Влади:** После рождения третьего сына я перестала сниматься, занималась детьми, домом.
- Эльдар Рязанов:** То есть стали домашней хозяйкой?
- Марина Влади:** Да, можно так сказать. Хотя у меня была и своя яхта, и свой самолет, и много прислуги, и кухарка, и шофер, и садовник... Но я очень быстро стала скучать без съемок, без работы в театре. Я всю жизнь сама зарабатывала деньги, много работала.
- Эльдар Рязанов:** Вы жили в Африке тогда?
- Марина Влади:** Мы жили довольно долго в Африке, потом поселились на юге Франции. У нас был чудесный дом, самый

красивый дом на юге. Дальше мне стало невмоготу — я не могла не работать. Тут вопрос встал очень серьезно, Жан Клод не хотел, чтобы я уходила в кино. Не хотел, чтобы вы снимались?

Эльдар Рязанов:

«Володя со мной все время. Для меня ничего не отошло, ничего не стерто, ничего...»

Марина Влади

Нет. И сделал большую глупость. Он вполне мог стать моим продюсером, денег у него хватало. У него их было много. Но так не случилось, и мы расстались. И я улетела в Россию. А там встретила Володю.

Эльдар Рязанов

На правах давнего знакомства еще один, пожалуй, щекотливый вопрос. Русский менталитет — особенный менталитет. После того, как погиб Джон Кеннеди, у нас многие осуждали Жаклин, которая не осталась верна его памяти и вышла замуж за Онассиса. Хотя, казалось бы, какое нам дело до

Городок Мезон-Лафит неподалеку от Парижа. Мы в саду Марины Влади. Сзади дом, который она купила в возрасте 15-ти лет на гонорар от своих первых фильмов, снятых в Италии

Как сказала Марина: «Это мой компаньон жизни Леон Шварценберг... Известный врач, общественный деятель. Защищает бездомных. И я очень горжусь, что я рядом с ним...»

американского президента и его вдовы? А Володя Высоцкий для нашего народа куда больше, чем любой президент. И вдруг женщина, которую он обожал, которой посвящал стихи и так далее... Вы понимаете, что я имею в виду.

Марина Влади:

Конечно, понимаю. И совершенно спокойно отвечу на ваш невысказанный вопрос. Речь идет о Леоне Шварценберге, так ведь?.. Когда я осталась без Володи, мне было сорок два года. Жизнь продолжалась, я ведь не умерла. И через какое-то время, то есть через три года я встретила человека, который совершенно другой. Он старше меня на пятнадцать лет, он полюбил меня и смог помочь мне — я ведь пережила ужасную трагедию, потеряв Володю. Леон дал мне возможность жить и работать, и чувствовать себя нормальной женщиной. Когда Володя умер, я снималась в фильме, который назывался «Сильна, как смерть», по Мопассану. Я улетела на два дня в Москву на похороны, а потом продолжались съемки.

Я стала работать, как сумасшедшая. Все, что мне предлагали, я брала, брала, брала. Но так получилось, что я встретила этого человека, именно этого. Думаю, что никто другой не мог бы мне так помочь. Леон известный врач, профессор-онколог, но он еще и общественный деятель. Очень много работает в области социальных проблем. Он был министром здравоохранения Франции. Занимается политикой. Он — личность. И я очень горжусь тем, что я рядом с ним. Сейчас он защищает бездомных людей. Эти несчастные взламывают двери пустующих домов и занимают их. Леон в гуще событий. Его бьют полицейские, а ведь ему все-таки семьдесят три года. Он очень храбрый. Считаю, что, живя с человеком таких высоких моральных качеств, я не оскорбляю Володю. Наоборот!

- Эльдар Рязанов:** Марина, вы были в своей жизни одарены любовью прекрасных мужчин. Это огромное счастье. Один — замечательный режиссер и актер, другой — летчик, храбрый, смелый, отважный. Третий — потрясающий певец, артист, поэт. Сейчас мужественный врач...
- Марина Влади:** А почему вы не говорите, что эти люди были одарены моей любовью? Я знаю только одно — что умею любить. Это точно.
- Эльдар Рязанов:** Я-то считаю, что уметь любить — это талант, данный не всякому.
- Марина Влади:** Я умею любить потому, что отдаю все. Но и беру тоже все.
- Эльдар Рязанов:** Максималистка?..
- Марина Влади:** Да, конечно. Максималистка.
- Эльдар Рязанов:** Были ли в вашей жизни случаи, когда вы становились инициатором в любви?
- Марина Влади:** Я думаю, что всегда решает женщина.
- Эльдар Рязанов:** Мужчине только кажется, что решает именно он?
- Марина Влади:** Разумеется. Решение всегда остается за женщиной.
- Эльдар Рязанов:** Уже больше ста лет тому назад подошел к перрону поезд братьев Люмьер. Что происходит в кино сейчас? Каково ваше отношение? Не чувствуете ли вы, что этот поезд французского кино куда-то уходит, а вы остаетесь, как пассажир, который опоздал? Или

Марина Влади:

нет этого ощущения? И вы по-прежнему едете в поезде французского кино? Извините за красоту...

Я сейчас не работаю в кино. Теперь пишу роли для женщин, которым двадцать пять — тридцать лет максимум. То есть женщина в моем возрасте имеет возможность сыграть в кинокартине одну или три хороших сцены. Мать или, не знаю, директриса какого-то завода. Если что-то подобное предлагают, я не отказываюсь. Но вообще сейчас я работаю в театре. Играю большие прекрасные роли. Только что играла «Вишневый сад», Раневскую. Можете себе представить? Это сон моей жизни! Этот спектакль поставил Марсель Маришель, наш самый лучший режиссер... Я играю Гертруду в «Гамлете» Шекспира. В следующем моем спектакле буду играть Марину Цветаеву. Специально для меня молодая писательница сделала пьесу про Цветаеву. Для двух актеров: Марина и ее сын.

Эльдар Рязанов:

Русская писательница?

Марина Влади:

Француженка. Тридцатилетняя девчонка. Я плакала все время, пока читала пьесу.

Эльдар Рязанов:

А вы любите поесть?

Марина Влади:

А вы не заметили?

Эльдар Рязанов:

Нет.

Марина Влади:

Очень люблю. Обожаю. И люблю готовить.

Эльдар Рязанов:

Но держите себя в узде?

Марина Влади:

Теперь нет. До сорока лет держалась, а теперь нет.

Эльдар Рязанов:

Это еще с балета шло, вот так держать себя в форме?

Марина Влади:

Да. А в детстве еще и нужда. Я до сорока лет с хвостиком играла первые роли в кино, то есть любовниц, героинь. Надо было быть худенькой. Ведь теперь только худые женщины считаются красивыми...

И еще очень важная часть моей жизни — это книги.

Володя мне часто говорил: «Ты должна писать. Когда-то ты будешь писать, я уверен. Ты мне пишешь такие письма... У тебя есть литературный дар». А я говорила: «Ты знаешь, я и пою, и снимаюсь, и играю в театре... Хватит».

Но в восемьдесят пятом году я решила, что надо рассказать правду о Володе. О том, как мы жили с ним,

что он пережил, почему умер в сорок два года. И я написала книгу «Владимир, или Прерванный полет». Эта книга открыла мне путь в литературу.

Эльдар Рязанов:

Она имела огромный успех в нашей стране.

Марина Влади:

Огромный успех везде в мире. Переводы на семнадцать языков. И в России, конечно, удивительный успех. Когда я увидела, что могу писать, я написала воспоминания. И о сестре, и о родителях, и о жизни вообще. В этой книге все подано через наших домашних животных: псы, кошки, куры, птицы. Книга была издана и тоже имела успех. А потом я сочинила роман. Называется «Венецианский коллекционер».

Эльдар Рязанов:

Это что-то выдуманное, то есть беллетристика?

Марина Влади:

Это совершенно выдуманное. Прежде были воспоминания, мемуары, а это — роман с придуманным сюжетом. Героиня — актриса. Я взяла знакомый материал.

Эльдар Рязанов:

Там есть какие-то автобиографические моменты?

Марина Влади:

Нет, совершенно нет. Наоборот. Я написала женщину, противоположную мне по характеру.

Эльдар Рязанов:

А эта новая книга, «Путешествие Сергея Ивановича» — о чем?

Марина Влади:

Эту книгу я написала, потому что слышала рассказы молодых парней про Афганистан. И решила, что надо рассказать про эти факты. Книга издана на французском уже около двух лет назад. Критика была замечательная. Существует и перевод на русском языке. Жду русского издателя.

Эльдар Рязанов:

Марина, а у вас есть какие-то еще литературные планы?

Марина Влади:

У меня выходит новая книга, толстая. Также рассказы. Про еду.

Эльдар Рязанов:

То есть кулинарная книга? Вы знаете, последняя книга Александра Дюма была кулинарной...

Марина Влади:

Нет, моя книга — это не рецепты. Это воспоминания около еды, это встречи вокруг стола, застолья, пьянство, друзья, байки... Скоро выйдет в свет.

Эльдар Рязанов:

А вы не думали издать когда-нибудь вашу переписку с Володей? Когда-нибудь?

Марина Влади:

Тут есть одна большая сложность — все мои письма

исчезли. Все Володины письма, естественно, у меня дома. Но мои письма исчезли. Когда Володя умер, многие вещи, к сожалению, исчезли из дома. Среди них — мои письма. Они всплывают иногда... Бывает, что мы покупаем пачки моих писем.

Меня ведь обвинили, что я продала все рукописи Володи. Но не будем говорить про гадкое прошлое.

Все, что было написано Володей, я сдала в ЦГАЛИ (теперь РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства. — Э.Р.). Все, кроме его писем, написанных мне. Их я пока не сдала. Но обещала девочкам из архива, что когда-нибудь отдам и письма...

Эльдар Пязанов:

Замечательно, что вы любите работу, что вы жизнерадостны, полны энергии, что вы красивы, что вы замечательно выглядите. Я желаю вам, чтобы все в вашей жизни сбылось, все, что вы хотите. И чтобы вы не забывали, что есть еще одна страна, где вас любят, ждут и помнят.

Марина Влади:

А я желаю, чтобы все люди в России, которые сейчас страдают и переживают, стали бы жить лучше. Невозможно, что такая огромная страна, с такой историей, таким интеллектуальным богатством не может создать своим людям достойные условия для жизни. Сердце болит...

Боюсь, после нашей беседы у читателя не возникнет яркого представления о творческом лице замечательной актрисы Марины Влади. Мы в нашем разговоре все время сворачивали с искусства на другие, житейские, темы. Но зато, надеюсь, читатель узнает замечательную женщину Марину Влади. Почувствует ее ум, сильный и цельный характер, дружелюбие, ее любовь к своей профессии...

На родной земле

Загадка ЛЮБ

Начало двадцатого
века. Сестрички Лиля
и Эля Каган

Поэзия, как мне кажется, — самый личный, самый интимный, самый исповедальный вид искусства, потому что главное в ней — это стихи о любви. Поэт, который не сочиняет стихов о любви, с моей точки зрения, не поэт. Естественно, что поэтов на эти стихи вдохновляют женщины, те, которых они любят, обожают, которые заставляют их страдать, переживать, мучиться, быть счастливыми...

Мы помним о Лауре, которую воспел в своих сонетах Петрарка и чье имя благодаря этому донес-

лось до нас через много веков. Мы поклоняемся Натальи Гончаровой, музе Александра Сергеевича Пушкина, о которой он сказал: «Моя мадонна, чистейшей прелести чистейший образец».

Вы помните, вероятно, новеллу Ираклия Андроникова «Загадка НФИ», посвященную лирике Лермонтова, в которой Андроников пытался расшифровать эти инициалы. Я нарочно взял аналогичное название, но хочу сразу открыть, о ком идет речь. Л.Ю.Б. — это Лиля Юрьевна Брик, муза Маяковского. Это женщи-

на, которой он посвятил свое первое прижизненное собрание стихов. Он посвятил ей, при первом же знакомстве, — ибо влюбился мгновенно, — и свою поэму «Облако в штанах».

Борис Пастернак писал: «Быть женщиной — великий шаг, сводить с ума — геройство». Но Лиля Юрьевна не только сводила с ума и не только вдохновляла на стихи. Она вообще не была отражением, не была тенью Маяковского. Она состоялась как самостоятельная, крупная, яркая личность. Она дружила с самыми

интересными людьми XX столетия. Ее друзьями были Пикассо и Леже, Сарьян и Тышлер, Неруда и Арагон. И этот список можно продолжать, продолжать и продолжать. Весь цвет XX века знал ее, любил ее, дружил с ней.

Любовь к Осипу Брику Лиля пронесла через всю жизнь. Какой бы мужчина ни был рядом с ней, Осип Максимович всегда существовал в глубине ее души

Правда, надо сказать, что у нее было и много врагов. Эта женщина воспринималась неоднозначно. Ее свободомыслие, ее отношение к общепринятой морали, то, как она устроила свою личную жизнь, вызывало осуждение многих. Она была окружена не только дружбой, но и враждой, не только любовью, но и ненавистью, не только обожанием, но и скандалами. И сейчас, когда ее нет, ее имя по-прежнему продолжает обрастать мифами, легендами, небылицами. Мне хочется, дорогой читатель,

рассказать правду и понять, в чем именно загадка Л.Ю.Б. — загадка Лили Юрьевны Брик.

*Если я чего написал,
Если чего сказал,
Тому виной глаза-небеса,
Любимой моей глаза.
Круглые да карие,
Горячие до гари.*

Наша съемочная группа находится в квартире, где последние 20 лет своей жизни жила Лиля Юрьевна Брик. Здесь практически все сохранилось так, как было при ней. Конечно, какие-то небольшие изменения есть, потому что здесь сейчас живут другие люди, а именно Василий Васильевич Катанян со своей женой Инной. Василий Васильевич мой самый близкий друг. Мы вместе учились во ВГИКе, знакомы и дружим, страшно сказать, с 1944 года. В 1994 году мы отметили золотой юбилей нашей дружбы. Отец Васи, Василий Абгарович Катанян, сорок лет

Маяковский был
вулкан, который
окружал Лилис
кипящей лавой

был мужем Лили Юрьевны Брик. Сам Вася — кинорежиссер, документалист, лауреат Ленинской премии. Правда, сейчас такие времена, что непонятно, надо гордиться этим или стыдиться. Но поскольку Вася получил премию за свой фильм о партизанах Великой

Отечественной войны, то думаю, что премией можно гордиться.

Василий Катанян:

Эльдар Рязанов

Гордись, гордись мною.

Я тобой не только горжусь. Я тебя просто люблю. Итак, с преамбулой мы покончили. Вася, из оставшихся в живых ты знал Лилию Юрьевну лучше и дольше всех. Что это была за женщина? Расскажи о ее внешности, о характере, почему к ней влекло людей, из какой она семьи?

Василий Катанян:

Должен сказать, фотографии не дают о ней представления. На мой взгляд, она была нефотогенична. Есть всего несколько фотографий знаменитого фотомастера Родченко, которые хоть как-то передают ее обаяние.

Родилась Лиля в Москве. Отец ее имел адвокатскую практику, мать — учительница музыки, семья образованных московских интеллигентов. Девочкой Лиля была очень независимой, и юность у нее была тоже весьма бурная. Еще подростком она стала пользоваться у мужчин огромным успехом из-за своей красоты, которую, как я уже говорил, фотографии и портреты передать не могут.

Эльдар Рязанов

Думаю, дело было не только в красоте, но еще и в уме и независимости суждений...

Василий Катанян:

Ей было шестнадцать лет. Она с подружкой ехала в дачном поезде за город, под Петербургом. И какой-то бородатый мужик, как она пишет, очень синеглазый, с ней заговорил. Они стали перешучиваться. А когда сошли, синеглазый говорит: «Ты ко мне приходи. Вот я тебе дам телефон. Приходи, чайку попьем». И дает ей номер телефона. Выяснилось, что это Григорий Распутин. Лиля Юрьевна немножко опешила, но потом все-таки решила пойти. Очень уж ей было любопытно. К счастью, ее отговорили, не пустили.

Эльдар Рязанов

А вот что я читал у Михаила Матусовского, который жил в одной квартире с матерью Лили Юрьевны, еще до войны. Он с ее слов записал историю: мама прогуливалась с дочками, с Лилей и младшей, Эльзой.

Вдруг остановилась пролетка, и роскошный мужчина сказал: «Боже, какие очаровательные дети! Я вас приглашаю, приходите завтра в Большой театр. Для вас будут оставлены билеты, спросите на фами-

Знаменитый «треугольник», который будоражил многих, рождал немало сплетен, легенд, домыслов

Василий Катанян

лию Шаляпин». Это был сам Федор Иванович. Лиля привлекала к себе внимание еще с детских лет и до глубокой старости. Тогда ею увлекся знаменитый модельер, один из крупнейших кутюрье нашего времени Ив Сен-Лоран. Он увидел ее впервые в аэропорту, ей уже было астрономическое количество лет. И сказал только: «Какая женщина!» Они познакомились, подружились, ездили друг к другу в гости. То в Париж, то в Москву...

Осип Максимович Брик был братом ее подруги по гимназии, и Лилия Юрьевна влюбилась в него, когда ей было тринадцать лет. Но брак состоялся примерно восемь лет спустя. Брик был ее постоянной любовью. Я имею в виду не только любовь физическую, а вообще. И это кончилось только тогда, когда в сорок

пятом году он умер от разрыва сердца, поднимаясь по лестнице.

Эльдар Рязанов

Что же это был за человек и что же это была за любовь, которую Лиля Юрьевна пронесла через всю жизнь?

Василий Катанян

Лиля Юрьевна в него сразу влюбилась и влюбилась в общем на всю жизнь. Она была однолюбкой, так она писала сама.

Эльдар Рязанов

Однолюбка?! И это при том, что у нее было четыре мужа?!

Василий Катанян

Как хочешь, так и понимай. Она писала: «Я его любила больше, чем отца, больше, чем сына. О такой любви я никогда нигде не читала, я не знаю, с чем это сравнить». А Осип Максимович был очень умный, довольно холодный и равнодушный, его ничто не интересовало, кроме каких-то своих дел. Виктор Шкловский называл его «кошка, которая гуляет сама по себе».

Эльдар Рязанов.

Я хочу понять только, что же в нем было особенного, если женщина, которая сама является значительной личностью, предпочитала его?

Василий Катанян.

Думаю, это был ум. Очень большой ум и ясное понимание всего, что происходит вокруг.

Эльдар Рязанов:

Мне кажется, что ум нельзя любить всю жизнь. Я хочу понять, в чем же тут дело?

Василий Катанян:

Я тоже. Я не знаю, почему один человек влюбляется в другого.

Эльдар Рязанов:

Тогда я тебе задаю такой вопрос. А Осип Максимович относился спокойно к романам, к мужьям, привязанностям Лили Юрьевны? Ведь при нем же были все: и Маяковский, и Примаков, и твой отец. Ему это было все равно?

Василий Катанян

Они прожили как муж и жена всего год или два. После их брак в физическом смысле распался. Причем они остались в очень хороших отношениях. Это произошло еще до возникновения в их жизни Маяковского. У каждого из них появлялись свои привязанности, романы, о которых я сейчас только догадываюсь. Предполагаю. Жили они в одной квартире, но у каждого была своя комната. Куда-то вместе ходили, где-то появлялись, ездили путешествовать,

но эротическая сторона в их жизни отсутствовала. И поэтому, когда появился Маяковский, для Брика не было никакой семейной драмы.

Эльдар Рязанов: Значит, и не было никакой любви втроем, которую так смакуют многие критики? Ведь огромное количество скандалов и множество сплетен, легенд, домыслов порождено именно этой необычной ситуацией. Тем, что люди жили втроем вместе в одной квартире.

Василий Катанян: Да, да, да.

Эльдар Рязанов: Как же они там делили кровать, делили женщину? Вот что возбуждало нездоровое любопытство и порождало неприязнь к Лиле. Ее ведь многие считали просто распутной.

Василий Катанян: Когда люди чего-то не могут понять, возникают сплетни — это естественно. Потом про них было интересно сплетничать, потому что они были знаменитости. Понимаешь, про Катю и Маню неинтересно сплетничать, ведь никому не известно, кто это. В литературе можно еще привести два-три примера: Некрасов и Панаевы; Зинаида Гиппиус, Мережковский и Философов; Полина Виардо с мужем и Тургенев.

Эльдар Рязанов: Но я думаю, что здесь еще имела значение эпоха. И Лиля Юрьевна, и Осип Максимович были авангардистами, Маяковский же был футуристом. Осуществлялся поиск новых личных взаимоотношений. Считалось, что ревность — это пережиток прошлого. Недаром любимым романом Лили Юрьевны был «Что делать?», где тоже похожая ситуация.

Василий Катанян: Кстати, и Маяковский, и Осип Брик тоже страшно любили этот роман. Лиля Юрьевна прожила всю жизнь так, как она хотела. Она не желала отпустить от себя Осипа Максимовича. Она и не рассталась с ним, хотя у того была жена, с которой он провел последние свои двадцать лет, Женя Жемчужная. Женя его любила, и он ее очень любил. Маяковский и Осип Брик всю жизнь относились друг к другу невероятно нежно и очень дружили.

Мне кажется, они просто нуждались друг в друге. Маяковский был недостаточно образован, я уж не говорю о том, что он не ставил запятых в своих стихах, это делал Брик. Он тянулся к культуре, которой ему

Роман в разгаре

не доставало, которая шла к нему через Брика. А для Брика Маяковский стал событием. Он перевернул всю его жизнь. Если раньше это был человек, который занимался только юридическими делами, то после встречи с Маяковским он все это бросил к чертовой бабушке. Маяковский открыл для него поэзию, открыл другой мир, и Брик так изменился, что стал теоретиком ЛЕФа, теоретиком авангардного искусства. Он просто переродился, стал другим человеком. И первое издание «Облака в штанах» Маяковского, которое никто не хотел печатать, издал Осип Максимович на свои деньги. А деньги у него имелись — от адвокатской практики.

Эльдар Рязанов

А теперь подойдем к главному — к встрече Лили Юрьевны и Владимира Владимировича. Как зароди-

лась эта любовь, которая сыграла невероятную роль и в жизни Маяковского, и в жизни самой Лили Юрьевны?

Василий Катанян
Эльдар Рязанов

С Маяковским познакомила ее сестра Эльза. Кстати, говорят, что Маяковский сначала был влюблен в Эльзу.

Василий Катанян
Эльдар Рязанов

Это не говорят, это факт. Получается, что старшая сестра отбила возлюбленного у младшей?

Василий Катанян

Нет, получается не так. Получается, что Маяковский напал на старшую сестру. Лилия Юрьевна писала: «Как только Маяковский меня увидел, он на меня напал. Это было самое настоящее нападение. Я не знала пока два с половиной года».

Эльдар Рязанов

Неужели два с половиной года она сопротивлялась?

Василий Катанян

Нет, просто через два с половиной года они сказали Брику о том, что решили связать свои судьбы. Маяковский в первый же вечер в Лилию влюбился и в первый же вечер прочитал целиком всю поэму «Облако в штанах». Он стоял в проеме, где не было двери, и не сходя с места декламировал. И тогда супруги Брик поняли, что имеют дело с гением.

Эльдар Рязанов:

До двадцать пятого года у Володи и Лили, извини за фамильярность, была любовь. Очень непростая, со взлетами, падениями, изменами, переживаниями, трагедиями, драмами, радостями, счастьем, совместными поездками. Там было все. Однако, судя по ее мемуарам и по твоим публикациям, возникает ощущение, что он ее обожал безоговорочно. А она как бы позволяла себя любить. Разумеется, она его любила, но их чувства были неравноценными. Маяковский — был вулкан, который окружал ее и себя кипящей лавой. А она снисходила до него, но тем не менее находила время и для других привязанностей. И более спокойно переносила разлуку.

Василий Катанян:

Да. И в общем ушла от него. Когда у них начинался роман, они обещали друг другу, что когда любовь начнет угасать, они об этом скажут. И вот Лилия Юрьевна написала Маяковскому записку, что уже не испытывает к нему прежних чувств, ей кажется, что

«и ты тоже не будешь так же страдать, потому что и твое чувство ко мне тоже изменилось». Но она ошибалась. Чувство его к ней в целом не изменилось. Он не был так бешено и страстно влюблен, как это было в начале их романа, но продолжал ее любить горячо, крепко, верно. И страдал, конечно.

*И в пролет не брошусь,
И не выпью яда,
И курок не смогу над виском нажать.
Надо мною, кроме твоего взгляда,
Не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
Что тебя короновал,
Что душу цветущую
Любовью выжег.
И суетных дней взметенный карнавал
Растреплет страницы моих книжек.
Слов мои сухие листья ли
Заставят остановиться, жадно дыша.
Дай хоть последней нежностью выстелить
Твой уходящий шаг.*

Эльдар Рязанов: Что послужило поводом к истории, которая произошла в двадцать втором году, когда Маяковский и Лиля Брик добровольно расстались на два месяца? Маяковский сидел в заточении, не виделся с ней. Что это за странное расставание, с назначенным сроком?

Василий Катанян: Я думаю, что назревал любовный кризис. Причин было несколько. И бытовые, и чисто любовные. У Лили Юрьевны в это время начался роман с Краснощековым.

Эльдар Рязанов: Это кто такой?

Василий Катанян: Был такой государственный деятель, работал на Дальнем Востоке.

Эльдар Рязанов: И Маяковский об этом знал?

Василий Катанян: Знал и ревновал. В это время Краснощекова посадили, и Лилиа Юрьевна сказала: «Я не могу уйти от Краснощекова, когда он сидит в тюрьме. Это был бы нечестный поступок». Даже не сказала, а написала в письме. Когда посадили Краснощекова, Лилиа Юрь-

евна взяла к себе его дочку, которая осталась сиротой, и долгое время ее воспитывала. Дочь Краснощекова до сих пор ее очень любит.

Эльдар Рязанов:

Закончился этот двухмесячный добровольный срок отсидки. Была сочинена новая поэма. Что произошло дальше? Я знаю, что они в этот же вечер, двадцать восьмого февраля, уехали в Ленинград, чтобы снова жить вместе.

Василий Катанян

Они помирились. Как только закрылись двери купе и поезд тронулся, он ей прочитал от начала до конца всю поэму «Про это». И после расплакался. Ну, а дальше жизнь пошла как жизнь.

Эльдар Рязанов:

Эта трещина, которая образовалась, она потом склеилась или же расширялась и привела к отдельной жизни?

Василий Катанян

Кризис прошел, но трещина в их отношениях осталась.

Эльдар Рязанов:

И все равно власть Лили Юрьевны над Маяковским была безмерна?

Василий Катанян:

Она была безмерна всегда, до конца его дней. Если бы Лиля дала ему надежду даже в двадцать девятом или в тридцатом году, все бы могло, на мой взгляд, измениться. Еще в двадцать девятом Маяковский говорил, что если бы Лилечка сказала, что зимой босиком с Таганки надо на цыпочках идти в Большой театр, то, значит, так и надо было делать...

Слушай, а тебе не кажется, что мы напоминаем двух старых сплетниц, которые изо всех сил моют кости...

Эльдар Рязанов

Я лично себя ощущаю мерзким желтым писакой, который пытается залезть в койку героини и все вынюхать.

*Любовь мою,
как апостол во время оно,
по тысяче тысяч разнесу дорог.
Тебе в веках уготована корона,
а в короне слова мои —
радугой судорог.*

Портрет Лили работы
Маяковского.
Владимир
Владимирович
был не только
блестящим поэтом,
но и прекрасным
художником

Лили Брик — актриса.
Главная роль
в киноленте
«Закованная
фильмой». 1918 г.

*Радуйся,
радуйся,
ты доканала!
Теперь
такая тоска,
что только б добежать до канала
и голову сунуть воде в оскал.*

*Сердце обокравшая,
всего его лишив,
вымучившая душу в бреду мою,
прими мой дар, дорогая,
больше я, может быть, ничего не придумаю.*

После беседы с Василием Васильевичем наша
съёмочная группа, прихватив с собой Катаняна, по-

явилась на выставке, посвященной 100-летию юбилею Владимира Владимировича Маяковского. Выставка проходила в Литературном музее. Подавляющее большинство экспонатов здесь выставилось в первый раз. Их не видел до сих пор никто и никогда.

Василий Катанян:

Примечательно, что здесь, впервые в маяковскведении, существует специальный зал, посвященный Лиле Юрьевне Брик.

Скульптурный автопортрет Лили Юрьевны — эту голову она слепила в середине тридцатых годов, ведь она три года училась ваянию в Мюнхене. И хотя скульптурой занималась редко, но все-таки в тридцать седьмом году сделала голову Маяковского, эта ее работа экспонируется в музее поэта.

Эльдар Рязанов

Лиля Юрьевна была очень талантливой дилетанткой. Она лепила, занималась балетом, снималась в кино. Была кинолента, называвшаяся «Законная фильмой», по сценарию Маяковского. Там играли Маяковский и Лиля Брик. Она, естественно, героиня.

Василий Катанян:

Это фильм восемнадцатого года. Маяковский написал сценарий специально для нее и для себя. Он в фильме изображал художника, она — танцовщицу, звезду экрана. Художник ее похищал, но она тосковала по кинематографу, по своим коллегам — звездам того времени: Асте Нильсен, Чарли Чаплину, Ивану Мозжухину. Она скучала по белому полотну экрана. Оживлялась лишь на фоне белой кафельной печки или белой скатерти, которые напоминали ей экран. Эту скатерть художник вешал на стену, чтобы ее удержать.

Маяковский приходил со студии, приносил домой срезки от монтажа, то есть то, что оказывалось лишним при монтаже ленты. И Лиля Юрьевна сохранила эти срезки.

Эльдар Рязанов

И по этим срезкам фильм восстановили?

Василий Катанян:

Да. Частично, конечно. Любовь их ожила на экране в наши дни.

Уникальная
фотография:
Владимир
Маяковский, Лиля
Брик, Борис
Пастернак, Сергей
Эйзенштейн

Эльдар Рязанов: Лиля Брик писала сильные и очень свежие литературоведческие статьи. Кроме того, переводила пьесы, и эти пьесы ставились на сцене театров. А еще она вместе с Жемчужным была режиссером художественного фильма «Стеклянный глаз». Но я думаю, главный ее талант, пожалуй, заключался в том, что она внушала вдохновение. Ей посвящено огромное количество стихов. На русском языке и на множестве других. Немало художников рисовали ее портреты. Среди них Маяковский и Тышлер.

Василий Катанян (подводя меня к витрине с записками Маяковского) Надо поблагодарить Лилию Юрьевну за то, что она сохранила записки, которые Маяковский писал ей по самым разным поводам — и по пустяковым, и по серьезным. В конце каждой писульки нарисован щенок. Иногда подписано: «Щен».

Она вспоминала: «Володя научил меня любить собаку». Так оно и было. Лиля Юрьевна симпатизировала многим зверюшкам, но собаки у нее были на первом месте.

Помню, была такая записка Маяковского: «Не видели ли вы хороших собак и кошек?»

Лиля Юрьевна писала в книге под названием «Щен», что Маяковский сам чем-то напоминал щенка. Был огромный, задиристый и такой же ласковый, как щенок.

Эльдар Рязанов Я вижу записную книжку Маяковского. Знаю, что руками такие ценности нельзя трогать... Но я совершил святотатство. Естественно, оно произошло под надзором смотрительниц музея. Тут написано: «В Берлине... в Париже...»

Василий Катанян Записная книжка Маяковского, с которой он отправлялся за границу, поначалу была абсолютно чистой. И Лиля Юрьевна ему написала, что он должен купить ей за границей.

Эльдар Рязанов Это ее почерк или его почерк?

Василий Катанян Это ее почерк.

Эльдар Рязанов Понятно. Это то, что каждая жена пишет мужу, когда он едет за рубеж без нее, — что там надо купить. «Вязаный костюм, перчатки, сумку, носовые платки. Очень модные мелочи». Читаем дальше. «Духи, пудра, карандаши для глаз. Автомобильные перчатки... Автомобиль!» Вот это да! Такого поручения мне никогда не давали.

Василий Катанян Ты не Маяковский... А твоя жена не Лиля Брик.

Эльдар Рязанов Этому, между прочим, я рад. В особенности второму. Значит, машина... «Лучше закрытая, со всеми запасными частями, с двумя запасными колесами и сзади чемодан». Это еще не все. «Проекционный аппарат». А последняя запись очень трогательная: «Осе рубашки, воротник номер тридцать девять».

Василий Катанян. Машину, конечно, Маяковский привез. Это известно. И Лилиа Юрьевна была первой женщиной в Москве за рулем.

Эльдар Рязанов: Здесь еще написано: «Очень, очень люблю». Это другой почерк, не тот, который про машину писал.

Василий Катанян: Это крупный почерк, почерк Маяковского. Он записывал в этой книжке, где свидание, время или адрес. А вот этот мелкий почерк — Татьяны Алексеевны Яковлевой. В одной записной книжке и поручения Лили Юрьевны, и свидания с Татьяной. Татьяна Алексеевна вспоминала, что они ходили по магазинам, вместе выбирали костюм для Лили Юрьевны, и Маяковский советовался с ней относительно цвета «Рено», который тоже должен был купить для Лили Юрьевны.

Лилиа Юрьевна Брик знала о многих романах Маяковского: и о Наташе Брюханенко, и о Веронике Полонской, и еще о каких-то, но единственная, к кому она ревновала, — это Татьяна Яковлева. Дело здесь было не только в физической измене, а в том, что этой женщине поэт посвятил несколько стихотворений.

Эльдар Рязанов: Ходили слухи, что именно Брики помешали Маяковскому получить визу для поездки в Париж. Они боялись, что он женится на Татьяне Яковлевой. Им приписывались связи с ГПУ.

Василий Катанян: Сейчас журналист Скорятин провел очень скрупулезное исследование и нашел массу ценных документов. Но он нигде не обнаружил никаких следов того, что Маяковскому отказали в визе. Или что тот просил о визе.

Эльдар Рязанов: Зато он нашел удостоверение сотрудника ГПУ на имя Лили Юрьевны Брик... Это производит сокрушительное впечатление. Но дело в том, что в те годы многие относились к ГПУ иначе. Эта пресловутая фраза Дзержинского насчет холодного ума, горячего сердца и чистых рук имела хождение в среде интеллигенции. И в кругу близких друзей Бриков и Маяковского было очень много чекистов.

Я считаю, что мы обязаны посмотреть на этот факт с точки зрения той эпохи, а не нынешних людей, которые знают об ужасах тридцать седьмого года.

Знаменитая фотография А. Родченко, снявшего Лилию Брик для рекламного плаката «Книги!!!!!!». Кстати, это фото было использовано во время выборов президента в 1996 г. «Комсомолка» выпустила предвыборный листок с портретом Б.Н.Ельцина, которому на ухо что-то одобрительное кричит молодая Лилия

Мы подошли к витрине, где было выставлено предсмертное письмо Маяковского. Там, в частности, написано: «Лиля — люби меня. Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся».

*Как говорят —
«инцидент исперчен»,
любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.*

Эльдар Рязанов: Она действительно по-своему любила Маяковского и заботилась о нем. И ее очень угнетало, что вскоре после смерти Владимира Владимировича, у которого было много литературных врагов, начались всякие гадости. Маяковский исчез со страниц печати, его перестали публиковать. И тогда Лиля послала письмо Сталину, где написала, что Маяковский был самым крупным, значительным пролетарским поэтом, что к его памяти проявляется невероятное небрежение. Это был смелый, рискованный шаг. Никто же не знал, как относится товарищ Коба — лучший друг советских поэтов — лично к Маяковскому. Это могло для нее обернуться трагедией.

Но вдруг она была приглашена в Центральный Комитет ВКП(б) к Ежову. Ежов показал ей резолюцию Иосифа Виссарионовича на ее письме. Там было написано, насколько я помню, что «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи. И пренебрежение к его памяти преступно». И еще были такие слова, что «товарищ Брик права». После этого Триумфальную площадь назвали именем Маяковского. Одну из станций метро назвали «Маяковская», театр Революции был переименован в театр Маяковского. Его стали вписывать в школьные учебники. Как всегда у нас, меры не знали. Пастернак в своих воспоминаниях написал, что «Маяковского стали насаждать, как картошку при Екатерине, и он умер второй раз».

Через некоторое время после самоубийства Владимира Владимировича Лилия Юрьевна вышла замуж за Виталия Марковича Примакова, героя Гражданской войны, кавалериста, человека легендарной храбрости, который руководил Червоным казачеством. Казалось бы, Лилия Юрьевна, — эстетка, художница, актриса, — и военный чурбан!

Василий Катанян: Он был очень интеллигентным человеком.

Эльдар Рязанов: И образованным человеком, не лишенным литературного дарования. Случилась настоящая любовь. И Лилия вдруг начала вести кочевую жизнь жены военного. Но вскоре Примакова арестовали вместе

Герой Гражданской войны, командир Конного корпуса Червонного казачества
Виталий Примаков

с нашими легендарными военачальниками Тухачевским, Уборевичем, Блюхером.

Василий Катанян:

В архиве я нашел протокол обыска. Там была одна интересная вещь. Среди перечня того, что взято, значится: «Портсигар желтого металла с надписью “Николаша”». А Лиля помнила надпись на этом золотом дамском портсигаре полностью: «Самому дорогому существу. Николаша». Это был ни больше ни меньше как портсигар, подаренный Николаем Вторым своей любовнице, знаменитой балерине Матильде Кшесинской. Этим портсигаром молодое Советское правительство наградило Примакова за храбрость во время Гражданской войны.

Эльдар Рязанов:

Значит, он подарил его Лиле Юрьевне, поскольку это был дамский портсигар, а она тогда курила. А потом

Примакова забрали, составили акт: «Желтого металла, Николаша». И золотой портсигар безвозвратно исчез в недрах какой-нибудь гэдэушной семьи...
Прошло еще немного времени, и Василий Абгарович

Когда Суслы
посвятил «очистить
Маяковского
от еврейского
окружения Брик»,
годными
принялись
истреблять
в документах
и книгах всяческое
упоминание
о Лиле Юрьевне.
Посмотрите,
как можно «смыть»
человека,
в частности,
с фотографии

Катанян, отец моего друга, ушел к Лиле Юрьевне Брик, оставив Васину мать. Поэтому вы можете представить себе, какие чувства испытывала Галина Дмитриевна к счастливой сопернице. Вот что пишет в своих воспоминаниях мать Василия Васильевича о Лиле Юрьевне:

«Когда-то я очень любила ее. Потом ненавидела, как только женщина может ненавидеть женщину. Время сделало свое дело. Я ничего не забыла и ничего не простила. Но боль и ненависть умерли. Глупо изображать ее злодейкой, хищницей, ловкой интриганкой, как это делают мемуаристы, не понимая, что этим они унижают Маяковского. Она — сложный, противоречивый и, когда захочет, обаятельный человек. В чем-то она вровень с Маяковским. Я не слыша-

ла от нее ни одного банального слова. Она очень щедрый и широкий человек. У нее безукоризненный вкус в искусстве, всегда свое собственное, самостоятельное, ни у кого не вычитанное мнение обо всем». Эти строки говорят не только о Лиле Брик, но и об уме и большом сердце Галины Дмитриевны. Многих людей, да и саму Лилю Юрьевну, удивляло, что ее не тронули в 37-м году. Разгадка была найдена много позже. Историк Рой Медведев докопался до документов. В проскрипционных списках, представленных Сталину Ежовым, было имя и Лили Брик. Но против ее фамилии Сталин написал: «Не будем трогать жену поэта»...

В 60-х годах по распоряжению Суслова решили «исправить» биографию Маяковского. Немножко очистить Владимира Владимировича от еврейского окружения Бриков. Я помню, как на меня совершенно неизгладимое впечатление произвели две публикации одной фотографии. Маяковский снят с Лилей Юрьевной у дерева. Он стоит, как бы ее чуточку приобняв. А потом я видел эту же фотографию, Маяковский стоял в той же позе, но вместо Лили Юрьевны был ствол дерева.

Василий Катанян

Появились разгромные лживые статьи в «Огоньке». Имя ее стало вычеркиваться отовсюду. В новых изданиях сняли все посвящения Маяковского Лиле. Из его нового собрания сочинений изымали любое упоминание о ней.

Эльдар Рязанов:

Вы представляете, что испытывала очень немолодая женщина, когда на нее с лютой ненавистью обрушилось мощное тоталитарное государство. На ее глазах стали выжигать каленым железом все ее существование. У нее было ощущение, что ее просто нету, не было. Вот что она писала сестре, Эльзе Триоле, в письме от 7.11.68: «Жить здорово надоело, но боюсь, как бы после смерти не было еще страшнее...»

Василий Катанян:

Так шло месяц за месяцем, год за годом. Потом закрыли музей в Гендриковом переулке. В этой квартире они жили втроем.

Наша съемочная группа приехала в Гендриков переулок, который сейчас носит имя Маяковского. Нас встретила запертая дверь, ведущая в бывший музей. Местные женщины, с которыми я вступил в беседу, поведали, что там внутри какой-то хлам, бутылки из-под шампанского. Музей давно закрыт, ключа нет, найти невозможно. Все разрушено, разгромлено — и только ради того, чтобы из жизни Маяковского выбросить Лилию Брик.

Эльдар Рязанов: Расскажи, как Лиля Юрьевна познакомилась с Сергеем Параджановым.

Василий Катанян: Лиля Юрьевна посмотрела «Тени забытых предков» и пригласила Сережу к обеду. Он пришел, и они сразу бросились друг к другу. Взаимная симпатия возникла мгновенно. Сережа начал, конечно, все смотреть, что тут висит.

Эльдар Рязанов: В этой квартире? (Съемочная группа вернулась в квартиру Лили Юрьевны.)

Василий Катанян: Да. Тут ковры, а он же обожал ковры, картины. Он не обратил внимания ни на одну книгу, книги его совершенно не интересовали. Завязался разговор, и выяснилось, что Сережа никогда не читал Маяковского, ни строчки. Лилию Юрьевну это ничуть не обидело, только удивило: «Как, Сергей?! Даже в школе? В школе же силой заставляют его изучать». А он говорит: «Вы знаете, Лиля Юрьевна, в школе я плохо учился. У нас почти каждый день были обыски дома». Его отец был директор комиссионного магазина. «Как только милиционеры начинали подниматься по лестнице, меня заставляли глотать драгоценности: бриллианты, сапфиры, изумруды. Я глотал, глотал, глотал, они ничего не находили и уходили. А утром меня в школу не пускали, меня сажали на горшок через дуршлаг». Представляешь, что придумал! «И я пропускал занятия. Наверно, вот тогда мы и проходили Маяковского». Так он ей объяснил свое невежество.

Она его сразу полюбила за незаурядность, за талант, за человеческую щедрость, за веселье, за то, что он такой из ряда вон выходящий.

Талантливейшего Сергея Параджанова освободили из лагеря досрочно во многом благодаря усилиям Лили Юрьевны. Она была очарована его художественной натурой

Эльдар Рязанов:

И этого из ряда вон выходящего человека отправили в лагерь.

Василий Катанян:

Да. Они с Лилей Юрьевной виделись до этого всего два раза. И за эти две встречи подружились и прониклись любовью друг к другу. Арест Сережи был сильным ударом для Лили Юрьевны, как будто посадили самого близкого человека. Все годы она писала Сереже письма, и он ей из лагеря отвечал. Он слал ей совершенно потрясающие коллажи. На своей фотографии шестьдесят четвертого года, которая оказа-

Эльдар Рязанов

Три супружеские пары (слева направо): Жорж Бокье (первый) и Надя Леже (третья), Лиля Брик (вторая) и Василий Катанян (шестой), Луи Арагон и Эльза Триоле. К старости Арагоны и Лиля Брик вдрызг разругались с Надей из-за ее коммунистических убеждений и перестали даже общаться

Василий Катанян.

Юрьевна и Владимир Владимирович.

Да, да. На кольце Маяковского Лиля Юрьевна заказала выгравировать его инициалы «В.М.», а он на ее кольце — «ЛЮБ ЛЮБ», которые по кругу читались как «ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ».

Теперь к истории освобождения Параджанова. Он получил пять лет. Лиля Юрьевна боролась, писала письма во все инстанции, но ничего не получалось. Тогда она решила «натравить» на Брежнева Арагона. Влияние Луи Арагона на Западе было огромно, он был крупнейшим французским поэтом и членом французской компартии. После того, как наши войска вторглись в Чехословакию, после процессов над Даниэлем и Синявским он прервал все отношения с Советским Союзом.

Наши руководители искали повод и предлог, чтобы помириться с Арагоном. Сделали хитрый ход — был издан указ о награждении его орденом Дружбы народов. Первым побуждением Арагона было отка-

Такой Лилия Брик была незадолго до самоубийства. Она завещала развеять свой прах в чистом поле, «чтобы над могилой не надругались враги...»

заться. Но Лилия Юрьевна уговорила его не отказываться от ордена, приехать и взять ради Параджанова. Арагон на аудиенции у генсека попросил за Сергея. Брежнев отнесся к этому благосклонно, хотя никогда не слышал о таком режиссере. И буквально через неделю Параджанова освободили — ровно на год раньше назначенного срока. Это сделала Лилия Юрьевна в свои восемьдесят шесть лет.

Сереза, освободившись, полетел прямо к себе домой в Тбилиси. И ни словом не дал о себе знать. Мы были страшно поражены, что он не позвонил Лиле Юрьевне. Но она говорила: «Ну, ничего. Он только что прилетел». Потом его нет неделю, десять дней, две недели... Я говорю: «Он негодяй, мерзавец, что не дает о себе знать, даже не звонит». А Лилия Юрьевна

возражает: «Это несущественно. Главное, что он на свободе».

Эльдар Рязанов:
Василий Катанян:

И чем это кончилось?
Потом он приехал, бывал у нее. Они сидели рядом, не могли наговориться. Он слал ей подарки. И хоронил ее, кстати сказать, тоже он. Специально прилетел на похороны. Он сорвал ветку рябины тут же, рядом с террасой, и эту ветку рябины положил на гроб. Это было красиво. Он был настоящий художник.

*Может быть, от дней этих,
жутких, как штыков остряя,
когда столетия выбелят бороду,
останемся только*

*ты
и я...*

Вместе с В.В.Катаняном наша съемочная группа приехала в район Звенигорода.

Эльдар Рязанов:
Василий Катанян:

Вася, расскажи о последних днях Лили Юрьевны. Это было на восемьдесят седьмом году ее жизни. Она упала у себя дома, в спальне и сломала шейку бедра. Она очень страдала от того, что, как ей казалось, стала обузой для родных и близких. А когда поняла, что больше не сможет жить как прежде, покончила с собой. Приняла таблетки, у нее были припасены именно на такой случай.

Эльдар Рязанов:
Василий Катанян:
Эльдар Рязанов:
Василий Катанян:

Какие? Яд или?..

Снотворные таблетки. И оставила записку.

И не проснулась?

Не проснулась. Она уже очень слабенькая была. В записке она просила никого не винить в своей смерти, прощалась с родными и близкими. Еще раньше она завещала развеять свой прах после кремации в чистом поле, чтобы над могилой не надругались враги. Вот здесь он и развеян. На этом самом поле, где мы сейчас с тобой находимся.

Еще одна вещь меня поразила. В тридцать четвертом году Лиля Юрьевна записала в своем дневнике: «Се-

годня приснился Володя (то есть Маяковский), он совал мне в руку свой револьвер, а я его отталкивала.

Но он мне говорил: "Бери, бери, все равно ты умрешь так же".

Этот провидческий сон приснился и был записан на бумаге за много лет до того, что она с собой совершила.

После того, как здесь развеяли ее прах, ее друзья и поклонники решили все-таки обозначить на земле место, чтоб было куда придти. Привезли сюда огромный валун. На нем выбили три буквы «Л Ю Б», ее знаменитые инициалы. Когда приезжают люди к Лилюному полю, как его теперь называют, они кладут цветы сюда, на этот камень.

Эльдар Рязанов:

Лиля Юрьевна Брик прожила свою жизнь так, как она хотела. Она была режиссером своей жизни и стала режиссером своей смерти. Она умела быть грустной, женственной, капризной, гордой, пустой, непостоянной, влюбленной, умной — какой угодно. Это была обаятельная женщина, которая много знала о высокой человеческой любви и о любви чувственной.

Она прожила жизнь в сознании собственной избранности. Это давало ей уверенность. Она вошла в историю нашей литературы благодаря неумемной страсти гениального человека, который посвятил ей свою жизнь.

Силуэт ее стал четче на фоне уходящей эпохи. Но стала ли меньше загадка Л.Ю.Б.?

Алексей Каплер.

История любви.

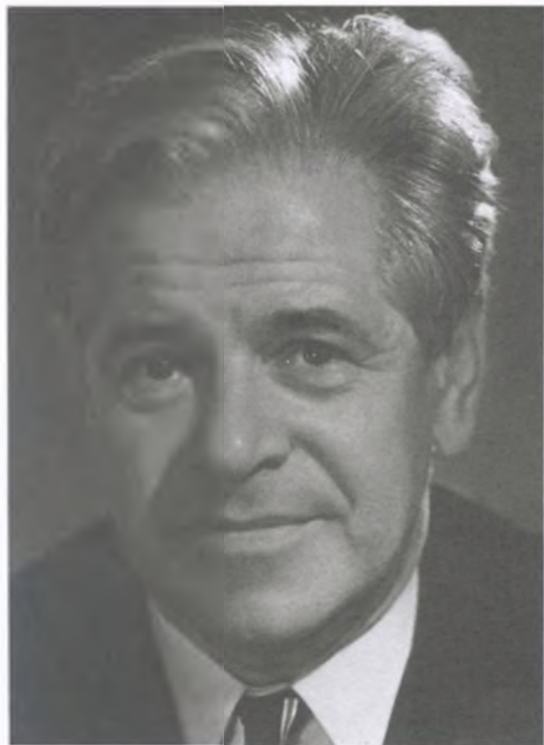
Если бы мне когда-нибудь сказали, что я стану делать телевизионную программу об Алексее Каплере, я бы только пожал плечами. Мы познакомились с ним где-то в конце 50-х, когда он вернулся из ссылки, в которой пробыл десять лет. В это время на XX съезде КПСС (эту аббревиатуру грамотеи-шутники очень точно называли: «собрание глухих согласных») прозвучал знаменитый доклад Хрущева, разоблачавший культ Сталина.

Мои отношения с Каплером как-то не сложились. Я был молодым режиссером, заявившим о себе «Карнавальная ночь», но интереса ко мне он не проявил. Да и я к нему, признаться, тоже. Хотя и испытывал естественную симпатию, как к жертве режима.

До посадки кинематографическая карьера Каплера была блестящей. Он сочинил сценарии знаменитых фильмов: «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», «Котовский», «Она защищает Родину».

Но это было в прошлом...

По возвращении из ссылки жизнь его, по крайней мере, внешне, казалась вполне благополучной, хотя в первые ряды кинематографистов он не вернулся. Каплер написал сценарий комедии «За витриной универмага». И сценарий, и фильм, где снимались

Светлана Дружинина, Анатолий Кузнецов и Микаэла Дроздовская, получились весьма средними. Потом была знаменитая комедия «Полосатый рейс», но там, конечно, и сюжет, и материал принадлежали соавтору, бывшему моряку, Виктору Конечному. А Каплер скорее всего был лишь кинематографическим аранжировщиком. Он сделал также две экранизации нафталиновых романов Константина Федина «Первые радости» и «Необыкновенное лето», постановку которых реализовал Владимир Басов. Лучшее обстояло дело с общественной карьерой — Каплер стал секре-

тарем созданного в 1957 году Союза кинематографистов, а затем и вице-президентом Международной гильдии сценаристов. Вскоре после возвращения из ссылки он женился на поэтессе Юлии Друниной. Каплер был всегда элегантно одет, улыбчив, приветлив, но при этом как бы закрыт. В начале 60-х он сделался ведущим «Кинопанорамы». И здесь, как мне кажется, нашел себя. Эта телепередача снова вывела его в «первачи». Кино он знал досконально, говорил живо и складно, ибо был литератором, имел способности к импровизации. На фоне унылого казенного начетничества в телевидении тех лет он стал, несомненно, самой яркой звездой. К нему пришла неслыханная и, надо сказать, заслуженная популярность. Я, как и весь народ, с удовольствием смотрел его

«Кинопанораму». Однако, не скрою, меня задевало то, что он ни разу не пригласил меня гостем передачи, хотя в то время, когда он ее вел, я поставил две весьма известные ленты: «Гусарскую балладу» и «Бе-

Шестидесятые годы
XX века.

На переднем плане:
режиссер
Лео Арнштам,
секретарь Союза
кинематографистов,
сценарист
Алексей Каплер
и режиссер
Михаил Ромм

регись автомобиля». То ли они ему не понравились, то ли я ему чем-то не приглянулся, — не знаю. Что ж, как говорится, насильно мил не будешь. Но легкую — не более! — обиду я все-таки затаил. Всем известно, как ранимы, тщеславны и чувствительны так называемые творцы. А тут еще один случай. Во время премьеры в Доме кино фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!», когда оба зала были набиты битком — люди сидели на ступеньках и стояли около стен, — когда в зале царил неповторимое настроенное веселье и лирической грусти, Каплер и Друнина в середине ленты вдруг встали и вышли из зала насовсем. Я это видел сам, так как сидел близко от них. Не скрою, меня это очень уязвило. Тем более что они были единственными. У меня не было сомнения —

фильм им не понравился. Это, разумеется, их право, картина не обязана нравиться всем. И однако я это запомнил. Образовалась эдакая ссадина на душе... В 1979 году я угодил и на телевидение — стал ведущим той самой «Кинопанорамы», где отрубил семь лет, до 1986 года. Я не сразу пришел на смену Каплеру. Несколько лет велись поиски постоянного ведущего. Кого только не пробовали! Не буду перечислять. А потом я наслышался лестных отзывов, что, мол, после Каплера я тоже очень хорошо делаю эту программу.

В 1997 году на «REN TV» возникла идея — возобновить «Кинопанораму», которая уже несколько лет как скончалась, но возродить ее в новом качестве. Имелось в виду, что обновленную «Кинопанораму» буду вести я. Мне было ясно, что первую программу этого цикла необходимо посвятить памяти Алексея Яковлевича Каплера, ибо с его именем был связан расцвет передачи. Но, честно говоря, отнесся я к этому без всякого энтузиазма, хотя сам и был автором идеи. Собрали материалы. Я стал изучать его биографию, сценарии, рассказы, очерки, историю с дочкой Сталина. Делал это добросовестно, но, признаюсь, особого горения в себе не чувствовал. К его жене Юлии Друниной, которую считал не самым крупным поэтом (к тому же она, на мой взгляд, чересчур «педалировала» тему своего военного прошлого), я тоже большой симпатии не испытывал. Отталкивало и то, что она была Секретарем Союза писателей СССР и, как мне казалось, не вылезала из президиума. Одним словом, как говаривал Ильф, — «Выдвиженщина». И вдруг...

Как многого мы порой не знаем о людях, которые живут рядом с нами, как часто поверхностно судим, как бываем предвзяты и несправедливы.

Я прочитал их переписку — его записки, письма и телеграммы, адресованные жене, и ее стихи, посвященные мужу. И во мне все изменилось, — я стал думать о Каплере и Друниной совсем иначе. Они открылись для меня как прекрасные, драгоценные лю-

ди. И хотя идея возрождения «Кинопанорамы» к тому времени отпала и я мог считать себя свободным от обязательства делать телепрограмму о Каплере, я решил, что обязательно осуществлю ее. Я увлекся этим человеком, а для меня симпатия к своему герою — главное. И теперь уже сам очень хотел сделать передачу...

Но покончим с предисловием и перейдем к делу. Те, кто постарше, как я уже говорил, помнят Каплера — бесподобного, замечательного ведущего «Кинопанорамы».

Люди помоложе знают эту фамилию в основном по песне Высоцкого «Антисемиты». В ней Владимир Семенович перечислял выдающихся представителей еврейского народа. Там были такие строчки:

*...Средь них пострадавший от Сталина Каплер,
Весьма уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович, и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма...*

Но кто он такой — «пострадавший от Сталина Каплер», за что он, собственно, пострадал? Об этом знают считанные единицы. Жизнь его была чрезвычайно пестрой. В ней были взлеты и падения, слава и тюрьма, а главное, в этой жизни была любовь... И не одна...

Алексей Каплер родился в 1904 году в Киеве. Он вел жизнь, типичную для дореволюционного подростка. Впрочем, не только дореволюционного. Ибо вместо школы бегал в киношку, как бегали в двадцатом веке многие мальчишки. И его в самое сердце поразила любовь к кинематографу. Надо добавить, что бегал он не один, у него были дружки, которые впоследствии стали очень знаменитыми кинематографистами: Григорий Козинцев и Сергей Юткевич.

Своих пятнадцатилетних дружков Каплер считал феноменами, эрудитами, блестящими левыми художниками. И даже всерьез подрался со взрослым критиком, который объявил, что живопись Юткевича — плагиат!

В трех товарищах горел огонь ниспровержения, — они хотели разрушить буржуазное искусство. Всяческие там «Тетки Чарлея», «Орленки» и «Дворянские гнезда» должны были быть выброшены на свалку. Ребята мечтали выйти на улицу с народными представлениями, с балаганом, где главным героем был бы Петрушка.

И тут им неслыханно повезло. Знаменитый кукольник мсье Шарль, объездивший весь мир, тяжело заболел, и его жена стала продавать часть «труппы». Илья Григорьевич Эренбург, служивший тогда в Киевском собесе, уговорил руководство доверить создание кукольного театра трем никому не известным пацанам. Собес выделил деньги, и друзья приобрели несколько кукол.

Конечно, они дали бой разным психологическим, символическим, реалистическим направлениям. Они сделали представление по пушкинской «Сказке о попе и работнике его Балде».

Прежде чем выйти на площадь, они вначале расположились в артистическом подвальном клубе-кафе «Бродяга». Юткевич был шарманщиком, а также стоял перед ширмой и читал тексты от автора. А Каплер с Козинцевым показывали кукол. И говорили за действующих лиц. Причем все высокие «партии» озвучивал Козинцев, а все басовые — Каплер. Изображал взрослого басовитого человека. Было им тогда по пятнадцать лет.

Но вскоре их выгнали из «Бродяги», несмотря на то, что их работа оплачивалась одним лишь творческим удовлетворением. Подвалом этим формально управлял артистический совет, но фактически его хозяином был ресторатор, как бы сказали сейчас, «лицо кавказской национальности». Это был огромный восточный человек, в большой папахе золотистого цвета, которую он никогда не снимал, в мягких сапожках на тонких ножках и с большим твердым животом. Нос у него был как баклажан. И оба глаза были повернуты на этот баклажан.

Однажды хозяин вызвал юных гениев и сказал:

— Конец! Забирайте своего Петрушку!

Юткевич и Козинцев пытались интеллигентно выяснить: почему, собственно, им нужно убираться? Ведь они делают искусство! Кавказец объяснил:

— Ваш Петрушка мешает кушать посетителям, они отвлекаются...

В биографии Каплера до кинематографического был период театральный. В созданном упомянутыми тремя новаторами театре «Арлекин» Леша участвовал в нескольких представлениях, среди которых был «Балаганчик» по Блоку. В 1921 году Григорий Козинцев вместе с Леонидом Траубергом создают творческую мастерскую «ФЭКС» («Фабрика эксцентрического актера»). Первой постановкой стала «Женитьба» по Гоголю. Это был скандальный спектакль, где Каплер был приглашен на роль... сыщика Пинкертон. Затем последовало представление «Внешторг на Эйфелевой башне».

Программа ФЭКСов включала в себя синтез «низких» жанров (цирк, мюзикл-холл, пантомима, клоунада, агитка, акробатика и т.д.). В мастерской собрались талантливые молодые актеры: Сергей Герасимов, Елена Кузьмина, Янина Жеймо, Олег Жаков, Софья Магарилл. Среди них был и Каплер. В это же время другой новатор, Сергей Эйзенштейн, в Москве, в театре «Пролеткульт» оформляет как художник спектакль «Мексиканец» по Джеку Лондону, а затем ставит «Мудреца» по мотивам пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты». В этом представлении будущий известный комедиограф Григорий Александров ходил по проволоке, а в клоунадах, куплетах, акробатических этюдах участвовали будущие знаменитости — Юдифь Глизер, Максим Штраух, Иван Пырьев.

В 1924 году и петроградские, и московские ниспровергатели буржуазной культуры уходят в новое искусство XX века — в кинематограф.

Каплер тоже ищет свое настоящее место в жизни. Он уезжает в Одессу и работает в городском отделе культуры, искусства и кинематографа. А тут Козинцев

и Трауберг надумали снимать фильм «Шинель», опять-таки по Николаю Васильевичу Гоголю, и пригласили Каплера на одну из ролей. Но начальство не отпускало. И тогда друзья из Питера послали Алексею Яковлевичу телеграмму: «Нахожусь при смерти зпт твоя родная сестра Эльга». Никакой сестры Эльги у него не было, но телеграмма на начальство подействовала. Каплера отпустили в Питер к постели умирающей. В фильме он играл «значительное лицо». Съемки прошли успешно, и Каплер уехал обратно. После «похорон» любимой сестры он должен был выглядеть осунувшимся, потерянным, а в зеркало на него смотрело самодовольное, круглое лицо человека сытого, здорового, румяного. Он понимал, что по приезде в Одессу его обман сразу же вскроется. И вот за несколько станций до Одессы, в поезде, ему пришла в голову замечательная мысль. На каком-то вокзале он наголо постригся. И сразу румянец принял чахоточный, нездоровый оттенок, на лице появилась печать страдания. Служивцы встретили его очень сочувственно, никто не заметил обмана. Однако через три месяца на экраны Одессы вышел фильм «Шинель». И тут все поняли, что их коллега — самый элементарный проходимец. И, оскорбленные в лучших чувствах, крепко его отколошматили. Вскоре Одесса становится слишком маленькой для Каплера, и он перебирается в Москву. Ищет свой путь в жизни, не знает, кем ему быть. Но кинематограф его уже отравил. Кинематограф (по себе знаю) — это наркотик, от него избавиться невозможно. Каплер начинает осознавать, что его не увлекает ставить чужие сценарии, неинтересно произносить как актеру чужие реплики. В мозгу роятся какие-то сюжеты, характеры, ситуации, образы... И он наконец находит свое подлинное призвание, становится кинодраматургом.

Тридцать седьмой год. Сталинское правительство хотело помпезно отметить двадцатилетие Революции. Было решено создать к юбилею фильмы и спектакли. Объявили конкурс на сценарий и на пьесу о Револю-

Алексею Каплеру около сорока. На свою беду он встретил Светлану Сталину.

ции семнадцатого года. Председателем жюри был сам Вячеслав Михайлович Молотов. Среди тех, кому порекомендовали заняться этой темой, числился и молодой киносценарист Алексей Яковлевич Каплер. Изучая материалы, он понял, что кинокартина о революции — это, по сути, фильм о Ленине. Каплер искренне увлекся биографией вождя. В те годы мысль о том, чтобы в литературном произведении после слова Ленин поставить две точки и дальше написать свою фразу, которую Владимир Ильич как бы произносит, была просто кошмарной. Ведь отношение к Ленину тогда

было как к богу. До этого вождь был показан в игровом кино один раз — в фильме Сергея Эйзенштейна «Октябрь». Его играл рабочий Никандров. Но фильм был немой, Ленин ничего не говорил, важно было только портретное сходство. А здесь требовалось создать характер. Каплера интересовал именно характер, живой человек. Это было особенно трудно и особенно страшно.

Короче говоря, написал он сценарий и послал его на конкурс. Через некоторое время, довольно скоро, к нему в его квартиру приехали из «Большого дома» — так ленинградцы называли НКВД — несколько чекистов. Обыскали квартиру, изъяли все материалы, относящиеся к сценарию, и увезли куда-то. Забрали не только материалы сценария, но и его автора. Од-

нако через некоторое время автора отпустили. Каплер был уверен, что это временно, что его вот-вот должны опять забрать. Ведь он осмелился писать реплики за великого бога марксизма-ленинизма! Однако сценарий то ли самому Молотову, то ли какому-то еще важному лицу очень понравился. Каплера пригласили в ЦК и сказали:

— Вы написали замечательный сценарий. Как вы думаете, кто мог бы его поставить?

Он ответил:

— Ну, вообще Михаил Ромм хотел ставить... Потом передумал и теперь намерен снимать «Пиковую даму».

— Не беспокойтесь, — сказали ему. — Ромм не будет ставить «Пиковую даму». Поручите это нам...

И вот выходит фильм «Ленин в Октябре» — сумасшедший успех! Каплер становится любимцем московской публики. Красив, молод, популярен, награжден. Думаю, не беден, потому что за это и платили хорошо. Следом выстреливается продолжение: «Ленин в 1918 году».

Однако успех и деньги не вскружили голову драматургу. Он создает сценарий фильма «Котовский», который был поставлен уже в военные годы. Заглавную роль играл Николай Мордвинов.

Когда фашисты напали на нашу страну, Алексей Каплер надел военную форму и стал фронтовым корреспондентом. Ему довелось побывать среди партизан, и он написал после этого серию очерков. Впечатления, которые он привез из партизанского края, легли в основу сценария. Фильм назывался «Она защищает Родину»...

В студии появилась очаровательная Лидия Николаевна Смирнова. Живая и прелестная, олицетворение истории нашего отечественного кино.

Эльдар Рязанов:

Дорогая Лидия Николаевна, вспомните, пожалуйста, как началась ваша работа над ролью Феньки в фильме «Она защищает Родину».

Лидия Смирнова:

Была война, самое жестокое ее время. «Мосфильм»

в Алма-Ате в эвакуации. Мы все жили в гостинице «Советская». Сейчас ее снесли.

Эльдар Рязанов: Сейчас снесли Советскую не только гостиницу, но и страну.

Лидия Смирнова: Там я встретила с Фридрихом Эрмлером, который ставил картину «Она защищает Родину», по сценарию Люси.

Эльдар Рязанов: А почему Каплера многие звали Люся? Люся — это ведь женское имя, а он мужчина.

Лидия Смирнова: Не знаю, он вызывал к себе какое-то нежное чувство. Мы все привыкли к этому имени, и оно нам нравилось. Тогда я впервые встретила с Люсей. Мы поружились.

Эльдар Рязанов: Он за вами ухаживал?

Лидия Смирнова: Нет, за мной он ухаживать не мог. Он в этот период переживал сильное чувство к другой. Я это знала от него самого.

Эльдар Рязанов: Значит, вы были в какой-то степени его наперсницей?

Лидия Смирнова: Не только я. Мы все вокруг него хлопотали, пытались этого не допустить!

Эльдар Рязанов: Вам не нравилась женщина, которую он выбрал?

Лидия Смирнова: Это была дочь вождя — Светлана Сталина. Я его спрашивала: «Люся, ну признайся мне, ты действительно ее так любишь? Действительно это такое сильное чувство, чтобы идти на огромный риск? Или тебя влечет к ней потому, что она дочка Сталина?» Он мне клялся, что не может без нее жить.

Над ним витала опасность. А тут еще приехал в Алма-Ату очень взволнованный Роман Кармен. Дело в том, что Василий Сталин, сын вождя, увел его жену. Вернее, просто ее украл. Кармен просил у Сталина помощи, писал ему о том, что учинил его сын, просил, чтобы вернули жену. И жену вернули, а Василия отец в наказание отправил на фронт.

Эльдар Рязанов: Невероятные нравы. Я имею в виду, конечно, в первую очередь вождя и его отпрыска.

К беседе присоединился Валерий Фрид. Фрид и Дунский, Дунский и Фрид — два замечательных кино-

Алексей Каплер
(второй справа) на
фронте. 1943 г.

драматурга, которые бок о бок прожили всю свою жизнь. Они дружили в школе, потом были вместе арестованы, сидели в лагере, написали вдвоем много прекрасных сценариев, таких, как «Служили два товарища», «Как царь Петр арапа женил», «Красная площадь», «Сказка странствий», «Экипаж», «Старая-старая сказка» и много других. Итак, «показания» дает мой друг и, так сказать, сосиделец Алексея Яковлевича, Валерий Семенович Фрид.

Валерий Фрид:

▶ Светлана была рыжая некрасивая девчонка. Во что там было влюбляться? Это она влюбилась, а ему, конечно, льстило. Все-таки принцесса, наследница русского трона. А он был обаяшка. У него вообще была репутация победителя сердец. Вокруг него разбитых сердец было полным-полно. И уж получше, чем Светланино сердечко.

Заварилось все так: Василий Сталин, сын Иосифа Виссарионовича, был авиационным генералом и, как принц, вел роскошную жизнь. Он не знал никаких

тормозов ни в чем и мог позволить себе все, чего бы ни пожелал. Вдруг он задумал снять фильм о летчиках, и Каплер был приглашен в качестве автора сценария.

Василий Сталин привез его на дачу в Зубалово, где жили дети великого друга всех советских людей. Там-то и произошло роковое для Каплера знакомство со Светланой Аллилуевой, дочкой Сталина. Это случилось в октябре сорок второго года.

Эльдар Рязанов: Приникнем к первоисточнику. А первоисточник у нас есть, это книга Светланы Аллилуевой «Двадцать писем к другу», где она описывает это довольно подробно.

Светлана Аллилуева: «Вскоре после первого знакомства в ноябрьские дни в Зубалове была устроена вечеринка, на которую съехались такие знаменитые люди, как Константин Симонов с Валентиной Серовой, Роман Кармен со своей женой красавицей Ниной. Были и летчики, сливки общества, элита военного общества Москвы...»

Эльдар Рязанов: Во время вечеринки Каплер подошел к Светлане. Она впервые надела новое красивое платье от хорошей портнихи. На ней была гранатовая брошка, которая раньше принадлежала ее маме.

Светлана Аллилуева: «Я, наверное, была смешным желтым цыпленком, когда он меня спросил, танцую ли я фокстрот. И мы начали танцевать. Я чувствовала какое-то необычайное доверие к этому толстому дружелюбному человеку. Мне захотелось вдруг положить голову к нему на грудь и закрыть глаза. «Что вы невеселая сегодня?» — спросил он не задумываясь, чтобы услышать ответ».

Эльдар Рязанов: И тут она стала рассказывать, что ей очень скучно дома, что неинтересно с братом и родственниками. Что сегодня ровно десять лет со дня самоубийства ее матери и никто об этом не вспомнил.

Слова ее лились прямо из сердца. Пластинки менялись одна за другой, а они все танцевали и танцевали. Никто на них не обращал никакого внимания. И после этого вечера между ними протянулись какие-то невидимые душевные нити.

Вот такой была Света Аллилуева (Сталина) во время своей юношеской влюбленности в Алексея Каплера (1943 г.)

Светлана Аллилуева:

«У него был дар легкого непринужденного общения с самыми разными людьми. Он был дружелюбен, весел, и ему было все интересно. В то время он был одинок сам и, может быть, тоже искал чьей-то поддержки. Нас потянуло друг к другу неудержимо. После праздников Люся еще несколько дней оставался в Москве, потом ему предстояла поездка в Сталинград. И в эти несколько дней мы старались видеться как можно чаще. Хотя при моем образе жизни было невообразимо трудно.

Но Люся приходил к моей школе.

Он стоял в подъезде соседнего дома, наблюдая за мной. А у меня радостно сжималось сердце, так как я знала, что он там.

За мной неотступно следовал чекист, когда я ходила в школу. И когда был знаменитый мой роман с Каплером, то чекист за нами топал по следам. Поэтому несчастный Алексей Яковлевич Каплер страдал.

На него донесли, и донесли в самом вульгарном виде. В общем никакого зла он мне никогда не причинял. Мы ходили в театр, в картинные галереи, в Третьяковку, в кино смотреть фильмы. Он был для меня замечательный открыватель искусства и всего такого прочего...»

Валерий Фрид:

Они гуляли по Москве. А за ней всегда ходил сопровождающий, охранник. Этот охранник, если они заходили в квартиру, шел туда вместе с ними. Но между Светланой и Каплером ничего предосудительного не случилось.

Эльдар Рязанов:

Может быть, ничего не случилось оттого, что охранник был все время неотлучно?

Валерий Фрид:

Исхитриться-то можно было в конце концов. Он мог сидеть в коридоре, а они могли в комнате уединиться. Но Каплер уверял — нет, нет, ничего не было. Просто была некая влюбленность. Естественно, все эти их прогулки отмечались в ежедневных донесениях. И папа, конечно, знал об этом и был очень недоволен.

Эльдар Рязанов:

Иосиф Виссарионович был недоволен тем, что Каплер — опытный сердцеед, бабник? Или он был недоволен тем, что он еврей?

Валерий Фрид:

Думаю, он был всем недоволен. Светлана рассказывала: однажды она опоздала на день рождения папы из-за того, что гуляла с Каплером. Папа ужасно рассердился и тарелку с пирогом шмякнул об пол. Я думаю, когда Сталин шмякал об пол тарелку с пирогом, где-то там, в Америке, из берегов выходила Миссисипи. Светлана сказала Каплеру: «Знаете, папа очень недоволен. Я боюсь, что вас ждут крупные неприятности, вам лучше бы уехать».

Вскоре у него раздался на квартире звонок. И грубый офицерский голос произнес: «Каплер, перестаньте крутить мозги дочке Сталина, будет плохо!»

Но он продолжал крутить мозги дочке Сталина. Чем это объяснить?

Эльдар Рязанов:

Валерий Фрид:

Легкомыслие, лестно было. Приятно, когда девчонка в тебя влюблена. А он еще и с Васькой Сталиным приятельствовал.

Светлана Аллилуева:

«Каплера решили образумить, ему позвонил полковник Румянцев, он послал его к черту. Как бы круг по-прежнему сжимался. Мы ходили в кино, в театры и просто гулять. Тучи сгущались над нами, мы чувствовали это. В последний день февраля, в мой день рождения, мне исполнилось 17 лет.

Мы хотели где-то посидеть спокойно в этот день и никак не могли придумать, как бы это сделать. Ни один из нас не имел возможности прийти друг к другу домой. И тогда мы пошли в пустую квартиру Василия Сталина, около Курского вокзала.

Дядька Михаил Никитич Климов сидел в соседней комнате, а в ту комнату, где находились мы, дверь была открыта. Мы не могли больше беседовать, мы целовались молча, стоя рядом. Мы знали, что видимся в последний раз. Нам было горько и сладко. Мы молча смотрели в глаза друг другу и целовались. Мы были счастливы безмерно, хотя у обоих наворачивались слезы».

Валерий Фрид:

Светлана с Каплером как-то пришли в так называемый «тир». Тиром называлась квартира Васьки Сталина, потому что он, когда был пьяный, любил стрелять в потолок. Это место пользовалось очень неважной репутацией, туда наследник водил своих девок, дружков, там пили и прочее. Естественно, Сталину доложили, куда этот тип завел Светлану, его дочку. Тут Каплер испугался и уехал из Москвы.

Эльдар Рязанов:

Испугался, а сам уехал к партизанам. Там, видно, было безопаснее.

Валерий Фрид:

Он просто поступил разумно. Кстати, после этого он написал сценарий. Фильм вышел под названием «Она защищает Родину». Но без его фамилии в тит-

рах. Ибо когда вышел фильм, Каплер уже сидел. Пока снималась картина, он поехал в Сталинград. И тут совершил непоправимую ошибку. Он написал в «Правду» серию статей о том, как воюют в Сталинграде, придав им форму писем лейтенанта Н. к своей любимой. И не нашел ничего лучшего, как вспоминать конкретные прогулки со Светланой. «Помнишь, любимая, — писал этот лейтенант, — как мы вышли на мост и смотрели на Кремль». Все его описания совпадали с маршрутами, которые были зафиксированы в рапортах Сталину. И кроме того, было ясно, что любимая лейтенанта Н. живет в Кремле. В результате было решено Каплера посадить.

Эльдар Пязанов:

В марте 1943 года пришли к нему домой двое и попросили следовать за ними. Поехали на Лубянку. Каплера обыскали и предъявили ему обвинение: общение с иностранцами и шпионаж в пользу Англии.

Светлана Аллилуева:

«На следующий день после ареста Каплера, утром, когда я собиралась в школу, неожиданно домой приехал отец. Обычно сдержанный и скрывающий эмоции, он задыхался от гнева. «Каплер английский шпион, он арестован».

«А я люблю его», — наконец сказала я, обретая дар речи.

«Любишь?» — отец сказал с невыразимой злостью. И я получила две пощечины, впервые в своей жизни. «Подумайте, няня, до чего она дошла! — не мог он сдерживаться. — Идет такая война, а она занята...» И привел грубые мужицкие слова, других слов он не находил.

«Ты бы посмотрела на себя, кому ты нужна. У него кругом бабы, дура!»

У меня все было сломано в душе. Последние его слова попали в точку. Зачем я ему нужна была. Фразу о том, что Каплер английский шпион, я как-то не осознала сразу. Тут я поняла наконец, что произошло с Люсей. Это было как во сне».

Итак, «английский шпион» Алексей Каплер был сослан в Воркуту. Причем ему дали по тем време-

нам смехотворно маленький срок, всего пять лет... О лагерных годах Каплера лучше всего расскажет Валерий Фрид. В своей книге «Пятьдесят восемь с половиной» он рассказывает, в частности, за что сидел и он сам. Валерий Фрид, его друг Юлий Дунский и еще несколько молодых людей обвинялись в том, что задумали совершить покушение на вождя народов. Они якобы хотели убить Сталина из окна квартиры кого-то из своих приятелей. Причем надо заметить, что окна этой арбатской квартиры выходили во двор. Для того, чтобы попасть в Сталина, у них должно было быть ружье очень своеобразное, замысловатое. Дуло его должно было идти сначала по прямой, потом сделать поворот на девяносто градусов, потом еще раз резко повернуть. Эдакая буква «П». Пуля, выпущенная из такой загогулины, уж наверняка могла поразить родного Иосифа Виссарионовича. Тем не менее вся компания «террористов» схлопотала по десятке.

Валерий Фрид:

В Воркуте начальником лагеря был генерал Мальцев. Видимо, очень разумный человек. Он знал, кто такой Каплер, видимо, знал и обстоятельства дела. И был достаточно самостоятелен в своих решениях, не боялся взять на себя ответственность. «Какую бы вы работу хотели делать?» — спросил генерал.

Каплер ответил: «Я хороший фотограф, хотел бы работать фотографом, если можно».

И действительно, родственники прислали ему аппаратуру, химикаты. И он трудился фотографом, бесконвойным.

И здесь Каплер встретил Токарскую. Красавицу, очень знаменитую актрису, которая тоже отбывала срок и выступала на подмостках тюремного театра. Естественно, между этими двумя людьми вспыхнула любовь. Но об этом лучше расскажет сама Валентина Георгиевна Токарская. Нам повезло несколько лет назад при ее жизни взять у нее интервью.

Эльдар Рязанов: Валентина Георгиевна, с Каплером вы встретились в Воркуте?

Валентина Токарская: В Воркуте. Сразу, как приехала. Леша был заведующий фотографией. Он имел пропуск свободный, зна-

Валентина Токарская
Красавица, певица,
драматическая
артистка, звезда
мюзик-холла,
немецкая
военнопленная,
советская
заключенная,
актриса Театра
Сатиры, жена
Алексея Каплера

чит, не ходил спать в барак, а жил там, при фотографии. У него комнатка была, где он всех фотографировал. Ну, обаяния — море. Вся зона, все начальники были без ума. Он ходил, всех снимал. Портреты им делал, фотокарточки. Ну и, конечно, мне помогал едой. Потом мне тоже дали пропуск. Я тоже могла свободно ходить в тюремный воркутинский театр. Театр был забавный, в нем играли и заключенные, и вольнонаемные. Там ставили и драмы, и комедии, и оперетты. Был хороший сильный состав.

Валерий Фрид: Романы между заключенными, даже бесконвойными, не поощрялись. Поэтому Каплер придумал такую штуку. В задней стене его фотографической будки была дверь. Эту дверь он заставил шкафом со всякими химикатами. А у шкафа были подшипники вместо ножек. Поэтому его можно было очень легко отодвигать. А дверь, которая за этим шкафом, снаружи была как бы заперта на замок. Замок висел, вызывая доверие, но на самом деле дверь отворялась легким толчком.

Валентина Токарская: Я, конечно, заходила к Леше в будочку. На свидания. Это был мой личный ход. И когда приходил этот, как он называется?.. Ну, по-нашему это вертухай назывался...

Эльдар Рязанов: Так и называется.

Валентина Токарская: Которые ходили, обыск делали, шмон... ну вот, они идут, а мы слышим. Они в передней, а я иду в шкафчик — и на улочку. И все, меня никто ни разу не поймал.

Валерий Фрид: Был сорок восьмой год. Каплер освобожден, а Токарская еще оставалась в заключении. Некоторое время он не уезжал, по-прежнему работал в зоне фотографом, уже как вольнонаемный. Но ему страшно хотелось вернуться в кино. Он понимал, что в Москву и в Ленинград, наверное, не пустят, да и в Киев тоже, но ведь существовала еще и Свердловская студия. Каплер надеялся, что там-то, может, и найдет работу. Он взял командировку в Киев вполне официально, поехал через Москву. В Москве задержался на два дня — заходил к Пырьеву, заходил к Симонову, те обещали похлопотать, но не успели. На второй день пребывания в Москве его задержали и опять на Лубянку.

Эльдар Рязанов: Отсюда, наверное, можно сделать вывод, что его «вели» уже начиная с поезда?

Валерий Фрид: Конечно. Взяли на второй же день. Прямо на улице.

Эльдар Рязанов: Это у нас неплохо было организовано.

Валерий Фрид: Да, это, пожалуй, единственное, что в стране было организовано блестяще. Во всяком случае, взяли его. Но дело даже не успели сострять. И поэтому ему

предъявили статью седьмую, пункт тридцать пять. Она называлась «социально-вредный элемент». Давали ее обычно проституткам, бродягам, если нет какого-то конкретного состава преступления. Его сокамерник, юрист, Каплера даже поздравлял: «Это прекрасная статья! Вам дадут всего два года высылки».

Эльдар Рязанов: Просто везунчик.

Валерий Фрид:

Да. Но дали ему все-таки пять лет лагерей и послали на сей раз не куда-нибудь, а в особый лагерь, для особо опасных, с номером на спине, и прочее, и прочее. Во время его второго срока я с ним и встретился. Я приехал из одного лагеря в другой, который был в городе Инта. Заявляется ко мне молодой человек, который узнал, что я из Москвы, студент ВГИКа: «Вы знаете, что здесь Каплер?» Я говорю: «Откуда же я могу знать?» — «Да, он здесь. Я вас сейчас к нему проведу». Ведет к нему, а Каплер работал в это время заведующим посылочной.

Эльдар Рязанов:

Валерий Фрид:

А что такое посылочная?

Это будочка, куда привозят посылки для заключенных. Там в присутствии надзирателя Каплер выдавал эти посылки. И каждый зек, как бы в благодарность за то, что пришла передача, обязательно угощал чем-нибудь посылочника. Он не был обязан, но заведено вот так.

В общем, Каплер был «придурком».

Эльдар Рязанов:

Валерий Фрид:

Объясни, кто такой придурок. Те, кто не сидел, могут этого не знать.

Придурок — это человек, который работает на каком-нибудь месте под крышей, то есть не на общих работах. К примеру, уборщица — придурок, нарядчик тоже придурок, учетчик, бухгалтер — придурки. И я большую часть своего срока был придурком. И Каплер тоже. А другие придурки ему помогали: например, полковник бывший носил ему из пекарни белый хлеб, на кухне наливали большую порцию. Он в лагере хорошо жил, до поры до времени. Дальше у него случилась такая штука: он завел роман с женой одного из лагерных начальников. Конечно, это не такой масштаб, как, скажем, дочка Сталина. В общем,

на Каплера и жену этого начальника донесли, и Алексей Яковлевич полетел на общие работы. Его шуганули на другой лагпункт. Там он работал лебедчиком, на лебедке сидел. Перешел из разряда придурков в разряд работяг. Ну, а тогда меня этот мальчик привел к нему и говорит: «Дядя Леша, вот этот мальчик из ВГИКа, из Москвы».

«Из ВГИКа? — спрашивает Каплер. — А вы Юлика Дунского знаете?»

Я говорю: «Ну».

«А я знаю тогда, кто вы. Вы — Валерий Фрид, да?»

Я говорю: «Да».

Но гораздо интереснее была история знакомства Юлика с ним. Они пришли одним этапом в этот самый лагерь за несколько месяцев до меня. В одной бригаде таскали носилки. Юлику не понравилось, что Каплер такой шустрый, все время объяснял начальству, что он — кинорежиссер и как-то суетился.

А Юлик, наоборот, был очень сдержан и, видимо, этой своей сдержанностью привлек внимание Каплера, приглянулся ему. Алексей Яковлевич ему и говорит: «Скажите, пожалуйста, вы из Москвы? Студент, наверное?» Юлик отвечает: «Да». — «А в каком институте?» — «Ну, вы, наверное, не знаете, это ВГИК... такой институт кинематографии». — «Ну почему не знаю? Знаю прекрасно. Я Каплер». И Юлик тогда спрашивает: «А вы не родственник Алексея Каплера?» А Каплер ему в ответ: «Вы английский язык знаете?» Юлик говорит: «Немножко». — «Ай эм».

Юлик так и сел. Каплер потом рассказывал: «У него такое лицо сделалось, что я его просто полюбил с этой минуты и до конца».

А Токарская уже отсидела или?..

Нет. Она была в Воркуте. А дальше произошло следующее. Пришло ему время освобождаться. Срок кончился, второй пятилетний срок. Это пятьдесят третий год. Он подал заявление, что хочет поехать на Воркуту к Токарской. Вагонзак, то есть вагон, в котором везут заключенных, прицепляется к поезду. По нечетным дням к тому составу, что шел на север, на Ворку-

Эльдар Рязанов:
Валерий Фрид:

ту, а по четным дням к тому, что уходил на московское направление. Мы ждем: в четный или нечетный день Каплера вызовут на этап? Его вызывают в тот день, когда маршрут вел в сторону Москвы. В Москву его привезли, и опять на Лубянку. На Лубянке он сидит, прошло месяца полтора-два. Его только один раз на допрос вызвали. Ничего внятного. Он очень нервничал. Полагал, что на этот раз Берия его не выпустит. Берия Каплера терпеть не мог. У него ведь были свои планы — поженить Светлану и Сергея, своего сына. А Каплер тогда вмешался, испортил сватовство. В общем, Берия его сильно не любил. И вдруг его вызывают и говорят: «Скажите, у вас есть в Москве кто-нибудь из родственников, к кому бы вы могли поехать?» — «Да, у меня сестра». — «Дело в том, что вы завтра выйдете на свободу». Он спрашивает: «А что случилось?» — «Ну, выйдете, узнаете». Он вышел на свободу и тут же в скверике около Лубянки прочитал в газете на стенде, что Берия арестован как враг народа. Он сел на скамью там, в этом скверике маленьком, и заплакал.

Эльдар Пязанов.

Валерий Фрид:

Он поехал все-таки потом к Токарской?

Нет. Он ее вызвал в Москву, она же освободилась.

Они поженились, получили квартиру.

Каплер был сердечно встречен кинематографистами и легко вошел в их семью. Ему помогли получить жилье, он сразу начал работать, начал с комедии. Вскоре стал одним из руководителей Союза кинематографистов, преподавателем ВГИКа, то есть у него началась вполне благополучная жизнь... Но, по большому счету, это было не совсем так. Ибо десять лет перерыва, десять лет отлучения от творчества, десять лет, когда он выпал из контекста времени, конечно, имели большое значение. И ему было очень трудно снова подняться на прежний уровень, вернуть ту репутацию, которая у него была до войны. Удар, нанесенный Сталиным, в конечном итоге был непоправимым. И тем не менее Алексей Яковлевич смог взять реванш. Это произошло несколько своеобразно и необычно. Он стал ведущим «Кинопанорамы».

Когда Каплер пришел в эту передачу, на нашем телевидении была сплошная официальщина, казенщина. Все подвергалось строжайшей цензуре. И вдруг на телеэкране появился нормальный чело-

Юлий Дунский и Валерий Фрид. «Сосидельцы» по лагерю, коллеги по профессии и друзья Каплера по жизни

век, с живыми горящими глазами. Кроме того, он еще и прекрасно знал предмет, сам был участником огромного количества кинематографических событий, свидетелем многих из них. И при этом у него был замечательно «подвешен» язык. А главное, он обладал даром дружелюбного, теплого, какого-то особого душевного общения. И этой вот отмычкой он сумел открыть сердца практически всех советских людей. Он был мало сказать любим — он был обожаем.

Вот что писал об этом сам Каплер в своих мемуарах: «В ответ на сделанное мне предложение я ответил «да», и жизнь моя оказалась нерасторжимо связанной на шесть лет с «Кинопанорамой».

Если бы я мог, я и дальше вел бы эту передачу и никогда бы ее не оставил.

К несчастью, выяснилось: занятие «Панорамой» отнимает столько времени, что на основную мою работу — литературную — его просто не остается. Я почти ничего не написал за эти шесть лет и с великим огорчением отказался от своего любимого детища, засев снова за письменный стол».

Здесь Алексей Яковлевич немного лукавит или, скорее, недоговаривает: мемуары-то его писались в разгар застоя, когда не обо всем позволительно было писать. Получается, что он бросил «Кинопанораму» ради литературного труда. К сожалению, было не совсем так...

Не то что-то предложили вырезать из передачи по цензурным соображениям, не то случился какой-то организационный кавардак, в общем, импульсивный Каплер помчался с протестом к шефу телевидения и заявил, что если такое будет продолжаться, то он уйдет из «Кинопанорамы». Сергей Георгиевич Лапин, мягко говоря, недолюбивавший национальность, к которой принадлежал Каплер, давно мечтал избавиться от Алексея Яковлевича. Каплер был уверен, что председатель Гостелерадио встанет на его сторону в конфликте. Но случилось наоборот. Лапин воспользовался этим предлогом и неожиданно для всех и для самого Алексея Яковлевича начертал на его заявлении, что согласен удовлетворить просьбу автора «Кинопанорамы» об уходе. При этом он лицемерно добавил: «Жаль, конечно, что зрители лишатся талантливое ведущее». На самом деле плевать ему было на огромную популярность Каплера, на то, что он, председатель, обезглавил самую, пожалуй, популярную передачу тех лет. Но чтобы какие-то евреи ставили ему ультиматумы?! Да никогда!!!

Так Каплер внезапно оказался без работы... Кстати, то, что первые пять лет передача велась в прямом эфире, а не в предварительной записи (причем по настоянию Алексея Яковлевича, который не зря опасался цензуры, всяких вырезок и выбросов) сыграло

в чем-то и печальную роль. Почти не осталось пленок с записями его программ тех лет, ибо то, что шло непосредственно в эфир, глупо и расточительно не фиксировалось на видео пленку.

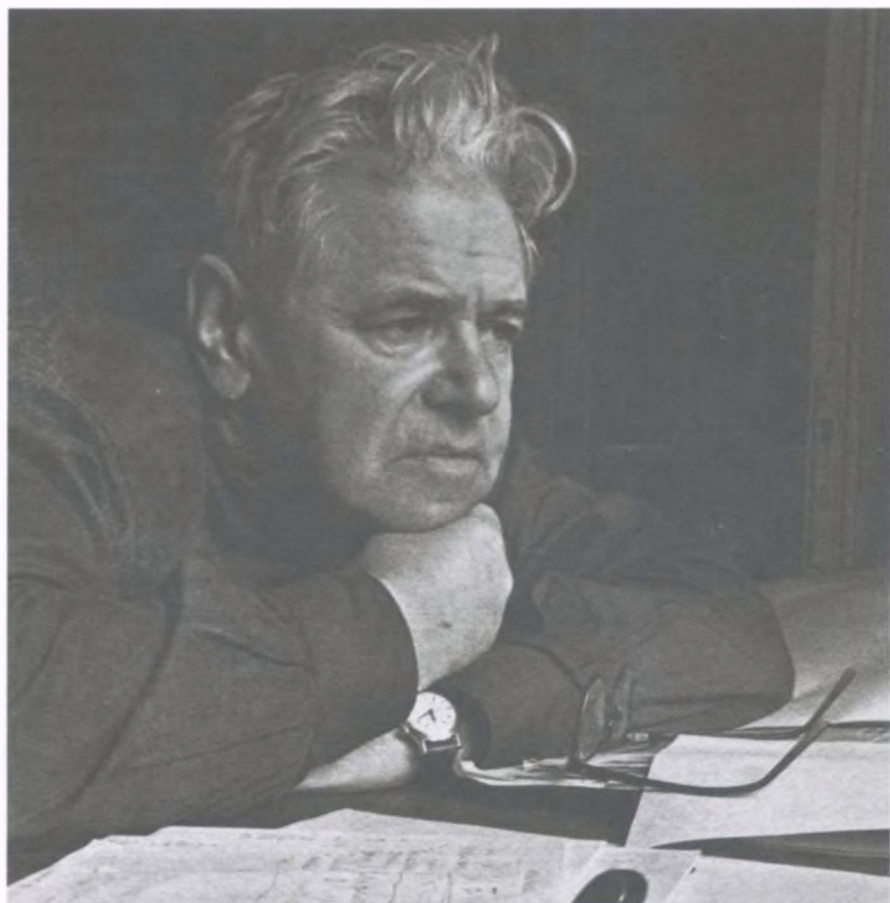

А теперь я хочу рассказать о том, ради чего стал делать эту передачу. Не только потому, что Каплер был замечательный телеведущий или, скажем, сильный сценарист, и не только потому, что он был невинной жертвой сталинского режима. В истории, о которой я буду рассказывать далее, и даже не столько рассказывать, сколько цитировать, проявился самый главный талант Алексея Яковлевича, ради которого он, по-моему, и родился на свет. Проявился его талант Любви. Талант любить, с моей точки зрения, — такая же одаренность, такой же редкий дар Божий, как умение сочинять музыку, писать сти-

Юлия Друнина.
В 17 лет ушла на фронт. Санитарка батальона. После войны — поэт. Вот в нее-то и влюбился Каплер до конца жизни

хи, рисовать картины. Способностью любить по-настоящему наделены далеко не все. Каплер же и Юлия Владимировна Друнина, его жена, доказали, что они — обладают этим качеством в полной мере. Юлия Друнина. Семнадцатилетней девчонкой в срок первом году отправилась на войну, была санитаркой, потом санинструктором батальона, начала писать стихи.

После войны она поступила в Литературный институт, который окончила в 52-м году. Вышла замуж

Каплер ушел от Токарской к Друиной и, в который раз, начал новую жизнь

за поэта Николая Старшинова, у нее родилась дочка. И вот случилась встреча с Каплером, — он что-то преподавал молодым писателям, — с ослепительным, легендарным. Голова его уже тронута сединой. Человек с мощной биографией. Начинается любовь. И тут произошло то, что случается крайне редко, — когда люди, созданные друг для друга, вдруг находят свою вторую половину. Каплер расходитсЯ с Токарской, с женщиной, которая ему очень дорога, — ведь их любовь, которая началась еще в лагере, выдержи-

ла много сложных испытаний. Друнина уходит от поэта Николая Старшинова. И начинается новая жизнь новой семьи.

Валерий Фрид:

Это была влюбленность настоящая. Они жили так счастливо, что очень многие жены своим мужьям говорили: «Бери пример с Каплера». Вот Юля возвращается из заграничной поездки. Так он едет, например, в Брест, чтобы встретить ее там, на границе, с цветами и довести до Москвы.

Но надо сказать, что в этом было и что-то отрицательное. Из-за этой семейной замкнутости много друзей и приятелей как-то отдалились от Каплера. Вокруг него существовал некий «санитарный кордон». Я помню, как однажды после передачи «Кинопанорама» мы вышли из студии, и он сказал: «Одну минуточку, товарищи. Я сейчас позвоню домой». И вся группа во главе с Ксенией Марининой стояла и ждала. А Юля ему объясняла что-то по телефону минут эдак десять. И он покорно повторял: «Да, да, это было несколько неудачно... А это вяло... Ты, как всегда, права...»

Я хочу процитировать из посмертной книги Друниной некоторые стихотворения Юлии Владимировны и некоторые письма, телеграммы, записочки Алексея Яковлевича.

Телеграмма из Москвы:

*Джанкой. Поезд 31, вышедший из Москвы 24 декабря,
вагон 13. место 25. пассажиру Друниной.
Доброе утро вскл. Каплер.*

А вот, как ответ, стихотворение Друниной:

*Ко всему привыкают люди.
Так заведено на земле.
Уже не думаешь, как о чуде,
О космическом корабле.*

*Наши души сильны и гибки,
Привыкаешь к беде, к войне.
Только к чуду твоей улыбки
Невозможно привыкнуть мне.*

Дальше мы представим Вам, дорогой читатель, записки, шуточные рисунки, телеграммы Каплера, адресованные любимой жене. А ее стихи вы читаете в тексте. Все это не требует комментариев. Такой любви можно только позавидовать

Телеграмма от него к ней:

Сидел дома занимался тчк

*И вот мне выстрелило срочно бежать на телеграф сказать
что я тебя люблю вскл Может быть ты не знаешь или забыла тчк
Один тип*

Стихи от нее к нему.

*И когда я бежать попыталась из плена
Глаз твоих, губ твоих и волос,
Обернулся ты ливнем и запахом сена,
Птичьим щебетом, стуком колес.
Все закрыты пути, все запутаны тропы,
Так за годом уносятся год.
Я лечу в пустоту, перепутаны стропы,
Только дольше бы длился полет.*

Алексей Каплер – Юлии Друниной
Факс из Голливуда в Планерское

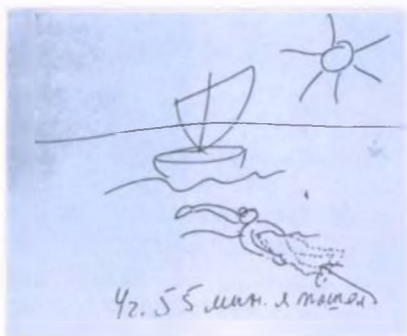
Миссис Друниной

Моя родная, любимая, всегда знал, ты самая красивая, очаровательная

на свете. Оказывается, что так в самом буквальном смысле. Целую.

Твой мистер Каплер

Юлия Друнина – Алексею Каплеру

Ты – рядом, и все прекрасно:
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.

Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти.
Спасибо тебе, мой любимый,
За то, что ты есть на свете.

Ты – рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить...
Единственный мой, спасибо
За то, что ты есть на свете!

Алексей Каплер – Юлии Друниной
Из письма:

Моя веточка, ты не можешь себе даже представить,
как я тебя жалею! Мы начнем совершенно новую жизнь, в которой
будет не так, как раньше, – счастье вперемешку с плохим.
Там будет только счастье, там будешь только ты, как самая умная,
самая любимая, самая незабываемая женщина. Мне придется побороть
свою естественную возрастную и просто дурацкую вздорность,

и я понимаю, что это не так легко. И тебе придется в чем-то быть наплеватейнее на мои недостатки. Но главное, главное — я буду видеть тебя, как, например, сейчас, когда открывается дверь — и у меня тебе навстречу распахивается все: глаза, сердце, грудь, руки...

В ответ рождается такое:

Не бывает любви несчастливой.
Не бывает... Не бойтесь попасть
В эпицентр сверхмощного взрыва,
Что зовут «безнадежная страсть».
Если в души врывается пламя,
Очищаются души в огне.
И за это сухими губами
«Благодарствуй!» шепните Весне.

Алексей Каплер — Юлии Друниной
Из письма:

...И конечно, я дрянь человек и так много причинил тебе страданий, никогда не понимая в ту минуту, что какая-нибудь ерунда для тебя — совсем не как для обычного человека — жалит.

Как же так получается? Из мусорного дурака ты сделала меня просто дураком, что-то понявшим в жизни. Я невероятно люблю тебя, и так в самую глубину всегда протыкает меня, когда я смотрю на тебя, и так я горжусь тобой, будто ты — мой ребенок и это я тебя родил такую.

Что же, черт возьми, как же это совмещается с тем, что я обижаю,
идиотски обижаю тебя? Ничего не могу — только просить тебя о пощаде.

Неужели ты — такая чуткая — не можешь понять,
что я твой преданнейший, вернейший собака? Неужели?

Как можно оторвать родное от родного? Твой человек — всегда и навсегда.

Алексей Каплер — Юлии Друниной
Из письма:

...У меня сейчас буквально разрывается сердце,
и я не могу дождаться твоего возвращения. А это письмецо пусть
тут лежит, на даче. Мало ли что, вдруг меня действительно не будет
на свете, а ты его прочитаешь и вспомнишь, что был такой толстый,
противный человек, для которого ты была жизнью.

А ведь я, правда, никогда не думал, что могу
так мучительно, до дна любить. Жил дурак дураком.

И что мне делать, чтобы ты была всегда счастлива,
чтобы не спускалась на тебя тень никогда?

Юлия Друнина — Алексею Каплеру

Нельзя привыкнуть к дьявольскому зною...
Все вытерпеть, сжать зубы, не упасть, —
Мы каждый раз бредем, как целиною,
По той стране, что называют «Страсть».

Где невозможно досыта напиться,
Где ветер пыль горячую кружит,
Где падают измученные птицы,
Где манят и морочат миражи...

Вновь от тебя нет писем,
Тревогам нет конца.
От милых мы зависим,
Как песня от певца.
От милых мы зависим,
Как парус от ветров.
Вновь от тебя нет писем —
Здоров ли, нездоров?..

Уходит поколение,
Уходит навсегда.
Уже не в отдаленье
Грохочут поезда –
Они увозят в вечность
Моих однополчан...
Платком укутав плечи,
Шагаю по ночам
Я от стола к постели
И от дверей к окну.

Пиши мне раз в неделю
Хотя б строку одну!

Алексей Каплер – Юлии Друниной
Телеграмма:

*Доберусь до тебя сегодня зпт
барбос облизывается щелкает зубами*

Алексей Каплер – Юлии Друниной
Из письма:

*...Слушай, Юленька, я дрянной, глупый, плохой человек.
Но все это ведь только остатки. А сколько добра ты мне привила,
сколько я понял – ведь был еще в миллион раз хуже. И главное, я узнал,
что есть на свете Большая любовь. Такая, что случается только раз в сто лет
и для одного из миллиона. И это в моей жизни случилось.
Это ты так полюбила и я так полюбил. Только – огромная разница в том,
что ты светлый человек, а я весь был покрыт коростой мелкости, глупости,
пакости. Я очень очистился возле тебя, но я еще дрянь, все еще дурак...*

Юлия Друнина – Алексею Каплеру

А я для вас неуязвима,
Болезни,
Годы,
Даже смерть.
Все камни – мимо,

Пули — мимо,
Не утонуть мне,
Не сгореть.
Все это потому,
Что рядом
Стоит и бережет меня
Твоя любовь — моя ограда,
Моя защитная броня.
И мне другой брони не нужно,
И праздник — каждый будний день.
Но без тебя я безоружна
И незащитна, как мишень.
Тогда мне никуда не деться:
Все камни — в сердце,
Пули — в сердце...

Алексей Каплер — Юлии Друниной
Телеграмма из Москвы в Будапешт:

*Мне очень плохо нас троение ужаснейшее
никогда еще не было так необходимо быть с тобой рядом тчк
Если б ты только знала как нужна твоя рука*

Алексей Каплер — Юлии Друниной
Письмо:

*Прошло еще 6 лет, и я люблю тебя еще сильнее,
еще вернее. Давно уже мы стали с тобой одним человеком
(который может даже повздорить с самим собой по глупости,
но разделиться, стать снова двумя, не может). Ты обрати внимание,
как я обнаглел, — раньше писал только о своих чувствах,
а теперь расписываюсь за обоих и не боюсь, что ты опровергнешь.
Спасибо тебе за все, жизнь моя.*

Говорят, чужие письма читать нехорошо. Но смотря чьи и смотря какие!
Тяжелая болезнь настигла Алексея Яковлевича в 79-м году. Он не знал, что с ним, а Юлия Владимировна знала, чем он болен, и знала, что это неизлечимо.

*Как солдаты в окопе, отбивались мы вместе.
Умирал ты, как жил, никого не виня,
До последней минуты был рыцарем чести,
До последней жалел не себя, а меня.*

Валерий Фрид:

Когда он умирал, а умирал он от безнадежного рака, который не оперируется, Юля знала, что он умирает. Он не знал. Он таял просто как восковая свечка. И Юля забросила все свои дела и весь год была при нем, как санитарка, как сиделка, как нянька. А мы ведь раньше подтрунивали над ним, мол, был в свое время такой ходок, а стал подкаблучником...

Для Юлии Владимировны наступило жуткое время. На фронте она была медсестрой, санинструктором, помогала многим раненым, вытаскивала их с поля боя. А здесь надо было бороться за жизнь только одного человека, но самого дорогого и самого близкого. Вот строчки из поэмы «Ноль три», которая была написана уже после смерти Каплера.

*В больничной палате угрюмой,
В бессоннице и полусне
Одну только думаю думаю,
Одно только видится мне.
Всё замки воздушные строю,
Бессильно и горько любя, —
Вновь стать фронтовую сестрою
И вызвать огонь на себя.*

Его похоронили в Старом Крыму, недалеко от могилы Александра Степановича Грина. Говорили, что он так завещал. Место, если можно о кладбище сказать, красивое. Оно на склоне горы, заросшее, и оно не грустное, это место. Там цветы и очень живописно... Там покоится Алексей Яковлевич. И Юлия Владимировна теперь там же.

Эпилог передачи мы снимали на даче Каплера и Друниной в деревне Ватутинки.

В этом доме прошло более двадцати лет счастья. Здесь было написано очень много и им и ею...

После смерти Каплера жизнь Юлии Владимировны могла со стороны показаться очень благополучной. Еще бы! Депутат Верховного Совета СССР (это горбачевский парламент), она была Секретарем Союза писателей СССР, Союза писателей России, была членом редколлегии целого ряда журналов, ее можно было часто видеть в президиуме, она принимала активное участие в общественной жизни. Она следила за собой, прекрасно выглядела, хорошо одевалась. Но это все было как бы оболочкой, а нутра не было. Это был человек, лишенный главного стержня в жизни. Воспоминания о Каплере, об их любви продолжали оставаться негасимыми. Она мучилась бессонницей. Вот что она говорила своей подруге: «Я устала от бессонницы, а если засыпаю на три-четыре часа, наглотавшись снотворного, то иногда в забытии мне не хочется просыпаться. Знаешь, я была бы рада однажды не проснуться».

*Как страшно теперь просыпаться,
Как тягостно из небытия
В отчаянье вновь возвращаться,
В страну, где прописана я.*

*Весь мир превратился в пустыню.
Все выжжено горем дотла.
Какой я счастливой донине,
Какой я счастливой была.*

Она металась. У нее даже была попытка устроить личную жизнь. Она нашла человека, с которым стала жить вместе. Но эта попытка оказалась подлинной пыткой для них обоих. И скоро все рухнуло. Заменить Каплера никто не мог. Желание уйти из жизни крепло в ней день ото дня. Конечно, здесь, помимо утраты любимого человека, наверное, сыграло свою роль и то, что происходило со страной. Разрушение Советского Союза, Родины, ради которой она проливала кровь на войне, усугубляло ее отчаяние. То, что ей казалось святым, на глазах превращалось в ничто.

Такими мы их
и запомним:
светлыми,
счастливыми,
любящими.
Готовыми друг для
друга на все

20 ноября 1991 года Юлия Владимировна приняла окончательное решение. Она собственноручно напечатала на пишущей машинке вот эту книжку (я показал ее зрителям). Это посмертная книжка, она вышла уже после того, как Друниной не стало. Дала ей название «Судный час» и оставила на письменном столе. Были написаны письма в самые разные инстанции с просьбой: «В моей смерти никого не винить». И она пошла в гараж. От дома до гаража всего, по сути, сто шагов. И эти сто шагов в течение почти четверти века она ходила вместе с Алексеем Яковлевичем. Иногда бегом под дождем, иногда по скрипящему свежему снегу. Это были счастливые годы. Эти сто шагов олицетворяли огромное счастье, которое связывало двух людей.

Теперь эти сто шагов превратились не только в дорогу от дачи до гаража, но и в дорогу от жизни к смерти. Юлия Владимировна была фронтовиком и могла бы покончить с собой, скажем, выстрелом. Но как всякая женщина, она хотела и после смерти остаться красивой.

Войдя в гараж, она закрыла все двери, все ворота, села в автомобиль и включила двигатель. Она знала, что через некоторое время выхлопы угарного газа погрузят ее в сон, от которого она уже никогда не проснется.

Вообще самоубийство считается тяжким грехом. Но поступок Юлии Владимировны Друниной вызывает огромное уважение, — ведь она ушла из жизни ради любви. Шекспир писал: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Оказывается, Ромео и Джульетта встречаются не только в юношеском возрасте и не только в средние века. Мы с вами стали свидетелями невероятно красивой и печальной истории. И я хочу, чтобы об этой огромной и светлой любви узнали многие люди России...

Единица порядочности — один Галлай

Наш телевизионный микроавтобус мчался в подмосковный писательский поселок Переделкино. У меня было шикарное настроение — я ехал снимать телевизионную передачу о своем близком друге. Я увидел его из окна автобуса, и мы остановились. Герой нашей программы шел по дачной осенней аллее, направляясь к нам. Ему перевалило за восемьдесят, но это казалось неправдой. Седой, высокий, красивый, молодежавый. Выправка выдавала в нем военного. Мы обнялись. Это был Марк Гал-

лай, заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза, доктор технических наук, полковник в отставке, писатель.

Эльдар Рязанов:

Марк Галлай:

Эльдар Рязанов:

Ты ждешь меня или гуляешь здесь случайно?

Я гуляю, конечно, случайно, но я тебя всегда жду. В любой день года.

Замечательно, что наступило такое время, когда можно делать телепередачи о своих друзьях. Воспользуюсь служебным положением.

Марк Галлай: Ты злоупотребишь своим служебным положением.

Над дачным поселком послышался громкий рев низко летящего самолета. Пришлось переждать, пока стихнет.

Эльдар Рязанов: (неудачно шутит) Вам тут надо купить в складчину зенитку и сбивать эти самолеты, чтоб не нарушали тишину и покой.

Марк Галлай: Ни в коем случае. Когда зенитка сбивает самолет, это вызывает у меня паршивые воспоминания.

Эльдар Рязанов: Тебя сбивала зенитка?

Марк Галлай: Да, был такой случай.

Эльдар Рязанов: Немецкая зенитка?

Марк Галлай: Немецкая. А какая же еще...

Эльдар Рязанов: А в воздушном бою тебя не сбивали?

Марк Галлай: Ни в коем случае. Только зенитка.

Эльдар Рязанов: И ты упал?

Марк Галлай: Упал самолет. А я все-таки спустился. На парашюте. Пришлось побродить в лесах недели три, прежде чем удалось выйти к партизанам. А они переправили меня и штурмана на Большую землю.

Мы свернули с аллеи и оказались на небольшом дачном участке, где в казенной даче обитал Марк с «галлайщиками» и «галлайщицами» разных поколений. Тут к нам подбежала крошечная симпатичная пигалица и полезла к Марку на руки.

Эльдар Рязанов: Это твоя внучка? Как ее зовут?

Марк Галлай: Зовут ее Аня. Но ты сейчас нанес мне тяжкое оскорбление. Такое же, как если бы маршала обозвали генералом. Это не внучка, а правнучка. И я не дед, а прадед.

Эльдар Рязанов: Извини. Я не хотел тебя обидеть... Скажи, какое главное качество в профессии летчика-испытателя?

Марк Галлай: Нужна привычка к непривычному. Умение очень быстро реагировать на неожиданно возникшие обстоятельства.

Эльдар Рязанов: А смелость? Надо ведь обладать и смелостью.

- Марк Галлай:** Да, конечно. Но смелость — это как бы одна чаша весов. Вторая чаша — грамотность, знание. Человек, как правило, пугается того, что ему непонятно. Летчик-испытатель должен быть технически подготовлен и вообще, и к каждому конкретному полету.
- Эльдар Рязанов:** А существует в этой профессии ощущение близости к смерти?
- Марк Галлай:** Не больше, чем у врача, который лечит инфекционных больных. Не больше, чем у рыбака, который на крохотном сейнере выходит в бушующий океан. Еще много примеров могу привести.
- Эльдар Рязанов:** У тебя в книжке есть такая фраза: «Осторожность — это лучшая часть храбрости».
- Марк Галлай:** Это не моя фраза, а Михаила Михайловича Громова, человека весьма компетентного в области мужества: блестящий летчик, он был основоположником существующей методики летных испытаний.
- Эльдар Рязанов:** А тебе доводилось во время испытательного полета бросать самолет и прыгать с парашютом?
- Марк Галлай:** До войны был один случай. Самолет из штопора не выходил. Если бы это же самое произошло со мной несколькими годами позже, я бы вывел машину из штопора. Тогда не хватило мастерства, опыта.
- Эльдар Рязанов:** Сколько у тебя было секунд на размышление — продолжать выводить самолет из штопора или прыгать?
- Марк Галлай:** Очень много. Секунд пятнадцать.
- Эльдар Рязанов:** Я боюсь представить тебя в невыгодном свете, — то тебя сбили, то ты не вышел из штопора. Вспомни, пожалуйста, первый немецкий авианалет на Москву двадцать второго июля сорок первого года. Я когда про это читал в твоей книге, все время посмеивался... Хотя, понимаю, было не до смеха.
- Марк Галлай:** Когда началась война, стали лихорадочно строить систему противовоздушной обороны Москвы. И сумели все-таки чего-то добиться в течение месяца, льготного месяца, который подарила судьба... В частности, была сформирована эскадрилья из летчиков-испытателей на самолетах-истребителях МИГ-три. Этих новых машин было мало, летчиков, летавших на них, еще меньше. Только испытатели знали их досконально.

Ночь двадцать второго июля. Воздушная тревога. Наши пять истребителей поднимаются в воздух. Москва была вся озарена, казалось, что она горит. Ее забросали зажигалками. Я пришел в страшно свирепое состоя-

В Кремле «всесоюзный староста» — так называли М.И.Калинина — вручил срден летчикам-защитникам Москвы. Среди награжденных сади Калинина в кожаной куртке Марк Галлай

ние духа. Немцы летели очень низко, нахально. Их разведка донесла, что у нас нет системы ПВО. Месяц назад ее и не было. Но в эту ночь прожектора освещали небо, стреляли зенитки и мы, истребители, искали встречи с противником. В луче прожектора я увидел немецкий бомбардировщик, но он уже уходил. Как только он вышел из луча, я его потерял. Кругом-то темнотища. Второй немецкий самолет тоже упустил. И наконец увидел третий. Такой хороший жирный самолет. Я решил пристроиться ему в хвост. До этого ни разу стрелять не приходилось. А тут, увидев на крыльях кресты, я рассвирепел и начал палить. Но расстояние большое, это было бессмысленно, я только себя демаскировал. Тут подлетел фашистский истребитель, дал по мне очередь, в хвост. Первый раз в жизни в меня стреляли.

Эльдар Рязанов: Тебе это не понравилось?

Марк Галлай: Сильно не понравилось. Тем, кто в своих мемуарах пишет, как они привыкли к обстрелу, я не очень-то верю.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилов вручает полковнику Марку Галлаю звезду Героя Советского Союза. Он получил высшую награду лишь с третьего захода

Эльдар Рязанов: Как бы сказал Станиславский: «Не верю!»

Марк Галлай: В данном случае я последователь Станиславского... Я отскользнул от истребителя в сторону и снова настиг бомбардировщика. На этот раз снизу.

Эльдар Рязанов: То есть ты набирал боевой опыт буквально за секунды? Тебе было тогда двадцать семь лет?

Марк Галлай: Когда в тебя стреляют, это хорошая школа, быстродействующая. Чрезвычайно способствует расширению боевой эрудиции. По мне опять дали очередь, но я в том месте был пару секунд назад, успел отскользнуть, — продолжал учиться. И тут я начал гвоздить по фашисту. Бил я по нему безумно долго. То ли плохо попадал, то ли мне казалось, что это тянулось долго. Понятие времени в подобных ситуациях иное, чем обычно. Бомбардировщик качнулся, вздрогнул и выпал из лучей. Короче, я не видел того, что писали в книжках: «Смердя дымным факелом, противник в последнем штопоре неся в землю». Когда я вернулся, то доложил, что видел. Командир сказал: «Значит, сбил!» Я ответил: «Подождем подтвержде-

ния земли». Вскоре пришло и подтверждение. Но это не все. Избавившись от врага, я остался в черном небе один. А надо было вернуться на аэродром. Где я? Кругом светомаскировка. Полная тьма.

Эльдар Рязанов: У тебя небось и компаса не было.

Марк Галлай: Компас был. Но радиосвязи и системы наведения не было. И связи с землей не существовало. Земля не могла сказать, куда лететь. Надо было еще не угодить в наши привязанные аэростаты. Я спустился примерно на высоту одного километра и стал искать Москву-реку. А Москва-река видна, потому что даже в темную ночь вода поблескивает. Как полоса черного шелка на черном бархате. И я схватился за эту Москву-реку, вцепился в нее со страшной силой и, петляя по всем ее изгибам, прилетел на свой аэродром. Там мне зажгли прожектор посадочный. В общем, сел.

Эльдар Рязанов: На каких самолетах тебе довелось летать в военные годы?

Марк Галлай: Я летал на истребителе, на пикирующем бомбардировщике, на дальнем бомбардировщике. Это была судьба большинства летчиков-испытателей во время войны. Такая пунктирная жизнь. Значит, фронт, боевая работа, потом отзывают на какие-то срочные летные испытания, потом снова на войну. Так и у меня получилось...

Целая группа летчиков-испытателей попала на Калининский фронт в дивизию, которой командовал Михаил Михайлович Громов. Надо было осваивать самолеты-пикировщики. Для бомбардировщиков пикирующая машина — это новинка, а я успел до начала войны и на пикировщиках полетать. Первую военную зиму я пролетал на Калининском фронте на пикирующем бомбардировщике.

Потом вернулся на испытательный аэродром, испытывал двигатели на истребителе Ла-пять, которые впоследствии сыграли большую роль, начиная со Сталинградской битвы. А летом сорок третьего года снова был откомандирован в боевую авиацию. На этот раз в дальнюю. Осваивали тяжелый четырехмоторный бомбардировщик ТБ-семь.

- Эльдар Рязанов:** Куда летали бомбить?
- Марк Галлай:** Задание было — передать летчикам опыт. Теоретически я мог приехать в часть, спросить, где учебный класс, прочитать лекции, а потом сказать: «Вот так, ребята. Теперь летите на дальние цели, а я пошел в столовую». Сам понимаешь, это ни в какие ворота... поэтому я с ними и летал. Летали в то время не на очень дальние цели — уже готовилась Курская битва. В основном бомбили аэродромы, наносили удары по всяким узлам железнодорожным, по скоплениям войск на нашей оккупированной территории. Были и Полтава, и Минск, и Брянск...
- Эльдар Рязанов:** Звание Героя ты получил за войну или за испытательную работу?
- Марк Галлай:** Мне потом говорили, что награду утвердили после третьего представления. Наверное, за то и за другое.
- Эльдар Рязанов:** Расскажи, как тебе при испытаниях удалось решить или преодолеть какую-то опасную проблему, связанную с риском для жизни?
- Марк Галлай:** Давай будем говорить не о риске, а о деле... Еще в довоенные годы появился на новых машинах неведомый и страшный вид вибрации, так называемый флаттер. По мере роста скоростей, когда самолеты перешли за четыреста, пятьсот километров в час — сейчас эти скорости вызывают улыбку — в разных странах мира стали происходить катастрофы. Выжившие очевидцы говорили: «Три-четыре секунды внезапной вибрации крыльев, и аэроплан разваливается в воздухе». Для исследования этого явления разработали аппаратуру. По идее автора, она должна была предупредить пилота перед началом вибрации. И вот меня, молодого летчика-испытателя, назначили проверить эту самую аппаратуру. Мой старший коллега Александр Петрович Чернавский — умница, бесстрашный испытатель — меня спросил: «Что ты будешь делать, если все-таки флаттер возникнет?» А я, молодой, зеленый и ужасно храбрый, ответил: «Что значит возникнет? Для того и сделана аппаратура, чтобы предупредить заблаговременно». Он говорит: «Понимаю. А если все-таки воз-

Марк пригласил меня свидетелем со стороны жениха на свою свадьбу с Ксенией Вячеславовной. Я пытался удержать друга от рокового шага, то есть от женитьбы, но, по счастью, не преуспел

Эльдар Рязанов:

Марк Галлай

никнет?» — «Буду уменьшать скорость, возьму штурвал на себя». А Чернавский испытал флаттер и буквально чудом спасся на парашюте. И он сказал: «Если сумеешь его поймать. Он у тебя будет вырываться из рук». Тогда я начал думать. Чернавский меня подтолкнул к решению, и это меня спасло. Я отрегулировал триммер — есть такой прибор, влияющий на поведение штурвала. В случае, если аппаратура не сработает, штурвал будет относительно управляемым.

Все случилось как по-писаному. Флаттер возник. Многообещающая аппаратура сработала, но поздно, когда уже началась вибрация. Штурвал действительно метался по кабине, но под воздействием отрегулированного триммера машина полезла вверх, теряя скорость, а я убрал газ. Таким образом, из флаттера удалось выйти до того, как машина разрушилась. Правда, ее пришлось списать. Когда я приземлился, то увидел: все крылья были деформированы, полопались, вылетели заклепки, машина была сильно покорожена. Но тем не менее приехал, как говорится, домой благополучно.

А ты не боялся? Тебя же, по сути дела, посылали на операцию, с которой вернуться живым шансов почти не было.

Нет. Все очень верили в эту аппаратуру, были убеждены, что она покажет приближение флаттера, зафиксирует, при какой скорости он возникает, и я вернусь целехоньким. Так что никто меня на заклание не посылал...

Эльдар Рязанов:

Давай отвлечемся в сторону. Ты был консультантом фильма о летчиках-испытателях «Цель его жизни» режиссера Анатолия Рыбакова. Главную роль играл Всеволод Сафонов, в картине был занят Марк Бернес. Да-

Среди друзей Галлая были не только летчики, космонавты и авиаинженеры. Его любили писатели, актеры, деятели культуры. На снимке космонавт — 2 Герман Титов с двумя Марками — Бернесом и Галлаем

Марк Галлай и композитор Ян Френкель

же я там играл малюсенький эпизод. По сюжету требовалось посадить истребитель на лесное шоссе. Я помню, это делал ты... комбинированных съемок не было. Все-таки прибегли к некоторым хитростям. Мне начальство категорически запретило сажать машину

Марк Галлай

на шоссе. Сказали, мол, не попадешь, шоссе узкое. Формально я их указания выполнил. Я сделал несколько заходов сверху, снижался, выходил на Минскую автостраду, выдерживал машину на высоте од-

Два писателя,
два фронтовика,
два друга
Константин Симонов
и Марк Галлай

ного-двух метров и уходил вверх. Сделал несколько заходов. Потом машину привезли на шоссе, и я сделал несколько пробежек. А вот момент касания земли мне делать запретили. Потом смонтировали, и у меня у самого было ощущение, что машина села на шоссе.

Эльдар Рязанов: Сделано было очень чисто. Думаю, лететь на высоте одного-двух метров над дорогой куда опасней, чем просто посадить аэроплан.

Марк Галлай. Да, пожалуй, рискованней.

В Америке Галлай познакомился со знаменитым авиаконструктором Игорем Сикорским. Тридцатилетний Игорь Иванович в 1919 году эмигрировал из России. Он — автор, создатель, конструктор многих лучших американских самолетов, как гражданских, так и военных

Эльдар Рязанов Я в фильме «Невероятные приключения итальянцев в России» тоже сажал самолет на шоссе. Естественно, не я, а летчик. Это был ТУ-сто тридцать четыре, многотонная машина.

Марк Галлай. Ты сажал на бетонную взлетно-посадочную полосу, которая играла у вас роль улицы.

Эльдар Рязанов Потому что удара при посадке тяжелого пассажирского самолета не выдержало бы никакое асфальтовое покрытие никакого шоссе. Но у нас был нюанс: самолет садился на «улицу», по которой ехало много машин и автобусов. Это было самое трудное и опасное при выполнении трюка.

Марк Галлай. Ты знаешь, я бы за руль этих машин посадил профессиональных летчиков.

Эльдар Рязанов: Так и было. Пилот, который делал трюк, — Иван Ми-

хайлович Таращан, заместитель начальника летной школы, сказал: «За рули автомобилей надо посадить летчиков». Когда мы обратились к нему с просьбой выполнить этот трюк, он попросил нас привезти ему бумагу из Министерства гражданской авиации, где была бы одна фраза: «Разрешено произвести посадку с нарушением инструкции». Мы ринулись в Министерство, но там не нашлось ни одного чиновника, который бы осмелился выдать нам такой документ. И тогда Таращан сделал это на свой страх и риск безо всякого разрешения...

Марк Галлай

Молодец!

Осенний холод выгнал нас с участка. Мы зашли в дом, кто-то из домочадцев затопил камин. Мы с Марком растянулись в креслах и продолжали гутарить. Хотя о многом из того, о чем расспрашивал хозяина, я знал, но вытягивал из него всякие подробности, чтобы это стало известно телезрителям и читателям.

Эльдар Рязанов:

Давай поговорим о пресловутом пятом пункте. Боюсь, многие молодые люди не поймут, о чем идет речь. Объясню. Советские граждане заполняли уйму анкет. Так вот, пятый пункт в анкетах назывался так: «Национальность».

Марк Галлай.

Принято считать, что борьба с космополитизмом развернулась в области литературы и искусства. И это верно. Но мало кто знает, что и науку, и технику тоже очищали от «безродных космополитов».

Эльдар Рязанов:

Значит, тебя просто-напросто вымели, как мусор?

Марк Галлай:

Совершенно точно. В пятидесятом году чья-то «умная» голова решила разобраться, кто же все-таки испытывает опытные экспериментальные самолеты? Надежные ли там люди? И устроили чистку. Выперли из нашего института летчиков-испытателей евреев, летчиков-испытателей полуевреев, летчиков-испытателей, которые побывали на оккупированной территории. Я открыл этот сезон. Будучи безработным, искал правду. Все мои челобитные возвращались

ко мне, причем из рук тех, на кого я жаловался. Тогда военный летчик Боря Бочков — его родители были знакомы с Булганиным — отдал Николаю Александровичу мое заявление прямо в руки. А я там доволь-

В кругу семьи.
Каждый позирует,
как может

Эльдар Рязанов:

но нахально написал, что я такой-то, испытывал такие-то самолеты, участвовал в войне, удостоен награды..

Кстати, о наградах, сколько их у тебя? (Марк замялся.)
Орден Ленина?..

Марк Галлай:

Три...

Эльдар Рязанов:

Орден Боевого Красного Знамени?..

Марк Галлай:

Четыре.. Дальше там я написал, что все это давало бы мне основания просить о снисхождении, если бы я был в чем-то виноват. Но я ни в чем не виноват. Поэтому требую справедливости. Булганин — а он вел оборону в правительстве — прочитал мое письмо, потом спросил у Бочкова: «А какое отчество у Галлая?» «Лазаревич», — ответил Бочков. Булганин подумал и сказал: «Понятно. Но все равно не отда-

дим». И написал резолюцию, — Боря процитировал мне на память: «Предоставить подполковнику Галлаю право работать с соответствующим опытом и квалификацией без материального и морального ущерба». Потом еще подумал и после слова «предоставить» написал вставку: «в городе Москве». Он знал, с кем имеет дело, и понимал, что меня легко могли упечь старшим летчиком-испытателем в Комсомольск-на-Амуре. Однако вернуться туда, откуда меня погнали, не удалось.

Меня взяла к себе Валентина Степановна Гризодубова. Она командовала летной частью, где испытывалось радиолокационное самолетное оборудование. Это было как раз острие новой техники, новых открытий технического прогресса. А тупые кадровики считали, что упекли меня в ссылку.

В пятьдесят третьем году по причине, тебе понятной, вернулся к самолетным испытаниям.

Эльдар Рязанов:

А тебя не тянули, когда ты стал Героем, был в чести и почете, в советские еврейские организации?

Марк Галлай:

Меня усиленно тянули в неприличный антисионистский комитет. Я категорически отказывался. В конце концов обозлился и выдал им такую формулировку: «Пушкой с сионизмом борются коммунисты Израиля. А нам здесь нужно бороться с антисемитизмом». Больше ко мне не приставали...

Эльдар Рязанов:

Я бывал на твоих юбилеях, где всегда было много пилотов, авиаконструкторов, встречался с твоими друзьями летчиками-испытателями у тебя дома, и от общения с ними у меня возникло ощущение, что в вашей профессии существует крепкое братство. Оттого, что вы все ходите под Богом?

Марк Галлай:

Вообще-то я — убежденный атеист...

Эльдар Рязанов:

Тебе видней, ты высоко летал...

Марк Галлай:

Я там не встречал никого. Я и с НЛО не пересекался. А что касается братства, я этому не удивлялся, а воспринимал как некую данность, как подарок судьбы. Когда я попал в писательскую среду, то, конечно, увидел, насколько нравственно чище среда летная...

Эльдар Рязанов:

А теперь поведай, как ты устроился инструктором-

методистом первого отряда космонавтов? Ты же учил летать в космосе Гагарина, Титова, Поповича, Николаева. Откуда у тебя взялось такое нахальство?

Марк Галлай

Это было нахальство от безвыходности. Конечно, надо было пригласить человека, который сам уже полетал в космосе. Но таких на планете Земля не существовало. У первого отряда космонавтов была и теоретическая подготовка, и медицинская, и парашютная. А где-то за полгода до первого старта с человеком на борту спохватились, что надо их готовить к тому, как вести себя непосредственно в полете, что они должны конкретно делать. Стали подбирать им в наставники что-то из похожей, родственной профессии. Так выбор пал на профессию летчика-испытателя. А то, что выбрали именно меня — это слепая случайность. Главное, что мне предстояло, — научить их ручному управлению кораблем. На тот случай, если откажет автоматика. Но был нюанс. Почему-то считалось, что пилот в космосе может «сбрендить» и, вследствие этого, он не должен знать шифра, с помощью которого можно будет перейти на ручное управление. Ему в случае надобности сообщат это по радио. Однако, провожая Гагарина в полет, я ему шепнул этот код. До сих пор помню цифры — один-два-пять.

Эльдар Рязанов:

Нарушил военную тайну?

Марк Галлай

Не военную, а служебную. Я подумал, а вдруг будет плохая слышимость, непрохождение радиоволн. Потом выяснилось, что я был не единственный, который сообщил Юре эти заветные цифры. Нарушителей оказалось немало.

Эльдар Рязанов:

Что ты чувствовал при запуске первого человека в космос?

Марк Галлай:

Академик Раушенбах здорово сказал: «Это были исторические будни». Королев старался, требовал, чтобы обстановка была деловая. Я, конечно, понимал, что событие происходит экстраординарное. Но было много текущих дел, забот, споров.

Эльдар Рязанов

А мандраж был?

Марк Галлай.

В момент пуска, когда пошла ракета. Я находился

Писательский
поселок
Перedelкино. Марк
с правнучкой Аней

в это время в пусковой и наблюдал за Королевым. По тому, как он был подчеркнуто спокоен, медлителен, как говорил с Гагариным, держал связь, я понял — волнуется! Он ведь очень экспансивный человек, взрывчатый, а тут был какой-то подозрительно ровный. И я понял, как сильно он обеспокоен.

А когда сажали корабль, тоже нервничали? Уже меньше. Каких-то подвохов, осложнений не ждали. В парашютную систему очень верили. Ходила байка, что до Гагарина уже летал какой-то космонавт, но случилась катастрофа и он погиб... Именно байка. До Гагарина было два пуска корабля, оба с манекенами. Автоматика сработала оба раза безупречно. Но я догадываюсь, откуда возник этот слух. Представь себе, что вблизи населенного пункта

Эльдар Рязанов
Марк Галлай

Эльдар Рязанов
Марк Галлай

с неба спускается парашют, на нем фигура в оранжевом комбинезоне. Очень скоро подлетает вертолет, оттуда выскакивает команда, уволанивает безжизненную фигуру, и все улетаю. А через некоторое

Марк и Ксения старались никогда не разлучаться

время — сообщение о полете Гагарина. Получается, что до него летал еще кто-то...

Эльдар Рязанов

(взял в руки красную повязку): На этой повязке надпись: «Двенадцатое апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года» и автографы. Это, кажется, подпись Королева, это Гагарина, это Келдыша. Что за реликвия?

Марк Галлай:

Люди, которые попадали на стартовую позицию при пуске космического корабля, имели повязки разного цвета. Когда часть определенных работ была закончена, то уходили люди, скажем, с повязками синего цвета. Еще какая-то часть дела сделана — площадку покидали люди с повязками зеленого цвета. Количество народа на площадке все уменьшалось и уменьшалось. Пока не осталась небольшая группа, человек тридцать, с красными повязками. После того, как Га-

гарин благополучно слетал, мы все обменялись росписями.

Я задал еще много вопросов о первом полете, о человеческих свойствах Гагарина и Титова, о том, было ли соперничество между космонавтами, почему выбор пал на Гагарина, о секретности, в которой проходил запуск, и о многом другом. Но поскольку Марк написал обо всем этом в своих прекрасных книжках, то отошлю читателя к ним. Гарантирую огромное наслаждение от встречи с Галлаем-писателем. Вот названия его книг: «Через невидимые барьеры», «Первый бой мы выиграли», «Испытано в небе», «С человеком на борту». Последняя книга — талантливый рассказ очевидца и соучастника обо всем, что связано с полетом первого космонавта Земли.

Эльдар Рязанов:

Марк Галлай:

Твои впечатления о Сергее Павловиче Королеве...

Он фигура в значительной степени и прежде всего — трагическая. Был репрессирован, шесть лет просидел. Сначала был на Колыме...

Эльдар Рязанов:

Марк Галлай:

Даже не в шарашке?

В шарашку его вернули потом, когда спохватились. Но и дальше жизнь его была далеко не безоблачной. Острая конкуренция, попытки его принизить, много его проектов было забраковано. Он был незауряднейший человек.

Эльдар Рязанов:

Марк Галлай:

Ты писал о нем, что он резок, вспыльчив, мог обидеть и притом несправедливо.

Про него говорили, Королев несправедлив тактически, но справедлив стратегически. Он был человеком трудного характера и трудного поведения. Но у него было чувство юмора, причем обращенное и на себя. А это высшая степень юмора. За несколько дней до полета Гагарина пришел он в МИК — монтажно-испытательный корпус — там что-то было не так. И он на Олега Ивановского, своего ближайшего помощника, страшно наорал и под конец заявил: «Все, я вас увольняю. Вы больше у нас не работаете». Это он любил. Увольнял довольно щедро. Ивановский спокой-

Мы дружили с Марком более сорока лет. Он всегда вызывал во мне восхищение и своими делами, и книгами, и тем, что в нем напроочь отсутствовала бравада.

Эльдар Рязанов

но сказал: «Хорошо, Сергей Павлович». Королев удалился. Через несколько часов он снова пришел и навалился на Ивановского по какому-то другому поводу, другое упущение высмотрел. И снова говорит: «Я вам объявляю строгий выговор». А Ивановский ему: «Не имеете права». Ну, представь, что к фараону пришел последний раб, взял его за нос и подергал. Королев был абсолютно всё, царь и бог, и вдруг такое! «Кто? Я?! Я не имею права?!» — «Не имеете права». — «Почему это?!» — «А я не ваш сотрудник. Вы меня сегодня утром уволили». Была пауза, после чего Королев первый заржал. Инцидент был исчерпан. А как ты стал писателем? С чего вдруг? Была отменная профессия. После отставки светила недурная пенсия...

Марк Галлай

Раньше практиковались встречи с так называемыми интересными людьми. Я несколько раз приезжал в этом качестве на вечера. И по вопросам, которые мне задавали, понял, что публика ничего не знает о нашей работе. Невежество в этой области поражало. Я подумал, что надо бы расширить аудиторию, то есть написать об этом книжку. А тут я как раз познакомился с Эммануилом Казакевичем. Он меня подтолкнул: «Попробуйте написать». Я написал книгу «Через невидимые барьеры» и отдал ему. Он взял хмуро, с некоторой неохотой, не был в восторге, что я так буквально последовал его совету. Попросил, чтобы я ему позвонил через пару недель. Но сам мне позвонил на следующую ночь. Сказал добрые слова. И потом добавил, что завтра отдаст книгу Твардовскому в «Новый мир». А с Твардовским я был знаком, но это отдельный рассказ.

Эльдар Рязанов

Нет, расскажи, расскажи, как ты обзавелся блатом в самом престижном и прогрессивном журнале.

Марк Галлай

Я об этом позаботился заранее, еще на фронте. Перед отлетом в Москву я заглянул — попожонить — в редакцию фронтовой газеты, там были знакомые журналисты. Мне говорят: «Твардовский получил в газете отпуск на несколько дней. Захвати его с собой в Москву». Я говорю: «Пожалуйста».

И вот летим мы в Москву, летим на ЩЕ-два, небольшой самолетик, двухмоторный, конструктора Щербакова. Летим поначалу бреющим полетом — прифронтовая зона, в небе ходят немецкие охотники «Фокке-Вульфы». А на фоне земли наш самолет не так заметен. Да и снизу мы — неудобная цель. Летим все-таки быстро. Под нами болота да леса. Подполковник Твардовский сзади. Он приехал в веселом настроении, сразу лег спать и уснул. Механик перед взлетом накрыл его чехлами. Потом выяснилось, что они все в масле. Но это оказалось не главным. Летим. Кончились леса и болота, стали появляться поля, сначала маленькие, потом побольше. А у меня вдруг разваливается один мотор. И высота пятнадцать—двадцать метров. И тут удача — судьба подста-

вила мне хорошее, симпатичное поле. Я развернулся на него и плюхнулся. Это было в районе Вязьмы. Представляешь, какой бы я ущерб нанес отечественной литературе, если бы тогда мы разбились.

Эльдар Рязанов: Не только литературе, но и авиации. Правда, литературе был бы нанесен двойной удар. Погиб бы Твардовский — писатель, и майор Галлай, который потом тоже стал писателем.

Марк Галлай: Не будем ставить рядом эти два писательских имени. Короче, Твардовский напечатал мою первую книжку.

Эльдар Рязанов: Как я понимаю, в благодарность за то, что ты его довез до Москвы.

Марк Галлай: Сформулируем так: он мне был благодарен, что я его тогда не угробил.

Эльдар Рязанов: О тебе как писателе все сразу узнали. Выхода «Нового мира» интеллигенция ждала как манны небесной. Это действительно был глоток свободы в то непростое время. Это какой год был, кстати?

Марк Галлай: Шестидесятый. Появились хорошие рецензии, но особенно меня поразило то, что неожиданно пришло много писем... Через некоторое время Твардовский спросил: «На какой номер планировать вашу следующую книжку?» До следующей прошло два года.

Пока был Твардовский, все, что я писал, публиковалось у него. И «Испытано в небе», и «Первый бой мы выиграли», за который на меня навалились. Я только потом понял, что это был косвенный удар по Твардовскому. Начиналась травля «Нового мира».

На журнал и его редактора «спустили собак». Так, в ответ на мою повесть появилась зубодробительная статья трех генералов. Сначала я недооценил последнюю фразу: «Вызывает удивление позиция журнала «Новый мир», который опубликовал на своих страницах политически незрелую, ошибочную повесть».

Эльдар Рязанов: Я помню, у тебя были неприятности с книгой «С чело-
веком на борту» и повестью о Сергее Павловиче Корулеве.

Марк Галлай: После публикации в «Дружбе народов» Сергею Баруздину, главному редактору журнала, звонил Суслов — главный цензор страны. Отругал за то, что

я опошляю достижения нашей Родины. Поэтому книга не могла выйти много лет.

Эльдар Рязанов: Недооценивали мы товарища Суслова! Ты подумай, как он действовал: все читал и всюду совал свой худой длинный нос. Как ты переживал тот заслон, который поставила перед тобой советская власть как перед писателем?

Марк Галлай: Переживал, конечно. Но, понимаешь, я же не настоящий писатель. То, что я пишу, я сам называю «жанром свидетельских показаний». Я чересчур много интересного видал, был свидетелем или участником многих исторических событий. Был знаком с замечательными людьми. Я просто не имел морального права не рассказать обо всем этом. И еще мне хотелось поведать не полуправду, а как было на самом деле.

Эльдар Рязанов: Марк, мы совершенно упустили из виду твою научную деятельность. Ты же доктор технических наук. У тебя докторская диссертация была настоящая или блатная? У нас многие начальники имеют докторскую степень, но ты же понимаешь...

Марк Галлай: Им дает непосредственно Высшая Аттестационная Комиссия. За заслуги перед Родиной вообще. А я защищался на Ученом совете, который состоял из девятнадцати ученых и конструкторов. И было тайное голосование: восемнадцать — один в мою пользу.

Эльдар Рязанов: Чему была посвящена диссертация?

Марк Галлай: Эргономические проблемы деятельности. Это наука о взаимодействии человека и машины, то есть летчика и самолета, космонавта и космического корабля.

Эльдар Рязанов: Сколько времени ты уже не летаешь?

Марк Галлай: Больше тридцати лет.

Эльдар Рязанов: А тянет туда, наверх?

Марк Галлай: Тянет. И я этой тяге поддаюсь время от времени. Летаю иногда на разных легкомоторных аэропланчиках. У нас появились аэроклубы, где за деньги учат людей пилотировать. С меня, конечно, денег не берут. Приглашают полетать. Был в Америке. В Оклахоме есть аэросалон — «Клуб старых пилотов». Там тоже полетал.

Эльдар Рязанов: У тебя бывают сны, когда ты видишь, что летишь? Ты — в небе?

Марк Галлай: Да, бывали. Но очень редко. И, что забавно, мне никогда не снились аварии, пожары, разрушение самолета — ни разу. Синее небо, курчавые облака... Полет снился всегда в приятном виде...

Эльдар Рязанов: Есть такая известная комета, которая носит имя Галлея. Эта комета один раз в семьдесят шесть лет подходит максимально близко к Земле. А два года назад астрономы открыли планету, которую назвали именем Галлая. Ты — собственник планеты.

Марк Галлай: Планета моя личная, персональная. Все собираюсь туда съездить. Это не так далеко, всего двести семьдесят миллионов километров.

Эльдар Рязанов: Не задавайся, пожалуйста. У меня тоже есть планета, носит мое имя. Сейчас каждый приличный человек должен иметь свою планету. Уже пора организовывать клуб владельцев планет.

Марк Галлай: А президентом этого клуба надо избрать Маленького принца.

...Мы познакомились с Марком в январе 1957 года в Малеевке, в писательском Доме творчества. Сразу же подружились, хотя он был порядком старше меня, и дружили более сорока лет. Он всегда вызывал во мне чувство восхищения. И своими делами, и тем, что в нем напрочь отсутствовала бравада. Его цельность, чистота, ясность мышления, доброжелательность и чувство собственного достоинства покоряли всех, кто имел счастье с ним соприкоснуться. Я горжусь тем, что когда Марк надумал жениться, то среди всех своих друзей выбрал свидетелем со стороны жениха именно меня. Невестой была очаровательная Ксения Вячеславовна. Я помню, как у загса бестактно заорал ему: «А, Марк! Попался!» И мы отправились вовнутрь свадебного учреждения надевать на Марка брачный хомут. Марк был очень счастлив в браке. Ксения украсила жизнь моего дивного друга, и я ей невероятно признателен.

Именно Марк выступил в мою защиту на страницах журнала «Вопросы литературы», когда некий В.Бущин накатал гнусный пасквиль, в коем облил меня

Марк Галлай был
воистину честью
и совестью нашего
времени

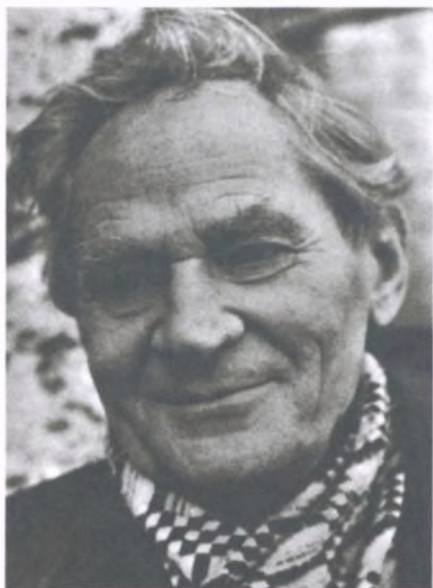
помоями с ног до головы. Я не стал читать эту клевету, но очень гордился тем, что еще до расправы со мной этот наветчик поступил так же с Владимиром Высоцким, Булатом Окуджавой и Беллой Ахмадулиной (признаюсь, компания меня устраивала). Именно Галлай дал отпор критику В.Кардину, который злобно и предвзято лягал меня за

фильм «Вокзал для двоих». Именно Марк Лазаревич на высоком совещании вступился за меня перед министром обороны Д. Язовым, будущим гекачепистом, когда тот спустил на меня свору послушных ему вояк. Марк был настоящим верным другом. И потом ему вообще было свойственно обостренное чувство справедливости не только в делах личных, но и в общественных, гражданских. От него я впервые услышал фразу, которую запомнил навсегда: «Проявить мужество в бою порою легче, нежели в мирное время, ибо в сражении можно обойтись одним отважным порывом, а в общественной жизни отвагу надо проявлять каждый день».

Вот уж кто был истинной «честью и совестью нашей эпохи».

Его не стало 14 июля 1998 года.

Полковник в отставке Марк Галлай похоронен на Троекуровском кладбище. Его проводили в последний путь как солдата, как героя, отдавая ему воинские почести.

В этой новелле будет много стихов поэта и совсем не будет бухгалтерских отчетов. Мне кажется, моего героя недостаточно знают в России, и это несправедливо. А мне свойственно стремление исправлять несправедливость. Поэтому я и хочу поведать о судьбе и стихах Бориса Алексеевича Полушина, который знаком читателям под звучным псевдонимом — Чичибабин. В нашей телепередаче, посвященной ему, было много кадров, запечатлевших Бориса Алексеевича, одного и с его любимой женой

Лилей, кадров, где он читает свои прекрасные стихи, выразительно и страстно. Но вам, дорогой читатель, придется наслаждаться его стихотворениями в вашем собственном чтении. Однако, думаю, каждый оценит чистоту, боль и мятежность его строк. Для того, чтобы снять программу о Чичибабине, наша съемочная группа отправилась в путешествие. Советские люди всегда любили ездить за границу. И я в этом смысле не исключение. Я очень признателен компании REN-TV, что она предоставила мне

и моим коллегам шикарную возможность поехать за рубеж. Итак, мы с вами в Харькове, городе, где наш герой прожил почти всю свою жизнь.

Покамест есть охота,
покуда есть друзья,
давайте делать что-то,
иначе жить нельзя.

Ни смысла и ни лада,
и дни, как решето, —
и что-то делать надо,
хоть неизвестно что.

Ведь срок летуч и краток,
вся жизнь — в одной горсти, —
так надобно ж в порядок
хоть душу привести.

Давайте что-то делать,
чтоб духу не пропасть,
чтоб не глумилась челядь
и не кичилась власть.

Никто из нас не рыцарь,
не праведник челом,
но можно ли мириться
с неправдою и злом?

Давайте делать что-то
и, черт нас подери,
поставим Дон-Кихота
уму в поводыри.

Пусть наша плоть недужна
и безысходна тьма,
но что-то делать нужно,
чтоб не сойти с ума...

...Решай скорее, кто ты,
на чьей ты стороне, —
обрыдли анекдоты
с похмельем наравне...

...За Божий свет в ответе
мы все вину несем.
Неужто все на свете
окончится на сем?

*Давайте ж делать то, что
Господь душе велел,
чтоб ей не стало тошно
от наших горьких дел!*

Боря Полушин, еще не Чичибабин, после окончания школы. 1940

Пожалуй, первое личное потрясение Борис испытал в 1941 году, когда уже шла война и ему было восемнадцать лет. Отец, Алексей Полушин, летчик, воевал на фронте. Семья жила в эвакуации в азербайджанском городе Евлахе. Мама Наталья Николаевна поделилась с подружкой семейной тайной, подружка рассказала дочери, а дочь открыла тайну своему приятелю Борису. Он вбежал домой, потрясенный, и бросился к Наталье Николаевне: «Мама, скажи, что это неправда! У меня родной отец! Скажи!»

Маме пришлось рассказать детям, Борису и дочери Лиде, правду. ...Лиды тогда еще не было на свете, а Боре был год. На лето мама с сыном уехала к своим родителям в Кременчуг. А когда вернулась осенью в Харьков, узнала, что муж изменял ей. Она сейчас же забрала сынишку и уехала опять к роди-

телям. Больше она не виделась с мужем и ничего не знала о его дальнейшей судьбе. Мама просила прощения у Бори, а он никак не мог успокоиться. Забегая вперед, скажу, что отчим Алексей Ефимович Полушин, когда после войны в их семье настали черные времена, сделал все, что только возможно, чтобы вызволить сына из беды, из тюрьмы. Он был замечательным, добрым и смелым человеком. И его родная дочь Лида ревновала отца, считая, что тот лучше относится к Боре, чем к ней.

Отсюда, из Евлаха, Бориса призвали в армию. После Буйнакского пехотного училища он попал в авиационные части, где пробыл до конца войны. А в 1946 году, демобилизовавшись, снова вернулся на исторический

Семья Полушиных после войны. Слева наш герой Боря Полушин; в центре его мать Наталья Николаевна; стоит Лида — сестра Бориса; и, наконец, глава семьи Алексей Ефимович Полушин. Он был отчимом Бориса, однако дал ему не только фамилию и отчество, но и огромную отцовскую любовь

факультет Харьковского университета, где проучился год до начала войны. Он был очень приметным студентом — высокий, порывистый, с синими глазами, писал стихи, был свободен, то есть неосторожен в высказываниях. Арестовали его ночью, пришли домой. Отец примчался в Харьков, обивал пороги всякого начальства. У него был довольно высокий пост, звание полковника, немало орденов и медалей. Ему удалось вытащить сына из рук чекистов. Отца предупредили, чтобы он лучше следил за своим сыном. Но вскоре Бориса опять арестовали, на этот раз на улице, и увезли в Москву. Полушин поехал и в столицу, но ничего не добился. Бору осудили за антисоветскую агитацию на 5 лет. Этот срок считался смехотворно малым, ибо меньше десяти не давали никому. Отец продолжал хлопотать, писал

прошения всюду, даже лично Сталину, но ничего не могло. Он посидел и перенес первый инфаркт. А Борис просидел все пять лет «от звонка до звонка». Помимо утраты свободы, он тяжело и горько переживал на-

сильственную разлуку со своей первой серьезной студенческой любовью. Сначала Борис работал на лесоповале. У него было скверное здоровье, часто шла горлом кровь, поднималась температура, болело сердце, он терял сознание. Был на волосок от смерти. Но, к счастью, его, как человека грамотного и с каллиграфическим почерком, перевели в контору на должность

Бухгалтер Чичибабин и его первая жена — паспортистка того же домоуправления Матильда Яковлевна

нарядчика. И лишь поэтому он выжил. А потом появилась новая начальница, вольнонаемная Клавдия Поздеева, и стала помогать ему. Борис, освободившись в 1951 году, хотел отблагодарить свою начальницу. Оказалось, что она страдала эпилепсией. Полушин забрал Клавдию с собой в Харьков, в более теплый климат, намеревался подлечить ее и отправить на курорт. Наверно, он был немного влюблен в нее. Чтобы ее можно было прописать, он оформил с ней фиктивный брак. Сестра Лида пишет: «Я хорошо помню, они даже спали врозь. А чтобы не сесть на мамино и папино иждивение, он быстренько окончил двухмесячные курсы бухгалтеров и устроился работать в какое-то учреждение. Помню, как мы всей семьей держали Клаву, чтоб она не разбилась, когда у нее начинался приступ. Это было страшно!»... Потом Поздеева устроилась на завод, ей дали общежитие, она съехала от Полушиных, а вскоре вышла замуж. Сердечное спасибо этой женщине — она спасла для России прекрасного поэта.

Счетовод-экономист
трамвайно-
троллейбусного
парка. 50-е годы

*До гроба страсти не избуду.
В края чужие не поеду.
Я не был сроду и не буду,
каким пристало быть поэту.
Не в игрищах литературных,
не на пирах, не в дачных рощах —
мой дух возвращивался в тюрьмах
этапных, следственных и прочих.*

И все-таки я был поэтом.

*Я был одно с народом русским.
Я с ним ютился по баракам,
леса валил, подсолнух лускал,
каналы рыл и правду брякал.
На брюхе ползал по-пластунски
солдатом части минометной.
И в мире не было простушки
в меня влюбиться мимолетно.*

И все-таки я был поэтом...

После лагеря вернуться в университет не удалось, мешало лагерное клеймо. И Борис, который начал подписывать свои стихи девичьей фамилией матери, стал вести «двойную» жизнь. Днем с девяти до шести он отсиживал в домоуправлении, занимаясь бухгалтерской работой под фамилией Полушин. А потом отдавался стихии поэзии, но уже под фамилией Чичибабин. У него случались недолгие профессиональные зигзаги — например, он служил рабочим сцены в Харьковском русском драматическом театре, были еще какие-то случайные заработки. Но с 1953 по 1956 год он был верен своему домоуправлению. В эти годы он связывает судьбу с паспортисткой, своей сослуживицей. Ее звали звучным именем Матильда. Лишенный студенческой, молодежной среды, оторванный от интеллигенции войной, лагерем и тавром недавнего заключенного, молодой поэт находит пристанище у женщины, которая ничего не понимала в поэзии и была старше его. Друзья, что постепенно начали появляться в его жизни, никогда не могли понять этого союза. Он казался

им противоестественным. У Матильды была крохотная комнатка в восемь квадратных метров, и Чичибабин прожил там четырнадцать лет. Он пишет стихи, кое-что где-то удается напечатать, но самые лучшие, пронзительные остаются у него в столе...

*Однако радоваться рано —
и пусть орет иной оракул,
что не болеть зажившим ранам,
что не воскреснуть злым оравам,
что труп врага уже не зная,
что я рискую быть отсталым,
пусть он орет, — а я-то знаю:
не умер Сталин.*

*Как будто дело все в убитых,
в безвестно канувших на Север —
а разве веку не в убыток
то зло, что он в сердцах посеял?
Пока есть бедность и богатство,
пока мы лгать не перестанем,
и не отучимся бояться, —
не умер Сталин.*

*Пока во лжи неукротимы
сидят холеные, как ханы,
антисемитские кретины
и государственные хамы,
покуда взяточник заносчив
и волокитчик беспечален,
пока добычи ждет доносчик, —
не умер Сталин.*

*И не по старой ли привычке
невежды стали наготове —
навешать всяческие лычки
на свежее и молодое?
У славы путь неодинаков.
Пока на радость сытым стаям
подонки травят Пастернаков, —
не умер Сталин.*

*А в нас самих, труслив и хищен,
не дух ли сталинский таится,*

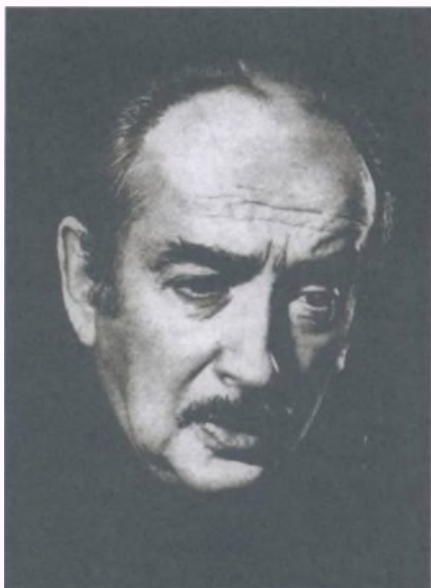
*когда мы истины не ищем,
а только нового боимся?
Я на неправду чертом ринусь,
не уступлю в бою со старым,
но как тут быть, когда внутри нас
не умер Сталин?*

*Клянусь на знамени веселом
сражаться праведно и честно,
что будет путь мой крут и солон,
пока исчадь не исчезло,
что не сверну и не покаюсь,
и не скажусь в бою усталым,
пока дышу я и покамест
не умер Сталин!*

Я хорошо помню, как и когда я узнал Чичибабина. Это было для меня как гром среди ясного неба. В 1988 году, когда это стало наконец возможным, я вел в Доме кино первый вечер памяти Александра Аркадьевича Галича. Саша был мой друг. Поэтому я, собственно говоря, и вел этот вечер. Народу было полным-полно, сидели на ступеньках, «висели на люстрах». И вдруг объявили: «Выступает поэт Борис Чичибабин». Это имя мне ничего не говорило. Вышел прекрасный, худой человек, стройный, с аскетичным лицом, очень красивый, и звучным голосом прочитал стихи. Одно стихотворение было посвящено памяти Александра Галича, с которым Чичибабин был знаком, другое — «Не умер Сталин». Оно произвело на меня сильнейшее впечатление. Мы познакомились с Борисом Алексеевичем. В тот вечер русская поэзия стала для меня еще богаче и полнее — я открыл очень близкого мне, замечательного, талантливого стихотворца...

Однако вернемся в Харьков, в крошечную каморку, где бухгалтер после трудового дня предавался поэтическому творчеству. Матильда Федоровна готовила обеды, обстирывала мужа (впрочем, я даже не знаю, были ли они официально зарегистрированы, но это неважно). Бедность, конечно, была кондовая. Я при-

ходил в этот дом в декабре 1995 года, когда снимал телепередачу. От двора, лестницы, комннатенки и коридоров берет оторопь. Только, пожалуй, наличие электрической лампы на лестничной клетке говорило о том, что это не трущоба времен Достоевского...

Однако капля камень точит. Мало-помалу стихи становились известными харьковским любителям поэзии. По выходным дням в каморку набивалось множество людей. Те, кто не умещался в комнате, толпились в коридоре, на лестничной площадке. Все курили, читали стихи, горячо обсуждали литературные новости. Кстати, и для Бориса Алексеевича лестничная площадка была одновременно кабинетом и курилкой. Именно здесь, расхаживая взад и вперед, он что-то бормотал про себя, а потом бежал в комнату записывать на бумаге. Постепенно бухгалтер Чичибабин стал в Харькове неофициальным поэтическим мэтром.

Александр Галич.
«О как в готовность
ждуших комнат
Его поющий голос
вхож!
И что с того, что он
такой вот,
На мученика
не похож»

В 1956 году он ушел из домоуправления и стал работать бухгалтером в грузовом таксомоторном парке. В 1963 году вышли его первые книжки — малюсенький томик стихов «Молодость», изданный в Москве «Советским писателем», и сборник «Мороз и солнце», опубликованный в Харькове издательством «Прапор».

В 1964 году при ДOME культуры работников связи организовали литературную студию, которая просуществовала два года. Чичибабин руководил ею. По негласному требованию КГБ «рассадник вольнодумства» был закрыт. Борис Алексеевич остался без заработка и пустился по проторенной дорожке — нанялся экономистом-счетоводом на этот раз в Харьковский трамвайно-троллейбусный парк, где проработал

двадцать три года. Я был там и сидел за конторским столом, за которым вкалывал неутомимый труженик на nive бухгалтерского учета. Никто из сотрудников парка даже не подозревал, что бок о бок с ними почти четверть века соседствовал один из прекраснейших русских поэтов. Я беседовал с барышнями, которые трудились в той же комнате за соседними столами. Они дали прекрасную характеристику Чичибабину как счетоводу, отметили его спокойный уравновешенный характер, его аккуратность и дотошность во всем, что касалось цифр, его приветливость и интеллигентность. Конечно, когда я беседовал с ними, они уже знали, кем оказался их сосед по комнате. Но я с ними разговаривал не о стихах бухгалтера, а о поведении поэта в бухгалтерии.

В 1966 году Чичибабина приняли в Союз писателей СССР. Одна из рекомендаций была ему дана С.Я.Маршаком, а это дорогого стоило. Став членом Союза, Борис Алексеевич мог бросить бухгалтерское дело и целиком отдаться литературному труду. Его бы уже никто не считал тунеядцем. Но прожить на публикации человеку, печатающемуся редко, нерегулярно, без каких бы то ни было гарантий, было невозможно. Надо было есть, одеваться, платить за квартиру, и он продолжал ту работу, благодаря которой в Харькове ходили трамваи и троллейбусы. «Папа в это время отделил от своего сада участок в шесть соток для Бориса и построил ему небольшой дачный домик из двух комнат и кухни. Они там с Мотей жили до самой осени, — писала Лида, сестра поэта. — Через некоторое время Боря получил от Союза писателей однокомнатную квартиру...»

Матильда Федоровна, «Мотя», несомненно, хорошо солила на зиму огурцы, умело окучивала картошку и вполне сносно вела домашнее хозяйство. Но в душе поэта, несмотря на убогое советское благополучие, накапливалась усталость. В обществе начались репрессии против «подписантов», активизировалась еврейская эмиграция в Израиль. Среди уезжающих навсегда было немало его близких друзей. Еще в ла-

гере, в 1946 году, им было написано стихотворение «Еврейскому народу». Вот несколько строк из него:

*Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
не водись я с грустью золотой и горькой,
не ночуй в канавах, счастьем обуянный,
не войди я навек частью безымянной
в русские трясины, в пажити и в реки, —
я б хотел быть сыном матери-еврейки.*

Исход евреев из России Борис Алексеевич принял как беду, как личное горе. Помимо того, что уезжали близкие люди, друзья, — а тогда казалось, что это навсегда, — у него еще скорбела душа за отчизну. Уезжали умные, талантливые, энергичные, обедняя тем самым отечество. А Родина, Держава молча, недружелюбно ощетибилась и отвернулась от своих детей. Уезжающих лишали гражданства, при отъездах унижали, как могли.

*Дай вам Бог с корней до крон
без беды в отрыв собраться.
Уходящему — поклон.
Остающемуся — братство.*

*Вспоминайте наш снежок
посреди чужого жара.
Уходящему — рожок.
Остающемуся — кара.*

*Всяка доля по уму:
и хорошая, и злая.
Уходящего — пойму.
Остающегося — знаю.*

*Край души, больная Русь, —
перезвонность, первозданность
(с уходящим — помирюсь,
с остающимся — останусь) —*

*дай нам, вьюжен и ледов,
безрассуден и непомнящ,
уходящему — любовь,
остающемуся — помощь.*

*Тот, кто слаб, и тот, кто крут,
выбирает каждый между:
уходящий — меч и труд,
остающийся — надежду.*

*Но в конце пути сияй
по заветам Саваофа,
уходящему — Синай,
остающимся — Голгофа.*

*Я устал судить сплеча,
мерить временным безмерность.
Уходящему — печаль.
Остающемуся — верность.*

Чичибабин был очень чуток, когда задевали национальность. Он был подлинным интернационалистом. У него болело сердце за беду каждого народа, населяющего нашу страну. Во многих его стихотворениях встречаются строфы и строки, полные братской любви к литовцам и армянам, молдаванам и украинцам, белорусам и татарам.

Вот строфа из стихотворения, которое называется «Республикам Прибалтики»:

*...Перемогший годы окаянные,
обнесенный чашей на пиру,
вольный крест вины и покаяния
перед вами на душу беру...*

А вот о крымских татарах:

*...Стало их горе солоно.
Брали их целыми селами,
сколько в вагон поместится.
Шел эшелон по месяцу.
Девочки там зачахли,
ни очага, ни сакли.
Родина оптом, так сказать,
отснята и подарена, —
и на земле татарской
ни одного татарина.*

*Живы, поди, не все они:
мало ль у смерти жатв?
Где-то на сивом Севере
косточки их лежат...*

Эти строки из «Псалма по Армении»:

*...И, бренное тесня
трагедией исхода,
мой мозг сечет резня
пятнадцатого года...*

Борис Алексеевич переживал тяжелый душевный кризис. В 1967 году он создает одно из самых пронзительных своих стихотворений. Ему 44 года, он еще не стар, но такое может написать только вконец отчаявшийся человек.

*Сними с меня усталость, мать Смерть.
Я не прошу награды за работу,
но ниспошли остуду и дремоту
на мое тело, длинное как жердь.*

*Я так устал. Мне стало все равно.
Ко мне всего на три часа из суток
приходит сон, томителен и чуток,
и в сон желанье смерти вселено.*

*Мне книгу зла читать неволю,
а книга блага вся перелисталась.
О мать Смерть, сними с меня усталость,
покрой рядом худую наготу.*

*На лоб и грудь дохни своим ледком,
дай отдохнуть светло и беспробудно.*

*Я так устал. Мне сроду было трудно,
что всем другим привычно и легко.*

*Я верил в дух, безумен и упрям,
я Бога звал — и видел ад воочью, —
и рвется тело в судорогах ночью,
и кровь из носу хлещет по утрам.*

*Одним стихам вовек не потускнеть,
да сколько их останется, однако.*

Я так устал! Как раб или собака.

Сними с меня усталость, мать Смерть.

А в октябре 1967 года в его жизни случилось чудо — он встретил Лилию...

Собственно говоря, главное, ради чего я прикатил в Харьков, — была беседа с ней. Мы встретились

Борис Алексеевич и Лилия Семеновна встретились осенью 1967 года. С того времени жизнь обих переменялась. Каждый из них встретил свою предначертанную половину

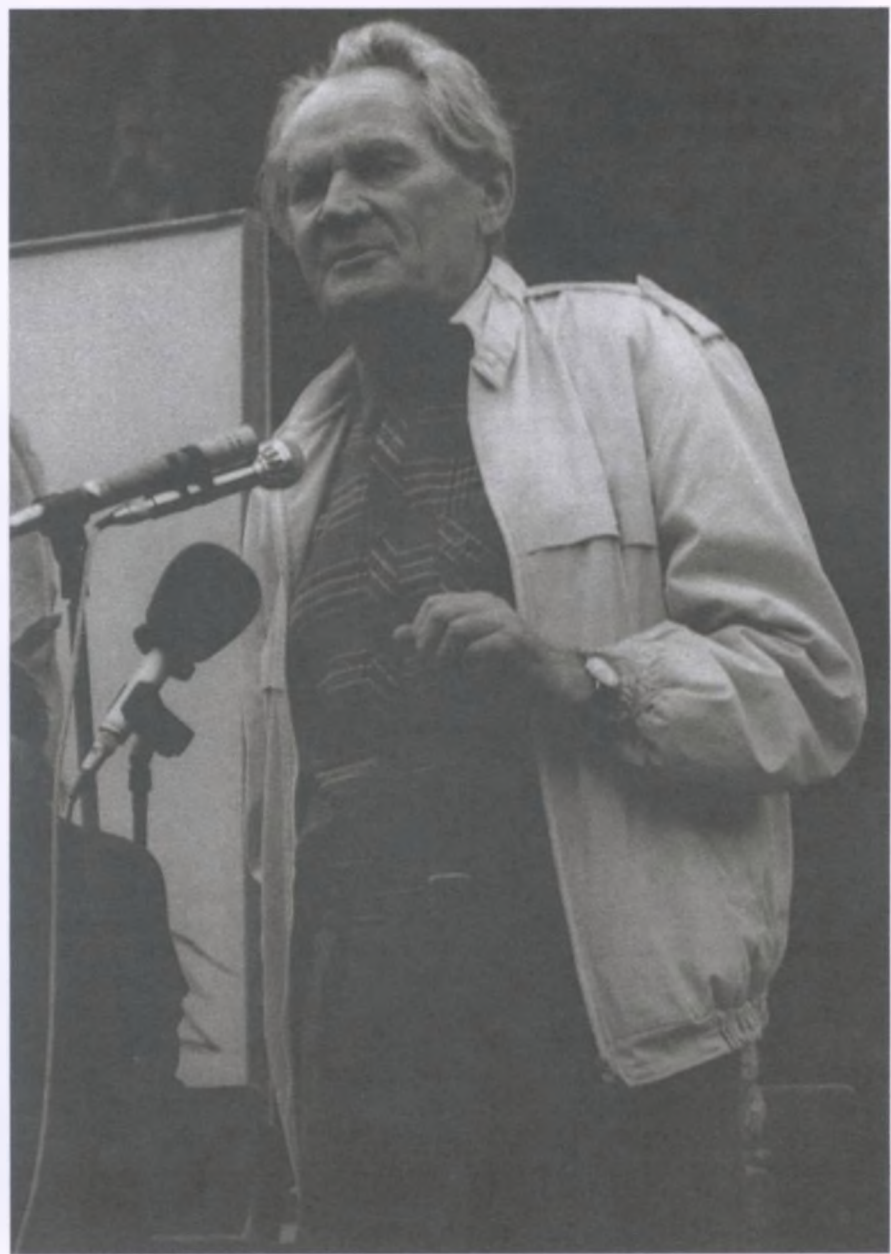
с Лилей Чичибабиной в заснеженном сквере в центре Харькова. Она не походила на Беатриче Данта, не напоминала Лауру Петрарки, в ней не было ничего общего ни с пушкинской Натали, ни с блоковской Незнакомкой. Рядом со мной шла обыкновенная, уже немолодая женщина в шубе и сапогах. Но на ее лице тревожно горели дивные глаза, горели тем внутренним светом, которым была освещена ее душа. И было понятно, почему именно ей посвящены восхитительные лирические стихотворения.

*Когда уйдешь, а рано или поздно
ведь ты уйдешь затем, что молода,
затем, что роща никнет в холода,
и сухомьять расшатывает десны,*

*душа пребудет памятью горда,
и пусть проходит чисто и бесслезно
тех лет осиротелых череда,
что нам дано прожить с тобою розно.*

*О, будь счастлива в жизни без меня!
Возьми на память эти письма,
что в дни любви душа моя кропала.
Как все живое, воду и зарю,
за все, за все тебя благодарю,
целую землю там, где ты ступала.*

Она подарила двадцать семь лет счастья одинокому, уставшему человеку, поэту, который до встречи с ней даже не догадывался, что бывает такая любовь. И он ответил ей тем же — нежным, трепетным, беззаветным чувством. Он ее буквально засыпал прекрасными любовными стихами. Она могла бы сшить из них, из этих бумажных листов со словами, потрясающее платье. Они никогда не расставались до самой смерти Бориса, всегда были вместе, рядом. И я невыразимо рад, что два чудесных человека нашли в этом мире друг друга. Может, именно ради этого они и появились на свет. Но Борис Алексеевич родился еще и для того, чтобы оставить нам свои неугасимые стихи. Когда мы беседовали о Чичибабине, Лиля говорила как бы спокойно, ровно, но все равно она напоминала подранка. В ней не было опасения, что впереди может случиться что-то страшное. Страхное уже свершилось. И ничего более ужасного не может произойти. Во время нашей беседы я постоянно ощущал, что в ней гнездились где-то внутри и чувство стыда за то, что подробности их любви были выставлены поэтом на всеобщее обозрение, и скрытая — глубоко, глубоко — гордость, что она смогла внушить такому умопомрачительному человеку это обожание и поклонение. Я видел и ее изумление, что прекрасные, нежные строчки посвящены именно ей, и безмерную благодарность судьбе за доставшееся счастье. Дорогой читатель, если бы вы знали, как порой бедны слова, насколько бледно они передают суть чело-

века, глубину происходящего. Могут сказать одно: Лилия Семеновна — одна из самых достойных и благородных женщин, которых я встречал в жизни.

Эльдар Рязанов:

Лилия Семеновна, скажите, пожалуйста, как начался ваш роман с Борисом Алексеевичем? Как это случилось?

Лилия Чичибабина:

Да... Это произошло в самом деле неожиданно. Я шла по переулку, недалеко от этого места, где мы сейчас гуляем. Просто бежала. На работе был перерыв, и я бежала к приятельнице. И навстречу, — сейчас зима, а тогда стояла прекрасная осень, красивая, золотая. И тепло было благостное, — навстречу шел человек, которого ну нельзя было не заметить. Он совершенно выпадал из общего колорита: в длинном пальто, довольно теплом, у него был усталый вид. В общем, я натолкнулась на него и увидела, что это Борис Алексеевич Чичибабин, к которому я некоторое время ходила в литературную студию.

Эльдар Рязанов:

Стихи писали, да?

Лилия Чичибабина:

Ну, немного, так... Это громко сказано...

Эльдар Рязанов:

Тогда он как мужчина не обращал на вас никакого внимания?

Лилия Чичибабина:

Нет, нет. Мы к этому моменту, наверно, года два с половиной не встречались. Он спросил, пишу ли я стихи по-прежнему. Я сказала, что да, немножко. Вдруг он предложил: «Хотите, я вам прочту свои стихи?» Я сказала: «Конечно, хочу». Это меня всегда очень привлекало. Ну, он сел на скамеечку и прочитал мне много стихотворений, очень сильных. Я была потрясена.

Эльдар Рязанов:

Это был какой год?

Лилия Чичибабина:

Октябрь шестьдесят седьмого года. Я помню.

Эльдар Рязанов:

Что это было для вас? Какое-то наваждение? Или был сильный напор с его стороны? Для вас это было неожиданно?

Лилия Чичибабина:

Неожиданно было очень.

Эльдар Рязанов:

Я понимаю, что и жалость вспыхнула к нему, и восхищение им как поэтом. И тем не менее, очевидно, возникло кое-что еще?

Лилия Чичибабина: Я не знаю. Мне и в самом деле трудно говорить. Когда-то Борис сказал, что во всем есть тайна. И что стихи ему Бог помогает писать, как бы диктует. Мне кажется, в чувстве, что нас соединило, было тоже какое-то пре-

В 1989-м перестроечном году Борис Алексеевич поддерживал во время предвыборной кампании Евгения Евтушенко: тот баллотировался в Верховный Совет СССР от Харькова. На переднем плане публицист Юрий Карякин грустно подпер голову, должно быть, предвидя, что Евтушенко депутатом не станет

допределение свыше. Стыдно так говорить, может, слишком громко, но что-то помимо нас тут было. Я в мире была довольно одинока. Не могу сказать, что была удачливой, веселой. Конечно, у меня тоже было чувство веры, ожидания... Меня не интересовали люди прагматичные, которые не понимают, не чувствуют, что такое стихи! Меня больше привлекали к себе чудачки. А тут вдруг на моей дороге объявился гениальный чудак. Его тронуло мое волнение. Что-то по его просьбе прочитала я. Он проводил меня до работы и попросил разрешения встретиться вечером. Под огромным впечатлением от его стихов, а также от его неприкаянного вида я согласилась. С того дня мы стали встречаться ежедневно. Борис напишет впоследствии, что тогда я спасла его. Верю, что так и было.

Эльдар Рязанов: Вы его расспрашивали о прошлом? Например, в его стихах нет ничего ни о войне, ни о лагере...

Лилия Чичибабина: Конечно, спрашивала. Он отвечал: «Это тебе знать не нужно. Это неинтересно». Я многого не знала. Сейчас узнаю новое о его прошлой жизни. Из воспоминаний сестры, из его стихов, из его лагерных писем, которые он никогда в жизни мне не давал. Они были у его сестры. Я помню, когда Лида спросила его, что делать с юношескими стихами, Боря сказал: «Выброси их». Счастье, что Лида его не послушала.

Эльдар Рязанов: Лилия Семеновна, ни у Бориса Алексеевича, ни у вас не было детей ни порознь, ни вместе?

Лилия Чичибабина: Не было, не было. Это, конечно, печально, но так уж случилось в жизни. Для меня он был все: и ребенок, и муж, и отец, и брат. Общаться с ним была большая духовная радость. Жить с ним было и легко и трудно.

Не лъну к трудам. Не состою при школах.

Все это пожь и суета сует.

Король был гол. А сколько истин голых!

Как жив еще той сказочки сюжет.

Мне ад везде. Мне рай у книжных полок.

*И как я рад, что на исходе лет
не домосед, не физик, не геолог,
что я никто — и даже не поэт.*

*Мне рай с тобой. Хвала Тому, кто ведал,
что делает, когда мне дела не дал.*

*У ног твоих до смерти не уныл,
не часто я притрагиваюсь к лире,
но счастлив тем, что в рушащемся мире
тебя нашел — и душу сохранил.*

В моем повествовании о Чичибабине много стихотворений, но это единственная возможность дать высказаться герою, которого — увы! — уже нет в живых. Тем более что герой оказался красноречивым в самом лучшем смысле этого слова.

Смерть Твардовского потрясла Чичибабина. Для нашего поколения «Новый мир» был, пожалуй, единственным легальным очагом свободы, а имя Александра Трифоновича — символом благородства.

Александр
Твардовский.
«Иной венец, иную
честь,
Твардовский, сам
себе избрал ты,
затем, чтоб нам
хоть слово правды
по-русски выпало
почесть...»

К шестидесятилетию Твардовскому собирались дать звание Героя Социалистического Труда. Так сказать, сравнять с А.Софроновым, В.Кочетовым, А.Первенцевым, Н.Грибачевым, А.Чаковским и прочими. А в Калуге в сумасшедшем доме сидел правозащитник Жорес Медведев. Твардовский хотел поехать и навестить единомышленника, упрямого в психушку. Он понимал, что этого поступка ему не простят. Но сказал: «Если не мы, то кто же? И если не сейчас, то когда?» И поехал в Калугу, смахнув тем самым со своей груди Звезду Героя. Парадокс тогдашней жизни: человек совершает героический

поступок, и именно за это его лишают этого звания. А дальше у него отняли его любимое детище — журнал.

После этого Твардовский заболел, и вскоре раковая опухоль, не испытывая сопротивления, поглотила его целиком. Я все это видел, все это знаю. Я был соседом Твардовского, наши дачи разделял лишь забор... Чичибабин откликнулся на смерть человека, который олицетворял совесть нации. Свое стихотворение он читал налево и направо. Вскоре наступила расплата.

Памяти А.Твардовского

Вошло в закон, что на Руси
при жизни нет житья поэтам,
о чем другом, но не об этом
у черта за душу проси...

Из вьюг, из терний, из оков,
из рук недобрых, мук немалых
народ над миром поднимал их
и бережно, и высоко.

Из лучших лучшие слова
он находил про опочивших,
чтоб у девчонок и мальчишек
сто лет кружилась голова.

На что был загнан Пастернак —
тихоня, бука, нечестивец,
а все ж бессмертью причастились
и на его похоронах...

Иной венец, иную честь,
Твардовский, сам себе избрал ты,
затем чтоб нам хоть слово правды
по-русски выпало прочесть.

Узнал, сердечный, каковы
плоды, что муза пожинала.
Еще лады, что без журнала.
Другой уйдет без головы.

Ты слег, о чуде не моля,
за все свершенное в ответе...
О, есть ли где-нибудь на свете
Россия — родина моя?

И если жив еще народ,
то почему его не слышно
и почему о лжи облыжной
молчит, дерьма набравши в рот?

Ведь одного его любя,
превыше всяких мер и правил,
ты в рифмы Теркина оправил,
как сердце вынул из себя.

И в зимний пасмурный денек,
устав от жизни многотрудной,

*лежишь на тризне малолюдной,
как жил при жизни одинок...*

*...До кома в горле жаль того нам,
кто был эпохи эталоном —
и вот, унижен, слеп и наг,
лежал в гробу при орденах,
но с голодом неутоленным, —
на отпеванье потаенном,
куда пускали по талонам
на воровских похоронах.*

В 1973 году Харьковское отделение Союза писателей исключило из своих рядов Бориса Чичибабина. Дальнейшие двадцать лет счетовод жил счастливой личной жизнью рядом с обожаемой женой. Исправно ходил на работу, корпел над цифрами, авралил во время годовых отчетов и в свободное от бухгалтерии время пописывал стихи. Жили бедно, на зарплату. Экономили, чтобы летом в отпуск поехать по городам и весям необъятной державы. Будто знали, что скоро ей наступит конец. объездили Прибалтику, Армению, Грузию, Молдавию. В Москве познакомились с Александром Галичем, в Ленинграде с Александром Володиным. Обросли друзьями в Харькове и в Москве. Подружились и всю переписывались с правозащитниками философом Г.С.Померанцем и его женой, поэтом З.А.Миркиной, ставшими для Бориса Алексеевича духовными учителями. Из каждой поездки привозились новые стихотворения. Это не были туристские впечатления. Чичибабину было свойственно смотреть в глубину явлений и вскрывать спрятанные противоречия. На многие наши исторические события или на исторических личностей он частенько смотрел особым взглядом.

Проклятие Петру

*Будь проклят, император Петр,
стеливший душу, как солому!
За боль текущего былому
пора устроить пересмотр.*

От крови пролитой горяч,
будь проклят, плотник саардамский,
мешок с дерьмом, угодник дамский,
печали певческой палач!

Сам брады стриг? Сам главы сек!
Будь проклят, царь-христуубийца,
за то, что кровию упиться
ни разу досыта не смог!

А Русь ушла с лица земли
в тайнохранительные срубы,
где никакие душегубы
ее обидеть не могли.

Будь проклят, ратник сатаны,
смотритель каменной мертвецкой,
кто от нелепицы стрелецкой
натряс в немецкие штаны.

Будь проклят, нравственный урод,
ревнитель дел, громада плоти!
А я служу иной заботе,
а ты мне затыкаешь рот.

Будь проклят тот, кто проклял Русь —
Сию морозную Элладу!
Руби мне голову в награду
за то, что с ней не покорюсь.

Каждое его стихотворение всегда идет вразрез с верноподданническими штампами. Он всегда двигался против течения, собственной дорогой. Главной чертой Чичибабина было обостренное чувство совести. Каждую чужую боль он принимал как свою. И откликался проникновенными строчками.

Спокойно днюет и ночует,
кто за собой вины не чует:
он свой своим в своем дому
и не в чем каяться ему.

Он в хоровом негодованье
отверг и мысль о покаянье.
А я и в множестве один,
на мне одном сто тысяч вин.

*На мне лежит со дня рожденья
проклятье богоотпаденья,
и что такое русский бунт,
и сколько стоит лиха фунт.*

Декабрьские вечера
1989 года.
Отмечается
100-летие со дня
рождения
Бориса Пастернака.
Два поэта —
Белла Ахмадулина
и Борис Чичибабин

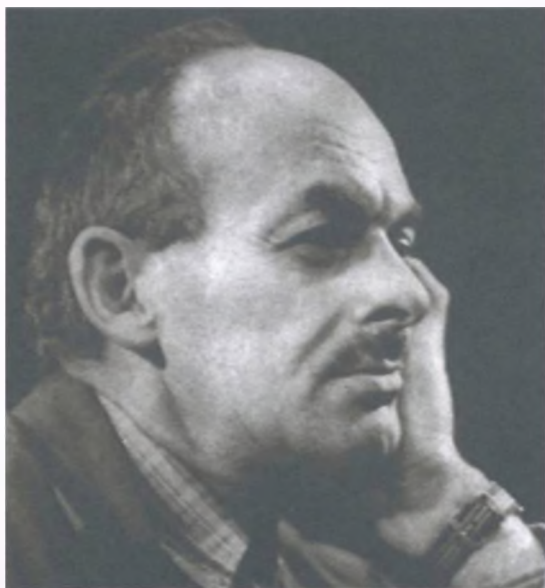
Высокий ценитель
поэзии
Зиновий Гердт
обожал Чичибабина,
и поэт платил артисту
тем же

*И тучи кровью моросили, —
когда погибло пол-России
в братоубийственной войне, —
и эта кровь всегда на мне.*

За эти годы было создано множество нежных, любовных, очаровательных стихотворных посланий Лиле, целый лирический цикл.

Казалось бы, какие еще стихи, когда жена рядом, разогревает суп, относит в стирку белье, приходит с авоськами, когда видишь ее утром, днем и вечером. Но истинная любовь плюс поэзия — сотворяют чудо. Почитайте чичибабинскую лирику, и вы позавидуете человеку, который так умел любить. Я считал и считаю: умение любить —

это тоже талант, и дается он, увы, не каждому. И наконец пришла перестройка. Борис Алексеевич оказался востребован всюду. Авторский вечер в библиотеке имени Н.А. Некрасова, в Центральном Доме

«Борис давно понял свое предназначение поэта и следовал ему до конца дней»
Буллат Окуджава

литераторов, в Доме медиков, в Доме архитекторов, в журнале «Огонек», на филфаке МГУ — это все Москва. Авторские вечера в Ленинграде, Киеве, Донецке. На вечере памяти Александра Галича в Московском Доме кино — я о нем уже упоминал — познакомился с Чичибабиным и я. Кстати, на все эти вечера он старался ездить по субботам и воскресеньям. А в будни отпрашивался в трамвайно-троллейбусном парке или брал короткий отпуск за свой счет. Круг его знакомств и дружб расши-

ряется: тут и Зиновий Гердт, и Булат Окуджава, и Давид Самойлов, и Евгений Евтушенко.

Вот что говорит Лилия Чичибабина:

«Четверть века он был отлучен от массового слушателя и наконец увидел перед собой переполненный зал, людей в коридорах, на подоконниках... Конечно, я волновалась безумно, но с первых звуков его голоса поняла, что зал захвачен и покорен стихами Бориса, его манерой читать, его выстраданной верой в каждое слово. Даже сутулость при его высоком росте не мешала, не скрадывала осанки, а одухотворенности и благородства ему всегда было не занимать».

Харьковская писательская организация продолжала делать вид, что писателя Чичибабина не существует.

В Харьков послали телеграммы Булат Окуджава, Григорий Поженян, редколлегия «Нового мира» во главе с Сергеем Залыгиным. Это были требования, а не просьбы — восстановить поэта в Союзе писателей. Булат, например, подчеркнул, что для исключавших Бориса «восстановить его — большая честь». И эта процедура состоялась 14 октября 1987 года. Его восстановили те же, что выгоняли четырнадцать лет назад. Сам Чичибабин не хотел этого, говорил, что стар, но Евтушенко и другие друзья уговорили поэта. Борис Алексеевич был от природы незлопамятен, да и надежды на перемены в стране тоже повлияли на его решение.

«Борису было неловко, он стоял перед собравшимися растерянный и едва ли не чувствуя себя виноватым за происходящее. «Исправляли ошибку» те же самые люди, которые ее совершали, только обличали они не себя, а кого-то неведомого, попутавшего их. Но для не имеющих стыда ничего не имело значения», — пишет в своих воспоминаниях Лилия Чичибабина.

В эти годы публиковались подборки его стихов в самых разных толстых журналах. Не прошло мимо и Центральное телевидение, был снят и показан фильм о поэте. Происходило обвальное «явление Чичибабина народу». По настоянию друзей Борис Алексеевич предпринимает издание за свой счет большого поэтического сборника «Колокол». Как правило, за счет автора издается нечто не очень добротное, отвергнутое издательствами. Но здесь был совсем другой случай. Книга с тем же названием планировалась в «Советском писателе», но государственная улита ехала очень медленно. Далее случается беспрецедентное: за стихи в периодической печати Чичибабин выдвигается на Государственную премию. Обычно выдвигают за книги, за поэтические сборники, а не за стихотворения, разбросанные в разных журналах. И тут опубликованный за гроши, совсем непарадный «Колокол» вышел из печати, обогнав плановое издание на два года, и мгновенно разо-

шелся. Выпуск сборника помог в определении претендентов на Государственную премию по литературе за 1990 год.

«В марте 1989 года, — пишет Лилия Чичибабина, — Борис наконец оставил работу. Ему было 66 лет и, кроме того, что его не отпускали трамвайщики, он сам в какой-то мере побаивался изменения установившегося образа жизни. Но состояние здоровья и все большее участие в литературно-общественной жизни требовали свободного времени».

*Не верю сызмала словам я,
тружусь, как пахарь, за столом.
Мы ж рушим мир до основанья
и ничего не создаем.*

*Уж так, Россия, велика ты,
что не одну сгубила рать, —
нам легче взлезть на баррикады,
чем в доме чуточку прибраться...*

Чичибабин нарасхват. Без него теперь не обходятся вечера памяти таких писателей, как Константин Паустовский или Осип Мандельштам. Фирма «Мелодия» выпускает пластинку «Колокол», где автор читает свои стихи. Он выступает на благотворительных вечерах в пользу пострадавших от землетрясения в Армении, участвует в Минске в акции против травли Василя Быкова. Состоялись первые поездки за рубеж — Италия, Германия, Израиль.

Я счастлив, что в последние семь лет своей жизни Борис Алексеевич испытал, что такое «медные трубы» — полные залы, интервью, телепередачи, признание.

Хотя, конечно, нация была уже разобщена и резонанс был не таким, каким мог быть раньше. И все же после тихой, однообразной службы счетовода он стал вдруг известен любителям поэзии в огромной стране. Всюду его встречали с радостью и любовью. Но он не был рожден для славы. Ему вся эта шумиха совсем не кружила голову, он оставался скромным, застенчивым и деликатным.

*Один в нужде скорблю душой,
молчу и с этими и с теми, —
уж я-то при любой системе
останусь лишний и чужой.*

Весной 1991 года я приехал на один день в Харьков со своей новой картиной «Небеса обетованные». Когда я приступал к этой ленте, то думал, что сделаю что-то родственное горьковской пьесе «На дне», но про Россию не начала, а конца двадцатого столетия. Моими героями стали жители свалки, опустившиеся интеллигенты, бомжи. Однако в это время в стране рушились устои, экономика, империя шаталась и плыла в неизвестность без руля и без ветрил. Постепенно мусорные свалки в прямом, а не в переносном смысле, как раковые метастазы, «занимали города». К тому времени, когда картина была готова, оказалось, что она рассказывает не о частном случае, а как бы обобщает жизнь страны. В этом не было моей заслуги. Просто стремительное обнищание народа, бедственное положение людей (целые слои населения были выбиты из привычного русла инфляцией и безработицей) было таково, что фильм невольно стал копией действительности. Многие герои моей ленты, несмотря на «помоечные» условия жизни, сохранили душевную чистоту, человеческую гордость, верность дружбе и высоким идеалам. Они были далеко не ангелами, с трудными судьбами, характерами, со своими взбрыками, но, как мне думается, несли в себе главное — чувство собственного достоинства. Их играли Лия Ахеджакова, Валентин Гафт, Леонид Броневой, Ольга Волкова, Вячеслав Невинный, Роман Карцев, Светлана Немоляева. Конечно, я позвонил Чичибабиным и пригласил их на просмотр. Перед фильмом я около полутора часов выступал перед зрителями, отвечал на записки, на вопросы, а потом, перед демонстрацией ленты, был антракт. Зал был огромный, наверное, на полторы-две тысячи зрителей. Я отыскал Бориса Алексеевича, и мы побеседовали о том, о сем. Я нервничал перед про-

смотром, меня дергали, брали автографы. Серьезно-го, глубокого разговора не получилось. Картину зал принял восторженно, а после просмотра я Чичибабиных не видел — в этой толпе встретиться мы не смог-

«Когда уйдут
в бесповоротный
 путь
любви моей унылые
 светила,
ты напиши хоть раз
 когда-нибудь
стихи про то, как ты
 меня любила...»

ли. Я сразу поехал на вокзал, поздний поезд увозил меня в Москву. Так что мнения Бориса Алексеевича мне узнать не довелось. Примерно через месяц в «Литературной газете» появилось стихотворение Чичибабина под названием «Вместо рецензии». Я долго думал, публиковать ли его в этой новелле о поэте. А потом решил, что если не приведу его строк, это будет с моей стороны не скромность, а скорее идиотизм. Ибо ради людей, которые наделены совестливостью, я делал свою кинокартину.

*Хоть люб нам Дон Кихот, но кто он —
сам автор путался порой:
дразнящий разум псих и клоун
или всамделишный герой.*

«Смеясь над милым, слезы лью, мол», —
признал всевидящий Отец,
и так родился в мире юмор
для восприимчивых сердец.

Печаль веселью не обуза,
смешит добро нас — мир таков:
легко представить Иисуса
меж диккенсовских чудаков.

И тот же Гоголь, тот же Чехов
небесно светятся в мозгу,
со смеха утреннего съехав
на предвечернюю тоску...

В любимом не ища изъянов,
но полюбивши всей душой,
считаю, что Эльдар Рязанов
в компании этой не чужой,
что, как над тем спины ни горби,
никто не взвесит на весах
наличие нежности и скорби
в его обильных телесах,

что он, бесспорно, как намедни
в том убедиться удалось,
в своей комедии последней
до вышеназванных дорос...

Он из внимательных и щедрых,
чьи сны по воздуху плывут,
чей дар — благополучным недруг
и неудачникам приют.

Он сострадает бедным людям,
кто благороден и гоним,
и, если путь его и труден,
я все равно пойду за ним.

Над лбом его витают нимбы
и проступает благодать,
а мне сегодня надо с ним бы
о несказанном поболтать,

затем что — прямо как в романах —
я, хоть к такому не привык,
после «Небес обетованных»
его поклонник и должник.

...В этом же 1991 году случился путч, ГКЧП, страну трясло. Путь к развалу империи, казавшейся незыблемой, ускорился. Дальше случилось непоправимое: три карьериста, встретившись в Беловежской пуще, развалили Советский Союз. Гнили и мерзости, конечно, в нашей державе скопилось немало. Иначе вряд ли бы она так легко и с такой готовностью рухнула. Но это был абсолютно безответственный шаг. «Ребята» пошли по пути наименьшего сопротивления. Кроме того, их всех, несомненно, подогревали сумасшедшие властолюбивые амбиции — у каждого из них появлялось все свое: резиденции, охрана, личные самолеты, гимн, герб, флаг, звание Верховного главнокомандующего и прочие атрибуты, так льстящие убогому самолюбию. Думаю, держава стоила того, чтобы попытаться ее сохранить. На иных началах, принципах, на равноправной основе, на демократических опорах. Но это было трудно, а для этих людей, возможно, непосильно. Они даже не попытались развязать запутанный узел отношений, они, как палачи, прибегнули к удару топора...

Чичибабин неожиданно для себя, как, впрочем, и многие русские, живущие в разных республиках СССР, оказался жителем зарубежья. Украина сделалась «незалежной», а Борис Алексеевич стал подданным новой страны. Правда, он прожил в ней до того всю жизнь. Но помимо перемены знамен, гербов и гимнов началось разжигание ненависти к «москалям». Тут надо отдать должное России — в ней никогда не культивировались дурные чувства к «хохлам», к Украине.

Правда, к российским властям иные претензии. Они попросту предали всех соотечественников, которые вынужденно оказались за пределами страны. Но это уже другая история...

*Извечен желтизны и сини —
земли и неба договор...
А я живу на Украине
с рождения и до сих пор.*

От материнского начала
светила мне ее заря,
и нас война лишь разлучала
да северные лагеря...

...В свой дух вобрав ее природу,
ее простор, ее покой,
я о себе не думал сроду,
национальности какой,

но чуял в сумерках и молниях,
в переполохе воробьев
у двух народов разномовных
одну печаль, одну любовь.

У тех и тех — одни святыни,
один Христос, одна душа, —
и я живу на Украине,
двойным причастием дыша...

Иной из сытых и одетых,
дав самостийности обет,
меж тем давно спровадил деток
в чужую даль от здешних бед.

Приедет на день, сучий сыне,
и разглагольствует о ней...
А я живу на Украине,
на милой родине моей...

...И я тоски не пересилю,
сказать по правде, я боюсь
за Украину и Россию,
что разорвали свой союз.

Откуда свету быть при тучах?
Рассудок меркнет от обид,
но верю, что в летах грядущих
нас Бог навек соединит...

...Я не для дальних, не для близких
сложил заветную тетрадь,
и мне без песен украинских
не быть, не жить, не умирать...

...И днем с огнем во мне гордыни
национальной не найдешь,
но я живу на Украине,
да и зароете в нее ж.

*Дал Бог на ней укорениться,
все беды с родиной дела.
У русского и украинца
одна судьба, одна земля.*

...Мы беседовали с Лилией Семеновной в их квартире в хрущобном доме, расположенном отнюдь не в центре Харькова. Она показывала семейные фотографии, читала юношеские стихи Бориса. Вместе мы ездили на кладбище поклониться могиле поэта. Сейчас там стоит прекрасный памятник работы скульптора А. Владимировича. На арке, венчающей надгробие, высечено: «Сними с меня усталость, мать Смерть»... Кстати, ныне в Харькове есть улица, которая носит имя поэта.

Мы много разговаривали. Лилия Семеновна вспоминала о последних годах жизни Бориса Алексеевича. Случалось и хорошее, и дурное. Но все, что происходило, ложилось на внутренний душевный разлад, который он испытывал от крушения страны.

Из хорошего: Чичибабину присудили премию «За гражданское мужество писателя» имени академика А.Д. Сахарова за 1993 год.

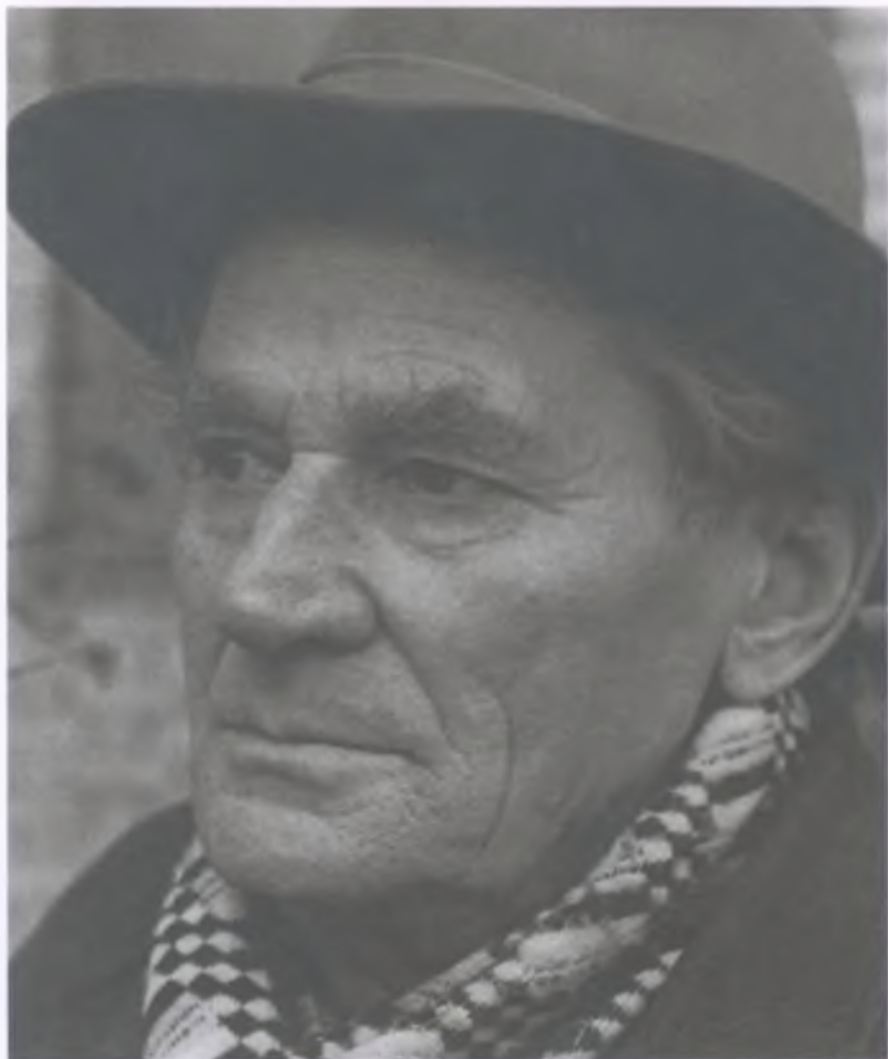
Из плохого: болезнь.

Вот две строфы из его последнего стихотворения, буквально выдохнутого им в 1994 году, году его кончины:

*Исповедным стихом не украшен,
никому я не враг, не злодей.
За Кавказским отторженным кряжем
каждый день убивают людей...
...Не мои — ни пространство, ни время,
ни с обугленной вестью тетрадь.
Не под силу мне бренности бремя,
но от бесов грешно умирать...*

Из воспоминаний Лилии Чичибабиной:

«...Невыносимо больно смотреть на фотографии последнего года, где на похудевшем лице отчетливо проступают признаки болезни. Особенно тяжело ви-

Борис Чичибабин был подлинным интеллигентом. Ибо чужую боль он переживал как свою

деть по телевизору выступление на вечере «Литературной газеты» – «Автограф» 12 ноября 1994 года. Он плохо чувствовал себя, в основном лежал, очень изменился. Накануне поездки я сказала, что все-таки ехать нельзя. Он в ответ: «А если в последний раз?»

Мне это так важно». Важно было, собрав всю силу больных легких, прохрипеть «осевшим» голосом «Плач по утраченной Родине». Это его завещание, дар жертвенной боли, укоротившей жизнь...»

Плач по утраченной Родине

Судьбе не крикнешь: «Чур-чура,
не мне держать ответ!»
Что было родиной вчера,
того сегодня нет.

Я плачу в мире не о той,
которую не зря
назвали, споря с немотой,
империю зла,
но о другой, столетней,
чей звон в душе снежист,
всегда грядущей, за кого
мы отдавали жизнь.

С мороза душу в адский жар
впихнули голышом:
я с родины не уезжал —
за что ж ее лишен?

Какой нас дьявол ввел в соблазн
и мы-то кто при нем?
Но в мире нет ее пространств
и нет ее времен.

Исчезла вдруг с лица земли
тайком в один из дней,
а мы, как надо, не смогли
и попрощаться с ней.

Что больше нет ее, понять
живому не дано:
ведь родина — она как мать,
она и мы — одно...

...Из века в век, из рода в род
венцы ее племен
Бог собирал в один народ,
но божий враг силен.

И, чьи мы дочери и сыны
во тьме глухих годин,

*того народа, той страны
не стало в миг один.*

*При нас космический костер
беспомощно потух.
Мы просвистали свой простор,
проматерили дух.*

*К нам обернулась бездной высь,
и меркнет Божий свет...
Мы в той отчизне родились,
которой больше нет.*

Друг Чичибабина писатель Владимир Леонович:
«В декабре 1994 года произошло вторжение войско-
вой армады в Чечню. Борис успел узнать, что начина-
ется очередная кавказская война. Много ли надо бы-
ло, чтобы добить человека, уже лежавшего на одре.
Для Бориса это оказалось смертельно. Я считаю, что
он стал первой жертвой чеченской войны».

Из воспоминаний Лилии Чичибабиной:

«...В разговорах он неоднократно повторял: «Ни до
чего хорошего я уже не доживу...» Боря скончался
15 декабря.

Я думала, не переживу. Я читала ежедневно утренние
и вечерние молитвы, которые врачевали меня слеза-
ми и соединяли с ним.

Я давно не писала стихов. Но после его кончины и до
сорока дней написала 12 плачей о моем Горе и чита-
ла их после молитв, в течение дня...

*И все приняв, как ты мне Свет открыл,
все думаю, за что мне счастье было?
За что нас Бог двоих благословил?
И сделал так, чтоб я тебя любила,
чтоб жизнь моя прошла не в пустоте,
не в суете семейного базара,
а в таинстве священного пожара,
в прекрасной и суровой высоте».*

«**Колено-он-** **непреклонный**»

*О необыкновенный Гердт!
Он сохранил с поры военной
Одну из самых лучших черт, —
Колено-он-непреклонный.
В.Гафт*

Зямочка, Зяма, Зиновий Ефимович... Одним словом — Гердт. Мы подружались году эдак в 1967-м, когда они с Таней купили дачу на Пахре и мы стали соседствовать.

Я Зяме очень обязан тем, что он открыл мне Бориса Пастернака, приобщил меня к его стихам. Вообще стихи были, пожалуй, одной из главных точек нашего соприкосновения. Мы даже сочиняли вместе всякие дурацкие вирши, в основном для юбилеев наших замечательных, любимых нами деятелей искусства. Помню, во время «Пражской весны» летом 1968 года мы гуляли по пахринским аллеям и валяли дурака:

*Епишев и Гречко
вышли на крылечко,
завели гуманный разговор:
мол, что это за субчик
Александр Дубчек?..*

И что-то дальше в этом роде... Нам казалось тогда, что чехам удастся выскочить из соцлагеря. Но когда наши танки обрушились на Чехословакию, мы смолкли. Стало не до шуток. Было горько и стыдно осознавать свою принадлежность к стране палачей... В 1969 году мы оба бросили курить, поддерживали

друг друга в этом, но Зяма оказался слабаком, а я удержался и держусь до сих пор. Потом был семидесятилетний юбилей Михаила Ильича Ромма. Ромм олицетворял для нас совесть кинематографа. Мы сочинили для него куплеты. Но не панегирические, а как бы наоборот – «разоблачительные». Назывались они «Куплеты завистников» и исполнялись на расхожий мотив, что поют нищие в электричках. Мы вышли на сцену Дома кино втроем, аккомпанировал нам кинорежиссер Петя Тодоровский, необыкновенный музыкант-самородок. Среди множества куплетов помню такой, имевший особенно шумный успех:

*А как поступил юбиляр с Кузьминою?
Пусть знает советский народ:*

*Он сделал артистку своею женою.
Все делают наоборот!*

Наше безоблачное дружество продолжалось долго,

У фотографа-«пушкаря» на рынке. Всунул голову в отверстие, и вот ты джигит. Единственное, чего не хватает Зяме на снимке, так это усов

лет, пожалуй, пятнадцать. Ходили друг к другу в гости, отмечали вместе новогодние праздники, не пропускали дни рождений.

Зяма был на первой читке нашего с Гришей Гориним сценария «О бедном гусаре замолвите слово». Потом он сыграл в нем небольшую роль продавца попугаев, запуганного и замордованного российским антисемитизмом. Сыграл, как всегда, сочно, смешно, трогательно. Эта работа да еще авторский текст в фильме «Старики-разбойники», прочитанный им виртуозно, — вот и вся наша совместная творческая деятельность, не считая самодетельности, о которой я уже упоминал.

Зяма и Таня были очень разборчивы в знакомствах. У них за столом нельзя было встретить человека хоть с мало-мальски сомнительной репутацией. Как-то инстинктивно, а может, и не инстинктивно, а вполне сознательно, в их жизни существовал некий отборочный фильтр. Зяма и в еще большей степени Таня, которой свойствен категорический стиль, всегда очень чутко реагировали на несправедливость, нечистоплотность, недобросовестность как идеологическую,

так и личную. В их доме я познакомился и сдружился с немалым количеством порядочных людей. Зяма очень любил говорить тосты. Обладая незаурядным литературным дарованием, он вкладывал его в монологи о друзьях, тосты его были многословны, остроумны, замысловаты, но всегда сердечны. Правда, чем дольше продолжалось застолье, тем менее связанной становилась речь хозяина. Но это не делало его менее привлекательным.

Однажды у нас с Зямой произошла страшная размолвка. Ссоры не было, просто я прекратил с ним дружеские отношения. Перестал ему звонить, приходить в гости. Как бы отрезал его, вычеркнул из своей жизни. Случилось это вот почему. В 1984 году я закончил свою ленту «Жестокий романс». Картина встретила восторженный зрительский прием и резкую отповедь критики. Практически все газеты — «Труд» пером В.Вишнякова, «Литературная газета» устами Е.Суркова, Д.Урнова, Вл.Гусева, «Советская культура» опусом В.Туrowsкого, «Комсомольская правда» откровениями А.Дроздина и многие другие не оставляли от фильма и от меня как постановщика камня на камне, размазывали меня по стенке. А в это же время в лавине зрительских писем — их пришло около двух тысяч — выражались благодарность, восторги, содержались самые высокие оценки ленты. Несовпадение многих критиков и публики было невероятным.

К сожалению, Зяме моя лента не понравилась. Но я узнал об этом не от него в личной беседе, — хотя мы встречались регулярно, — а услышал в его выступлении в телевизионной программе «Киноафиша», которую он вел. Он поведал о своем неприятии моего фильма многим миллионам людей. Это поразило меня.

Естественно, он имел право на свое мнение, конечно, ему могла не понравиться моя кинокартина, причем любая. Это никак не повлияло бы на наши отношения, но в случае, если бы он сказал об этом мне лично. По моим моральным правилам, я сам никогда бы

не выступил публично с негативной оценкой произведения своего друга, товарища, единомышленника. Я бы сообщил ему об этом только наедине. А может быть, даже и умолчал бы, дабы не наносить травму близкому человеку. Выступить же публично с критикой, особенно тогда, когда шла всесоюзная травля фильма, казалось мне чудовищным, недопустимым. Обида была нанесена смертельная, и я прервал с Зямой всяческое общение.

Зиновий Ефимович, видимо, решил, что я воспринимаю только хвалебные отзывы, что я оскорбился потому, что ему не понравилось мое произведение. Но далеко не все мои ленты ему или иным друзьям нравились, однако это никогда не имело для меня значения. Огорчался, конечно, но и все. На нашу дружбу подобные ситуации никак не влияли. А здесь было совсем иное дело.

Несколько лет мы не общались. При встречах, конечно, раскланивались.

Когда пришел юбилей Зямы — семидесятилетие — Петя Тодоровский, очевидно не зная о наших рухнувших взаимоотношениях, предложил мне по традиции, чтобы мы написали и спели на вечере в Доме кино «Куплеты завистников», подобные тем, что мы исполняли на юбилеях М.Ромма и Ю.Никулина. Я превозмог себя, ибо в глубине души любил Гердта. Мы сочинили частушки на тот же проверенный мотивчик:

Во время войны проявил он беспечность.

Верней, поступил он хитро:

Под пули фашистов подставил конечность,

Чтоб ездить бесплатно в метро.

Но я не остался на банкет, не подошел к юбиляру, не поздравил его лично, видел его только со сцены. Как бы выполнил долг и ушел.

Размолвка продолжалась. И мы оба горько страдали от этого...

И все же нашли в себе силы распутать сложный узел, оказались мужчинами в трудной ситуации. Наша

Есть такое выражение: «Элегантен как рояль». Так вот, Зяма был элегантнее рояля

дружба в последние годы стала особенно нежной и крепкой...

У Зямы и Тани открытый дом. В новогоднюю ночь десятки людей сменяли друг друга за праздничным столом, и среди них были не только знакомые. Как-то около трех часов ночи один из гостей обратился к Тане:

— Простите, а вы кто будете?

— Я вообще-то хозяйка, — ответила Таня. — А вы кто?..

А потом началась болезнь. Таня скрывала эту страшную тайну. Зяма по-прежнему ездил на съемки, на творческие выступления. Но теперь Таня всегда сопровождала его, готовая в любую минуту прийти на помощь.

Зяма, который прежде никогда не жаловался на здоровье и на вопрос: «Как ты себя чувствуешь?» неизменно отвечал: «Превосходно! Шикарно! Великолепно!», стал вдруг признаваться, что самочувствие у него неважное.

Постепенно все близкие узнали о его болезни. Угасание шло неумолимо. Мы часто навещали его в тот период и вместе с моей женой Эммой были свидетелями, как день ото дня жизнь уступала, давая дорогу смерти...

Помню, как он, известнейший, любимейший актер, фронтовик, мечтал о маленьком автомобильчике с автоматической коробкой передач. У него не сгибалась нога, и водить такую машину ему было бы значительно легче. Когда он был смертельно болен, угасал, ему удалось наконец купить машину с такой коробкой передач. Он мечтал выздороветь и поехать на ней. Однажды, после того как я навестил его и собрался уходить, Таня сказала:

— Зяма, что ты стоишь? Иди, открой гараж и отвези Элика домой.

Таня в мучительные месяцы его страданий вела себя потрясающе. Она знала, что болезнь неизлечима, что дни Зямы сочтены, но не делала из него больного.

Хочешь курить — кури, хочешь выпить рюмку — вы-

пей, она его не ограничивала в том, что было как бы вредно. Да и что могло быть вредным для человека, чья жизнь кончалась? Зяма открыл гараж, вывел маленький «Опель», я сел к нему, и он отвез меня к до-

му, до которого было 300 метров... Развернулся и уехал обратно. Я долго смотрел ему вслед...

Как-то я его спросил:

— Зяма, а что бы ты хотел такого, чтобы еще исполнилось в твоей жизни?

Он ответил, как ребенок:

— Знаешь, я хотел бы пожить еще немного, чтобы поездить на этом чудесном автомобиле.

Это волшебно: он стоит на горке и никуда не

едет, а я не нажимаю на тормоз...

У меня сдавило горло:

— Ты обязательно поедешь, Зяма, обязательно.

Я не врал тогда во спасение, я верил, что чудо еще возможно, но...

Но чуда не свершилось...

В августе 1996 года, за месяц до восьмидесятилетия моего друга я понял, что обязан сделать о нем телевизионную программу, с тем чтобы ее показали в день юбилея, 21 сентября. Телевизионная съемка была назначена на первые числа сентября. Я тревожился, как она пройдет, ибо Зяма был уже очень болен. Но когда он вышел в сад к съемочной группе, где были установлены камеры и софиты, я был поражен. Перед нами предстал элегантный, я бы сказал, франтоватый, безупречно одетый артист. На нем был галстук-бабочка и, как всегда, черные туфли (обувь другого цвета он не признавал и никогда не носил). Я же пришел на беседу к другу без галстука, и Зяма

распорядился, чтобы мне выдали галстук из его гардероба, сам выбрал тот, который лучше всего подходил к моему костюму, и подарил мне его. Я этот галстук теперь надеваю в тех случаях, когда иду на торжество к кому-нибудь из дорогих мне людей.

Передача была показана 21 сентября 1996 г. вечером по первой программе. Но больной организм юбиляра, утомленный шумихой, потоком поздравителей, вручением ордена, нахлынувшими друзьями, не выдержал нагрузки, и Зяму уложили в постель. Когда по «ящику» показывали нашу программу, на даче за сдвинутыми столами человек, пожалуй, семьдесят, а может, и поболее, отмечали 80-летие Зямы. А виновник торжества в соседней комнате был погружен в глубокий сон и не слышал тех нежных красивых слов, которые звучали в его честь на этом печальном празднике...

Но вернемся к съемке. Зиновий Ефимович как истинный профессионал высочайшего класса при виде телевизионных камер и осветительных приборов как бы напрочь забыл о страшном недуге и провел разговор безупречно: оживленно, с юмором; говорил точно, афористично, метко, свободно шутил. Но как только выключились съемочные аппараты и погасли софиты, куда это все подевалось?!

Это была для меня невероятно трудная беседа.

Я знал, что разговариваю с обреченным человеком, причем очень мне близким и любимым. Но показать, что я это знаю, нельзя было ни в коем случае. Надо было сохранить обычную беспечность, шутливость, дурошлепство, свойственные нашему обычному общению.

Конечно, при чтении пропадут неповторимые гердтовские интонации, необыкновенный тембр его голоса, которым говорили с экрана многие зарубежные актеры, который звучал в образцовских спектаклях, который проникал в души при чтении Зямой закадрового авторского текста в кинофильмах. Но из этой беседы — его последнего телевизионного интервью — мы узнаем неизвестные факты из его, каза-

лось бы, всем известной жизни. Поэтому я приведу большую часть нашего разговора, ибо никто не расскажет о себе лучше, чем сам Зяма. Иногда я буду сопровождать некоторые фразы ремарками, но в основном это будет стенограмма интервью, которое состоялось ранней осенью на его дачном участке...

— Герой сегодняшней нашей программы, — начал я, — мой близкий друг. И, признаюсь, я отношусь к этому человеку крайне неравнодушно.

Поэтому, несмотря на то, что он достиг весьма почтенного возраста, уж извините, я буду обращаться к нему на «ты» и называть его просто Зяма. Потому что речь пойдет о Зиновии Ефимовиче Гердте.

Зяма засмеялся.

— Очень оригинальное начало, — поддел он меня, сразу же облегчив мою задачу и задав интонацию.

— Зяма, итак, тебе восемьдесят лет. Ты просто молодец и молодец. Скажи, пожалуйста, восемь десятков лет, прожитые тобой, — это для тебя как много разных жизней? Или все пролетело как один большой день?

— Ты знаешь, скорее всего второе твое определение. Один прожитый день — и одна ночь.

— Ночь тоже была? — со значением спросил я.

— Да, да. Ночь тоже имела место, — так же со значением ответил Зяма.

— Но, надеюсь, ночь была не однообразная?

— Нет, нет, — успокоил меня друг.

Мы немного похихикали.

— Против природы не попрешь, — объяснил Зяма и начал рассказывать:

— Однажды мы приехали в Пярну, и Дезик Самойлов (именем Дезик близкие друзья называли Давида Самойлова — Э.Р.) показал сборник новых стихов, отпечатанный на машинке. И сказал мне: «Выбирай, какое стихотворение тебе посвятить».

Я сидел, долго-долго вчитывался. И было там одно, которое меня просто сразило трагизмом, чувством, поэтической интонацией. Ну, всем-всем, что было в этом огромном поэте.

*Воссоздай, повтори, возверни
Жизнь мою, но ясней и короче.
Слей в единственный день мои дни,
И в единую ночь мои ночи.
День единственный, долгий, единый,
Ночь одна, что прожить мне дано.
А под утро отлет лебединый,
Крик один и прощанье одно.*

Вот я дожил до единого крика и единого прощания. Когда этот рубеж наступит, нам не дано предугадать, как говорил Тютчев.

— Надеюсь, это произойдет очень не скоро... — встал я.

— Прощаться с такой долгой жизнью надо или очень подробно, или мгновенно, — отозвался Зяма.

— Я предпочел бы второй путь, — заметил я.

— И я предпочел бы второй.

— Зямочка, скажи мне, пожалуйста, такую вещь. Все ведь думают, что ты — прирожденный интеллигент, элитарная, так сказать, кость, голубая кровь, артист, друг многих известных кумиров нашего века. А никто ведь, по сути дела, и не знает, что ты просто-напросто фээзушник. Пролетарий. Ты осуществил типичную американскую мечту. Или, если хочешь, советскую. Ты — Self-made-man, человек, который сам себя сделал. Из простых рабочих стал знаменитым артистом. Вот расскажи о семье, о родителях, о том, как все началось...

— Родители... Понимаешь, папа был удивительный человек. Конечно, ортодоксальный еврей. Ходил в синагогу и выполнял все ритуальные обряды...

— А в каком городе это было?

— Это Себеж. Маленький городок на границе России и Латвии.

— А сейчас он где?

— В России. Через тринадцать километров Зилупе, уже Латвия, потом Резекне. В Себеже жило пять тысяч человек. Эти пять тысяч разделялись примерно на три равные части. Три конфессии. Был храм право-

славный, на горке, замечательный. Его потом взорвали. Не немцы.

— Не немцы? — понимающе спросил я.

— Не немцы, — подтвердил Зяма.

«Люблю тебя и всегда горжусь тобой. У нас с тобой судьба похожая: мы росли постепенно...». Из письма Давида Самойлова Зяме

— Кто бы это?

— Да, кто бы это? Была синагога, такая деревянная, обшарпанная, но синагога.

— А ее не взорвали?

— Нет. Фашисты сожгли. Они сожгли и все население еврейское, которое не успело убежать. Это я знаю.

— А третья религия?

— Третья польская. Костел был, и была польская община. Мы, мальчишки, знали все три языка.

Я знал идиш. Ты можешь представить, я идиш знал. Я мог написать письмо на идише. Я стихи какие-то опубликовал в местной газете по поводу коллективизации.

«Знаешь, я сейчас не очень в здоровом виде, и как-то прислонился к Тане... очень страдал... И вспомнил себя трехлетнего и как мама взяла меня, что называется, на ручки...»

- Но писали, увы, другие.
- Да. Писали другие.
- А кем он работал?
- Служащий маленький. То тут, то там; какое-то было «Заготзерно». Он ездил по деревням, что-то заготовливал. Потом был нэп. Отец брал какие-то подряды, брал у местных богачей, лавочников деньги и ездил в Москву за товаром для них. Понимаешь?
- То есть челноком работал?
- Именно челноком. И в одну из таких поездок он

— Это тебе сколько было лет? Пятнадцать?

— Меньше, меньше. Лет тринадцать.

— Восторженные стихи, конечно? — уточнил я.

— Конечно, восторженные!

— Если мы вспомним произведения Шолом-Алейхема, который описывал еврейские местечки, это похоже?

— Не похоже, потому что у Шолом-Алейхема — мононациональные местечки. А тут было трехнациональное. Так об отце. При том, что он был очень набожный еврей, у него была какая-то природная русская грамотность и каллиграфический почерк. Ему бы писать на банкнотах. Знаешь, банковские билеты...

взял меня. И на Сухаревском рынке ему разрезали пиджак и выкрали все деньги, которые ему доверили. Никто не подвергал сомнению, что его обчистили, но долг ему не простили. И он всю жизнь был в долгах.

— Сколько вас было детей?

— Четверо. Я последний.

— Кстати, Гердт — это фамилия или псевдоним?

— Это псевдоним. То есть не совсем псевдоним, это мамина фамилия. Мама, родивши двух сыновей и двух дочерей, никаким образом не воспрепятствовала тому, что все четверо выбрали в спутники жизни православных. Ну, папы уже не было, вот он, вероятно, страдал бы. Со старшим братом и его женой мы жили в одной комнате, и это было очень тяжело.

— Это в Москве уже было?

— В Москве, в бараке Тимирязевской академии. Случались какие-то ссоры у невестки с моей сестрой.

И всю жизнь при всех обстоятельствах мама была на стороне невестки. Потому что она живет в чужом доме... После паузы Зяма добавил:

— Знаешь, я сейчас не очень в здоровом виде, и как-то прислонился я к Тане... очень страдал... И вспомнил себя трехлетнего и как мама взяла меня, что называется, на ручки и прочитала строчки из какого-то хрестоматийного русского стихотворения, которое я помню только частично:

Бедный мальчик весь в огне,

Все ему неловко.

Ляг на плечико ко мне,

Прислонись головкой...

Я так плакал, как в детстве, а это было, ну, дней десять назад...

Мама знала много русских стихов и романсов. У нас был прямострунный рояль, очень дешевый, но она умела подбирать ноты и пела. Я помню ее романсы. Они сейчас не исполняются. Хотя имеют великую силу обаяния. «Дитя, не тянися весною за розой». Ты не знаешь таких.

- Нет, не знаю.
- Вот. А я знаю.
- Зяма, в Москве ты работал слесарем. Откуда появилась эта тяга стать артистом? Как это произошло?

Далекие времена. На даче у Гердтов немало съедено, выпито, сказано тостов. Моя первая жена Зоя, я сам, уже не худенький, гостеприимный хозяин и Петя Тодоровский

– Это произошло не с кондачка и не спонтанно, а дело в том, что у нас в школе был директор господин Ган.

– Это в Себеже?

– Да. Я там участвовал в школьных кружках. И единственную склонность, которую Ган во мне обнаружил, он записал в аттестате: «Имеет склонность к драматической игре». В меня это запало.

– Это называется Ган в руку.

– Да, можно сказать, это Ган в руку. Склонность

к драматической игре, думаю, возникла от чтения стихов. Тяга была всегда ко всему, напечатанному в столбик.

— Это потому, что ты был ленив. Запоминать длинные строчки труднее, чем короткие.

— Стихов в голове было всю жизнь очень много. Но я никогда их не читал вслух публично или даже дома, а вот про себя всю жизнь читаю стихи. И ночью, перед сном. Я их запоминал очень легко. И когда я поступил в ФЗУ, там был ТРАМ — Театр рабочей молодежи. При всяком заводе были ТРАМы. Висел даже плакатик: «Приходи к нам в ТРАМ». И я пришел к ним в ТРАМ. Мне сказали: «Ты стишок какой-нибудь знаешь?» Я знал. И меня приняли. Я даже помню, что я читал. «Повесть о рыжем Мотеле».

— Иосифа Уткина?

— Да. Кстати, я помню свое первое любовное стихотворение.

— Которое сам написал?

— Сам написал.

— А прочитать можешь?

— Ну, так... одну строфу. Я не мог даже любовное, лирическое стихотворение написать как серьезное. Девушка одна на школьном вечере пела «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной». Красивейшая вещь. Мне показалось, что она неправильно поет. Но все равно она была обладательницей моего сердца и тайно любимой. А стихотворение кончалось так:

Зачем ты вышла в платье белом?

Зачем в вечерней тишине

При мне, красавица, ты пела?

Не пой, красавица, при мне.

Мы оба засмеялись.

— Ты хочешь сказать, что ты ее любил?

— Да. Я не хотел острить. Получалось само собой.

— Работая электриком, ты уже серьезно хотел стать артистом?

— Не обязательно артистом. Но при театре. Чтoб бы-
ла эта атмосфера. В этот ТРАМ пришел Плучек, потом
Арбузов.

— Ах, так это арбузовская студия?

— Потом это преобразилось в арбузовскую студию.
Это был уже тридцать восьмой год.

— Ну, арбузовская студия, насколько я знаю, пре-
тендовала стать большим театром, настоящим теат-
ром.

— Да, конечно. Если бы не война, конечно, мы могли
бы... Спектакль был один поначалу — «Город на за-
ре».

— Арбузовский?

— Даже не арбузовский, а коллективный. Но потом
Арбузов под своим именем напечатал и нам посвя-
тил. Нашей актерской и литературной бригаде... Ми-
ша Львовский поступил в Институт филологии и ли-
тературы, и там он меня свел с замечательной плея-
дой предвоенных московских поэтов, которые все
стали моими друзьями.

— Это Багрицкий, Коган?

— Да, Сева Багрицкий, Павел Коган, Кульчицкий,
Суворов.

— Все погибли?

— Да. Конечно. Всех повыбила жизнь. И в их числе
был, конечно, и Дезик Самойлов. Вот он остался на
всю жизнь.

— Ты как бы никогда не чувствовал себя чистым ар-
тистом? Твои пристрастия были на стыке поэзии
и драматургии?

— В студии я играл главную роль, которую сам себе
придумал. У всех были главные роли и все себе при-
думывали. Но я был еще и осветитель главный!

— Потому что был электрик в жизни?

— Все мои прожекторы были из банок «монпансье»,
такие большие банки из-под леденцов. Туда я монти-
ровал патроны, лампы, и все это горело, все это све-
тило.

— Это умение делать руками у тебя сохранилось
и прошло через всю жизнь?

- Через всю жизнь. Руки помнят, но уже охоты нет. Уже тяжело махать молотком и пилой. Все это теперь вызывает одышку. Но я все знаю: как надо, что надо, чего куда и как по пальцам себя не ударить.
- Когда ты был в студии, ты уже не работал слесарем-электриком?
- Обязательно работал. Кроме трех-пяти человек, все трудились. Только в это время я вкалывал, по моему, уже не на «Метрострое», а на Главпочтамте, на Мясницкой. Просто монтером.
- Зарплату получал?
- А как же!
- Сколько раз ты к этому времени уже женился? Извини за хамский вопрос.
- К этому времени я еще ни разу не женился.
- Значит, эта страсть пришла потом?
- Это не страсть. Это привычка, — поправил меня Зяма.
- Как ты попал на войну?
- Студийцы были освобождены от службы в армии. Потому что нас сразу сделали фронтовым театром. Обслуживать войска и госпитали. Но десять человек, одна девушка, жена Исаея Кузнецова, и девять мальчиков, будем говорить, мужчин, «отодвинули» привилегию и пошли солдатами на войну.
- Добровольно?
- Добровольно. Я помню, мы пришли в райком комсомола почему-то будучи уверены, что мы все попадем в одну часть. Ничего подобного.
- Вас всех развеяли в разные части?
- Распотрошили! У меня как бы какое-то техническое образование было — меня определили в саперы. Сначала в Болшево в военно-инженерное училище. А потом через несколько месяцев выпустили младшим лейтенантом. И направили под Воронеж. Примерно между Старым и Новым Осколом, на Дону. Я приехал и увидел первых убитых. Это было так страшно, Эльдар! Нельзя рассказать! Лежит мальчик, у него черное лицо, и ползут мухи по этому лицу, и ему не доставляет это никакого неудобства. Ты

представляешь себе? При том, что лето, и это жутко пахнет. Человеческое тело разложилось. Нестерпимо отвратительно пахнет, понимаешь? Я очень перепугался!

Довольно быстро я сошелся с одним замечательным человеком. Парторг полка Иван Абрамович Агарков. Он был проректор Харьковского университета. Не то математик, не то физик. Совершенный человек. Идеальный человек. Могу тебе сказать по секрету, что он открыл мне глаза на Сталина. Это было в сорок втором году.

— И не боялся?

— Нет, он меня не боялся. Он в меня поверил... Он говорил: «...Когда ты в атаке, не кричать нельзя. Потому что слишком страшно. Надо отвлекать себя от страха быть убитым. Потому что рядом упал человек. «За Родину!» — кричи. Мы воюем за освобождение нашей Родины от немецких фашистов». Он мне вкладывал это в мозги. А вот «За Того» — не надо орать.

— Что он тебе еще говорил о Сталине?

— Объяснял. Что он тиран. Это слово было произнесено. Ну, я, конечно, молчал.

— И сколько же ты пробыл на фронте?

— С января сорок второго по февраль сорок третьего. Тринадцатое февраля — день ясный, потрясающий день. Снег искрится, и стоит такая будочка железнодорожная. И мы рядом с этой будочкой, комиссар полка, Николай Ефимович, и я. И вдруг мы видим танк, и вспышку, и мы оба падаем. Ему в глаз, а мне в ногу. Николай Ефимович, — тьфу, тьфу, тьфу, — жив, мы перезваниваемся. А от опушки леса мы были, ну, в метрах четырехстах. И все это видела с опушки Верочка Веденина, наша санинструктор. Вчера она мне звонила. Вот она меня и тащила на своих женских плечах. Знаешь, очень интересное ощущение, это надо рассказать.

— Расскажи обязательно.

— Как будто оглоблей ударили меня по ноге.

Не больно, а как бы чем-то круглым, деревянным. Я упал. И вижу, как нога моя левая так вот сама ходит,

как хвост дракона какого-то. И тут я понял, что ее у меня нету. И увидел себя на костылях, на Страстной площади, у Страстного монастыря, входящим через переднюю площадку в трамвае.

Стихи Бориса
Чичибабина:
И это ни капли
 не странно,
Поскольку не в масть
 временам,
Он каждой улыбкой
 с экрана
Добро проповедует
 нам

- Вот прямо тогда сразу?
— Да, сразу увидел, как я вхожу. Пустоватый трамвай дневной, и две старушки так сочувственно смотрят на меня и говорят: «Какой молодой!» Так мне было жалко и гордо, как я, инвалид, вхожу с передней площадки.
— И как же эта девочка, санинструктор, тебя тащила? Хорошо еще, что ты не очень тяжелый.
— Я не очень тяжелый и тогда был не тяжелый. На плащ-палатке.
— Четыреста метров до леса?
— Четыреста метров. Она была белая от изнеможения, рыхлая такая, жарко, понимаешь, февраль солнечный. Жарко. Где-то уже возле самой опушки подбежали еще двое мужиков...

- Она тебя тащила под огнем?
- Абсолютно!
- Она спасла тебе жизнь.
- Она сделала так, что я с тобой могу сейчас разговаривать. — Зяма засмеялся. — Смешно это все, смешно. Вот я тебе скажу. Мы знакомы не первые двадцать лет. А так серьезно никогда не разговаривали.
- Я слушаю тебя с огромным интересом!
- Мы с тобой частенько говорили о стихах. Это и твоя страсть, и моя. Мы сошлись на этом, кстати сказать.
- Ко многим стихам приохотил меня ты. И тем не менее давай все-таки говорить о тебе. Значит, ты получил ранение, и после этого сколько ты пролежал в госпитале? Что случилось с ногой? У тебя ведь нога своя, у тебя не протез?
- Упаси Бог!
- Расскажи про это.
- Я попал в госпиталь через три месяца после ранения, Белгород был отрезан от континента, от Большой земли.
- И где же ты был все это время?
- Меня несли из деревни в деревню на станцию Ржаво. Сто километров несли целый месяц восемь баб. По четыре человека на носилки. Это чудовищная эпопея.
- Я никогда об этом не слышал...
- А дальше... Ну, представь себе, лежал я в Белгороде в госпитале, была крошечная комнатка. Помещалась только моя кровать и табуретка. Я должен был бы лежать в гипсе, но в Белгороде не было гипса. Не было никаких лекарств, кроме красного стрептоцида. Не было никаких перевязочных средств. Была шина. Металлическая, проволочная такая, и она выгибалась по форме изуродованной ноги. А там выбито восемь сантиметров живой кости над коленом. Вздохнуть или чихнуть — не дай Бог, я терял сознание от боли. Я не спал, потому что знал, что умру, если усну. Только днем иногда засыпал. Затем меня перевезли в Курск, там сделали первую операцию.

- И я был счастлив, — ничего не болит, я весь в гипсе до сих пор, — Зяма показал на грудь, — жуткий голод. Меняю сахар на хлеб, чтобы как-то насытиться.
- Ты ходишь или лежишь?
- Какой ходишь?! У меня все в гипсе, кроме пальцев этой левой ноги. Потом привозят меня в Новосибирск.
- Сколько же ты пролежал вообще в госпитале в гипсе? Сколько операций было?
- В Новосибирске три операции. Там был такой жестокий военный хирург, который говорил, что чем больше раненый кричит на столе, тем меньше страдает в койке. И он без наркоза, под местной анестезией, долбил мою кость. Негодяй, жуткий негодяй!
- Три раза долбил?
- Три раза! Я боялся этого! Это жуткая боль. Ну ладно, что тебе рассказывать? Чушь! Правда, через час уже не так больно...
- После Новосибирска еще куда-то тебя возили?
- В Москву. И вот здесь-то были главные операции. Шесть штук.
- И сколько же в общей сложности ты пробыл в госпитале? — не отставал я.
- Было одиннадцать операций. В общей сложности пролежал четыре года.
- Когда же ты вышел вообще? Когда тебя выпустили в мир?
- В мир выпустили на костылях. Выпускали несколько раз, а потом я возвращался, потому что все эти обломки, только-только начинающие срастаться, опять рушились.
- И в каком году ты окончательно вышел?
- Окончательно, думаю, в сорок седьмом. На костылях я был просто виртуоз, должен тебе сказать.
- Танцевать мог?
- Мог. Что угодно. Шимми, буги-вуги. Я владел этим всем хорошо.
- И когда ты отбросил костыли вообще?
- Отбросил костыли? Это в моей жизни еще предстоит...

— Нет-нет. Тогда отбрасывают копыта... — уточнил я. — Слушай, а лежа в госпиталях, ты думал, чем станешь заниматься?

— В Новосибирск часто приезжали какие-то фронтовые театры. И однажды приехала кукольная труппа. Я лежал в первом ряду. И смотрел не столько на кукол, которые слишком резво расправлялись с фюрером — Бог знает, что они с этим Гитлером творили, — я смотрел на занавесочку, ширму. За ней, думалось мне, не видно, как ходят актеры. Но театр-то там существует!.. И уже в Москве я пришел к Образцову...

После длинной паузы Гердт продолжал:

— Я стоял, откинув костыли, на одной ноге, стараясь не упасть. И Образцов задал мне совершенно идиотский, но с его стороны в общем разумный вопрос:

«Не знаете ли вы какого стихотворения?» — Мы с Зямой заржали. — Я говорю: «Какого стихотворения?» — «Какое выучили!» — Мы опять посмеялись. — В общем, я стал читать. Даже помню что,

но это неважно. Важно, что я читал длинное стихотворение и они его не знали. После было молчание, очень долгое. Образцов сидит, крутит вихор. Другие тоже сидят. И вдруг кто-то говорит: «Надо, пожалуй, еще что-нибудь». Я говорю: «Хорошо».

— Им просто захотелось послушать первоклассное чтение... — любезно вставил я.

— И что бы я ни прочитал, просят еще. Я читал минут сорок пять, потом перешел на монолог Чацкого: «Карету мне, карету». Читал все, что в голову приходило. Потом говорю: «Вы знаете, я устал. Я на одной ноге все-таки». Образцов говорит: «Хорошо. Вы выйдите, мы тут порассуждаем и вас вызовем». И я вышел.

— Это еще когда театр на Маяковской был?

— На Маяковской. Вышел. Папироса не попадает в зубы. Потом подумал: «Да ну вас, Господи! Да что такое?» Там за дверью они решают, хороший я или не хороший. Да ну вас! Даже помню, собственно, куда я их... — Зяма хохотнул. — Куда ни пошлешь, все будет правильно. Наконец оттуда выбежал Сима Са-

модур и говорит: «Пожалуйста, войдите». Я вошел. И Образцов мне сказал: «Ну что ж, вы принимаетесь в стаю».

— Он, стало быть, главный волк?

Кукольному театру
Зяма отдал половину
своей жизни.
С Адамом из
«Божественной
комедии». 1961 г.

— Они тогда ставили «Маугли» и разговаривали только на этом языке. В этой стае я прожил худо-бедно тридцать шесть лет. Верой и правдой служил этому чудному делу. Кукольному театру я обязан многим. А сейчас о нем слышать не могу. Просто из-за человеческого материала, который там скопился... Ну да Бог с ними! Я их не сужу.

— Ты ушел оттуда сам?

— Я ушел сам, но Образцов хотел, чтобы я ушел. Он просил, чтобы я ушел.

- Как говорят, двум орлам в одном гнезде не сидеть!
- Да, и пришлось одному орлу — мне — улететь!
- С театром ты объездил практически весь мир. И я знаю, что тебя посылали на гастроли на три дня раньше, нежели прибудет весь театр. И ты выучивал конферанс «Необыкновенного концерта» на языке той страны, где выступал театр, будь то Венгрия, Италия, Франция, Швеция, даже Китай. Мало того, что выучивал, ты еще узнавал местные новости и сочинял злободневные шутки на их языке. Этого, кроме тебя, сделать никто не мог...
- Ну, это делают очень многие, — великодушно сказал Зяма.
- Вот ты видел фактически весь мир. Я встречался с тобой кое-где, на каких-то капиталистических параллелях и меридианах. У тебя никогда не возникало сожаления, что ты родился в России и именно в это время?
- Я без паузы могу тебе сказать — нет. Никогда. Больше того. Я тогда привык врать, даже без презрения к самому себе, про нашу демократию. Про то, что я живу в совершенно свободной стране.
- Это там, на Западе?
- Как только я туда перемещался, я отвечал так: «Да вы что? Господа, какой антисемитизм? Вы что, офигели? Посмотрите на меня!» Я врал упоенно. Я был главный добровольный нештатный агент КГБ во всех этих поездках. Патриот, словом.
- Все мы тогда были в сущности рабами. Рабами на длинном поводке, которым разрешались поездки за рубеж. У меня в фильме «Вокзал для двоих» герои бегут в тюрьму добровольно, сами. Этот эпизод для меня был очень важен. Это символ! Все мы бежали обратно. Понимаешь?
- Еще бы!
- Возьмем то время и нынешнее — есть для тебя разница? В той тюрьме и у тебя, и у меня были привилегии, нам давали звания, ордена. Но все равно во всех нас гнезвился страх, боязнь, что нас в любую

Конферансье
Апломбов из
«Необыкновенного
концерта».
Четыре руки,
один голос

минуту могут раздавить, как вошь или комара, прихлопнуть. Ты рад, что дожил до другого времени?

— Я сегодня всей силой души ненавижу роптание по поводу того, что не у всех есть деньги на икру. Тогда у всех были деньги на колбасу по два двадцать и можно было стоять сутки в очереди, чтобы «достать» эту колбасу. Я презираю то время. Я презираю свое рабство, понимаешь?

— Как ты себя чувствуешь в сегодняшнем времени?

— Я прекрасно себя чувствую. Нет такого места, — я еще много езжу, — где бы меня на улице маленькие, взрослые, старики не приветствовали и не желали добра и долгих лет. Видно, что-то я значу для них. Если говорить серьезно о моем предназначении сегодня, оно состоит в том, чтобы анонимно делать кому-то что-то хорошее. Я должен делать кому-то жизнь легче, но делать это тайно. В замечательных американских музеях под каждой картиной написано «Дар Рокфеллера», «Дар Дюпона». Вот если бы я был миллионером, я бы подписал: «Дар одного богатого человека».

— Зяма, я знаю, что ты совсем не богат. Но твоё желание дарить — дорогого стоит. Однако давай вернуться к профессии. Работая за ширмой, ты был как бы невидимкой, был никому не известен. Знали твой голос через персонажей кукольного театра. А потом он зазвучал с экрана. Им говорили герои художественных фильмов, французских, итальянских. А еще потом ты стал сочинять и сам читать тексты документальных лент. Мы стали узнавать не только твой голос, но и твои сценарии. У тебя была своя манера, ироничная, легкая. Сначала узнали твой голос и полюбили. Это ведь редчайший случай. Затем к голосу стало «приклеиваться» лицо. Короче, ты начал входить в кинематограф. Сначала в закадровый, а потом появился и в кадре. Первая роль была Паниковский?

— Большая роль — да. Собственно, с кино как с видом деятельности меня свел кукольный театр. Был такой спектакль «Чертова мельница», где я играл черта первого разряда, такого легкого, быстрого,

саркастического. И режиссер Васильчиков, который занимался дублированием заграничных фильмов, как-то мне позвонил: «Зиновий Ефимович, у нас тут французская картина, где за кадром есть некий голос историка, который комментирует шутя все, что происходит на экране».

— Он имел в виду «Фанфан-Тюльпан»?

— Да. «Попробуйте прочитать этот рассказ в манере вашего черта». У меня была манера черта, представляешь? — засмеялся Зяма. — Я создал манеру.

— Манера черта в нас заключена подчас...

— Я переделал текст поближе к своей чертовской манере, прочитал, и вышел фильм «Фанфан-Тюльпан». И тогда все вы, режиссеры русские, тоже стали звать меня и на сочинение, и на произнесение моих комментариев к разным фильмам. Все республики. Фильмов было много. И я стал богат. Платили по тем временам огромные деньги.

— К переходу из закадрового кино в кадр тебе мешала нога? Это, наверно, сдерживало и многих режиссеров: как пригласить хромого артиста? Только на роль хромого и можно пригласить! Тебя мучило это?

— Мучило до каких-то пор.

— Желание стать «зримым» артистом прошло через всю твою жизнь. Очень долгий был путь. Через арбузовскую студию с перерывом на войну, через кукольный театр... И только потом уже ты попал на экран и на подмостки сцены.

— Да. Но вскоре я понял, что публика не замечает моей хромоты. А я ее замечаю только тогда, когда хожу по лестнице. Особенно, если вниз. Тут вижу: черт, опять я хромым. Как это неудобно быть хромым.

— По-моему, «Золотой теленок» Михаила Швейцера был первым фильмом в нашем кино по Ильфу и Петрову...

— На роль Паниковского я попал случайно. Конечно, мы знали с Мишей Швейцером друг друга всю жизнь и любили. И Миша пригласил меня посмотреть кино-пробу Ролана Быкова на роль Паниковского. Какой

я артист, можно долго спорить. Но какой я зритель! Я зритель международного класса. Я так хохотал! Если хоть капелька смешного, то я валюсь из кресла. Таня не любит со мной ходить в кино, в театр: «Прекрати. Веди себя прилично, на тебя все смотрят. Ты обращаешь на себя внимание». Ничего не могу поделать. А чуть трогательно, я обливаюсь слезами. Так что я очень хохотал. Поздравил Швейцера. Через две недели Миша зовет меня опять на студию. Он для меня приготовил роль бывшего грузинского князя, ныне трудящегося Востока Гигиенишвили. Грузина сыграть! У меня в голове тысячи грузинов. Все разные. Хорошо. Потом опять зовет меня, но не по поводу грузина. Он пробует Вячеслава Невинного, очень милого человека, замечательного артиста, на роль Балаганова. Тот волнуется, естественно. Швейцер просит меня по дружбе вместо Ролана, который улетел куда-то на съемку, произнести текст Паниковского, одним словом, подыграть.

— Как важно не улетать не вовремя.

— Да, да. И дали мне канотье, дали тросточку, там текста три или пять реплик. И я совершенно не волновался. Что мне-то волноваться?

— Ты же всего-навсего подыгрывал.

— Все, до свидания, спасибо. Славочка, дай вам Бог! Через три дня приходит Миша. Лица на нем нет.

У него вообще маловато лица, знаешь, одни тревожные глаза. Вся жизнь. Есть такие люди, во всех случаях жизни они надеются только на худшее. — Мы оба рассмеялись. — Миша — потрясающий человек, невысказанный талант режиссерский и человеческий.

Так вот, я говорю: «Что стряслось?» Отвечает: «Стряслось. Ты будешь играть Паниковского. И Быков тоже так считает». К чести Ролана, он мне позвонил и полчаса уговаривал, что Паниковского должен играть я. Это поступок! Я ему многое за это прощаю, но не все. Мы рассмеялись снова.

— Замечательно, как тыходишь в райком или райисполком и снимаешь шляпу перед бюстом Маркса.

— Отсебятина, конечно.

ет: «А что это у вас с ногой?» Я говорю: «А это, понимаете ли, была заварушка с сорок первого по сорок пятый с немцами». «Вы же должны играть главную роль. Эта роль про вас написана, про артиста», — говорит Тодоровский. А я уже прочитал сценарий. И Таня прочитала. И сказала: «Вот если бы он тебе фокусника предложил. Да кто же это позволит?» Я и говорю Пете: «Кто же мне даст?» — «Я вам дам. Я главный, я режиссер-постановщик».

И пошла большая мутотень с назначением на роль. Все были против. Главк, Комитет, худсовет, Чухрай, который был тогда директором экспериментальной студии. Тодоровский снял фотографии со мной, потом несколько эпизодов на киноплёнку. Показал и убедил, что я могу играть. А дальше началась эта вечная, даст Бог, дружба с Петей. Я играл в нескольких его картинах. На любые эпизоды соглашался. Так сложилось, что мы с ним близкие люди.

А что фильм «Фокусник» увидели немногие, это не наша вина. Это беда советского общества. Кто-то имел право ограждать его от чего-то художественного.

— Я прочитаю одно стихотворение, которое Давид Самойлов посвятил Зиновию Гердту. Ибо тебе самому читать стихи, тебе же посвященные, как-то неловко.

*Артист совсем не то же, что актер.
Артист живет без всякого актерства.
Он тот, кто, принимая приговор,
Винится лишь перед судом потомства.*

*Толмач времен, расплющен об экран,
Он переводит верно, но в итоге
Совсем не то, что возвестил тиран,
А что ему набормотали боги.*

- Красиво, — оценил еще раз Зиновий Ефимович.
- Не всякому артисту такое посвящено. И это написано великим поэтом. Так что ты должен гордиться. Ты гордишься?
- Теперь буду, — улыбнулся Гердт.
- Раз пошла такая пьянка, хочу прочитать еще сти-

хотворение Булата Окуджавы. Я читаю куда хуже, чем ты. Но это тоже стихи, посвященные тебе. «Божественная суббота, или Стихи о том, как нам с Зиновием Гердтом в одну из суббот не было куда торопиться».

— Какая прелесть! — это было любимое определение Зямы.

*Божественной Субботы
хлебнули мы глоток.
От празднеств и работы
закрылись на замок.
Ни суетная дама,
ни улиц мельтешня
нас не коснутся, Зяма,
до середины дня.*

*Как сладко мы курили!
Как будто в первый раз
на этом свете жили
и он сиял для нас.
Еще придут заботы,
но главное в другом:
божественной Субботы
нам терпкий вкус знаком!*

*Уже готовит старость
свой неперемный суд.
А много ль нам досталось
за жизнь таких минут?
На пышном карнавале
торжественных невзгод
мы что-то не встречали
божественных суббот.*

*Ликуй, мой друг сердечный,
сдаваться не спеши,
пока течет он, грешный,
неспешный пир души.
Дыши, мой друг, свободой...
Кто знает, сколько раз
еще такой субботой
наш век одарит нас.*

— Зяма, теперь очередь рассказа о Твардовском. Отношения с Александром Трифоновичем начались на правах соседства. Потом они переросли в дружбу до самых последних дней его жизни.

— Твардовский очень повлиял на меня. У меня произошла переоценка многого. Прежде всего поведенческого. Как человек ведет себя в обществе.

...Как-то раз мы сидим на веранде, пьем кофе, — еще были живы Танины родители, — входит Твардовский, и у него в руках что-то плоское, завернутое в газету. Зашел. Я говорю: «Садитесь». Шуня, Танина мама, тоже говорит: «Садитесь, Александр Трифонович». А он в ответ: «Я-то кофе пил в шесть утра, а сейчас пол-одиннадцатого. Ну, не стану вам мешать». И ушел. И когда он уже был около калитки, Таня ему говорит: «Александр Трифонович, вы оставили папочку». И он, не оборачиваясь, вот так ручкой сделал. Знаю, дескать, не случайно оставил. Мы развернули эту газету. А там пластинка «Василий Теркин на том свете» в исполнении автора. И на портрете Василия Теркина, который нарисовал Орест Верейский, были написаны мне слова, в общем, хорошие, совсем хорошие слова... Твардовский ведь не просто так приходил. В этот день мы узнали, что мне присвоили звание народного артиста. Это было очень приятно, но похвала Твардовского значила для меня больше!

— Ты ведь был на шестидесятилетии Твардовского, двадцать первого июня семьдесят первого года, когда журнал у него уже отняли.

— Здесь, у него на даче? — уточнил Зяма.

— Да. Помнишь, было очень много народу. Приехали из других городов. В основном прозаики. Поэтов не было никого. Он поэтов не очень читал, правда?

— Нет, он любил Маршака, к примеру.

— Маршака да, но его тогда уже не было на свете.

— Когда кто-то предложил: «Ну, пусть Зиновий Ефимович скажет слово», я как-то даже не растерялся. Вообще-то тосты — моя стихия. И я произнес: «Поэт не регистратор событий. Он их предвосхищает, поэт

видит гораздо дальше и раньше не поэта то, что происходит в жизни, в обществе, в чувствах. Он предвидит!»

Кстати, Твардовский предвидел наше вторжение в Чехословакию. Как он переживал это событие, рассказывать не надо. А потом в журнале «Новый мир» появилось стихотворение. Хотя об этом там одна строчка... Но и она требовала тогда мужества. А все остальное замечательно, светло, по-стариковски так...

*В чем хочешь человечество вини
Иль самого себя, слуга народа.
Но ни при чем природа и погода.
Полны добра перед итогом года,
Как яблоки антоновские, дни.
Торжественны, теплы, почти что жарки,
Один другого краше, дни-подарки
Звенят чуть слышно золотом листья
В самой Москве, в окрестностях Москвы,
И где-нибудь, наверно, в пражском парке.
Перед какой безвестною зимой,
Каких еще тревог и потрясений,
Так свеж и ясен этот мир осенний,
Так сладок каждый вдох и выдох мой.*

Вот какое потрясающее стихотворение! «И где-нибудь, наверно, в пражском парке».

— Зяма, а с Пастернаком ты был знаком?

— Нет. Робел. Только робость моя, непростительная, помешала.

— Зяма, ты пришел на театральную сцену благодаря Валерию Фокину, бывшему тогда твоим зятем. Но, думаю, не это было главным в ваших взаимоотношениях, ибо они сохранились и по сей день. А началось это, по-моему, в спектакле театра «Современник» «Монумент». Кто был автор?

— Ян Ветемаа. Эстонский драматург, очень хороший.

— Как случилось, что Валерий пригласил тебя в театр?

— Валерию было противно, что все воспринимают меня только как комика. Мне это было тоже довольно отвратительно. Валерий в это время ставил «Мо-

нумент» и предложил мне драматическую роль сильного, мощного человека, при всем моем телесном тщедаушии. Мне это было крайне интересно и увлекательно. Потом была роль в «Костюмере».

Таня и Зяма прожили
вместе тридцать
шесть лет

- Тоже в постановке Фокина?
- Да. Мы убрали из пьесы одну линию: костюмер любит актера чувственно. В фильме это было, он любил его однополрой любовью. Мне, как ты понимаешь, это было неинтересно. Мне было интересно другое: как человек любит талант, служит таланту.
- А партнером твоим был Всеволод Якут.
- Да. Замечательный. Мы были дружны лет сорок до этого. Но по линии выпивки только.
- Кстати, о выпивке. Ты любишь это дело?
- Сейчас нет.
- Но выпито тобой за жизнь немало.
- Много. Много. Много. И с охотой и удовольствием.
- Я думаю, что после этого признания ты стал еще ближе большому количеству зрителей.

Зяма, что с твоей точки зрения является определением порядочного человека? Вообще и в наши дни в частности?

— По-моему, это как матерный язык. Понимаешь, все знают, но делают вид, что не знают. Что такое порядочный человек, все знают. Следует этим правилам лишь горсточка.

— Думаю, ты ошибаешься. Огромное количество людей в нашей стране даже не подозревают, что такое порядочный человек.

— Не может этого быть.

— Может, к сожалению.

— Нет. Не может этого быть.

— Тут у нас глубокое разногласие!

— Знал бы я с самого начала, я бы не стал тебе давать никаких интервью, раз ты такой пессимист... Я думаю, что порядочный человек — тот, который знает, как надо поступать, верит в заповеди и пытается следовать им. И мучается, то есть его тревожит совесть, когда он делает что-то не так. Вот это порядочный человек...

— Как ты сам себя оцениваешь, состоялся ли ты? Выполнил ли свое предназначение, для чего ты, собственно, родился? Или ты не состоялся? Какие у тебя сожаления? Что бы тебе хотелось осуществить, но ты не смог, не успел, не хватило пороха, таланта, силы воли, не знаю чего... Попробуй сделать собственную творческую самооценку.

— Я знаю, что должен ответить, а именно то, что сам чувствую. Но я буду очень осужден Таней, моей женой, которая непременно скажет, что это кокетство.

Я, конечно, не состоялся. Я даже не убежден, что занимался тем, чем должен был заниматься всю жизнь.

— А что, электрикой должен был заниматься?

— Скорее всего мне бы надо было стать каким-нибудь народным заседателем в суде, где нужно определять, что справедливо, что несправедливо.

— Ну, народный заседатель обязан быть порядочным человеком, это не профессия. Это состояние души.

- Что касается лицедейства, я очень хорошо знаю, что такое гений. Первая, конечно, Инна.
 - Чурикова?
 - Безусловно. Она порой играет такие движения души, которые я понять могу, а изобразить не могу. И догадаться, что они есть, без нее я бы не мог. Понимаешь? При том, что я знаю многие тайны нашей профессии. Я очень хорошо знаю, как нельзя играть. В этом смысле мог бы быть даже преподавателем — объяснять, как не надо играть.
 - А у тебя у самого штампы есть актерские?
 - Видимо, есть. Я их не стыжусь, потому что не все их обнаруживают. Я-то знаю, но каждый раз чуть-чуть их модифицирую. Понимаешь, о чем я говорю?
 - Очень хорошо понимаю. А у тебя бывает при встречах с людьми чувство, как бы сказать, ну что ты не заслужил такого обожания, которое тебе высказывают? Или ты это принимаешь как должное?
 - В подобных случаях помогает ирония. Когда мне говорят: «Вы мой кумир. Я вас обожаю», — я отвечаю: «У вас очень хороший вкус. А те, у кого вкус хуже, те просто в восторге!»
- Мы оба прыснули.
- Скажи, Зяма, чувствуешь ли ты себя счастливым? И вообще, что такое счастье, с твоей точки зрения?
 - Счастье? Я сравнительно недавно догадался.
 - Молодец!
 - Счастье — вещь мгновенная, моментальная. Быть постоянно счастливым невозможно, мне кажется. Каждую секунду происходят какие-то огорчения.
 - Ну, а все-таки, если говорить о жизни вообще?
 - Жизнь, по-моему, несчастливая вещь. Человек, чем дольше живет, тем больше понимает, как он несовершенен и что не преодолеть ему самому каких-то внутренних барьеров. Есть наработанный имидж, улыбка. И не только у актеров.
 - Нарботанный имидж — это ведь тоже один из штампов. И все-таки ты счастлив тем, что жил, что живешь?
 - Да, я был счастлив, что живу, до... вот еще полтора

месяца тому назад. Сейчас я глубоко несчастлив от того, что неполноценен, что хвораю... Но я лечусь и надеюсь, даст Бог, что великая наука медицина меня вызволит из моего тяжкого недуга.

— Подобное я слышу от тебя впервые. Я помню, как на протяжении десятилетий на вопрос «Как ты себя чувствуешь?» ты все время говорил: «Восхитительно». Всегда!

— Да. Сейчас у меня нет сил выговорить это слово. Я назначил эту съемку на час дня. Почему не в одиннадцать? Для того чтобы подняться и сесть, мне нужно два с половиной часа. Себя «утумкать», побриться... Если я что-то делал раньше за пять минут, сейчас уходит тридцать пять.

— Зялочка, я знаю, что ты был женат не один раз. Предыдущих жен я не знал. А последняя жена как-то задержалась в твоей биографии. Больше чем на тридцать лет. Я бы хотел, чтобы ты сказал что-то о Тане. Понимаю, вопрос, конечно, страшный.

— Нет, это не страшный вопрос. В народе говорят: человек выиграл судьбу по трамвайному билету. Конечно, Таня — человек особый, человек совершенно самоотверженный. И отношение к дружбе у нее ничуть не ниже, чем отношение к любви, если не выше. Именно Таня открыла дивный закон, что дружба величественней любви, ибо любовь бывает неразделенная, а дружба неразделенная не бывает. Это действительно огромное откровение. Правда ведь?

— Да, конечно.

— А все остальное ты знаешь сам.

— Я-то знаю, но зрители не знают.

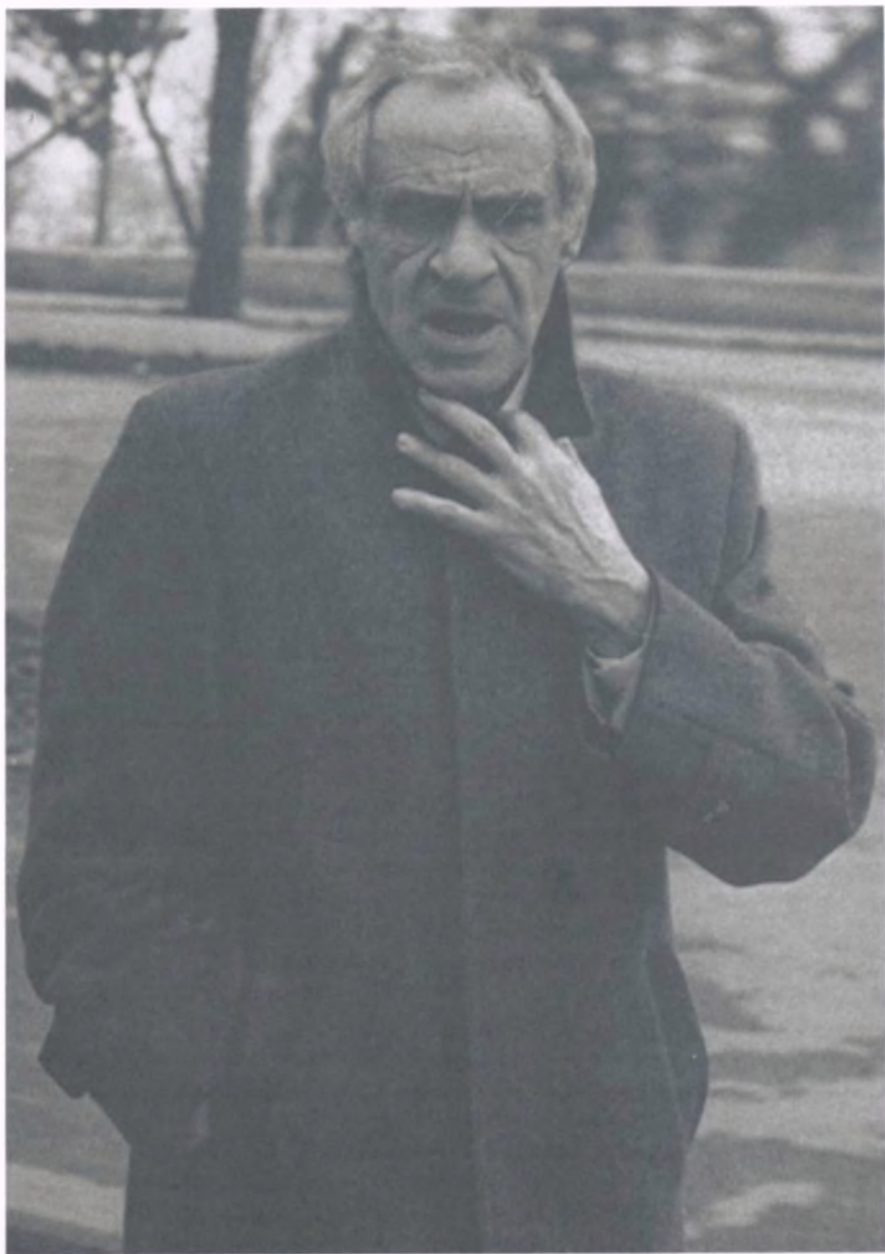
— Таня имеет огромное значение в нашем кругу.

— Она тебя воспитала в какой-то степени?

— Меня? Очень много. Очень много. Есть вещи, которые я раньше делал совершенно запросто. Сейчас это невозможно.

— Ты ее боишься немножко?

— Нет. Я не боюсь. Я боюсь потерять ее веру в меня, доверие, уважительность глубокую... Не было случая, чтобы я сомневался: мол, я истратил что-то, отдал,

как Таня к этому отнесется? Не было случая, чтобы я подумал, что она отнесется не так, как надо.

— То есть свои поступки ты поверяешь тем, как она их воспримет?

— Это уже подспудно, я не думаю об этом. Но знаю, что Таня поступила бы так же...

— Зяпочка, у тебя сейчас есть возможность сказать что-то твоим зрителям, людям, которые прожили с тобой много лет.

— Какая моя камера?

— Твои камеры — все. Но лучше говорить вот в эту, центральную.

— Милые люди! За тысячи встреч с вами я привык ставить вас чрезвычайно высоко, считать вас самыми высокими ценителями всего, что я могу сделать.

Для того, чтобы это не звучало пустой фразой, я приведу вам маленький пример.

Однажды в Одессе первый мой концерт должен был состояться в двенадцать часов дня на канатном заводе. Канатному заводу сто тридцать лет. Это самое грязное производство на всем Черноморском побережье. И рабочие там работают в смоле и гадости, Бог знает, в каких чудовищных условиях. А я собираюсь им рассказывать о Пастернаке.

И я в такой тревоге: зачем сделали мне это выступление? Но переменить уже ничего было нельзя. Выступление организовали в обеденный перерыв. И я пришел и очень робел. Был полный зал. Женщин больше, чем мужчин.

— Это в цехе было?

— В цехе, в самом заводе. И люди, одетые — ну так люди не бывают одеты, — робы у них просмоленные, в дегте, черт-те в чем.

И я, уже выйдя на самодельную сцену, понял, что ни одного слова, ничего не перемену из моей лексики, из манеры говорить. Буду с ними вести беседу, как разговариваю с академиками в Московском доме ученых. И о Пастернаке, и о Твардовском. И о Феллини, о котором они первый раз слышат. Да и Пастернака, скорее всего, они никогда не читали. Кон-

«...Порядочный человек — тот, кто верит в заповеди и пытается следовать им. И мучается, то есть его тревожит совесть, когда он думает что-то не по совести.»

церт должен был идти сорок пять минут, а шел час пятнадцать — продлили время. И это был, пожалуй, самый лучший мой концерт в жизни. Самый величественный, что ли. Это тронуло меня до глубины души. Люди были счастливы еще и тем, что я обращался к ним как к равным. А мы равны, вот в чем дело. Мы с вами равны. И я не хочу быть выше вас, я хочу достичь вашего понимания, хочу быть понятным вами. Храни вас Господь! Спасибо!

— Спасибо тебе, Зяма! Дай тебе Бог здоровья, здоровья и здоровья, здоровья, здоровья и здоровья!

— И тебе дай Бог! Спасибо тебе за добрые слова.

Знаешь, я смотрю на тебя и вспоминаю нашу с тобой жизнь. Она была не вся соткана из роз. Там были и тернии, но мы их преодолели. Я очень хорошо помню и очень люблю твою маму покойную, Софью Михайловну. Люблю твоего отчима, дядю Леву, очень люблю. Я люблю нашу юность. Ты знаешь, мы были вполне порядочные люди.

— А почему ты говоришь в прошедшем времени?

— Ну, даст Бог, так сохранимся навсегда.

— Спасибо тебе!

— Спасибо тебе!

Когда уже собрали аппаратуру, я сказал:

— Я сегодня многое услышал в первый раз!

Зяма немедленно откликнулся:

— Я тоже сегодня многое услышал впервые...

Обычно в подобные передачи вставляются фрагменты из фильмов, сцены из спектаклей. Но в данном случае мы решили все время, отведенное нам телевидением, отдать разговору, последнему разговору потрясающего человека и потрясающего артиста.

Эльдар-TV, или *Моя портретная галерея*

Русские космополиты

Кочевая звезда Александра Вертинского

Имя Александра Вертинского когда-то до революции и потом, вскоре после Отечественной войны, гремело в нашей стране; сейчас оно, к сожалению, подзабыто.

Уже народилось несколько поколений, которые смутно представляют себе, кем же, собственно говоря, был этот самый Вертинский. Знают, что он вроде что-то пел. А это был уникальный человек, прародитель того жанра, где блистали Александр Галич, Булат Окуджава, Владимир Высоцкий.

Саша Вертинский родился в Киеве в 1889 году. Родители его находились в сложной ситуации — они не были обвенчаны. Мать Вертинского, Евгения Степановна, барышня из хорошей дворянской семьи, полюбила молодого талантливого адвоката, но он был женат. Его жена Варвара, злая и неприятная женщина, не давала ему развода. А для Николая Вертинского это не было интрижкой на стороне.

По сути это была его подлинная семья — сначала там родилась дочь Надя, а пять лет спустя появился на свет и Саша. Родня Евгении тоже была против этого союза, считая его мезальянсом. Они не признавали адвокатишку зятем, родственником. Словом, по общему мнению, любовь молодых людей была преступной, они пребывали во грехе.

Когда Саше Вертинскому исполнилось три с половиной года, мать его умерла от неудачной операции. И тогда одна из сестер покойной, Мария Степановна, забрала мальчика к себе. А старшая сестра Надя стала жить под присмотром отца.

Николай Вертинский любил свою незаконную жену. После ее кончины с ним стали происходить странные вещи. Иногда, во время процессов в суде, он вдруг замолкал, погружался в долгие раздумья. Однажды его нашли на кладбище на могиле возлюбленной, где он лежал лицом в снег, потеряв сознание. Николай Вертинский не смог пережить разлуку. Когда Саше было пять лет, его отец скончался от чахотки. Тогда Надю забрала другая тетка. Причем мальчику сказали, что его сестра умерла. А девочке сказали, что ее брат умер. Так дети и жили, не общаясь и не зная ничего друг о друге. Семейка была, как видно, та еще...

Во время похорон Николая Вертинского произошла странная сцена. Она повергла в недоумение его родных и близких. Когда стали выносить из церкви гроб, вдруг набежала большая толпа бедно одетых людей — убогие старухи, калеки, инвалиды, нищие. Они выхватили гроб из рук приличной публики и понесли. Только тут «родственники» с дворянской стороны поняли, почему известный адвокат умер в нищете. Оказалось, он вел в суде дела этих обделенных, жалких, изувеченных жизнью людей и не брал с них за это ни копейки.

Доброта отца перешла и к сыну.

У Саши Вертинского детство было очень несладкое. Деспотическая, взбалмошная тетка-помещица была с придурью. Муж тетки, человек добрый и милый, но находившийся под каблуком, регулярно порол

маленького Сашу. Живя в богатом доме, мальчик рос вечно голодным. Ему приходилось и воровать. Он таскал у тетки из комода какие-то вещи, которыми торговал на рынке, чтобы просто-напросто наесться. Са-

Мама Саши Вертинского умерла от неудачной операции, когда мальчику было три с половиной года

Юный Вертинский отправился из Киева в Москву, где сразу окупился в богемную среду

шу тянуло к искусству. А учился он плохо, был двоечником, за это его тоже порол. Из перворазрядной гимназии перевели в менее престижную. Единственное место, где он чувствовал себя хорошо, где получал наслаждение, была церковь. Он любил бывать во Владимирском соборе, в Киево-Печерской Лавре, где любовался замечательными картинами Васнецова, Нестерова и слушал церковные хоры, божественную музыку. Он мечтал петь в церковном хоре, пообщаться к певческому искусству...

До 1913 года Саша ничего не знал о своей сестре, думал, ее нет в живых. Но когда, будучи уже артистом, Вертинский приехал в Москву, то увидел афишу, из которой узнал, что в мюзикхолльной труппе выступает Н.Н.Вертинская. И он написал ей письмо: что,

мол, у него была сестра, про которую он знает, что она умерла, ее звали Надя. Фамилия все-таки была редкая. Она откликнулась. И оказалось, что это действительно его сестра, артистка мюзик-холла. Они соединились, стали вместе снимать квартиру. Но о дальнейшей судьбе сестры, о некоторой загадке, связанной с ней, я расскажу позднее.

Когда Саша подрос, то часто убегал из дома, ночевал где попало, голодал, ходил оборванным, но его по-прежнему неудержимо тянуло к себе искусство. Он участвовал в театральных представлениях, где был статистом. У Вертинского был дефект речи, он не выговаривал букву «р». Однажды он убедил мелкого антрепренера, отдав ему свою выручку за работу статистом, чтобы ему дали сыграть крошечную роль мамелюка. Тот должен был сказать одно только слово: «Император». Началась репетиция. Вошел артист, играющий Наполеона. Первый мамелюк воскликнул: «Император!» Второй тоже прокричал доверенное ему слово: «Импятой!» Наполеон поморщился и приказал уволить второго мамелюка без всяких объяснений. Так что актерский дебют кончился провалом. Потом юноша решил спеть на сцене романс. Разучил его дома под гитару. Вышел на сцену — и тут произошло нечто: его замкнуло. Он помекал, побежал и удалился. Вторая проба тоже оказалась неудачной...

Вертинский понял, что в Киеве для него нет никаких перспектив. И отправился в Москву, во вторую, древнюю столицу, где сразу окунулся в богемную среду. Чем он только там не занимался. Пробовал даже работать в кинематографе, снимался в каких-то картинах (благо кино тогда было немое). При этом познакомился и подружился с Иваном Мозжухиным, молодым начинающим актером, чья слава была еще впереди...

В 1913 году проходили приемные конкурсные экзамены в МХТ. И среди 600 абитуриентов, допущенных на окончательный тур, был и наш герой. В приемной комиссии сидели и Качалов, и Немирович-Данченко,

и Станиславский, и Книппер-Чехова — замечательный синклит. Вертинский читал стихи, по-прежнему не выговаривая букву «р». Он читал неизвестных молодых поэтов, своих друзей. А члены приемной комиссии никогда не слышали этих стихотворений. И поэтому они просили его читать еще и еще.

Первая мировая война, санитарный госпед

Вертинский увидел в этом интерес к его замечательному таланту. А актеры-мэтры просто хотели познакомиться с новой, современной поэзией. На следующее утро Саша узнал, что не принят. Очередная неудача. В это время он начал уже что-то бормотать про себя, сочинять собственные стихи... В те годы модным поветрием стало пристрастие молодежи к кокаину. И Вертинский приохотился к зелью. Его сестра Надя, с которой они вместе снимали квартиру, тоже предалась этому пагубному пороку. У Саши уже стали появляться галлюцинации. Однажды ему показалось, что он едет

в трамвае с Пушкиным. Перепуганный, он побежал к психиатру. Тот, пригрозив упечь его в психушку, полез к Вертинскому в карманы, достал склянки с отравой и выбросил их к чертовой матери. Вертинский поклялся доктору, что покончит с губительным пристрастием. Но выполнить обещание было непросто. Отнюхав очередную порцию, Вертинский выкидывал баночку на крышу дома. И один раз вдруг увидел, что вся крыша покрыта пустыми баночками. И он понял, что его ждет страшное будущее. Как ни парадоксально, спасли молодого человека его доброта и отзывчивость. Однажды — уже началась Первая мировая война — он шел мимо особняка дочки Саввы Морозова, Марии Саввишны. В это время у подъезда остановились фуры, откуда принялись выгружать ра-

Два года провел
медбрат Пьеро
(Саша Вертинский)
в санитарном поезде.
Он сделал около
тридцати тысяч
перевязок

Было ему в те годы двадцать пять-двадцать шесть лет. Он сделал около тридцати тысяч перевязок. А одного безнадежного раненого, от которого отказались врачи, спас от смерти. Ему удалось извлечь пулю прямо во время движения поезда, который прилично трясло на стыках. Делать операцию, когда состав движется, было запрещено. Если бы этот раненый умер у него на руках, Вертинскому грозил суд. Работая в поезде-лазарете, Александр Николаевич спасал не только солдат и офицеров. Он спас и себя от наркотической зависимости. А потом снова объявился в богемной среде. Влился в «шайку» футуристов под водительством Маяковского. Они срывали выступления разных замшелых деятелей искусства, носили вызывающие одежды, провоз-

ненных — Морозова отдала свой особняк под госпиталь. Вертинский стал таскать носилки с ранеными, потом вошел в дом, начал помогать при перевязках. И как-то это его увлекло. Был порыв! Делал он это абсолютно бескорыстно. Хотя, как сам потом говорил, некоторая доля актерства в поступке присутствовала. Далее он устроился в санитарный поезд, который организовала Мария Саввишна. Поезд ездил на фронт и привозил раненых. Вертинский работал в нем санитаром, медбратом и назывался брат Пьеро. Два года провел брат Пьеро во фронтовом санитарном поезде.

глашали шокирующие лозунги. Эпатировали публику, как могли. Вертинский продолжал иногда посещать киностудии, мелькал в каких-то эпизодах. Тогда он встретился с Верой Холодной.

Звезда немого кино,
кумир России —
Вера Холодная

Холодная — это не псевдоним, это ее настоящая фамилия, по мужу. Александр Николаевич и пришел к ней с письмом от него — с прапорщиком Холодным он познакомился на фронте. Именно Вертинский втащил Веру в кинематограф. Он привел ее на студию, где она очень понравилась.

Сразу же получила роль. А дальше пошло-поехало. Вера Холодная быстро начала набирать кинематографическую высоту, стала самой знаменитой актрисой нашего отечественного немого кино. За ней утвердился титул «Королева экрана»...

В санитарном поезде Вертинский узнал страшную новость: его сестра Надя умерла. Ему сообщ-

щили, что она приняла слишком большую дозу кокаина и утром не проснулась. Вернувшись в Москву, Александр стал искать ее следы, пытался найти могилу. Он ничего не нашел: ни вещей, ни писем, ни могилы. Надя исчезла навсегда.

Но Лидия Владимировна, вдова Александра Николаевича, рассказала мне странную, загадочную историю. Когда Вертинский умер в 1957 году в Ленинграде, в организации похорон деятельное участие принимала неизвестная пожилая женщина. Кто-то потом

сказал Лидии Владимировне, что это была сестра Александра Николаевича. Вертинская пыталась сама найти ее. Узнала, что эта женщина живет на Васильевском острове. Пришла по указанному адресу, но в ту квартиру ее не впустили. Тайна так и осталась неразгаданной. Действительно ли Надежда Николаевна оставалась жива и пребывала в Советском Союзе все эти двадцать пять лет, пока ее брат был в эмиграции? А может, это был один из ранних романов артиста? История неясная, туманная... Вернувшись с войны, Вертинский начал сочинять свои песенки. Он был влюблен тогда в Веру Холодную и первые песни посвящал ей:

*Ах, где же Вы, мой маленький креольчик,
Мой смуглый принц с Антильских островов,
Мой маленький китайский колокольчик,
Капризный, как дитя, как песенка без слов?..*

На его глазах молодая женщина без актерского образования становилась кумиром страны. Культ Веры Холодной разгорался быстро и неукротимо, как лесной пожар.

*Где Вы теперь? Кто Вам целует пальцы?
Куда ушел Ваш китайчонок Ли?..
Вы, кажется, потом любили португальца,
А может быть, с малайцем Вы ушли.
В последний раз я видел Вас так близко.
В пролеты улиц Вас умчал авто.
И снится мне — в притонах Сан-Франциско
Лиловый негр Вам подает манто.*

В военной Москве 1916 года не существовало, конечно, никаких португальцев, негров или малайцев. Все это было салонной литературщиной. (Правда, притоны Сан-Франциско еще встретятся на жизненном пути Александра Николаевича.) Но стихи Вертинского постепенно становятся известными. Случилось это потому, что он начал их петь с эстрады. Сам сочинял мотив, разучивал его и исполнял перед публикой. Дебют состоялся в Петербурге. В программе он шел

первым номером — в сборных концертах в начале ставят всегда самого слабого, скучного исполнителя. Однако Вертинский понравился публике. Он переезжает в Москву, пишет новые стихи, сочиняет к ним музыку, поет...

Его песни завоевывают признание, его имя на слуху. И рецензенты, пиная и понося Вертинского, не могут не отметить его успеха. Это был первый в нашей стране бард. Он положил начало новому виду искусства, где поэт, композитор и певец слились в одно лицо. Раньше такого не было. И далее подобного не было еще долгое время. До тех пор, пока не появился Галич, а за ним Булат Окуджава и Владимир Высоцкий. Но в чем-то они не смогли сравниться с Вертинским, а именно в театральности. Его песни назывались «Ариэтки Пьеро». Вертинский выступал в карнавальном костюме Пьеро, белого грустного клоуна итальянской комедии масок. Грассируя, он исполнял свои томные, в чем-то манерные, гривуазные ариэтки. Публика или принимала его «на ура», или же плевалась и освистывала. Многие говорили, что это пошло, вульгарно, безвкусно, что это — дешевый декаданс. Но скандал, как всегда, способствовал популярности артиста. «Ариэтки Пьеро» были выставлены в витринах книжных и нотных магазинов России. Успех у Вертинского был всероссийский. Он начал выступать в шестнадцатом году, а покинул Россию в девятнадцатом. Всего три года он выступал с эстрады. И какие годы! Мировая война, революция, братоубийственные гражданские сражения, погромы поместий, пожары, террор, разорение церквей, страшный разгул ЧК. И в это самое время «фигляр» в клоунском костюме завоевывает Россию своими «сомнительными» песенками. И это, заметьте, без радио, телевидения и прочих средств массовой информации.

В истории искусства мы знаем немало мотыльков-однодневок, известность которых скоротечна. После кратковременного бума наступало вечное забвение. Порой интерес диктовался модой. Она проходила,

и исполнителя отбрасывали в сторону. Казалось, Вертинского подстерегает именно эта опасность. Голос у него слабенький (а тогда ведь пели без микрофонов), мелодии весьма незатейливы, а стихи порой

По лицу героини видно, что сюжет фильма «Последнее танго» — история, геденящая душу

чересчур экзотичны. Да и маска у него была иностранная. Он выступал не только в маскарадном костюме Пьеро, но и в его гриме. Лицо было густо покрыто белилами, нарисованы трагически изломанные брови и очень красные губы. Дело в том, что он очень боялся публики, стеснялся ее. За костюмом и гримом он прятался от зрителей. У него постоянно было ощущение, что он стоит на сцене обнаженный. Поначалу он просто применил элементарные защитные средства. А потом, в восемнадцатом году, начал выступать в костюме черного Пьеро. Может быть, суровое и страшное время повлияло на перемену цвета. Не знаю.

Для того, чтобы выступать каждый день, надо было иметь большой репертуар. Вертинский жил с огром-

ными нагрузками: непрерывно сочинял стихи, подбирал к ним музыку. Надо сказать, что он не знал нот. Зато у него были безупречный музыкальный слух и музыкальная память. Мелодии свои он *помнил*. Если

и имелись ноты, то их, скорее всего, записывали аккомпаниаторы. Далее надо было репетировать, отшлифовать исполнение новых песен. Все это требовало уйму времени и энергии. Александр Николаевич исполнял порой не только свои произведения. Он использовал стихи Анны Ахматовой, Бориса Даева, Николая Агнiewiczа, Раисы Блох, Александра Блока, Игоря Северя-

В фильме «Падающего толкни» Александр Вертинский играет чахоточного учителя, который при смерти. Наверное, этот учитель тот самый, кого толкнули. 1916 г.

нина, Федора Сологуба, Веры Инбер, Павла Рождественского, Игоря Анненского, Георгия Иванова, Надежды Тэффи, Николая Гумилева. Однако благодаря собственной музыке и, главное, манере исполнения делал их своими, «вертинскими». Творческое долголетие Вертинского поразительно. Он выступал на сцене свыше сорока лет, и всегда у него были полные залы и безоговорочный успех. И в революционной, полыхающей заревом пожаров России, и среди рассеянных по всему земному шару русских эмигрантов, и после войны в нищем Советском Союзе. Он был востребован всю свою жизнь. Феноменально! Однако вернемся в семнадцатый год.

Именно тогда в числе новых песен появилась «Кокаинеточка» — о девушке с мокрых московских бульваров, погубившей себя наркотиком. Предмет автор знал прекрасно, на своем личном опыте. Песня получилась впечатляющая. Его гастрольное турне по России, захватывающее город за городом, приближалось к Москве. А поздней осенью состоялся в Москве

его первый бенефис. Вертинскому предстояло завоевать столицу. И он ее покорил. Это был настоящий триумф. Ценные подарки, море цветов, публика неистовствовала. И это случилось именно 25 октября 1917 года, а по новому стилю 7 ноября. В эту ночь большевики взяли власть. И когда Вертинский возвращался с концерта, он подарки оставил в театре, с тем, чтобы забрать их завтра. А с собой вез только цветы — букеты, венки, цветы в вазах, в горшочках. Нанял трех извозчиков, чтобы отвезти все это море цветов. Жил он тогда на Грузинах. Цветочный кортеж остановил патруль. Стреляли где-то близко. Извозчики сказали: «Барин, мы дальше не поедem». И тогда Вертинский попросил их помочь ему. Они сгрузили все цветы на бульваре, и бенефициант отправился к себе домой пешком. А судьба подарков так и осталась неизвестной. Первый бенефис артиста стал одновременно и последним...

В это время он посвящает Вере Холодной еще одну песню:

*Ваши пальцы пахнут ладаном,
А в ресницах спит печаль.
Ничего теперь не надо нам,
Никого теперь не жаль.*

Далее идет описание похорон. Вера Холодная почему-то возмутилась: «Да вы что?! Я же живая! Снимите немедленно посвящение!»

Вертинский был обижен такой реакцией, он пытался объяснить кинозвезде, что это — поэтические фантазии, выдумка, образ, творчество. Но эпитафия-посвящение убрал. В 1918 году, когда он выступал в Ростове, будучи уже очень известным, ему пришла телеграмма, что в Одессе умерла Вера Холодная. Песня оказалась пророческой. Он вернул посвящение, и с тех пор стихотворение ассоциируется с именем великой актрисы немого кино.

А через несколько дней, в Харькове, он напишет стихотворение, которое начинается так:

*Это все, что от Вас осталось, —
Пачка писем и прядь волос.
Только сердце немного жалось,
В нем уже не осталось слез...*

В 1918 году ему было двадцать девять лет... Вертинский всегда был аполитичен. Поглощенный собственной карьерой, он был далек от бурных революционных схваток. Он как бы ничего не имел против большевиков, хотя они вряд ли были ему симпатичны. Но так уж вышло, что круг его друзей и знакомых был связан с белогвардейщиной. Когда белые армии откатывались на юг, то вместе с ними откатывался и Вертинский. Его сильная песня «Я не знаю, зачем и кому это нужно» — о том, как послали на убой отряд юнкеров, — пользовалась огромным успехом у военных. Те, кто видели фильм «Бег», поставленный по пьесе Булгакова режиссерами Аловым и Наумовым, запомнили генерала Хлудова в блестящем исполнении Владислава Дворжецкого. Прообраз Хлудова — генерал Слащев. Это был очень талантливый видный военачальник, генерал белой армии, страшный человек.

Однажды он приказал повесить в Джанкое нескольких железнодорожных рабочих, разумеется, ни в чем не повинных. А в боях за Перекоп проявлял чудеса храбрости и одним из последних покинул Крым. Как-то в Крыму Вертинского разбудили ночью и привезли к нему в вагон. Так хотела любовница Слащева, одетая, как юнкер. Она «умирала» от песен Вертинского. Певца стали поить водкой и попросили спеть песню о юнкерах. У Слащева на глазах были слезы...

Спустя годы Слащев загибался в Константинополе, в эмиграции. Он знал, что его ждет на родине, но решил вернуться в Советский Союз. В Константинополе он несколько раз встречался с Вертинским, они к тому времени уже перешли на ты. «Я возвращаюсь на родину, — сказал Слащев Александру Николаевичу, — и тебе советую». И уехал. Его почему-то не посадили, не расстреляли. Он работал. Не знаю, чем за-

нимался Слащев, но в конце концов он погиб: его застрелил на улице брат одного из тех рабочих, которых он повесил в Джанкое. Вот такая судьба...

Вертинский тоже покинул Крым на одном из последних кораблей и прибыл в Константинополь. Началась эмиграция. Он пробыл на чужбине четверть века. Причем никогда толком не понимал, почему уехал. Он тосковал по России смертельно. Его бегство из страны оказалось страшной, роковой ошибкой. Он очень страдал от ностальгии, оказался слишком русским. Ему было не так уж важно, какой строй, какая власть. Он тосковал по русской речи, по русским людям.

Его жизнь в изгнании была невероятно пестрой и разнообразной. И в тюрьме он сидел, и знал успех, и разорился, и с нищетой познакомился, влюбленностей и романов было несчетное количество. А география его жизни? Гастроли по всей Европе: Болгария,

Румыния, Польша, страны Прибалтики, Венгрия, Югославия. Далее последуют довольно длительные оседлые периоды жизни во Франции, в США и в Китае. В Бессарабии, которая до революции входила в состав России, родилась замечательная песня. Александр Николаевич стоял на берегу реки Днестр. На другом берегу он видел родную землю, куда въезд ему был запрещен...

В степи молдаванской

*Тихо тянутся сонные дроги
И, вздыхая, ползут под откос.
И печально глядит на дороги
У колодцев распятый Христос.*

Редкостная фотография... Александр Вертинский и Вера Холодная. Третий — некто А.Бойлер. 1917 г.

Что за ветер в степи молдаванской!

Как поет под ногами земля!

И легко мне с душою цыганской

Кочевать, никого не любя!

Как все эти картины мне близки,

Сколько вижу знакомых я черт!

И две ласточки, как гимназистки,

Провожают меня на концерт.

Что за ветер в степи молдаванской!

Как поет под ногами земля!

И легко мне с душою цыганской

Кочевать, никого не любя!

Звону дальнему тихо я внемлю

У Днестра на зеленом лугу.

И Российскую милую землю

Узнаю я на том берегу.

А когда засыпают березы

И поля затихают ко сну,

О, как сладко, как больно сквозь слезы

Хоть взглянуть на родную страну...

В Бессарабии, отошедшей к Румынии, жило много русских. Они соскучились по русской песне. Вертинского там встречали восторженно, как желанного долгожданного гостя. Кончилось все это скверно. Сигуранца — румынская полиция — арестовала Вертинского. Его обвинили в том, что он — агент большевизма, что своими выступлениями разжигает националистические настроения, будоражит людей, которые требуют вернуть Бессарабию Советской России. В тюрьме Вертинский оказался в одной камере с волами. Это были бессарабы, русские, румыны, поляки, украинцы. Они все говорили по-русски и, больше того, оказались его почитателями. Он пел им в камере русские народные песни, пел про Ермака, тюремную про Александровский централ, кое-что из своего репертуара. Заключение обожали его. Среди них был один вор международного класса — Вацек. Крупный специалист своего дела. Он вскоре вышел на волю и помог Вертинскому. Просто внес за

«Ариэтки Пьерс»
принесли
Вертинскому
всероссийскую
известность

свободу певца деньги, выкуп. И Александра Николаевича выпустили из тюрьмы. Но выслали в Румынию. Тернистый путь эмиграции продолжался. Далее была Польша. И снова возникли неприятности, ибо в Польшу с визитом пожаловал румынский король, а Вертинский для румынских охранников был нежелательной персоной.

Там родилась песня «Пани Ирена». Рассказывают, — не знаю уж, правда это или легенда, но, во всяком случае, красиво — будто бы на концерте в крупном польском городе в «правительственной ложе» сидела рыжеволосая очаровательная женщина. Вертинский со сцены высмотрел красотку и в антракте спросил про нее. Оказалось, что это жена губернатора. После концерта она зашла за кулисы, они познакомились. Звали ее пани Ирена. А утром новая песня была готова. На следующий день опять состоялся концерт, и очаровательная пани Ирена снова сидела в ложе. И вдруг услышала:

*Я влюблен в Ваши гордые польские руки,
В эту кровь голубых королей,
В эту бледность лица, до восторга, до муки
Обожженного песней моей.*

В песне было немало откровений:

*Разве можно забыть эти детские плечи,
Этот горький, заплаканный рот,
И акцент Вашей польской изысканной речи,
И ресниц утомленных полет?*

Любовное признание кончалось такими словами:

*Я со сцены Вам сердце, как мячик, бросаю.
Ну, ловите, принцесса Ирен!*

И певец схватился за грудь, как бы вырвал свое сердце и кинул его через зал адресату. Рядом с красавицей сидел муж, которому все это почему-то крайне не понравилось. Он немедленно вышел из ложи. Когда концерт кончился и усталый маэстро ушел со сцены, в кулисах его ждали два дюжих жандарма.

Они подхватили его «под белые руки», выволокли из театра, бросили в тюремную машину и увезли за сто километров от города.

Поколесив по Европе и покурлесив, Вертинский на-

конец добрался до столицы русской эмиграции, до Парижа...

В районе площади Пигаль в конце 20-х годов находилось около ста русских ресторанов. Снимая нашу телепередачу, мы нашли некоторые из них: «Шехерезада», «Кавказский погребок», «Эрмитаж». Ресторан «Каза нова», что в переводе с итальянского означает «Новый дом», носит сейчас другое название. Но именно в этом заведении Вертинский выступал чаще всего. Сюда приезжали сливки парижского общества. Вертинский пишет, что тут за столом можно было видеть Густава Шведского, Альфонса Испанского, принца Уэльского, Рот-

В 1918 году он начал выступать в костюме черного Пьера Может, на перемену цвета повлияло суровое и страшное время

шильдов, Морганов, Вандербильдов, членов королевских семей, аристократическую и банкирскую элиту. Сюда заглядывали короли и принцессы экрана: Чарли Чаплин, Дуглас Фербенкс, Грета Гарбо, Мэри Пикфорд, Марлен Дитрих. Всех их привлекала русская музыка, русская песня. Шансонье Вертинский пользовался огромной популярностью. Здесь зародились добрые и нежные отношения с Марлен Дитрих. А однажды сюда наведальась делегация писателей из Советского Союза. Вот что написал

в «Огоньке» за 1929 год о своем еще дореволюционном друге Лев Никулин:

«Продавец чужих перелицованных слов и звуков, веселый малый, остряк с прекрасным аппетитом и са-

Началась эмиграция
длинной в 25 лет.
Сначала местом
жительства стал
Париж...

мыми здоровыми привычками. Но так как он торговал наркотической эротикой, тлением и вырождением, то он играл роль дегенерата и наркомана. И играл эту роль очень правдоподобно, даже в минуты, когда ел с аппетитом вареники с вишнями. Кукла из дансинга, стилизованная кукла Пьеро, одетая в кружева и бархат, висела у него через плечо. Он махнул нам длинной прозрачной рукой. И вошел в подъезд. И мы представили себе бархатного длиннолицего певца, ветошь вчерашней эпохи, которую время смахнуло с эстрады и перебросило, как куклу, через плечо».

Красиво сказано, чело-

век явно был не лишен писательских способностей. Но употребил их, к сожалению, не во благо, а во зло. За язык же его никто не дергал. Мог бы и промолчать. Поразительно, что по возвращении в Советский Союз Вертинский продолжал дружить со Львом Никулиным, называл его «старый дружище». Вера Инбер, чью песню «У маленького Джонни горячие ладошки и зубы, как миндаль» Вертинский пел всю жизнь, тоже «приложила» певца:

«В настоящее время выгнанный с позором из своей

страны он стал нахлебником парижских кабаков. Он переменял среду, возраст, социальный строй. Пробраться к нам в СССР он может только контрабандой. Граница легла между им и мной. Мы уже не знаем друг

друга и не кланяемся при встрече. Вот так порой уходят от нас наши герои и прекрасно делают»... Я помню строфу из прекрасного стихотворения Ярослава Смелякова «Любка Фейгельман»:

*Гражданин Вертинский
Вертится спокойно,
Девочки танцуют английский
фокстрот.*

*Я не понимаю, что это такое,
Как это такое
За сердце берет.
Только мне обидно
За своих поэтов.
Я своих поэтов
Знаю наизусть.
Как же это вышло,
Что июльским летом
Слушают ребята
Импортную грусть?*

Из этого стихотворения ясно одно: что и в середине 30-х советская молодежь знала и слушала песни Вертинского.

Потом была Америка Но... «Здесь шумят чужие города и чужая плещется вода»

В Париже Вертинскому нравилось. В особенности поначалу. Здесь он снова встретился с Иваном Мозжухиным, с которым сдружился еще до революции. Мозжухин стал очень знаменитым артистом — это было еще немое кино. Он помог Вертинскому вновь окунуться в мир кинематографа. Певец ездил на съемки в Ниццу, снимался и в Париже и таким образом подрабатывал. Он еще успевал ездить из Парижа на гастроли по Европе, туда, где жили русские эмигранты. В результате он неплохо зарабатывал, даже

стал совладельцем одного из ресторанов на Елисейских полях. Но как человек непрактичный, выгоды из этого никакой не извлек. И быстро, быстро прогорел, что и потом случалось в его бурной и длинной зарубежной биографии.

В Шанхае случилось событие, определившее его дальнейшую жизнь до конца. Он встретил очаровательную девушку Лиду Цирглава, наполовину русскую, наполовину грузинку. Свадебная фотография

Кстати, в Париже он в первый раз женился... Казалось бы, жизнь на чужбине у него сложилась прекрасно. Но в это время он создает «Желтого ангела». Такую песню вряд ли мог написать благополучный, счастливый человек. Петь в кабаках — сквозь хохот, стуки ножей, виллок, хамство, драки — это тяжелое испытание для артиста. Нужно было

прятать самолюбие, делать вид, что все замечательно, сносить моральные пощечины от жирующих равнодушных богачей. В нем, как это ни странно, жило сознание человека угнетенного, зависимого от жующих и пьющих людей, которые во время его пения могли ржать над анекдотом, не слушать, громко разговаривать, повернуться к артисту спиной, могли не хлопать или ошибать.

В середине 30-х время стало меняться. Наш герой все чаще задумывался о том, что пора уезжать из Франции и искать для себя новое пристанище...

*Проплываем океаны,
Бороздим материки
И несем в чужие страны
Чувство русское тоски.*

*И никак понять не можем,
Что в сочувствии чужом
Только раны мы тревожим,
А покоя не найдем.*

*И пора уже сознаться,
Что напрасен дальний путь,
Что довольно улыбаться,
Извиняться как-нибудь.
Что пора остановиться,
Как-то где-то отдохнуть
И спокойно согласиться,
Что былого не вернуть.*

*И еще понять беззлобно,
Что свою, пусть злую, мать
Все же как-то неудобно
Вечно в обществе ругать.
А она цветет и зреет,
Возрожденная в Огне,
И простит и пожалеет
И о вас и обо мне!..*

Эта песня впервые была исполнена в Америке. Концерт проходил в нью-йоркском Таунхолле 5 марта 1935 года. Двухтысячный зал был полон. Среди публики находились замечательные деятели культуры — Федор Шаляпин, Сергей Рахманинов, Марлен Дитрих, знаменитый американский певец Бинг Кросби. Когда Вертинский спел песню «О нас и о Родине», началось что-то небывалое, зал стонал, плакал, аплодировал, встал. Успех был невероятный. Хотя потом, в других русских аудиториях, за эту песню Вертинского освистывали, кидали в него гнилыми овощами и фруктами. Эта песня принесла ему в эмигрантской среде репутацию человека, который продался большевикам. Но зато когда он исполнял «Чужие города», плакали все.

*...Это было, было и прошло.
Все прошло... и вьюгой замело.
Оттого так пусто и светло.
Вы, слова залетные, куда?
Тут живут чужие господа,
И чужая радость и беда...
Мы для них чужие навсегда...*

Автор стихов поэтесса Раиса Блох. Судьба ее трагична. Во время немецкой оккупации она была схвачена фашистами и погибла в концлагере.

Триумф, оглушительный успех — так встретила русская Америка своего любимого поэта, певца, композитора. Реклама, которая предваряла прибытие Вертинского, достигла цели. Огромное количество русских, может быть, впервые собрались вместе на этом концерте. Приезд кумира объединил их. Шаляпин был счастлив за своего друга. Он все время предлагал: «Поедем! Это дело надо отметить!»

Но вскоре пришло отрезвление; ведь гала-концерт готовился пять месяцев, на него работало много людей, плюс газетная реклама. А русская колония была ограничена в своих размерах. Тогда в США еще не было такого количества выходцев из России. Вертинский переезжает в Сан-Франциско, второй город, который облюбовали российские беглецы. Там он выступает с несколькими концертами. Встречи уже были поживе, и успех, конечно, был, но не такой, как в Нью-Йорке. Публика быстро насытилась Вертинским. Он переезжает в Голливуд, в Лос-Анджелес. И начинает кормиться за счет этой огромной киноиндустрии грез. Снимается, но в массовках, в эпизодах. В Голливуде в те времена работало еще немало евреев из России, которым американское кино во многом обязано своим становлением. Но Вертинский не знал английского языка, и на киношной карьере — кино уже заговорило! — пришлось поставить крест. В Америке он перебивался с хлеба на квас, не чувствовал себя там дома. Ему очень многое в Соединенных Штатах не нравилось, многое раздражало. Особенно радио и реклама. Это его доводило порой до белого каления. Он решает покинуть Америку и отправляется в Китай. Сначала на гастроли, думая, что это займет несколько месяцев. А на это ушло, как выяснится потом, восемь лет жизни. В Америке он пробыл всего год. Живя в Голливуде, написал шутивную, но в чем-то грустную песенку, где прощался с Марлен Дитрих. Он иронично описывал, как нелегко мужчине находиться при американской звезде,

будучи не то приживалом, не то камердинером. В итоге год в Америке оставил в его душе горький осадок... В Китае Вертинский очень рассчитывал на Харбин. Этот город был на девяносто процентов русским. По-

Марианна (справа) родилась в Китае, Анастасия — в Советском Союзе. «Доченьки, доченьки мои! Будут у вас ноченьки, будут соловьи»

сле революционных событий Харбин — «столица» Китайско-Восточной железной дороги — отошел к Китаю. И русские люди, не принявшие большевистский режим, осели там. В городе было много русских школ, гимназий, церквей, магазинов, ресторанов. Русские, живущие в Китае, встретили певца восторженно. Для них это было не просто свидание со знаменитым артистом. Вертин-

ский нес с собой русскую культуру, русскую песню, русскую музыку. На его концерты ломились. Однако Александр Николаевич приехал не в очень удачное время. В 1932 году фашистская Япония оккупировала Маньчжурию и главный город провинции — Харбин. Стали создаваться нацистские организации, в которые вербовали и русских. Многие эмигранты начали покидать Харбин. Кто-то смог вернуться на родину, кто-то уехал в Австралию, а основная масса русских перебралась в Шанхай. И Вертинский выбрал Шанхай местом своего жительства. После радостных праздничных встреч в жизни артиста довольно скоро наступили будни. Население жило весьма бедно. Какие уж тут концерты? Да и сколько можно ходить на одного и того же артиста? Чтобы найти какой-то творческий выход, Вертинский поступил в русскую оперетку. В оперетке Легара «Веселая вдова» он играл роль графа Данилы. Играл, кстати, блистательно, с юмором. Но вскоре оперетка прогорела...

В 1939 году началась Вторая мировая война. Пали Польша, Австрия, Чехословакия, Франция. Путь в Европу был закрыт. Вертинский оказался пленником Китая. В это время он регулярно и настойчиво обращался в советское правительство и просил разрешения вернуться. Он активно сотрудничал в разного рода просоветских организациях, выступал в просоветской печати, которая издавалась в Китае. И заслужил репутацию большевистского прихвостня. И тогда фашиствующие хулиганы устроили ему «сюрприз». Перед его концертом они насыпали в партере огромное количество нюхательного табака. Зал не слушал артиста, — зал чихал. Чихал и исполнитель. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...

У него была поклонница по имени Буба, дама полусвета, с которой у него были шуры-муры. Она предложила ему на пару создать кабаре. Буба вложила свою долю денег, что-то имелось у Александра Николаевича. И вот наступило время открытия кабаре «Гардения». Хозяева стояли в дверях, радушно встречая гостей. Совладелец с гарденией в петлице, в замечательном костюме выглядел процветающим бизнесменом. И поначалу «Гардения», где гвоздем программы был Вертинский, в самом деле процветала. Но Александр Николаевич оказался неважным бизнесменом. И кроме того, слишком гостеприимным. Каждый вечер после концерта он усаживал за стол огромное количество гостей, посетителей, прихлебателей. Вскоре выяснилось, что кабаре прогорело и Вертинскому грозит тюрьма. А тут как раз пришло разрешение от советского правительства вернуться на родину. Но Вертинский был под следствием и выехать не мог. Пока длилась судебная проволочка, срок визы кончился.

Вертинский был признан невиновным, но мечта — возвращение на родину, — мечта, которую он лелеял в своей душе двадцать лет, рухнула. Все надо было начинать с начала. На этот раз он направил послание прямо Молотову.

«Дорогой Вячеслав Михайлович! Я не могу жить вдали от Родины, особенно сейчас, когда она истекает кровью. Эмиграция — это тяжелое наказание. Я двадцать лет жил без Родины. Даже в тюрьме за примерное поведение наступает когда-то помилование. Очень прошу дать мне разрешение на возвращение домой. Я еще могу быть полезным своей стране, в особенности в такое время...»

Тут случилось событие, которое определило дальнейшую жизнь до конца. Он встретил молодую прелестную девушку — Лиду Цирглава.

Дальше в моем рассказе об Александре Николаевиче принимают участие три очаровательных женщины — вдова Лидия Владимировна Вертинская и две их дочери — Марианна и Анастасия, известные театральные и кинематографические артистки. Интервью брались порознь, у каждой отдельно.

Эльдар Рязанов:

Лидия Владимировна, у вас такая необычная внешность. Кто ваши родители?

Лидия Вертинская:

Мой отец грузин — Владимир Цирглава. Светловолосый, с голубыми глазами. А у мамы со стороны бабушки — сибирские староверы, а со стороны дедушки — донские казаки. Детство прошло в Харбине, училась там в русской школе. После смерти отца в тридцать третьем году переехала в Шанхай, где окончила английскую гимназию. А после курсов стенографии и машинописи работала в паровой компании.

Эльдар Рязанов:

Знали ли вы песни Вертинского до того, как увидели его, как говорится, живьем, на сцене?

Лидия Вертинская:

Я слышала его песни на пластинках. Мне они очень нравились. А потом, на Пасху, я была в одной компании. У кого-то возникло предложение — поехать и послушать Вертинского. Я обрадовалась, мы поехали. Кто-то из нашей компании был знаком с Александром Николаевичем, и он подошел к нам. Меня познакомили. Я была очень рада этой встрече, предложила ему сесть. И, как он потом говорил: «Я сел на всю жизнь».

Эльдар Рязанов: Где это случилось? В ресторане, кабаре?

Лидия Вертинская: Это был ночной ресторан.

Эльдар Рязанов: Что вы испытали, какие ощущения, когда увидели впервые человека, чьи песни вы уже знали?

А. Вертинский
и С. Пилявская
в фильме «Заговор
обреченных»
режиссера Михаила
Калатозова. 1950 г.
Сталинская премия
за эту работу стала
охранной грамотой
для певца

Лидия Вертинская: Совершенно поразительное чувство меня охватило. Он пел «Прощальный ужин», стоял на эстраде такой великолепный, такой эlegantный. Мне он казался божественным. А когда он спел: «Я знаю, даже кораблям необходима пристань. Но не таким, как мы, не нам, бродягам и артистам», — то в эту минуту стрела жалости пронзила мое сердце. И тут возникла моя влюбленность в Вертинского. Мне стало его безумно жалко. Такой роскошный — и вдруг у него нет пристани.

Любовь у меня сразу соединилась с жалостью. И это было всегда, всю жизнь. Мне всегда было его жалко.

Эльдар Рязанов: А он сразу в вас влюбился?

Лидия Вертинская: Вы знаете, я была удивительно хороша в тот вечер. Мне было тогда семнадцать или восемнадцать. Я была в зеленом платье, которое очень шло к моим зеленым глазам и длинным ресницам. Когда я сказала Вертинскому, что я по отцу грузинка, он ответил, что всю жизнь обожал грузин. А потом, живя со мной, всегда называл себя «кавказский пленник».

- Эльдар Рязанов:** Сразу начал за вами ухаживать?
- Лидия Вертинская:** Я, правда, могла редко с ним встречаться, работала каждый день. У меня были свободны только суббота и воскресенье. Потом надо было еще выбирать время, когда мама куда-нибудь уйдет. Когда она узнала, что я хочу встречаться с Вертинским, то был дикий скандал. Был такой скандал! Ой, какой был скандал!
- Эльдар Рязанов:** Почему? Из-за репутации Вертинского как жуира и донжуана?
- Лидия Вертинская:** Частично и это. Но самым важным для мамы была огромная разница в возрасте между нами. Ей это казалось чудовищным, понимаете? Чудовищным и никак не совместимым. А для меня это ничего не значило. Мне было с ним более интересно, чем со сверстниками.
- Эльдар Рязанов:** Лидия Владимировна, насколько я понимаю, осада продолжалась около двух лет? И он писал вам письма?
- Лидия Вертинская:** Очень много писем, чемоданы писем.
- Эльдар Рязанов:** Я читал в «Огоньке» некоторые письма, которые вы разрешили опубликовать. Должен сказать, перед такими письмами не устояла бы никакая женщина.
- Лидия Вертинская:** Устоять было трудно.
- Эльдар Рязанов:** В письмах чувствуется настоящая любовь и, кроме того, огромный литературный дар.
- Лидия Вертинская:** Да. Оказалось, не он пленник, — а я его пленница. Здесь еще и другое... Я рано потеряла отца, у мамы сибирская кровь, она по природе молчаливый человек, а он мне все время рассказывал что-то интересное, необычайное. Перед моими глазами всплывали экзотические страны, далекие путешествия, дороги, его необычайная жизнь. И потом эти чудесные письма. Они завлекают, завораживают... Он писал, я отвечала, он писал, я отвечала.
- Эльдар Рязанов:** Ваши письма не сохранились?
- Лидия Вертинская:** Нет. Они мне показались очень детскими и недостаточно умными рядом с его письмами. И я их сожгла все.
- Эльдар Рязанов:** Вас не пугало, что вы можете стать очередной женщиной, очередным романом Александра Николаевича?

Лидия Вертинская: Нет, нет, потому что совсем другая линия была у Александра Николаевича. Я ему совсем не нужна была, мне кажется, как женщина. Он влюбился в меня душевно. Он считал, что встретил какую-то птицу спасения. Считал, что я его спасу и от этого кабака, и от этой жизни, от богемы. У него есть стихотворение «Спасение», там же замечательные строки:

*Я понял. За все мученья,
За то, что искал и ждал, —
Как белую птицу Спасенья
Господь мне ее послал...*

Вот такое у него было отношение, понимаете?

Эльдар Рязанов: И после двух лет осады вы решились выйти за него замуж?

Лидия Вертинская: Нет, я бы, наверное, хотела, чтобы вся эта неопределенность продолжалась... Но тут нагрянула японская оккупация. Русские говорили, что с китайцами можно жить, но с японцами нельзя. Они не дают никому жить. Я работала в английской фирме «Моллерс компани». Ее закрыли. Закрылись вообще все американские, английские, французские учреждения. Остались только немецкие конторы. А я уже к тому времени ненавидела немцев, потому что была война с Германией. Я осталась как-то на перепутье. А Александр Николаевич только и мечтал, чтобы уехать на родину, и очень увлек меня этой мечтой. Он видел, что я люблю рисовать, и обещал меня устроить в Москве в художественный институт. Это меня тоже увлекло. Но, главное, конечно, чувство к Александру Николаевичу.

Эльдар Рязанов: Я знаю, что в марте сорок третьего года в советском консульстве в Шанхае был зарегистрирован брак. А потом было венчание?

Лидия Вертинская: Ой, венчание! В Шанхае была большая церковь, — она до сих пор есть, ее не разрушили. У нас состоялась торжественная свадьба. Она описана у Наталии Ильиной в ее воспоминаниях о Вертинском. Пел хор. Я была в белой фате, Александр Николаевич с огромным белым букетом. Он очень волновался, нервничал.

Эльдар Рязанов: А вы?

Лидия Вертинская: Мне было важно ступить первой на ковер.

Эльдар Рязанов: Хотите сказать, тот, кто первый ступит на ковер, тот будет хозяином в доме?

Лидия Вертинская: Да, да, хозяином в доме. Да. Мне очень хотелось ступить первой.

Эльдар Рязанов: Удалось вам?

Лидия Вертинская: Мне удалось. Было очень красиво. Священник водил нас вокруг аналая. Многие женщины плакали. Потом было застолье в ресторане. Весь Шанхай засыпал нас подарками. А после мы уехали, оставив подарки в ресторане.

Эльдар Рязанов: В свадебное путешествие?

Лидия Вертинская: Нет, его не было. Александр Николаевич сказал мне: «Утром встанем и пойдем за подарками, и ты будешь радоваться. Тебе будет интересно разворачивать все эти пакеты, свертки, а их так много». А когда мы на следующий день пришли в ресторан, хозяйка ледяным тоном сказала, что ночью китайский бой все украл, все унес. Я не получила ни одного подарка.

Дорогой читатель! Далее в интервью последовал длинный подробный рассказ Лидии Владимировны о событиях в семье Вертинских вплоть до прибытия в Советский Союз. Его невозможно воспроизвести целиком из-за объема. Но там много интересной информации, деталей, показывающих наглядно ту эпоху. Попробую изложить его отрывочно, в жанре не то комикса, не то дайджеста. Но не своими словами, а фразами Лидии Вертинской, у которой блестящая память.

Лидия Вертинская: ...Мне надо было рожать. Японская оккупация. Трудно заработать деньги. Вертинский работал уже сразу в двух местах. Много пел, приходил домой измученный. Госпиталь стоил очень дорого. Врач, принимавший роды, тоже заломил большую сумму. Не понимали, где взять деньги. Вертинский придумал спекуляцию. Он занял деньги и купил пять бутылок водки по три литра каждая. Цены на водку росли. Время

рожать и высшая стоимость водки совпали. Я родила в роскошном «Country hospital». Александр Николаевич продал водку, со всеми расплатился. Это была его единственная в жизни удачная коммерческая операция...

...Никак не могли уехать. Кроме нас должны были ехать в Союз тридцать восемь моряков с потонувшего советского торгового судна. Они извелись, сидели, ждали, хотели домой. Жили в советском консульстве в Шанхае. Японцы не давали морякам визы. Тогда наши в Москве задержали японских дипломатов. Пошли переговоры. Отношения с японцами ужасные. Наконец поплыли на японском пароходе из Шанхая в Дайрен (порт Дальний). Союзники торпедировали японские корабли. Японцы хотели, чтобы это судно было потоплено, чтобы разгорелся конфликт. Но наши сообщили американцам, дали знать, что на пароходе советские люди. Нас не потопили. Приехали в порт Дальний ночью. Никогда не забуду эту ночь. Тьма кромешная, везде затемнение. Бушевало море. Узкий трап с парохода на пристань. Кто-то поддерживал маму, Вертинский меня, которая несла трехмесячную Машу. Повезли в японскую гостиницу — там холодно, циновки, неприглядно...

...Дальше поезд. Через Харбин к советской границе... Через знакомых дали знать бабушке, что будем ехать мимо, чтобы пришла к поезду попрощаться. Дедушку замучили пытками японцы, бабушка овдовела, жила одна не в Харбине, а на станции, не очень далеко от города. Бабушка пришла, несчастная, и плакала. И мама плакала, ведь прощались навсегда. Вагоны наши под охраной японцев. Наши консульские говорили конвой, чтобы нам разрешили выйти из поезда, обнять, попрощаться. Японские солдаты образовали коридор от дверей вагона до места, где стояла бабушка. Мы с ней попрощались. Но в сорок пятом году, после разгрома Японии, Александр Николаевич добился, чтобы бабушка приехала в Москву. Она жила с нами здесь, похоронена на Ваганьковском кладбище...

...Потом нас на две недели задержали в Маньчжурии. Четвертого октября сорок третьего года выехали из Шанхая и лишь в ноябре приехали в Читу. Мороз сорок градусов. Я вышла из гостиницы, взвизгнула

Лидия Владимировна в роли Птицы Феникс. Фильм Александра Птушко «Садко». 1953 г.

и скорее бросилась обратно. Будто меня взяли за шкуру и опустили в кипяток. Четыре дня в Чите. Купили билеты в Москву, заказали грузовик. В Чите Вертинский дал по просьбе властей четыре концерта. В грузовик погрузили вещи, а меня с Машей и сумкой, где было молочко для малышки, американские соски, сухое молоко, в кабину. Бутылочки позвякивали в сумке,

и шофер, видно, решил, что там водка. На станции разгрузили вещи, потом Александр Николаевич помог мне с Машей спуститься из кабины. Он сказал водителю: «Сейчас я с вами расплачусь». Но водитель захлопнул дверь и умчался. Предпочел «водку» деньгам. У нас началась паника. У меня молока грудного не было. Поезд вот-вот отойдет. Там, в украденной сумке, было все для кормления ребенка. Александр Николаевич послал на следующие десять станций телеграммы: «Артист Вертинский. Еду с грудным ребенком. Вынесите к поезду литр молока». Специально никто, конечно, не вышел. Но бабы сами по себе торговали молоком. А ребенок уже ночь не кормлен. Вертинский дает за молоко сто рублей. Молочница не отдает и говорит: «Давайте тару». Вертинский предлагает двести рублей. «Мне не нужны ваши двести рублей, давайте пустую тару». Александр Николаевич на взводе, в вагоне голодная грудная дочь. К следующей станции он приготовился. Мы с мамой стоим у окна вагона, смотрим. У мужа в руках пять-

сот рублей. Он подходит к молочнице, крепко берет-ся за горлышко бутылки и протягивает веером пять кредиток по сотне. «Давайте тару», — упорствует и эта баба. Тогда он выдергивает бутылку, бросает ей деньги и бежит к вагону. Все начинают кричать: «Вор, вор, украл бутылку!» Мы переживаем, вдруг его схватят! Еще повалят, начнут бить. Но он успел добраться до вагона... Это сейчас смешно слушать, а как было трагично... В Москве нас встречали и повезли в гостиницу «Метрополь». Там мы прожили около трех лет.

Эльдар Рязанов: Как и где состоялся первый концерт? Как принимала публика зарубежную диковинку?

Лидия Вертинская: Первый концерт состоялся в Доме актера на Пушкинской площади. Была вся театральная артистическая элита. Все народные, все заслуженные. Начали концерт попозже, чтобы артисты могли прийти после спектакля, — в те времена спектакли кончались поздно. Были и Василий Качалов, и Алла Тарасова, и Василий Топорков... Буквально все. Все великие старухи из Малого театра. И певцы, и балетные. Кто-то из правительства даже. Я помню, мне показали, что в первом ряду сидит рыжеволосый молодой мужчина в военной форме, и сказали, что это Василий Сталин. Он разговаривал с Гурарием, известным фотографом, и рассказал ему, что, мол, у отца есть пластинки Вертинского. И когда он устаёт, то заводит «В синем и далеком океане».

Эльдар Рязанов: Как артистическая Москва встретила блудного сына?

Лидия Вертинская: Бесподобно, восторженно. Но потом был такой случай. Важная большевистская дама, ее фамилия Землячка...

Эльдар Рязанов: Это была большая шишка. Была даже улица ее имени, на особняке мемориальная доска...

Лидия Вертинская: ...Так вот эта Землячка была на концерте Вертинского и на следующее утро звонит Щербакову. Как его?..

Эльдар Рязанов: Александр Сергеевич. Это был человек, который ведал идеологией в ВКП(б).

Лидия Вертинская: Идеологией, да. Звонит Щербакову и докладывает: «Я вчера была на концерте Вертинского, послушала

его репертуар. Ему надо создать новый. Это абсолютно не имеет отношения к нашей идеологии». Может быть, не такая в точности формулировка была, но смысл такой. Вскоре у них состоялось партийное заседание...

Эльдар Рязанов: Наверное, политбюро...

Лидия Вертинская: Политбюро, да. И был Щербаков. И Хозяин, как его называли, — Иосиф Виссарионович. Щербаков говорит: «Мне звонила Землячка. Она была на концерте Вертинского и сказала, что его репертуар не соответствует нашей идеологии, что ему следует написать другие песни». Сталин выдержал большую паузу. Он, кажется, замечательно умел делать паузы...

Эльдар Рязанов (саркастически): Он замечательно делал не только паузы...

Лидия Вертинская: Понимаю вас. Он сказал: «Зачем писать новый репертуар артисту Вертинскому? У него есть свой репертуар, а кому не нравится, тот пусть не ходит и не слушает».

Эльдар Рязанов: То есть он защитил Александра Николаевича.

Лидия Вертинская: В общем, да, хотя были сказаны одна-две фразы.

Эльдар Рязанов: Этого было достаточно, чтобы фразы стали известны всем, кому положено. Но я знаю, что из огромного количества песен Александра Николаевича, а их несколько сотен, ему разрешили петь только около тридцати.

Лидия Вертинская: Да. Всего-навсего. И всегда сидел какой-то ревизор, который проверял, не поет ли он чего-то недозволенного.

Единственной отдушиной для Александра Николаевича были концерты для актеров, для деятелей искусств. Например, в Доме кино, где была особая публика. Он давал концерты для творческой интеллигенции. И тогда показывал свои вещи, которые были не разрешены.

Году, наверное, в сорок пятом мне — студенту второго курса ВГИКа — удалось раздобыть билеты на концерт Вертинского. Вечер проходил в зале Московского областного педагогического института. Первое впечатление — на сцену вышла немолодая высокая

хищная птица, во фраке. Скорее, неприятная. Но вот он запел, и мощное биополе артиста накрыло зал. Песни в его исполнении оказались чудом искусства. Меня тогда потрясла необыкновенная пластика его

Надо отдать должное
Александру
Николаевичу —
у него был
безупречный вкус

рук. Напевая, он сопровождал музыку и стихи жестикуляцией. Каждый жест был продуман, отточен и выразителен. Напоминало изысканный балет, только исполняемый не ногами, а руками. В результате каждый номер становился маленьким чудесным спектаклем.

Эльдар Рязанов:

В сорок шестом — сорок восьмом годах громили творческую интеллигенцию. Были партийные постановки и о кино, где уничтожали Эйзенштейна, Пудовкина, Лукова, Козинцева и Трауберга, и об опере Мурадели «Великая дружба», где вытерли ноги о композиторов, и о журналах «Звезда» и «Ленинград», где Ахматову объявили «полумонахиней, полублудницей» и Зощенко тоже всыпали по первое

число. Как же в этом идеологическом шабаше уцелел Вертинский со своим «импортным» репертуаром?

Лидия Вертинская:

Нам рассказали, что в постановлении об опере «Великая дружба», в конце его, был большой раздел, где громили Вертинского. Очень сверхстрогие формулировки.

Сталин сидел с карандашом, читал, потом взял карандаш, зачеркнул этот раздел крест-накрест и сказал Жданову: «Дадим артисту Вертинскому спокойно дожить на родине». Вот так.

Эльдар Рязанов:

Защитил второй раз...

Лидия Вертинская:

Вертинский очень часто давал благотворительные концерты. Их тогда называли шефскими.

Анастасия

Он всегда пел, как только его просили об этом. Это была его человеческая потребность. Он пел для детей, потерявших отцов на фронте, для раненых, для старых актеров в домах ветеранов сцены. Чем больше был сбор, тем больше он радовался. Значит, больше денег достанется тем, ради кого он пел.

Вертинская:

Марианна

Папа был удивительно добрый человек. Он безумно нервничал, когда ему говорили, что дети в школе голодают. Что не хватает денег на школьные завтраки. Много детей было из бедных, необеспеченных семей. И папа давал каждый год концерты в нашей школе номер сто семьдесят девять. А в Москве у него сольные выступления были очень редки. И на эти школьные концерты съезжалась вся Москва.

Вертинская:

Ставили довольно высокие цены за билеты. Он пел, естественно, бесплатно. А все деньги отдавал школе — чтобы купили неимущим детям школьную форму, чтобы кормили их завтраками.

Один случай я очень хорошо запомнила. Я, наверно, училась в третьем классе. Папа узнал, что на деньги, которые он пожертвовал школе, купили директрисе в кабинет роскошный ковер. Еще купили новую лампу, ручки, письменные приборы, стулья. Он пришел в такое лютое бешенство. И побежал в школу.

Я первый раз слышала, как папа кричал. Это было при мне. Я стояла за дверью и была просто в ужасе. Я думала, сейчас нас с Настей выгонят из школы.

Эльдар Рязанов

Лидия Вертинская:

Он кричал: «Я запрещаю! Я не для этого пою! Концерт был дан для того, чтобы у детей были горячие завтраки! Для того чтобы у них была одежда и обувь!» Был жуткий скандал. Потом все ковры скатали, сдали в комиссионку, распродали моментально. Директриса, которая и без того была весьма злобная, стала смотреть на нас с сестрой с омерзением.

Я думаю, он так себя вел потому, что у самого Александра Николаевича было очень тяжелое детство и вечное голодное. И он хорошо помнил те ощущения. Через год после приезда в Москву родилась Настя. Александр Николаевич сочинил песню «Доченьки».

*У меня завелись ангелята,
Завелись среди белого дня.
Все, над чем я смеялся когда-то,
Все теперь восхищает меня!*

*Жил я шумно и весело, каюсь,
Но жена все к рукам прибрала,
Совершенно со мной не считаясь,
Мне двух дочек она родила.*

*Я был против. Начнутся пеленки...
Для чего свою жизнь осложнять?
Но залезли мне в сердце девчонки,
Как котята в чужую кровать!*

*И теперь с новым смыслом и целью
Я, как птица, гнездо свое вью
И порою над их колыбелью
Сам себе удивленно пою:*

*Доченьки, доченьки,
Доченьки мои!
Где ж вы, мои ноченьки,
Где ж вы, соловьи?..*

*Много русского солнца и света
Будет в жизни дочурок моих.
И что самое главное — это
То, что Родина будет у них!*

*Будет дом. Будет много игрушек.
Мы на елку повесим звезду.*

Я каких-нибудь добрых старушек
Специально для них заведу.

Чтобы песни им русские пели,
Чтобы сказки ночами плели,
Чтобы тихо года шелестели,
Чтобы детства забыть не могли.

Правда, я постарею немного,
Но душой буду юн, как они!
И просить буду доброго Бога,
Чтоб продлил мои грешные дни.

Вырастут доченьки,
Доченьки мои...
Будут у них ноченьки,
Будут соловьи!

А закроют доченьки
Оченьки мои,
Мне споят на кладбище
Те же соловьи!

Лидия Вертинская:

Сочинив сначала стихи, Александр Николаевич подо-
брал к ним на рояле мелодию. Но он не знал нот. Было
три часа ночи, мы еще жили в «Метрополе». Он по-
звонил Мише (Михаил Брехес — постоянный аккомпаниатор
Вертинского. — Э.Р.) и попросил его подняться к нам —
нужно записать мелодию. Брехес попросил потерпеть
до утра. Но Александр Николаевич жалобно сказал:
«Я боюсь, что до утра эту музыку забуду». А между тем
Шостакович обмолвился как-то: Вертинский значи-
тельно более музыкален, чем мы, композиторы.

Эльдар Рязанов:

Невероятно. Музыкальный гений сказал такое о че-
ловеке, не знавшем нотной грамоты.

Лидия Вертинская:

Да, он сказал это Леониду Траубергу.

Эльдар Рязанов:

У вас был хлебосольный дом. Кто бывал у вас из зна-
менитостей?

Лидия Вертинская:

Граф Игнатъев (автор книги «50 лет в строю». — Э.Р.) с же-
ной Натальей Владимировной. Художник Осьмеркин
бывал со своей Надеждой Георгиевной. Коненков за-
ходил к нам. Вертинский очень дружил с Топорко-
вым, очаровательный человек. Рубен Симонов. Сей-
час уже всех не припомнишь. Борис Ливанов, шум-

ливый, веселый. Шостакович, Баталовы, Маргарита Алигер, сатирик Владимир Поляков. Бывал Лев Никулин. Они дружили с Александром Николаевичем еще до революции.

Эльдар Рязанов: Он знал, что Лев Никулин писал о нем в двадцать девятом году?

Лидия Вертинская: Да, он знал, как тот его обложил. Но простил. Человек был великодушный...

Анастасия: Я помню, что я его всегда ждала. Все мое детство. Ну, конечно, как и другие дети, так же прыгала в классики, скакалки, в куклы играла. Но это было фоном моей жизни. А сутью ее было детское ожидание папиного приезда с гастролей.

Эльдар Рязанов: Были в него влюблены?

Анастасия: Я его обожала. Но не влюблена. Это что-то все-таки другое. Вот мама и сестра считают, что я всегда ревновала. Поначалу и я такую версию для себя принимала. Мы с Машкой без конца дрались из-за него.

Эльдар Рязанов: В письмах он все время закликает, чтобы вы не ссорились, не дрались, не обижали друг друга.

Марианна: У меня характер был полегче, чем у Насти. Она обижалась на папу. Даже в мой день рождения, когда мне дарили куклу, если такую же куклу не дарили Насте, у нее начиналась истерика.

Анастасия: Маша вам рассказывала, какая у меня была ревность по поводу кукол? Мне нужно было подарить обязательно такую же! Более того, когда он дарил ей в розовом платье, а мне в голубом, это была для меня страшная драма. Я понимала, что только человеку, которого очень любишь, можно подарить розовую куклу, а человеку, которого совсем не любишь, то есть мне, можно подарить голубую.

Эльдар Рязанов: Ну, вы и фрукт!

Анастасия: Думаю, с обывательской точки зрения, может быть, это и выглядит как ревность. Но я убеждена, это было другое. Мне кажется, я всегда знала, что рано с ним расстанусь. И мне он нужен был для того, чтобы его вбирать, мне одной. Сестра мне мешала. Бедная Маша, она просто хотела сидеть на одной его коленке, а я-то хотела на двух. Он был только мой папа!

- Эльдар Рязанов:** Но с мамой вы считались или тоже нет?
Анастасия: Ну, с мамой трудно было не считаться. Она нас порола.
Эльдар Рязанов: А за что? Вы не помните?
Анастасия: А за все. Помню очень хорошо. За то, что мы с ней

Руки Вертинского были необыкновенно выразительны — длинные пальцы, благородной формы кисти. Каждая песня сопровождалась своеобразным «балетом» рук

- Эльдар Рязанов:** ругались, за то, что мы с ней дрались, за то, что мы...
Анастасия: С мамой вы дрались?
Эльдар Рязанов: Нет, между собой. Нас же действительно надо было разлить водой. За то, что друг без друга жить не могли. За двойки, за непослушание. Причем порола она нас не просто так, когда шлепнешь по попе и, мол, наказала. Она делала это от души. Мама сама рассказывала: поскольку она по профессии художница, то добивалась такого ярко-розового колера. Пока не достигала этого цвета, нас не отпускали.
Эльдар Рязанов: А вы ревели благим матом или, стиснув зубы, молчали, как герои-разведчики?
Анастасия: Мы с Машей по-разному реагировали. Например, когда били Машу, а местом порки был почему-то ту-

алет, и она кричала, визжала — тогда я кидалась и, как во время войны спасали Родину, спасала Машу. Я просто впивалась в руку мамы и делала все, чтобы сестру освободить. А когда пороли меня, Маша тоже кричала страшным голосом, но не кидалась освобождать. Тут была некоторая разница...

Марианна: После смерти папы у нас стали совершенно другие отношения. Мы стали ценить друг друга, любить друг друга. Сейчас у нас просто не проходит дня, чтобы мы раза три-четыре не созвонились. Несколько раз в неделю обязательно видимся. У нас очень доверительные, дружеские и нежные отношения.

Эльдар Рязанов: Лидия Владимировна, а вы ревновали Александра Николаевича? Он же все время уезжал на гастроли.

Лидия Вертинская: Я была очень ревнивая, очень.

Эльдар Рязанов: Скажите, он давал вам поводы?

Лидия Вертинская: Ну, я придумывала их. Например он расцветал, когда видел красивую женщину, смотрел на нее с удовольствием. И я уже начинала ревновать.

Эльдар Рязанов: У него есть такая строчка: «и прощать мои дежурные влюбленности». Вы прощали?

Лидия Вертинская: Нет, я шумела, шумела.

Эльдар Рязанов: Устраивали сцены?

Лидия Вертинская: Я устраивала сцены, каюсь. Но это было от большой любви. И я была собственницей. Хотела, чтобы он был только мой. Тут и грузинский характер, да и русский тоже...

Эльдар Рязанов: В одном письме Александр Николаевич жалуется вам, что зарплата — это дырка от бублика.

Лидия Вертинская: Начинать жизнь с нуля в пятьдесят четыре года тяжело. Ставки в «Гастрольбюро» были крохотные. У Вертинского была норма двадцать четыре концерта в месяц. Представляете, двадцать четыре рабочих дня в месяц. Невыносимая норма. А ведь у него были постоянные переезды из города в город. Но одно время позволили петь так называемые «левые» концерты, за которые платили больше. Однако их можно было проводить только сверх нормы, только дополнительно к тем двадцати четырем. Благодаря «левым» мы смогли обменять маленькую квартирку на

Хорошевском шоссе на эту. Здесь когда-то жили старые большевики.

Эльдар Рязанов:

В этой комнате, Лидия Владимировна, находится бесценное сокровище — подлинный стол Наполеона да еще с креслом. Как они оказались в вашей гостиной?

Лидия Вертинская:

Вертинский был на гастролях в Ленинграде и утром после чашки чая пошел погулять. Жил он всегда в «Астории». На Невском был комиссионный магазин. Этот стол туда привезли и сдали на комиссию два майора. Заведующий, увидев такой раритет, помчался предупредить постоянного клиента, чтобы тот быстренько купил уникальную мебель. В это время в комиссионку заглянул Вертинский. Продавец ему объяснил, что заведующий побежал за покупателем. Но, видно, «Астория» оказалась ближе. Александр Николаевич вернулся в номер, взял деньги и тут же заплатил. Когда прибежал заведующий со своим покупателем, было поздно. Он от досады даже ногами топал.

Эльдар Рязанов:

Значит, майоры привезли стол из Германии?

Лидия Вертинская:

Да. В сорок шестом — сорок седьмом годах.

Эльдар Рязанов:

«Страна Лимония, сплошная Чемодания»... А немцы, наверняка, в сороковом году, когда оккупировали Францию, захватили его в качестве трофея, то есть стибрили. Неисповедимы пути не только Господни, но и пути мебели.

Лидия Вертинская:

В эти же годы стали привозить автомобили, рояли, пианино, музыкальные инструменты и прочее. Александр Николаевич получил письмо из секретариата Молотова, что он может в консерватории выбрать себе рояль в подарок от государства. Рояль тоже здесь. Вот он...

Эльдар Рязанов:

Скажите, Настя, когда отец приезжал с гастролей, а отсутствовал он подолгу, что происходило дома?

Анастасия:

Это был праздник! К этому дню все подчищалось. Ему не рассказывали о наших жутких прегрешениях. Тем более говорить ему про наши двойки было бессмысленно. Он приходил в восторг от того, что, например, я плохо училась. Говорил: «Она в меня». Кстати, он никогда нас не воспитывал.

Его не дергали домашними делами. В доме сразу появлялось полно народу. Огромное количество людей сидело за столом, потом гости переходили в кабинет. Папа там рассказывал забавные истории, раздавался смех. Паузы, как будто что-то случилось, и вдруг хохот. Нас выгоняли, конечно, спать. Но я помню, как мы подкрадывались с Машей к двери, там была замочная скважина. Я очень хорошо помню эту мизансцену — папа в замочной скважине. Всегда он был от меня чем-то отделен, отрезан, чтобы я не подходила. Вот эта мизансцена, когда в замочной скважине он то появляется, то исчезает, — лейтмотив моего детства. А когда гостей не было, он всегда нас брал на колени, много рассказывал нам, сочинял сказки. У него была гипнотическая власть над нами. Например, он мог положить свою огромную руку мне на голову, и у меня проходила головная боль. У него руки были очень теплые и какие-то энергетические.

Эльдар Пязанов:

Вы рано поняли, что у вас очень необычный отец, не похожий на отцов ваших сверстниц?

Анастасия:

Это происходило этапами. Когда я была пионеркой и мы на линейке маршировали под «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионеры, дети рабочих», я думала: «Почему мой папа не написал этой песни? Сейчас бы я шла и гордилась, что «Взвейтесь кострами» — это папина песня». «Близится эра светлых годов, клич пионера — всегда будь готов!» А он писал про каких-то клоунов, балерин, кто-то у него пахнет псиной. Где они все? У меня на линейке и в школе их не было. Потом постепенно, когда я вырастала, я начала понимать.

Меня затягивал этот загадочный мир. Я присутствовал в его песнях. Я знаю, это я была маленькой балериной, которая в камерке с больной матерью шлопала трико. Это мне присылал король влюбленно-бледные нарциссы и лакфиоль. И это на меня ревниво смотрела королева. То есть я становилась его персонажами. Как бы входила в них, как ребенок входит в сказку.

Эльдар Пязанов:

Вы бывали на его концертах?

Анастасия: Очень мало. Честно говоря, нас не брали. Однажды взяли, посадили в ложу. Папа объявил песню «Доченьки» — и публика поняла, что мы в зале, — он сказал: «Доченьки» и посмотрел на нас. Когда же он до-

Кочевник
Вертинский оказался
замечательным
семьянином

шел до куплета «А закроют доченьки оченьки мои, мне споют на кладбище те же соловьи» — мы в два голоса с Машей подняли страшный рев, зрители заволновались, и нас увели.

Эльдар Рязанов: Марианна, а разве дома вы не слышали его песни, как он распевается перед концертом, или его пластинки и магнитофонные записи?

Марианна: Он перед концертами распевался не своими песнями. Народными. А его пластинки у нас дома никогда не ставились. Он почему-то не любил этого. Хотя у нас были его американские пластинки фирмы «Колумбия». Мы тогда не думали о том, почему его песни никогда не передают по радио. Он не жаловался, был человеком гордым, независимым. Всю свою боль переживал внутри. Это я уже после поняла.

Эльдар Рязанов: Я читал его письма, в частности, те, которые он посылал домой с гастролей. Их без содрогания читать невозможно. Лидия Владимировна, я почитаю кое-какие письма вашего мужа. Конечно, вы-то их знаете, но наши телезрители и будущие читатели пусть ознакомятся.

Лидия Вертинская: Если в письме было написано «У на У» — это означало «уборная на улице».

Эльдар Рязанов (читает письмо). «Номерище громадный, в пять коек. Все это одному мне. Вода на первом этаже, а в сортир надо ходить во двор, в сарай или на шоссе. И вот в таких условиях надо здесь жить и петь чудесные песни. Это у нас называется культурное обслуживание. Построили бы хороший сортир, вот это было бы настоящее культурное обслуживание. А то строят дворцы культуры, а сортиров не строят. Забывают, что культура начинается с него. Злость берет: ни умыться, ни отдохнуть. И на кой дьявол посылать им Вертинского, может быть, они еще Ива Монтана захотят... Тут лают собаки, в окно ко мне врывается трехэтажный мат с улицы. Воды нет попить. Отче мой, зачем ты меня покинул, сказал Христос на Голгофе. Целую тебя, Лиличка, жена моя дорогая, и родных дочек».

Марианна: Он, конечно, работал на износ. Не умел ни халтурить, ни петь вполсилы. Сколько у нас писем, как он, больной, кашляет, с температурой, идет на концерт. Он испытывал адские муки. Но будучи человеком точным, обязательным, человеком старой школы, не мыслил себе сорвать концерт или опоздать. Вот его описание одной из поездок по Дальнему Востоку:

«Живу в вагоне, который стоит в тупике, на станции. Купе у меня четырехместное, жесткое. Проводница спит на полу. Иногда она готовит борщ. Сажу на заваulinке станционного амбара и пишу тебе письмо. Тут бродят утки, гуси, куры и козы с козлятами. Все голодные, ищут себе пропитание, копясь в мусоре. Мы только что «позавтракали» чаем с сухим черным хлебом. Потом сходили на базар. Там, кроме семечек, ничего нет».

Эльдар Рязанов: А вот другое письмо, которое тоже рвет сердце.

«Я уже поправляюсь, Петочка...»

Марианна: Так он называл маму.

Эльдар Рязанов (продолжает читать письмо): «...Но все гудит. В голове шум, сердце стучит и главное, это вечное последнее время непрекращающееся беспокойство. Куда бежать? Что делать? И главное — дети. Мне много лет. Как они вырастут? Доживу ли я до этого? Как их обеспечить? Все это мучает меня и терзает дни и ночи. А тут еще расхлябанный нервный аппарат актера-одиночки, фактически не признаваемого страной, но юридически терпимого. На самом деле любимого народом и признанного им. Что писать? Что петь? Есть только одна правда: правда сердца, собственной интуиции. Но это не дорога в искусстве нашей страны, где все подобрано к моменту и необходимости данной ситуации. Я устал и не могу в этом разобраться. И не умею. У меня есть высшая надпартийная правда — человечность. Но сегодня она не нужна... Все это трудно и безнадежно. И бездорожье полнейшее».

Лидия Вертинская: В его гастролях было и такое: мороз пятьдесят восемь градусов. В зале сидят люди в полушубках, идет пар изо рта, а он стоит во фраке. Нетопленные номера, где невозможно согреться и где зуб на зуб не попадает... Он был в отчаянии. Но когда возвращался домой, то сбрасывал с себя то, что его угнетало в поездках. И сразу хотел веселья, устраивал веселый кутеж. Начинали печь пироги, делать салаты. Александр Николаевич очень любил салаты. И сам умел их делать. Приглашались гости, и тут он становился очаровательным рассказчиком, радушным хозяином, гостеприимным.

Гости были счастливы побыть с ним. Все были обласканы. Друзья получали огромное удовольствие и от рассказов Александра Николаевича, и от теплой атмосферы, которая царил у нас в доме.

Эльдар Рязанов: Вспомните какую-нибудь историю, байку из тех, что он рассказывал.

Лидия Вертинская: В Берлине собралось изысканное общество. Гости поужинали. Началась беседа.

«Когда я жил в России, то был губернатором», — поведал один.

«А я до революции устраивал роскошные балы в своем имении», — сказал другой.

«А я был раньше помещиком», — сообщил третий.

«А мой отец председатель дворянского собрания в Туле».

Это были вечные темы эмиграции. Вертинскому это надоело. Он заметил человека, который сидел по-одаль в кресле и гладил маленькую собачку. Александр Николаевич подошел к этому господину. И, чтобы сделать ему любезность, сказал: «Славный у вас песик. Какой он породы?» Человек спокойно посмотрел на него и ответил: «До революции он был сенбернарном».

Марианна:

Между папой и мамой были очень нежные взаимоотношения. Мама скучала, тосковала без него, когда он был на гастролях. Отца просто невозможно было не любить, не обожать. И потом он ее безумно баловал. Делал ей бесконечные подарки. Помню, вечерами, когда он бывал дома, они брали бутылочку вина, садились в кабинете, начинались беседы, допоздна засиживались. Мама замороженно слушала его рассказы, он был потрясающим рассказчиком.

Помню, мы ходили на первомайскую демонстрацию с Суриковским институтом. И папа, когда бывал в Москве, тоже ходил с институтом. И нас, девчонок, мамини сокурсницы, студенты, по очереди таскали на плечах, потому что мы маленькие были. Когда мама была студенткой, помню еще такой случай: у нее в Суриковском институте был экзамен по марксизму-ленинизму. А у папы была пауза — месяц отпуска. Он сидел дома и стал шпаргалки писать по марксизму. Крупным понятным почерком. Бабушка нашла маме на блузку два больших кармана с изнанки, чтобы прятать эти шпаргалки.

Эльдар Рязанов:

Вертинский писал шпаргалки? По марксизму-ленинизму?!

Марианна:

И по марксизму-ленинизму тоже. Он все проштудировал с мамой. А потом однажды в «Гастрольбюро»

Фильм
Григория Козинцева
«Дон Кихот», 1957 г.
Герцогиня —
Л.Вертинская

читали лекцию по повышению «идейного уровня». Папа во время лекции с кем-то переговаривался. Ему сказали: «Александр Николаевич, вам что, неинтересно? Вы же этого не знаете!» «Нет, я это прекрасно знаю», — возразил он. Встал и что-то процитировал из этого марксизма. У него была идеальная память, слава Богу. Он всю эту ерунду запомнил, когда писал шпаргалки.

Эльдар Рязанов

А как он перенес смерть Сталина, развенчание культа личности?

Лидия Вертинская: Он вначале верил в него. С именем Сталина шли умирать, взрывали себя, бросаясь под танки. К этому нельзя было оставаться равнодушным. А вот что он писал из Иркутска двадцать седьмого марта тысяча девятьсот пятьдесят шестого года, после того, как услышал хрущевское письмо:

«Очень тяжело жить в нашей стране. Если бы меня не держала мысль о тебе и детях, я давно бы уже или отравился, или застрелился. Ты посмотри на эту историю со Сталиным. Какая катастрофа! И вот теперь на сороковом году революции встает дилемма: а за что же мы боролись? Все фальшиво, подло, неверно. Все борьба за власть одного сумасшедшего маньяка. Кто, когда и чем заплатит нам, русским людям и патриотам, за «ошибки» всей этой сволочи, доколе они будут измываться над нашей Родиной, доколе?»

Эльдар Рязанов: Настя, скажите, пожалуйста, — помогало вам в жизни то, что вы дочь Вертинского или, наоборот, мешало?

Анастасия: Когда я начинала свою актерскую карьеру, все говорили: «Ой, девочка, а ты дочка Вертинского?» Я сжималась, меня это коробило. Я хотела быть не дочкой Вертинского, а сама по себе. И так было долго. Где-то попозже уже говорили: «Ой, Анастасия, какая вы красивая!» И я опять вся сжималась. Лучше бы сказали: «Какая вы актриса!» Когда же я достигла чего-то в своей профессии, меня стало раздражать, когда говорили: «Какая вы актриса!»

Я думала: при чем тут — какая актриса? Я просто дочь своего отца! Это — самое главное! Хотя и рано он ушел, он все-таки дал мне то, что, может быть, предполагал дать!..

Желтый Ангел

*В вечерних ресторанах,
В парижских балаганах,
В дешевом электрическом раю
Всю ночь ломаю руки*

От ярости и муки
И людям что-то жалобно пою.
Звенят, гудят джаз-банды,
И злые обезьяны
Мне скалят искалеченные рты.
А я, кривой и пьяный,
Зову их в океаны
И сыплю им в шампанское цветы.
А когда наступит утро, я бреду бульваром сонным,
Где в испуге даже дети убегают от меня.
Я усталый, старый клоун, я машу мечом картонным,
И в лучах моей короны умирает светоч дня.
Звенят, гудят джаз-банды,
Танцуют обезьяны
И бешено встречают Рождество.
А я, кривой и пьяный,
Заснул у фортепьяно
Под этот дикий гул и торжество.
На башне быют куранты,
Уходят музыканты,
И елка догорела до конца.
Лакеи тушат свечи,
Давно замолкли речи,
И я уж не могу поднять лица.
И тогда с потухшей елки тихо спрыгнул желтый Ангел
И сказал: «Маэстро бедный, Вы устали, Вы больны.
Говорят, что Вы в притонах по ночам поете танго.
Даже в нашем добром небе были все удивлены».
И закрыв лицо руками, я внимал жестокой речи,
Утирая фракком слезы, слезы боли и стыда.
А высоко в синем небе догорали Божьи свечи
И печальный желтый Ангел тихо таял без следа.

Анастасия:

«Желтого Ангела» я считаю, пожалуй, самым гениальным произведением отца. Ему было свойственно потрясающее качество великого художника, артиста — опустить себя на дно и сказать о себе, что он падший человек, ничтожество, даже Ангел, даже Бог смотрят на него с сожалением. Это может себе

позволить только очень большой артист. Потому что, как правило, артист пыжится и раздувает себя до состояния звезды. Но и лопается при этом. Вертинскому же не стыдно, ему страшно. И сразу вырастает значение жанра. А что касается звезды... Я знаю, Эльдар Александрович, что на небе существует звезда, названная вашим именем — «Рязанов».

Эльдар Рязанов: Да, где-то летает.

Анастасия: У меня тоже есть международный сертификат — звезда, названная именем «Вертинский». Сначала я была уязвлена, что около концертного зала в асфальте нет звезды моего папы. Как можно было не начать с Вертинского? — говорила я. Он же первый, в сущности, на эстраде. Он родоначальник всего. Шульженко рассказывала, что училась у Вертинского, как он много ей дал. А потом вдруг я подумала: Боже мой, какое счастье, что его там нет. Представляете, в каком-нибудь асфальте, посвященном поэтам, лежали бы Блок, Гумилев, Цветаева, Фет. Какая пошлость!

Эльдар Рязанов: Лидия Владимировна, расскажите о его друзьях в эмиграции, скажем, о Мозжухине.

Лидия Вертинская: Была большая дружба с Иваном Мозжухиным. Хотя расстались они плохо, были в ссоре. Из-за какой-то, думаю, женщины. Что-то там у них произошло. Но когда в Шанхае Александр Николаевич узнал, что Иван болен и умирает от чахотки в каком-то бесплатном лазарете у монашек, он срочно выпустил афиши за свой счет, оповестил друзей, нанял зал в «Аркадии», роскошном театре, и спел концерт. А перед концертом написал две статьи о Мозжухине, их опубликовали в газете. Он вышел перед публикой и рассказал, что Мозжухин, король кинематографа, умирает. Приехало много народу. После первого отделения, которое прошло очень успешно, уже в антракте получили телеграмму, что Иван скончался.

Эльдар Рязанов: Как к вашему мужу относилось руководство страны? Сталин его два раза защитил, Молотов подарил роуль, Александр Николаевич стал лауреатом Сталинской премии... Был, значит, обласкан?

Лидия Вертинская: Да что вы. За все четырнадцать лет жизни Александр

После «Анны на шее», где Вертинский играл князя, Александра Николаевича узнала вся страна. Фильм был необычайно популярен

ра Николаевича в Советском Союзе у него ни разу не было ни типографской афиши официальной, ни одной — любой — рецензии. Вертинского замалчивали. Пластинки его не выпускали. Это его удручало, по-

давляло, угнетало. И он чувствовал себя оскорбленным. Одно время немножко воспрял духом, когда ему дали Сталинскую премию в пятьдесят первом году. Кстати, Сталинскую премию никогда до этого не давали за отрицательную роль. А Александр Николаевич сыграл отрицательную роль.

Да, он сыграл в фильме Михаила Калатозова

«Заговор обреченных» католического кардинала. У его персонажа есть монолог, вернее, проповедь, где он клянет большевиков, воздевает руки и страшит всех этими нелюдьми. Надо сказать, Вертинский это сыграл очень страстно и убедительно. Думаю, внутри он был согласен со своим персонажем. А в пятьдесят четвертом году лицо Вертинского узнала широкая публика. На экраны вышел нашумевший фильм «Анна на шее» по рассказу Чехова, поставленный режиссером Исидором Анненским. Александр Николаевич сочно сыграл русского вельможу, понимающего толк в женской красоте. Думается, его личный жизненный опыт позволил ему быть предельно достоверным в этой роли. Его партнершей была молодая и ослепительная Алла Ларионова. Рассказывая о Вертинском, невозможно не вспомнить его письмо к Кафтанову, бывшему тогда заместителем министра культуры СССР. Это крик души. Написано оно было в 56-м году, в эпоху «оттепели», за год до кончины. Вот оно:

«Где-то там наверху все еще делают вид, что я не вернулся, что меня нет в стране. Обо мне не пишут и не говорят ни слова. Как будто я не существую. Газетчики и журналисты мне говорят: «Нет сигнала». Вероятно, его не будет. А между тем я есть и очень есть. Меня любит народ, простите мне эту смелость, 13 лет на меня нельзя достать билета. Я уже по 4–5 раз объехал нашу страну, я был везде: и на Сахалине, и в Средней Азии, в Заполярье, в Сибири, на Донбассе, не говоря уже о центре. Я заканчиваю уже третью тысячу концертов. Не пора ли уже признать, не пора ли посчитаться с той огромной любовью народа ко мне, которая, собственно, и держит меня, как поплавков, на поверхности, не дает утонуть. Я хочу задать вам ряд вопросов. Почему я не пою по радио? Разве Ив Монтан, языка которого никто не понимает, нужнее, чем я? Почему нет моих пластинок? Разве песни, скажем, Бернеса, Утесова лучше моих по содержанию и качеству? Почему нет моих нот, моих стихов? Почему за 13 лет нет ни одной рецензии на мои концерты? Сигнала нет? Я получаю тысячи писем, где меня спрашивают обо всем этом. Я молчу. В декабре исполнилось 40 лет моей театральной деятельности. И этого никто не знает. Верьте, мне ничего не нужно. Я уже ко всему остыл и глубоко равнодушен. Скоро я брошу все и уйду из театральной жизни, и будет поздно. И у меня останется горький осадок. Меня любил народ и не заметили его правители»...

Кафтанов что-нибудь ответил на это письмо? По-моему, нет.

Эльдар Рязанов:

Лидия Вертинская:

Эльдар Рязанов:

Какое у нас нелепое государство! Ну да Бог с ним, с этим государством.

Лидия Вертинская:

Вертинскому не простили, что уехал, покинул родину. Он говорил про себя: «Я как публичный дом. Все ходят туда, но говорить об этом неприлично. Вот все и молчат».

Эльдар Рязанов

А вот еще выдержка из письма: «У нас народ абсолютно невоспитан, а кто его воспитывал? Когда им

занимались вплотную? Кроме того, он страшен, наш народ. Я думаю, он одинаково способен как на подвиг, так и на преступление. Это показала война и ежедневно показывает быт. Но это ни на йоту не уменьшает его величие».

Написано в пятьдесят четвертом году. А как верно! Как современно звучит!

Лидия Вертинская: В последние годы он хотел бросить сцену, мечтал открыть свою школу. Иметь учеников. Учить их, как надо выходить на сцену, как держать себя на сцене, как петь, как владеть русской речью. Он был влюблен в русское слово. В русскую речь. У него же самого изумительная речь. Он обожал русскую поэзию, знал ее прекрасно.

Анастасия: Я думаю, самым, может быть, неизвестным является его поэтическое творчество, оно не опубликовано целиком. Есть дороги русской поэзии — Пушкин, Лермонтов, Блок. Но также есть и тропы русской поэзии. И Вертинский — это одна из таких небольших троп. Он в первую очередь поэт. Надо издать его стихи, а с кем об этом говорить? Правительству не до этого, ему вообще ни до кого. Те, у кого деньги, так они от нас от всех уже устали. От тех, кто просить приходит. А культура тем временем уходит под воду. Некогда погибла Атлантида, величайшая цивилизация, теперь так же тонет наша культура...

Эльдар Рязанов: Ничего, потом наймут водолазов за валюту. Будут какие-то черепки поднимать со дна.

Марианна: Мне всю жизнь не хватало отца. Он рано ушел, и все время гнетет щемящее чувство; хотелось бы с ним поговорить. Что-то рассказать, спросить совета. Взрослая я уже, очень взрослая. И все равно на сердце тоска, тоска.

Эльдар Рязанов: Лидия Владимировна, вы стали вдовой, когда вам было тридцать четыре года. Почему вы потом не вышли замуж? Наталья Николаевна Гончарова все-таки через несколько лет после смерти Пушкина вышла замуж за генерала Ланского.

Лидия Вертинская: Ну, ей Пушкин велел долго не вдовствовать.

- Эльдар Рязанов:** Вы думаете, поэтому? А почему вы не вышли?
- Лидия Вертинская:** Ну, потому что я не Гертруда.
- Эльдар Рязанов:** Вы имеете в виду гамлетовскую Гертруду?
- Лидия Вертинская:** Конечно. Как я могла представить, что вот в этом кресле Наполеона, за этим столом, за которым работал Александр Николаевич, будет сидеть кто-то другой? Вы можете себе это представить? Он был король, патриций. Он был потрясающий человек. Вы даже себе представить не можете, какой он был добрый. Он был друг. А разве можно предавать друга?
- Эльдар Рязанов:** Скажите, а были какие-то предложения выйти за муж, ухаживания?
- Лидия Вертинская:** Да, конечно, были. Были и ухаживания, и какие-то романы. Я не помню ничего. Мне неинтересно это вспоминать.
- Эльдар Рязанов:** В общем, Вертинский главный и единственный мужчина в вашей жизни?
- Лидия Вертинская:** Конечно. Единственный! Только я не знаю, как будет на том свете? Я умру, а он вдруг встретит меня там с какой-нибудь другой дамой?!
- Эльдар Рязанов:** Как вы попали в кино? Свою первую роль вы сыграли в «Садко»?
- Лидия Вертинская:** Кто-то сказал режиссеру Александру Птушко: «Вы ищете сказочное лицо на роль птицы Феникс? Пригласите жену Вертинского». Птушко мне позвонил. Стали делать грим. Хотели мне лицо покрасить золотой краской. Я категорически запротестовала. Я знаю, как для праздника во Флоренции покрасили мальчика бронзовой краской. А к ночи он умер, ведь поры не дышат.
- С гримом и костюмом была большая волынка. В Большом театре заказали корсет. Купили в зоопарке двух несчастных павлинов, убили. Из их перьев сшили одеяние. Ужасно мне было жалко этих павлинов.
- Эльдар Рязанов:** Как ваш кинодебют оценил Александр Николаевич?
- Лидия Вертинская:** Как-то помалкивал. Мы приехали на просмотр фильма с опозданием. Вошли в зал на «Мосфильме», и Вертинский замер, обалдевший. На экране была голубая комната, и я сидела в виде птицы Феникс на веточке. Это было сказочное зрелище.

Он родился под
кочевой звездой.
Но пристанище
у него было только
в России

А потом я еще снималась у Григория Козинцева
в «Дон Кихоте». Играла герцогиню. Александр Нико-
лаевич эту картину посмотрел в свой последний ве-
чер. Он был на гастролях в Ленинграде, а я была
в Москве. Вертинскому устроили специальный про-

смотр на студии «Ленфильм». С ним были администратор, пианист и двоюродный брат.

Эльдар Рязанов: Вы не разговаривали с ним потом по телефону, в этот последний его вечер? После просмотра фильма?

Лидия Вертинская: Нет.

Эльдар Рязанов: Почему он не позвонил вам?

Лидия Вертинская: Он не мог. По дороге в «Асторию» они заехали в магазин. Александр Николаевич сказал: «Я хочу купить бутылочку коньяка. Мы сейчас посидим, поговорим про фильм. А завтра я встану, первым делом буду писать Лиде письмо. Она замечательно сыграла. Вы тоже напишите ей, выскажите свое мнение...» А через полчаса он умер. Успел только надеть пижаму и сказать: «Плохо, плохо!» И все! Сказали, что никакая бы «Скорая помощь» не помогла. Удар был очень сильный.

Эльдар Рязанов: В конце жизни он написал страшные строки: «У меня пропал аппетит к жизни. Я разлюбил природу, музыку, искусство, даже свое искусство. Потом я разлюбил людей, детей, цветы, стихи, книги, театр и многое другое. Наконец женщин — это последнее, что я разлюбил. Сужается круг, сейчас у меня остаются дети, семья, жена, дом. Немного тщеславия еще кое-как тлеет. Не горит любовь к искусству, к актерству, к мастерству. Самое страшное, что женщины ушли из моей жизни...»

Анастасия: Я вам уже рассказывала, Эльдар Александрович. У меня всегда было чувство, что мы с ним рано расстанемся. Мне было двенадцать с небольшим лет, когда раздался звонок из Ленинграда. Мама счастливая, в ночной рубашке, зажгла свет и села ждать у аппарата. Ведь тогда не сразу соединяли с междугородней. Я выбежала в коридор и спросила: «Что? Папа? Что, он умер?» Еще ничего не было известно, а я так сказала. Мама рассердилась: «Да ты что?! Что ты говоришь? Ну-ка иди отсюда». А на следующее утро мама нам сказала, что он умер. Мы плакали. Потом привезли гроб с телом. Папу везли из Ленинграда, поэтому он был в цинковом гробу. Панихида состоялась в здании, где впоследствии был «Современ-

ник», теперь оно снесено. И когда рушили здание театра, то строители нашли этот цинковый гроб. Представляете? Я помню, нас не пустили на кладбище. Уже был предел слез. Мы так рыдали, что нас просто решили не брать туда.

Марианна: После его смерти был сделан памятник, мама посадила две голубые ели около могилы, как бы две доченьки. И мы с Настей написали такое стихотворение:

*На могиле большого артиста
Голубели маленькие ели,
Как забытые письма,
В изголовье его шелестели.
Пела церковь песню прощальную
Навеки усопшему гению,
А по забытому кладбищу
Умерших бродили тени.*

Анастасия: У него пристанище было только в Москве, в России. Он родился, по-моему, под кочевой звездой. Его путь был бесконечным. Он рано потерял родителей, рано ушел из дома, был на войне, странствовал по России, стал петь, покинул родину, объехал весь мир. Он как пастух, который не указывает стаду путь, а просто пускается туда, куда бредет само стадо в поисках своей травы...

Прощальный ужин

*Сегодня томная луна,
Как пленная царевна,
Грустна, задумчива, бледна
И безнадежно влюблена.
Сегодня музыка больна,
Едва звучит напевно.
Она капризна, и нежна,
И холодна, и гневна.
Сегодня наш последний день
В приморском ресторане.
Упала на террасу тень,
Зажглись огни в тумане.*

Отлив лениво ткёт по дну
Узоры пенных кружев.
Мы пригласили тишину
На наш прощальный ужин.

Благодарю Вас, милый друг,
За тайные свиданья,
За незабвенные слова
И пылкие признанья.

Они, как яркие огни,
Горят в моем ненастье.
За эти золотые дни
Украденного счастья.

Благодарю Вас за любовь,
Похожую на муки,
За то, что Вы мне дали вновь
Изведать боль разлуки.

За упоительную власть
Пленительного тела,
За ту божественную страсть,
Что в нас обоих пела.

Я подымаю свой бокал
За неизбежность смены,
За Ваши новые пути
И новые измены.

Я не завидую тому,
Кто Вас там ждёт, тоскуя..
За возвращение к нему
Бокал свой молча пью я!

Я знаю, я совсем не тот,
Кто Вам для счастья нужен.
А он — иной... Но пусть он ждёт,
Пока мы кончим ужин!

Я знаю, даже кораблям
Необходима пристань.
Но не таким, как мы! Не нам,
Бродягам и артистам!

Михаил, **М**ишель, **М**айкл, **М**агомет...

Глава первая — Михаил

Начинать надо, согласно моему любимому русскому выражению, «от печки». В данном случае с мамы нашего героя. А мама Михаила Шемякина живет в Париже, городе художников. Именно здесь, в столице мирового искусства, началось признание ее сына. Однако сейчас Михаил переехал в Америку, на «Гудзонщину», что в двухстах милях от Нью-Йорка. В надежде, что я когда-нибудь доберусь до этого края и сделаю телевизионную передачу о Шемякине, я отправился брать интервью у его мамы. Когда дверь квартиры открыла молодая красивая женщина, я решил, что это какая-то родственница, ведь маме уже за восемьдесят. Но очаровательная дама, которая впустила нас, оказалась именно мамой художника. Встретила нас Юлия Николаевна по-русски, за гостеприимно накрытым столом. Взаимная симпатия возникла сразу.

Эльдар Рязанов: Юлия Николаевна, ваша фамилия Предтеченская. Очень красивая. В вашем роду были священники или дворяне?

Юлия Шемякина: Во время, в которое я родилась, при советской власти, нельзя было говорить о своем дворянском происхождении. Мой отец, Николай Алексеевич Предтеченский, окончил кронштадтское гардемариновское училище.

Эльдар Рязанов
Юлия Шемякина

Следовательно, был из семьи потомственных дворян. Во время революции все Предтеченские эмигрировали, кроме моего отца. Он был женат не на дворянке, а на дочери священника.

Я знаю, вы были актрисой. Расскажите об этом.

Я училась в Ленинградском театральном институте и окончила его по классу Бориса Зона. Чудесный педагог и чудесный человек. После окончания института, так получилось, я понравилась Николаю Павловичу Акимову, руководителю Театра комедии.

- Эльдар Рязанов:** Кстати, ему принадлежит замечательное изречение: «Наша критика стреляет только по летающим мишеням...»
- Юлия Шемякина:** Когда я пришла в театр, он сказал: «Не умеющих плавать бросают в самое глубокое место. Поручаю вам роль Виолы в “Двенадцатой ночи”». До меня эту роль блестяще играла Елена Юнгер, прелестная актриса и очень доброжелательный человек. Она помогла мне. И поэтому я с успехом сыграла свою премьеру.
- Эльдар Рязанов:** А вы уже были замужем в это время?
- Юлия Шемякина:** Да, я была женой заслуженного артиста республики Бориса Владимировича Блинова...
- Эльдар Рязанов:** ...который играл роль Фурманова в знаменитом «Чапаеве».
- Юлия Шемякина:** На первом курсе института меня пригласили в кино, к режиссеру Лео Арнштаму.
- Эльдар Рязанов:** Это был светлый человек. Я его хорошо знал и дружил с ним.
- Юлия Шемякина:** Фильм назывался «Друзья». Моими партнерами были изумительные артисты: Николай Черкасов, Борис Бабочкин, Степан Каюков, Ирина Зарубина. В роли моей матери была занята Серафима Бирман.
- Эльдар Рязанов:** Обалденный состав...
- Юлия Шемякина:** Снимали на Северном Кавказе, в ауле Хузбурун. Кстати, там родился мой будущий муж Михаил Шемякин. Я играла девушку-горянку по имени Айше. Потом я снималась у режиссера Александра Иванова в кинокартине «Анафема». И еще в одном фильме, в Киеве. Моими партнерами были Зускин, Раневская и Бернес. Но началась война, и картину, почти готовую, бросили, не доделали. Во время войны я работала в цирке со своей младшей сестрой. Жонглировала, ходила по свободной проволоке. Дружила с ребятами из цирковой кавалерийской группы Михаила Туганова.
- Эльдар Рязанов:** Как тесен мир! Туганов у меня в «Гусарской балладе» был главным конником. Все его наездники делали лихие кавалерийские трюки.
- Юлия Шемякина:** Во время войны был организован первый гвардейский кавалерийский полк. И командир этого полка

воспитанник маршала Жукова Шемякин взял добровольцами всех джигитов из аттракциона Туганова. Шемякин приходил в цирк, и я с ним познакомилась. У меня тогда случилась трагедия. Мой муж Борис Блинов снимался в Алма-Ате в фильме «Жди меня». И во время съемок скончался. Это была его последняя картина. И я решила пойти на фронт. И умереть. Борис Блинов — его портрет висит у меня и до сих пор — остался для меня самым дорогим человеком на всю жизнь... Я пошла добровольцем.

Эльдар Рязанов: И попали в кавалерию?

Юлия Шемякина: Я стала санинструктором в кавалерийском полку. Меня пригласил Шемякин.

Эльдар Рязанов: Вы умели ездить верхом? Научились на съемках в картине «Друзья»? Там вы скачете...

Юлия Шемякина: Я плохо тогда ездила. Но женщины очень способны к верховой езде. Я была не единственная женщина в кавалерийском полку. И все мы очень ловко справлялись с лошадьми.

Эльдар Рязанов: А Шемякин пригласил вас, потому что влюбился?

Юлия Шемякина: Это звучит хвастливо, но влюблялись все. Конечно, влюбился. Начал заниматься со мной верховой ездой. А чтобы покорить мое сердце, пригласил на конный праздник. Полк стоял под Москвой. Михаил посадил меня на почетное место на трибуне, а сам в кавказском костюме участвовал в состязаниях. Показал невероятный класс джигитовки. Под конец состязания он замечательно станцевал лезгинку, а свою саблю, низко поклонившись, положил к моим ногам. Все аплодировали... Во время боев я, конечно, в кавалерийскую атаку не ходила. Работала медсестрой, ухаживала за ранеными. И тосковала по кино и сцене.

Эльдар Рязанов: Когда родился герой нашей передачи?

Юлия Шемякина: Мишенька родился в сорок третьем году. И мы уехали в Москву — Шемякин получил направление в академию Генштаба. В конце войны его опять отозвали на фронт.

Эльдар Рязанов: Это правда, что когда отец узнал, что Миша пошел в художественную школу, то прекратил с ним всякое общение?

Юлия Шемякина: Он же кавказец, кабардинец. Даже мне запрещал говорить, что я актриса. А уж сын-художник, как он говорил, мазилка — это было для него постыдно. Он хотел, чтобы Миша пошел по военной линии...

Оставим на некоторое время Юлию Николаевну и зададим вопросы самому Михаилу Михайловичу. Через несколько месяцев, будучи в Америке на премьере фильма «Привет, дуралеи!», я добрался до той самой «Гудзонщины», где живет знаменитый русский художник, скульптор, график, ювелир, член многих академий, профессор многих университетов, кавалер ордена Почетного Легиона и прочая, прочая, Михаил Шемякин.

Эльдар Рязанов: Кстати, Миша, вы ведь еще и лауреат Государственной премии России?

Михаил Шемякин: Мне вручал ее сам Ельцин. Я был приглашен на банкет с Клинтоном. Меня поразило, что Ельцин прекрасно выступал на этом банкете. Были все крупные политические деятели Америки. В своей речи он говорил в том числе и о проблемах разоружения. Потом перешел к дружбе народов. Сказал: «Только что, минут пятнадцать назад, я вручил Российскую Государственную премию вашему гражданину Михаилу Шемякину, но он наш соотечественник, который родился в Москве». И Ельцин заставил подняться зал, включая президента Америки. Мне тоже пришлось встать, раскланяться. Не скрою, было очень приятно. Это был единственный случай, когда вы были в смокинге?

Эльдар Рязанов:

Михаил Шемякин: Да. Пока единственный.

Эльдар Рязанов: Где взяли? Купили?

Михаил Шемякин: Взял напрокат. Звонили из посольства, сказали: «Вы всегда ходите к президентам в «зеленке» и в сапогах. Но сегодня, Михаил Михайлович, на такой торжественной церемонии, где вы приглашены и нашим президентом, и вашим, наденьте, пожалуйста, хоть черный пиджак». В тот момент я сам запутался, какой президент наш, какой ваш...

Юлия Николаевна
в роли молодой
кабардинки Айшет
в фильме «Друзья»
режиссера Лео
Арнштама. 1938 г.
Ее партнерами были
Николай Черкасов,
Борис Бабочкин,
Серафима Бирман

Эльдар Рязанов

В мастерской я увидел герб, и вы сказали, что это герб вашего рода.

Михаил Шемякин:

Считается, что наши предки из Италии. Фамилия Карден. Один из Карденов изобрел карданный вал. Он жил в Милане в эпоху глубокого Возрождения. Был известным поэтом, медиком, ученым, изобретателем.

Эльдар Рязанов

Может, Пьер Карден ваш родственник?

Михаил Шемякин:

Не исключено.

Эльдар Рязанов:

Значит, настоящая фамилия отца была?..

Герой Гражданской
и Великой
Отечественной войн,
отец художника
Михаил Николаевич
Шемякин

Михаил Шемякин:

Карданов. Все Кардены стали Кардановы. Частица «ов» в конце фамилии давалась при въезде в Россию лишь по высочайшему разрешению. Например, фамилия художников Брюлловых была Брюлло, но по монаршей милости они получили добавку — букву «в» и въехали в Россию с русскими фамилиями. Таким же образом Кардены стали Кардановыми.

Эльдар Рязанов:

Если ваш отец из рода Кардановых, то почему вы тогда Шемякин?

Михаил Шемякин

Отца усыновил белый офицер, друг его отца Петр

Шемякин, которого тоже через два года расстреляли красногвардейцы. Вся семья отца была истреблена в годы революции. Он, совсем мальчик, единственный, кто спасся. У него осталась фамилия — Шемя-

В Париже,
на квартире Юлии
Николаевны — мамы
Михаила Шемякина
нас ждал радушный
сердечный прием

кин. Он уже в Гражданскую войну воевал, был сыном полка, как Ваня Солнцев. У меня есть документы на имя красноармейца девяти лет от роду Михаила Петровича Шемякина. В тринадцать лет он командовал взводом, а в четырнадцать получил первый орден Боевого Красного Знамени. Документы хранятся в музее Краснодара под номерами семь и тринадцать. А всего у него было *шесть(!)* боевых орденов Красного Знамени. В Отечественную он командовал полком в кавалерийском корпусе Льва Доватора. Генерал умер у него на руках. Тогда отец впервые познакомился с зеленым змием. До этого он по мусульманским обычаям в рот спиртного не брал. Отец был сложный человек. Мы с ним мало общались после того, как я выбрал карьеру художника.

Недавно, посетив родину отца, я понял, почему он прекратил со мной общение. Они, кабардинцы, были потомственными воинами, рыцарями Кавказа. Отец сказал: «Ты выбрал карьеру поганого интеллигента, теперь ты мне не сын!» Он хотел, чтобы я пошел учиться в Суворовское или Нахимовское училище. Вы жили в одной семье?

Эльдар Рязанов:

Михаил Шемякин:

Мы не общались. Отец развелся с мамой. Мама ушла работать в театр, а отец был категорически против этого. Она, правда, уже не работала в Театре комедии, хотя в то время был жив Николай Павлович Акимов. Кстати, он оказал на меня большое влияние и как художник, и как человек. Мама работала ведущей актрисой в кукольном театре Евгения Домани.

Эльдар Рязанов:

Миша, в детстве, когда вы были мальчишкой, вы были шпаны или интеллигентным мальчиком, который ходил с альбомом и рисовал?

Михаил Шемякин:

Ни то, ни другое. Я в первый раз попал на допрос в КГБ, когда мне было пятнадцать лет.

Эльдар Рязанов:

За что?

Михаил Шемякин:

До возвращения в Ленинград мы после войны несколько лет жили в Германии. Я уже знал, кто такие Ван Гог, Сезанн, Дега, старые немецкие мастера, такие, как Грюневальд. У меня были книги по западному искусству, репродукции с картин Босха, Дюрера. Тогда увлечение Западом, мягко говоря, не поощрялось. Меня вызвали в КГБ за копии распятий Матиса Грюневальда. Это страшноватый немецкий художник Средневековья, оказавший большое влияние на экспрессионизм. Я показывал их соученикам. Они брали у меня репродукции, чтобы самим делать копии, кто-то «стукнул», и меня вызвали в «Большой дом».

В Питере все знают, что такое «Большой дом». Меня там предупредили, что я дурно влияю на сверстников и если буду продолжать, то мне грозит исключение. Что и случилось через год.

Эльдар Рязанов:

В шестнадцать лет вас исключили из художественной школы?

Михаил Шемякин:

По идеологическим мотивам. Мол, вы не то рисуете, что требуется, вам нравится не то, что надо. И я был

Эльдар Рязанов

отправлен в психиатрическую клинику имени Осипова на принудительное лечение.

Вас скрутили, вы буйно себя вели? Как это случилось конкретно?

Михаил Шемякин

Меня хитро подловили. Я получил повестку психодиспансера. Я догадывался, что это за заведение. Мне было назначено в двенадцать часов явиться на беседу к профессору-психиатру. Я отмыл руки от краски, надел единственную белую рубашку, почистил пятна на брюках, что-то замазал черной краской, чтобы выглядеть абсолютно нормальным советским юношей. Причесался и отправился туда. Пришел в психодиспансер. Там сидели какие-то люди, нервные или душевнобольные, ждали своей очереди. Я назвал свое имя, мне сказали: «Посидите, профессор еще не приехал». Я просидел минут, наверное, сорок или час. Тут появились два здоровенных санитаря, которые спросили: «А Шемякин здесь?» Я встал и говорю: «Да, это я». Они на меня набросились, скрутили ремнями и повели к машине. В санитарный воронок. И повезли в Скворцово-Степаново, это за городом.

В клинике имени Осипова сидели «сливки» сумасшедшего общества, — ярко выраженные шизоиды, маниакально-депрессивные личности.

Теперь оставим на время молодого художника в психушке и перенесемся опять в современный Париж к его маме Юлии Николаевне Шемякиной.

Юлия Шемякина

Однажды я прихожу после тяжелой ночной работы из театра. Я не только играла, но еще и шила куклам костюмы. Ночь. Вся квартира (коммунальная) не спит, все стоят: «Мишу увезли». — «Куда увезли?» — «В сумасшедший дом». Понимаете, ребенка забрали в психушку. В больницу под Ленинградом. Я беру свою дочку, ей лет одиннадцать было, хватаю «левую» машину и еду искать эту чертову больницу. Ночь, темнота. Спрашиваю одинокого прохожего: «Где больница, сумасшедший дом?» — «Да вот туда

Портреты сумасшедших — товарищей по несчастью Миши Шемякина, демонстрировались на первой выставке слепого художника, состоявшейся в психушке, где автор пострелял тоже был пациентом

Эльдар Рязанов

Михаил Шемякин

Эльдар Рязанов

Михаил Шемякин

идите». Нахожу сумасшедший дом, объясняю: «Здесь мальчика моего привезли, Мишу Шемякина». Выходит врач, молоденькая такая, говорит: «Идите по этому забору, там доску поднимите, и вы своего сына увидите. Он ходит по саду». Я иду, спотыкаюсь обо что-то. Смотрю, Миша ходит по саду. Я его: «Миша, Миша, Мишенька». — «Мама, за что меня?» Я плачу: «Ничего, потерпи, сын, я все сделаю завтра утром». Утром я пошла. Начались хлопоты по освобождению...

(я снова у Шемякина): Сколько вы просидели в сумасшедшем доме?

Полгода. Вообще-то посажен я был на два года. Мама с большим трудом отвоевала меня. Взяла, как говорится, на поруки.

Отец принимал какое-либо участие в вашем освобождении?

Нет, он уехал жить в Краснодар. Я его встретил уже после дурдома. При встрече он спросил: «Как ты себя чувствуешь?» Я сказал: «Папа, я был в сумасшедшем доме». Отец у меня все-таки странный человек. Он

сказал: «Куда только Шемякиных не заносит. Ну, до свидания». И пошел дальше...

Эльдар Рязанов:

Юлия Николаевна сказала мне, что ваша первая выставка была в дурдоме...

Михаил Шемякин:

В сумасшедшем доме мне все время давали бумагу, карандаши. Врачи забирали мои рисунки. В основном это были портреты товарищей по несчастью. Да, моя первая выставка была в психушке. Естественно, там пациентам не давали халатов, мы разгуливали, кто голый, кто в кальсонах, настоящий бедлам в хорошем английском старом стиле. И на выставку этих «импозантных» авторов картин санитары повели под руки. Втолкнули в большую залу. Там сидели какие-то студенты, профессора.

Эльдар Рязанов:

Значит, это был вернисаж с пресс-конференцией?

Михаил Шемякин:

Там показывали рисунки сумасшедших как образец психического заболевания. Были развешаны наши работы. Я видел свои рисуночки, некоторые даже в рамках. И рисунки других психов.

Эльдар Рязанов:

Что вы сделали первым делом, выйдя на свободу?

Михаил Шемякин:

Я купил коробок спичек, зажег и прикурил. В то время я уже начал курить. А там спичка давалась одна на всех. Приходил санитар, и мы все прикуривали от одной спички. Мы все маялись, потому что сигареты были, а санитар со священным огнем приходил только два раза в день.

Эльдар Рязанов:

Администрация боялась поджога?

Михаил Шемякин:

Да. Там всего боялись. Там стулья привинчены, вилки, как писал Бродский, к рыбе не полагалось, ложки. Алюминиевые ложки, и все. И для меня ощущение свободы было в том, что я могу купить коробок спичек. Я попросил маму поехать домой без меня, сказал, что хочу дойти до дома сам. Мама меня поняла, я пошел. Поворачивал налево, направо. Было колоссальное ощущение свободы. Потому что в течение полугода слышал: «Больной, отойди от окна. Больной, не стой здесь». Я уж под конец стал замечать, что сам то беспричинно смеюсь, то плачу.

Эльдар Рязанов:

Появились ли в вашей психике какие-либо изменения после пребывания в сумасшедшем доме?

Мое прощание с профессором Случевским, одним из руководителей этой клиники, было таково: я явился к нему в гражданском облачении, чтобы забрать свои оставшиеся после выставки рисунки. Большую часть мне не вернули. Я ему сказал: «Прощайте, господин профессор», он мне ответил: «До свидания, Миша». Я говорю: «Нет, прощайте». Он: «А я думаю, до свидания». Я спросил его: «Почему?» Он сказал: «У меня есть точное чувство, что мы еще с вами увидимся здесь. Вы сами к нам вернетесь. К нам возвращаются почти все». Я засмеялся.

А через полтора месяца у меня начались страшные депрессии. Когда я брал в руки лист бумаги и начинал возиться с краской или подходил к холсту, мной овладевал беспредметный страх, доходящий до ужаса. И я понял, что не могу заниматься своим любимым делом. Почувствовал, что у меня пути к творчеству просто отрезаны. И тут стали возникать мысли — пойти в дурдом и просить, чтобы излечили меня. От страха иногда хотелось просто забраться под кровать. Если я выглядывал в окно, мне становилось страшно: почему по улице ходят люди? Почему так много огней? Я вспомнил, сколько мне делали уколов и понял, что нашпигован химией.

И решил поступить, как собака или другие животные, если их укусила змея. Они уходят в леса и там либо умирают, либо возвращаются здоровыми. Не сказав никому ни слова, я занял у своего друга деньги на билет и улетел в Армению. Там я полмесяца бродяжничал по армянским горам, довольно скучным, а дальше двинулся в горы Кавказа. Жил я как дикий человек, спал в пещерах, ел что придется. Добрался до горы Афон. Приучил себя спать на холодном полу, на земле. Змеи одолевали. Потом двинулся в Сванетию. Питался в основном тем, что растет на деревьях. Очень много потерял в весе. Хотя и так был в то время довольно худой. Спускался с гор, купался в источниках с ледяной водой, знакомился с монахами. Жил в секретных монастырях, в скитах. Встречался с интересными людьми — рели-

гиозными фанатиками и жуликами от религии. Я бродяжничал целый год. Мне показалось, что распад возвращается, и я понял — можно ехать в Ленинград.

Эльдар Рязанов:
Михаил Шемякин:

Чем тогда заниматься, когда вернулись с Кавказа? Я обязан был устроиться работать, в то время был закон о тунейдстве. А я хотел продолжать учение. Копировать картины в Эрмитаже было очень дорого для людей с улицы. А если ты сотрудник Эрмитажа, неважно, убираешь помойку или грузишь картины в грузовик, ты имел право бесплатно делать копии. Поэтому вся бригада такелажников, куда я поступил, в основном состояла из художников и поэтов.

Эльдар Рязанов:
Михаил Шемякин:

Вы таскали картины, чистили снег? Да все мы делали. И статуи переносили. Много их попортили, — мы же были непрофессионалы. Поддерживали влажность. В каждом зале стояли бачки. У нас была громадная телега, вмещающая двадцать пять ведер, — мы называли ее танком. С этим танком нужно было утром с ведрами ехать и разливать по бачкам во всех залах воду. Скалывали лед, снег чистили, все делали. Тяжелая была работа, плохо оплачиваемая. Но мы все были счастливы там работать, ведь остаться наедине утром с картинами Рембрандта хоть на полчаса — это незабываемые минуты на всю жизнь. И после работы, кое-как отдохнув, я сразу становился к мольберту и копировал голландцев, чтобы изучить тайны техники великих мастеров. А когда рисовали свое?

Эльдар Рязанов:
Михаил Шемякин:

Ночью я отдавался свободным импровизациям, своим поискам. А в восемь часов уже с лопатой должен был быть на работе.

Эльдар Рязанов:
Михаил Шемякин:

И долго этот период продолжался? Пять лет. А потом к двухсотлетию Эрмитажа дирекция, зная, что такелажниками работают художники, решила сделать выставку чернорабочих Эрмитажа. Организовали скромную экспозицию. Я выставил иллюстрации к Достоевскому и Гофману. Попросили либерального эксперта, чтобы он просмотрел картины, чтобы не дай Бог не вышло какого-то скандала.

Молодой Миша Шемякин хлебнул немало от советской власти

Он несколько работ снял, сказал: «Не нужно дразнить гусей».

На открытие выставки пришли профессиональные художники, мастера, но кто-то позвонил куда нужно. Акция была признана идеологической диверсией. Выставка была арестована на третий день, картины вывезены в неизвестном направлении. Директора Эрмитажа Артамонова сняли со своего поста. Сотрудники, которые в книге отзывов написали добрые слова, получили по партийному выговору. Ну а нас просто выгнали, сказав: «Вам здесь больше не работать».

Юлия Шемякина:

После психушки он заболел. И решил уехать, немножко полечиться. Уехал в Абхазию в Афонский монастырь. Там он жил некоторое время, помогали ему монахи, и травами, и духовно. (Видно, Миша пощадил маму и рассказал о своих странствиях по Кавказу далеко не все. — Э Р.) Он вернулся здоровым... А потом была выставка рабочих Эрмитажа. Чудесная выставка! Сколь-ко народу пришло. Большой успех был! На другой день я многих знакомых позвала. Они пришли, а на двери уже огромный замок. У запертых дверей ребята толпятся. Николай Павлович Акимов бросился выручать арестованные картины. Ездил в Смольный, хлопотал. Он и ко мне, и к Мише очень хорошо относился...

Эльдар Рязанов:
Михаил Шемякин

Миша, чем вы занимались после ареста выставки? Тяжело было. Хотел поступить в духовную семинарию. Но и туда позвонили из органов — не рекомендовали брать. Мне об этом митрополит Никодим сказал. Писал плакаты для школ, подрабатывал чернорабочим.

Эльдар Рязанов:
Михаил Шемякин

Когда начали выставляться? Когда о вас узнали как о художнике? В шестьдесят втором году была моя первая выставка в клубе журнала «Звезда» на Моховой: продержалась дней двенадцать. Была выставка в фойе консерватории, через два-три дня прикрыли. Акимов пытался помочь, Ростропович.

Эльдар Рязанов: Как вы пришли к мысли об отъезде? Вы сами уехали или вас заставили?

Михаил Шемякин: В семьдесят первом году у меня была выставка. Ко мне приехала известная галерейщица Дина Верни. Она была очень заинтересована моими работами. Через дипломатов вывезла мою графику в Париж. И в том же году сделала мою выставку в Париже, которая прошла с огромным успехом. И тут я был арестован.

Эльдар Рязанов: За что? Как?

Михаил Шемякин: Просто на улице арестован. Доставлен в Комитет госбезопасности, где мне было предложено уехать из страны. Говорил со мной генерал, симпатичный человек, который сказал: «Мы давно за вами наблюдаем. У вас есть три варианта. Один — вы можете снова загреметь в сумасшедший дом, и надолго. Второй — вы можете сесть, и оттуда не скоро выйдете. И третий — мы предлагаем вам выбрать любую страну и уехать тихо, бесшумно, навсегда». Я выбрал третий вариант.

Конечно, с точки зрения КГБ молодой художник совершил преступление: нелегально переправил на Запад свои картины. «Враги» там открыли его выставку и изо всех сил поливали Советский Союз, где художники лишены свободы творчества. Думаю, кагебшников раздражали еще и независимость, неподчинение, гордость, проявленные Шемякиным.

Михаил Шемякин: Мне запретили проститься с родителями.

Эльдар Рязанов: Что? Вас отвезли на самолет прямо из кабинета генерала?

Михаил Шемякин: Нет. Но мне было продиктовано условие: никто не должен знать о том, что я уезжаю. Даже отец и мать. Я мог сообщить им только после того, как пересеку границу. И ничего с собой, естественно.

Эльдар Рязанов: Никаких картин, ничего?

Михаил Шемякин: Нет. Мне даже запретили взять чемодан с собой.

Эльдар Рязанов: Потрясающе. Миша, когда вас так высылали совершенно внаглую, у вас семья уже была?

Михаил Шемякин: У меня была семья, родилась дочка.

Эльдар Рязанов
Михаил Шемякин
Эльдар Рязанов
Михаил Шемякин

И вы уехали, не попрощавшись с женой и дочкой? Они уже были в Париже. Мы с женой развелись. Фиктивно или по-настоящему? Мы развелись фиктивно. Дина Верни очень хотела, чтобы моя семья уехала туда. Она сделала им визу как своим родственникам. Жена с дочерью уехала по туристической путевке в Париж. И там осталась. Я официально к этому факту уже как бы не имел отношения. Тем не менее ко мне приехал отец моей сурруги — он был партийным работником — и сказал: «Если через два месяца они не вернутся, то с тобой будут разговоры особые». То есть круг как бы стягивался, стягивался и стягивался. В этот момент я был арестован и мне было предложено уехать. Я выбрал Париж.

Глава вторая -- Мишель

Эльдар Рязанов.
Михаил Шемякин

Миша, теперь расскажите о французском периоде. Вот вы явились в Париж, гол как сокол, ничего нет, ни одной картинки, ничего, кроме самого себя. В то время еще продолжалась моя выставка. Меня встречала Дина Верни, очень богатая дама Парижа. Как вы знаете, ей досталось все наследство Майоля. Она привезла меня прямо из Орли в свой замок, очень симпатичный, который она торжественно мне подарила, повесив ключи на шею. Через три дня я почувствовал, что те условия, которые она мне диктует, и тот тон, которым это делается, мне противопоказаны. И на третий день порвал с ней. Я сказал: «Мадам, я покинул одну клетку не для того, чтобы сменить ее на другую, пусть золотую». В ответ мне было заявлено: «Маленький советский человек, ты еще на коленях вернешься ко мне». Я сказал: «Вот этого не будет!» Как я не вернулся в психушку к Случевскому, так никогда не вернулся к госпоже Дине Верни. Для меня началась довольно суровая жизнь. Верни продала массу моих работ. Но я не получил ни копейки и оказался попросту на улице. В Париже существует «Сите д'Арт» — город искусств. В этом здании, выстроенном недалеко от Нотр-Дам де Пари,

живут художники со всего мира. Только не из России, поскольку Россия не вносила туда деньги. В человеческих условиях я там жить не имел права. Но меня «пожалели». Мне предложили полупразну-

Уже живя в Америке, Миша часто наезжал в Париж к маме, которую с большим трудом удалось вырвать из крепких «объятий» Родины

шенное помещение бывшего бильярдного клуба. С выбитыми окнами, без отопления, безо всего. Там, конечно, не было ни ванны, ни кухни. Дали нам три солдатские койки, одеяла солдатские, несколько пластиковых мисок. Мне, петербуржцу, после старинных вещей, которые я собирал в Петербурге на свои копейки, было как-то особенно горько. Я заколотил окна фанерой. И началось скромное эмигрантское бытие. Несколько лет так прожили. А потом меня заметил французский галерист, дизай-

нер Жан-Клод Габер. Он уговорил нескольких спонсоров вложить деньги в помещение, где открыл галерею для того, чтобы выставлять Шемякина. В семьдесят четвертом году состоялась моя первая выставка в Париже с хорошим каталогом. Карьера стала продвигаться, несмотря на мощные усилия Дины Верни. Оказалась очень мстительной?

Эльдар Рязанов:

Михаил Шемякин:

Эльдар Рязанов:

Она мне сказала: «Я мщу всегда до самой смерти». Может, она имела на вас виды как женщина? Вон и замок подарила... Да и фраза эта — мстить до смерти...

(Шемякин как бы не расслышал меня и продолжал свой монолог.)

Михаил Шемякин:

Она — энергичная дама. С большими связями. У меня было много неприятностей, связанных с ней. Я отказался от своей персональной выставки в Пале де Конгре (Дворец конгрессов) ради того, чтобы показать привезенные из Москвы галерейщиком Глезером работы русских художников-нонконформистов. Вложил свои деньги, чтобы напечатать афишу, каталог. Помогали Михаил Барышников и Мстислав Ростропович. И тут появилась совершенно грязная статья, явно инспирированная Диной Верни, — «Несчастье одних делает карьеру других». Много было вылито помоев на меня, на Глезера, на всех русских художников. Тогда я организовал судебный процесс чести, на один франк. Выигравший процесс получает один франк как символ победы. И я выиграл этот процесс. Он длился год, но я выиграл.

Эльдар Рязанов:

Михаил Шемякин:

И получили этот франк? Покажете?

Если разыщу, он у меня где-то в сувенирах лежит.

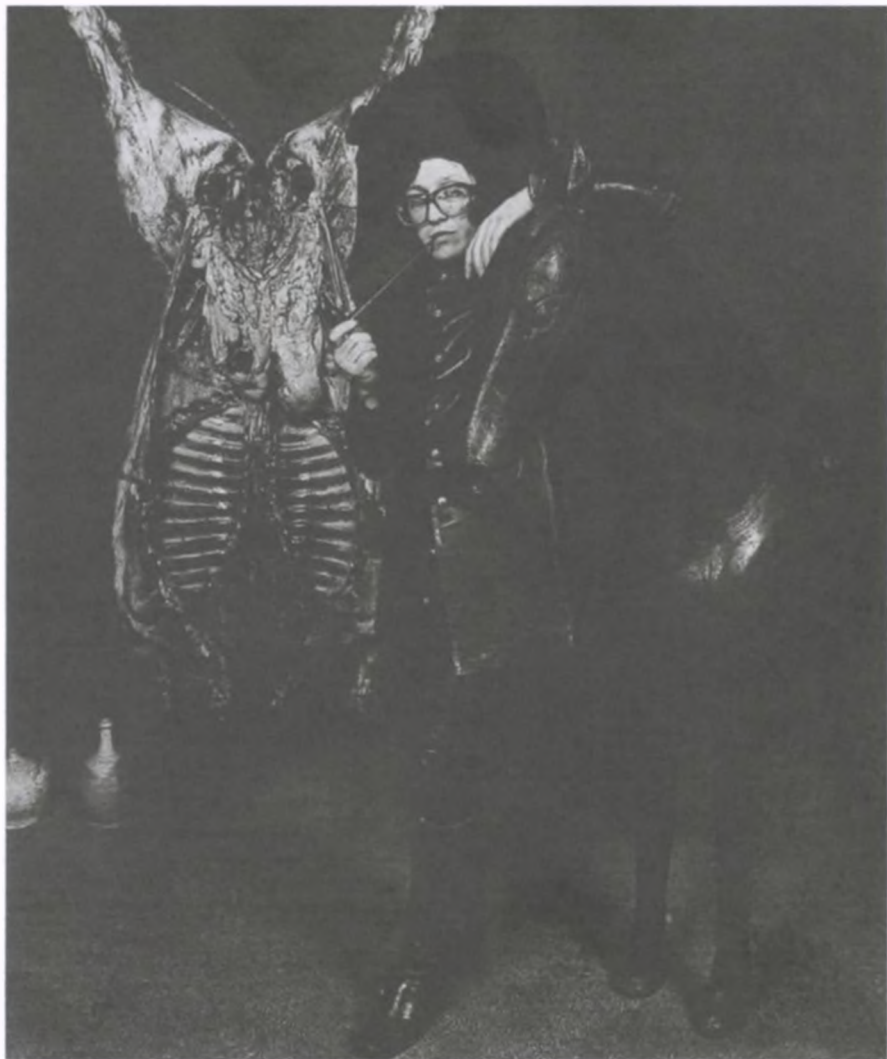
(Франк этот он нашел и показал.)

Эльдар Рязанов:

Вы уехали из Франции в Соединенные Штаты из-за Дины Верни?

Михаил Шемякин:

Нет, но она отравляла мне жизнь в Париже. И довольно успешно. Почти все музеи мира связаны с ней, она входит в двадцатку крупнейших галерейщиков мира. Ведь каждый музей хочет сделать выставку Аристиды Майоля или мечтает получить что-то в подарок, а все права на произведения Майоля принадлежат ей. Она единственный эксперт по Майолю. Если она скажет — это подлинник, значит, это под-

Мишель Шемякин
в своей парижской
мастерской

линник, а если скажет — подделка, значит, подделка. С ней носятся здесь как с писаной торбой. Франция надеется, что она все художественные ценности оставит в своем завещании государству... Знаете, Дина Верни даже не поленилась поехать

в Русский музей в Петербурге на открытие выставки Оскара Рабина и там прочитав целую лекцию о том, какой я плохой художник. Очень неугомонная тетья. Но бежал я не от нее. Я бежал от того, что надвигался

«Встреча с Володей — огромное событие в моей жизни...»

Миттеран. Приход к власти социалистов меня тревожил.

Эльдар Рязанов

Миша, вам, наверное, задавали этот вопрос не один раз — откуда у вас на лице эти шрамы?

Михаил Шемякин:

Не с детства. Я вылезал на свет нормальным, не покалеченным ребенком.

Эльдар Рязанов:

Вы эти шрамы в один прием получили?

Михаил Шемякин:

Нет, нет. Их много, и не только на физиономии.

Ни для кого не секрет, что я изрядно служил когда-то Бахусу. А жил я в довольно мрачном районе, сейчас он стал модным, это район Сохо, Бликер-стрит, где собирались так называемые «Ангелы Ада». С ними бывали столкновения, потасовки. Но есть шрамы — следствие производственных травм в литейной мастерской. Это все не порезы, а ожоги. Но и драк было достаточно, больше чем достаточно.

Эльдар Рязанов

А сейчас Бахусу служите? Уж раз вы сами заговорили про это?

Михаил Шемякин:

Я много раз пытался бороться, обращался к врачам. Раз, наверное, девять зашивался, «торпедировался»,

потом снова срывался. Зашивались мы вместе с Володицей Высоцким у одного и того же доктора. А потом я понял, что слишком много краду от творческой жизни. Наконец решился и «завязал».

Эльдар Рязанов

Раз уж вы упомянули имя Володи, нам не миновать этой темы. Я знаю, что вы храните гитару Высоцкого, это она? *(И я показал на стену, где висела самая обычная гитара. Шемякин утвердительно кивнул.)* Как она попала к вам? Я знаю, вы очень дружили, знаю, что после смерти Володи вы первым выпустили его семь пластинок, помогли издать в Америке его двухтомник...

Михаил Шемякин

Эту гитару Володя называл «наш рабочий инструмент». Когда в Париже мы встретились, то быстро подружился. Встреча с Володицей — огромное событие в моей жизни. Я знал, что его песни не изданы на пластинках, что записи любительские с концертов очень плохие, с большими шумами, кашлями и прочими дефектами.

Я стал мечтать о том, чтобы записать качественно его песни. Володя тоже увлекся этой идеей. Было так: прямо из аэропорта он приезжал ко мне в мастерскую. Я купил лучшую аппаратуру, несколько профессиональных магнитофонов, наушники, лучшую магнитную ленту. И мы начинали работать.

Миша Либерман, ставший потом основным инженером по созданию этих семи дисков, говорил, что иногда во время исполнения слышит шуршание бумаги. Просто новые свои песни Володя еще не успевал запомнить. Он приезжал на запись с какими-то листочками. Ставил их на мольберт. В последние годы он не очень хорошо видел, надевал очки. Вид у него в очках был необычный.

Эльдар Рязанов

А вы работали звукооператором?

Михаил Шемякин:

Да. Была в общем-то самодеятельность. Но потом я удостоился похвалы высокопрофессионального звукооператора за техническое качество.

Эльдар Рязанов

А после записи хорошо выпивали?

Михаил Шемякин:

Нет. Володя в те годы был уже тяжело болен. И те

грандиозные запои, в которых нас обвиняют, из области легенд. Был однажды срыв. Результатом, правда, явилась блестящая песня «Французские бесы — большие балбесы».

«Французские бесы — большие балбесы, но тоже умеют кружить»

Французские бесы

*Открытые двери больниц, жандармерий,
Предельно натянута нить.
Французские бесы — большие балбесы,
Но тоже умеют кружить.
Я где-то точно наследил, последствия предвижу,
Меня сегодня бес водил по городу Парижу.
Канючил: «Выпей-ка бокал, послушай-ка гитары»,
Таскал по русским кабакам, где венгры да болгары.*

*Я рвался на природу, в лес, хотел в траву и в воду,
Но это был французский бес — он не любил природу.
Мы как сбежали из тюрьмы — веди, куда угодно.
Пьянели и трезвели мы всегда поочередно.
И бес водил, и пели мы, и плакали свободно.
А друг мой, гений всех времен, безумец и повеса,
Когда бывал в сознании он, седлал хромого беса.
Трезвея, он вставал под душ, изничтожая вялость.
И бесу наших русских душ сгубить не удавалось.
А то, что друг мой сотворил — от Бога, не от беса,
Он крупного помола был, крутого был замеса.
Его спутри не провернешь — ни острым, ни тяжелым,
Хотя он огорожен сплошь враждебным частоколом.
Пить наши пьяные умы считали делом кровным.
Чего наговорили мы и правым, и виновным!
Нить порвалась и понеслась — спасайте наши шкуры.
Больницы плакали по нас, а также префектуры.
Мы лезли бесу в кабалу, с гранатами под танки,
Блестели слезы на полу, а в них тускнели франки.
Цыгане пели нам про шаль и скрипками качали,
Вливали в нас тоску-печаль — по горло в нас печали.
Уж влага из груди лилась, все чушь глупее чуши,
Но скрипки снова эту мразь заталкивали в души.
Армян в браслетах и серьгах икрой кормили где-то.
А друг мой в черных сапогах стрелял из пистолета.
Напряглись жилы, и в крови образовались сгустки,
И бес, сидевший визави, хихикал по-французски.
Все в этой жизни суета, плевать на префектуры.
Мой друг подписывал счета и раздавал купюры.
Распахнуты двери больниц, жандармерий,
Предельно натянута нить.
Французские бесы — такие балбесы,
Но тоже умеют кружить.*

Эльдар Рязанов:

Роскошное описание запоя. На уровне того же автора:

*Ох, где был я вчера, не найду днем с огнем,
Только помню, что стены с обоями...*

Михаил Шемякин:

«Французские бесы» дорого обошлись Володе. Марина закатила страшный скандал. Она прилетела

в Москву. Володя ей с восторгом исполнил эту песню. Марина слушала, смеялась. Но когда прослушала до конца, сказала: «Я страдала, переживала. А в песне я даже не упомянута». Собрала чемодан и улетела обратно в Париж. Я потом долго их мирил, недели две. Но это был наш единственный совместный загул. Как вы узнали о его смерти?

Эльдар Рязанов:
Михаил Шемякин:

Я был в Греции, звонил ему домой, в Москву. Разговаривал с Мариной. Чувствую по голосам — что-то неладное. Но мне не сказали, что Володя умер. Ни у кого не повернулся язык. Боялись за меня, я тогда не был зашит. Узнал я от своей американской подруги. Она прочла во французской газете, что великий русский бард скончался. У меня была страшная ночь...

Эльдар Рязанов:
Михаил Шемякин:

В Москву путь был заказан?

Что вы! В то время я не смог поехать даже на похороны отца. Мой отец умер в семьдесят шестом году. Не пустили. Это исключалось... Года два, наверное, я не мог слушать Володиной песни, никогда не включал магнитофон. Было слишком тяжело... А потом, несколько лет спустя, я издал пластинки. Семь дисков получилось, огромных. Люди, которые собирают песни Высоцкого, считают, что это одни из лучших: там он, гитара и его душа.

Эльдар Рязанов:

Скажите, пожалуйста, Миша, вам не приходила мысль сделать памятник другу?

(Тут он деликатно уклонился от оценки разных памятников, похвалив при этом скульптуру Александра Рукавишникова, установленную на могиле поэта на Ваганьковском кладбище.)

Михаил Шемякин:

Я никогда не делал Володю в скульптуре, даже не пробовал делать никаких эскизов.

Эльдар Рязанов:

В силу того, что он вам слишком близок? Я знаю, о близком друге трудно и писать, и, наверное, делать портреты, скульптуры.

Михаил Шемякин:

Да. Единственное, я нарисовал восемь иллюстраций к книге его стихотворений.

Эльдар Рязанов:

Что вам дала эта дружба?

Михаил Шемякин:

На ум приходят слова Корнеля: «Дружба с великим человеком — это дар богов». Я считаю, что этого дара я удостоился. Володя сыграл в моей жизни громад-

ную роль, прежде всего как человек. Которого я любил и люблю по сегодняшний день. Человек необычайный, утонченный. Обычно думают, что Высоцкий — хулиган с гитарой под мышкой, или же он чересчур импульсивный. Это бывало моментами. Особенно когда он уходил в загул. А у меня дома он надевал очки. И ночами сидел, рассматривал монографии или что-то читал. Многие книги в то время нельзя было раздобыть в России. Это были очень тихие вечера и ночи.

Эльдар Рязанов

Имело для него значение то, что вы замечательный художник? Или все-таки ваша дружба возникла от человеческой совместимости? А то, что вы художник, имело второстепенное значение?

Михаил Шемякин

Он, конечно, любил мои работы. Однажды, когда я приехал в Америку на несколько дней по делам, Володя прилетел в Париж и очень расстроился, что меня не было. Остановился у меня и стал названивать мне в отель. Он впервые увидел серию моих литографий «Чрево Парижа». И после этого принялся названивать через каждый час и читать по телефону строфы своего стихотворения «Тушеноши», на которое его вдохновили мои картинки. Писал стихи, посвященные мне или каким-то моментам моей жизни, называл меня ласково «птичкой»...

А вообще-то он комплексовал по поводу своего места в поэзии. Однажды влетел ко мне после поездки в Нью-Йорк, держа в руках томик Бродского. И заорал: «А ты знаешь, что мне Бродский написал, вот почитай!» Там было написано: «Большому поэту Владимиру Высоцкому. Иосиф Бродский». И Володя был счастлив все эти дни.

Володя очень мучился от алкоголя. А последнее, что угробило его, — он перешел на морфий. Как мы с ним только ни пытались бросить пить, зашивались вместе, даже ездили к учителю Далай-Ламы. Отвезла нас туда Марина. И только в машине сказала, куда нас везут. Приехали в маленький буддийский монастырь под Парижем. Нам сказали, что наставник Далай-Ламы может помочь нам умным советом или своей необы-

чайной силой духа. Попросили опуститься на колени. Так, на коленях, мы и вползли с Володей к иссушенному старцу в желтых одеждах, в монашеском облачении. Сидел он на подушках. Мы с переводчиком. Переводчик тоже на коленях. Перед нами вползло несколько французов, они задавали глобальные суперсложные вопросы. О пребывании души в теле или о переселении душ, что-то в этом роде. Старец давал сложные ответы. Мы с Володей были последними. Мы боялись немножко, что наш вопрос — как нам избавиться от зеленого змия, покажется ему мелким. Но как ни странно, старичок очень оживился. Стал размахивать маленькими ладошками и рассказывать притчу, которую я уже слышал в православных монастырях. Одному монаху предложили совершить преступление. По притче он обязан был выбрать, какое именно. Он выбрал якобы самое безобидное — пьянство. А по пьянке совершил все те страшные преступления, от которых хотел отказаться. Наставник еще сказал, что будет за нас молиться. Повязал желтые ленточки мне и Володе. Смотрел на нас как-то ласково, с сочувствием. Когда мы уже собирались обратно уползть, он сказал, мол, вообще-то маленькая стопочка не вредит, она как-то веселит и успокаивает. Старичок не знал, что для нас маленькая стопочка — это как для акулы глоток крови. Ее потом не остановишь. Володя держался некоторое время. И я держался. Иногда Володя звонил и спрашивал: «Как старик? Действует?» — «Действует, действует». Потом я раз сорвался, но соврал ему, что, мол, действует старик, действует. А однажды Володя позвонил из Москвы явно под сильным газом. Зарыдал и сказал: «Нет, Миша, старик, видно, забыл нас. Не действует».

Эльдар Рязанов:

От этой истории кровь стынет в жилах.

(Мы оба похихикали.)

Глава третья — Майкл

Эльдар Рязанов:

Вам случается видеть картины во сне? А проснувшись, вы их восстанавливаете?

Михаил Шемякин:

Я многие свои сны зарисовываю.

Эльдар Рязанов: Какие сны вам снятся: цветные, графические, объемные?

Михаил Шемякин: Цветные сны — признак шизофрении.

Эльдар Рязанов: Значит, ваш профессор из дурдома не так уж не прав. *(Мы опять засмеялись.)*

В искусстве, в живописи, в скульптуре, в графике все места заняты. Это одни из самых древних искусств. Нет ни одного квадратного сантиметра, куда можно было бы втиснуться. А вам это удалось. Я считаю, вы сделали блестящую карьеру. Было ли при этом еще везение, помимо труда и таланта?

Михаил Шемякин:

Вы знаете, я не совсем согласен с вами. Я думаю, сейчас очень интересное время. С одной стороны, изобразительное искусство, скульптура приблизились как бы к своему концу, к глубоким кризисным точкам. Недавно на аукционе «Сотби» продавались в разделе скульптуры банки итальянского скульптора и художника-концептуалиста по восемьдесят тысяч долларов каждая, с дерьмом автора. На каждой банке на четырех языках было написано: «Мое дерьмо». Неужели покупали?

Эльдар Рязанов:

Михаил Шемякин:

Какие-то суперснобы покупали... А с другой стороны... еще Пикассо обвиняли в том, что он пользуется определенными элементами старых мастеров и вставляет их в свои произведения. Его обвиняли, что он что-то «прикарманил», у кого-то украл. Я называю этот принцип коллажностью. А сам Пикассо парировал обвинения так: «Гений никогда не ворует. Он может присвоить».

Коллажность — это сочетание документальных деталей, трансформация образов из так называемых примитивных народных искусств, маски аборигенов Австралии, увеличенные до огромных размеров части тел насекомых, натуралистические элементы и фрагменты классической скульптуры. Примененное с умом, по делу, раскрывающее образ — все это совсем не эклектика в дурном смысле слова, а новый путь скульптуры.

Эльдар Рязанов:

Я вижу, что вы используете в своем творчестве все, что хотите. Новые, нонконформистские, современные

Михаил Шемякин

формы перемешаны с элементами гиперреализма, соцреализма, вплоть до цитат и предметов быта. Давайте встанем из-за стола и пройдем в мастерскую. Я вам кое-что покажу.

Эльдар Рязанов

Но прежде чем мы встанем из-за стола, я задам вопрос. Это тот самый стол Эрнеста Хемингуэя, который вы купили на аукционе?

Михаил Шемякин.

Да, это стол, за которым он обедал. А может быть, и творил. Старина Хэм, как его называли. У меня два стола из его дома. Мне удалось их купить на аукционе за копейки, за бесценок, так скромно стоила мебель, когда скончалась его вдова Мэри Хемингуэй. Осталось еще в придачу много ящиков с пластинками, с русскими книгами, много русской музыки. Все, что они собирали. Я храню бумажечки, ну, как бы с его автографами, хотя автографы стоят на квитанциях. Эрнест Хемингуэй сдает в стирку шесть пар кальсон, шесть ночных рубашек и т.д. Эти бумаги просто валялись в ящике стола.

Пока мы шли из дома к мастерской по снежку — была середина февраля, — я осматривал двор, вернее, не двор, а парк. При въезде в усадьбу стоял почтенный старинный паровоз, лет, эдак, ста двадцати. Шемякин увидел его на какой-то распродаже металлолома, купил и притащил к себе на участок. Немало скульптур было расставлено прямо на земле. В том числе и знаменитый Петр, который благодаря поддержке и помощи Д.С.Лихачева и А.А.Собчака занял место во дворе Петропавловской крепости. Михаил Михайлович рассказал, что раньше за домом было болото, которое он засыпал огромным количеством земли, распланировал аллеи, установил статуи. На постаментах стояло несколько скульптур из серии «Карнавал Петербурга», а также трехликий всадник — автопортрет Шемякина — «прошлое, настоящее и будущее». Еще хозяин рассказал, что мастерская была прежде барским домом, сооруженным в середине XIX века. Что из-за старинного (по американским понятиям) особняка

Мастерская
Шемякина
в Америке

он и купил эту усадьбу. Но польские рабочие, восстанавливающие дом, устроили пожар. Очевидно, не нарочно, а в силу славянского разгильдяйства. Сейчас там нет дверей, стекла не во всех окнах, все сгорело. И там он работает, делает скульптуры на

сквозняке и в холоде. Мы вошли в двухэтажную мастерскую. То, что я увидел, описать довольно трудно. Сотни самых разнообразных скульптур, разной величины, в различной степени готовности населяли этот ледяной дом. Отдельные части тела — гипсовые руки и ноги, отдельные ступни ног и кисти рук, раскрашенные и белесые головы, детали туловищ, скелеты, шары — были повсюду. Исторические, реальные, формалистические, современные фигуры образовывали причудливые композиции. Я видел каких-то купидонов, амуров, фигурки собак, морды дьяволов и лики святых — все это создавало странное и страшное зрелище.

Михаил Шемякин:

Здесь часть большого скульптурного ансамбля более чем из пятидесяти фигур «Палачи и жертвы». Сюда входят изображения казненных королей и тех, кто их отправил на смерть. Карл Первый, казненный Кромвелем. Петр Третий, убитый братьями Орловыми. Мария Стюарт, умерщвленная по приказу Елизаветы Английской. Павел Первый, принявший смерть от заговорщиков. Людовик Шестнадцатый и его жена Мария-Антуанетта, умершие на гильотине, а также вдохновители и одновременно жертвы Французской революции Дантон, Марат и Робеспьер. Николай Второй и его семья — жена и дети, расстрелянные в Ипатьевском доме. И Свердлов, санкционировавший расстрел.

Замысел в историческом охвате очень большой — от древних времен до наших дней.

Конечно, это надо было видеть. Грандиозность замысла, своеобразие воплощения впечатляли, ошарашивали, подавляли. Было непонятно, как один человек может справиться с такой исполинской задачей, которую он сам перед собой и поставил. Автор подробно рассказывал мне о том, как трактуется и решается каждое историческое событие. Приведу лишь два или три примера из рассказа Михаила Михайловича.

Михаил Шемякин:

Эта группа, посвященная Французской революции. Сначала фигура казненной безумянной маркизы. Тело уже потрепанное и тронутое тленом.

Эльдар Рязанов

(перебивая) А почему в этой условной фигуре мы видим совершенно натуралистическую голую женскую попу?

Михаил Шемякин

Французы очень жестокий народ по характеру. Во времена Французской революции происходило множество зверств, бесчинств, насилия, издевательств над аристократией. Я много читал, как насиловали этих маркиз, измывались над ними. Тут же рядом бюст Марии-Антуанетты работы Гудона. А в центре трон, на котором сидит скелет короля, из шеи прорастает голова Революции в виде орущего младенца во фригийском колпаке. А свою отрубленную гильотиной голову Людовик держит в собственных руках. По бокам, в виде сфинксов, будут стоять обезглавленные Мария-Антуанетта и королева Шотландии Мария Стюарт; композиция будет дополнена фигурками купидонов, амурчиков и пастушек в духе Буше и Фрагонара, эдакие сексуальные пасторали. Недаром Петр Первый после визита во Францию писал в своем письме: «...страна чудесная. Но, к сожалению, знать слишком много пьет, кутит, гуляет и объедается. Это все грозит погибелью...»

Вот, кстати, незаконченная скульптура Петра с поднятой рукой. В руке у него будет это письмо. А на другой руке сидит ребенок — инфант. Петр тогда воскликнул: «Я держу на руках всю Францию!» Этот малыш — будущий отец казненного короля Людовика Шестнадцатого. Тут еще будут рельефы, изображающие галантную французскую жизнь, и страшноватые детали вроде шкафа короля с его рубашкой, в которой он взошел на эшафот. Портреты Марии-Антуанетты на рельефах — копии с зарисовок Давида, сделанных с натуры, когда королеву везли в телеге на казнь. Фигура смеющегося Вольтера, сидящего в кресле, который показывает на дело своих рук, вернее, слов...

Пересказывать скульптурную композицию, да еще незавершенную, дело безнадежное. Но, тем не менее, я хотел бы передать читателю масштаб шемякинского замысла только на одной группе, только на

Беседуем в доме Майкла Шемякина на «Гудзонщине»

Михаил Шемякин:

одной композиции. Дальнейший рассказ экскурсовода Шемякина я процитирую уже скороговоркой.

Павел в натуральный рост встанет здесь в своей знаменитой позе. Вокруг будут маленькие прусские оловянные солдатики в виде игрушек. Он очень любил их, собирал именно прусских и играл в детстве. Рядом с императором — портреты братьев Орловых, которые принимали участие в заговоре и убийстве его отца, Петра Третьего.

Эльдар Рязанов:

Но и сам Павел тоже пал жертвой заговора.

Михаил Шемякин

По описаниям, он умер от удара табакеркой. У нас здесь будут валяться и табакерка, и еще ряд предметов, связанных с жизнью убиенного императора.

Эльдар Рязанов:

А фигура Александра Первого? Он считается своего рода подстрекателем этой акции.

Михаил Шемякин

Он будет присутствовать, сидя на стуле и читая книгу. В смятенных чувствах, в рыдании. Он же, говорят, не ожидал, что все так трагично кончится. В заговоре

«Современные большие мастера, такие, как Генри Мур и Пабло Пикассо, оказали на меня огромное влияние. Именно свободой отношения к материалу и к поискам. Не ограничивать себя рамками искусствоведческих теорий, заданных течений...»

Mikhail Chemiakin
'Petra Tretiyaya' 1975
DESSINS
'Exposition d'Art et d'Architecture' Mars 1975
GALERIE LE GAUBERT
11, rue de Valenciennes, 75011 Paris

он принимал участие, но не думал, что кончится убийством...

Фигуру Петра Третьего я изображу с крысами. По историческим источникам, он любил заниматься казнями крыс. Будет и портрет Екатерины, не скульптура, а портрет. Парадный, величественный. Высокая, могучая императрица. Портрет будет выполнен в абсолютно реалистической манере, с массой деталей на платье, с настоящей бижутерией.

Все детали, черепа, парики, все в результате будет

отлито в бронзе. Для зрителя это станет путешествием в мир современной скульптуры. И одновременно в мир истории, в мир заговоров, казней, убийств королей, интриг. На столах будут лежать бронзовые книги, а в них — гравированные указы и декреты.

Михаил Шемякин переходит к другой группе скульптур.

А эта композиция — убийство Николая Второго и его семьи. Лицо Свердлова, подписавшего смертный приговор, — это его подлинная посмертная маска, как говорится, суперреализм. На голове у него шапка чернокнижника с серпом и молотом, а одна нога с копытом. По русским поверьям, признак дьявола. Перед ним Николай Второй в шинели. И простынями накрыта его семья. Царь будет держать руки детей, жены. А из-под простыней высовываются босые ноги, детские и женские... Здесь же будет набросано много атрибутики того времени — куски телеграмм, разная документация...

Художник вел меня по фантастической галерее своего пока еще незаконченного замысла. Нос майора Ковалева из гоголевской повести, с прыщиком на конце. Младенец, играющий с черепом, — сюжет, взятый из XVIII века. Фигуры двух купидонов, попирающие своды французских законов, держат рога изобилия, из которых сыплется черепа. Эти купидоны будут открывать собой вход в парк казненных королей.

Серия «Палачи и жертвы» будет стоять в парке?

Да, это все парковые скульптуры.

Увиденное — ошеломляет. Ведь кроме того, чтобы придумать, то есть, в вашей профессии — увидеть, надо еще и осуществить. Это же огромный не только умственный, но и физический труд. Как вы успеваете делать все? Сколько часов спите в сутки?

Часа три, иногда четыре. Бывает, не сплю сутками.

Должен сказать, я не делаю эскизов в пластилине.

Я работаю напрямую — в гипсе. Я делаю так из экономии времени и денег. А уж потом происходит отливка в бронзе.

Эльдар Рязанов:

Михаил Шемякин:

Эльдар Рязанов:

Михаил Шемякин:

Мне посчастливилось, я дружил с величайшим Генри Муром. Он для меня открыл многое. Мне повезло быть знакомым и с грандиозным скульптором Мансом. Эти большие мастера оказали на меня огромное влияние. Именно свободой отношения и к материалу, и к поискам. Не ограничивать себя рамками искусствоведческих теорий, заданных течений. Идеал художника для меня — Пикассо. Ему было подвластно все — от иллюстраций в греческом стиле он переходил к реалистическому рисунку, от неоклассической манеры — к поискам абстрактным, фактурным. И я себя не сковываю, мне интересно экспериментировать. И еще я очень люблю большие формы. Люблю собирать камни. Многие скульптуры Генри Мура — это камни, поставленные на пьедестал. Однажды он вытащил из супа, который ел, куриную косточку, обглодал ее и вдруг увидел в ней красивую женскую фигуру. Он увеличил ее до двенадцати метров в высоту и поставил на постамент. Это одна из его лучших работ.

Эльдар Рязанов: Вы сами ощущаете себя мастером? Что такое, с вашей точки зрения, мастерство?

Михаил Шемякин: Думаю, то же, что и с вашей. Владеть своим ремеслом в совершенстве и уметь воплощать свои идеи. Но называть себя мастером слишком громко и нескромно.

Эльдар Рязанов: А вас мучают сомнения? Что-то не вышло, что-то надо переделать, что-то плохо. Или же вам кажется, что, как правило, сходу получается то, чего вы хотели?

Михаил Шемякин: Такого не бывает ни у одного художника. То, что не удалось, я безжалостно истребляю. У меня на помойке есть специальные баки, куда я в конце недели выбрасываю свои неудавшиеся рисунки.

Эльдар Рязанов: Оказаться бы здесь и подобрать эту помойку. В следующий раз предупредите, когда будете это делать. А вот как вы умудряетесь помнить все? Ведь у вас одновременно в работе уйма произведений.

Михаил Шемякин: Когда меня иногда спрашивает по телефону кто-нибудь из друзей: «Чем ты занимаешься?» — отвечаю: «Время есть? Бери стул, а я начну рассказывать».

Мы посмеялись. Миша продолжал

Вы говорите — блестящая карьера. Это не совсем так. Карьера идет с трудом. Судьба русского художника на Западе более тяжелая, чем участь выходцев из других стран. За нами никто не стоит, наши выставки почти никто не представляет. А, допустим, на открытие выставки шведских художников, довольно слабой, приехали король, королева и министры.

Эльдар Рязанов: Какие у вас отношения с галерейщиками? Галерея для художника — то же, что издательство для писателя.

Михаил Шемякин: Очень сложные. В семьдесят пятом году я выиграл в Японии самый большой приз — «Нишидо». Двести пятьдесят тысяч франков. Большие деньги. Меня снимало телевидение. Японцы вручили мне чек публично, чтобы телевидение это показало. После церемонии подошли галерейщики и потребовали отдать чек им. По договору моя работа принадлежала галерее. Я с проклятиями вернул чек и на следующий день разорвал с ними отношения. С тех пор и по сегодня я работаю с галереей Карпантье — это в Париже. А в Америке с галерейщицей Дини Ферст. Она большой мой друг — выставляет мои самые дерзкие эксперименты.

Эльдар Рязанов: Вы скульптурой начали заниматься уже за границей? Или еще на родине пытались?

Михаил Шемякин: Хотя я учился на скульптурном отделении, в России у меня не было возможности. Поощрялась только официальная скульптура. Мастерские и вообще все материальные средства были под контролем Союза художников, идеологических комиссий. Лишь во Франции я смог заниматься ваянием. А здесь, в США, перешел к большому формату.

Эльдар Рязанов: В каких городах стоят ваши памятники?

Михаил Шемякин: В Нью-Йорке, в Сохо, стоит статуя Кибелы — античной богини плодородия. В Санкт-Петербурге три работы: «Памятник первостроителям» на Сампсониевском кладбище, потом на берегу Невы напротив Крестов (знаменитая тюрьма. — Э Р) монумент «Памяти жертв сталинских репрессий» и во дворе Петропавловской крепости «Петр Первый». У меня есть фото-

Михаил Шемякин: В моем Петре очень точно соблюдены все пропорции. У него, к сожалению, при высоком росте была весьма маленькая голова. Когда мне ставят в укор, что Петр не слишком красив, то оскорбляют не меня, а персону императора. Ведь это прижизненная маска, снятая с лица великим Растрелли. У меня он без прикрас. А вот проект «Карнавалы Санкт-Петербурга» завис в воздухе. Кое-кто начал кричать о шемякинизации северной столицы. Главный художник города ставил палки в колеса.

Эльдар Рязанов: Что вы испытали, когда впервые после изгнания вернулись на родину?

Михаил Шемякин: Чувство страха. Страна у нас непредсказуемая. Но больше всего волновалась моя мама. Она уже жила в Париже.

Эльдар Рязанов: Как вам удалось ее вытащить туда?

Юлия Шемякина: Не выпускали меня двенадцать лет. Миша слал нам вызовы, мне и своей сестре, много раз. Все время были отказы. В ОВИРе я однажды спросила: «Когда же я увижу родного сына, свою внучку?» А мне чиновник ответил: «Никогда. Вам никогда не дадут разрешения на выезд». Тогда я сказала, что надену все военные ордена и медали, выйду на площадь, облию себя бензином и подожгу. Угроза подействовала. Нашелся там, видно, какой-то нормальный человек, — посоветовал переехать в Латвию. Оттуда было легче уехать, все же не Россия, не родина. Там нам и оформили выезд во Францию на постоянное жительство. Но Мишу я в Париже не застала, он уже жил в Америке.

Эльдар Рязанов (Михаилу Шемякину): Вернемся к вашему первому визиту в Советский Союз. Это было в восемьдесят девятом году?

Михаил Шемякин: Да, я отсутствовал восемнадцать лет.

Эльдар Рязанов: Покинули страну совсем молодым человеком.

Михаил Шемякин: Когда я спустился с трапа самолета, я был поражен тем приемом, той встречей, которую устроили мне москвичи. Я приехал на открытие своей персональ-

ной выставки. Ее устроил замечательный человек, глава Союза художников Таир Салахов. Мы познакомились в Нью-Йорке. Он спросил: «Миша, а ты хотел бы показать свои работы в Москве?» Я сказал: «Был бы счастлив показать работы на Родине». «Я это сделаю», — пообещал Салахов. И действительно сделал.

Была большая выставка?

Громадная. Масса людей на вернисаже. Цветы. Впечатление незабываемое. Потрясающее.

Эльдар Рязанов

Михаил Шемякин:

Глава четвертая — Магомет

Эльдар Рязанов:

Только взявшись за вас вплотную, я обнаружил, что вы наполовину кабардинец. Я считаю, смешанные браки дают самых талантливых людей. Поговорим о ваших кавказских корнях.

Михаил Шемякин:

Я рос обыкновенным советским парнем, русским. Тем более, мама недолюбливала Кавказ.

Эльдар Рязанов

Недолюбливала Кавказ, а вышла замуж за кабардинца? Впрочем, может быть, как раз поэтому?

Михаил Шемякин

(деликатно промолчал) Мне, пацану, был свойственен скорее панславизм. Когда отец затевал по пьянке разговоры об адыгах, кабардинцах, кроме смеха у меня эта тема ничего не вызывала. У нас с сестрой было равнодушие или даже пренебрежение к кавказским племенам.

Эльдар Рязанов:

Я знаю, вы недавно ездили на землю своих отцов. Расскажите об этой поездке, о своих впечатлениях.

Михаил Шемякин:

Было много интересного. Получил ключи к разгадке некоторых особенностей характера моего отца, да и собственного характера тоже. После моей выставки в Москве я давал интервью на радио, и кабардинцы узнали, что я из рода Кардановых, что я их соплеменник.

И начался большой бум. Я получил приглашение приехать на встречу с родом. Выяснил, что это один из самых больших родов, существующих сегодня. Это шестьдесят четыре тысячи человек, из которых двенадцать тысяч живет в Кабарде, остальные сосредоточились в Иордании и Израиле. Им, иноверцам,

единственным как рыцарям Кавказа разрешено служить в израильской армии. К сожалению, на съезд рода я не попал, но мне предложили сделать выставку в музее Кабардино-Балкарии. Я согласился. Была организована выставка графики и нескольких живописных работ. Я прилетел в Нальчик. Я не ожидал, что встреча будет на уровне президента. Оказывается, я там национальный герой, так же, как и дирижер Юрий Темирканов. Темирканов разыскивал меня несколько лет. Выяснилось, что он меня ищет как предполагаемого родственника. Когда мы с ним встретились в Петербурге, в беседе установили, что мама у Юры — тоже Карданова. Оказалось, мы — братья. Мы крепко обнялись.

Эльдар Рязанов:

Михаил Шемякин:

Я читал, что вам там лошадь подарили. Вообще-то мне подарили двух лошадей. Одну, англо-кабардинского скакуна, подарил наш род. Причем было мистическое совпадение, которое меня потрясло. Этот конь носил имя Каро. Как тот, который был убит под отцом в сорок первом году. У меня даже мурашки по спине пробежали. Второго, тоже англо-кабардинского скакуна, мне подарило правительство Кабардино-Балкарии. Президент Республики Кокор — мой племянник, у него мама тоже Карданова.

Эльдар Рязанов:

Михаил Шемякин:

Вы сели на коня, поскакали? Почувствовали себя джигитом? Взыграла в вас кавказская кровь? Коня привели без седла. Я не такой блестящий наездник. Из толпы неслись крики: «Пусть он сядет на коня!» Но я боялся, что могу опозорить мой славный род.

Эльдар Рязанов:

Михаил Шемякин:

Не рискнули? Не рискнул без седла. Тем более, Каро был очень нервный конь. Я подошел к нему и успокоил его.

Эльдар Рязанов:

Раньше, зная, что ваш отец кабардинец, вы ощущали себя чисто русским. После того, как вы встретились с этими замечательными людьми, огромным кланом, родом, после того, как узнали, что много славных представителей в истории вашего рода, произошло некое смещение в вашей психологии, в национальном мироощущении?

Джигит Магомет
на родине отцов

Михаил Шемякин:

Да, конечно. Некоторые черты моего характера иногда удивляли многих моих друзей, знакомых, близких. К примеру, мой двухтомник открывается благодарностью тем мастерам, которые помогли мне стать и художником, и человеком. Хотя многих из них я даже не знал. Там идет длинный перечень художников-нонконформистов, более старших, нежели я. Это те художники, которые оказали на меня влияние своим творчеством, помогли мне самоопределиться. Большинство из них даже не подозревают об этом.

Я взял в руки шикарно изданный издательством «Mosaic Press» могучий двухтомник и открыл первый том. На первом же листе — следующая надпись: «My deep gratitude and constant memory goes to my older fellow artists who, by example of their courage, helped me as both artist and man» (Моя глубокая благодарность и постоянная память старшим художникам, чей мужественный пример помог мне стать художником и человеком (англ.).)

Дальше шел список художников из тридцати двух фамилий. Среди которых Оскар Рабин, Борис Свешников, Владимир Янкилевский, Илья Кабаков, Михаил Шварцман, Олег Целков, Эрнст Неизвестный, Анатолий Зверев, Эрик Булатов, Борис Жутовский, Дмитрий Краснопевцев и другие.

Эльдар Рязанов:

Это неслыханный для человека искусства поступок. Художники, как, впрочем, и остальные творцы, — народ неблагодарный.

Михаил Шемякин:

Так вот я сам объяснил себе это после того, как побывал в Кабарде. Думаю, это — наследственное, гены, идущие от народа. Я увидел там отношение к старшим, меня это потрясло. Когда я был приглашен на обед к старейшине, к главе нашего рода, ему сто четырнадцать лет, он даже пытался поговорить со мной по-русски. Самому младшему в той компании было «всего» девяносто восемь лет. Он произносил пламенные тосты и так орал, что мы за глаза его называли доктором Геббельсом. Ну, а младшие, которым

было за семьдесят, стояли где-то у входа и только наблюдали. Меня приравняли к почетному старому деду, и я восседал среди старейшин и видел: чем старше человек, тем к нему больше почтения. И это не просто традиция. Это в генах заложено. Мы в России привыкли, особенно сейчас, что чем старше человек, тем ему хуже, неуютнее. Он может запросто по затылку получить на улице от хулиганья. И вообще чувствует свою ненужность.

И потрясло гостеприимство, которое называют кавказским. Очень теплое, радушное, необычайное. Я не думаю, что это было связано только с тем, что они мной гордятся. (Я включен в книгу кабардинского народа «Великие мамлюки».) Думаю, им просто было приятно видеть соотечественника, вернувшегося на родную землю.

Эльдар Рязанов:

Ничего, если я назову вас — Магомет? Магомет, объясните мне, почему вы все время ходите в военной пятнистой форме, в сапогах и сидите в фуражке даже в теплом помещении?

Михаил Шемякин:

«Зеленку» я ношу как память о поездке в Афганистан. Кроме того, в нашем городке половина мужчин — ветераны вьетнамской войны — тоже ходят в «зеленке». А потом это удобно, карманы выдерживают. Вы знаете, художники носят в карманах кучу всякого нужного и ненужного барахла. А еще не видно пятен на одежде, потому что она вся пятнистая. Я и рисую в этом одеянии. А фуражка — из-за козырька. Берегу глаза от яркого света.

Эльдар Рязанов:

Раз уж вы вспомнили афганцев, давайте коснемся этой темы. Как случилось, что вы начали помогать России в возвращении наших пленных из Афганистана?

Михаил Шемякин:

Когда в Женеве подписывали соглашения об урегулировании военного конфликта, то советские военнопленные, к позору советских властей, были забыты. Их было числом свыше трехсот, не считая без вести пропавших. Меня это, как и многих нормальных людей, возмутило до глубины души. И я решил создать комитет по спасению забытых советских военнопленных в Афганистане.

У меня были связи с афганской общиной в Америке, я помогал им деньгами во время войны. Они дали мне рекомендательные письма, если можно так назвать, и явки. Пришлось поехать в Афганистан. Ме-

—Какова главная черта вашего характера?

— Упрямство.

Достижение цели.

Я всегда ставлю себе трудновыполнимые задачи. Для меня самое важное — довести задуманное до конца

ня сопровождала моя боевая подруга — так о ней пишут журналисты — Сара. Мы нелегально перешли границу между Пакистаном и Афганистаном, что для американских подданных было смертельно опасно. Попали к одному из самых свирепых фундаменталистов Хитматьяру. И вели переговоры с ним, с боевыми командирами, с Раббани. Нам удалось вернуть на родину троих военнопленных. Но главное, мы содействовали привлечению внимания общественности к этой больной теме. Комитеты по возвращению пленных стали расти, как грибы. Кроме того, я организовал фонд для инвалидов афганской войны. Мы присылали им медикаменты, инвалидные коляски. Было убито около четырнадцати тысяч человек, десятки тысяч искалечены. А психика

у огромного числа участников этой войны сдвинута и по сей день...

Эльдар Рязанов: Огромное спасибо вам за ваше справедливое, отзывчивое сердце, за смелость и решимость делать добрые дела.

Глава пятая — Шемякин

Эльдар Рязанов: Пожалуй, нам пора закругляться. Еще несколько вопросов, и я отпущу вас к вашей любимой работе. Главная черта вашего характера?

Михаил Шемякин: Упрямство. Достижение цели. Я всегда ставлю себе сложные, трудновыполнимые задачи. Для меня самое важное — довести их до конца.

Эльдар Рязанов: Насколько я понимаю, вы — самоучка, художественную школу не закончили...

Михаил Шемякин: Я гордо скажу, Бродский тоже десятилетки не окончил. Зато я имею шесть докторатов и право преподавать, получая за это деньги. Мама вечно скорбела, что сын не получил высшего образования, это была ее вечная заноза. Когда я стал самым молодым доктором университета Сан-Франциско, я пригласил маму на это событие. Присутствовало около пяти тысяч человек, мама слушала кантату в мою честь, которую исполнял хор студентов, был показан фильм обо мне. Японские студенты надели маме ожерелье из орхидей...

Эльдар Рязанов: Вы тщеславный человек?

Михаил Шемякин: Я не совсем понимаю, что это такое?

Эльдар Рязанов: Думаю, тщеславие — это пена на честолюбии. Любовь к цацкам, рецензиям, похвалам, званиям. А честолюбие, грубо говоря, желание всех умыть. То есть сделать что-то лучше других.

Михаил Шемякин: Если я что-то затеваю, то знаю: должен достичь в этом вершины.

Эльдар Рязанов: Вы считаете себя счастливым человеком?

Михаил Шемякин: Мне кажется, только полный дурак может считать себя счастливым. Я счастлив тем, что я художник.

Эльдар Рязанов: Миша, вы родились в России. Наполовину кабардинец, наполовину русский. Жили много лет во Франции, живете сейчас в Америке. Вы себя считаете русским художником или художником мира, космополитом?

Михаил Шемякин: Достоевский писал: чем больше ты русский, тем ты более интернационален. Сам я себя считаю русским художником. Думаю, и другие будут меня оценивать так же. Я, даже если бы у меня было желание, не смог бы стать французским или американским художником. Существует некая специфика русского искусства.

Эльдар Рязанов Миша, у вас есть возможность обратиться к нашим зрителям напрямую. Говорите, глядя в объектив.

Михаил Шемякин: Меня тревожит бедственное положение творческой интеллигенции и людей науки. Лихачев говорил: «Если у нации нет культуры, ее существование бессмысленно». Мне кажется, если правительство будет так же безобразно, так же преступно относиться к деятелям науки, культуры и искусства, то для России наступят трагические, страшные годы.

Post scriptum

Не так давно в Мариинском театре Санкт-Петербурга состоялась шумная премьера балета П.И.Чайковского «Щелкунчик» с декорациями и костюмами Михаила Шемякина. К бессмертной музыке подключилась необузданная талантливая фантазия изображения. Возникло яркое, красочное, необычное, праздничное зрелище. Талант художника придал старому балету свежее дыхание, новую жизнь. Родился уникальный спектакль...

Кроме того, в Москве Шемякин, благодаря поддержке правительства и мэрии, получил здание бывшего кинотеатра «Форум» в центре города. Намерен его реставрировать и открыть постоянную художественную галерею, создать выставочный зал, разместить свой искусствоведческий институт и организовать школу художников... А там, глядишь, может, насовсем переберется на родину...

Зиновий Пешков.

Легионер

Об этом необыкновенном человеке в Советском Союзе никто ничего не знал. Кроме, может быть, нескольких десятков человек. Его родственники отреклись от него и делали вид, что он никогда не рождался. Разумеется, его «дело» с грифом «секретно» хранилось в архивах ЧК, НКВД, КГБ, но доступа к нему не было. Железный занавес способствовал тому, что о его деятельности, более того, о его существовании в нашей стране даже не догадывались. А между тем жизнь нашего героя была невероятна, ярка, экзотична, полна самых неожиданных превращений. Думаю, его можно назвать одним из крупнейших авантюристов XX столетия. Поле его приключений — весь земной шар. Чтобы рассказать о всех его бурных похождениях, нам бы пришлось навестить Японию и Новую Зеландию, Сибирь и Канаду, Крым и Соединенные Штаты, Грузию и Марокко, а еще Алжир, Тунис и Францию, Италию и Великобританию, Тайвань и Сирию и, разумеется, Нижний Новгород, где он появился на свет. Невозможно объять все города и веси, где действовал этот неугомонный человек. Ограничимся в основном только двумя странами — Россией и Францией.

Я узнал в общих чертах о судьбе героя этого сочинения лишь в годы перестройки, когда открылся доступ

к неведомым страницам истории, и буквально заболел этой темой. Несколько лет его судьба не выходила у меня из головы. Я понимал, что игровой фильм — как их у нас называют, «художественный» — снимать

глупо, ибо истинные, реальные приключения моего героя превосходят любую выдумку. Рассказывать о нем нужно было в документальном жанре. И когда в моей жизни возник телевизионный цикл «Парижские тайны Эльдара Рязанова», я понял, выражаясь высокопарно, что час пробил! Правда, по плану нам предстояло снимать телевизионные программы о звездах французского кино. Но в свободные часы наша съемочная группа, подобно партизанам, «оголтело» снимала в разных местах Парижа, Марселя, Обаня, где размещается Иностраннный легион, эпизоды о баснословной карьере нашего героя...

Итак, осенью 1997 года, после того, как все французские эпизоды были сняты, наша съемочная группа, возглавляемая Аленой Красниковой, прибыла в Нижний Новгород, чтобы снять начало передачи и рассказать о юности героя.

Для введения в программу мы выбрали «адресное» место, где Ока впадает в Волгу. Я уселся на парапет набережной, взял в руки микрофон и начал «вещать». Герой нашей сегодняшней передачи бывал и журналистом, и революционером, и солдатом, и рабочим,

и генералом, и послом, и пенсионером, и общественным деятелем, и строителем, и разведчиком. Он знал множество языков: разумеется, родной русский, и английский, и арабский, и японский, и итальянский, и французский, и китайский. Не могу не сказать еще об одном свойстве этого мужчины: его любили красивые женщины, и таких было немало. Наш герой был человеком невысокого роста, рано облысевшим, одноруким (он потерял правую руку на войне), одним словом, невзрачным. Но обладал неотразимым мужским обаянием. Ни одна женщина не могла ему отказать — так высказалась прославленная красotka, подарившая ему и сердце, и тело. Во всяком случае, в его «послужном» списке жен и любовниц встречаются кинозвезды, княгини, дочери миллиардеров, говорят, даже королева некоей страны, знаменитые красавицы, не говоря о других представительницах прекрасного пола.

Однако хватит вас томить, дорогой читатель, пришла пора назвать нашего героя. Зиновий Михайлович (Моисеевич) Свердлов родился на год раньше своего небезызвестного брата Якова, а именно в 1884 году. Как вы, наверное, догадались, брат Яков был тем самым сподвижником Ленина, председателем ЦИКа революционной России, как говорили, Первым Президентом опаленной и вздыбленной страны. Именем этого «пламенного революционера» потом были названы города, площади, проспекты, станции метро, университеты и так далее.

Но речь у нас пойдет не о нем, а о его старшем брате Зиновии, который умудрился еще стать и сыном Алексея Максимовича Горького. Как это случилось, вы узнаете позже...

Провел свои детские и юношеские годы Зиновий в Нижнем Новгороде. Именно здесь двенадцатилетний еврейский паренек познакомился с человеком, великим человеком, который оказал на него колоссальное влияние, определил во многом его вкусы и пристрастия, как говорится, дал ему путевку в жизнь. А может, Зиновий сам взял эту «путевку». Ведь все случи-

лось более ста лет назад, и сейчас никто точно не знает, как оно происходило на самом деле.

Свердловы переехали в Нижний из Полоцка, что в Белоруссии. Корень фамилии — свердло — в переводе на русский означает сверло. В Нижнем глава рода Моисей Израилевич Свердлов основал фирму... Я стою перед старинной вывеской, на которой начертано:

СКОРОПЕЧАТНАЯ И ГРАВЕРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

М. И. СВЕРДЛОВА.

РЪЗЬБА ПЕЧАТЕЙ

И ПРОИЗВОДСТВО КАУЧУКОВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ

Фирма существуетъ с 1881 года

Вывеска прислонена к стене маленького старого домика.

Еще несколько лет назад эта вывеска, которую нам удалось извлечь из неслыханных музейных завалов, красовалась на фасаде маленького флигеля, где помещался музей Якова Свердлова. До революции улица называлась Большая Покровская, в советское время именовалась улицей Свердлова. Сейчас, так как время не советское, она опять называется Большая Покровская, и музей, поскольку он посвящен коммунистическому лидеру, как бы закрыт. Во всяком случае, находится в подполье. Если вдуматься, демократы ничем не отличаются от коммунистов. Я имею в виду запреты на историю, на наше прошлое...

Вот как, кстати, описывает современник мастерскую Свердлова: «По Большой Покровской улице маленькая, в два небольших окошка, лавочка. Когда бы вы ни прошли, на окнах стоят два стеклянных, налитых зеленой жидкостью шара и запылившаяся коллекция штемпелей и печатей. По стеклу на натянутой изнутри проволоке развешаны блестящие медные бляхи с надписями «Ночной сторож», «Десятский», «Сотский староста». У окна с ювелирной лупой в глазу сидит неизменно одна и та же трудолюбивая фигура: красивый мужчина средних лет, с окладистой курчавой боро-

дой и четкими, резко обрисованными бровями». У наборных станков работали дети: Зиновий, Сара и Софья. Они помогали отцу. Яков учился в гимназии, доучился до пятого класса. А вот герой нашей

Нижний Новгород в конце XIX века. Снимок сделал житель Нижнего Новгорода, его фотолетописец фотограф Императорской Академии художеств, художник А.Карелинъ

программы, проживший легендарную жизнь, — самоучка, никогда и нигде не учился, из чего можно сделать вывод о тщете обучения.

Однажды в 1896 году дверь отворилась, и в гравёрную мастерскую вошел высокий, сутулый, усатый, худой человек — Алексей Максимович Горький. Он был уже достаточно известен в городе, работал корреспондентом «Нижегородского листка» и «Одесских ведомостей». Он поздоровался с хозяином. Моисей Израилевич Свердлов узнал журналиста и сказал: «Я не могу напечатать ваши произведения, но визитную карточку могу вам приготовить».

«И сколько же вы возьмете с меня?» — спросил Алексей Максимович.

«С вас я не возьму ничего».

«Вы не хотите брать с меня денег из-за рекламы, да?»
Хозяин мастерской помялся и ответил:
«Если бы я сказал — «нет», это было бы нечестно, е-
сли бы я сказал «да», это было бы обидно для вас

Алексей Максимович
в 1896 году.
Фотография из книги
А.Карелина

и для меня. Просто я хочу оказать честь литератору Пешкову».

И М.И.Свердлов отпечатал молодому писателю его визитку. Самое поразительное то, что клише, выполненное сто лет назад, сохранилось. Нам сделали

с него оттиск, и я смог показать нынешним телезрителям первую визитку Максима Горького. Так началось знакомство, а потом дружба. Горький стал довольно часто наведываться сюда. Он привя-

зался к детям Моисея Израилевича. Детей было шестеро. Все жили при мастерской, за загородкой, в комнатке примерно этак восемь квадратных метров. Жили в холоде — зимой по утрам в ведрах замерзала вода.

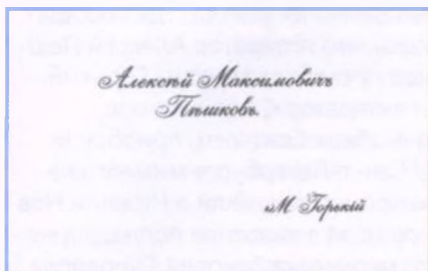
Горький очень сблизился со Свердловыми. Разумеется, влияние его на развитие подростков было колоссальным. Он был заря-

жен революционными идеями, и конечно, это передалось и Зиновию, и Якову.

На стыке XIX и XX веков в Нижнем, да и во всей стране, бурлили революционные настроения. Студенчество желало свержения царизма, молодые рабочие боролись против эксплуатации. Думаю, пребывание в городе Алексея Максимовича — духовного авторитета — сыграло немалую роль. Автор «Песни о Буревестнике» оказывал мощное воздействие на умы молодых людей и барышень.

Эти самые молодые люди и барышни распространяли прокламации и в театрах, и на собраниях, и на митингах, и на улицах. К примеру, бросали листовки на вечерне памяти Гоголя в театре. Я не могу сказать с уверенностью, но, может быть, какие-то из этих прокламаций набирались в граверной мастерской Моисея Израилевича Свердлова. А среди разбрасывавших крамолу, возможно, были дети гравера. Естественно, вся революционно настроенная молодежь находилась под наблюдением царской охранки. У тогдашней охраны дело было поставлено превосходно, было у кого учиться нынешней...

Для молодых Свердловых это было сначала игрой, а потом они заразились революционной лихорадкой всерьез. Когда они поняли, что дело нешуточное, что

Визитная карточка М. Горького, сделанная Моисеем Израилевичем Свердловым в 1896 г.

их любимому наставнику грозит арест, они научились конспирации, прятали листовки. Во время обысков у Горького никогда ничего не находили.

Однако 16 апреля 1901 года на стол нижегородского генерала, шефа жандармского отделения, лег рапорт, где сообщалось, что литератор Алексей Пешков, в скобках Максим Горький, и литератор Степан Петров, в скобках Скиталец, приобрели в Санкт-Петербурге мимеограф, который доставили в Нижний Новгород. И в квартире поднадзорного мещанина Зиновия Свердлова печатались прокламации и воззвания, подстрекающие рабочих Соромовского завода к противоправительственным действиям.

Во время обыска обнаружили

и сожительницу Зиновия, его подругу, товарку по революционной борьбе, бывшую гимназистку девицу Лидию Соколову.

Герой наш был юноша молодой, но, как говорится, ранний. Это было первое упоминание в документах о женщине, связанной с Зиновием любовными узами. Дальше мы познакомимся еще со многими. Соколова была старше молодого революционера на два года, так что, может быть, инициатива исходила от нее. Тем более, вот как она охарактеризована в жандармском донесении: «Поведения она предосудительного, нравственности плохой, в обращении груба и дерзка».

Надеюсь, что с Зиновием она вела себя совершенно иначе...

Лида Соколова — сожительница Зиновия, его товарищ по революционной борьбе. Из жандармского донесения: «Поведения она предосудительного, нравственности плохой, в обращении груба и дерзка»

Несмотря на умелую конспирацию, несмотря на помощь молодых революционеров, Алексей Максимович сел в тюрьму по подозрению, что он автор революционных прокламаций, баламутящих население. Однако авторство доказать не удалось, и его через месяц выпустили. Но все равно он находился под полицейским надзором. В конце концов власти приговорили его к ссылке. Надо сказать, что кровожадное царское правительство своеобразно расправлялось с революционерами, которые мечтали свергнуть самодержавие. Например, узнав, что у Горького слабые легкие, власти разрешили ему прежде, чем он поедет в ссылку, отбыть зиму в Крыму, чтобы он поправил свое здоровье. А ссылку начал бы отбывать с весны 1902 года. Да и ссылка была не очень далекая, не Сибирь или Сахалин. Нет. Это был город Арзамас в 100 километрах от Нижнего Новгорода — родины и места проживания Алексея Максимовича. Ленин негодовал и писал: «...Всемирно известного писателя лишили свободы без суда и следствия. Его ссылают, потому что единственным оружием Горького было свободное слово». Все знакомо, мы проходили все это в советское время, только в куда более жестком варианте.

В погоне за нашим героем съемочная группа заявила в Арзамас. Мы еще много поедем...

Отдохнув и подлечившись в Крыму, Горький прибыл в ссылку. Прибыл домовито, со всеми чадами и домочадцами: с женой, Екатериной Павловной, сыном Максимом, дочкой Катей, сестрами Кольберт, которые помогали ему. Сюда же он вызвал из Нижнего Новгорода и Зиновия, чтобы тот разбирался с книгами, помогал ему в работе в библиотеке.

Писатель снял просторный дом купца Подсосова на Сальниковской улице, в котором устроился удобно и надолго.

Горький был человек очень гостеприимный. В Арзамас к нему приезжало множество людей из Москвы, из Петербурга, из Нижнего, из разных городов. Однако местные жители, напуганные полицией, не хо-

дили к нему. Арзамасцы понимали, что в их город прибыло что-то страшное и опасное.

У входа в дом, на улице, там, где сейчас мемориальная доска, находился полицейский пост. Здесь круглосуточно дежурили жандармы, сменяя друг друга. Совсем так же 70 лет спустя на той же нижегородской земле, в городе Горьком, милиционеры дежурили у дверей квартиры ссыльного Андрея Дмитриевича Сахарова. Традиции неистребимы, вечны. Дай Бог, чтобы эти традиции когда-нибудь в этой стране закончились.

Поскольку время ссылки как раз «упало» на лето, окна были открыты, и стражи порядка могли не только туда заглядывать, но еще и слышать. Поэтому все, что происходило в доме опального писателя, полиции было известно досконально.

Вот что Алексей Максимович писал по поводу города Арзамаса в письме к Пятницкому:

«Вот я и в Арзамасе. По улицам ходят свиньи, полицейские и обыватели. Ходят медленно, имея вид существ, лишенных каких-либо намерений. Уличная жизнь очень развита. Обыватели бьют своих жен на тротуарах. Тихо здесь, славно».

Лишь один из местных жителей посещал жилище Горького. Это был священник, отец Федор Иванович Владимирский. Через несколько месяцев он сыграет важнейшую роль в судьбе нашего героя. Но об этом позже. Вообще отец Федор был личностью примечательной. Со времен Ивана Грозного арзамасцы пили гнилую воду из прудов. Отец Федор положил свою жизнь, чтобы в городе был построен водопровод. И добился. Благодаря ему жители Арзамаса получили чистойшую воду. Но заслуги отца Владимирского перед Арзамасом этим не ограничились. Его дети были революционерами. Одна из дочерей сидела в царской тюрьме, а сын в 20-х годах стал наркомом просвещения. И благодаря этому обстоятельству, благодаря заступничеству наркома, в городе не было уничтожено ни одной церкви. Арзамас избежал тра-

Залман (Зиновий) Моисеевич (Михайлович) Свердлов в юношеском возрасте. Он не учился нигде, что говорит, учитывая сделанную им карьеру, о тщете образования

гической участи многих русских городов, где бесчинствовали невежественные большевики, истребляя прекрасные храмы...

В столовой хлебосольного Горького в Арзамасе за

В свободное от революционной деятельности время Зиновий помогал семье Горького, его жене Екатерине Павловне. На снимке он с детьми Горького Максимом и Катей. 1901 г.

Первая жена Горького Екатерина Павловна Пешкова. Фотограф А.Карелин

столом всегда усаживалось немалое число людей, до 25 человек: семья, домочадцы, приживалы, друзья и гости. Писатель Скиталец, художник Савелий Сорин, отец Владимирский были как бы постоянными едоками. Сюда Алексей Максимович очень звал Чехова. Соблазнял его вкусными обедами, тем, что дом большой, и всякими прочими посулами. Очень хотел его здесь видеть. Но Чехов так и не выбрался. Однажды прикатил сам Владимир Иванович Немирович-Данченко, один из основателей Московского Художественного Общедоступного театра. Академическим театр станет в советское время. Незадолго до этого в МХТ с триумфом прошла премьера первой пьесы Горького «Мещане». И Владимир Иванович поспешил в Арзамас, чтобы получить

Семья Горького в арзамасской ссылке. Зиновий последовал за своим кумиром в «изгнание». Зиновий Свердлов и Максим Пешков (сын писателя) на крыльце арзамасского дома, где жила семья Алексея Максимовича

у молодого драматурга его новое произведение. В столовой состоялась читка пьесы «На дне». На этой читке присутствовал и Зиновий, который поразил Немировича-Данченко тем, что наизусть, с ходу, повторял какие-то куски, которые только что все слушали в чтении Горького. Владимир Иванович отметил, что у Зиновия есть способности, ему надобно бы стать актером. Подобные мысли мелькали и у самого Зиновия. Но поскольку он был, как говорили в те времена, иудейского вероисповедания, а нынче сказали бы «еврей», ему нельзя было учиться в школе МХТ, невозможно было

обустроиться в Москве. Тогда у кого-то из сидящих за столом возникла мысль: хорошо бы его крестить. Идею присутствующие одобрили, но вскоре об этом забыли. Все, кроме Зиновия.

В июле 1902 года царское правительство прекратило дело Горького. Он стал свободен. Уже в августе съездил в Москву, на репетиции пьесы «На дне», и вообще улаживал свои театральные и литературные дела. В начале сентября Алексей Максимович вернулся в Нижний Новгород и снял там квартиру. А Зиновий еще оставался в Арзамасе. Он разбирал книги в библиотеке, но, думаю, оставался здесь не только для этого.

В конце сентября, когда Зиновий был окрещен, Горького в Арзамасе не было. Крещение в Троицкой

церкви осуществил отец Федор Иванович Владимирский. Он был особым попом — либеральным. Думаю, поскольку он был свидетелем того, как родилась идея о переходе Зиновия Свердлова в православие, уговаривать его особенно не пришлось. Тем более, он испытывал симпатию к одаренному юноше. Сохранился потрясающий документ: метрическая книга Троицкой церкви г. Арзамаса, ветхая и дряхлая.

А вот и запись:

«30 сентября 1902 года было совершено таинство крещения в Троицкой церкви иудея Иешуа Залмана Мовшевича Свердлова. К почину православной церкви через таинство святого крещения и миропомазания приведен полоцкий мещанин иудейского происхождения, Иешуа Золомон Мовшев Свердлов, 19 лет от рождения, с присвоением, согласно желанию, отчества и фамилии восприемника, Алексей Пешков».

Горький не догадывался, что у него объявился девятнадцатилетний сыночек. Отчество «Алексеевич» и фамилию «Пешков» умница Зиновий взял самовольно и, прямо скажем, не промахнулся. Действительно, в самодержавной России быть не евреем, а русским было, мягко говоря, предпочтительнее. Еще лучше было стать сыном знаменитого писателя, а не провинциального гравера.

Тем не менее очевидно, что Горький отнесся к поступку Зиновия терпимо. А после и совсем свыкся и письма ему адресовал как Пешкову Зиновию Алексеевичу.

Вот, в частности, цитата из письма Алексея Максимова в Арзамас вскоре после возвращения из ссылки: «Если Зиновий еще в Арзамасе, просите его подождать бумаг из консистории. Они, несомненно, скоро придут...»

На основании письма из консистории Зиновий мог получить официальные документы о своей новой вере и перемене фамилии. Он получил эти документы и появился в Нижнем в конце ноября. Однако дело этим не кончилось. В той же самой метрической книге Троицкого собора я обнаружил еще одну поразитель-

Зиновий еще не знает, что всю последующую жизнь ему придется прожить как самозванцу 1907 г

год после того, как отец Федор крестил юношу. Изумляет факт: неужели всесильному русскому царю, самодержцу и прочая, прочая было дело до крещения еврейского паренька где-то в маленьком провинциальном городке? Невероятно. Я знал, что наши власти всегда относились очень внимательно как к национальным вопросам, так и к идеологическим. И ничего не пропускали мимо, даже такие, казалось бы, мелочи. Но в данном случае поражал высокий уровень вмешательства. Поразмыслив, я выстроил свою гипотезу. За всем этим, конечно, видны уши охранки. Зиновий был поднадзорным, как и его брат Яков, был замечен в политической, неблагонадежной деятельности. И дело это было организовано, несомненно, с подачи полиции. Скорее всего, царь подписал

ную запись: «Указ Его императорского величества самодержца Всероссийского, из нижегородской духовной консистории причта города Арзамаса Троицкой церкви. По указу Его императорского величества Нижегородская духовная консистория сим предписывает вам сделать исправление записи в метрической книге за 902 год под номером 7 о крещении еврея, Иешуа Золомона Мовшева Свердлова, уничтожить в ней присвоенную ему фамилию Пешкова и оставить за ним родовую фамилию Свердлов. Октября 18-го дня. 903 года».

Я не поверил своим глазам. Указ подписан через

этот указ в числе многих, не вникая в суть, не читая. Однако акт крещения был отменен монаршей волей. Но наш герой к этому времени был далеко и от Арзамаса, и от Нижнего Новгорода и вообще в скором времени намеревался покинуть Россию. Неизвестно, ведал ли он, что на самом деле он совсем не Пешков, а попросту самозванец. Если и ведал, то скрывал от всех. В общем, его дальнейшая жизнь протекала по фальшивым документам.

Произошло и другое... Его отец Моисей Израилевич, узнав обо всем, был невероятно оскорблен. Ведь старший сын отрекся от веры предков, от имени и фамилии отца, от семьи. Между родителем и Зиновием произошел разрыв. И Свердлов проклял сына. По еврейским преданиям, проклятие сына отцом — это не только слова. Проклятый лишается правой руки. И действительно, через тринадцать лет Зиновий лишился правой руки. Потерпите, дорогой читатель, расскажу и об этом.

Кстати, к вопросу о законности документов, а заодно и о потерянной правой руке. Вот письмо Максима Горького отцу Федору Владимировскому, писанное в 1915 году:

«Дорогой и уважаемый отец Федор.

Позвольте обеспокоить вас моей просьбой. Суть ее будет ясна вам из предложенного прошения Зиновия, вашего крестника. Ему, бедняге, отрезали руку правую по плечо, дали высшие воинские награды и пенсию около 1000 франков в год. Будьте добры, устройте необходимые для него документы. Документы можно послать прямо в Италию или на мое имя в Петроград. Кронверкский проспект, 23. Получили ли вы мое письмо в ответ на присланную вами брошюру о водопроводе? Всего вам хорошего, будьте здоровы, всей душой желаю вам.
Ваш А. Пешков».

(Кстати, отношения между Горьким и отцом Федором Владимировским поддерживались до 1932 года, до смерти отца Федора.)

Понимаете, как интересно? Значит, Зиновию в 1915 году во Франции понадобились документы, и я думаю,

благодаря отцу Федору, он их, в итоге, получил. Но обо всем этом мы можем только догадываться... Прежде чем наша съемочная группа вернется в Москву и заглянет во МХАТ (Зиновий некоторое

Отец Федор
Владимирский
крестил Зиновия
в Троицкой церкви
30 сентября
1902 г.

время подвизался там в качестве артиста), вернемся ненадолго в Нижний, в квартиру Горького, где тот поселился после арзамасской ссылки. Там сейчас музей, и говорят, все сохранилось, как при жизни классика. Так вот, когда открывалась новая экспозиция, то приехал чиновник из Москвы проверить, все ли в порядке. Это было еще в советские времена. Чиновник осматривал экспозицию и когда видел на фотографии изображение Зиновия, а таких было немало, произносил приговор: «Этого заретушировать».

Я показал телезрителям несколько групповых фотографий, на которых раньше присутствовал и Зиновий. Но сейчас его не было. Его как бы никогда не существовало. Он был заретуширован советской властью. Да так, что многие годы в нашей стране никто не знал о том, что живет на свете некий Зиновий Пешков. В запасниках музея мы отыскали неиспогащенные фотографии и показали их тоже. Историю с «заретушированием» рассказала мне свидетельница этой акции, директор музея Тамара Александровна Рыжова. В экспозиции мы нашли подарок Алексею Максимовичу от Зиновия и его сестры Софьи. Это охотничий рог. На нем надпись: «Дорогой Алексей Максимович! Вспоминайте иногда и нас. Зиновий и Софья. 1902 год, 10 ноября».

Этот экспонат висел под плакатом: «Буря! Скоро грянет буря!»

Очевидно, имелось в виду, что Горький накличет на Россию бурю. Это ему, кстати, удалось. С помощью большевиков и Ленина...

Итак, фальшивый Зиновий Алексеевич Пешков переехал в Москву и поступил в школу МХТ. В числе учеников он выступает на сцене статистом. Как бы у нас сейчас сказали, в массовке. Но, тем не менее,

М.Ф.Андреева,
М.Горький
и Зиновий (стоит
справа) в Америке
у Ниагарского
водопада. Я тоже там
был дважды, но их
уже, увы, не застал

фотографии Зиновия на сцене сохранились. Француженка Эдмонда Шарль Ру, последняя любовь нашего героя, рассказывает историю, которая произошла с ним в МХТ. Естественно, она знает этот случай со слов самого Пешкова. «Однажды вечером актер, игравший молодого сапожника с гармошкой в руках, не явился в театр. Горький попросил Зиновия сыграть эту роль с ходу. Тот хорошо знал пьесу и соответствовал роли по возрасту. Он сыграл великолепно. Когда Зиновий лег на землю и крикнул: «Я ничего не желаю и на все способен. Я улягусь спать посреди улицы, кто меня раздавит? Я ничего не желаю знать», — зал ответил овацией...» В живых, разумеется, не осталось ни одного свидетеля. Но вполне вероятно, что так и было.

Вообще-то после подобных историй обычно актеры сразу шли в гору. Им давали заметные роли, это было естественно для любого театра. Однако здесь этого почему-то не случилось. Короче, никакого следа в истории нашей театральной культуры Зиновий не оставил.

Пребывание Зиновия в МХТ было непродолжительным. И в 1904 году он уезжает на Американский континент. Биографы да и он сам объясняли это тем, что он не хотел воевать против Японии, не хотел участвовать в непопулярной войне.

Конечно, можно упрекнуть Зиновия в трусости. Но вся его дальнейшая жизнь храбреца и воина опровергает это.

В Канаде и Америке он, по сути, повторял в чем-то жизнь своего названного отца Алексея Максимовича Горького. Бродяжил, работал на разных фабриках, был грузчиком, кожевенником, официантом... Да кем только не был! Он регулярно писал Алексею Максимовичу. А тот ласково и дружелюбно отвечал ему.

Через год после подавления революции 1905 года Максим Горький вместе со второй женой Марией Федоровной Андреевой, актрисой МХТ и убежденной большевичкой, отправились в Америку.

У Горького имелось задание от Ленина — пропагандировать русскую революцию, собирать деньги в помощь русским революционерам.

Горький был всемирно известным писателем, и когда он приплыл в Нью-Йорк, его встретила армия репортеров. Сквозь толпу с трудом пробился молодой, курчавый черноволосый человек, которого Горький очень нежно обнял. Это был Зиновий.

Нежная встреча в порту не прошла мимо внимания репортеров. И на следующий день во всех газетах появились подробные заметки о том, как Горький встретился со своим приемным сыном.

В честь Горького устраивались шикарные обеды, его приглашали миллионеры, писатели, профсоюзные боссы, почитатели. Зиновий познакомился с Гербер-

том Уэллсом, Марком Твенom. Но скоро грянула гроза. Говорят, что она была инспирирована царской охранкой. Горький с Андреевой не были официально женаты. И появились газетные статьи,

Зиновий в Америке.
1907 г.

что Горький привез в Америку свою любовницу. Ханжеская, пуританская часть населения Соединенных Штатов возмутилась — пошли письма, статьи, заметки, листовки...

Горький вынужден был уехать и скрыться на границе Канады и Соединенных Штатов. Спрятался он в одной семье, где замечательно жил и работал. Писал роман «Мать», который стал за-

тем очень-очень знаменитым.

Зиновий ему помогал во всем. Он ездил за продуктами, улаживал его дела, был его агентом, секретарем, переводчиком, другом, сыном.

Закончив роман, Алексей Максимович уехал в Италию. А Зиновий задержался в Америке. И тут ему взбрела в голову шальная мысль: а не посетить ли Новую Зеландию? Жажда перемены мест росла в нем. Конечно, Зиновий был в душе авантюристом, искателем приключений. Он добрался до Новой Зеландии без копейки денег, нанимался матросом, кочегаром на пароходы. Работал и писал Алексею Максимовичу в Италию письма.

А вот что написал Горький в Новую Зеландию своему названому сыну (его, кстати, и сам Алексей Максимович, и близкие ему люди называли Зина):

«Зинка, не вешай носа! Жизнь прекрасная, обширная, всегда интересное явление. умей смотреть ее, умей войти в нее. Что пишу редко, не сердись, сынишка, очень некогда мне, очень рвут меня.»

Пришли из Зеландии что-нибудь, знакомящее с нею. Да ты пиши больше, сядь в свободный час и валяй. Так и научишься писать незаметно для себя. Ведь и я начинал с писем друзьям. Очень ты мне близок, знай»...

Такое письмо дорогого стоит...

У Зиновия Алексеевича явно было литературное дарование. Он писал очерки о своих путешествиях по Канаде, о бродяжничестве по Америке, писал заметки о Новой Зеландии. Очерки печатались, в прессе появились одобрительные рецензии.

Зиновий, несомненно, был талантливым человеком. И революционер, и библиотекарь, и литературный секретарь, и переводчик... И, как выяснилось, еще и журналист. Но это далеко не все. Многие его таланты проявятся в дальнейшей жизни...

После марш-броска в Новую Зеландию, где Зиновий несомненно удовлетворил свою страсть к приключениям и путешествиям, блудный сын приезжает на остров Капри, где обосновались Максим Горький и Мария Федоровна Андреева. Здесь прошел наиболее оседлый период его жизни. Зиновий провел на острове около четырех-пяти лет. Правда, с Капри он то уезжал работать в Милан на фабрику, то совершал путешествия по Италии, то бродяжил по этой прекрасной стране. Иногда они делали это вместе с Алексеем Максимовичем.

На Капри Зиновий вел все хозяйство Горького. Он заботился о быте, еде, о постельном белье, стал как бы мажордомом. Дом у Горького был открытый, приезжало огромное количество людей: писатели, художники, политические деятели.

Народу на вилле всегда вертелось много. Однажды в пригожий день на террасе сидело около 20 человек. И вдруг появилась поджарая фигура какого-то англичанина. Тот решил, что это кафе. Присел за столик и подозвал Марию Федоровну. Ему показалось (не без оснований), что именно она хозяйка заведения.

Мария Федоровна подошла. Он дал заказ приготовить яичницу, кофе, гренки. Артистка не растерялась

и приняла заказ, англичанину все это принесли. Он с большим аппетитом поел. А когда стал расплачиваться, ему сказали, куда он попал и в чьей семье находится. Англичанин дико сконфузился, а на следующ

После Америки, закончив роман «Мать», Горький переехал на остров Капри. Съездив в Новую Зеландию — посмотреть, Зиновий присоединился к семье писателя. «Отец» и «сын» за работой в саду на вилле Горького

ий день прислал Марии Федоровне огромный букет цветов с извинениями за бестактность. Но я отклонился от одной из важных тем, а именно от ярко выраженной «слабости» нашего героя к женскому полу. На Капри к нему приезжала молодая американка, с которой он познакомился в странствиях за океаном. Ее звали Грейс Латимор Джонс. Любовь была настолько пылкая, что Зиновий забросил свои хлопоты по хозяйству — еда не покупалась, белье не стиралось. Горький даже заметил как-то, что Зинка забыл его поздравить с днем рождения Максима, которого пестовал еще в арза-

масской ссылке. Пахло браком, но что-то распалось, и американка уехала не солоно хлебавши.

В мемуарах, в воспоминаниях, дневниках людей, которые окружали Горького, рассказывается и о других романах Зиновия. И даже о каком-то неудачном романе, но в это просто невозможно поверить.

Зиновий явно созрел для брака, и историческое событие произошло.

Вот что об этом пишет Алексей Максимович:

«Могу сообщить, Зиновий женится. В Специи у амфитеатра встретил девицу, дочь казачьего полковника Бураго. И в пять дней решили жениться. Мария Федоровна поехала смотреть невесту. Я очень люблю Зиновия, славный он парень. На редкость честный и прямой. Но вмешаться в дела, коих я сам не понимаю, не позволяю себе. Девушка хорошая, кажется, а что все это произошло столь скоропалительно и неожиданно, тоже может быть хорошо».

Дальше он опять пишет:

«Скоропалительно женился Зиновий на девице, вдвое длиннее его, дочери казацкого офицера по имени Лидия».

Население Капри изумительно отнеслось к свадьбе Зиновия. Он был, очевидно, всеобщим любимцем.

Вновь цитата из письма Горького:

«А у нас новость! Зиновий женился. Что делали каприйцы. и рассказать не могу. Чуть до слез не довели меня. старика. В воскресенье приходили поздравлять Зиновия все. И полицейские, и рыбаки, маркизы и крестьяне, всего 637 человек Хороший народ».

Зиновий обладал обаянием и широтой характера. Он был хорошим рассказчиком. И легко входил в контакт с самыми разными людьми. Это очень пригодилось ему впоследствии. Пользовался он доверием и любовью и многих друзей Алексея Максимовича.

Вот письмо Зиновия Ивану Алексеевичу Бунину:

«Дорогой. милый. ужасно хороший Иван Алексеевич Несказанно обрадован счастьем получить от вас книжку. Тысячу раз спасибо за память и за внимание. Очень лестно, дорого это нам. Говорю «нам» не зря. потому что жена моя восторженная ваша поклонница. Каждая строчка в «Деревне», каждая страница может дать тему небольшой повести. Так близки и драматичны черты, штрихи. так все содержательно. Удивительно люблю я вас, писателя. с таким волнением всегда читаю ваши стихи и прозу».

Первая официальная жена Зиновия, дочь полковника-казака Лидия Петровна Бурого

И так далее и так далее. Зиновий приглашает его приехать на Капри. В своем ответе Горькому Бунин растроганно благодарит молодых за теплое письмо. И просит передать Зиновию и Лидии самые добрые, прекрасные слова... Отгремела шумная, веселая, жизнерадостная свадьба. Начались будни. И тут выяснилось, что Мария Федоровна Андреева, жена Горького, и Лидия, жена Зиновия, не ладят друг с другом. И что волей-неволей им надо жить врозь.

Лидия и Зиновий вынуждены были уехать. Отношения между Горьким и Зиновием испортились. Эти семейные неурядицы не могли не сказаться и на Алексее Максимовиче. И вот что пишет Горький в одном из писем:

«Зиновий — хам. Слезы его — слезы виноватого. Вообще люди становятся все более жалкие, противные».

Из письма Горького в сентябре 1911 года:

«Зиновий, должно быть, уже уехал в Америку. Этот красивый паренек в последнее время вел себя по отношению ко мне удивительно по-хамски. И моя дружба с ним кончена. Очень грустно и тяжело».

Но тем не менее размолвка Горького и Зиновия была непродолжительна. И в 1913 году Зиновий снова появляется на Капри. К тому времени у Зиновия и Лидии родилась дочь Елизавета. Судьба Елизаветы сложилась трагически. В 30-х годах она вышла замуж в Риме за советского дипломата Маркова. Отслужив в Италии, Марков вернулся на родину. И там его арестовали и расстреляли. А Елизавета Пешкова провела около двад-

Дочь Зиновия и Лидии Елизавета по возвращении на родину провела в сталинских лагерях двадцать лет

цати лет в сталинских лагерях... Началась Первая мировая война. И Зиновий в 1914 году решил отправиться на фронт, защищать отечество. Но почему-то решил защищать Россию в войсках союзной Франции. Из Италии он переезжает в Ниццу и записывается добровольцем во французскую регулярную армию. Однако вскоре выясняется, что иностранец не имеет права воевать в регулярных французских частях (французы не доверяли иностранцам). И тогда Зиновий поступает в Иностранный легион. Там он проведет много лет жизни. В легионе служили русские, испанцы, англичане, швейцарцы, итальянцы, евреи, румыны и даже немцы.

Зиновий Пешков отправляется на войну. И вскоре, буквально через несколько месяцев, становится капитаном. Он проявляет чудеса личной храбрости. 9 мая 1915 года, когда он выскочил из окопа, поднимая роту в атаку, раздалась пулеметная очередь. И рука его упала безжизненно, как плеть. Атака удалась. Редуты были взяты, но уже без него. У Зиновия дико опухла раненая рука. И начались долгие мытарства в поисках медицинской помощи. Вплоть до того, что пришлось защищаться с оружием в руках, когда их высаживали из санитарного поезда. Их — это самого Зиновия и еще одного французского капитана. Наконец наш герой попал в американский госпиталь Нейи, в предместье Парижа.

Он, разумеется, не мог знать, что пятьдесят один год спустя в этом же госпитале завершится его земное существование.

Здесь к нему приходили корреспонденты, которые узнали, что сын Горького ранен. Здесь его навестил и Луначарский, с которым Зиновий Пешков (так

его называли французы) был отлично знаком. Вот некоторые выдержки из статьи Анатолия Васильевича Луначарского «У З.А.Пешкова». Она была опубликована в газете «Киевская мысль» 7 июня 1915 года.

«Меня провожают на широкую веранду, сейчас же ко мне подходит Зиновий Алексеевич, протягивает левую руку. Несмотря на зиму, проведенную в траншеях, несмотря на операцию, сделанную всего неделю тому назад, несмотря на потерю руки до плеча, Пешков мало изменился. Как шесть лет назад ему давали 20 лет, так и теперь на вид — это совсем молодой человек, молодой солдатик»...

Луначарский цитирует рассказ самого Зиновия о том, как он был ранен:

«Мы вскакиваем из-за «кулис». Я делаю командное движение ружьем «эн авант». И в то же мгновение раздается треск пулеметов, и моя рука падает, как плеть. Меня самого что-то толкает, и я лечу на землю. Вся атака была проведена молодецки. В полтора часа мы взяли три линии и несколько сот пленных. Но это все уже произошло без меня.

Я чувствовал, что не могу подняться, имея на себе 250 патронов, тяжелую сумку, фляжку с водой, бинокль и прочее. Наши убежали вперед, а я копошусь в земле».

В госпитале медицинская сестра, взглянув на Зиновия, когда его только что привезли, сказала по-английски:

— Этот умрет.

Зиновий открыл глаза и ответил на том же языке:

— Надеюсь, не совсем.

Он оказался прав. Дело кончилось тем, что у него отняли руку. Как тут не вспомнить отцовское проклятье и еврейское предание!

В госпитале Пешков дал интервью французскому журналисту. В частности, он бросил фразу, от которой журналист не скоро пришел в себя. Зиновий сказал:

— Вас это, может, и удивит, но я вам скажу, атака — приятная вещь! Жаль только, что пришлось скоро

уходить. Стоило для этого прожить семь месяцев в траншеях.

Упоение в бою человека до сей поры штатского, который никогда не готовился к военному поприщу, оказалось, как выяснилось, его призванием. Ибо потом он стал профессиональным военным и дослужился в итоге до четырехзвездного генерала Французской Республики.

Григорий Алексеенский писал в письме к Горькому о своем посещении Зиновия Пешкова:

«Сегодня я был у него в госпитале, хочу сообщить вам результаты своего визита к нему, так как, возможно, обеспокоитесь о нем, узнав, что он ранен. Выздоровление идет быстро и хорошо. Зиновий Алексеевич уже встает с кровати, гуляя по госпиталю и вне его. Учится писать левой рукой. Самочувствие прекрасное, очень бодр, выглядит чудесно».

Через несколько дней Зиновий Алексеевич сам отправил письмо своему названому отцу, где рассказал о случившемся.

Горький в одном из писем Екатерине Павловне Пешковой сообщает:

«...сегодня получили письмо от Зиновия, которое он написал левой рукой...»

В августе 1915 года маршал Жоффр подписывает приказ о награждении Пешкова Боевым крестом с пальмовой ветвью. Зиновий уходит в отставку в чине лейтенанта.

И Горький пишет в письме:

«А Зиновий-то произведен в лейтенанты. Командирован Францией в Америку и получает 40 долларов в день. У него роман с графиней Черник, женой Сараевского консула. Того, который способствовал австрийскому заговору против Сербии».

Вообще-то после письма Алексеенского Алексей Максимович взбесился. Он не понимал, зачем Зиновий от-

правился на войну. Горький был против этой войны. И почему нужно было отправляться в окопы и сражаться за Францию? Ему казалось это все бессмысленным. Но он в очередной раз скоро отошел и перевел Зиновию 200 франков. Классик был вспыльчив, но отходчив.

Париж, 1915 г.
На веранде
американского
госпиталя в Нейи
после ампутации
руки.
В интервью
французскому
журналисту Зиновий
сказал: «Атака —
приятная вещь!»

Тем не менее, он не забыл участия своего приемного сына в войне. Когда в 1917 году летом Зиновий Алексеевич приехал в революционную Россию, Алексей Максимович подарил ему свою повесть «Детство», которая была только что издана. И надписал книжку так: «Духовному сыну моему, заслу-

женному шовинисту Зиновию Пешкову. М. Горький. Несчастный отец. 25 июля 1917 года. Петроград».

После выхода из госпиталя лейтенант Пешков демобилизован. Он возвращается в Италию. Но, как это бывало не только с ним одним, жена не дождалась — нашла себе другого. Последовал развод. Вообще казалось, что жизнь кончена. Инвалид, лишенный правой руки. Человек без семьи. Эмигрант. Лицо без определенной профессии. Да и возраст уже около тридцати двух лет.

Первое время Зиновий Алексеевич не мог найти себе места. А потом ему предложили выступить с лекциями о военных действиях во Франции. От безвыходности он принял предложение и постепенно приобрел навык лектора. Несомненно, человек он был очень одаренный. Заработав деньги, Зиновий возвращается во Францию, а там уже известно о его замечательных лекторских способностях. Пешкова командируют в Америку. Он совершает турне по Соединенным Штатам, читая лекции о войне. Задание, данное ему военным министерством Франции, было таково: он должен способствовать росту профранцузских настроений. В его задачу входило подготовить общественное мнение Америки к ее участию в войне.

Пешков заработал 70 тысяч долларов и все эти деньги передал госпиталю в Нейи, где ему ампутировали руку.

Под занавес, как известно, США вступили в войну, но вряд ли это произошло потому, что Пешков уговорил американское общество.

А потом, в 1917 году, его награждают орденом Почетного легиона. И посылают представителем военного министерства Франции в Россию. В июне 17-го года он попадает в Петроград. Говорят, что на квартире Горького в Питере произошла единственная встреча Зиновия с братом, с Яковом Михайловичем. Так ли это было или не так — никто не знает. И о чем говорили между собой братья, если, конечно, встречались, — тоже неизвестно. Во всяком случае годы с 1917-го по 1921-й были в жизни Зиновия очень пестрыми: много приключений, много поездок. После своей первой военной миссии в России

Тем временем в России случилась революция. Родной брат Зиновия Яков стал одним из ее вождей. Судьба развела братьев по разные стороны баррикады

он отправляется в Румынию, далее снова в Америку. Затем он в Англии, Японии, Китае. Попадает в Сибирь представителем французской ставки при Колчаке. Его непосредственный начальник французский генерал де Мартель был женат на очаровательной женщине. Зиновий Алексеевич, естественно, не упустил этого обстоятельства. А в 20-м году он вместе с генералом Мартелем и его очаровательной женой оказывается в Грузии.

И здесь наш ловелас встречает Саломею Николаевну Андроникову. Начинается очередное (из известных нам) любовное приключение. Это была легендарная красавица начала века, дочка грузинского аристократа Андроникова и внучатая племянница поэта Плещеева, наполовину грузинка, наполовину русская.

В начале века она приехала в Петербург и вскружила голову множеству мужчин. Ее воспевал Мандельштам, с ней дружили Ахматова и Цветаева, ее рисовал Петров-Водкин.

В 1940 году Анна Андреевна Ахматова вспомнила Саломею в стихотворении «Тень». Стихотворению предпослан эпиграф из О.Мандельштама.

*Что знает женщина одна
О смертном часе?*

*Всегда нарядней всех, всех розовой и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стеклами карет?
Как спорили тогда — ты ангел или птица!
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь черные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.
О Тень! Прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя — красавицу тринадцатого года —
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили... А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу. О Тень!*

9 августа 1940 г. Вечером.

А Тень, между прочим, припеваючи жила в это время — в 1940 году — в Лондоне. Она была женой процветающего адвоката Гальперна.

Незадолго до смерти Ахматовой после долгой разлуки подруги встретились в Лондоне. Им было что вспомнить, о чем поговорить...

Итак, роман с Саломеей Николаевной в разгаре.

Но тут Зиновия отзывают во Францию. Он заявляется к возлюбленной и предлагает увезти ее в Париж.

— Ты купишь там несколько шляпок!

— Когда надо ехать? — спрашивает влюбленная в него женщина.

— Сейчас!

И они мчатся в Батуми. Там перебираются на французскую канонерку. И галантный француз-капитан

уступает Саломее Николаевне свою каюту. В Константинополе они пересаживаются в Восточный экспресс, пересекающий Европу, позднее воспетый Агатой Кристи в ее знаменитом романе. Но в Болгарии Анд-

Красавица Саломея Андроникова вскружила головы многим. Портрет работы Зинаиды Серебряковой

роникову высаживают — у нее нет болгарской визы. Напрасно Пешков пускает в ход свое обаяние, объясняет, что они проездом во Францию, обещает, что Саломея Николаевна не будет выходить из поезда. Ничего не помогает. Тогда Зиновий берет ее паспорт и бежит в почтовое отделение. Он хочет дать телеграмму, чтоб из Франции помогли. Но вдруг видит печать, которая свободно лежит на столе. Он шлепает в паспорт эту самую болгарскую печать почтового районного отделения. И потом показывает его пограничнику.

— Вот, — говорит Пешков, — болгарская виза.

Так они добираются до Парижа. Саломея Николаевна была очарована Зиновием. Она вспоминала,

что отказать ему было невозможно. Он был, по ее мнению, упоительно хорош.

«Стоило ему только открыть рот, — считала она, — как ни одна женщина не могла бы устоять перед ним».

Но счастью любовников помешала война. Снова Зиновий Алексеевич в строю. Его посылают с тем же генералом Мартелем на броненосце «Прованс» в Крым в войска генерала Врангеля. Однако Врангель терпит поражение, врангелевская армия бежит. И Зиновий Алексеевич помог спастись многим офицерам представителям знатных дворянских фамилий. Окончательно перейдя к белым, он помогал им уплыть на французском броненосце прочь от берегов Крыма, от берегов родины.

Не могу не привести здесь гениальное стихотворение Николая Тuroверова, замечательного русского поэта, стихи которого наконец-то пришли к нам из эмиграции. К сожалению, уже после смерти поэта.

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела вдруг вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.*

Навсегда покинул Россию и Зиновий. Ему было 37 лет. Половина жизни прошла. Начинаясь вторая половина. Его ждали удивительная карьера, новые похождения, прекрасные женщины.

Предоставим слово одному из участников передачи о Зиновии Пешкове — Николаю Васильевичу Вырубову. Николай Васильевич — достойный представитель старинного дворянского рода. Кстати, его бабушка была одновременно племянницей и Ивана Тургенева, и Афанасия Фета. И после смерти этих писателей унаследовала их имения, в том числе знаменитое Спасское-Лутовиново.

Его отец, Василий Вырубов, — министр внутренних дел Временного правительства, где премьером был князь Львов.

Сам Николай Васильевич вступил в армию де Голля солдатом. Воевал в Италии против немцев, был дважды ранен. Де Голль наградил его самой высокой наградой («тираж» этого ордена — одна тысяча эк-

земляров) — Крестом Освобождения. Среди награжденных им офицеров и солдат (их фамилии высечены на мраморной доске в Доме Инвалидов) Эйзенхауэр, Черчилль, а также и унтер-офицер Николай Вырубов.

Николай Вырубов

Мой отец познакомился с Пешковым при штабе Врангеля. Отец после революции вместе с князем Львовым состоял в Комитете русской эмиграции в Париже и налаживал отношения между русским Парижем и Врангелем.

Эльдар Рязанов

Николай Васильевич, а вы не знаете, встречался ли Пешков после революции, в восемнадцатом году, со своим братом Яковом?

Николай Вырубов:

Не могу сказать. Я единственное помню, что Пешков попросил у моего отца, когда они пересеклись в ставке Врангеля, устроить ему телефонный разговор с братом Яковом. Это был восемнадцатый — девятнадцатый год.

Эльдар Рязанов

И состоялся этот разговор?

Николай Вырубов:

Отец мне рассказывал, что находился рядом, когда Пешков разговаривал по телефону со своим братом.

Эльдар Рязанов:

А о чем разговор, отец не помнил?

Николай Вырубов:

Мне кажется, Яков старался уговорить своего старшего брата вернуться в Россию...

Поверить в это мелодраматическое обстоятельство, конечно, хотелось бы, но уж очень были слабы доказательства. Тем более, в 1919 году Яков Свердлов заболел и умер. А сведения об этом разговоре были все-таки не из первых рук...

Я продолжал спрашивать Николая Васильевича.

Эльдар Рязанов:

А что вы знаете о его работе в качестве представителя Франции при штабе Колчака, в Закавказье, в ставке Врангеля?

Николай Вырубов

В России говорили, что Пешков был французским советником белого движения. Это преувеличение. Он был просто секретарем мсье де Мартеля. Переводчиком и секретарем. И поэтому, когда Мартеля фран-

цузское правительство переслало из Баку к Врангелю как представителя при белом движении, то, конечно, мсье де Мартель взял с собой и Пешкова как переводчика и помощника... После, когда Пешков вернулся в Париж, мой отец его встречал довольно часто. Они любили вместе выпить, покутить, поговорить о том о сем. Не могу сказать, что они были друзьями, но оба любили жить немножко напоказ. Пешков был не как его брат, тот был человек убеждений. А Пешков был человек увлечений. Побывав в Канаде, Америке, Австралии, выехав из России в девятьсот пятом году, повидав весь западный мир, он уже не особенно рвался на революционную работу, которую вел когда-то вместе с братом Яковом. У него уже были иные понятия о жизни.

Эльдар Рязанов:
Николай Вырубов:

Как вам кажется, он был авантюрист?

Слово авантюрист в русском языке имеет всегда какой-то отрицательный оттенок. А во французском это слово имеет несколько граней. Если человек предпринимает что-то рискованное с одной целью — чтобы от этого получить прибыль, какой-то доход, состояние, то это авантюрист в плохом смысле. А в хорошем смысле авантюрист — это человек, который бросается в совершенно неизвестные жизненные опыты. И надеется, что в них найдет удовлетворение. Пешков, конечно, был авантюрист в жизни. Но не только. Главное, он любил быть на первом месте.

Эльдар Рязанов:
Николай Вырубов:

То есть был честолюбив?

Да. Он должен был всегда быть впереди. Но в жизни выдвинуться бывает легче, чем остаться на первом положении. Это гораздо труднее. И вот здесь было громадное преимущество Пешкова. Он умел всю свою жизнь оставаться заметным. Он как бы создал свой персонаж.

Эльдар Рязанов:
Николай Вырубов:

В чем это выражалось?

Во-первых, никогда в жизни не давал понять, что он — брат Якова Свердловла.

Эльдар Рязанов:
Николай Вырубов:

Он это скрывал?

Да. И скрывал всю свою жизнь, что он — еврей.

Эльдар Рязанов:

А то, что он приемный сын Горького, скрывал или нет?

Наоборот. Французское общество и интеллектуальная элита всегда увлекались «левым». И Горький для них был герой. А значит, и приемный сын Горького представлял для общества интерес. Я не хочу входить в детали, насколько он юридически приемный или приемный. Он себя подавал как «приемный сын Горького».

По возвращении из России в двадцать первом году Зиновий Алексеевич служит в Военном министерстве Франции. Но штабная канцелярская работа ему не по нутру. И Пешков решает вернуться в Иностраннный легион.

Надо сказать, что Иностраннный легион состоит из наемников. О них существует два мнения. Одно — они герои, другое — бандиты. Наемные части существовали и в Египте, и у Александра Македонского, и в Древнем Риме, и в средние века.

Из литературы, истории мы знаем, что наемники — самые страшные войска. Когда они входили в город, то не щадили мирное население, грабили, убивали, насиловали. Как правило, это были люди без рода, без племени, без чести и стыда.

Вот высказывание Ильи Эренбурга, который сам мечтал стать легионером, но не был принят по состоянию здоровья: «Иностраннный легион до войны состоял из разноплеменных преступников, которые, поступая в него, меняли свое имя. Отбыв военную службу, они становились полноправными гражданами Франции. Легионеров отправляли обычно в колонию, усмирять мятежников. Понятно, какие нравы царили в легионе...»

Русский писатель Виктор Финк, который был легионером, писал о том, что это сборище преступников. Во время атаки легионеры расправлялись с неугодными офицерами. Нормой были зверские убийства военнопленных. Объяснить возвращение Зиновия Алексеевича именно в эту воинскую часть весьма затруднительно. Невольно вспоминается его интервью про «упоение в бою».

Наш герой вернулся в Иностраннный легион как раз в то самое время, когда Франция начинает свою очередную колониальную войну. На этот раз в Марокко, где североафриканские племена под предводительством Абд Эль Карима подняли освободительное восстание.

Портрет работы художника В.И.Шухаева. 1925 г. Зиновий ранен в африканской войне. Теперь он не только однорукий, но и хромой. Он пишет книгу «Звуки горна. Жизнь в Иностранном легионе»

Была организована Рифская республика. Но мятеж был потоплен в крови. Республика прекратила свое существование.

Недавний социал-демократ, революционер, стоявший на интернациональных позициях, принял участие в войне, которая подавляла свободу и независимость североафриканских племен. Встал на сторону карателей.

Хочу еще привести стихи Николая Туроверова, который тоже пять

лет был легионером. У меня нет сведений об отношениях между замечательным поэтом и грандиозным авантюристом. Но мнится, они были знакомы: однополчане по легиону, оба из России, да и русская колония в Париже, где они проживали, не могла не свести их. Туроверов — казак, бежавший из Крыма с армией Врангеля, — навсегда сохранил нежную любовь к России. Он не был перевертышем, ибо с самого начала выступал на стороне белой армии.

Посвящается стихотворение князю Н.Н.Оболенскому. (Кстати, многие годы спустя легионер З.А.Пешков и священник Н.Н.Оболенский будут лежать под одной могильной плитой на кладбище Сен-Женевьев-Де-Буа.)

*Нам все равно, в какой стране
Сметать народное восстанье,
И нет в других, как нет во мне,
Ни жалости, ни состраданья.*

*Вести учет: в каком году —
Для нас ненужная обуза;
И вот в пустыне, как в аду,
Идем на возмущенных друзов.
Семнадцативековый срок
Прошел, не торопясь, по миру;
Все так же небо и песок
Глядят беспечно на Пальмиру
Среди разрушенных колонн.
Но уцелевшие колонны,
Наш Иностраннный легион —
Наследник римских легионов.*

...Делая телепередачу о Зиновии Пешкове, было невозможно не побывать в Иностранном легионе. Очень хотелось понять, почему Зиновий снова возвратился туда. Все-таки что же это такое — легион: прибежище для преступников, скрывающих нечистое прошлое? Или просто сборище головорезов и мародеров? Или же приют для вояк, которым некуда деваться в мирное время: ведь ничего, кроме как убивать, они не умеют?

Но тогда почему все парады Франции в Париже на Елисейских полях открывают именно «белые кепи» — легионеры?

Однако проникнуть в Иностраннный легион — все равно, что разведчику КГБ просочиться в ЦРУ или наоборот.

Тем не менее, наши долгие попытки, письма, просьбы, обращения в Военное министерство Франции и наше непреодолимое желание помогли нам обрушить преграды. И наконец мы получаем разрешение и едем в «логово».

Неподалеку от Марселя, в местечке Обань, расположен генеральный штаб Иностранного легиона.

Мы оказались первой русской съемочной группой (и пока последней), которой удалось посетить эту загадочную воинскую часть. Думаю, поэтому мне придется сделать отступление и рассказать о легионе подробнее.

На плацу перед зданием генерального штаба обелиск, на котором высечен девиз легиона: «Честь и верность». Тут же памятник, который легион воздвиг своим воинам, погибшим за 170 лет — время его существования. А погибло их 35000 человек. Первое интервью у полковника Агара я беру в офицерской столовой, куда нашу группу пригласили гостеприимные командиры.

Полковник Агар:

Иностраннный легион в его современном виде был создан королем Луи-Филиппом в тысяча восемьсот тридцать первом году. Он берет свое начало от иностранных войск, которые всегда, с незапамятных времен, служили Франции.

Главный принцип Иностранного легиона — он состоит из иностранцев. Французы, если вступают в него, тоже становятся иностранцами. Легион создан в основном для того, чтобы служить за пределами французской метрополии.

Эльдар Рязанов:

Значит, француз может стать легионером?

Полковник Агар:

Только под другой национальностью. Философия Иностранного легиона состоит в том, что это — семья. Мы хотим создать новую семью для людей, которые по каким угодно причинам покинули свою среду и хотят заново начать жизнь. Иностраннный легион дает такую возможность иностранцам, приезжающим во Францию, ведь Франция всегда была традиционно гостеприимной.

Я искренне хвалю обед: вкусно.

Эльдар Рязанов:

Скажите, пожалуйста, дорогой полковник, а вот что едят рядовые легионеры, а не офицеры?

Полковник Агар:

Легионеры едят то же самое, что и мы. Единственная разница — они стоят в очереди и берут еду на подносы. Они предпочитают пить «кока-колу». Но могут пить и вино. Кстати, это вино делают бывшие легионеры, отставники.

Эльдар Рязанов:

На территории части я видел много международных телефонов-автоматов...

- Полковник Агар:** Солдаты всегда могут позвонить в любую точку земного шара, на родину, где живут их семьи...
- Эльдар Рязанов:** Как много национальностей в Иностранном легионе?
- Полковник Агар:** На настоящий момент более ста двадцати национальностей.
- Эльдар Рязанов:** Я заметил среди легионеров представителей и черной расы, и желтой, и белой. Конфликты на почве расизма бывают?
- Полковник Агар:** Не может быть никаких проявлений расизма. Трудная служба быстро спланивает людей. И это сразу уничтожает клише расизма. Помимо разных рас, у нас еще и люди разных религий. И этих проблем у нас тоже нет.
- Эльдар Рязанов:** У меня такое ощущение, что вы рассказываете не об армии, а о монастыре.
- Полковник Агар:** Да, легион в какой-то степени монастырь. Сюда приходят по достаточно веским причинам. Случайные сюда не попадают. А если и попадают, быстро уходят. Солидарность и семейный дух — это традиции нашей воинской части.
- Эльдар Рязанов:** Когда вы принимаете новобранца, в какой степени вы интересуетесь его прошлым? Кто он? Что совершил? Хотя бы для того, чтобы воздействовать на него. Или, грубо говоря, держать на крючке.
- Полковник Агар:** Когда легионер приходит наниматься, ему задают вопросы. Вопросы рассчитаны на доверие. Контракт ведь пятилетний. Если мы не доверяем, то новичка не возьмем. На настоящий момент берем одного кандидата из восьми.
- Эльдар Рязанов:** Экзаменаторы должны быть очень опытными психологами...
- Полковник Агар:** Отбор кандидатов в легионеры происходит здесь, в Обани, в течение трех недель. За три недели кандидат полностью проверяется с медицинской точки зрения. Затем его тестируют психологически. Есть специальные люди, которые этим занимаются. И конечно, кандидата изучают более тщательно, если нам кажется, что данный претендент пытается скрыть что-то из своего прошлого.
- Эльдар Рязанов:** Прибегаете вы, в частности, к услугам «Интерпола»?

Полковник Агар: Мы связаны с полицейскими службами во всем мире. Для того, чтобы не брать преступников, людей, которые ответственны за кровавые или социальные преступления. Или тех, которые имеют связи с наркомафией...

Далее я выяснил, что в течение шести месяцев новобранец может добровольно уйти. Что наказания для солдат существуют такие же, как во французской армии. Что если военные действия направлены против какой-то страны, то легионеры этой национальности имеют выбор: или покинуть легион, или попроситься на другую работу в другое место, или же принять участие в боях против своей страны. Что приказ командира — главное. А религия, национальность и т.д. — уже потом.

Полковник Агар: В легионе царит атмосфера спайки, братства, взаимовыручки. Многие легионеры в отставке считают время службы здесь лучшими годами жизни.

Эльдар Рязанов Почему? Сближает совместно пролитая кровь?

Полковник Агар Приведу вам один пример: главный легионерский праздник — Рождество. Вообще Рождество — праздник семейный. Однако все офицеры празднуют его здесь, с легионерами. У меня есть семья, но она меня не видит в Рождество. Думаю, совместные усилия, переживания, сложные и острые эмоции, приключения, пролитая кровь — все это, конечно же, способствует возникновению сильной и крепкой дружбы, настоящей солидарности.

Я расспрашивал о русских легионерах, и полковник дал им самую лестную характеристику, приводя примеры и называя фамилии. Я попросил вспомнить какой-нибудь забавный случай из жизни легионеров.

Полковник Агар: Есть анекдот, который я вам расскажу. В двадцать пятом году генерал Роле был инспектором Иностранного легиона. Он принимал смотр одного из полков. Ге-

нерал спрашивает у рядового легионера, что тот делал до войны.

— Я был майором русской армии, мой генерал.

Он спрашивает следующего. Тот отвечает:

— Я был капитаном русской армии.

Третий говорит:

— Я был полковником русской армии.

И наконец генерал Роле спрашивает последнего легионера, тоже рядового. И слышит в ответ:

— Я был генералом русской армии, мой генерал.

И все эти люди составляли мой штаб.

Эльдар Рязанов: И какую карьеру сделал этот русский генерал в Иностранном легионе?

Полковник Агар: Он был уже в возрасте. И поэтому завершил свою карьеру лейтенантом.

Эльдар Рязанов: Значит, генерал русской армии равен лейтенанту Иностранного легиона?

Полковник Агар: (смутившись) Это совсем не то, что я хотел сказать. Но понимаю, в этом есть некий парадокс...

В музее легиона я беседовал с его директором, полковником Брюно. Наш разговор протекал у специального стенда, посвященного Зиновию Пешкову.

На стенде демонстрировались фотографии Пешкова, его оружие, награды, батальные картины, изображающие битвы, в которых он принимал участие. Легионеры называли его «великолепная рука».

Эльдар Рязанов: Проявлял ли Пешков в Первой мировой войне личную храбрость? Или его рана, из-за которой он лишился руки, была обыкновенной раной новобранца? Только не героизируйте его, говорите правду, как это было...

Полковник Брюно: Легионер Пешков был отмечен за свое огромное мужество и агрессивность во время боевых действий. Он был обыкновенным рекрутом, как и все остальные. И вскоре получил военную медаль. Во французской армии эту награду дают за выдающееся проявление личной храбрости. И он получил ее потому, что доказал свое мужество. Кстати, этой медалью награждаются только нижние чины.

Эльдар Рязанов: Среди его наград есть ленточка ордена Святого Георгия, который давало царское правительство рядовым за храбрость. Откуда она у Пешкова? Он же не воевал в русской армии. Вы знаете что-нибудь об этом?

Однако ответ полковника Брюно оказался мало-вразумительным. Он пытался объяснить, что после ранения Зиновий попал под командование генерала Фоша и там за дипломатические заслуги, связанные с Россией, был награжден Святым Георгием. А этот орден давали за мужество в сражении и только рядовым. Каюсь, невольно приходят в голову нехорошие мысли: мол, купил у какого-то бедолаги-эмигранта и включил в свою орденскую коллекцию.

Эльдар Рязанов: Когда в двадцать первом году Пешков вернулся в легион, то в каком чине и чем командовал?

Полковник Брюно: В этот момент он был еще капитаном. Командует сначала подразделением в третьем батальоне Четвертого иностранного полка. Затем он командир третьего батальона. Доблестно участвует в войне в Марокко. В бою был снова ранен...

И наконец короткая беседа с командиром легиона генералом Лафли.

Эльдар Рязанов: Это правда, что Иностраннный легион посылают в самые опасные места, в самые трудные, самые горячие точки?

Генерал Лафли: Да, это правда. За сто семьдесят лет нашей истории мы всегда умели доказать свое мужество. Такое мужество, чтобы идти вперед, вплоть до смерти. Но кроме того, откровенно говоря, для французского правительства проще использовать иностранные войска. Я хочу объяснить. Проще по отношению к прессе, по отношению к общественному мнению. Легче объяснить гибель иностранца, чем гибель солдата — француза по крови.

Эльдар Рязанов: Понятно. У нас во время войны было такое страшное правило: в самые опасные места посылали штрафные

батальоны. То есть людей из концлагерей, из тюрем. Они шли в лобовую атаку на немцев. Командованию было не жалко, если они погибнут. Это цинично, но, к сожалению, так было. Нет ли здесь сходства с Иностраннным легионом?

Генерал Лафли: Нет. Я отвечаю — нет. Легионер является французским солдатом. У него есть те же обязанности и те же права. Мы не говорим: атакуйте до смерти. Мы говорим: атакуйте до победы. Да, у нас есть потери. Но мы атакуем до победы.

Эльдар Рязанов: А французское общество, французский народ гордятся Иностраннным легионом?

Генерал Лафли: Очень гордятся. Когда вы смотрите парад Четырнадцатого июля в Париже, то больше всего всегда аплодируют Иностранному легиону.

Эльдар Рязанов: Почему? Хорошо маршируют?

Генерал Лафли: Потому, что это лучшие солдаты.

Эльдар Рязанов: А если говорить более серьезно?

Генерал Лафли: Я думаю, это французская традиция. Со времен Французской революции наша страна всегда была символом свободы и открытости для иностранцев. Кстати, из легиона вышло много знаменитых людей. И политиков, и людей искусства, и дипломатов. В частности, к ним относится и Пешков.

Эльдар Рязанов: Чем вы объясните их успех?

Генерал Лафли: Личная ситуация привела их к тому, что они вступили в Иностраннный легион. И каждый из них честно выполнял свой долг. И если они преуспели потом, может, в этом есть и некоторая заслуга Иностранного легиона. Ибо здесь научились солидарности, дружбе, товариществу, чести и мужеству. А что касается Пешкова... Это человек необыкновенной судьбы. Он родился в такую эпоху, которая позволила ему проявить себя. Пережил огромные события, переворот всего мира. У нас он сделал карьеру офицера, и эта карьера была замечательной.

Не будем оспаривать патриотические высказывания легионеров. Примем к сведению их мнение. Конечно, в легионе мы узнали значительно больше, чем

На этом снимке запечатлены (слева направо) Лиза — дочь Зиновия, Горький, его два сына — приемный и родной, дочка Максима Марфинька. Сорренто. 1927 г.

«Мне следует воздать должное известному величию этих людей, по случаю ставших солдатами, этим кочующим труженикам, которые под солнцем Африки выполняют множественные и трудные задачи. Они могли бы сказать о себе как солдаты Рима: мы идем, и дороги следуют за нами.

В интервалах между боями где едва намечались тропинки, они прокладывают дороги, которые открывают аборигенам их собственную страну. Всегда воины и по очереди саперы, землекопы, каменщики, плотники. Они пионеры, работа и жертвы которых позволяют другим людям жить счастливо и мирно в самых отдаленных местах.

Могилы этих неизвестных героев затеряны в пустыне или в горах. Их имена на деревянных крестах стирает солнце и уносит ветер. Никто не узнает, какими были люди покоящиеся там. И никто не склонится над их могилами»...

Абсолютная апологетика и полное приятие этого сурового воинского братства. От этих строк очень пахнет Кипплингом. В книге Пешкова есть один трога-

я рассказал здесь. Но наша задача — это повесть о Зиновии Пешкове. Итак, в 1925 году Зиновий снова ранен. На этот раз в ногу. Теперь он не только однорукий, но и хромой. И в госпитале в Рабате, и после излечения, во время поездок в Сорренто к Алексею Максимовичу, Зиновий Пешков работает над книгой.

В 1926 году сначала в Англии, а затем и во Франции вышла его книга, которая называется «Звуки горна. Жизнь в Иностранном легионе». Надо заметить, что эта книга посвящена княгине Жак де Броглио.

Ясно, что просто так наш герой вряд ли бы посвятил книгу женщине. Думаю, у бравого вояки имелись для этого серьезные основания.

Вот несколько строк из предисловия автора к книге «Звуки горна...»:

У Горького в Сорренто. На этот раз Зиновий приехал из Северной Африки, где снимался боевик по его книге «Звуки горна»

тельный эпизод. Бывший преступник по имени Латур, выпив, разоткровенничался с автором, а потом захотел его убить. Но автору (Пешкову) удалось спастись. И он наказывает своего потенциального убийцу. Но наказывает легко, не отдает под суд, чего тот заслуживал. И после этого солдат исправляется и становится образцовым легионером.

Настоящая рождественская сказка! Хотя Пешков и не жил в Советском Союзе, это написано абсолютно в стиле фальшивого социалистического реализма... По своей книге Зиновий Алексеевич написал киносценарий. В Голливуде был поставлен художественный фильм. Его снимали в Северной Африке. И в съемках принимал участие автор сценария. Кстати, когда Пешков после ранения лежал в госпитале в Рабате, Франция наградила его еще одним военным крестом...

В это же время, в 26-м—27-м годах, Зиновий часто ездил в Сорренто, где живет Горький со своей семьей. Там продолжается жизнь, полная гостеприимства, за-

В.И. Ленин и А.А. Богданов играют в шахматы на вилле Горького на Капри. Между Алексеем Максимовичем и Н.Б. Богдановой — пустота. На самом деле на оригинале снимка было лицо Зиновия. Его стерли, так как для Советского Союза этого человека не существовало

бав, веселья, издается шуточный журнал, который называется «Соррентийская правда». Он выходил под девизом «Долой профессионалов, дорогу дилетантам». Ставились спектакли, в которых вместе с гостями принимает активное участие Зиновий. Он весел, рассказывает всякие уморительные истории о войне в Африке. Об этом Алексей Максимович неоднократно упоминает в своих письмах... В 1928 году Горький возвращается в Советский Союз, откуда больше никогда не выедет.

Между названным отцом и приемным сыном продолжается переписка. Но они уже никогда не увидятся друг с другом. Однако наш рассказ не о жизни Алексея Максимовича. Последуем за нашим героем, за Зиновием.

В 1930 году Пешкова назначают военным комендантом в Сирии и Ливане. Его деятельность — на стыке военной и дипломатической. Он мирит между собой враждующие арабские племена. Естественно, он прекрасно знает и арабский язык. А в 1933 году Зиновий второй раз женится официально. Его вторая жена — графиня Комбетт де Комон, дочка известного автомобильного фабриканта. Потом он женился еще и в третий раз, на некоей знатной испанке, имени которой в летописи не сохранилось. Может быть, и сам Зиновий Алексеевич не очень-то запомнил ее имя, поскольку брак оказался крайне непродолжительным... 18 марта 1936 года скончался Горький. Зиновий очень сильно переживал его смерть. Он любил Алексея Максимовича как отца, как добрейшего человека, как великого писателя. И до конца жизни был убежден, что Горького убили, что его отравили. Любое упоминание об Алексее Максимовиче вызывало слезы на глазах этого мужественного легионера... В 1939 году началась Вторая мировая война. Франция вступила в войну против Германии и очень быстро ее проиграла. В 40-м году Зиновию Алексеевичу приходится уйти в отставку в связи с достижением возрастного предела. Ему 56 лет.

Итак, Пешков — пенсионер. Он живет в Африке, ведь большая часть Франции оккупирована немцами. И вдруг из Лондона раздается на весь мир страстный призыв тогда еще неизвестного полковника де Голля. Он объявлял — сопротивление Франции не погаснет! И звал объединиться под знаменем освобождения Франции.

И Зиновий решается.

Николай Вырубов:

Пешков не сразу примкнул к де Голлю. Я знаю людей, которые общались с ним в Марокко. Мне рассказы-

Эльдар Рязанов
Николай Вырубов:

вали, как он волновался, не знал, куда идти... Он был в отставке. Ничего никому не был должен.

Мог жить себе и жить.

Но его что-то мучило, он должен был сделать выбор. И в конце концов в сорок первом году переехал в Америку, оттуда в Лондон, и де Голль его принял. У де Голля было очень мало старших офицеров. Потому что все офицеры-голлисты автоматически приговаривались правительством Виши к смертной казни. А офицеры старой гвардии в основном были верны Петэну, маршалу Франции, главе государства...

Тем не менее, Пешков выбрал де Голля. Тот его сразу произвел в генералы.

Подумайте: ветеран, много раз раненный, без правой руки, хромой, не нуждающийся в средствах, живущий во французской африканской провинции, где нет войны, снова делает выбор, тревожный, беспокойный, опасный. Видно, тишина, бездействие, покой противопоказаны его мятущейся душе. Начинается новая глава неугомонной жизни Зиновия Пешкова.

Де Голль, у которого не было постоянной резиденции, назначает Пешкова эдаким странствующим послом. Его первая миссия — в Южную Африку, где он добивался поставок оружия для «Свободной Франции» — так называлось движение де Голля.

Он ездит с подобными дипломатическими миссиями в США и в Британскую Гвиану. И наконец в 1942 году де Голль отправляет его сначала представителем, а потом полномочным послом в Китай.

Пешкову уже почти 60 лет. Он начинает учить китайский и скоро овладевает этим языком.

Николай Вырубов

Я с ним переписывался. У меня сохранились два письма от него. Пешков был послом у Чан Кайши, а я был солдатом в Ливии. Я знал, что Пешков в Китае. И написал ему. Просто хотел, чтобы он знал, что я — сын того Вырубова, с которым он был знаком, что я

в армии. Ничего особенного рассказать ему не мог, был такой юношеский порыв. В личный контакт с ним я вошел, когда он был послом в Токио. Заходил к нему. И там он был как царь. Небольшого роста, всегда держался прямо. Любил показывать себя важным человеком. Вы знаете, когда Наполеон окончил школу, его профессор написал: «Далеко пойдет, если события будут этому содействовать». Пешков далеко пошел, потому что события содействовали.

Итак, Пешков в Китае. Это было время, когда Китай вел войну против Японии. Японцы блокировали побережье Китая, часть территории была захвачена. И поэтому столица была перенесена в город Чунцин. Пешков становится другом Чан Кайши. Победу в 45-м году он встречает в качестве посла Франции в Китае. Де Голль произвел его в четырехзвездные генералы. Наш коллекционер Зильберштейн, который встречался с Пешковым в Париже, обратил внимание, что на фотографиях, которые подарил де Голль Пешкову с дарственными надписями, у президента на погонах всего две звезды, а у Пешкова четыре. И он спросил Зиновия Алексеевича: «Когда вы встречаетесь с президентом, кто должен отдавать честь первым?»

Пешков объяснил, что раз де Голль стал президентом, то он не может сам себе увеличивать число звезд на погонах. (В отличие от наших руководителей, которые делали себя маршалами и вообще кем угодно.)

«Поэтому, естественно, — сказал Зиновий Алексеевич, — когда я встречаюсь с де Голлем, то он первый отдает мне честь».

Это смешно, симпатично и, на наш взгляд, парадоксально.

В 46-м году наш герой назначается представителем ставки Верховного командования союзников, военным представителем с резиденцией в Токио.

Карьера, которую сделал Зиновий Алексеевич, конечно, потрясающая. Ибо он, иностранец, — полно-

мочный посол Франции в Японии и в Китае. Спецслужбы Франции, разумеется, знали, что он — родной брат Якова Свердлова, что его корни в революционной России, что его юность была социал-демократической. И, тем не менее, правительство Франции доверяло ему необычайно.

И опять слово Н.В.Вырубову.

Николай Вырубов

В тридцатых годах Шанхай был разделен на зоны: итальянская, французская, американская. Пешков как капитан роты Иностранного легиона находился тогда в Шанхае, а командующим американской ротой был капитан Макартур.

Эльдар Рязанов:

Тот самый капитан Макартур? И они подружились?

Николай Вырубов:

Они подружились. После войны, в сорок пятом, в Японии Макартур стал вообще выше императора...

Эльдар Рязанов:

Он был командующим.

Николай Вырубов:

Больше чем командующим. Макартур отказывался иметь отношения со штатскими дипломатами. И тогда Пешкову на погоны наклеили четыре звезды. И сделали его послом. Пешков очень хорошо отстаивал интересы Франции у Макартура... Он любил, как я вам уже объяснял, быть на виду. Для него должность посла Франции, да еще в форме генерала с четырьмя звездами, было восхитительной. Генерал Макартур в то время был выше, чем японский император — и он был его близким другом. Он принимал Пешкова в императорском дворце. Это удивительные моменты для человека, который любил театр и делал его из своей жизни.

Эльдар Рязанов:

То есть он был тщеславен?

Николай Вырубов:

О да. Но не забудьте, что он так же был тщеславен и в легионе, в африканской пустыне, где строили дороги, где он жил в палатке. Он никогда не избегал трудных положений.

Эльдар Рязанов

Значит, он был человек очень сильный?

Николай Вырубов:

Сильный.

Эльдар Рязанов:

И духовно очень сильный?

Николай Вырубов:

Сильный, сильный.

Эльдар Рязанов:

Значит, он не выбирал легкого пути?

Николай Вырубов: Нет, нет, нет, нет. Наоборот.

Если вернуться к Макатуру, то когда он скончался в 1964 году в США, именно генерал Пешков был представителем Французской Республики на его похоронах.

В Токио Зиновий Алексеевич учит японский язык и вскоре овладевает им тоже. Он вообще, как мы уже говорили, полиглот — знает множество языков, от родного русского до китайского и арабского.

Военный атташе при миссии Пешкова в Китае Гилермас вспоминает о нем в своей книге:

«Он был очень живой, быстрый, мобильный человек. С бритым черепом, с правильными чертами лица, невысокого роста, очень подвижный. Человек, у которого всегда можно было понять, чего он не хочет. И было очень трудно понять, чего он хочет».

Говорил он по-французски с большим акцентом, писал с ошибками, и Гилермас, посылая шифровки в правительство, исправлял и стилистические, и грамматические, и синтаксические ошибки нашего бравого посла.

В 1950 году в возрасте 66 лет неумный генерал подает в отставку. Совет министров Франции на специальном заседании выносит генералу Пешкову особую благодарность за безупречную службу Французской Республике...

Отставной посол, отставной генерал, отставной русский поселяется в Париже на улице Лористона, 107. Здесь его одиночество некоторое время разделяет последняя любовь Зиновия Алексеевича — Эдмонда Шарль Ру.

О ней следует сказать особо, ибо она необыкновенная женщина. Родилась она в 1923 году в аристократической семье. Ее предки — отец, дядя — были известными дипломатами. В 1939 году, когда началась война, девушке было 16 лет. Она ушла на фронт санитаркой. Потом стала медсестрой. За военные по-

Последняя любовь
Зиновия Пешкова —
Эдмонда Шарль Ру.
Женщина
с легендарной
биографией

двиги награждена боевыми орденами Франции. Потом работала с прославленной Коко Шанель, демонстрировала на подиуме сногшибательные туалеты (у нее была высокая стройная фигура), трудилась корреспонденткой знаменитого модного журнала «Elle», главным редактором журнала «Vogue», стала писательницей. Ее роман

«Прощай, Палермо» удостоен высшей литературной награды Франции — Гонкуровской премии.

При этом она очень красива и обаятельна. У Эдмонды и Зиновия была разница в возрасте 39 лет, но она...

Николай Вырубов:

Эдмонда Шарль Ру была безумно в него влюблена. Она видела его в романтическом ореоле. А ведь Пешков был уже старик. Эдмонда рассказывала, что когда приходила к нему, видела, как он рыдал. Слушал на магнитофоне русские военные песни и плакал.

Эльдар Рязанов:

Да, я слышал об этом. Эльза Триоле, жена Арагона — Пешков дружил с ними в последние годы — тоже рассказывала, что он слушал песни ансамбля Александра и плакал.

Николай Вырубов:

Он плакал, думаю, над самим собой. Ведь для него Россия была реальная страна. Он провел в ней свои первые двадцать лет жизни.

Эльдар Рязанов:

Расскажите, пожалуйста, Николай Васильевич, о Саломее Андрониковой. Вы ведь ее хорошо знали.

Николай Вырубов:

Она была грузинка по отцу и русская по матери. Я с двенадцати лет жил у нее на квартире в Лондоне. Она сама предложила это моему отцу. Всю жизнь до самого конца мы были очень близки друг к другу.

Она была вдохновительницей писателей и художников в Петербурге. Ее все обожали, потому что она была исключительно тонкая, умная и еще очень хорошо умела слушать мужчин.

Когда мужчины рассказывали ей что-то, она всегда делала вид, что ее это крайне интересует. Я думаю, это было, помимо красоты, одним из ее главных достоинств. У Саломеи была бурная любовная жизнь. И Пешков тоже не был для нее любовью всей жизни. Она им увлеклась или, по-моему, скорее наоборот, — Пешков увлекся красивой молодой Саломеей. А ей понравилась идея бросить Баку и поехать в Париж. Вот она и поехала. И осталась на Западе. А Пешков свою карьеру между двумя войнами сделал благодаря успеху у жен видных людей.

Эльдар Рязанов:
Николай Вырубов:

(воодушевился) Расскажите. Это интересно.

Офицер Иностранного легиона живет в Африке. Я туда ездил. Скучное место, неинтересное. Офицеров таких много. Надо, чтобы тебя заметили, если хочешь поехать, скажем, представителем Франции в Дамаск или в Ливан, быть посланным с миссией. Надо, чтобы этим кто-то занялся. И вот он умел продвигаться в кругах, где принимались решения о назначениях. Я не хочу уменьшить его достоинства. Но он знал силу своего обаяния и этим успешно пользовался: вот, мол, молодой Горький, да еще безрукий и так далее. В общем, он был страшный бабник!

Эльдар Рязанов:

Чем же, в конце концов, он их покорял? Маленький, лысый, безрукий, хромой — одним словом, весьма плюгавый...

Николай Вырубов:

Люди, особенно женщины, любят неординарных. Он приходил сюда, в наш дом. Когда были у нас обеды, дамы облепляли его как мухи: «Ну, расскажите теперь, как это было, что случилось с Чан Кайши!» И так далее. Он этим пользовался. Но это вовсе не отрицательное свойство.

Эльдар Рязанов:

Он рассказывал правду?

Николай Вырубов:

Может быть...

Эльдар Рязанов:

Или что-то привирал?

Николай Вырубов:

Эльдар Александрович, если люди любят рассказы,

никто не обращает внимания, где правда, а где неправда. Какое это имеет значение? Надо, чтобы это было интересно рассказано!

Эльдар Рязанов:

У меня есть знакомый композитор. Очень талантливый. Тоже маленького роста, далеко не красавец, но успешный донжуан. Когда я поинтересовался, как он добивается взаимности у женщины, он сказал: — Мне главное — дотащить ее до роля!..

С трудом отыскали мы одного из оставшихся в живых сослуживцев Зиновия Алексеевича по легиону. Им оказался бывший легионер, семидесятилетний отставной полковник Франковиль. Живет он в городе Дижоне, известном всему миру знаменитой дижонской горчицей. Франковиль с места в карьер, без наводящих вопросов заговорил о победах Пешкова над женщинами.

Франковиль:

Мы, молодые офицеры, немного посмеивались над ним. Думали, что его победы над женским полом выдуманы или же носят платонический характер. Хотя Чарли Чаплин в восемьдесят еще блистал, а у маршала Петэна последняя интрижка, говорят, была в девяносто шесть лет. Но все же генерал Пешков без руки, хромой... Мы, тогдашние лейтенанты и капитаны, не знали, что и думать...

Тему продолжил Вырубов.

Николай Вырубов:

Роль, которую сыграли женщины в карьере Пешкова, колоссальна. Он около двадцати пяти лет прослужил в Иностранном легионе, а тот всегда дислоцировался в колониях и никогда во Франции, это даже дальше, чем провинция. Там были сотни достойных офицеров, но никто не сделал такую карьеру, как Пешков. Ухажерство ввело его во многие блестящие дома. И женился он на аристократках. Например, на мадмуазель Комбетт де Комон. Она была из очень известной, состоятельной семьи. Их автомобили были модны во Франции.

Помню, он приходил к нам ужинать, уже под конец своей жизни. За ужином выбирал какую-нибудь даму и упорно ухаживал за ней. Он, уже старик, как бы не мог не ухаживать за женщинами. А на следующий вечер эта дама звонила моей жене и говорила:

— Я получила от господина Пешкова поразительный букет красных роз...

Франковиль

Надо сказать, генерал просто разорвался на цветы. У него было два или три постоянных магазина, которые предъявляли ему довольно крупные счета в конце месяца...

А дальше Вырубов поделился весьма метким и неожиданным наблюдением.

Николай Вырубов:

Сейчас в отношениях мужчин и женщин что-то пропало, раньше мужчина тратил время, чтобы покорить женщину. И Пешков это умел делать. Он владел особым подходом: как надо возбудить в женщине доверие, желание, заставить ее понять и принять человека. Такого подхода больше не существует, ибо ни у кого теперь времени нету...

Когда активный человек отходит от дел, это всегда тяжело. Пешков вспоминает свою пеструю, разнообразную жизнь. И как обычно в такой период, мысли его часто обращаются к истокам, к России. Он перечитывает книги Горького, слушает русскую музыку, приводит в порядок архив. Он сближается с Эльзой Триоле и Луи Арагоном, несмотря на то, что они были коммунистами. Но их связи с Россией — ведь Эльза сестра Лили Брик и переводчица антологии русской поэзии — перевешивают идеологические несогласия. Тем более к концу жизни коммунистические взгляды Эльзы и Луи претерпели сильные изменения. Бывший посол, бывший генерал, Пешков продолжает вести активную светскую жизнь, он посещает рауты, вернисажи, приемы, премьеры. Всюду он желанный гость — этот легендарный человек, чья жизнь окутана множеством тайн и недомолвок.

Зиновий Алексеевич дружит с Андре Мальро. Мальро был министром пропаганды и культуры в правительстве де Голля, личным другом французского президента. Тоже личность мифологизированная: участник войны в Испании, где он — летчик и командир большой эскадрильи.

Говорит Эдмонда Шарль Ру, последняя подруга Зиновия Алексеевича. Они были не венчаны, но прожили вместе немало лет. И лишь после кончины Пешкова эта незаурядная женщина вышла замуж за Гастона Лефевра, мэра Марселя.

Эдмонда Шарль Ру:

В своих двух комнатах на улице Лористона генерал Пешков познал тоску одиночества. Это не было банальной тоской по родине. Русские не выказывали ему уважения. Его усилия приблизиться к России не имели успеха.

Франковиль

Обычно мы встречались с ним на улице Дарю в русской церкви. Да, кстати, Пешков был единственным генералом французской армии, к которому обращались: «Ваше превосходительство». Ведь только посол имеет право так называться. А он был и генерал, и посол... Он часто ходил в русскую церковь и двадцать-тридцать минут проводил в молитве. Он был в этот момент очень сосредоточен. Для нас, французов-католиков, посещение православного храма — это своего рода туризм. А он, чувствовалось, был очень верующим человеком. Истово крестился и кланялся иконам. А меня покорила особая атмосфера русской церкви: красивые иконы, замечательный интерьер.

Эльдар Рязанов

Вы часто с ним встречались? Бывали ли вы у него дома?

Франковиль:

До самой его смерти в ноябре шестьдесят шестого года я виделся с ним довольно часто. А в квартире его был один только раз.

У него была прекрасная библиотека, не только все книги Горького, но и их переводы на французский язык. Я думаю, он читал на русском, а потом смотрел, — хороший ли перевод. У него имелась вся ли-

тература русская: Достоевский, Толстой, Пушкин, Тургенев, стихи. Мы считали его французом по национальности, но по сердцу и по культуре он был русским на сто процентов.

Эльдар Рязанов:

Франковиль:

Он говорил вам о Ленине?

Он никогда не говорил «Ленин». Он всегда называл его «Владимир Ильич».

Эльдар Рязанов:

Франковиль:

Ну да. Они же были хорошо знакомы. А знали вы о его отношениях с Эдмондой Шарль Ру?

Эдмонда была молода, хороша собой. Иногда мне казалось, что там только светские отношения. А иногда... Зиновий умел соблазнять женщин. Ходили слухи, что он большой донжуан.

Эльдар Рязанов:

Франковиль:

Рассказывал ли он о России, о своем брате?

Мы знали, что его родной брат Яков был важной персоной в России. Много раз пытались узнать, переписывались ли они... Но он никогда не отвечал. У него была особая манера уходить от ответов. Он брал бутылку водки и наливал всем. Сам никогда не допивал до конца... Не знаю, был ли он богат, но в ресторанах щедро раздавал музыкантам банкноты по пятьсот франков.

Макартур испытывал к нему огромную симпатию. Они проводили вместе вечера до тех пор, пока кто-нибудь из них первым не падал от выпитого виски или водки. Он умел привлекать к себе людей. И те, кто не служил под его началом, говорили всегда: «Я бы хотел иметь такого начальника, как он».

Но самую большую сенсацию Франковиль подготовил под занавес. Он сообщил, что у Зиновия, помимо дочери Елизаветы, был еще и сын, которого звали Ксавье Пешков.

Франковиль:

Когда Пешков командовал батальоном, его сын учился во Франции, его фамилия была Пешков. Сыновья других офицеров легиона знали мальчика и дружили с ним. Один мой сослуживец часто мне говорил: «Надо бы узнать, что же стало с Ксавье, сыном Пешкова». Думаю, он до сих пор жив. Но мой

сослуживец не смог приехать сегодня, иначе я бы его попросил рассказать о сыне генерала.

У вас есть его адрес или номер телефона?

Ничего, конечно, не было. Больше ни в одном источнике не упоминалось о том, что у Зиновия был сын. Правда это или выдумка, узнать нам не удалось, ибо на завтра мы улетели из Парижа. Да, разумеется, в нашем повествовании о Зиновии Пешкове есть белые пятна, недомолвки. Может, где-то просочились и не совсем верные сведения. Ведь источников информации не так уж много, а события происходили давным-давно. Но весьма бурные...

В 1964 году, за два года до смерти, генерал Пешков был опять востребован Французской Республикой. В том году Франция намеревалась признать континентальный коммунистический Китай. Де Голлю нужно было объяснить этот поступок Чан Кайши, ведь у них были личные добрые отношения. И тут важно найти человека, который сумел бы эту деликатную миссию выполнить. И притом мог бы обойтись без переводчика.

И де Голль вспоминает о Зиновии Алексеевиче. Тому уже исполнилось 80 лет. Тем не менее, президент послал генерала на Тайвань в город Тайбей к Чан Кайши. И Зиновий Алексеевич блестяще выполнил эту миссию. Таким образом, он оказал последнюю услугу своей второй родине.

...Он снова вернулся в свою квартиру на улице Лористона. Здоровье слабело, уступая возрастным недугам. Давали о себе знать и боевые раны. Но Зиновий Алексеевич боялся забвения и продолжал вести оживленную, не по его годам, светскую жизнь.

Однажды в ноябрьский вечер 1966 года он отправился в русский ресторан, где провел ночь с цыганами, как истый русский барин. Там ему стало плохо, но он отказался от санитарной машины. И на такси приехал в госпиталь в Нейи, тот самый, где лежал полвека назад и где ему отрезали пораженную гангреной руку. Медсестра из приемного

отделения (тесен мир!) оказалась землячкой из Нижнего Новгорода. Зиновий Алексеевич шутил с ней, но отчетливо понимал, что смерть — рядом. Попросил пригласить своего друга, православного священника Николая Оболенского, чтобы тот принял его исповедь. На следующий день, в понедельник 27 ноября 1966 года, кончился жизненный путь этого неистового, непоседливого, необыкновенного человека.

Вот что написано в акте о смерти:

«27 ноября 1966 года. В 21 час 50 минут скончался проживающий в Париже, 16 округ, ули-

Зиновий Алексеевич Пешков после выхода в отставку (в центре анфас). Первый слева — Андре Мальро, справа от Зиновия Алексеевича — священник Н.Н.Оболенский

ца Лористона, 107, Зиновий Пешков. Посол, генерал, кавалер орденов Большого креста, Почетного легиона, военной медали Креста войны 14–17 годов, родившийся в Нижнем Новгороде, Россия. Дата рождения — 16 октября 1884 года».

Отсюда, из госпиталя в Нейи, начался его последний путь. Сначала в православную церковь на Рю Дарю, где происходило торжественное отпевание.

Франковиль.

Пешков завещал, чтобы его гроб несли солдаты Иностранного легиона, чтобы на крышке гроба лежала солдатская фуражка легионера, а не генерала армии.

30 ноября 1966 года в полдень в русской православной церкви на улице Дарю состоялось торжественное отпевание Зиновия Алексеевича Пешкова. Собрались дипломаты, генералы, легионеры, деятели культуры, газетчики, журналисты, присутствовал Кув де Мюрвиль, представитель де Голля. В церкви было полно народу. Свеча в изголовье освещала то, что генерал

и посол Франции собирался унести с собой в могилу. Это был портрет Алексея Максимовича Горького, солдатский крест, значок легионера Иностранного легиона и Большой крест Почетного легиона. Но все-таки русское происхождение генерала помешало французам отдать ему самые высокие военные почести. Ибо по заслугам, по чину он должен был быть похоронен в Доме Инвалидов — музее боевой славы Франции.

Самый поэтический некролог был написан близким другом Зиновия Пешкова Луи Арагоном. Авторы всех некрологов были единодушны в оценке жизни, прожитой этим блестящим, оригинальным и очень своеобразным человеком.

«Он был одной из самых необычных фигур французской армии», — писала «Паризьен».

«Его карьера, необычайно волнующая, измеряется расстоянием от солдата, легионера второго класса, до корпусного генерала и посла Франции», — это цитата из газеты «Кепи блан».

«Свое французское гражданство, — писала «Фигаро», — он завоевал пролитой кровью. Его подтвердило признание самых высоких авторитетов страны».

— Последние годы своей жизни, — вспоминала Эдмонда Шарль Ру, — Зиновий Алексеевич очень гордился тем, что в Советском Союзе два города названы именами самых близких ему людей. Нижний Новгород носил имя его названного отца Горького. А другой город в честь его брата Якова Михайловича носил имя Свердловск.

Кладбище Сен-Женевьев-де-Буа находится под Парижем. В последние годы оно стало местом паломничества многих наших телевизионных съемочных групп, кинодокументалистов и просто журналистов. На этом кладбище похоронены русские люди, которые окончили свою жизнь на чужбине. Здесь невольно вспоминаются стихи Роберта Рождественского:

Малая церковка. Свечи оплывшие.

Камень дождями изрыт добела.

*Здесь похоронены бывшие. Бывшие.
Кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.*

Здесь могила Ивана Бунина, здесь похоронены Вик-

«Кепи Блан» — белые кепи — так называют легионеров во Франции, провожат в последний путь своего боевого товарища генерала Пешкова

тор Некрасов, Александр Галич, Зинаида Гиппиус, Андрей Тарковский.

Здесь покоятся многие офицеры и солдаты, воювавшие в Гражданскую войну: дроздовцы и корниловцы, деникинцы и врангелевцы. Как поется в популярной песне, здесь много поручиков Голицыных и корнетов Оболенских.

...Моросил дождь, когда траурный кортеж прибыл на кладбище. Легионеры пронесли гроб с телом покойного. Звучали траурные военные марши. А потом, когда гроб опустили в могилу, над кладбищем разнеслось церковное пение «Скорбим».

На этом кладбище есть специальное место, где

находятся могилы русских, отдавших жизнь за Францию. Здесь, рядом с летчиком Поляковым-Байдаровым — отцом Марины Влади, под одной могильной плитой с героиней французского Сопротивления Виктор Оболенской и ее братом священником Николаем Оболенским, умершим через несколько лет после своего друга, нашел последний приют и герой нашего повествования.

Над его фамилией высечена эмблема Иностранного легиона и его девиз «Честь и верность». А далее на-

писано: «Зиновий Пешков, легионер». И даты: 16 октября 1884 года — 27 ноября 1966 года.

Очень скромно, ни чинов, ни званий, ни боевых наград. Такая скромность кажется мне паче гордости. Могила Льва Толстого в Ясной Поляне, на которой вообще нет ни имени, ни фамилии, ни дат, вызывает такое же чувство. Думается, это говорит отнюдь не о смирении, а о непомерной гордыне...

Наше повествование пришло к концу. Время подвести итоги этой бурной жизни.

Конечно, трансформация души шла невероятная! В начале жизни юношу обуревали идеи социального равенства, всеобщего счастья, справедливости. Это был человек, который кричал из толпы: «Да здравствует свобода!», распространял в Нижнем Новгороде крамольные листовки. За что потом и находился под надзором полиции.

Но, объездив весь мир, он постепенно пришел к индивидуализму, к авантюризму. Несмотря на благотворную связь с Горьким, которого я считаю великим гуманистом, всю свою жизнь Зиновий Пешков посвятил работе на самого себя. Постепенно жизнь привела его в лагерь, противоположный тому, в котором находился его названный отец. Но являясь по сути как бы врагом Советского Союза, Зиновий никогда не поднимал оружия против своей родины и ни разу не сказал публично ни одного плохого слова в ее адрес.

В нашей стране его имя было предано забвению. Зиновия Пешкова как бы не существовало. И все документы, где он упоминался, прятались в спецхранах, спецархивах, куда не было доступа людям.

В семье Свердловых его близкие — братья, сестры, родные и двоюродные, племянники и племянницы, — все они делали вид, что такого человека нет. Семья Свердловых молча отреклась от него.

Это было как бы взаимное отречение.

Наш народ не подозревал о существовании Зиновия Пешкова. И его имя стало всплывать только в годы перестройки.

Рассказывая о судьбе Зиновия, мы, конечно, не можем не вспомнить и жизнь его родного брата Якова. И не можем не сравнить их судьбы. Яков Михайлович сыграл большую роль в Октябрьской революции.

Зиновий Пешков прожил долгую бурную жизнь. Он умер 87-х лет от роду. Но на родине его начинают узнавать только сейчас

Он был железным ленинцем, стальным революционером. Он был третьим человеком в партии после Ленина и Троцкого. И останься он жив, неизвестно, кто бы стал наследником Ленина. Ссылки, скитания, побеги, тюрьмы, конечно, закалили характер Якова Михайловича. Если вдуматься, он был злым демоном революции. Именно он после покушения на Ленина объявил в стране красный террор.

Свердлов повинен еще в одном великом злодействе. Он санкционировал убийство царской семьи

в доме купца Ипатьева в Екатеринбургe. Благодарная Советская страна отплатила Свердлову. В его честь были названы города, области, станции метро, проспекты, улицы, университеты. Правда, сейчас почти все переименовано.

Когда мы сравниваем судьбы двух братьев, то кажется, что они совсем разные. Один воевал за Францию, другой был первым президентом России. Но несмотря на то, что судьбы у них разные, порода, кровь сказывалась в каждом из них. Оба храбрые, оба отчаянные, оба очень талантливые, очень умные. Они действительно чрезвычайно близки по духу.

Яков Михайлович прожил всего 34 года. Лишения ослабили его организм, у него были больные легкие. В 1919 году он, направляясь в Харьков, по дороге остановился в Орле, где выступил на митинге. Простудился, заболел гриппом и вскоре умер.

А брат его прожил 82 года. И если взвесить, то вроде бы жизнь Зиновия значительно более благополучна.

Однако давайте разберемся в участи Зиновия, подведем итоги в его судьбе.

Он отрекся от своей национальности. Быть евреем было плохо, а крещеным, напротив, выгодно и удобно.

Он отрекся от своего отца и сменил отчество и фамилию. Быть сыном Максима Горького было, как бы сказали сейчас, более престижно. Он отрекся от своей семьи, от братьев, от сестер. И в конечном счете отрекся от Родины. Стал настоящим космополитом.

Он прожил не свою жизнь. Жил под другой, чужой фамилией, под другим, чужим отчеством, жил в другой, чужой стране. Если вдуматься, он был самым обычным наемником. Нет, я не прав. Он был, конечно, необычным, талантливейшим наемником, ибо сделал на чужбине невероятную карьеру.

История не признает выражения «а если бы...» Но представим себе на минуту, что Зиновий после первого ранения во Франции возвращается в Россию и со всем пылом своего характера бросается в революцию. Возможно, он стал бы видным военачальником, крупным дипломатом или одним из вождей революции... Несомненно одно — этот яркий, сильный, моторный, незаурядный человек сгинул бы в огне сталинского террора, как сгинули Орджоникидзе, Тухачевский, Блюхер и множество других. Никто ничего не может утверждать, но эта доля выглядит вероятнее других.

...Я не сужу ни одного из братьев. Кто я такой, чтобы судить их. Я просто размышляю о жизни. Но, тем не менее, иногда мне кажется, что оба они пахнут серой.

Несколько жизней Романа Гари

Я стоял в уютном дворике в Замоскворечье. Дворик напоминал известную картину Поленова. Сохранились деревянные особнячки возрастом в сто лет, деревья, тоже патриархи, старинная изгородь. Мне был необходим этот ветхий московский антураж, чтобы начать свою очередную программу. поприветствовав телезрителей, я начал свой длиннющий рассказ, к которому готовился целый год.

Эта передача из цикла «Парижские тайны» началась в Москве. Ибо здесь, в нашей столице, родился ее герой.

Честно признаюсь, я невероятно увлечен нашим действующим лицом, просто влюблен в него.

Зовут его Роман Гари.

Вижу, как большинство из вас пожимает плечами, мол, не знаем, кто такой. Признаюсь, некоторое время назад я тоже не знал ничего об этом человеке, никогда не слышал имени Романа Гари.

Все началось неожиданно. Из «незалежной» Украины, из города Днепропетровска, пришло ко мне письмо от Лилии Павловны Кулиш. Она смотрит мои парижские программы, они ей нравятся, и поэтому она решила посоветовать мне нового героя.

Короче, я получил от нее послание и книгу некоего Романа Гари под названием «Леди Л.». Прочитав эту

книгу, предисловие к ней и письмо Лилии Павловны Кулиш, я очень заинтересовался личностью автора. И написал в Днепропетровск. В ответ получил еще одно письмо от Лилии Павловны и еще одну книжку Романа Гари с двумя его произведениями, как выяснилось, очень прославленными: «Европейское воспитание» и «Жизнь впереди».

Опять-таки должен признаться: никогда о них не слышал, что вопиет о моем несомненном невежестве... (Все-таки режиссер, писатель!)

Говорит **Доменик Бона**, французская писательница, автор книги о Романа Гари:

...Для меня Роман Гари — один из самых крупных и ярких писателей. Я влюбилась в него сразу, когда случайно впервые прочитала один из его романов. Гари — романист, пишущий в русле великих традиций. Он прекрасный рассказчик, писатель, создавший великие персонажи и прекрасные описания природы. Я уверена, что он будет популярен и читаем и в следующем веке...

Говорит **Жорж Кижман**, министр юстиции в правительстве Миттерана, адвокат Гари, его друг:

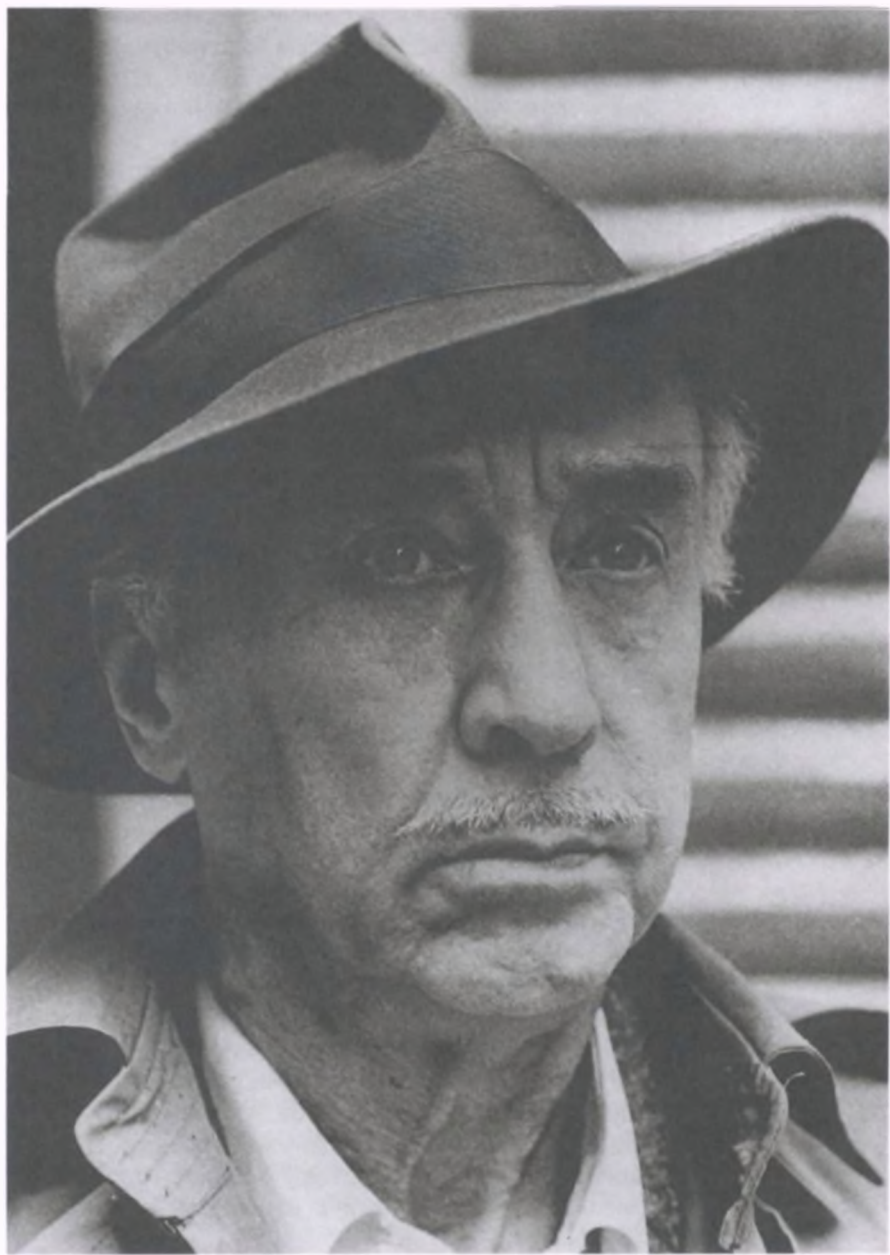
...Гари — блистательный писатель, удостоенный многих литературных премий, в том числе и Гонкуровской. Он несет в своем творчестве некое гуманистическое послание, очень близкое, например, идеям Камю...

Говорит **Евгений Евтушенко**, российский поэт, прозаик, кинорежиссер, фотохудожник:

...Роман Гари — это мое запоздалое, но счастливое открытие. Вы знаете, когда я прочитал его два романа, «Обещание на рассвете» и «Жизнь впереди», я был совершенно потрясен — как я раньше вообще мог существовать, не зная этого писателя.

Говорит **Эльдар Рязанов**:

Это замечательный, превосходный Писатель с большой буквы. Но если вы, дорогие мои телезрители, а сейчас и читатели, судя по вступлению, думаете,

что речь пойдет только о сочинителе, литераторе, то это не совсем так. Ибо Роман Гари прожил жизнь, полную захватывающих событий. Думаю, его биография — одна из самых грандиозных и интереснейших в двадцатом столетии.

Сколько поворотов судьбы, невероятных приключений, взлетов и падений довелось испытать Роману Гари. Этого хватило бы не на одну жизнь, не на одного человека.

Он летчик — участник Второй мировой войны, Герой освобождения Франции. Его имя высечено на мемориальной плите среди имен одной тысячи воинов, удостоенных высшей награды Французской Республики, в Доме Инвалидов в Париже. А Дом Инвалидов, как вы знаете, музей боевой славы Франции. Гари был еще и кадровым дипломатом. К примеру, он работал пресс-атташе Франции при Организации Объединенных Наций. Он служил генеральным консулом Франции в Лос-Анджелесе. У него случались невероятные, сногшибательные романы с американскими кинозвездами. При этом ему хватало времени и сил, чтобы выпускать ежегодно по новому роману. Почти все они экранизировались крупнейшими постановщиками, а в фильмах играли самые популярные актеры и актрисы Америки и Франции. Роман Гари — единственный в мире писатель, ставший дважды лауреатом Гонкуровской премии. А по статусу высшей литературной премии Франции можно стать ее лауреатом только один раз. Как ему удалось отхватить вторую премию? Секрет вы узнаете, прочитав эту маленькую документальную повесть.

Кроме того, Роман Гари был еще и кинорежиссером, сам ставил кинокартины по своим новеллам. Фильмы его запрещались во Франции, далеко не ханжеской стране, запрещались за безнравственность. Россия, Польша, Франция, Англия, Болгария, Швейцария, вся Африка, США, Перу — далеко не полный список стран, где действовал наш герой, выходец из России.

Этот человек прожил, по сути, несколько жизней. Недаром я так и назвал передачу — «Несколько жизней Романа Гари». Начнем, как у нас с вами принято, от печки.

Жизнь первая — московская

Родился он в Москве, в актерской семье в 1914 году. К сожалению, о детских годах героя известно очень мало.

Мы знаем только то, что его мама, Нина Борисовская, была актрисой. Она играла в небольшом французском театре в Москве. А его отцом был актер Леонид Кацев.

У нас пишут «Ромен», учитывая французскую транскрипцию. А фамилию отца — «Касев (Kasew)».

Но вот свидетельство Лесли Бланш, первой жены нашего героя: «Его настоящее имя — Роман Кацев. Я видела его документы, свидетельство о рождении...»

Именно поэтому я так и буду его называть.

Почему-то сразу после того, как родился ребенок, которого назвали Романом, родители внезапно разошлись. Что послужило причиной, мы не можем точно сказать. Однако всю жизнь Романа преследовала легенда, что он был незаконным сыном великого русского актера немого кинематографа Ивана Мозжухина. На письменном столе Романа Гари многие годы стояла в рамке фотография Мозжухина. И если посмотреть на лица обоих, то видно, что они дьявольски похожи. Кажется, это один и тот же человек. Причем если взглянуть на их фотографии в разных возрастах, вы увидите, что и здесь огромное, невероятное, поразительное сходство.

Но так это или не так, никто не знает. Хотя известно, что мама была влюблена в Ивана Мозжухина и что там случился роман. Однако мама никогда не обмолвилась сыну о тайне его рождения. А сейчас и вовсе спросить не у кого...

Итак, первым языком Романа Леонидовича Кацева, родившегося в Москве, был русский. Семь лет прожил маленький Роман с мамой на своей родине.

А в 1921 году Нина Борисовская бежала из Советской России, спасаясь от холода, голода, тифа и прочих революционных опасностей. В вагоне для перевозки скота она везла своего сына в благословенную Францию, языком которой безупречно владела. Франция была страной мечты маленькой еврейской актрисы. На границе с Польшей мать, нянька и сын попали в карантин. Но энергичная мама бежала и оттуда, забрав няньку и сына. Ночью, проваливаясь по пояс в снег, они пересекли границу. Маленький семилетний Роман покидал Россию (причем навсегда) в обнимку со своим ночным горшком. Первая их остановка на пути во Францию пришлось на город Вильно. Так случилось, что эта остановка затянулась на семь с половиной лет. Наша съемочная группа последовала в Вильно.

Жизнь вторая — польская

Вильно в те годы был маленьким захолустным провинциальным городом. Он не был тогда столицей Литвы, принадлежал Польше. Главным языком здесь был польский.

Мама родила Романа, когда ей уже было 36 лет. Она хотела отыгаться за свою неудавшуюся актерскую карьеру, за свою горькую личную жизнь. Хотела взять реванш, как говорится, на судьбе сына. Поэтому мальчика принялись учить разным разностям.

Мать как натура артистическая считала, что наиболее короткий путь к славе, известности, популярности лежит через искусство. Она говорила: «Вот фамилия Кацев для скрипача очень хороша». Роману было тогда восемь лет.

Ему купили футляр, скрипочку и пристроили к длинноволосому маэстро, который должен был его обучать музыкальным премудростям. Надо сказать, маэстро был человек, разочарованный всеобщей дисгармонией мира. Когда мальчик брал скрипку и начинал на ней играть, музыкант хватался за голову, затыкал уши и кричал: «Ай-ай-ай!»

Очевидно, игра Романа еще больше увеличивала эту

самую дисгармонию, которую он наблюдал во Вселенной.

На десятом или двенадцатом занятии маэстро не выдержал. Он выдернул скрипку из рук ученика и прошипел, чтобы пришла мать. О чем говорил с ней скрипач, неизвестно, но карьера музыканта для Романа была с тех пор закрыта.

Кстати сказать, 30 лет спустя, когда Роман стал генеральным консулом Франции в Америке, он вручал орден Почетного легиона знаменитому скрипачу Яше Хейфецу. Церемония происходила в Лос-Анджелесе, в зале невероятной красоты. Роман в элегантной красивой форме, вручив орден маэстро, сказал: «Да, а вот у меня с этим ничего не получилось».

«Что-что?» — переспросил Яша Хейфец.

«Нет, нет, ничего, все в порядке», — консул поцеловал скрипача, и они вместе отправились на банкет. Следующая попытка была связана с балетом. Романа определили в студию Саши Жиглова. Но, поскольку мама подозревала Жиглова в нехороших сексуальных наклонностях, она никогда не пропускала ни одного занятия. Роман, находясь в балетной стойке, исправно поднимал ногу вверх и опускал вниз. И мама кричала, глядя на своего любимого, обожаемого сына: «Нижинский! Нижинский! Он будет звездой балета». Ей как актрисе были присущи пафос и преувеличение. Но в основе лежала сумасшедшая любовь к сыну. Однажды, когда Роман после занятий мылся в душе, опасения матери подтвердились, ибо Саша Жиглов забрался к мальчику в кабину. Тот по наивности решил, что Саша хочет его укусить, и закричал. И тогда разъяренная мать просто погналась за руководителем балетной школы и отлупила его тростью. На этом балетная карьера мальчика тоже кончилась. Разумеется, в Вильно были еще балетные студии, но мать уже поняла, что это добром не кончится. Она мечтала, чтобы мальчик в будущем любил женщин и чтобы женщины платили ему тем же. Балетная же профессия, как казалось маме, была непременно связана с сексуальными извращениями.

Затем была попытка сделать из Романа великого певца. Мать преклонялась перед Шаляпиным. Профессия певца, думала она, вот звездный путь к вершинам. Но педагоги сказали, что у мальчика нет не только слуха и голоса, но и музыкальной памяти. Из этого тоже ничего не получилось.

Дальше решили окунуться в живопись. Живописью мальчик действительно увлекся. Его педагог по рисованию сказал, что у Романа большие способности. Но это вдруг произвело на Борисовскую совершенно отрицательное впечатление. Она вспомнила о печальной судьбе Ван-Гога, о грустной участи Гогена. И сказала: «Если ты действительно окажешься талантлив, они же тебя сживут со свету». Кто «они», было неизвестно. Но мать стала прятать краски. Когда Роман ходил к мольберту и хотел что-то нарисовать, красок не было. Он злился, обижался, но в итоге, разумеется, победила мать. Так он постепенно отошел от занятий живописью. Потом Гари думал, что может быть, пропустил свое подлинное призвание.

После того, как скрипка, пение, балет, живопись отпали, мама решила, что надо остановиться на литературе. Хотя там ей тоже многое не нравилось. Например, Мопассан был болен венерической болезнью, О.Генри тоже умер от какой-то нехорошей хвори... Но, тем не менее, литература была принята в лучших домах: Толстой был графом, а Виктор Гюго — президентом Франции. В последнем Нина Борисовская была свято убеждена, и сбить ее с толку не представлялось возможным. Даже будучи уже жительницей Франции, она продолжала считать, что Виктор Гюго — президент страны.

Для удачной карьеры писателя самое главное было выбрать псевдоним. Мать это знала твердо. Если фамилия Кацев хорошо подходила скрипачу, то писателю она совершенно не годилась. Возникали варианты: «Любер де Робер» и многие другие. Потом мама заявляла: «Дворянскую частицу «де» надо отбросить, вдруг опять случится революция?!»

Мама была наивной и очаровательной. Она делала

для образования мальчика все возможное и невозможное, лишь бы он научился тому, что понадобится в жизни. Например, три раза в неделю водила его в манеж лейтенанта Свердловского, где Роман учился верховой езде, фехтованию и стрельбе из пистолета. Кстати, это ему потом пригодилось, — в его жизни была дуэль, причем с польским офицером. Но об этом позже. Во всяком случае, Роман очень метко стрелял.

Естественно, мальчик учился хорошим манерам. Мать часто рассказывала ему, как он, одетый в роскошный мундир, станет победителем на скачках — возьмет первый приз. Поэтому нужно уметь целовать дамам руки, быть обходительным, пропускать дам вперед. Кстати, однажды в Варшаве Роман, пропустив мать в трамвае вперед, пришел в недоумение, почему она так вознегодовала. Он просто еще не знал, что из трамвая кавалер должен выходить первым и подавать даме руку.

Мама вбивала в голову восьмилетнему малышу, как он должен вести даму под руку, какие говорить комплименты, какие делать подарки, учитывая цвет глаз, сумочек, туфель, платьев. Короче, учила его изысканным манерам и политесу.

Как-то раз она ему сказала: «Мальчик мой, ты никогда не должен брать денег у женщины. Ты можешь взять у нее «роллс-ройс», но денег не бери никогда». Правда, «роллс-ройс» в дальнейшей жизни Роману Гари никто из дам не предлагал. Но себя предлагали многие...

Я стоял в Вильнюсе на улице, которая в 1921 году называлась Большая Погулянка, у дома номер 16. В этом доме и поселились беженцы из Советской России — мама, нянька и ребенок.

По моему рассказу о том, чему учили маленького Романа, может создаться впечатление, что Нина Борисовская была обеспечена и у нее не было никаких финансовых проблем. Увы, это совсем не так. Кроме колоссальной энергии и неиссякаемой материнской любви

у нее не было ничего. Но надо было как-то существовать, надо было кормить семью — сына и няньку. И Нина начала заниматься изготовлением и продажей дамских шляпок. Естественно, это были «парижские шляпки от Поля Пуаре». Она лихо подделывала этикетки. И шныряла по городу со шляпными картонками, прибегая к красноречию и актерскому мастерству, чтобы околпачить (во всех смыслах) своих клиентов.

Тут около меня неожиданно затормозил «Мерседес», и дама, сидящая в машине, протянула мне букет цветов. Я был несколько ошарашен, ибо чувствовал себя за рубежом, а не дома. Взял букет и просто весь изблагодарился. Машина уехала.

— Спасибо, спасибо, — крикнул я вслед и обратился в телекамеру:

— Видите, заграница, а меня еще помнят.

Не скрою, было приятно... И я снова вернулся к тому, о чем рассказывал.

Активность беженки — кстати, Нина Борисовская все делала с некоторым перебором, с излишней бесцеремонностью, с налетом местечковости — раздражала соседей. Вскоре для изготовления «парижских» головных уборов Нина наняла шляпницу, а сама теперь занималась только коммивояжерством, сновала взад и вперед. Ее челночные операции привели к тому, что соседи организовали донос, попросту наступали в полицию, что Борисовская занимается скупкой краденого.

Нина была арестована, но вскоре выяснилось, что это навет. Ее выпустили. Она долго рыдала дома, среди шляпных коробок, а потом сказала: «Но они не понимают, с кем имеют дело!» И пошла по своему подъезду. Принялась звонить и стучать во все квартиры. На лестничную клетку вышли жильцы, и она стала на них кричать. Начался обмен ругательствами, но здесь Нина Борисовская не имела себе равных. Когда она ругалась, то невольно вспоминались русские пьяные извозчики, мужики и фельдфебели (она

прошла в России замечательную школу). Нина кричала: «Вы, грязные буржуазные твари! Вы не понимаете, с кем имеете честь разговаривать! Мой сын станет посланником Франции, он будет кавалером ордена Почетного легиона, великим актером драмы, он будет писателем, как Ибсен, Габриэль Д'Аннунцио...» В ответ скалились злобные лица, насмешливые и презрительные. «Грязные буржуазные твари» хохотали в голос, издеваясь над потешной беженкой из России. И тогда, чтобы сразить их окончательно, она добавила: «Он будет носить костюмы лондонского покроя!» И самое поразительное: почти все, о чем мать Романа кричала на лестнице, практически сбылось. То ли она обладала даром пророчества, то ли так запрограммировала сына, что он невольно сделался всем тем, на что его нацеливала мать. Ибо она это повторяла множество раз, год за годом, буквально вдальбывала это ему в голову. Роман Гари потом писал в одной из книг: «Я ненавижу лондонский покррой, но я вынужден носить одежду, сшитую в Лондоне». Роман обожал мать.

Кстати, он еще писал, что вот такая безмерная любовь матери заставляет взрослого мужчину долго и, как правило, безуспешно искать любовь такой же силы у женщин.

«Я столько раз искал среди женщин такую же прекрасную, безответную, беззаветную, слепую любовь, но каждый раз меня постигало разочарование».

Любви, равной материнской, на земле не существует...
...От издевательств «грязных буржуазных тварей» мальчуган разрыдался и убежал во двор. Впервые у него появилась мысль о самоубийстве.

Впоследствии, много лет спустя, он осуществит это и рассчитается с жизнью выстрелом. Но совсем по другим причинам.

Во дворе находилась огромная, высотой с два этажа поленница, любимое место детворы. Родители запрещали детям подходить к этой плохо сложенной куче дров. В любую минуту сооружение могло обрушиться, и ребенок был бы погребен. Забравшись в глубь по-

ленницы, в свой тайник, Роман решил покончить с жизнью. Надо только толкнуть одновременно рукой, ногой и спиной одну из дровяных стен, и все будет кончено, он останется в деревянной могиле. Но в этот момент Роман вдруг вспомнил, что у него в кармане лежит кусок пирога с маком, который он днем украл у кондитера Мишки. Разумеется, сначала надо было съесть пирог, а уж потом кончать жизнь самоубийством. Он достал пирог, с большим аппетитом схрюпал его и приготовился, так сказать, для последнего рывка. И в этот момент из поленницы вдруг высунулась морда облезлого кота. Они оказались нос к носу. И кот незамедлительно начал облизывать лицо Романа, на губах которого остались крошки пирога и мак. От этой неожиданной ласки мальчику стало хорошо, тепло. Потом кот любовно куснул его за ухо, очень нежно. Тогда Роман достал из кармана остатки пирога и скормил коту. Он, конечно, понимал, что кот-то любил его не совсем уж бескорыстно, но, тем не менее, это была любовь. Роман осознал вдруг, что жизнь прекрасна и расставаться с ней не надо. Он выбрался из своего убежища, засунул руки в карманы и, засвистев, отправился гулять по улице. И запомнил на будущее: для того, чтобы тебя любили бескорыстно, неплохо всегда иметь в кармане кусок пирога... Надо сказать, не все соседи восприняли одинаково сцену на лестничной площадке. Был среди них один, которого звали господин Пекельный — от слова «пекло», неказистый еврей. Каждый раз, встречая потом Романа, он с ним раскланивался, дарил ему оловянных солдатиков и даже как-то раз зазвал к себе домой, где стал угощать рахат-лукумом, который Роман невероятно любил.

Заискивающе глядя на мальчика, он сказал:

— Когда ты станешь тем, о чем говорила твоя ма-тушка...

Роман, набив рот рахат-лукумом, ответил:

— Я стану французским посланником.

— Так ты тогда скажи там, ты ведь, наверное, будешь книги писать или в газетах, ты тогда скажи, что

вот здесь, в Вильно, на улице Большая Погулянка, шестнадцать, живет такой господин Пекельный. И дальше происходит неслыханная вещь. В 44-м году, когда английская королева приехала инспектировать французскую эскадрилью «Лотарингия», которая летела бомбить Германию, Роман Гари, стоя в строю, сказал ее величеству:

— Вы знаете, в городе Вильно живет такой замечательный человек, на улице Большая Погулянка, шестнадцать, господин Пекельный.

Он и сам осознал тогда, что это смешно — на него с иронией смотрел командир эскадрильи. Но Гари, понимая, что этот самый Пекельный скорее всего погиб в нацистских печах Освенцима или Майданека, и в дальнейшем продолжал упрямо рассказывать о нем. Будучи дипломатом, он говорил о Пекельном на разных приемах, став писателем, вспоминал о нем в различных интервью. Он оказался человеком, верным слову... Как говорил сам Гари, — «я расплатился за рахат-лукум».

Однажды Роман получил сказочный подарок: роскошный велосипед, как раз соответствующий его возрасту. Он оторопел и спросил у няньки Аньелы:

— Это откуда? Кто прислал?

— Издалека, — бросила та очень злобно.

Он подслушал разговор, где плачущая мать говорила:

— Ну, а может быть, этот велосипед можно оставить?

И Аньела возражала:

— Нет, он слишком долго о нас не вспоминал.

— Но все-таки это очень мило с его стороны.

— Нет, велосипед нужно отослать.

Роман страшно волновался, что лишится подарка.

И все-таки в конце концов было решено, что велосипед останется у мальчика. Но мать не могла отпустить ребенка кататься на велосипеде одного, она наняла ему инструктора. И долговязый студент сопровождал Романа, когда они катались по мощным мостовым Вильно.

Кто же все-таки прислал этот велосипед? Тайна...

Однажды мать и сын отправились в синематограф.

На экране лицедействовал красавец в черной черкеске и меховой шапке, с кинжалом за поясом. Тапер наигрывал что-то душещипательное. А роковой герой смотрел с экрана, как казалось мальчику, в упор прямо на него. Когда они возвращались с сеанса, мать до боли сжимала руку Романа и плакала. А дома попросила сына: — Посмотри на меня... И долго вглядывалась в него с загадочной нежной улыбкой. Опять тайна?...

В их тогдашней жизни случались периоды глубочайшей бедности, по сути, нищеты. Как писал потом Гарри, у бедности нет дна. Тогда мать садилась и сочиняла кому-то письма. А через некоторое время приходили денежные переводы, благодаря которым жизнь на какой-то период улучшалась. Кому писала письма Нина Борисовская? Опять тайна.

Первый, кто приходит в голову — Иван Мозжухин. Он прислал велосипед, ему писались письма с просьбами о деньгах, он блистал на экране в черкеске, после чего мать плакала, идя из кино... Может быть. А может быть, в жизни Нины Борисовской были и другие тайны. К сожалению, мы мало знаем о ранних годах ее жизни...

Нам известно, что Нина родилась примерно в 1878—80-м году, в Киеве, в еврейской семье. Ее отец был часовщиком. В 16 лет неслыханно красивая барышня ушла из дому. Нам неведома ее настоящая фамилия. Мы знаем, что она была дважды замужем. И дважды разводилась. Откуда она знала французский язык, кто ее учил — неизвестно. Она иногда проговаривалась Роману, что бывала в Париже и в Ницце. Будучи актрисой, исколесила всю Россию. А когда началась революция, Нина с маленьким Романом, ему было три-четыре года, моталась по российской провинции, выступала перед революционными матросами, красноармейцами, перед самой разношерстной публикой. Роман помнил, как сидел на закорках у матроса, чтобы увидеть мать на сцене. Самые первые годы его

прошли за кулисами. И первые два слова, которые он смог прочитать самостоятельно, были: «Нина Борисовская», актерский псевдоним матери, начертанный на гримуборной...

Легенда о том, что Гари — сын великого русского актера, прошла через всю жизнь Романа. Мне захотелось узнать, что думает по этому поводу автор книги о Романа Гари французская писательница Доменик Бона. Я протянул ей старинное фото Ивана Ильича Мозжухина с его автографом. Фото подарила мне одна из зрительниц на творческой встрече.

Доменик Бона:

..Когда вы мне дали эту фотографию, я в первый момент даже не поняла, что это Мозжухин, а подумала, что Роман Гари. Дело в том, что на фотографиях, сделанных сразу после войны, он был чрезвычайно похож на Мозжухина. Гари писал в своих сочинениях и, без сомнения, верил сам, что мог быть его сыном. Ведь он не был уверен в том, кто его подлинный отец. Он не знал господина Кацева, фамилию которого носил, а мать так и не рассказала ему правду о его происхождении. Так что это одна из загадок его жизни, очень романтическая тайна. Конечно, для Романа Гари Мозжухин был бы идеальным отцом — отец из легенды, великий актер, сыгравший крупнейшие роли в немом кино.. Но почему бы и нет? Почему мы не можем в это поверить, как в конце концов поверил сам Гари?!

Я хочу напомнить вам, дорогой читатель, о Мозжухине, об этом кумире десятых и двадцатых годов. Конечно, в телепрограмме это сделать было легче — мы просто показали несколько фрагментов из кинолент с участием знаменитого артиста. Здесь же придется ограничиться пересказом.

Популярность Ивана Ильича до революции не уступала популярности Веры Холодной. Мозжухин — самая яркая звезда русского немого кинематографа. Он играл блестящих авантюристов, шикарных гвардейцев. Совершал благородные подвиги, освобож-

дал прекрасных пленниц, скакал на роскошном коне, спасал от бед и напастей Отечество. Если по сюжету требовалось вступить в любовную связь с очаровательной наследной принцессой, чтобы предот-

вратить интриги против Родины, герой Мозжухина мужественно шел навстречу и этой опасности. В одной из кинолент он терпел страшные пытки и муки ради государя императора. На экране он был всегда великолепен, упоителен, неподражаем. Все женщины были у его ног. Он блистал и в классических ролях, таких, например, как Германн в «Пиковой даме» и князь Касатский в «Отце Сергии» – оба фильма поставлены Яковом Протазановым. Одной из его лучших работ была гомерически смешная роль «Маврушки» в комедии «Домик в Коломне» по А.С.Пушкину.

Мать Романа, конечно же, мечтала, чтобы сын ее осуществил в жизни все то, что вытворял Мозжухин на экране. Она хотела невозможного: чтобы в Романа

Иван Мозжухин играл блестящих авантюристов, шикарных гвардейцев, благородных разбойников. Совершал немислимые подвиги, освобождал прекрасных пленниц, скакал на роскошном коне, спасал от бед и напастей отечество.

в гостиную. Там сидел красивый человек с роковой внешностью. Рядом с ним восседала какая-то шикарная дама. Роман узнал мужчину, он видел его несколько раз в кино. Это был сам Иван Мозжухин! И Роман заметил, что мать ведет себя как-то странно. Она, обычно державшая себя хозяйкой жизни, теперь сидела окаменевшая, с натянутым выражением лица. И явно чувствовала себя забитой и пришибленной. Роман понял, что должен блеснуть. Он подошел к даме, сопровождавшей Мозжухина, и, щелкнув

одновременно соединились такие персонажи, как лорд Байрон, Робин Гуд, Гарибальди, д'Артаньян, Ричард Львиное сердце и так далее, и так далее.

И надо сказать, кое-что из этого Роману в самом деле удалось соединить... Однажды, когда он вернулся с велосипедной прогулки, около их подъезда стоял роскошный кабриолет «паккард» канареечного цвета. Собралась толпа — в те годы автомобиль вообще был редкостью в Вильно, а такой автомобиль попросту исключался. «Это к вам», — сказал Роману кто-то из толпы. Когда он взбежал наверх, Аньела схватила его, начала одевать, пудрить, причесывать, вообще приводить в христианский вид. Напомаженный и приглаженный херувим вошел

каблуками, поцеловал ей ручку, а потом, уже совершенно обалдев, подошел и поцеловал руку Мозжухину. Это был кошмар! Он задним числом понял, какую промашку допустил. И разрыдался. Тогда Мозжухин посадил его на колени и обещал покатать на «паккарде». Слезы у ребенка тотчас высохли. Прогулка на машине была упоительной.

А потом Мозжухин совершил жест в стиле своих киногероев. Уехав, он оставил этот автомобиль Роману и его матери на восемь дней. Шофер был в ливрее, желтый «паккард» стоял у подъезда. Мать использовала эту ситуацию на полную катушку. Каждое утро она одевала Романа — очень элегантно, одевалась сама — скромно, но достойно, и выезжала в город. Они посещали на этом автомобиле все аристократические, престижные, как сказали бы сейчас, места.

Борисовская небрежно кивала тем клиентам, которые когда-то ею пренебрегали или относились к ней свысока. Она брала сладостный реванш.

Вообще Мозжухин с тех пор регулярно появлялся в жизни мальчика, а потом и юноши. Когда актер приезжал в Ниццу на съемки своих картин, то всегда приглашал отрока в первоклассную гостиницу, где они пили кофе на террасе, выходящей на набережную «Променад де Англе», и беседовали. Мозжухин устраивал Романа в массовки фильмов, в которых снимался, чтобы тот мог подработать. И Гари вспоминал эти съемки с ностальгическим чувством — ведь платили 50 франков в день, что было неслыханно огромным гонораром для подростка...

После революции Иван Ильич эмигрировал из пылающей, бунтующей России во Францию и добился огромной популярности и там. Он стал артистом с европейской, даже мировой известностью. Его сгубил звук, пришедший в кинематограф. Из-за очень сильного русского акцента Мозжухина перестали снимать. И в годы Второй мировой войны он умер во французской больнице, всеми забытый, в неизвестности и нищете.

Гари всегда относился к Мозжухину с огромным пиететом, с почтением. В детстве он не знал, что Иван Ильич его предполагаемый отец. Став взрослым, возможно, догадывался, но никогда не был уверен в этом до конца. Уже став знаменитым писателем, он часто приходил в парижскую синемаатеку, заказывал фильмы с участием Мозжухина и смотрел их один в пустом зале. А на его письменном столе, в парижской квартире на рю ду Бак, как я уже говорил, стояла фотография Ивана Ильича в красивой рамке... Матушка Романа была женщиной предприимчивой. Для улучшения своих материальных дел она решила проверить довольно крупную аферу, притом весьма дерзкую. Ей нужно было как-то поразить воображение модниц города Вильно, и она разослала всем приглашения, где говорилось, что в такой-то день на улице Большая Погулянка, 16, откроется «Новый дом парижских мод Поля Пуаре» в присутствии самого маэстро. Проблема состояла в том, как и где раздобыть этого самого маэстро. Но с фантазией у Нины Борисовской было все в порядке. Сидя в своем салоне на розовом диване и куря одну папиросу за другой, она вынашивала наступательные планы. Кстати, если бы ее авантюра раскрылась, матушке грозила тюрьма. И Роман стал бы круглым сиротой. Нина послала в Варшаву приглашение актеру Алексу Губернатису (Шолом-Алейхем и Самуил Маршак недаром утверждали, что любое слово может быть еврейской фамилией!). Это был третьестепенный артист, который в провинциальных захолустных театриках выступал с французскими шансонетками. Он знал французский язык, что было очень важно для роли, которую ему поручалось сыграть. Теперь он прозябал в варшавском театре. Но уже не играл, потому что был сильно пьющий человек, а шил парики для артистов. Ему было послано не только приглашение, но и железнодорожный билет от Варшавы до Вильно. Тем временем у входа в подъезд, где жили Роман с матерью, появилась вывеска, где золотыми буква-

ми было написано: «Новый дом парижских мод месье Поля Пуаре».

На торжественном открытии или, как сказали бы сейчас, на презентации мэтр Поль Пуаре из Парижа выглядел сногшибательно. Узкие штаны обтягивали его тощие ягодички, на плечах красовалась немыслимая клетчатая крылатка. Месье курил одну сигарету за другой и сыпал какими-то древними байками из парижской светской жизни. Он упоминал знаменитостей 20-летней давности. Дамы были очарованы, маэстро превзошел себя. Он даже прочитал монолог из пьесы Эдмона Ростана «Орленок», однако постепенно все больше и больше хмелел, а под конец начал «клеить» жену дирижера местного оркестра. Тут мама Романа не выдержала, решительно уволокла его в комнату Аньелы и там заперла. А на следующий день отправила обратно в Варшаву. Алекс Губернатис был очень обижен и оскорблен, что ему не дали развернуться в полную силу. Но самое поразительное, что эта махинация прошла успешно и принесла плоды. Дела пошли хорошо. Борисовская наняла нескольких мастериц-швей. Теперь шили не только шляпки, но и платья. И Роман, которого мать с детства старалась приучить к женскому обществу, всегда присутствовал на примерках. Однажды произошла такая история. Местная певица, выступавшая под псевдонимом Ля Рар, была довольно сильно раздета, мать и мастерицы ушли куда-то, а Роман, которому было тогда лет девять, стоял в примерочной и ел рахат-лукум. При этом очень внимательно разглядывал мадемуазель певицу. Ей это не понравилось, и она спряталась за зеркало. Он обошел зеркало с другой стороны и, жуя рахат-лукум, продолжал разглядывать ее прелести. Когда мама вернулась, певица разразилась гневной филиппикой в адрес маленького наглеца. На этом первая часть сексуального образования мальчика закончилась... С самых ранних лет Роман слышал невероятную сказку о Франции. Франция была неизменной любовью матери. Она замечательно говорила по-французски,

правда, с легким русским акцентом, и Роман унаследовал этот акцент на всю жизнь. Иногда он спрашивал у мамы: откуда ты знаешь французский язык? Она всегда отвечала уклончиво.

Почему-то в голове у матери Романа создался образ совершенно невероятной сказочной страны. Где всегда весна. Где все благородно. Где живут исключительно великие люди. Она произносила такие имена, как Сара Бернар, Проспер Мериме, Густав Робер, Ги де Мопассан. Ги де Мопассан был ею особенно любим.

Роман знал наизусть басни Лафонтена, пел «Марсельезу». У мамы была мечта, главная цель ее жизни — приехать во Францию, выучить Романа «на француза», чтобы он стал великим человеком. Эта бурная, кипучая натура посвятила поставленной цели всю себя. Она читала сыну биографии великих французских королей, деятелей культуры, полководцев. Он знал о Жанне д'Арк, о принце Конде, о Мазарини. Выдуманные литературные персонажи перемешивались с настоящими, с подлинными. «Дама с камелиями» соседствовала с Эмилем Золя, Наполеон Бонапарт с мадам Бовари, Жорж Бизе с д'Артаньяном. Мать всегда представляла Романа в роскошных костюмах, на раутах, на парадах. Для нее не было никакого сомнения, что он сделает потрясающую карьеру. Правда, она не знала точно какую, но это и не имело значения.

Чуть не с пеленок она учила его галантности.

Она говорила: лучше прийти к женщине с маленьким букетом самому, чем прислать с большим букетом рассыльного.

Она говорила: никогда не ухаживай за женщиной, у которой много шуб, такая женщина потребует у тебя еще одну.

Она говорила: Роман, ты должен мне поклясться, что никогда не будешь брать денег у женщины.

И девятилетний малыш клялся.

Она показывала ему много французских открыток. Открытки изображали, как правило, парады, рауты, знаменитых людей. И мальчик, живущий в польско-

литовской глуши, отлично знал интерьер самого модного парижского ресторана «Максим». А когда в Вильно, в это захолустье приезжал из Варшавы театр, мать наряжала Романа в бархатную блузу с бантом. И они отправлялись смотреть оперетты. Шли или «Сильва», или «Веселая вдова».

Мальчик, затаив дыхание, раскрыв рот, смотрел на сцену и учился тому, как он должен жить впоследствии: пить шампанское из туфелек дам, красноречиво вздыхать и бонтонно ухаживать... Конечно, жизнь мальчугана была невероятной фантазмагорией.

Роман, когда он был уже Романом Гари, французским классиком и богатым человеком, на склоне своих лет, живя в Париже, говорил о том, что очень хотел бы попасть в эту самую Францию, волшебную, сказочную, немыслимую. В страну, которую он любил с детства и о которой так упоительно рассказывала ему мать...

Но вот наступил период, когда благополучию семьи пришел конец. Роман заболел. Сначала это была скарлатина, потом осложнение на почки. Мать подняла на ноги лучших врачей Европы. Лечение стоило бешеных денег, но ее это не останавливало. Болезнь была какая-то страшная. И врачи приговорили мальчика к смерти.

Здесь я хочу привести цитату из книги Романа Гари «Обещание на рассвете». Он пишет, почему ему удалось тогда выжить.

«Когда сознание возвращалось ко мне, я очень пугался. У меня было сильно развито чувство ответственности, и мысль оставить свою мать одну, без всякой поддержки, была мне невыносима. Я знал, чего она ждала от меня, и, лежа в постели и захлебываясь черной кровью, больше страдал не от своей воспаленной почки, а от мысли, что уйду таким образом от ответственности. Скоро мне должно было исполниться десять лет, и я мучительно сознавал себя неудачником. Я не стал ни Яшей Хейфецем, ни посланником, у меня не было ни слуха, ни голоса, и в довершение всего мне приходится так глупо умирать, не добившись ни малейшего успеха у женщин и даже не став французом. Еще сейчас я содрогаюсь при мысли, что мог тогда умереть, так и не выиграв Чемпионата по пинг-понгу в Ницце в 1932 году.

Думаю, мое решение не сдаваться сыграло главную роль в предпринятой мною борьбе за то, чтобы остаться в живых. Каждый раз, когда страдальческое, постаревшее мамино лицо со впалыми щеками склонялось надо мной, я старался улыбнуться ей и сказать несколько связных слов, чтобы показать, что мне стало лучше и что все не так плохо. Я старался изо всех сил...»

А тем временем мать боролась за жизнь ребенка. Из Германии прибыл знаменитый профессор, который сказал, что нужна операция, иначе — смерть. Но мать от операции отказалась. Она хотела, чтобы в будущем ее сын был полноценно сексуальным. Ей объяснили, что он будет нормальным. Однако «нормальный» — это не тот критерий, который бы ее устраивал. Она мечтала, что сын будет донжуаном, сердцеедом, короче, сексуальным террористом. И мать объявила, что сама спасет ребенка. Обиженный немецкий профессор вернулся в Берлин.

А мать забрала Романа и повезла его в Италию, к морю. Там он впервые увидел теплую морскую стихию и полюбил ее. Средиземноморская природа и страстная воля к жизни матери и сына свершили чудо. Роман выжил.

Кстати, в 1942 году в госпитале в Дамаске он был еще раз приговорен к смерти. Его уже соборовали, а у тела был выставлен почетный военный караул.

Но Роман обманул ожидания смерти и на этот раз. Он опять выжил, назло всем докторам.

Когда Роман окончательно выздоровел, они вернулись в Вильно. Там их ждал финансовый крах. Заведение мадам Борисовской дало трещину. В отсутствие хозяйки руководила фирмой Аньела, но она была недостаточно опытна. Уйма денег ушла на лечение Романа и на Италию. В общем, пришлось объявить себя банкротом.

Приходили оценщики, которые описывали мебель, потом вещи выносили из дома... Это была настоящая катастрофа. Те люди, которым мать снисходительно кивала головой из желтого кабриолета, теперь снова злорадно смеялись над ней.

Надо было уезжать. Следующей остановкой на пути во Францию стала Варшава, столица Польши. Там жили родственники и знакомые. Мать надеялась, что ей удастся перебраться. Чем только не занималась Борисовская в Варшаве: и рекламой, и перепродажей всяческого старья, и продажей подержанных челюстей, где содержались крупы драгоценного металла. Житье было очень скверное. Приют им дал родственник-стоматолог. Мать ночевала в комнате, где посетители ждали приема. А Роман спал просто-напросто в кабинете, в зубокабинетном кресле. Утром надо было срочно вставать и приводить помещения в порядок, как будто никто здесь не ночевал.

Учиться во французском лицее было не по карману. Роман ходил на частные уроки французского языка. А в школе заявил, что здесь вообще-то временно. Он едет во Францию, потому что намерен стать французом.

Высокомерия мальчишке не спустили. Его одноклассники все время над ним подсмеивались и издевались. Они подходили и спрашивали в третьем лице — такое обращение принято в польском языке:

— А почему пан сейчас не уезжает во Францию?

И Роман объяснял:

— Просто ехать в середине учебного года глупо. Надо подождать, когда учебный год кончится. И к началу нового поехать.

Они спрашивали:

— А это правда, что каждый урок во Франции начинается с пения «Марсельезы»?

И Роман говорил:

— Да, это правда.

— Может быть, пан сплетет нам «Марсельезу»?

И Роман, понимая, что над ним издеваются, не мог удержаться. Вставал в позу и пел «Марсельезу».

Мальчишки просто катались по полу от счастья и удовольствия, что такой дурак оказался в их классе. Роман был выше всего этого. Но однажды произошла страшная история, которая как бы подтолкнула их отъезд во Францию.

Как-то группа однокашников подошла к нему, и один из них сказал:

— Я понимаю, почему пан не едет во Францию. Туда не пускают кокоток.

У Романа перехватило дыхание, он оцепенел, у него навернулись слезы на глаза. Это было несправедливо. У матери не было ни мужа, ни любовника, ни покровителя. Она билась одна, пыталась сопротивляться страшной жизни. Но он смолчал, не знал, что делать. И ушел домой.

А дома он рассказал матери об этом случае. И тут с ней что-то случилось. Она изменилась в лице, замолчала, замкнулась и стала курить одну сигарету за другой. Она не спала ночь, а утром, когда Роман встал, сказала ему совершенно чужим, злым голосом:

— В следующий раз, когда оскорбят твою мать, ты должен ответить. Иначе не возвращайся домой.

Пусть лучше тебя принесут на носилках! Пусть лучше у тебя не будет ни одной целой кости. Ты обязан отомстить за свою мать.

И Роман заревел — от обиды, от горя, от бессилия.

И тогда мать принялась его бить, давать ему пощечины одну за другой. Она никогда и ничего не делала впосилы. И сейчас просто отлупила Романа, чтобы он запомнил. И приговаривала: «Пусть лучше тебя принесут мертвым, чем ты дашь возможность обидеть твою мать и спустишь это безнаказанно».

Этот урок Роман действительно запомнил.

Случай в Варшаве переполнил чашу терпения. И мать решила: пора ехать в страну обетованную. Она отправилась во Французское консульство с заявлением, где просила дать им постоянное место жительства во Франции. Ибо она хочет вырастить сына настоящим человеком, патриотом Франции, защитником своей будущей Родины...

Жизнь третья — французская

Свою книгу «Обещание на рассвете» Роман Гари написал, когда ему было 44 года. Эта книга, с моей точки зрения, шедевр литературы, потрясающий венок

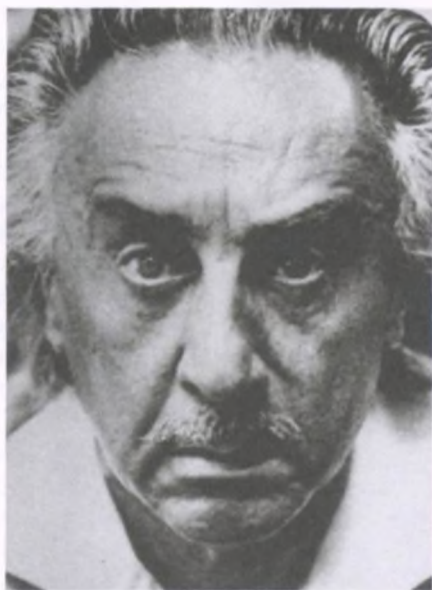
на могилу его матери. Книга преисполнена нежности и любви и вместе с тем иронии и даже сарказма. Автор все время посмеивается над причудами и выходками своей мамы, над ее замашками провинциальной актрисы, и при этом обожание сквозит в каждой строке. Рассказывая о французской жизни Романа, я буду опираться на книгу «Обещание на рассвете». И очень советую прочитать ее.

Итак, они приезжают в Ниццу. Роману тринадцать лет. Ему надо учиться, но денег нет ни копейки. Единственное, что есть — знание матерью французского языка. Однако этого одного явно недостаточно, чтобы выжить. И мать до самой своей смерти (она умерла через тринадцать лет) одна, без какой бы то ни было мужской поддержки, отважно и мужественно боролась за существование. Боролась, чтобы заработать на квартиру, на одежду, на еду. Вот свидетельство самого Романа, чем занималась мать в Ницце, на этом фешенебельном курорте, куда съезжались аристократы, богачи, кинозвезды со всего света — просаживать деньги, отдыхать, кутить, играть в казино.

«С утра она работала педикюршей в дамской парикмахерской, а днем оказывала те же услуги породистым собакам в заведении на улице Виктуар. Позже мать торговала бижутерией на комиссионных началах в киосках дорогих отелей: предлагала фамильные, в кавычках, драгоценности, ходя из отеля в отель, из дома в дом; она была совладелицей овощного прилавка на рынке Буффа, а также конторы по продаже недвижимого имущества, ей принадлежала четверть такси. Короче, я никогда ни в чем не нуждался. В полдень меня всегда ждал бифштекс, и никто в Ницце никогда не видел меня плохо одетым или обутым».

Однажды случилась грустная история. Роман вернулся из лица. На столе его ждал роскошный бифштекс. Он с аппетитом ел, а мать при этом говорила: «Ты знаешь, я мясо не люблю. Я ем только овощи и фрукты, терпеть не могу мясо!» А после обеда он зашел на кухню и вдруг увидел, как мать, сидя на табуретке, вытирает хлебной коркой сковородку, на которой только что жарила мясо, и с жадностью поедает этот хлеб. И он понял, чего стоили ее заверения. Мальчик разрыдался и выбежал на улицу.

Мы знаем, мать воспитывала Романа рыцарем. И однажды грязный, жирный одесский торговец сказал о Нине, что, мол, она корчит из себя аристократку, а на самом деле пела в кафе-шантанах. И 14-летний

Слева —
Иван Мозжухин,
справа —
Роман Гари

мальчишка не сдержался и вlepил этому взрослому мужику две звонких пощечины, за что заслужил репутацию уличного хулигана. После этого трусливый торговец заявил: «Что вы хотите от отпрыска шарлатанки и проходимца?!»

Всю жизнь Романа Гари мучил комплекс безотцовщины. Он так и не знал, кто его отец. Легенда, что у матери был роман с Мозжухиным, дошла до его ушей значительно позже. И все-таки какой-то таинственный благодетель у матери был. Когда уж совсем становилось скверно, когда «костлявая рука голода» приближалась вплотную, мать садилась и писала кому-то письмо, вкладывая в конверт фото Романа. И вдруг приходили денежные переводы, благодаря чему Нина Борисовская могла как-то свести концы

с концами, пока к ней снова не возвращалась финансовая удача.

Наконец матери повезло. Она устраивается управляющей в небольшой отель «Мермон». В этой должно-

Загадка:
Где Мозжухин?
Где Гари?

сти она проработала до конца своих дней. Так что какое-то материальное положение — стабильной бедности — наконец-то образовалось. Постояльцев отеля надо было кормить. Вот как Гари описывает ежедневные походы матери на рынок:

«Мама вставала в шесть часов утра, выкуривала три или четыре сигареты, выпивала стакан чаю, одевалась, брала трость и отправлялась на рынок Буффа, где она, бесспорно, царила... Это было средоточие разнообразных акцентов, запахов и цветов, где отборные ругательства парили над эскалопами, отбивными, луком-пореем и глазами заснувшей рыбы и где каким-то чудом, присущим только Средиземноморью, вдруг неожиданно возникали огромные букеты гвоздик и мимозы.

Мать ощупывала эскалоп, оценивала спелость дыни, с презрением отшвыривала кусок говядины, который мягко, с обиженным стоном шле-

пался на мрамор, тыкала своей тростью в сторону салата, который продавец немедленно бросался защищать всем телом, в отчаянии бормоча: «Прошу вас не трогать товар!», нюхала сыр бри, совала палец в мягкий камамбер и пробовала, причем она так подносила к своему носу сыр, филе, рыбу, что повергала в отчаяние смертельно бледных торговцев, и когда наконец, презрительно отбросив товар, она удалялась с высоко поднятой головой, то их возгласы, проклятия, брань и возмущенные крики сливались в единый старинный хор Средиземноморья... Мне кажется, что она провела на рынке Буффа лучшие минуты своей жизни...»

Роман помогал матери, исполняя функции администратора гостиницы, гида при автобусных экскурсиях, метрдотеля. Главное, он был обязан производить хорошее впечатление на клиентов — небогатых, милых, воспитанных англичан...

Думаю, надо упомянуть и о первом любовном опыте подростка. Несмотря на бедность, мать наняла уборщицу Марьетт. Вот как вспоминает о своей первой женщине Роман:

«Марьетт, девица с огромными лукавыми глазами, с сильными и крепкими ногами, обладала сенсационным задом, который я постоянно видел в классе вместо лица учителя математики. Это чарующее видение и приковывало мое внимание к его физиономии. Раскрыв рот, я не сводил с него глаз на протяжении всего урока, само собой, не слыша ни слова из того, что он говорил... Раздраженный голос месье Валу заставлял меня наконец вернуться на землю.

— Не понимаю! — восклицал он. — Из всех учеников вы производите впечатление самого внимательного: можно сказать, что порой вы буквально не сводите глаз с моих губ, и тем не менее вы где-то на Луне! Это была правда.

Не мог же я объяснить этому милейшему человеку, что мне так отчетливо представлялось вместо его лица.

Короче, роль Марьетт в моей жизни возрастала — это начиналось с утра и длилось более-менее целый день. Когда эта средиземноморская богиня появлялась на горизонте, мое сердце галопом несло ей навстречу, и я замирал на кровати от избытка чувств. Наконец я понял, что и Марьетт наблюдала за мной с некоторым любопытством. Она часто оборачивалась ко мне, уперев руки в бока, мечтательно улыбалась, пристально глядя на меня, вздыхала, качала головой и однажды сказала:

— Конечно же, ваша мать любит вас. В ваше отсутствие она только

о вас и говорит. Тут тебе и всякие приключения, ожидающие вас, и прекрасные дамы, которые будут любить вас, и пятое, и десятое... Это начинает на меня действовать...

Голос Марьетт действовал на меня необычайно. Во-первых, он не был похож на другие голоса. Казалось, что он шел не из горла. Не знаю, откуда он возникал. Во всяком случае, он не доходил до моих ушей. Все это было очень странно.

— Интересно, что же в вас такого особенного?

С минуту поглядев на меня, она вздохнула и принялась тереть паркет. Оцепенев с ног до головы, я лежал как бревно. Мы молчали. Временами Марьетт поворачивала голову в мою сторону, вздыхала и опять принималась тереть паркет. У меня разрывалось сердце при виде столь страшной потери времени. Марьетт продолжала бросать на меня странные взгляды; ее женское любопытство и какая-то темная зависть были, вероятно, вызваны трогательными рассказами матери, рисовавшей ей картины моего триумфального будущего. Чудо наконец свершилось. Я до сих пор помню ее лукавое лицо, склонившееся надо мной, и чуть хриплый голос, доносившийся до меня, в то время как я парил где-то в иных мирах, в полной невесомости, а она теребила меня за щеку:

— Эй, не надо ей говорить. Я не смогла устоять. Я понимаю, что она тебе мать, но все же такая прекрасная любовь. В конце концов начинаешь завидовать... В твоей жизни никогда не будет женщины, которая любила бы тебя так, как она. Это уж точно.

Она была права. Но тогда я еще не понимал этого...

Через материнскую любовь на заре вашей юности вам дается обещание, которое жизнь никогда не выполняет. Поэтому до конца своих дней вы вынуждены есть всухомятку. Позже, всякий раз, когда женщина сжимает вас в объятиях, вы понимаете, что это не то...»

А еще Гари написал о Марьетт:

«Я и сейчас глубоко благодарен этой доброй француженке, распахнувшей передо мной дверь в лучший мир. С тех пор прошло тридцать лет, и я честно признаюсь, что с того времени не узнал ничего нового и ничего не забыл... И пусть она знает, что щедро поделилась со мной тем, чем наградила ее Господь».

Я нарочно привел столь обширные фрагменты из книги Гари, чтобы вы, дорогой читатель, оценили легкость и юмор повествования. Юмор был свойственен Роману, о чем бы он ни писал. Приведу еще одно высказывание моего героя:

«Инстинктивно, отчасти под влиянием литературы, я открыл для себя

юмор, этот ловкий и безотказный способ обезоруживать действительность в тот самый момент, когда она готова раздавить вас. Юмор всегда был моим дружеским спутником; только ему я обязан своими крупными победами над судьбой. Никто не смог лишить меня этого оружия, которое с еще большей охотой я оборачивал против себя самого, а через себя против нашего общего удела, который я разделяю со всеми людьми. Юмор говорит о человеческом достоинстве, утверждает превосходство человека над обстоятельствами...»

Однако после того, как Марьетт просветила Романа, кровь кипела в его жилах, а взгляды стали жадно следить за каждой проходящей юбкой. Но оказалось, что без денег трудно гулять, как говорят на юге Франции. Из дома стали исчезать вещи — сначала один ковер, затем другой. Куда-то подевались теннисная ракетка, фотоаппарат, коллекция почтовых марок, собрание сочинений Бальзака, которым Роман был награжден за успехи во французском языке, и еще кое-какие пожитки. Мать заметила пропажи только тогда, когда испарилось трюмо, купленное ею накануне в надежде выгодно его перепродать. Роман ожидал страшного скандала. Но Нина была, конечно, экстраординарной женщиной. Она долго разглядывала сына — бить или не бить? — и наконец лицо ее осветилось торжеством и гордостью. Ее мальчик стал настоящим мужчиной. Материнское воспитание не пропало даром!..

Шли годы. Мать старела. Борьба за существование не украшала ее. У нее открылся страшный диабет. Случалось, что она теряла сознание на улице. Однажды ее привезли с рынка, где она упала без чувств. Придя в себя, она старательно заулыбалась, чтобы успокоить сына. Очевидно, эта картина так запечатлелась в сознании молодого Романа Гари, что одну из глав своей книги «Обещание на рассвете» он закончил такими словами:

«Я не чувствую себя виноватым. Но если все мои книги вызывают к достоинству, справедливости, если в них так много и с такой гордостью говорится о чести быть мужчиной, то это, наверное, потому, что до 22 лет я жил за счет больной и измотанной старой женщины. И очень сержусь на нее за это».

Желание помочь матери, оправдать, воплотить ее мечты заставляют его теперь все свое время отдавать писательству. Он сочиняет новеллы, пишет рассказы, пробует себя в драматургии. И все, что выходит из-под его пера, немедленно читается Нине. Та всегда в восторге: «Габриэль д'Аннунцио! Бальзак! Виктор Гюго!»

После ее одобрения он рассылает свою писанину в литературные журналы. Но нет ни одного ответа. Окончен лицей. Роман учится на юридическом факультете в Париже. И все время пишет, пишет, пишет. Один из его рассказов попадает к знаменитому писателю Роже Мартену дю Гару, автору «Семьи Тибо». Его отзыв был беспощаден: «Это сочинение написано взбесившимся ягненком». Деньги кончаются, опять надо обращаться к матери. Чувство стыда гложет Романа. И вдруг, когда осталось всего 50 франков, он покупает еженедельник «Грингуар» и там, о чудо, видит свой рассказ «Буря» и свою фамилию, напечатанную жирным шрифтом. Он получил за рассказ тысячу франков, и это казалось неслыханным богатством. А в Ницце еженедельник произвел сенсацию. Мать всегда носила его в сумке. И если затевалась какая-то ссора, она тут же выхватывала этот еженедельник, размахивала им и говорила: «Вы даже не понимаете, с кем вы разговариваете!»

Но второй рассказ все никак не публиковали. А деньги кончились. И надо было что-то предпринимать. И как объяснить матери, почему его не печатают?.. И тогда он придумал выход из положения. Стал вырезать из журналов произведения других писателей и посылать их матери, сопровождая такого рода письмами: «Дорогая мама! Дело в том, что редакторы требуют от меня, чтобы я писал коммерческие рассказы. Я не хочу опускаться до этого уровня, и поэтому вынужден печатать свои рассказы под псевдонимами». Мать поверила в это безоговорочно. И однажды произошел нелепый, курьезный случай. Писатель, чей рассказ Гарри вырезал и послал маме, умудрился остановиться именно в отеле «Мермон».

Когда мать узнала, что у нее в гостинице живет самозванец, который присвоил произведение Романа, она чуть не отдубасила его тростью.

Но, тем не менее, надо было как-то зарабатывать. Ведь если он публикуется, значит, ему есть на что жить. Роман отказывается от материнских субсидий и принимается за работу. Кем он только не трудился в Париже. Перечисляю: гарсоном в ресторане на Монпарнасе; служащим домовой кухни «Завтраки, Обеды и Ужины», каковые он и развозил на трехколесном велосипеде; администратором отеля; статистом в кино; разнорабочим в гостинице «Лапирус»... А еще он работал в зимнем цирке, был рекламным агентом туристической рубрики газеты и по заказу одного репортера из еженедельника «Вуалья» занимался подробным анкетированием персонала более чем ста парижских домов терпимости. «Вуалья» так и не напечатал этой анкеты, и Роман с возмущением узнал, что трудился для конфиденциального туристического гида по «злачным местам». А самое обидное, что ему за это не заплатили, так как репортер бесследно исчез.

Роман наклеивал этикетки на коробки, раскрашивал жирафов на небольшой фабрике игрушек. Из всех профессий, которые он перепробовал в то время, самой неприятной оказалась работа администратором в гостинице на площади Этуаль. Его постоянно третировал главный администратор, который презирал интеллектуалов. А он знал, что Роман учится на юридическом факультете.

Так что это был нелегкий хлеб. И тут случается наконец второе радостное событие. Тот же журнал «Грингар» печатает его второй рассказ...

Но вот окончен юридический факультет. С большим трудом Роман получил звание лицензиата прав. Как говорят у нас в кинематографе, Гари «взахлест» был зачислен курсантом Высшей летной школы, откуда через два года должен был выйти в чине младшего лейтенанта ВВС Франции. Это случилось в 1938 году. Роману 24 года. Через два года Франция вступит

в войну, но Роман об этом пока не догадывается. К этому моменту произошло некое событие, в результате которого наш герой чуть было не убил Гитлера. Это было так. Ничего не подозревающий Роман приехал на каникулы в Ниццу... Впрочем, не стану пересказывать эту леденящую душу детективную историю. Предоставим слово самому участнику этой отважной акции.

«...Мама встретила меня очень странно. Конечно, я ожидал счастливых слез, нескончаемых объятий и одновременно взволнованного и радостного сопения, но никак не этих рыданий, отчаянных взглядов, напоминавших прощание, — с минуту она, вздрагивая, плакала в моих объятиях, изредка отстраняясь от меня, чтобы лучше видеть мое лицо, потом в испуге снова бросалась ко мне. Меня охватило беспокойство, я с тревогой спросил, как она себя чувствует, — не волнуйся, все хорошо, дела тоже идут хорошо — да, все хорошо, — после чего новый приступ слез и сдерживаемых рыданий. Наконец она успокоилась и, схватив меня за руку, с таинственным видом потащила в пустой ресторан; мы уселись в уголке за нашим столиком, и там она поведала мне о своем плане относительно меня. Все очень просто: я должен ехать в Берлин, чтобы убить Гитлера и тем самым спасти Францию, а заодно и весь мир. Она все предусмотрела, включая и мое спасение, так как, если предположить, что меня арестуют — хотя она прекрасно знает, что я способен убить Гитлера, не давшись им в руки, — но даже если предположить, что меня арестуют, то совершенно очевидно, что великие державы — Франция, Англия и Америка — предъявят ультиматум, требуя моего освобождения.

Признаться, я с минуту колебался. Идея немедленно ехать в Берлин, разумеется в третьем классе, чтобы убить Гитлера, в самый разгар лета, с сопутствующими этому нервозностью, усталостью и приготовлениями абсолютно не улыбалась мне. Мне хотелось побыть немножко на берегу Средиземного моря — я всегда тяжело переносил разлуку с ним. Я предпочел бы перенести убийство фюрера на начало октября. Я без энтузиазма представил себе бессонную ночь в жестком, битком набитом вагоне, не говоря уже о томительных часах, которые придется, позевывая, провести на улицах Берлина, дожидаясь, когда Гитлер сообразит появиться. Короче, я не проявил энтузиазма. Но, однако, и речи быть не могло, чтобы уклониться. Итак, я взялся за приготовления. Я неплохо стрелял из пистолета, и, несмотря на отсутствие практики в последнее время, подготовка, полученная в школе лейтенанта Свердловского, еще позволяла мне блистать в тирах во время ярмарок. Я спустился в под-

вал, взял свой пистолет, хранившийся в семейном кофре, и отправился за билетом. Мне стало несколько легче, когда я из газет узнал, что Гитлер отдыхает в Берхтесгадене, так как в разгар июльской жары я тоже предпочитал скорее дышать горным воздухом Баварских Альп, чем городским. Я также привел в порядок свои рукописи: несмотря на оптимизм моей матери, я вовсе не был уверен, что выйду из этого живым; написал несколько писем, смазал свой парабеллум и одолжил у друга, который был плотнее меня, куртку, чтобы незаметно спрятать под ней оружие. Мое крайнее раздражение и дурное расположение духа усиливались еще и тем, что лето выдалось удивительно теплое, и после стольких месяцев разлуки Средиземное море еще никогда не казалось мне столь привлекательным, а пляж «Гранд Блэ», как нарочно, был полон знакомых шведок с передовыми идеями. Все это время мать ни на шаг не отходила от меня. Ее взгляд, полный гордости и восхищения, сопровождал меня повсюду. Купив билет на поезд, я был приятно удивлен, что немецкие железные дороги делали скидку на тридцать процентов в связи с летними каникулами. И наконец накануне великого дня я пошел в последний раз искупаться. Вернувшись с пляжа, я нашел свою великую драматическую актрису в салоне, в бессилии сидящей в кресле. Как только она увидела меня, ее губы скорчились в детскую гримасу, она заломила руки, и, прежде чем я успел сделать какой-либо жест, она была уже на коленях, рыдая в три ручья:

— Умоляю тебя, не делай этого! Откажись от своего героического плана! Сделай это ради своей старой матери — они не имеют права требовать этого от единственного сына! Я столько боролась, чтобы вырастить тебя, сделать из тебя человека, а теперь... О Боже мой!

Она стояла с огромными от страха глазами, со взволнованным лицом, прижав руки к груди.

Я не удивился. У меня давно уже выработался иммунитет. Я хорошо ее знал и глубоко понимал. Я взял ее за руку.

— Но за билет уже уплачено, — сказал я.

Отчаянная решимость смахнула с ее лица последние следы страха.

— Они возместят мне его! — провозгласила она, схватив свою трость.

Я несколько в этом не сомневался.

Итак, я не убил Гитлера. Как видите, довольно было пустяка...»

Может показаться, что это была сцена из жизни сумасшедших, но на самом деле все не так просто.

Мать Романа, конечно, была особым человеческим экземпляром, но и сынок, как вы вскоре узнаете, тоже оказался занятным фруктом...

Итак, Роман закончил летную школу «Авора» в Провансе и должен был получить звание младшего лейтенанта. И вот торжественный выпуск училища. 300 курсантов стоят на плацу, построены в ряд. С каждого из них портной снял мерки, для всех сшиты мундиры. У Гари денег не было, но мама прислала ему 500 франков, которые одолжила на рынке, где ее так хорошо знали. И вот все стоят в ожидании аттестации. Одновременно идет распределение. Роман мечтает о том, что хорошо бы получить назначение куда-нибудь на юг, недалеко от Ниццы, чтобы он мог часто видеть свою мать.

Оглашаются списки, и вот уже процедура подходит к концу, а Роман все не слышит своей фамилии. Наконец церемония окончена, и Гари понимает, что он единственный из 300 курсантов, который не получил звания младшего лейтенанта.

С ним поступили очень жестоко. Ему даже не дали звание сержанта или старшего капрала. Он получил самый низший офицерский чин — капрала. Это следующее звание после солдата. Он учился очень хорошо. И несомненно заслуживал самого лучшего назначения. Но выяснилось, — его не аттестовали потому, что он не был натурализованным французом. Для того, чтобы летать в небе Франции и защищать ее от врагов, нужно было более десяти лет быть ее гражданином. А Роман и его мать только три года назад получили гражданство. Гари вспоминает: «Я был убит, уничтожен, но даже, по-моему, улыбался. Товарищи стояли рядом, возмущенные этой несправедливостью». Но самая главная забота, которая тревожила и беспокоила Романа, — как он скажет об этом матери. Она ведь связывала с ним все свои честолюбивые надежды и замыслы. Если поведать ей всю правду, то рухнет ее святая вера во Францию, в страну, на которую она молилась всю жизнь. Этого Роман допустить не мог.

Он ехал домой убитым. И только за несколько километров до Ниццы вдруг понял, что скажет матери. Он явился в зал отеля «Мермон» и увидел ее взгляд.

Это был взгляд затравленного зверя, ибо мать сразу поняла, что сын — не офицер, а всего-навсего капрал. И он сказал:— Иди, иди сюда, я тебе должен объяснить. Это временно, это временная заминка. Иди сюда, чтобы нас никто не слышал.

Он потащил ее в зал ресторана, и они сели за свой столик, где вели серьезные беседы. И Роман продолжал:— Это дисциплинарное взыскание, через полгода его снимут. Дело в том, что я обольстил жену коменданта школы. Я знал, на что иду, но не мог устоять. Понимаешь, а денщик засек нас и донес.

У матери на лице появилось этакое заинтересованное выражение — она вспомнила Анну Каренину, свои романтические мечты о многочисленных любовных победах сына...

— А она красива? — спросила мать Романа.

— Очень, — ответил он.

— Скажи, она тебя любит?

— Да, любит.

— У тебя есть ее фотокарточка?

— Нет, но она обещала прислать.

И тут взгляд матери стал довольным и лукавым.

— Дон-Жуан, Казанова! Я горжусь тобой, мой мальчик. Ты будешь ей писать?

Роман замялся.

— Ты должен ей обязательно написать! — сказала мать, и лицо ее засветилось гордостью. — Единственный из трехсот, который не получил звания младшего лейтенанта! Какой молодец! Расскажи мне все подробно.

«Моя мать обожала, — писал Роман Гари, — красивые истории. И я их рассказывал ей очень много...»

...Роман Гари приехал в часть, куда получил назначение капралом. Ему досталось от солдатни. Все знали его историю, знали, что он — неудавшийся курсант. Они называли его лейтенантом отхожих мест. И действительно, в течение нескольких месяцев Роман занимался тем, что чистил уборные. И говорил при этом, что смотреть на места общественного пользования ему было приятней, чем на лица солдафонов.

Перед войной он уже был инструктором летной школы. Совсем незадолго до начала войны, в 1939 году, Роману прямо к самолету принесли телеграмму: «Мать серьезно больна. Немедленно приезжайте». Ему понадобилось двое суток, чтобы добраться от аэродрома до Ниццы. Он взял на вокзале такси, вошел в отель «Мермон», стремглав взбежал в комнату, где жила его мать... Но там никого не было, уже стоял запах нежилого помещения. Ему сказали, что ее перевезли в клинику «Сен-Антуан». Он рванул туда. И там, в больничной палате, нашел осунувшуюся, измученную мать, которая выглядела очень плохо. Вид у нее был растерянный и виноватый, а в изголовье, на самом видном месте стояла фотография Романа, снятая, когда он выиграл турнир по пинг-понгу в 32-м году в городе Ницце.

Роман просидел у нее двое суток, не снимая фуражки, козырек которой прикрывал его глаза. А потом наступило время, когда ему надо было возвращаться в полк.

Вот как описал Роман Гари в книге «Обещание на рассвете» прощание со своей матерью.

«Главное, за меня не беспокойся. Я старая кляча. Раз до сих пор протянула, то и еще продержусь. Сними фуражку». Я снял. Она перекрестила мне лоб и по-русски сказала: «Благословляю тебя». Моя мать была еврейкой. Но это не имеет значения. Главное было понять друг друга, а на каком языке мы говорили, было неважно. Я направился к двери, мы еще раз улыбнулись друг другу. Теперь я чувствовал себя совершенно спокойно. Какая-то частичка ее мужества перешла ко мне и навеки во мне осталась. Ее мужество и сила воли до сих пор живы во мне и только затрудняют мне жизнь, не давая отчаиваться».

Больше они уже никогда не увидятся.

Жизнь четвертая — военная

О военной одиссее Романа Кацева (он еще не стал Гари) можно было бы написать отдельный роман. Но я ограничусь несколькими наиболее колоритными случаями. Франция мгновенно проиграла войну. Воспринятый от матери несуразный, слепой патриотизм Романа заставлял его верить до последних ми-

нут, что его Родина (а ею он считал Францию) обязательно победит. Капитуляция повергла его, как и немало других французов, в шок. Часть военных хотела продолжать войну, перебраться в Северную Африку, в колонии, и оттуда оказывать сопротивление фашистам. Другие связывали надежды с Англией, откуда молодой полковник де Голль 16 июня 1940 года призвал французов к освобождению Отечества. Патриотически настроенные солдаты и офицеры стали искать пути, чтобы перебраться в Лондон. Однако тех, кто хотел продолжать войну с немецкой армией, коллаборационистское правительство объявило дезертирами и изменниками.

Аэродром Бордо-Мериньяка представлял собой в июне 40-го странное зрелище. Здесь столпилось огромное количество самолетов, выпущенных Францией за последние четверть века, эдакая своеобразная ретроспектива. На этих самолетах бежали от немцев военные и штатские, генералы и рядовые, вывозились из парижских домов ковры, собаки, канарейки, кошки, ценная живопись, кое-какая мебель, а также дети, проститутки, старухи...

Роман был, разумеется, среди тех, кто намеревался отправиться через Ла-Манш. Идея была проста: угнать с товарищами, настроенными так же, как он, один из самолетов и перелететь в Англию. Это было опасно, самолеты охранялись, и любая неудачная попытка кончилась бы военным трибуналом. Не говоря уж о том, что молодые летчики освоили только две модели самолета, а чтобы поднять в воздух незнакомую модель, не мешало бы подучиться. Три товарища, Пьер-Жан де Гаш, Клеман по прозвищу «Красавчик» и Роман, присмотрели для побега самолет «Дена-55». Это была новая машина, никто из них на ней не летал. Наступило время побега в Лондон. Они выслушали последние инструкции механика, который сочувствовал им и помогал, и стали усаживаться в самолет. Им предстояло в сопровождении механика сделать круг над аэродромом, освоиться с приборами, самостоятельно произвести посадку и,

Летчик Роман Гари
на войне
в Северной Африке.
1941 г.

оставив механика на земле, снова взлететь и взять курс на Англию. Де Гаш, в биографии которого было больше всего летных часов, был первым пилотом. Он дал знак, и все они стали затягивать лямки парашютов. Роман немножко замешкался — были проблемы с поясом. Но он справился с этим и уже занес ногу на трап. Но тут, выкрикивая его имя и жестикулируя, к самолету подъехал дежурный на велосипеде. — Сержант, вас срочно вызывают на командный пункт. К телефону.

Звонить могла только мать. Больше было некому. Как она пробилась сквозь хаос и неразбериху средств связи поверженной страны, было невозможно понять. Товарищи решили, что сделают пробный круг без Романа, а высаживая механика, заберут его у ангара. Одолжив велосипед у дежурного капрала, Роман помчался по летному полю. Поравнявшись с командным пунктом, он взглянул на взлетающий «Дена-55». Самолет уже набрал высоту метров в 20-25. И вдруг... на несколько секунд неподвижно завис в воздухе, потом накренился на одно крыло, спикировал на землю и, рухнув, взорвался. Роман замер, глядя на столб черного дыма. Потом ему часто приходилось видеть такой столб над погибшими самолетами... Тогда он пережил первый из ожогов внезапного и полного одиночества. Их будет еще очень много. А вот что написал потом сам Роман о своем последнем телефонном разговоре с мамой:

«Я не в состоянии передать, что мы друг другу говорили. Это был набор криков, слов, всхлипов, которые не поддаются членораздельному воспроизведению. С тех пор мне всегда казалось, что я понимаю зверей... После того телефонного разговора я всегда узнавал крик самки, потерявшей своего детеныша... Мать закончила комическими словами из жалкого поэтического словаря... Я вдруг услышал далекий всхлипывающий голос:

— Мы победим!

Этот последний, несуразный крик наивнейшего человеческого мужества вошел в мое сердце и остался в нем навсегда, став моей сутью».

Следующая попытка Романа уговорить трех летчиков совершить угон самолета окончилась плачевно: они его так отвалтузили, что сильно повредили нос, который ему по-настоящему исправили только около двух лет спустя в военном английском госпитале — Роман попал туда после очередного падения самолета.

Потом в летной среде возникло мнение, что война все-таки продолжится в Северной Африке. Летная школа начала перебазировку в Алжир. Но тут вышел приказ, запрещающий вылет всех самолетов. Однако лейтенант Деляво и Роман подняли в воздух самолет «Потез» и полетели через Средиземное море.

Бензина хватить было не должно, но и подзаправить машину было уже нереально. И взяв с собой две автомобильные камеры, которые должны выступить в роли спасательных кругов, эти отчаянные сорви-головы пустились в полет. Им повезло. Дул попутный ветер, и им удалось приземлиться в городе Мекнесе, когда горючего фактически уже не осталось. Но власти Северной Африки тоже согласились на перемирие, и все самолеты были поставлены на прикол...

А вот выходка, которую устроила Нина Борисовская после того, как услышала обращение де Голля к французам.

На рынке Буффа она взгромоздилась на стул рядом с овощным лотком месье Панталеони и, потрясая тростью, стала призывать добрых людей не принимать перемирия и отправляться в Англию продолжать борьбу вместе с ее сыном, известным писателем, который уже наносит врагу смертоносные удары. Кончив тираду, она пустила по кругу страничку еженедельника, в котором был опубликован рассказ сына. Думаю, над ней, скорее всего, смеялись...

Дальше Роман предпринял попытку уговорить английского консула в Касабланке выдать ему для проезда в Англию фальшивые документы. Консул отказал. Потом наш герой решил угнать с аэродрома в Мекнесе «Моран-315». Он уже забрался в кабину самолета, чтобы сначала освоить незнакомый аппарат, а потом взлететь, но тут его заметили два жандарма, караулившие ангар. Роман попытался завести мотор, но винт не вращался. Жандармы уже выхватили револьверы. И Роман, тоже выхватив из кобуры оружие, выкатился из самолета и помчался по полю, петляя, как заяц. Охранники были от него метрах в тридцати. Но он был молод и спасал жизнь. Ему удалось убежать через кусты, выскочить на шоссе и влезть в какой-то рейсовый автобус. Несколько дней он скрывался в злачном квартале Мекнеса, в публичных домах. В это время из Северной Африки в Англию вывозили контингент польских войск. Благодаря знанию

польского языка Роман под видом польского солдата поднялся на борт корабля и, спрятавшись в угольном бункере, добрался до Гибралтара. На рейде Гибралтара он увидел судно под французским флагом и бросился вплавь, чтобы добраться до него. Предстояло проплыть два километра. Роману это удалось. Когда французский сержант увидел вылезшего из воды голого человека, он даже не удивился — такое уж сумасшедшее было время. Семнадцать суток продолжался морской переход от Гибралтара до Глазго. Когда Роман Кацев зачислялся добровольцем, у него была соблазнительная возможность присвоить себе чин младшего лейтенанта, которого его несправедливо лишили по окончании летной школы в Аворе. Но мысленно посоветовавшись с матерью, он понял, что она бы этого не одобрила. Пришлось остаться сержантом. Война шла, но без участия Романа, который рвался к подвигам, ибо их ждала от него мать. Было много дурацких ситуаций вроде дуэли из-за бабы с польским офицером или поручения сопроводить в другой город гроб с телом застрелившегося французского пилота, когда в результате хорошей выпивки и путаницы Роман с двумя капралами привез на похороны вместо гроба с мертвым товарищем запечатанный ящик с бутылками пива «Гиннесс». Спасая честь мундира, этот ящик, накрыв трехцветным флагом, торжественно похоронили под молитвы священника и залпы почетного караула. Вскоре после приезда в Англию Роман получил первые письма от матери. Они тайно переправлялись из Швейцарии. Письма не были датированы. Всю войну, три с половиной года, материнские письма находили Романа. Эти письма поддерживали в нем дух и волю, и «словно через пуповину моей крови передавалось мужество более закаленного сердца, чем мое собственное».

«Мой горячо любимый сын, — писала старая женщина, сидя в отеле «Мермон», — вся Ницца гордится тобой. Я побывала в лицее у твоих преподавателей и рассказала им о тебе. Лондонское радио

сообщает нам о лавине огня, которую ты низвергаешь на Германию, и они правы, что не упоминают твоего имени. Это могло бы навлечь на меня неприятности...»

Роман понял, что эхо его «подвигов» дошло до ушей торговцев рынка Буффа. Но дело заключалось в том, что ему до сих пор не удалось встретиться в схватке с врагом. Их эскадрилью перевели в Африку. Его преследовала цепь неудач. Однажды их самолет, где он был вторым пилотом, попал в песчаную бурю, зацепился за дерево и упал, уйдя на метр в землю. Летчики остались целы. Буквально через несколько дней Роман испытал еще одно потрясение: упал, перевернулся и загорелся на взлете самолет «Бленхейм». Экипаж еле успел спастись. Третья катастрофа произошла с самолетом, летевшим в Каир. Этот «Бленхейм» разбился в джунглях, на севере Лагоса. Пилот и штурман погибли, Гари, летевший пассажиром, осваивавшим маршрут, не получил ни царапины. Его нашли через двое суток, — он был без сознания, в адской жаре, в закупоренной кабине самолета, где спрятался, спасаясь от чудовищных зеленых африканских мух.

«Мой прославленный и любимый сын! Мы с восхищением читаем в газетах о твоих героических подвигах. В небе Кельна, Бремена, Гамбурга твои расправленные крылья вселяют ужас в сердца врагов...»

В Центральной Африке, идя на бреющем полете, изношенный самолет Кацева врезался в стадо слонов. Пилот и один слон погибли, Роман опять остался цел. В Ливии, куда они перебазировались, готовя новое наступление на Роммеля, Роман заболел тифом с кишечным кровоизлиянием. Врачи считали, что у него один шанс из тысячи, чтобы выжить. Ему сделали пять переливаний крови. Его товарищи-летчики дежурили у койки, сменяя друг друга и отдавая свою кровь. На пятнадцатый день врачи сказали, что Роману осталось жить несколько часов. В его палату доставили гроб. Тело Гари было покрыто гнойными язвами, вос-

паленный язык распух, левая сторона челюсти, треснувшая в одной из аварий, загноилась, а кусочек кости, отколовшись, торчал из десны наружу. Роман продолжал истекать кровью. Ледяные простыни, в которые завертывали его тело, через секунду становились горячими. И в довершение всего огромный солитер в это же самое время метр за метром выходил из его внутренностей. Вдруг Роман увидел святого отца, вошедшего в палату, чтобы причастить умирающего. Он отослал его и потерял сознание.

И все-таки он не умер. Началось медленное, тяжелое выздоровление. Едва придя в сознание, Роман задал первый вопрос: когда сможет вернуться на фронт? Врачи развеселились. Они не были уверены, сможет ли он ходить...

После госпиталя его отправили в отпуск, на реабилитацию, в Долину Фараонов, в Луксор. Там он продолжал писать свой первый роман «Европейское воспитание», который начал еще в 1940 году в свободные минуты между вылетами, в лазаретах, во время ремонта самолетов. Опять пришло письмо от матери — Роман не писал ей уже больше трех месяцев, но почему-то в ее письме не было никакого беспокойства. Последнее письмо, судя по дате на конверте, было отправлено после того, как она не получала никаких вестей от Романа несколько месяцев. Очевидно, она отнесла это на счет почты.

«Дорогой мой мальчик. Умоляю тебя, не думай обо мне, не бойся за меня, будь мужественным... Поскорее женись, так как тебе всегда будет необходима женщина рядом. Быть может, в этом моя вина. Но, главное, быстрее постарайся написать хорошую книгу, так как потом она будет тебе большим утешением. Ты всегда был художником... Я хорошо себя чувствую. Старый доктор Рязанов мною доволен. Он передает тебе привет. Мой дорогой мальчик, будь мужественным. Твоя мать».

Что-то в этом письме тревожило Романа. Что-то в нем было не так. Он впервые уловил в материнском послании нотку отчаяния, в нем были необычные сер-

езность и выдержка. Слава Богу, главное — жива... За пять фунтов египетский таксист Ахмед облачил в военную форму Романа и прошел медосмотр в английском каирском военном госпитале вместо него. В августе 1943 года эскадрилью, где воевал Роман, перевели в Англию, на военно-воздушную базу в Хартфорд-Бридж.

В каждое серое промозглое утро на бомбардировщике «Бостон» пилот Арно Ланже, штурман Роман Кацев и стрелок Бодан летели бомбить военные и промышленные объекты нацистской Германии. Каждый день какой-нибудь из вылетевших экипажей не возвращался. Как сказал Гари: «Небо для меня пустело все больше и больше». А по ночам в гофрированной хибарке он писал свой роман. Из рта шел пар, руки коченели, несмотря на то, что он сочинял в летной куртке и меховых сапогах. А утром отправлялся в очередной боевой вылет. Закончив роман, он послал рукопись Марии Будберг. Каким образом он на нее «вышел», как говорят нынче, неизвестно. (Кстати, именно тогда впервые появился псевдоним, который стал литературной фамилией нашего героя. В детстве мать ему пела старинный русский романс «Гори, гори, моя звезда»... Первое слово этой песни, заменив «о» на «а», Роман и поставил на титульном листе своей первой книги.) О Марии Игнатьевне Закревской (девичья фамилия) — Бенкендорф (фамилия первого мужа) — Будберг (фамилия второго мужа) следует сказать особо.

Мура (так ее звали близкие) была женщиной незаурядной, с экстраординарной судьбой. Будучи любовницей английского дипломата Локкарта, она была арестована в Советской России в связи с обвинением его в шпионаже в 1918 году; прошла через застенки ЧК; говорят, к ней был неравнодушен заместитель Дзержинского Петерс — возможно, не без взаимности, ибо Локкарт был освобожден. Потом Корней Чуковский познакомил Муру с Максимом Горьким, и она стала его близкой подругой, по сути, женой. Уехала с ним в Италию и оставалась рядом вплоть до 1928 года, когда великий пролетарский пи-

сатель вернулся в СССР. Именно ей Горький оставил ящик секретных архивных документов, которые боялся везти на родину, начинающую становиться тоталитарным государством. Существует мнение, что Мура, испугавшись угроз ЧК—НКВД, привезла архивы Горького чуть ли не лично Сталину. И еще над ее головой витает страшное подозрение, что она непосредственно причастна к убийству Алексея Максимовича. Тех, кто интересуется судьбой этой загадочной особы, отсылаю к книге Нины Берберовой «Железная женщина», посвященной жизненному пути Закревской—Бенкендорф—Будберг.

В то время, когда Роман послал ей свою рукопись, Мария Игнатьевна была невенчанной женой великого фантаста Герберта Уэллса.

И вот наступило 23 ноября 1943 года. Этот день сыграл в жизни Романа Гари очень важную роль. Они летели бомбить военные немецкие заводы. И попали в зону зенитного обстрела. Некоторое время они летели в гуще разрывов. Вдруг Роман услышал в наушниках, как вскрикнул пилот Арно Ланже. А потом раздался его холодный голос: «Я ранен. Ничего не вижу. Я ослеп».

И в это же время Гари почувствовал, что ранен в живот. Летчикам перед полетами выдали стальные шлемы. Американцы и англичане использовали их по назначению, то есть надевали на головы. Французы же прикрывали другую часть тела, которую считали более существенной. Убедившись, что драгоценный орган не пострадал, Роман облегченно вздохнул. Самолет вышел из зоны обстрела. Гари понимал, что теперь он должен взять обязанности пилота на себя. Но в бомбардировщике «Бостон» кабины пилота и штурмана были разделены стальной перегородкой. Дальше удивительный полет проходил как бы под суфлера. Штурман Гари передавал ослепшему летчику команды, которые тот виртуозно выполнял. Они приняли решение лететь дальше и бомбить цель, которая им поручена.

После того, как они отбомбились, Гари продолжает

руководить слепым летчиком. «Бостон» поворачивает в сторону Англии. Экипаж решает, что когда они достигнут берегов Великобритании, то прыгнут с парашютом. Но выясняется, что кабину летчика Ланже заклинило, верхняя крышка не открывается. Ни Гари, ни стрелку-радисту даже не приходит в голову, что они могут бросить товарища и спрыгнуть на землю одни, оставив раненого пилота погибать... И тогда они решают произвести посадку на свой аэродром. Первая попытка не удалась. Они промазали, пролетели мимо. Вторая тоже не удалась. И только с третьей попытки они смогли посадить самолет на взлетно-посадочную полосу. Это был первый случай в истории французских ВВС, да, может быть, и в истории всей авиации, когда слепой летчик посадил самолет по указаниям штурмана.

За этот подвиг каждый член экипажа самолета эскадрильи «Лотарингия» был представлен к боевой награде — Кресту Освобождения.

Несколько слов об этом ордене.

Я задаю вопрос Николаю Вырубову, герою Франции, кавалеру многих боевых орденов, в том числе и Креста Освобождения.

Эльдар Рязанов:

Почему де Голль именно этот орден ценил больше всего?

Николай Вырубов:

Когда де Голль возглавил движение «Свободная Франция», он считал, что не имеет права давать ордена. Ибо он не глава государства, не глава правительства. Орден — это национальная награда, дается от имени государства. Поэтому он не мог награждать, скажем, Почетным легионом. И тогда он создал свой орден. И с самого начала решил, что будет только одна тысяча крестов. Из них триста или четыреста оказались посмертными. Имена кавалеров этого ордена выбиты золотом при входе в Дом Инвалидов. Среди них есть несколько не французских фамилий. В их числе: грузин Дмитрий Амилахвари, русский Николай Вырубов, еврей Роман Гари.

Впоследствии Гари был награжден не только Крестом Освобождения, но и орденом Почетного легиона, Боевым крестом и множеством других боевых наград. А ранение в живот оказалось неопасным. Не были задеты жизненно важные центры.

...Тем временем пришел ответ от английского издателя, который прочитал книгу и был в восторге от нее. Книга была срочно переведена на английский язык и под названием «Лес гнева» вышла в Англии. А вскоре после этого она вышла на французском языке и во Франции и получила премию Французской критики.

Книга стала литературной сенсацией. Гари писал: «Я почувствовал, что родился». Когда он возвращался с боевых полетов, то у трапа самолета его ждала толпа корреспондентов. Его снимали, брали интервью, он чувствовал себя героем, и это очень льстило его самолюбию.

А тут подоспело очередное письмо матери.

«Дорогой сын! Вот уже долгие годы, как мы в разлуке, и надеюсь, что теперь ты привык не видеть меня, так как и я не вечна. Помни, что я всегда в тебя верила. Надеюсь, что когда ты вернешься, ты все поймешь и простишь меня. Я не могла поступить иначе...»

Гари не мог понять: какой номер она еще отколола? Он чувствовал тонкую иронию, ему виделось ее виноватое лицо, какое бывало у нее тогда, когда она понимала, что переборщила... Письмо кончалось так:

«Все, что я сделала, я сделала потому, что была тебе нужна. Не сердись. Я хорошо себя чувствую. Жду тебя...»

Роман напрасно ломал себе голову...

И вот наступило время свидания с матерью. Он мчался по берегу Средиземного моря в открытом джипе. Он был в офицерском мундире с нашивками капитана. На кителе красовались ордена и медали. Он надел их все. В рюкзаке лежала книга «Европейское воспитание» на двух языках, английском и французском, вырезки из прессы, премия Французской критики. Он по-

слал несколько телеграмм, предупреждая мать о своем приезде. Ехал и радовался тому, что сейчас увидит ее. Он не видел мать целых четыре года. Когда Роман подъехал к отелю «Мермон», его никто не встречал.

Война окончена. Капитану Роману Гари 31 год. Он награжден Крестом Освобождения, орденом Почетного легиона, боевыми медалями. Вышел в свет в Англии и Франции его первый роман «Европейское воспитание», награжденный премией Французской критики

Он ждал, что мать будет стоять в дверях отеля с победным флагом, но никого не было. И вообще понадобилось много времени, чтобы понять — а где же она? Что случилось? Ницца изменилась, друзья разъехались. Он стал искать знакомых. И узнал страшную правду: три с половиной года назад, через несколько месяцев после его отъезда в Англию, мать умерла. Но он же всю войну получал от нее письма!.. Он не мог понять, в чем дело... Просто какая-то мистика... Оказывается, мать, зная, что умирает, написала ему в больнице около 250 писем и попросила приятельницу, жившую в Швейцарии, регулярно отправлять их сыну. И он получал эти послания все годы войны. Вот почему на ее весточках не было дат. Мать своими письмами продолжала вливать в него бодрость, си-

лу. Это был ее последний подвиг. И, может быть, именно благодаря ее письмам, несущим в себе любовь, Роман выжил в этой страшной войне... В память о матери у него остались лишь ее письма и одна-единственная крошечная фотография с удостоверения личности. Военный летчик, которому исполнился тридцать один год, стоял около отеля. Огромное чувство одиночества навалилось на него. Теперь он стал человеком без роду, без племени. У него не было никого. Он остался один-одинешенек на всем белом свете...

*Я поздно вас открыл, Роман Гари.
Вы прожили не жизнь, а целых три.
В одной из них вы были сыном шляпницы,
Носившей дома стоптанные шлепанцы,
Но выходившей с вами на руках
На тоненьких французских каблучках.
Вы были во второй солдатом Франции,
Хотя без жезла маршальского в ранце,
С мозжухинскою страстью в каждой битве,
Шагаловский летающий еврей,
Не просто рядовым вы в небе были,
А маршалом для матери своей.
А третья жизнь, она была внутри.
И вы писали с летчицким бесстрашьем,
Как будто снова сросся в сердце вашем
Разбитый самолет Экзюпери.
За то, что вы худуций и ушастый,
Дразнили вас, но с вечной высоты
Вниз, на могилу шляпницы варшавской,
Кружась, летят сыновние цветы.*

Евгений Евтушенко

Поскольку мы расстаемся на этих страницах с матерью Романа, последние слова будут о ней. Экзальтированная фантазерка, наделенная неизъяснимой наивностью и своеобразным кодексом чести, патриотка, сочинительница, мистификаторша, вы-

думщица, смешная очаровательная интриганка, актриса, она была цельной и чистой натурой. Ибо вся ее одержимость служила одной цели — святой благой материнской любви. Если бы во Вселенной проводился конкурс среди матерей, Нина Борисовская, думаю, заняла бы там первое место. Место Великой Матери.

Жизнь пятая — дипломатическая

Итак, военная глава жизни Романа Гари кончилась. Кончилась навсегда. Началась новая глава — дипломатическая. Он работает теперь в Министерстве иностранных дел. Это кажется мистикой, если мы вспомним материнские пророчества: «Мой сын будет французским посланником!!!»

А дело-то объяснялось просто. Освобожденной Франции требовались новые политики, дипломаты, свободные от коллаборационистского прошлого, от вишистских настроений, не замаранные сотрудничеством с оккупантами. Многих фронтовиков приглашали работать в здание на Кэ д'Орсе, где помещалось Министерство иностранных дел. Среди них был и Гари — герой, фронтовик, писатель.

Романа Гари посылают секретарем посольства в Болгарию. Он едет туда с молодой женой. Он недавно женился. Это английская писательница Лесли Бланш, женщина, конечно, молодая, но все-таки на семь лет старше его. Она редактор знаменитого журнала «Vogue», автор многих интересных книг. В частности, она пишет роман «Всадники рая» о вожде горцев Шамиле. Регулярно путешествует по Кавказу, собирая материал для своей книги. Первое время, когда молодых супругов представляли, то говорили так: — Познакомьтесь, это Лесли Бланш и ее муж!

Но вскоре картина переменялась. Роман работал много и выпускал книгу за книгой. И каждый раз успех сопутствовал ему. Бланш оказалась хорошей женой, и то, что она старше, было гармонично для их семейной жизни, ибо Роман привык к материнской опеке. Молодая чета приехала в Софию тогда, когда

во всех странах народной демократии – в Венгрии, Чехословакии, Польше и, конечно, в Болгарии – коммунистические вожди начали избавляться от соперников. Процессы следовали один за другим. Мо-

Первой женой Романа стала английская писательница Лесли Бланш

лодые, популярные, свободолюбивые лидеры попадали под жернова сталинского режима. В Болгарии Роман и Бланш подружились с Петковым, видным деятелем, лидером демократического крыла коммунистической партии. Потом Роман Гари видел, как казнили Петкова, и на всю жизнь запомнил лицо мертвого казненного друга. И с тех пор возненавидел тоталитарный режим... В Болгарии Гари написал роман «Тюльпан». Это фарс, который местами приближается к чаплинскому гротеску. Не стану пересказывать его сюжет, ибо за жизнь Гари сочинил 30 книг. А я уже и так основательно поэксплуатировал дивную книгу «Обещание на рассвете». Вам, дорогой читатель, придется поверить на слово, что «Тюльпан» – интересное, яркое, очень смешное сочинение.

Романа отзывают в Париж. Он с женой возвращается в столицу Франции, работает в Департаменте Европы над проектом «Единая Европа».

Каждый раз, когда он начинает свою очередную дипломатическую работу, он полон энтузиазма, энергии,

Пресс-атташе
при представитель-
стве Франции в ООН.
Красив, умен,
хорошо подвешен
язык, модный
писатель, — одним
словом, неотразим.
Завистники называют
его не пресс-атташе,
а секс-атташе.

но это быстро уходит. Он сталкивается, как правило, с рутинной, штампами, казенщиной. А его свобододолюбивая душа всего этого совершенно не выносит...

Днем, в обеденный перерыв, он прибегает в гостиницу рядом со зданием Министерства иностранных дел, где снимает крошечный номер, чтобы писать свой следующий роман. Он становится «сумасшедшим» писателем. Любую секунду использует для того, чтобы сочинять, сочинять и сочинять. Спустя некоторое время его переводят в Берн. Он уже советник посольства. Поначалу Гари рьяно принимается за дело, но Берн даже после Софии, а уж тем более после Парижа, кажется ему мертвым, тоскливым городом. Пытаясь разбудить сонную скуку, он устроил эскападу, неожиданную для дипломата: однажды в зоопарке прыгнул в ров к медведям. И находился там до тех пор, пока не приехала пожарная машина. Когда его вынимали, он сказал: «Ни один медведь даже не шелохнулся, не двинулся в мою сторону. А чего от них ждать? Это же швейцарские медведи. Они такие же скучные, как все в этом городе...»

В 1952–54 годах Роман Гари — пресс-атташе при представительстве Франции в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Он молод, блестящ, легок, остроумен, у него уже вышло несколько книг. Его задача — разъяснить миллионам американцев французский политический курс. Но Франция в то время вела очень непопулярную политику, — она воевала во Вьетнаме, не давала свободу и независимость своим колониям: Алжиру, Тунису, Чаду. А Роман Гари — человек прогрессивный, французская внешняя политика совершенно не соответствует его личным убеждениям. Однако он обязан проводить официальную линию своего правительства. Совсем как наши дипломаты в советские времена: по ночам читали Солженицына, а утром приходили на службу в ООН и говорили все наоборот.

Роман Гари, конечно, был невероятно одарен. Блестящая внешность, талант к разговору, спору, дискуссии, умение держаться перед теле- и кинокамера-

ми — все это создавало ему определенную популярность в журналистских и дипломатических кругах. К тому же злые языки называли его не пресс-атташе, а секс-атташе. И действительно, он пользовался сногшибательным успехом у прекрасного пола. В это время он пишет сатирический, злой роман «Человек с голубкой». Организация Объединенных Наций, на которую Гари возлагал большие надежды, очень разочаровала его. И эта книга, по сути, разоблачала ее деятельность. В романе выведены и генеральный секретарь, и его помощник, и министры иностранных дел, и послы, и чиновники, и разные службы. Фамилии и имена были очень прозрачны, сходство с оригиналами угадывалось. Интриги, ложь, фальшь политиков, двуличность — все это выставлялось выпукло и беспощадно. Гари совершил очень смелый поступок. Ясно было, что книга написана как бы «изнутри», а ведь среди дипломатов не так много способных литераторов.

Поставить свою подлинную фамилию на книге, разумеется, было равносильно самоубийству. Новый роман Гари выходит под псевдонимом Фоско Синельди. И дальше всю свою жизнь Роман Гари открещивался от этого сочинения. И лишь в 1984 году, после его смерти, книга была напечатана под настоящим именем автора.

В Нью-Йорке он пишет еще один роман, «Краски дня». Это книга о Голливуде, в котором Гари еще ни разу не был. В ней описана любовь уже немолодого, стареющего француза к молоденькой американской старлетке. Этим романом Роман Гари, извините за каламбур, предвосхитил события своего будущего, многое предугадал из своей собственной последующей жизни. Несколько лет спустя Гари получит новое дипломатическое назначение, станет генеральным консулом в Лос-Анджелесе. Там он встретит молодую американскую актрису Джин Сиберг, и эта встреча сыграет роковую роль в его судьбе. И в их с Сиберг жизни случится многое из того, о чем рассказывалось в «Красках дня». Что это было? Действительно пред-

чувствие, предвосхищение собственного будущего? Или же он поступал именно так потому, что претворял в жизнь написанное ранее? Кто знает... Вообще в жизни Гари было немало такого, что как бы предсказывало его дальнейшую судьбу.

После двух лет пребывания в Организации Объединенных Наций Романа Гари переводят в Боливию, генеральным консулом в Ла-Пас. Дипломатическая работа, естественно, сочетается с литературой. Рождается замысел романа «Пожиратели звезд», своеобразная версия вечного сюжета о Фаусте и дьяволе, о продаже души сатане. Действие происходит в Латинской Америке, а Мефистофель служит в цирке, показывая фокусы, сродни эскападам Воланда и трюкам Дэвида Копперфильда.

В Боливии генеральный консул Франции получает телеграмму о том, что Гонкуровский комитет присудил свою премию — самую престижную литературную премию Франции — его книге «Корни неба», пятому по счету роману. Это настоящее признание! Автор счастлив! Он купается в славе. Его осаждают корреспонденты, он дает интервью налево и направо, газеты пестрят восторженными рецензиями, публика запоем читает роман. Все прекрасно, все замечательно. И, как обычно бывает с большими произведениями, тут же принято решение экранизировать книгу. За экранизацию берется знаменитый американский режиссер Джон Хьюстон. Приглашаются Эррол Флинн, Жюльетт Греко, Орсон Уэллс, замечательные актеры и исполнители. Но фильм получился далеко не на уровне книги. Так о чем же этот роман? Почему он вызвал такой бум, такой интерес?

«Корни неба», по сути дела, как бы первый экологический роман. Тогда, в 1956 году, многие люди даже не знали такого слова — экология. Голос в защиту природы, в защиту животных прозвучал ярко и свежо. Сюжет романа довольно сложен, книга строится как детектив. А суть в том, что некий Морель, француз, который волею судьбы оказался в Центральной Африке, в Чаде, бывший узник гитлеровских концлагерей, объ-

являет войну истребителям слонов. Он борется не просто на словах. Сначала он ходит с петицией о запрете охоты, просит ее подписать, но над ним смеются. Ведь слоновая кость — богатый промысел, это доходы. Люди ненавидят его, ибо герой книги живет среди охотников на слонов, именно они его окружение. И тогда Морель объявляет войну, подобно Робину Гуду. Он начинает стрелять в людей, которые истребляют замечательных, добродушных, благородных великанов с хоботами. Он поджигает их лавки, нападает на плантации. К нему присоединяются немка Нина, судьба которой искалечена войной, и некие чудаки-натуралисты. Негритянское население старается использовать этот конфликт для того, чтобы разжигать ненависть к белым, чтобы поднять восстание против французских колонизаторов. Естественно, общество дает ответный бой этому Дон-Кихоту, этому рыцарю, который борется за сохранение животного мира. Его окружают полицейские и охотники. Его преследуют «черные убийцы» — они не хотят, чтобы Морель попался живым в руки правосудия. Книга строится так, что до последней страницы читатель не знает, чем все это кончится. И я не стану вам рассказывать, просто советую прочитать эту замечательную книгу...

Кстати сказать, Гари очень недолюбливал Хемингуэя за его рассказы об Африке, где тот прославляет охоту, сафари. Роман считал, что истребление животных — это будничная фашизм...

Вскоре, на пике своей популярности, Роман Гари получает новое назначение — генеральным консулом в Соединенные Штаты Америки, в Лос-Анджелес. Как тут не вспомнить предсказания вещуньи Нины Борисовской?!

Лос-Анджелес — кинематографическая столица Америки. И здесь Роман Гари оказывается в своей стихии. Он модный писатель, соперничает с Генри Миллером и Норманом Мейлером. Его роман «Корни неба» входит в список бестселлеров года. Прожектора, киноактрисы, кинозвезды — он чувствует себя пупом Земли. Мужчины-завистники называют его «сексу-

альным консулом». Американский режиссер Уэнд-жер предлагает ему сыграть в фильме «Клеопатра» роль Цезаря. И только дипломатический статус не позволяет Роману Гари принять это предложение.

За роман
«Корни неба»
Роман Гари
был награжден
Гонимой
премией

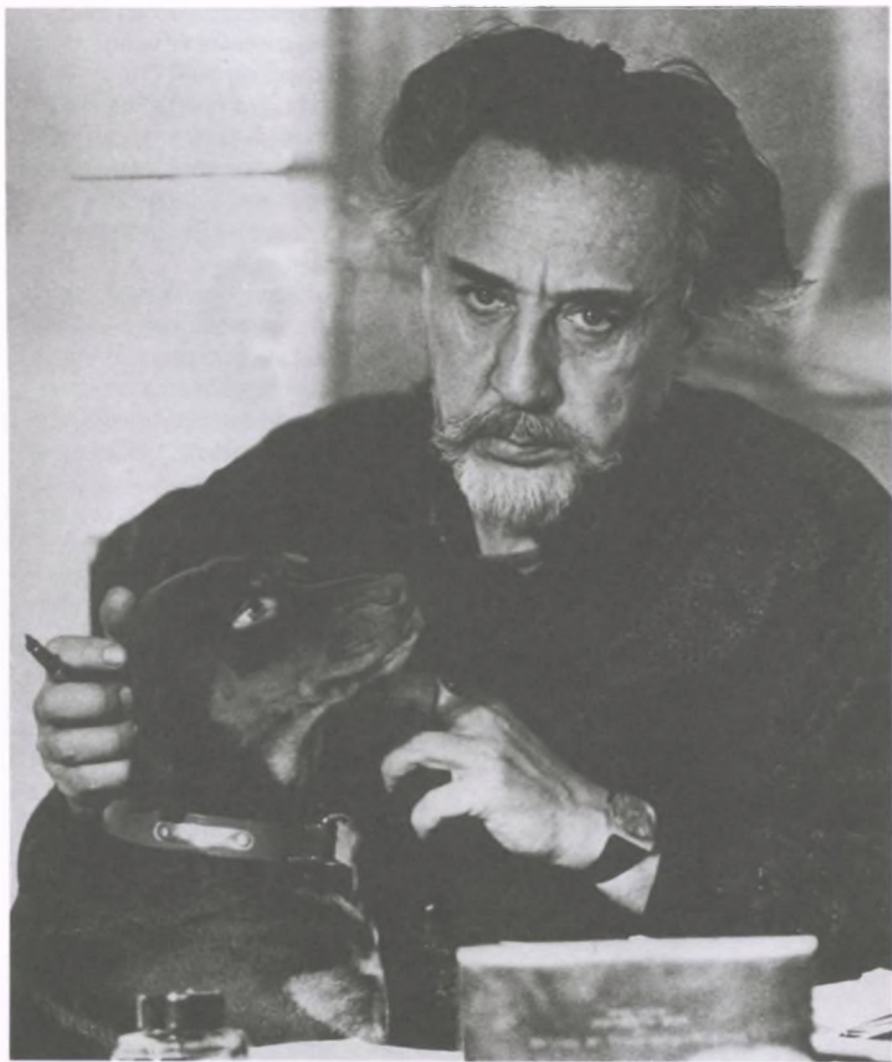
Но несмотря на весь этот светский вихрь, он продолжает очень много и упорно писать, в частности, заканчивает роман «Пожиратели звезд».

Может быть, в силу наследственности (мать актриса, отец — или отцы? — той же профессии) жизнь для Гари представляется спектаклем. Особенно это ощущение обострилось в Голливуде, любимцем которого очаровательный француз стал очень быстро. Вот что пишет О.Кусова в своем предисловии к книге «Корни неба»: «...спектаклем можно сделать все. И жизнь. Гари и поставил блистательный спектакль своей жизни, но режиссером этого спектакля изначально был не он. Он сыграл его, а поставила Нина Борисовская, его

мать...»

Прежде чем перейти к его роковому знакомству с Джин Сиберг, хочу сказать о том, что Гари любит все время осваивать нечто новое. Одно дело хорошо говорить по-английски, совсем другое — отважиться писать на нем прозу. Мы помним удачный опыт подобного рода у Владимира Набокова, который из русского писателя стал английским. Роман «Пожиратели звезд» был написан в 1960 году на английском языке. На французском (кстати, тоже не родном для сочинителя) книга вышла лишь шесть лет спустя. Разумеется, в переводе самого автора. На английском языке было создано еще несколько книг, в том числе — «Леди Л.» и «Белая собака».

В Лос-Анджелесе Гари подобрал и приютил бродячую

собаку, которую окрестил русским именем «Батька». И вдруг он заметил, что этот пес бросается только на негров. Когда в дом заходили негритянские служители, электрики, разносчики или же просто черные гости, то пес сразу на них бросался. Гари понял, что

В Америке Гари написал роман «Белая собака» — о псе, который сначала ненавидел и бросался на людей с черным цветом кожи, а потом его переучили и он стал другом белых

это так называемая «белая собака», то есть пес, обученный бросаться на черных. И тогда Роман отдал Батьку заклинателю змей, негру. То, что далее произошло в жизни, и стало основой его романа, который так и называется «Белая собака». Новый хозяин, заклинатель змей, ненавидящий белых, переучил собаку так, что теперь она стала бросаться только на них.

Автор хотел сказать, что можно научить ненависти к любой расе, к любой национальности. Национализм или расизм в любой форме — отвратительны и приводят, в конечном счете, к войнам. Кстати, в Америке у Гари часто спрашивали, учитывая его весьма экзотическую цыганско-восточную внешность: кто он по национальности?.. Он отвечал:

«У меня нет ни капли французской крови, но в моих жилах течет кровь Франции...»

И вот здесь, в Голливуде, в 1960 году, 20 сентября происходит его встреча с Джин Сиберг.

Отвлечемся на некоторое время от нашего героя, ибо Джин Сиберг стоит того, чтобы рассказать ее биографию поподробнее.

Ее жизнь начиналась как голливудская сказка. А окончилась такими ситуациями и событиями, пред которыми бледнеет любой триллер, любой фильм ужасов. Завертелось с того, что Отто Преминджер, режиссер немецкого происхождения, начинал снимать в Америке фильм «Жанна д'Арк». По всей стране был объявлен конкурс — искали героиню. Съёмочная группа обратилась с призывом присылать фотографии девушек.

Джин Сиберг жила в маленьком городке Маршалтаун на западе Соединенных Штатов, в простой семье. Отец был аптекарем, а мать, к сожалению, очень сильно злоупотребляла алкоголем. Это потом скажется и на дочери. Родители даже не помышляли ни о какой карьере Джин в кинематографе, вообще были очень далеки от искусства. Однако учительница Сиберг, очарованная своей ученицей, послала ее фотографию в Голливуд на конкурс. И произошло американское чудо. Сперва было 3000 претенденток. Потом осталось 300. А потом одна — Джин Сиберг. Она и стала снй-

маться в роли Жанны д'Арк. Простая девушка попала в кинозвезды. Разумеется, завязался роман с режиссером. Надо сказать, что целомудренность была не самым главным достоинством Джин и не самой главной чертой характера. Фильм, к сожалению, получился не очень удачным, но, тем не менее, Джин Сиберг появилась на международной киноорбите. Она приезжает во Францию и там попадает на Каннский фестиваль, где знакомится с никому еще не известными Роже Вадимом и Брижит Бардо — золотая богемная компания. Но Джин была барышней неуравновешенной, и там, в Каннах,

Даже на этом снимке ощущается некое пижонство, свойственное Роману Гари: перстень, сигара, часы, модная авторучка. Писатель сочиняет!

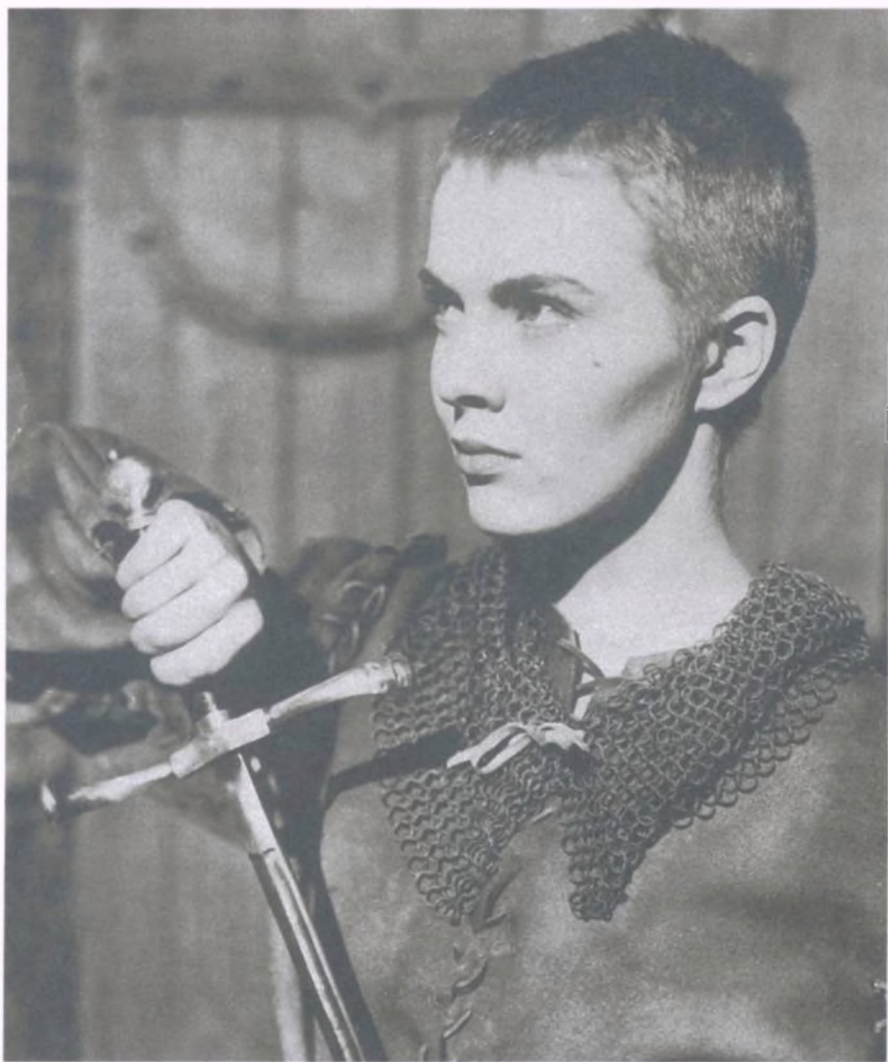
в 19 лет случается ее первая попытка самоубийства. Джин спас ее спутник, замечательный негритянский актер Сидней Пуатье, который вместе с ней приехал во Францию.

В Каннах ее замечает режиссер Жан-Люк Годар. Он начинает снимать свой ставший потом сенсационным фильм «Не переводя дыхания». Там впервые снялся Жан-Поль Бельмондо. Годар приглашает на роль его партнерши Джин Сиберг. Когда я делал программу о Бельмондо, я попросил его вспомнить и рассказать о своей партнерше по этой работе.

Когда мы снимались с Джин Сиберг, она была очень удивлена манерой съемки Годара. Это было совсем не похоже на голливудский стиль. А Джин только приехала из Голливуда, где снималась у Отто Преминджера в роли Жанны д'Арк. Джин была очень милой женщиной, очень мягкой. Я успокаивал, объяснял, что все не страшно, что это нормально, ведь мы все иногда делаем нечто новое. Она тревожи-

Ж.-П. Бельмондо:

Дебют Джин Сиберг состоялся в фильме «Жанна Д'Арк» режиссера Отто Преминджера. 1957 г.

лась, ибо не понимала, чего от нее хотят на съемках. Но Джин всегда была в хорошем настроении, симпатична и очень общительна. А потом, несколько лет спустя, я встретился и с Романом Гари. Мы снимали в Бейруте и в Афинах. Джин в то время была очень

дружна с моей женой. Наши дети часто встречались. И мои воспоминания о Джин Сиберг — это воспоминания о женщине, полной юмора, очень нежной и, конечно же, великолепной актрисе. Наверное, ей не-

После фильма «Не переводя дыхания» Жана-Люка Годара (1960 г.), этого знамени французской «новой волны», Жан-Поль Бельмондо и Джин Сиберг стали известны всему миру

додали ролей в кинематографе, тех хороших ролей, которые она заслужила. Ведь в нашей ленте «Не переводя дыхания» она играла великолепно...

После ленты Годара Джин попадает к режиссеру Негулеску в фильм «Прощай, грусть» и выходит замуж за адвоката Морея. Но ни счастья, ни детей не было, и следует развод...

Однако главное для нас — встреча Романа и Джин. В момент знакомства Джин Сиберг 21 год, а ему 45. В Джин Романа привлекали, с одной стороны, внешность невинной девочки, а с другой — многоопытность и умелость бывалой женщины. Начинается роман, вспыхивает бешеная страсть. Лесли Бланш должна уступить, уйти, она обречена. Бланш сыграла огромную роль в жизни Романа Гари, в его становлении как писателя, она замечательно вела дом. И отношения у них сложились прекрасные. Но все-таки она была на семь лет старше, и этот брак уже несколько приелся. А у Романа Гари всегда была жажда новизны. Во всем. В том числе и в женщинах. Три года длился страстный роман с Сиберг и одновременно, параллельно происходил развод с Лесли Бланш. Характер Лесли Бланш тоже был достаточно сильным и своеобразным. Гари написал роман «Леди Л.», где прообразом стала его бывшая жена. Эту книгу он как бы подарил Лесли на прощание. Героиня книги — капризная, взбалмошная женщина, жестокая, свое-

нравная. Она наказывает своего возлюбленного за измену, причем делает это весьма причудливо. Л.Бондаренко пишет: «Леди Л. — это, безусловно, Лесли с ее капризами, сменами настроения, сценами, нежностями, злопамятностью, любовью к кошкам и русским иконам, ревностью тигрицы, с ее английским умом, парадоксальным и властным...» Кстати, и по этой книге тоже был создан фильм, где главную роль играла очаровательная, прелестная Софи Лорен. Вообще ансамбль был собран изумительный: играли Пол Ньюмен, Дэвид Нимен, Филипп Нуаре, Мишель Пикколи, Катрин Аллегре и др. А постановку осуществил знаменитый актер, режиссер и писатель Питер Устинов. С Устиновым я тоже делал большую телепередачу, приезжал к нему в Швейцарию... Надо заметить, что генералу де Голлю нравился роман «Леди Л.». В письме к автору президент Франции писал следующее:

«Что касается меня, то плененный великолепным талантом, я вижу в нем (романе) чудо юмора и непринужденности. Какое счастье для вас, что на свете есть англичане...»

Пока происходил процесс развода с Лесли Бланш, стало ясно, что Джин Сиберг ждет ребенка. В авральном порядке в октябре 1963 года происходит обряд бракосочетания, и буквально месяца через два рождается сын. Его назвали Александр Диего. Роман Гари в своей страсти к новому никак не может остановиться. Помимо профессий летчика, дипломата, писателя он осваивает еще одну специальность — становится кинорежиссером. И ставит фильм с Джин Сиберг по своей собственной новелле «Птицы прилетают умирать в Перу». Во время работы консулом в Боливии ему довелось побывать в Перу. Там его потряс пляж, усеянный десятками тысяч трупов птиц. Это и послужило поводом для написания новеллы. В 64-м году она была признана лучшим рассказом года. Причем образ героини, нимфоманки, был списан с его собственной жены. И, разумеется, эту роль

играла сама Джин Сибберг. Кроме нее в ленте были заняты Пьер Брассер и Даниэль Дарье. Нимфоманка, если заглянуть в энциклопедию, — это женщина, у которой болезненно усилено половое влечение. А если перевести это слово на простонародный русский язык, то у нас существует грубоватое, но точное определение: «слаба на передок». Фильм получился скандальным, он был запрещен, не шел во Франции, и мы в нашей телепрограмме даже не смогли показать ни одного фрагмента из этой ленты.

Следующая картина, которую Роман Гари поставил как кинорежиссер, называлась «Убей». Фильм рассказывает о наркотиках, наркомафии, о борьбе с ней. И образ наркоманки, героини производства, был и тут во многом списан сценаристом Романом Гари со своей жены. Думаю, Гари женился отнюдь не для того, чтобы все время иметь перед глазами прототип для подобных персонажей. Он любил Джин, но его зоркое писательское око одновременно жестко фиксировало ее сущность.

Конечно, Гари со своими любовными и кинематографическими эскападами не очень-то вписывался в рамки дипломатического чиновника. Неожиданно он получает письмо от заведующего отделом кадров Министерства иностранных дел Франции. Автор письма был его приятелем. Поэтому послание было одновременно официальным и как бы не очень официальным.

«В высших сферах считают, что Вы слишком активно действуете как на литературном фронте, так и на любовном. Поскольку Вы и там, и там добиваетесь блестящих успехов, это очень вредит Вашему дипломатическому статусу». Короче говоря, это была отставка, и Гари, как дипломат, что называется, завис. Он без должности, ждет нового назначения. Но Кувдю Мюрвиль — французский министр иностранных дел — сказал, что Гари никогда не станет послом. Только через его — министра — труп...

Теперь давайте немножко отвлечемся и снова расскажем о Джин Сибберг. В те времена среди прогрессив-

ных деятелей Голливуда стало модно бороться за свободу нравов, за права негритянского населения США и еще за уйму всяких прав. И Джин Сиберг включается в эту борьбу вместе с закоперщицей Джейн Фонда

Красивая пара — знаменитая актриса и знаменитый писатель

и другими прогрессивными кинематографистами. «За мини-юбку! Против войны во Вьетнаме! За ма-рихуану! Против напалма! Занимайтесь любовью, а не войной!» — таковы были некоторые лозунги этого движения.

Но Джин по характеру неумна, она не ограничивается разумными, легальными формами. Отдается этим идеям со всей страстью, со всей неистовостью своей натуры. В итоге она становится членом организации «Черные пантеры», которая боролась с «белыми свиньями». Эта экстремистская, террористическая организация находилась под запретом правительства США. Вскоре у Джин начался роман с лидером организации, Хоакимом Джамилем. Но мало того, она еще все вре-

мя подпитывала «пантер» деньгами. Она расплачивалась и поддерживала фанатиков чеками Романа Гари. За Джин Сиберг началась слежка. Она была все время под колпаком у ФБР. Ее телефонные разговоры прослушивались. Когда она выезжала из Америки или возвращалась в США, ее всегда подвергали уни-зительному досмотру. В конце концов Гари и Сиберг возвращаются во Францию... Роман покидает дипломатическую службу и уходит «на вольные хлеба». И в это самое время президент де Голль приглашает его на завтрак. Гари был стопроцентным голлистом. Он принадлежал к военному братству де Голля, преклонялся перед президентом, почитал его и с присут-щим ему комплексом безотцовщины считал генера-ла, по сути дела, своим отцом. Во время завтрака

Джин Сиберг
принесла Роману
не только счастье,
не только родила
сына, но причинила
очень много горя

де Голль сделал ему очень лестное предложение: «Не хотите ли, Роман, стать моим дипломатическим советником?» И, как пишет сам Роман Гари, «я задумался, что было недопустимо. В подобных случаях не думают, а немедленно соглашаются». И тем не менее, несмотря на трепетное, благоговейное отношение к де Голлю, Роман Гари предложения не принял.

Когда его спросили: «Почему? Это же замечательная должность. По сути дела, синекура. Никакой ответ-

ственности нет», он сказал: «Я берег свою сексуальную свободу. Если бы я принял это предложение, я должен был бы войти в команду де Голля и соблюдать все те официальные условности и правила, которые обязана соблюдать команда президента». Покончив с карьерой дипломата, который по долгу службы находился вечно за пределами Франции, Роман понимает, что пора обосноваться в Париже. Он покупает в центре города, на рю дю Бак, в доме 108 на втором этаже огромную квартиру из девяти комнат в 400 квадратных метров. Роман, Джин и их сын Александр Диего поселяются в прекрасно обставленных в стиле «à la Russe» апартаментах. Казалось бы, все хорошо. Однако отношения дают трещину. Джин влюбляется в Андре Мальро и начинает преследовать его. Квартиру перегораживают «берлинской стеной».

Наконец супруги решают развестись, но тут выясняется, что Джин опять ждет ребенка. Гари не может развестись с беременной женщиной. Джин уезжает в Швейцарию — рожать. И тут случается ужасное. Американский еженедельник «Newsweek», выходящий тиражом 6 миллионов экземпляров и читаемый во всем мире, сообщает, что Джин Сиберг ждет ребенка от одного из лидеров «Черных пантер». Для Джин, да и для Гари, это был страшный удар. У Джин случились преждевременные роды. Ребенок прожил всего-навсего два дня и умер. Какого цвета он был, осталось неизвестным. Доктор, который принимал роды, сохранил эту тайну. Но какого бы цвета ни было дитя, Роман Гари повел себя как подлинный рыцарь. Он признал эту девочку своей, дал ей имя Нина, в честь своей матери. Однако Джин от этого удара — смерти девочки и мерзкой статьи в «Newsweek» — уже не оправилась никогда. У нее и без того была неуравновешенная психика, а после этой истории все помчалось под гору безо всяких тормозов. По тому, как повела себя Джин Сиберг после смерти девочки, у многих, в том числе и у Романа Гари, возникли подозрения, что отцом ребенка был какой-то

индеец. Как раз перед этим Джин работала в Мексике, снималась в очередной ленте.

А случилось вот что. Гробик с телом девочки был переправлен в Америку, в город Маршалтаун, родной город Джин. Несчастливая мать созвала всех индейцев, живущих в округе. Люди величественной внешности, с раскраской, в перьях приходили и совершали какие-то индейские обряды над мертвым ребенком. Ее тело раскрашивали. А потом при большом стечении индейцев девочку захоронили в семейном склепе Сибергов. Вот и думайте, что хотите...

После этой истории развод стал неминуем.

В тот год Роман Гари путешествовал, как сумасшедший. Он метался по миру в поисках успокоения. В его паспорте только за один год было поставлено 38 виз разных стран.

Тем не менее, Роман продолжал заботиться о Джин Сиберг. Он купил ей небольшую квартиру в том же самом доме, где жил сам. Она могла видеться с сыном. Но сына отныне воспитывал отец. Каждый год, в день смерти девочки, Джин совершала попытку самоубийства...

А Роман Гари работал. Он выпускал книгу за книгой. Однако интерес к его сочинениям со стороны критиков падал. И он это чувствовал. Начался иной, сумеречный период в его жизни. А Джин Сиберг пустилась во все тяжкие: наркотики, алкоголь, разноцветные мужчины, оргии. И все это происходило рядом, в том же доме. Но несмотря ни на что Гари помогал ей и морально, и материально. Джин Сиберг пока еще работает в кино. Вместе с Робером Оссейном она снимается в фильме «Лилит», играет первую жену Адама, еще до Евы. В кинокартине «Свободный выхлоп» она опять встречается с Жаном-Полем Бельмондо. Один из ее последних фильмов — «Большое сумасшествие» (1975 г.).

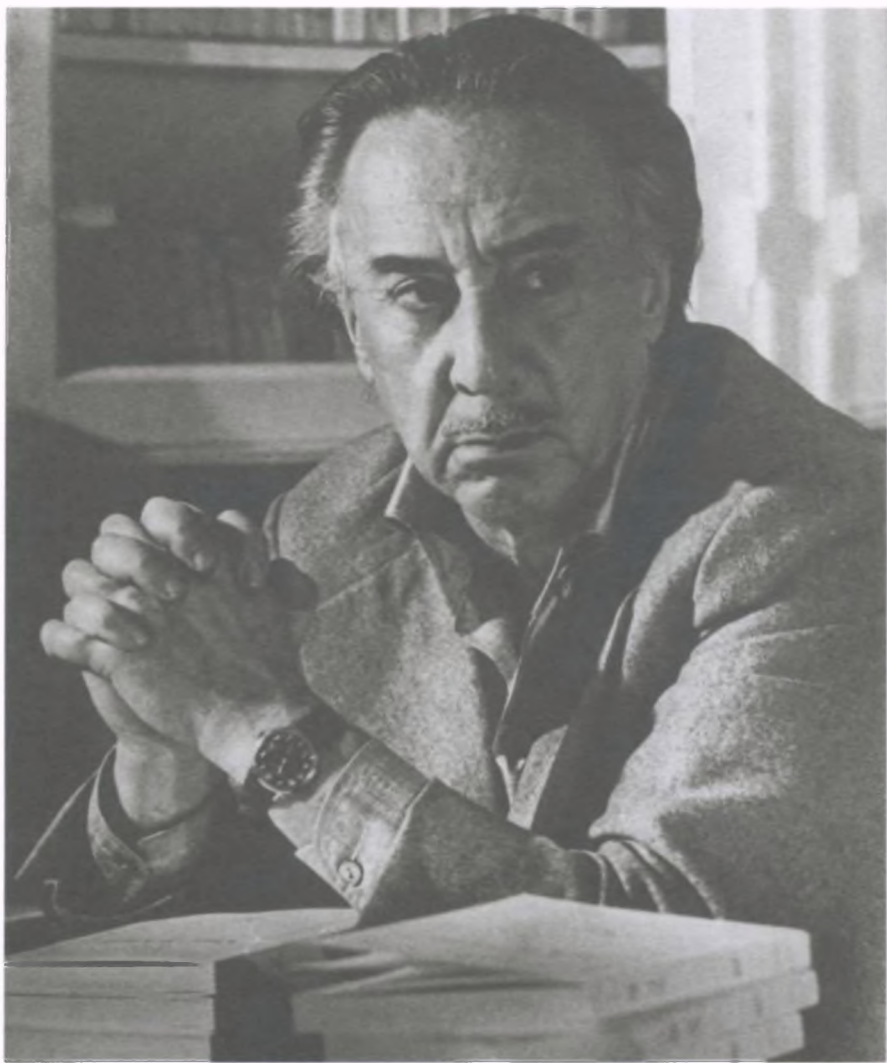
Тем временем Гари выпустил романы «Чародеи» и «Европа». Публика по-прежнему его читала, но критика отвернулась от него. Диктат моды, привилегию на вкус узурпировала узкая группа критиков.

Роми Шнайдер и Ив Монтан в фильме «Светлая женщина». Режиссер Константин Коста-Гаврас, автор сценария Роман Гари. Это был последний фильм, который Джин Сибберг увидела перед смертью

Гари называл их «парижистами». Они были снобами, считали себя элитой, в их руках находились влиятельные газеты и журналы. Гари не думал, что стал сочинять хуже, что исписался, как ядовито провозглашали «парижисты». Конечно, его угнетал этот бойкот, но Роман был сильным человеком, он не сдался и решил начать литературную жизнь с нуля. Наверное, поначалу он не собирался затевать грандиозную литературную мистификацию, эта идея пришла позже. Он пишет книгу «Голубчик» и в 1974 году выпускает ее под псевдонимом Эмиль Ажар. При чем решение выпустить ее под чужим именем пришло к нему в последнюю минуту. Гари свято хра-

нит тайну. Никто не знает, что за Ажаром скрывается один из самых известных писателей Франции. У книги огромный успех. Читатели увлечены сюжетом, критики, и в том числе влиятельные «парижисты», хвалят мастерский стиль нового писателя, буквально захлебываются от восторга: «На небосклоне французской литературы зажглась новая звезда!» В прессе много домыслов: кто же такой этот самый замечательный и талантливый Ажар? Книга выдвигается на крупную литературную премию — премию Ренодо. Но автор телеграммой отказался от награды. Тем самым таинственность, окружающая нового сочинителя, усилилась. Высказывались разные предположения. Одно было ясно — за этим стоит какой-то очень опытный мастер. Приписывали авторство Арагону или Рэймону Кено. Возникла версия, что это ливанский террорист, который не может въехать во Францию. Называли даже имя — Хамиль Раджа. Ходила еще и такая легенда, что книгу написал доктор, который сделал подпольный аборт, и теперь ему за-

Когда Романа Гари «достали» критики, он задумал грандиозную литературную мистификацию

прещен въезд в страну. Всех сбивало с толку, что рукопись романа была прислана из Бразилии. Незвестный человек переслал ее в издательство «Галлимар». Поначалу в издательстве рукопись восторга не встретила. Но настойчивость внутренних рецензен-

тов преодолела сопротивление издательства. И когда книга наконец вышла, начался обвал. Вот что пишет о случившемся в эссе «Жизнь и смерть Эмиля Ажара» сам Роман Гари: «Легко вообразить мое ликование. Самое сладостное за всю мою писательскую жизнь. На моих глазах происходило то, что в литературе обычно происходит посмертно, когда писателя уже нет. Он никому не мешает, и ему можно наконец воздать должное».

Поль Павлович быстро вошел в роль мифического Эмиля Ажара. Ему, очевидно, льстило восхищение «его» романами: постепенно этот маляр и водопроводчик начал верить, что именно он сочинил превосходные книги

Некоторые внимательные читатели, в отличие от критиков помнившие ранние книги Романа Гари, сразу догадались, кто скрывается за Эмилем Ажаром. Но их не слушали. «Гари на такое не способен», — говорили им профессионалы от литературы. Когда Романа попыталась разоблачить прозорливая молодая журналистка, Гари отбивался от ее «подозрений» как мог. Когда ему указывали на абсолютную идентичность реплик или ситуаций

у Ажара с репликами и ситуациями в прежних книгах Гари, он делал самодовольную мину. «Я рад, что оказал такое влияние на молодого автора, — приговаривал он при этом. — Я не в претензии, что он кое-что позаимствовал у меня».

Через адвоката был заключен с автором-невидимкой контракт на пять новых книг. И на следующий год неуемный Эмиль Ажар выпускает новый роман «Вся жизнь впереди». Сенсация становится международной.

Действие книги происходит в квартале Бельвиль, в Париже. Старая проститутка, вышедшая с панели в тираж, мадам Роза, польская еврейка, прошедшая гитлеровский концлагерь, занимается тем, что дает приют детям шлюх, когда те уезжают на промысел в другие города. Такой своеобразный детский сад, где содержатся «дети разных народов», полный интернационал. Среди ее воспитанников десятилетний араб Мохамед, которого все зовут Мо-Мо. Отношения старой еврейки и арабского мальчика и стано-

вятся сюжетом этого замечательного произведения. В то время, как арабы и евреи враждуют, воюют, убивают друг друга, герои Гари, пардон, Ажара, друг другу преданы. Если и существуют какие-то нестыковки в их отношениях, так это только возрастные различия. Национальность же у обоих одна — они люди. Книжка написана от первого лица — от лица маленького араба. Это придает повествованию очарование, свежесть, юмор, наивность. Очень советую прочитать этот шедевр.

Разумеется, тут же был сделан фильм. Поставил его режиссер Мизрахи, а главную роль сыграла великолепная Симона Синьоре. Она играла как раз старую польскую еврейку Розу. За исполнение этой роли она была удостоена национальной кинематографической премии «Сезар» за 1977 год.

Восторг, фурор, триумф были еще большими, чем после «Голубчика»... Замечательную, пикантную подробность о вере в подлинность Эмиля Ажара приводит сам Гари:

«Я говорил с одной женщиной, у которой была любовная связь с Ажаром. По ее словам, он великолепен в постели... Я рад, что не разочаровал ее...»

Естественно, что такой блестящий роман был представлен к Гонкуровской премии и единогласно получил ее. Таким образом Роман Гари оказался единственным литератором в истории Франции, который стал дважды лауреатом Гонкуровской премии. Единственным потому, что статус Гонкуровского приза запрещает награждать дважды одного и того же писателя. Но о подлинном авторе никто не знал, ибо Гари свято хранил тайну. Он ее так и не открыл при жизни. Он написал эссе «Жизнь и смерть Эмиля Ажара», где рассказал всю эту неслыханную историю, и завещал опубликовать свое эссе только через год после смерти. Кое-что из его высказываний хочется привести...

«...Я снова затосковал по молодости, по первой книге, по новому началу. Начать все заново, еще раз все пережить, стать другим — это всегда было величайшим искушением моей жизни...»

Он недоволен теми штампами, которые читал на

обороте обложек своих книг: «несколько насыщенных жизней в одной... летчик, дипломат, писатель...» Эти штампы, журналистские клише его раздражали. (Кстати, думаю, что моя телепередача и этот очерк тоже, наверное, раздосадовали бы его.) «На каждую из моих официальных, если можно так выразиться, репертуарных жизней приходилось по две, по три, а то и больше тайных, никому неведомых...» И ни в одной из этих жизней Гари так и не смог найти полного удовлетворения. Он пишет, что ему всегда было свойственно стремление к многоликости. Но вот вышли в свет две книги Ажара, и случилось то, что случилось.

«Это было для меня новым рождением. Я начинал с начала. Все было подарено мне еще раз. У меня была полная иллюзия, что я сам творю себя заново...»

После того, как книга получила Гонкуровскую премию, Гари понял, что надо все-таки как-то легализовать Эмиля Ажара, предъявить публике какое-то существо во плоти. Но так, чтобы это существо возникло на какое-то мгновение, промелькнуло и исчезло. На эту роль Гари выбрал своего двоюродного племянника по имени Поль, а по фамилии Павлович. Этот человек был ему обязан многим — по сути дела, Гари содержал и его самого, и его семью. На деньги Гари Поль ездил на несколько лет учиться в Гарвард, но после этого престижного университета работал почему-то водопроводчиком, монтером, слесарем, маляром. Учение явно не пошло ему впрок. Гари снимал и оплачивал его квартиру. Как режиссер ставит задачу актеру — что и как играть, так и Гари объяснял племяннику, что тот должен делать. История с фальшивым, но как бы реальным Ажаром потребовалась Роману, чтобы отвести от себя подозрения, будто именно он — автор ажаровских сочинений. Павлович согласился на предложение дядюшки: появиться перед прессой, рассказать вымышленную биографию Эмиля Ажара и раствориться навсегда. Но поступил иначе...

...Я встречался с Павловичем в Париже, он специаль-

но по нашему приглашению приехал из Тулузы. У этого взвинченного, неврастеничного субъекта была одна задача — содрать с нас приличную сумму. Он долго не понимал, что напоролся на людей еще более нищих, нежели сам. Вся наша торговля — сначала он запросил 4000 долларов в час — снималась на пленку и была показана в телепрограмме. В стремительном психопатическом монологе, где перечислялись родственники, дедушки, тети, бабушки, братья, сестры, а в промежутках заявлялось, что он в деньгах не нуждается и обожает своего дядю Романа Гари, промелькнула только одна фраза, достойная упоминания. Что его дядя Роман Гари — крупный бандит, а он — Павлович — бандит поменьше. Далее он без подготовки съехал с четырех тысяч в час на две, а когда понял, что и этого он у нас не выцыганит, попрощался и убежал. Мы бежали за ним, пытаюсь угорворить его, но тщетно. Павлович навсегда исчез из нашей жизни. Это был единственный человек, знавший Гари, который мог нам что-то поведать. Ни сын писателя Александр Диего, ни последняя возлюбленная Романа не откликнулись на наши слезные просьбы, не ответили, не появились.

Вот почему о том, что учинил очаровательный племянник с режиссерским замыслом дяди, вы узнаете, дорогой читатель, от меня, а я в свою очередь узнал это из эссе Романа Гари.

В Копенгагене, где Павлович давал прессе интервью, он обнародовал не вымышленную биографию, а свою подлинную, да еще позировал фотокорреспондентам и разрешил, несмотря на запрет Гари, публикацию фотографий.

Гари писал:

«С этой минуты мифический персонаж, которого я так старательно создавал, прекратил свое существование, и его место занял Поль Павлович».

Пресса быстро выяснила, что Павлович является племянником писателя, и опять возникли подозрения, что автор ажаровских произведений Роман Гари.

И Роман писал:

«Я защищался как дьявол, публиковал опровержение за опровержением,

используя в полной мере свое право на анонимность. И в конце концов сумел убедить пишущую братию, причем даже без особого труда, поскольку я давно уже всем надоел, и им хотелось чего-нибудь новенького».

Павлович быстро вошел в роль Ажара. Ему, очевидно, льстило всеобщее восхищение «его» романами. Постепенно этот маляр и водопроводчик начал верить, что, может, действительно именно он сочинил книжки. Павлович настолько влез в шкуру писателя, что даже потребовал у Гари черновики, оригиналы текста, для того, чтобы показать, что он и есть подлинный Эмиль Ажар. С выбором исполнителя Роман, конечно, допустил ошибку. Он не учел психической неустойчивости своего племянника, его желания выбраться наверх. Думаю, что и к дяде «Ажар» относился двойственно, эдакая любовь-ненависть. Павлович, скорее всего, не смог избежать искушения, видимо, надеясь, что дядюшка будет подбрасывать роман за романом, а он будет пожинать эти сладкие плоды. Розыгрыш в какой-то степени загнал в тупик самого автора мистификации. Думаю, роковой выстрел, который прозвучал 3 декабря 1980 года на рю дю Бак, был в какой-то степени спровоцирован и этой нелепой ситуацией. До самоубийства Гари опубликовал еще два романа, приписав их Эмилю Ажару, — «Псевдо» и «Страхи царя Соломона». Публика приняла их милостиво, но уже не так, как первые две книги... Новизна быстро приедается. ...Однако надо закончить рассказ и о бывшей жене писателя.

Последние годы Джин Сибберг были поистине ужасны. Она растолстела, весила 100 килограммов. Ее перестали снимать в кино. Она не виделась со своим сыном, потому что Гари запретил ей свидания. В эти годы ее сердце и тело были отданы арабскому освободительному движению. Теперь ее спутники, друзья, любовники — это борцы за свободу арабского мира. И среди них был очень известный и знаменитый человек. Его звали Бутифлика, он являлся министром иностранных дел Алжира, человеком, который претендовал на пост президента. Джин Си-

берг, которая в эти годы была довольно частым клиентом психиатрических клиник, говорила, что скоро она станет первой леди Алжира, но Бутифлике связя с Джин надоела, и он запретил ей въезд в Алжир. И вот 29 августа 1979 года Джин Сиберг вместе со своим последним сожителем, который был на 12 лет моложе ее, Ахмедом Осни, отправились в кино. По иронии судьбы, это был фильм «Светлая женщина», поставленный по книге Романа Гари знаменитым режиссером Коста-Гаврасом, где главные роли играли Роми Шнайдер и Ив Монтан. А в ночь с 29 на 30 августа Джин исчезла. Она ушла из дома, взяв с собой только бутылку минеральной воды и упаковку лекарств, которые ей следовало принимать в течение следующих двух месяцев. Ушла голая, завернувшись в плед, и еще она прихватила полотенце и ключи от машины.

На следующий день Ахмед Осни заявил в полицию. Джин искали, но найти нигде не могли. Было известно, что она не взяла очки, а без очков не могла водить машину. Что случилось, никто не знал.

Лишь десять дней спустя, 8 сентября 1979 года, на улице генерала Апера тело Джин нашли в ее маленькой машине. Один француз, который никак не мог растолкать тесно сгрудившиеся автомобили, обнаружил тело женщины, которое лежало внутри между передним и задним сиденьями. Он позвонил в полицию. Это и была Джин Сиберг.

В ее крови оказалось 8% алкоголя, что неслыханно много, потому что достаточно 4% для того, чтобы у человека наступила кома. Все было очень таинственно. Убийство это или самоубийство? Никто так и не узнал. Роман Гари созвал пресс-конференцию, на которой в гибели Сиберг обвинил ЦРУ. Он заявил, что это наверняка убийство, дело спецслужб США. Вот так закончилась жизнь талантливой красивой женщины. Ей был 41 год. Джин Сиберг похоронили на Монпарнасском кладбище. А через несколько месяцев ее могила была разгромлена, снесен крест. Кем? Почему? За что? Никто не знает...

Жизнь Романа Гари окрашивается во все более мрачные тона. Он был раздосадован поведением кретина-племянника. Мечта о таинственном полумифическом Ажаре лопнула, приобрела черты грубой реальности. За Ажара выступал теперь полуобразованный, необаятельный, самовлюбленный неврастеник, собиравший лавры, которые ему не принадлежали. Рухнула элегантная мистификация. Думаю, Гари невольно и ревновал к Павловичу, к тому, что ничтожество является визитной карточкой его сочинений. Образовались запутанные финансовые дела, связанные с гонорарами, полагающимися Ажару, с уплатой налогов с этих гонораров. Роман Гари сам попал в ловушку, которую уготовил обществу. Кроме того, наваливались усталость от жизни, разочарование, раздражение. И рушилась еще одна грань его существования, которой Роман придавал огромное значение, — его отношения с женским полом.

В молодые годы Сергей Эйзенштейн рассказал мне не то притчу, не то байку, что каждому мужчине выделено природой на всю его жизнь два ведра спермы. Можно по-разному распорядиться этим богатством: или истратить все в молодые годы, или расхотать так, чтобы хватило до зрелости, или же экономить, чтобы что-то осталось и на последние, старческие годы. Роман Гари, конечно же, не принадлежал к последнему сорту людей. У него начались чисто мужские физиологические проблемы с дамами. Для его самолюбивого характера — ведь он привык быть победителем во всем — это оказалось невыносимо. Так что причин для добровольного ухода из жизни скопилось немало.

2 декабря 1980 года в доме № 108 на рю дю Бак на втором этаже раздался роковой выстрел. Роман Гари свел счеты с жизнью. Его самоубийство случилось через год с небольшим после смерти Джин Сиберг. В своей предсмертной записке он написал: «Никакого отношения к Джин Сиберг. Поклонников разбитых сердец просим обращаться по другому адресу». Он и здесь остался ироничным. Вот что написал автор

энциклопедического труда «Писатель и самоубийство» Григорий Чхартишвили, более известный читателям как автор увлекательных детективных романов о сыщике Фандорине под псевдонимом Б.Акунин:

«Гари проявил характерную для него деликатность. Чтобы никого не шокировать неприятным зрелищем, он дождался, когда останется в квартире один, лег на кровать, надел красную купальную шапочку и выстрелил себе в рот из револьвера умеренного 38 калибра. Баловню судьбы повезло и тут: пуля попала ровно туда, куда нужно — не было ни предсмертных страданий, ни разбрызганных мозгов. Из свидетельства судмедэксперта, описывавшего труп: “Черты умиротворенные, голубые глаза широко раскрыты, выражение лица спокойное”».

...И все-таки это было не совсем обычное самоубийство. Одновременно свершилось и убийство другого существа. Одним, тем же самым выстрелом Гари отправил на тот свет еще одного писателя — Эмиля Ажара. Но, правда, об этом никто до поры до времени не знал.

Похороны Романа Гари состоялись в военной церкви Дома Инвалидов, где провожают в последний путь героев Франции, видных военачальников, генералов, маршалов. Здесь же, в другой части собора находится гробница Наполеона. Похороны Романа Гари прошли не совсем обычно. Но и жизнь этого человека не вписывалась в обычные рамки. На похороны собралось воинское братство. Все сподвижники генерала де Голля как один пришли отдать последний долг своему боевому товарищу. Приехал председатель Национального собрания Франции Шабан Дельмас. Среди публики можно было увидеть писателей, в частности, знаменитого Мориса Дрюона. Приехала Лесли Бланш, первая жена Романа. И последняя его подруга Лейла Шелаби, марокканка, тоже находилась здесь. И, естественно, в последний путь провожал отца Александр Диего. Он стоял в стороне от всех в пальто военного покроя. Священник отказался проводить траурную мессу — покойный был самоубийцей. К тому же он не исповедовал ни одну из религий. Была исполнена «Марсельеза».

За несколько дней до
рокового выстрела

А потом неожиданно с церковных хоров послышался голос певицы: она исполняла на русском языке песню, которую в детстве напевала Роману его мать. Это было сделано согласно воле покойного. Так было записано в его завещании.

Польская певица с немислимым акцентом пела романс Александра Вертинского:

*...В последний раз я видел Вас так близко.
В пролеты улиц Вас умчал авто.
И снится мне — в притонах Сан-Франциско
Лиловый негр Вам подает манто.*

Скорбные, молчаливые французы стояли, опустив головы, и думали, что звучит русская православная молитва.

Потом на кладбище Пер-Лашез состоялась кремация. А некоторое время спустя прах Романа Гари был развеян над Средиземным морем, которое он так любил.

«Средиземноморье, любовь моя! До чего же твоя, столь милостивая к жизни, латинская мудрость была добра ко мне и благосклонна, и с какой снисходительностью твой старый подтрунивающий взгляд скользил по моему юношескому лбу! Я вечно буду возвращаться к твоему берегу, как рыбацья барка, возвращающаяся с пойманным в сети заходящим солнцем. Я был счастлив на твоём каменистом пляже».

P.S. Вот некоторые высказывания участников моей телепередачи, людей, знавших Гари.

Жорж Кижман, юрист, друг Романа Гари, бывший министр в правительстве Миттерана:

...Это был очень щедрый человек, но с несколько театральным поведением. Он был очень красивым, носил неординарную одежду, любил входить в известные рестораны, завернувшись в плащ, в большой шляпе. Борода усиливала его восточный облик. Очевидно, в нем присутствовал некий нарциссизм. Он был внимательным по отношению к другим людям, но все-таки довольно быстро старался вернуть разговор к главному, то есть к нему. Но все это он делал с огромным обаянием и шармом...

Александр Диего унаследовал красоту и своего отца, и своей матери. А еще он унаследовал от Романа Гари страсть к тайне. Именно поэтому с ним невозможно встретиться. Он бежит от интервью, не любит появляться на публике. Хотя чтит память об отце и вос-

хищен его творчеством. Люди для Диего делятся на тех, кого любил его отец, которые остались ему верны, и на остальных, которые стали для него почти врагами, потому что они в какой-то момент могли ранить его отца. Несмотря на то, что Романа Гари больше нет с нами, он внимательно следит за своими творениями и сегодня. Уверен, что ваш проект его очень интересует и он, находясь где-то там, вам за него признателен. Собственное бессмертие для него было важнейшей заботой, но его бессмертие, достигающее России, — это, возможно, даже более того, на что он мог надеяться...

...Для Павловича его положение тоже было болезненным. Он воображал себя писателем. Он не хотел быть просто племянником и тенью своего дяди...

...С течением лет Павлович в конце концов поверил, что он и был Ажаром. Когда он узнал, что мы намерены издать эссе «Жизнь и смерть Эмиля Ажара», это разоблачение было для него очень болезненно. И он опередил всех. Это было еще одно из предательств Поля Павловича. Было договорено, что Александр Диего сам расскажет о мистификации, но Павлович первый поведал об этом в литературной передаче...

Николай Вырубов, командор Почетного легиона, кавалер Креста Освобождения:

...Гари говорил, что его единственная семья — это бывшие фронтовики, военные соратники...

...Он знал, что может встретиться с Россией, но не знал, захочет ли Россия встретиться с ним. Поэтому, я думаю, он никогда туда и не ездил...

...Он не мог перенести мысли, что может постареть, ослабеть, заболеть. Не быть на высоте того персонажа, которого создавал всю жизнь. Он хотел, чтобы о нем остались воспоминания: красивый, умный, талантливый, веселый и так далее...

...Однажды на приеме в английском посольстве мы оказались рядом, и я его спросил: «Кем ты чувствуешь себя, кто ты такой?» Он мне сказал: «Я себя чувствую русским человеком». Мы говорили с ним по-русски...

...Думаю, он покончил с собой потому, что почувствовал под конец жизни, что у него нет основы. У нас у всех есть какая-то пристань, у него ее не было. И еще он хотел доказать, что на это способен. Ведь что-бы покончить с собой — нужно быть очень храбрым человеком. Это было его последнее доказательство...

Лесли Бланш, первая жена Романа Гари:

...За день до самоубийства он мне позвонил и сказал: «Я неправильно разыграл свои карты...»

Доменик Бона, писательница, автор книги о Романа Гари:

...Роман Гари приготовил свою смерть. Он разложил все свои бумаги, решил все вопросы, касающиеся его сына. Это было задумано за многие месяцы до смерти. Это было решение, а не случайный жест. Это не было русской рулеткой...

...Он человек страдающий, раненый. Есть такие гранитные персонажи, известные писатели, артисты, политики. Я их называю монолитами, они очень сильные, твердые.

А есть другие, которых грызет их прошлое. У них есть тайные раны, слишком чувствительные. И эта чувствительность приводит их к ужасным страданиям. Это люди, которые с трудом переживают жизнь...

...Его произведения будут жить в следующем веке. Его истории прекрасны, они несут гуманизм, идею братства. И сейчас нам необходимы эти идеи...

Роман Гари, французский писатель, герой этого очерка:

«...Талант моей матери пробудил во мне желание подарить ей чудо искусства и жизни, о котором она столько мечтала, в которое так страстно верила и ради которого трудилась. Мне не верилось, что ей может быть отказано в справедливом исполнении мечты, поскольку казалось, что жизнь не может быть лишена артистизма до такой степени. Наивность, фантазия, вера в чудо, заставлявшие ее видеть в ребенке, затерявшемся в захолустье Восточной Польши, будущего великого французского писателя и посланника Франции, продолжали жить во мне со всей убедительностью красивых, вдохновенно прочитанных

сказок. Я продолжал воспринимать жизнь как литературный жанр...»

И последняя строка из эссе «Жизнь и смерть Эмиля Ажара», опубликованного посмертно:

Предсмертное
письмо

pour la presse } sans }

Avec rapport avec Jean
Polberg. Les verments de ceux
brisés sont plus de s'adresser
ailleurs.

On peut malheureusement
au concept d'une dépres-
sion nerveuse. Mais alors, il
faudrait admettre que celui-ci dure
depuis que de l'âge d'homme
et n'a jamais de mieux en
bien mon amour littéraire.

Alors, pourquoi ? Peut-
être faut-il chercher la réponse
dans le titre de mon ouvrage
autobiographique La nuit
de sa cadence et dans les der-
niers mots de mon dernier
roman : "car on ne pourrait
mieux dire." Je me suis enfin
exprimé sublimement

Romain Gary

«Я славно повеселился. До свидания и спасибо».

О чем я жалею больше всего, заканчивая рассказ о Романи Гари? Что я не был с ним знаком. Ведь, оказалось, он всего на тринадцать лет старше меня.

Но я, по милости «железного занавеса», не имел возможности прочитать ни одной его книги. Больше того, я никогда не слышал его имени, не подозревал о его существовании. А ведь он покончил с собой в 80-м, когда мне было пятьдесят три года. Я уже поставил немало фильмов и несколько раз бывал во

Франции, но встреча не состоялась. Роман Гари дорог мне как писатель и как человек. Он близок мне душевно. Он вызывает во мне нежность и восхищение. Именно поэтому я потратил больше года жизни на розыски материалов, чтобы узнать о нем и поведать вам о его удивительной судьбе. Как жаль, что, по сути, совпав во времени, мы не совпали в пространстве и в общественных формациях. Вообще лучше не думать о том, скольких возможностей мы были лишены из-за уродливого и идиотического «социализма». А сколько наших блистательных творцов — писателей, режиссеров, артистов, художников — остались неведомы для остального человечества. Очень горько! И никто не ответит за это...

Эльдар Рязанов: «Я тот сверчок, который знает свой шесток»

Вот и все. Вернее, не все. Много встреч и интервью осталось за пределами книги. Тем не менее, я понимаю, что надо ответить на ряд вопросов, которые возникали у телезрителей после просмотра программ. И наверняка похожие проблемы могут встать перед читателями. О зрительских вопросах я знаю из их писем и записок на так называемых творческих вечерах. Поскольку жанр книги — в первую очередь, интервью, мне пришлось в голову сделать послесловие в той же форме. Сделать еще одно интервью — на этот раз с самим собой.

Обзовем того, кто задает вопросы — Рязанов. А того, кто отвечает, обозначим инициалами Э. А.

Итак:

Рязанов: Эльдар Александрович, вы довольно популярны в России. Ваши фильмы публика знает. Зачем вы поехали во Францию интервьюировать разных знаменитостей? Этим вы поставили себя ну не то чтобы в унижительное положение, но во всяком случае на ступеньку ниже тех, с кем встречались. Ведь, скажем, Клод Лелуш или Филипп Нуаре не занимались подобным делом. Не ездили же они в США, чтобы проинтервьюировать Брюса Уиллиса или Стивена Спилберга для телепередачи.

Э. А. Так они, может, и не сумели бы. Это совсем другая профессия. Я на родине часто даю интервью. Но и беру тоже. Я просто-напросто освоил еще и профессию телеведущего и автора телевизионных передач.

И у меня вовсе не возникало чувство приниженности. Как говорится, борщ отдельно, а мухи отдельно.

Рязанов: Все-таки что вас толкнуло на это дело? Желание заработать? Показать, что вы на короткой ноге с западными деятелями кино? Повисить за этот счет свою популярность? Понимаю, если бы вы были в простое, но вы же параллельно писали сценарий, снимали картину. Были очень заняты.

Э. А. Про заработать забудьте. Чем здесь совершенно не пахло, так это деньгами. А моей популярности в России мне хватает. Я никогда не грелся в лучах чужой славы. Думаю, меня толкнула на эту аферу, в первую очередь, авантюризм, которая есть в моем характере. Потом я очень люблю делать то, чего не пробовал. Хотелось расширить свое телевизионное

амплуа. Некий спортивный интерес и азарт. И полное отсутствие болезненного самолюбия.

Рязанов: И тем не менее. Недавно наша популярная газета опубликовала итоги рейтинга на тему, кто лучший кинорежиссер современности. Вы стоите там на первом месте, на втором — Никита Михалков, а Джеймс Камерон, создатель «Титаника», на пятнадцатом. Это позволило газете озаглавить итоги конкурса зрителей так: «Наш Рязанов в пятнадцать раз лучше Камерона».

Э А Остроумно!

Рязанов: И вот имея первое место, вы, Эльдар Александрович, берете интервью у кого ни попадя.

Э А Надеюсь, что Камерону не попалась на глаза эта заметка. А то он мог бы умереть от огорчения. Я очень благодарен нашей справедливой, лучшей в мире публике, нашим замечательным кинозрителям. Боюсь, правда, что если бы подобный опрос проводили в Америке, то Камерон мог бы, неровен час, вылезти там на первое место, а моей фамилии в этом списке вообще бы не оказалось. Я тот самый сверчок, который знает свой шесток. А если бы мне представилась возможность снять для телевидения интервью с режиссером Камероном, я бы сделал это не задумываясь. По части трюков и их масштабности он поставил уникальное зрелище.

Рязанов: Насколько я помню, в телепрограмме о Брижит Бардо среди прогулочных кораблей по Сене плавали не только «Ив Монтан», «Жан Маре», «Брижит Бардо», «Жанна Моро», но и парходик, который звался «Эльдар Рязанов». Помню, вы еще благодарили Парижский муниципалитет за такой подарок.

Э А Это был розыгрыш, прикол. Сейчас телевизионная техника не знает границ. Вот по распоряжению Алены Красниковой на корму одного из кораблей компьютерщики и впечатали мои имя и фамилию. Этим я хотел укорить наши власти: у нас ходят по Москве-реке безымянные речные трамваи под какими-то номерами. А ведь могли мимо Кремля щеголять «Игорь Ильинский», «Николай Рыбников», «Иннокентий Смоктуновский», «Фаина Раневская», «Анд-

рей Миронов», «Николай Крючков», «Василий Шукшин», а в конце концов и «Эльдар Рязанов». Помню, когда мне во Французском посольстве вручали орден «За заслуги в области изящных искусств и словесности», я не удержался и сказал: «Наверное, меня награждают орденом в порядке компенсации за то, что корабль, который носит мое имя, утонул».

Рязанов:

Как волка ни корми, он все в лес смотрит. Мне кажется, в этой речи вы еще себе кое-что напозволяли. Кстати, поздравляю вас с высокой наградой. Очевидно, во Франции был большой резонанс.

Э А

Не смеште меня. Во Франции никто не видел ни одной программы. Французы даже не подозревают об их существовании. Тем не менее, должно быть, в связи с моим семидесятилетием где-то в парижских кулуарах решили отметить мои усилия. Меня, как мне приятно повторить еще раз, наградили орденом. И год спустя после моего юбилея во Французском посольстве в торжественной обстановке, при стечении замечательной публики, мне вручили этот красивый орден. Пришли Егор Яковлев, Никита Михалков, Ирен Лесневская, Владимир Познер, Армен Медведев, Леонид Парфенов, Константин Эрнст, разумеется, мои жена и дочь и, само собой, вся съемочная группа. У меня, тем не менее, было ощущение, что все это происходит не со мной. Честно говоря, я не мог избавиться от иронического взгляда на всю эту церемонию. Поэтому и ляпнул, что орденом мне компенсируют то, что пароход, носящий мое имя, затонул. Только несколько человек из присутствующих знали о том, что никакого парохода не было. Было озорство, был розыгрыш. Судя по реакции многочисленных зрителей, этот прикол удался.

А кроме того говорил я следующее:

«Обычно, когда награждают человека, всегда существуют две стороны: кого награждают и кто награждает. Вот раньше советское правительство присуждало звание Героя Социалистического Труда таким писателям, как В.Кочетов, А.Софронов, А.Первенцев, Е.Исаев, А.Чаковский, М.Бубеннов, из чего было по-

нятно, что правительство наше ни черта не понимает в литературе. Поощряли преданность, верноподданничество, холуйство. Награждая меня орденом, — скромно закончил я, — французское правительство сделало правильный, достойный выбор, доказав тем самым, что оно прекрасно разбирается в искусстве». Довольный своим баловством, но одновременно чувствуя и искреннюю благодарность, я пригласил всех к столу. Присутствующие потянулись на вкусный банкет, который закатил посол Французской Республики в мою честь. Надо добавить, что всю эту церемонию французы провели 18 ноября, в день моего рождения. Я очень недурно отметил свою 71-ю годовщину.

Рязанов: А не случилось ли вам вдруг ощутить во время интервью, что ваш собеседник мелок или глуповат? Не возникало ли такого чувства — мол, «из пушки по воробьям»?

Э А: Раза два было. Фамилий не назову. Вспоминается старый анекдот: знаменитому певцу сказали: «Послушайте, а вы дурак!» Тот самодовольно улыбнулся и ответил: «А голос?!» Приходилось доводить интервью до конца, стараясь не показать своего истинного отношения к субъекту.

Рязанов: Сколько вы платили актерам, режиссерам за интервью?

Э А: Вообще-то французы слывут скуповатым народом. Почему-то у них сложилась такая репутация. Но в нашем случае никто из «клиентов» не запросил гонорара. У нас денег не было, мы заплатить не могли. И лишь один Ален Делон затребовал кругленькую сумму. В результате с ним программы не было. Долго «динамил» нас Жерар Депардьё. Но не из-за денег, а из-за своего разгильдяйства, необязательности и, очевидно, любви к выпивке. Он так же точно вел себя и со съёмочной группой, где играл. Это не помешало мне испытывать к нему по-прежнему добрые чувства. Отказался один Жан-Луи Трентиньян, без объяснения причин. А Катрин Денев учудила такую штуку. Она дала согласие, был назначен день и час съёмки. И место — встреча должна была про-

изойти в отеле «Лютеция». Мы вымыли нашу телевизионную шею, начепурились и уже было отправились на съемку. Но именно в этот момент раздался звонок, и ее секретарша сказала, что мадам нет в Париже, она в Риме.

Ирен Лесневская — мать президента, руководившая REN-TV и, в том числе, наши чудесные французские приключения

Желание повторить домогательства в ее адрес у нас больше не появлялось. Так что те, кто снимался, делали это бесплатно. Мы подносили каждому (каждой) «Russian souvenir» — пол-литровую бутылку водки и маленькую, 56-граммовую баночку черной икры. Получал согласие французов на съемку исполнительный директор нашей группы Игорь Бортников, умный, образованный, интеллигентный, превосходно знающий французский язык. До встречи с нами он несколько лет проработал представителем «Совэкспортфильма». Великолепно знал

Париж, был знаком со многими деятелями французского кино и к каждому подбирал персональную «отмычку». Помимо этого он исполнял обязанности переводчика, администратора, водителя и гида. Вся эта авантюра, не могу назвать иначе нашу затею, состоялась благодаря Игорю Вадимовичу. Очень помог и российский посол, замечательный мой друг Юрий Алексеевич Рыжов. Нас пускали жить в посольскую резиденцию в центре Парижа, давая каждому члену съемочной группы по отдельной квартирке. Денег с нас, нищих, не брали. А в других городах уже приходилось снимать номера в гостинице.

Рязанов

У многих телезрителей сложилось впечатление, что вы переехали жить во Францию и делаете эти телепередачи уже оттуда, с места постоянного жительства.

Э А

Это были короткие налеты. График был всегда насыщен до предела. В день по «клиенту», так я называл тех, у кого брал интервью. Была, например, такая поездка — за пять календарных дней мы сделали четыре полнометражных программы в двух странах, во Франции

и в Швейцарии. В Париже мы снимали Пьера Ришара, Романа Полански, Клаудию Кардинале, а в Швейцарии помчались к Питеру Устинову. Телепередач, я думаю, было снято около пятидесяти. Из них некоторые двухсерийные, а одна — о Романе Гари — даже четырехсерийная. Иные программы снимались во многих местах, в разных городах.

Игорь Бортникс — продюсер всех наших программ во Франции. А вообще — добрый гений. Именно он нашел персональную «стмычку» к каждой французской звезде. А кроме того, исправно работал переводчиком, носильщиком, администратором, энциклопедическим словарем

И не только во Французской Республике. А если сложить все дни пребывания нашей съемочной группы во Франции, то не наберется и двух месяцев. При этом, начиная с 1995-го по 1998-й, то есть полных четыре года ежемесячно в эфире появлялись «Парижские

тайны Эльдара Рязанова». Для меня это была страшная нагрузка. Ведь в этот период я писал сценарий, снимал комедию «Привет, дураlei!», вообще вел очень активный образ жизни. Со стороны мое житье казалось, наверное, роскошным. Интервью со всемирно известными людьми, встречи в фешенебельных гостиницах, дворцах, шикар­ных апартаментах. Внешне выглядело красиво. Но единственное мое оружие в разговорах с незнакомыми мне французами было — знать о собеседнике досконально все. Только когда они понимали, что я осведомлен чрезвычайно, они раскрывались. Только в этом случае их удавалось, что называется, «расколоть». А для этого надо было знать множество сведений, помнить огромное количество имен и фамилий, не путаться в датах и названиях фильмов. Был еще один нюанс: уйма французских актеров и актрис романились, женились, разводились — это была в общем-то огромная семья, которую связывали или разъединяли не только партнерство в кинокартинах, но и интимные взаимоотношения. Нельзя было допускать промахов

в беседах, называя нежелательные имена, чтобы интервьюируемый не замкнулся, чтобы у него, не дай Бог, не испортилось бы настроение. Поэтому я спал во время этих труднейших командировок всего по несколько

Наша съемочная группа. В центре — душа всей затеи, Алена Красникова, рядом с ней главварь REN-TV — Дмитрий Лесневский (кстати, ему принадлежит и хлесткое название «Парижские тайны Эльдара Рязанова»). Стоят мировые парни: кинооператор Игорь Болотников и режиссер Юрий Афиногенов

часов, непрерывно читал книги, черпая из них нужный материал, смотрел кассеты с фильмами, мне переводили всякие интервью из французской печати, рассказывали сплетни и слухи. И учтите, надо было знать и помнить уйму сведений, но каждый день про кого-то нового! Я читал за завтраком, в микроавтобусе, в поезде, в самолете, перед сном и вместо него, пока меня гримировали и т. д. Я не помню, что в каких городах происходило и в какой стране я, собственно, находился. Невjeroятный калейдоскоп новых лиц, мест, событий. Когда я оставался один на один с новым персонажем и телекамерой, я твердо знал, что ничего о собеседнике не знаю, не помню. Но свойства памяти, во всяком случае, моей, оказывались поразительными — вспоминалось все, каждая строчка, название, кадр, лицо, фраза. А вечером, едучи со съемки, я уже читал о завтрашнем «клиенте». Напряжение было чудовищное. Но был и азарт. То, на что телевидение обычно тратит неделю, мы делали за пару дней. Более чем скромный бюджет, сжатые сроки диктовали нам такой график. Но, с другой

стороны, кто-то умный сказал: «Отсутствие средств спасает от пошлости». Так вот это — про нас...

Расскажите о съемочной группе...

Мотором, вдохновителем, организатором была Алена Красникова. Мне вообще везет на хороших людей, но с Аленой повезло особенно. Она — богатая творческая натура, прекрасно ощущает жанр и стиль, чувствует, где пережим или, наоборот, «провис», недобор. У нее прекрасная фантазия. Она — настоящий руководитель. При этом всегда улыбается, говорит мягко, не повышая голоса. Невероятно доброжелательна, приветлива, обаятельна. Но добивается всего, что требуется для телепередачи. В эти годы у нее в семье было очень тревожно. Тяжело болел муж, ему сделали несколько сложнейших операций, и потом он скончался. Алена отдавала ему все свои возможности и силы, вела себя мужественно и достойно, вызывая у всех нас уважение и восхищение.

Алена Красникова сама монтировала все программы, отсекая неудачное, выстраивала ритм, находила лихие монтажные стыки, умело вставляла фрагменты из фильмов. Ей присущи культура монтажа, культура дизайна, музыкальная культура. И вообще культура. О ней я могу говорить бесконечно и только в превосходной степени.

Верными ее помощниками были талантливый режиссер Юрий Афиногенов, виртуозный оператор, настоящий мастер своего дела Игорь Болотников, превосходный оператор Александр Пугачев, а также редактор Лариса Кашина и директор картины Стас Лукин. Ну, и конечно же, во главе всех моих программ за последние десять лет стоят генеральные продюсеры канала REN-TV Ирен и Дмитрий Лесневские, мать и сын. Ирен Лесневская, создательница канала, конечно, атомная электростанция, при этом обаятельная и женственная.

Всем им я низко кланяюсь, испытывая самую нежную и глубокую благодарность.

Эльдар Александрович Рязанов

Эльдар-TV,

или Моя портретная галерея

Выпускающий редактор А.С.Захаренко

Художник В.Е.Валериус

Художественный редактор Т.Н.Костерина

Технолог С.С.Басипова

Художественная обработка иллюстраций

и компьютерная верстка Н.Ю.Панкевич

П. корректоры В.А.Жечков, С.Ф.Лисовский

Издательство "ВАГРИУС"

129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1

Электронная почта (e-mail): vagrius@vagrius.com

Издательская лицензия № 065676 от 13 февраля 1998 года.

Подписано в печать 02.10.2002. Формат 60 x 84/16. Печать офсетная.

Объем 45 печ. л. Тираж 5000 экз. Изд. № 1874. Заказ № 2669

УДК 882-94
ББК 63.3(8)
РЯ9

ISBN 5-264-00852-3

Охраняется законом РФ об авторском праве.

Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Издательство
"ВАГРИУС", 2002

© Э Рязанов,
автор, 2002

© В Валериус,
художник, 2002

© Ж Робер,
фото на с. 627,
651, 678, 683, 684,
686, 696, 705
Издательство
"Галлимар", 2002

Получить подробную информацию о наших книгах, планах, авторах и художниках, истории издательства, ознакомиться с фрагментами книг, высказать свои пожелания и задать интересующие Вас вопросы Вы можете, посетив сайт издательства в сети Интернет: <http://www.vagrius.com>

Оптовая торговля:

ООО "ИКТФ Книжный Клуб 36 6"

Офис: тел./факс: (095) 265-23-05, 267-29-69, 267-28-33, 261-24-90

Склад: тел. (095) 523-11-10, 523-25-56, 523-92-63

Мелкий опт: (095) 265-81-14

E-mail: club366@aha.ru Интернет: www.club366.ru

Переписка: 107078, г. Москва, а/я 245. ООО "ИКТФ Книжный Клуб 36 6"

Фирменный магазин "36 6 Книжный Двор":

г. Москва, Рязанский переулок, д. 3. Тел. (095) 265-86-56

Доставка по магазинам Москвы: КОРФ "У Сытина"

125183, г. Москва, проезд Черепановых, д. 56

Тел. (095) 156-86-70, факс: (095) 154-30-40

E-mail: shop@kvest.com Интернет: <http://www.kvest.com>

Интернет-магазин: <http://www.24x7.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в Государственном ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московском предприятии "Первая Образцовая типография" Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 113054, Москва, Валовая, 28

ISBN 5-264-00852-3

9 785264 008528

В книге использованы уникальные архивные фотографии.

Издательство благодарит за помощь в подборе
изобразительного материала:

Российскую Государственную библиотеку по искусству;

Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
и лично директора музея И.А.Антонову;

Государственный ордена Почета музей А.М.Горького

(г. Нижний Новгород) и лично директора музея Т.А.Рыжову;

Государственный архив г. Арзамаса;

Госфильмофонд Российской Федерации;

Всероссийскую Государственную библиотеку
иностранной литературы им. М.И.Рудомино;

Библиотеку Киноцентра;

Библиотеку Института кино;

Лично С.Капткина.

Издательство также выражает признательность
за предоставленные материалы из личных архивов:

Л.В.Вертинской, А.А.Вертинской, М.А.Вертинской, К.В.Галлай,

И.Ю.Генс, Т.А.Гердт, Е.Н.Липатниковой, Л.С.Чичибабиной,

М.М.Шемякину.

